

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

LI

1933

ПАРИЖЪ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участии :

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

LI

1933
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Б. Зайцевъ. — ДОМЪ ВЪ ПАССИ.	5
2. М. Алдановъ. — ПЕЩЕРА. Романъ.	46
3. В. Сиринъ. — CAMERA OBSCURA.	105
4. Л. Зуровъ. — ДРЕВНИЙ ПУТЬ.	142
5. К. Бальмонтъ. — СКВОЗНАЯ СЪТЬ. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Стих.	178
6. Н. Берберова. — ИЗЪ КНИГИ «НАШЕ СЕРДЦЕ». Стих.	179
7. А. Ладинскій. — СТИХИ О ЕВРОПѢ.	181
8. В. Шотровский. — СТИХИ О МОЕМЪ СТОЛѢ.	184
9. Вл. Смоленскій. — * *. МОЕМУ ОТЦУ. Стих.	185
10. М. Цвѣтаева. — ДОМЪ. Стих.	186
11. Александра Толстая. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНИИ.	188
12. В. Маяковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	228
13. М. Цвѣтаева. — ИСКУССТВО ПРИ СВѢТѢ СОВѢСТИ.	251
14. А. Ремизовъ. — ЧИНГЪ-ЧАНГЪ.	265
15. Л. Бицилли. — ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА.	273
16. К. Крофта. — ЧЕХИ И СЛОВАКИ ДО ИХЪ ГОСУДАРСТВЕН- НАГО ОБЪЕДИНЕНІЯ.	288
17. П. Милуковъ. — ДВА РУССКИХЪ ИСТОРИКА.	311
18. С. Ивановичъ. — СОЦИАЛИЗМЪ ВЪ КАПИТАЛИСТИЧЕ- СКОМЪ КРИЗИСѢ.	336
19. Г. Федотовъ. — ПРАВДА ПОБѢЖДЕННЫХЪ.	360
20. М. Вишнякъ. — ЧТО ЕСТЬ ПОБѢДА?	386
21. М. В. — ПАМЯТИ А. А. КИЗЕВЕТТЕРА.	398
КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.	
22. С. Гессенъ. — ИТОГИ КУЛЬТУРНОЙ ПЯТИЛѢТКИ.	402
23. Б. Бруцкусъ. — ВЗЛЕТЪ И РАСПАДЪ СОВѢТСКАГО ПЛА- НОВАГО ХОЗЯЙСТВА.	417
24. В. Рудневъ. — КЪ ЮБИЛЕЮ «СОВРЕМЕН. ЗАПИСОКЪ».	431
25. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
А. Бемъ. — Борисъ Пастернакъ: Второе рожденіе.	454
Ю. Терапiano. — Д. Кнуть: «Парижскія Ночи».	456
М. Цетлинъ. — В. Сиринъ: Подвигъ. Романъ.	458

М. Цетлинъ. — Юрій Фельзенъ: Счастье. Романъ.	459
В. Вейдле. — Н. Берберова: Поведительница.	461
А. Бемъ. — Викторъ Шкловскій: Поиски оптимизма.	462
Ю. Сазонова. — Fedor Stepun: Theater und Kino.	464
П. Биццали. — Ф. И. Шаляпинъ: Маска и Душа.	466
К. Мочульскій. — Boris de Schloezer: Gogol.	467
М. Алдановъ. — А. В. Нехлюдовъ: Старые Портреты.	469
Д. Одинецъ. — Histoire de Russie. Par Paul Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. Tome I.	470
А. Кизеветтеръ. — Сборникъ Русскаго Института въ Прагѣ.	473
П. Бруцкусъ. — Die rote Wirtschaft. Probleme und Tatsachen. Ein Sammelwerk herausgegeben von Dr. Dobbert.	474
А. М. — Birmingham Bureau of Research of Russian Economic Conditions. Memorandum N° 1-8.	476
В. Рудневъ. — А. П. Марковъ: Кризисъ сельск. хоз. въ СССР.	477

Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію
« Современныхъ Записокъ ». 479

Домъ въ Пасси

Романъ.

У ПОСТЕЛИ.

Черноглазый мальчикъ, аккуратный и изящный, отворилъ дверь въ комнату Капы. Онъ увидѣлъ полосу свѣта — осенняго, блѣднаго, легшаго на полъ и слегка обнявшаго постель съ голубымъ шелковымъ одѣяломъ. Подъ нимъ лежала Капа (головою къ вошедшему: онъ разсмотрѣлъ только ея затылокъ — сбившійся узелъ свѣтлыхъ волосъ: да полуголую руку, да папиросу — она дымилась струйкою на краю стула).

— Здравствуйте. Вы еще спите? А уже одиннадцать.

Капа повернулась, оперлась на локоть.

Щеки у ней были красны, глаза мутноваты. Низкія надъ глазами брови, точно бы сдавливавшія (сѣрые глаза смотрѣли изъ-подъ нихъ, какъ изъ пещеръ) — приподнялись. Капа улыбнулась.

— Недоволенъ, что я долго сплю?

Рафа заложилъ руки за спину, слегка разставивъ ноги смотрѣлъ на нее — спокойнымъ и благожелательнымъ взоромъ.

— Мнѣ все равно, спите хоть до миди. Но это странно... Мама давно ушла, мы съ генераломъ скоро начнемъ готовить завтракъ, а вы все лежите. На службу надо рано выходить. А то могутъ васъ конжедѣя.

— Ты очень строгій. Строже моего хозяина.

Рафа подошелъ ближе, внимательно всматриваясь.

— Почему-же у васъ щеки красныя?

— Я нездорова.

— Наверно гриппъ, я знаю, мама имѣла гриппъ, у нея тоже были такія щеки.

Онъ вздохнулъ.

— Вамъ нужно доктора. И позвонить на службу.

Рафа стоялъ теперь передъ ней, загораживая свѣтъ, руки въ карманахъ, слегка покачивая голыми, несовѣмъ правильными колѣнками. Въ немъ было спокойное, не вызывающее, но глубокое сознание своей правоты. Спорить тутъ нечего! Онъ показался Капѣ самымъ здравымъ смысломъ, къ ней пожаловавшимъ.

— Да тамъ и телефона нѣтъ.

— Не можетъ быть. На службѣ всегда бываетъ телефонъ.

У Капы болѣла голова. Свѣтъ изъ окна рѣзалъ глаза. Она закрыла ихъ рукою.

— На моей службѣ, правда, нѣтъ телефона.

— Нѣтъ? Ну, я извиняюсь.

— Рафочка, будь добръ, сходи въ бистро, позвони Людмилѣ. Скажи, я больна, прошу зайти. Вотъ тебѣ франкъ на телефонъ. Элизэ, пятьдесятъ два, тринадцатъ.

Подъ затылкомъ у нея нагрѣлось. Она переложила тяжелую голову на холодное мѣсто.

— Номера не забудешь?

— Нѣтъ.

«Онъ не забудетъ... онъ не спутаетъ».

Рафа подошелъ къ двери, отворилъ, остановился и сказалъ:

— А все-таки напрасно у васъ на службѣ нѣтъ телефона.

Притворивъ дверь, вышелъ на площадку — добросовѣстно, какъ и все дѣлалъ, собирався исполнить Капино поручение.

Лѣстница некрутыми маршами спускалась внизъ, образуя пролетъ — довольно просторный. Просторны были и площадки. Рафа зналъ все это наизусть. Сверху, гдѣ

жилъ генераль, падалъ тотъ-же разсѣянный, бѣлесый свѣтъ. Въ двери квартирки матери торчалъ ключъ (какъ и у Капы) — тоже давно знакомое. Да если-бы ключа и не было, Рафа поднялся-бы къ генералу, или къ Валентинѣ Григорьевнѣ, или еще выше, гдѣ жилъ художникъ: все это свой мѣръ, давно привычный. Всякій далъ-бы ему ключъ, всякій ключъ отворилъ-бы дверь.

Онъ держался рукой за перила, спускался неторопясь, погружаясь понемногу въ сумракъ нижняго этажа. Погруженіе Капы отчасти и развлекало его.

Улочка была тихая. Рафа перебѣжалъ ее наискось, къ углуному быстро на рю де ля Помпъ — улицѣ оживленной и опасной. Сюда иной разъ посылалъ его генераль за папиросами, мать за марками и открытками («столько, пожалуйста, осторожнѣй, тамъ такіе автобусы!»). Тутъ его знали. И онъ зналъ: и лѣнивую, нѣсколько сонную хозяйку на стулѣ передъ кассой, и хозяйина, толстаго чело-вѣка, лысоватаго, въ вязаномъ жилетѣ, занимавшагося двумя дѣлами: или онъ пилъ аперитивъ съ навсегда-та, или игралъ въ карты — съ ними-же.

— Не достанешь до трубки, сказалъ Роберъ, худенькій гарсонъ съ гнилыми зубами. — Да и рано тебѣ вызывать дамъ по телефону.

— У меня есть дѣло, отвѣтилъ Рафа. — Дайте, пожалуйста, жетонъ.

Войдя въ душную будку съ надписями на стѣнахъ, снявъ кольчатую металлическую кишку таксифона, Рафа приложилъ къ уху трубку, сказалъ номеръ, и въ далекихъ нѣдрахъ, точно съ того свѣта, перебѣжали голоса барышенъ, передавшихъ заказъ, таинственные значки пронеслись еще куда-то (въ другую бездну), тамъ сухо и негромко затрещала дробь — а потомъ началось... очень простое, къ чему всѣ привыкли, но и очень странное: мальчикъ Рафа, номерами и значками вызвалъ изъ бездонной тьмы Парижа Капину подругу къ телефону.

**

Капа полежала на спинѣ, потомъ перевернулась къ свѣту, открыла глаза. Свѣтъ не былъ особенно радостенъ, но въ окнѣ виднѣлись каштаны — за невысокою стѣной, отдѣлявшей дворъ отъ сосѣдняго владѣнія. Сквозь полублетѣвшіе листья — небольшой домъ, тихій и старомодный, съ зелеными ставнями. Если-бы жить только въ своей комнатѣ, видѣть вотъ такъ каштаны да ветхую крышу, можно бы думать, что и нѣтъ никакого Парижа, порога вселенной, гдѣ обитаетъ эта Капа, мальчикъ, отправившійся говорить по телефону, и другіе люди русскихъ островковъ. А есть только провинціальная глушь. Въ этомъ домѣ съ каштанами живутъ старенькіе французы — Капа немножко знаетъ ихъ — мсье и мадамъ Жаненъ. Усадебка принадлежитъ имъ. Раньше они были зажиточные, а теперь обѣднѣли, и пускаютъ жильцовъ. Тамъ у нихъ тоже русская живетъ, шляпница — ея окно правоугловое. Говорятъ, еще жилецъ переѣхалъ на-дняхъ... да не все-ли равно, какіе Жанены, кто гдѣ комнату снимаетъ... все равно, все равно.

— Ничего не измѣнишь, сказала Капа вслухъ.

Въ это время вошелъ Рафаилъ. Онъ опять стоялъ на порогѣ, со своими голыми колѣнками. Прекрасные его глаза глядѣли съ прежней вѣжливостью.

— Капитолина Александровна, Людмила пріѣдетъ имедиатманъ. У нихъ два часа дается на завтракъ, она возьметъ такси и пріѣдетъ.

Капа мутными глазами на него посмотрѣла.

— Спасибо, здравый смыслъ.

Рафа нѣсколько удивился.

— Вы что такое сказали, я не все понялъ...

— Если-бы была здорова, я-бъ тебя поцѣловала... а такъ ничего, все хорошо. Ты умникъ, все отлично сдѣлалъ.

— Я имѣю еще немного времени. Можно мнѣ у васъ посидѣть?

Капа опять закрыла глаза.

— Можно. Даже хорошо.

Нѣкоторое время она молчала. Рафа сѣлъ у небольшого столика.

— Правда, что у Жаненовъ новый жилецъ? — вдругъ спросила она. — Ты долженъ знать. Ты все знаешь.

Рафа спокойно посмотрѣлъ на нее.

— Правда. И тоже одинъ русскій.

— Ну и что-же еще о немъ извѣстно?

— Больше ничего не знаю. Миѣ говорила *blanchis-seuse. Un Russe bien élevé.*

— Русскіе, русскіе, — пробормотала Капа. — Вездѣ мы, русскіе.

И, помолчавъ, неожиданно сказала:

— Все равно ничего не измѣнишь. Ни-че-го.

При послѣднихъ ея словахъ Рафа посмотрѣлъ на нее, но теперь съ видомъ человѣка опытнаго, взрослога. «Она больная. Спросонку шутится». И взявъ листъ бумаги, началъ выводить разныя закорючки. Лицо его приняло очень серьезное, задумчивое выраженіе. Большія уши розовѣли, просвѣчивая жилками. Онъ слегка отъ усердія посапывалъ. Теръ голыя колѣнки.

Рафа ошибался, думая, что Капа «шутится», но какъ могъ мальчикъ его возраста (хоть и сосѣдъ), знать, что дѣлается въ головѣ этой Капы, невысокаго роста, слегка сутулой дѣвушки, которой лицо казалось ему не очень красивымъ, но глубоко сидящіе глаза, тяжкія, почти сросшіяся брови, глуховатый голосъ и нѣкая внутренняя напряженность вызывали чувство смутное: уваженія, расположенія — но и чего-то несовсѣмъ понятнаго. Ему нравилось, какъ она быстро и рѣшительно спускалась по лѣстницѣ, какъ говорила — негромкимъ и горячимъ голосомъ. Зналъ онъ, что запершись, громко иногда она плачетъ (но не понималъ, почему).

Разъ даже мать его, Дора Львовна, ходила къ ней съ валерьяновыми каплями (и потомъ долго пахло эфиромъ,

противнымъ для Рафы запахомъ). А мать какъ бы про себя сказала:

— Что-же удивительнаго, что одинокую дѣвушку доводятъ до такого...

Можетъ быть, и сейчасъ Капа нѣсколько взволновалась. Можетъ быть, подъ закрытыми вѣками и выступило на рѣсницахъ нѣсколько слезинокъ — но болѣзнь отупляла: просто давила сумрачною дланью.

И когда вошла Людмила, въ комнатѣ было очень тихо: Рафа рисовалъ, Капа лежала на спинѣ, все тотъ-же блѣдный день осенній лился изъ окна — иногда съ гудкомъ автомобиля, съ дальнимъ, раздражительнымъ трамваемъ.

— Видишь, какъ я живо...

Людмила быстро сѣла. Въ самомъ ея вхожденіи, въ томъ, какъ закинула ногу за ногу, скрипнувъ шелкомъ чулокъ, въ худощавомъ, тонко сдѣланномъ лицѣ, въ лодочкѣ на головѣ и манерѣ снимать перчатки съ раструбами, въ струйкѣ духовъ было именно то, что съ великимъ совершенствомъ впитываютъ русскія: не узнаешь на улицѣ, Москва или авеню Монтэнъ.

Капа встрепенулась.

— Спасибо, что зашла.

Рафа, сидя у себя за столикомъ, побалтывая ногами, смотрѣлъ на Людмилу ласково и улыбался. Она обратила на него вниманіе.

— Это ты мнѣ звонилъ?

Рафа всталъ и подошелъ. Застѣнчивая, нѣжная улыбка была на его лицѣ.

— Я

Онъ смотрѣлъ на нее почти съ восхищеніемъ.

— Можно сказать одну вещь?

— Ну, ну...

— Вы очень красивая. И хорошо одѣты. Я люблю, чтобы были такіе изящные чулочки.

Людмила улыбнулась холодноватыми своими, синими глазами — но не очень: чтобы морщинки не набѣгали.

— Капитолина, смотри ты, какого кавалера себѣ завела...

— Это мой сосѣдъ.

— Ну, конечно, здѣсь, въ русскомъ домѣ все у васъ особенное.. Записки на дверяхъ приколоты, ключи торчать... и поклонники десятилѣтніе.

Въ потолокъ сверху постучали.

— Генераль меня зоветь, — сказалъ Рафа. — Я обѣщаль ему помочь чистить яблоки для варенья.

Людмила взяла его за ухо.

— Что-жъ подѣлать, господинъ Донъ Жуанъ. Обѣщаль, такъ иди.

Рафа попрощался съ ней, потомъ подошелъ къ Капѣ, поцѣловаль въ лобъ и шепнулъ:

— А что это Донъ Жуанъ?

— Который красивыхъ любить, — такъ-же тихо отвѣтила Капа.

Когда онъ ушелъ, Людмила встала и прошлась.

— Рѣже приходится видѣться, я какъ будто отъ тебя и отстала.

— Спасибо, что пріѣхала.

— Ну, это что-жъ, пустяки... Да, я давно тутъ не была... бѣдно, все-таки ты живешь. Комнатка маленькая, и обстановка...

— Это ничего.

— Знаю. Все-таки, съ деньгами лучше.

Капа закурила.

— Ты немножко снобкой стала у себя тамъ въ кутюрѣ, — Капа улыбнулась.

— Нѣтъ, не снобка, но хорошую жизнь люблю, это вѣ, но.

— Зарабатываешь попрежнему?

— Да. Теперь я *première vendeuse*. На процентахъ. Тоже надо умѣючи. Убѣдить клиентку, доказать ей, чтобы купила...

— Людмила, пойди сюда... — Капа взяла ее за руку.
— Я рада, что ты пришла. Бодрая такая...

— Ужъ тамъ бодрая или не бодрая, веселая или не веселая, а кручусь. Иначе нельзя. Не люблю задумываться, останавливаться. Начнешь думать, ничего хорошаго не надумаешь. Лучше просто дѣлать. Жить такъ жить. И возможно лучше.

— А я тебѣ еще въ Константинополь надоѣдала...

— Чтò тамъ надоѣдала. Какая есть, такой и всегда будешь. Помнишь, ты больная тоже лежала, а я въ ресторанахъ мѣсто потеряла, и мы голодали. Ты еще мнѣ предложила: свяжемся вмѣстѣ — и въ Босфоръ.

— Мнѣ тогда умереть хотѣлось... и я думала, что намъ выхода, правда, нѣтъ...

— Ахъ, нѣтъ, чего этими кошмарами заниматься. Хорошо, что мы съ тобой еще дѣвками не сдѣлались... Рада бы была, если-бы старый мерзавецъ турокъ, который меня за двѣ лиры купить собирався, глотнулъ бы этого Босфора! — Людмила встала, прошла, подошла къ окну.

— Садикъ, каштаны, довольно мило.

Она стала внимательнѣй всматриваться.

— Постой, этотъ павильонъ фасадомъ на переулочекъ выходитъ?

Капа подтвердила.

— Ну, разумѣется, такъ и есть: я на-дняхъ здѣсь была, только ходъ съ переулка, въ этомъ самомъ домикѣ. Тамъ старички французы живутъ?

— Да. И еще шляпница русская. Ты что-же... шляпу заказывала?

— Нѣтъ, милая моя, я была у новаго жильца, нашего прежняго съ тобой пріятеля, Анатолія Ивановича. Ты развѣ не знаешь, что онъ тутъ поселился?

Капа слегка поблѣднѣла.

— Нѣтъ, не знаю.

— Да, ну ужъ всѣ эти ваши сложности и туманности... Не въ моемъ характерѣ.

— Никакихъ сложностей. Я съ Анатолиемъ Иванычемъ давно не встрѣчаюсь... и ничего нѣтъ удивительнаго... ничего удивительнаго, что не знаю.

Людмила замѣтила знакомыя, глухія нотки въ голосѣ Капы — признакъ, что та начинаетъ сердиться.

— Здѣсь кругомъ сколько угодно русскихъ. Войди въ метро, въ синема... русскій кварталъ... ничего нѣтъ удивительнаго, что Анатолій Иванычъ нанялъ комнату въ домѣ рядомъ съ моимъ.

— Конечно, ничего.

Капа сумрачно помолчала.

— Ты зачѣмъ у него была?

— Написалъ. Просилъ зайти. Я нисколько и не сомнѣвалась. Деньги. Онъ въ большой нуждѣ — естественно. Но такой-же прожекторъ и фантазеръ... Ахъ, раздражаютъ меня эти авантюристы...

— Онъ не авантюристъ. Ну, а фантазеръ...

— Ты за него горой, по обыкновенію.

— Я хочу быть только справедливой, — сухо отвѣтила Капа. — Онъ мнѣ ни свать, ни братъ. Я не имѣю къ нему никакого отношенія.

— И слава Богу. Пора. Сейчасъ-то ему, разумѣется, туго. Однимъ кофе питается. Хозяевамъ задолжаетъ также, какъ и въ предыдущемъ отелѣ. Но теперь, оказывается, у него вексель: три тысячи! Онъ у меня и собираетъ ихъ достать.

— Ты не дала.

— Во-первыхъ, у меня нѣтъ. Второе: если-бы и были, ни за что бы не дала. Пятьдесятъ франковъ — *et c'est tout*. Всѣ эти расчеты, что продать картину греку, двадцать тысячъ получить — чушь! И имѣй въ виду, если ты для него попросишь — тоже не дамъ.

— Удивляюсь еще, какъ ко мнѣ сегодня пріѣхала. Наверно тоже думала, что деньги нужны.

Людмила подошла. Волна легкаго шипра потянулась за нею.

— Ты другое дѣло. Ты свой братъ, мастеровой. Тебѣ бы дала. А ему — нѣтъ.

Капа закрыла глаза, замолчала. Разговоръ какъ-то пресѣкся. Людмила нѣсколько разъ пробовала его завязать — безуспѣшно. Посидѣвъ еще нѣкоторое время, она поднялась.

— Ну, выздоравливай. Миѣ пора. Если что понадобится, пусть этотъ мальчуганъ звонитъ.

Капа осталась одна — въ задумчивости и молчаніи.

ДРУЗЬЯ.

Михаиль Михайловичъ Вишневскій, генераль-лейтенантъ и бывший командиръ корпуса, нынѣ обитающій надъ Капой, проходилъ однажды въ потертомъ лѣтнемъ пальто по переулку — шагомъ правильнымъ, крѣпко неся негнущееся тѣло — съ лицомъ чисто выбритымъ, сѣдыми подстриженными усами: они сдѣлали-бы честь любому маршалу. (Но глаза Михаила Михайловича были слишкомъ русскіе — оттого, можетъ быть, и разстроивала его судьба съ маршальской: онъ собиралъ объявленія для газетки).

На углу своей улицы неожиданно наткнулся онъ на трехъ мальчишекъ — двое съ азартомъ наскакивали на третьяго, черноглазаго, отступавшаго къ забору. Онъ пытался отбиваться, но дѣло его было плохо: вихрастый врагъ съ рыжими веснушками уже далъ по уху, глаза его готовы были налиться слезами и предстояло бѣгство — съ потерей обозовъ и коммуникацій.

Тутъ-то, однако, и появилась изъ-за угла крупная фигура генерала, спокойная, и какъ судьба неотвратимая. Она разрѣзала пространство. Слѣва, у забора, оказался Рафа, справа веснушчатый врагъ и другой, худенькій, черныи, въ школьническомъ беретѣ.

— Колоннами и массаами, — сказалъ генераль. — Прекратить б..... (тутъ онъ прибавилъ сильное военное слово).

Французы слова не поняли, но отскочили. Рафа тоже не понялъ, но почувствовалъ, что подошла подмога. И ослабѣвъ, заплакалъ.

— Мсье... мсье... они всегда ко мнѣ пристають... паршивые.

Генераль всмотрѣлся въ него.

— Ты гдѣ живешь?

Рафа, сквозь слезы, назвалъ.

— Ну, нечего нюнить, идемъ.

И взявъ его за руку, зашагалъ.

— Они... всегда дразнятся... — бормоталъ Рафа, припадая къ старческой рукѣ и чувствуя себя подъ защитой (отъ генералова пальто пахло табакомъ — этотъ мужественный запахъ былъ Рафѣ пріятенъ). Обернувшись, онъ погрозилъ врагамъ.

— Sales gosses! Crétins!

— То-то вотъ и кретэнъ. Они, братъ, можетъ и не такіе кретины. А самому тоже надо умѣть драться. Ты меня знаешь?

— Я... я... (Рафа опять сталъ всхлипывать) — вы на той-же лѣстницѣ, гдѣ мы съ мамой. Мою ма-му... зовутъ Дора Львовна. А вы... недавно переѣхали.

— Правильно.

Генераль тоже легко вспомнилъ черноглазаго мальчика и его мать — крѣпкую, довольно полную брюнетку. Съ утра уходила она изъ дому — занималась массажемъ.

Онъ довель малаго до дому, поднялся съ нимъ до его квартиры. Дора Львовна случайно оказалась дома. На стукъ она и отворила (звонковъ нигдѣ не полагалось: что-бы консьержка по стучу знала, кто къ кому пришелъ).

У Рафы остались еще на щекахъ сохнушіе разводы слезъ, и увидѣвъ мать, онъ снова расплакался. Дора Львовна встревожилась.

— Мсье заступилися... з сии, паршивые... — началъ было опять Рафа.

Михаиль Михайловичъ объяснилъ, какъ было дѣло.

— Очень вамъ благодарна, — сказала Дора Львовна серьезно. — Рафа, ты сейчасъ-же пойдешь мыться. Тамъ зеленое мыло, слѣва на верхней полочкѣ.

И за крѣпкими, бѣлыми руками матери, отъ которой всегда пахло свѣжестью и чѣмъ-то медицинскимъ, Рафа почувствовалъ себя окончательно въ домашней твердынѣ.

Когда онъ вышелъ, Дора Львовна вновь обратилась къ генералу.

— Это въ значительной мѣрѣ моя вина. До сихъ поръ не могу устроить его въ лицей. Онъ и болтается зря. Если-бъ нашелся человѣкъ, которому я довѣрила-бы его подготовку...

Генераль ничего не отвѣтилъ, неопредѣленно фукнулъ.

Но съ этого дня знакомство его съ Рафой завязалось. Михаилъ Михайловичъ рѣдко, больше по сосѣдскимъ дѣламъ заходилъ къ Дорѣ Львовнѣ. А Рафѣ чрезвычайно нравилось стучать въ таинственную (какъ ему казалось) дверь генераловой квартирки — и тихонечко входить въ нее. Комната была обычная, съ хозяйской мебелью, кухонкой, съ окномъ въ тотъ-же садъ, небольшой печуркой. Генераль держалъ все здѣсь въ порядкѣ съ семи утра слышала Капа надъ головой шумъ передвигаемой мебели, генераль все подметалъ до соринки, натиралъ паркетъ, методически обтиралъ пыль — методически чистилъ и обувь, платье, чинилъ его, ни въ чемъ не отступая отъ тѣхъ правилъ, что вошли въ него съ утреннею трубой кадетскаго корпуса.

Но не столъ, не паркетъ, не узенькая кровать занимали Рафу. Весь этотъ высокій, прямой старикъ, какъ будто бы и строгій (а главное — совершенно непререкаемый), былъ нѣкимъ инымъ міромъ, вовсе невѣдомымъ и загадочнымъ. Рафа зналъ, что такое бистро, сольды, термъ, ажаны, — но когда генераль впервые показалъ ему свои ордена (вытащивъ ихъ изъ дальняго ящика комода), онъ онемѣлъ. Красныя ленты, золотыя узоры, изо-

бражения святыхъ, бѣленькій и какъ будто простой крестъ на черно-желтой ленточкѣ (его особенно торжественно показаль генераль, ...гдѣ найдешь это въ Пасси? У какого бистровщика нашего квартала?

Замѣчательными казались также двѣ гравюры въ рамкахъ, на которыхъ были изображены военные. Одинъ въ бѣломъ кителѣ, съ черной бородой, другой въ темномъ мундирѣ и эполетахъ (у этого сильно пробритъ подбородокъ).

А на столѣ? Рядомъ съ чернильницей? Подъ стекломъ фотографія монаха въ бѣломъ клобукѣ, съ огромнымъ посохомъ въ рукахъ. Лицо простое, русское, съ сѣрыми небольшими глазами подъ бровями нависшими, съ тяжелымъ носомъ, сѣдой бородой. На груди не то иконки, не то ордена — Рафа боялся даже разспрашивать. На вопросъ, кто это, получилъ отвѣтъ: патріархъ — непонятное слово, музыкою отозвавшееся въ сердцѣ. Вечеромъ, ложась въ постель и побалтывая голыми ногами, неожиданно, съ мечтательной улыбкой онъ сказалъ матери:

— Патріархъ!

— Зубы вычистилъ? — спросила Дора Львовна.

— Вычистилъ. Я сегодня видѣлъ патріарха.

— Какого патріарха?

— У Михаила Михайловича. Миѣ онъ все объяснилъ. У архіереевъ черные клобуки, у митрополитовъ бѣлые у патріарха тоже бѣлый, но такъ, знаешь, вродѣ платочка или шалочки, и съ обѣихъ сторонъ концы висятъ, какъ полотенца... на полотенцѣ крестъ вышить.

Дора Львовна усмѣхнулась.

— Теперь слушаешься отъ своего генерала.

— Онъ даже очень интересно рассказываетъ.

— Руки сверхъ одѣяла, вотъ такъ, и на правый бочекъ. Потому что съ лѣвой стороны у насъ сердце, и не надо на него надавливать.

— А то что будетъ?

— Будешь видѣть плохіе сны.

Рафа зѣвнулъ, черезъ минуту сказалъ:

— Я хочу видѣть хорошіе. Я хочу видѣть во снѣ патріарха.

Когда онъ теперь подымался по лѣстницѣ отъ Капы, изъ двери генерала вышелъ почтальонъ — и не хлопнулъ ее. Рафа, какъ свой, проскользнулъ безъ стука. Генераль, сухощавый и стройный, въ передникѣ, сквозь пенсне на горбатомъ носу читалъ письмо, держа его довольно далеко. По его разставленнымъ ногамъ, отдувающимся ноздрямъ, легкому подрагиванію рукъ видно было, что онъ взволнованъ. На Рафу не обратилъ вниманія. Тотъ скромно, «съ достоинствомъ», какъ человѣкъ, понимающій, что другъ можетъ быть занятъ, прошелъ въ кухню. Тамъ стоялъ на огнѣ супъ, а на газетномъ листѣ лежали яблоки. Ихъ то и предстояло чистить и рѣзавать: генераль любилъ яблочное варенье (а значить, любилъ и Рафа).

Солнце нѣжно, и не по парижски охватывало мальчишка, сидѣвшаго на табуреткѣ, тихо рѣзавшаго яблоки. Было въ этомъ свѣтлое и мирное, хорошо, что сіяніе задерживалось въ маленькой кухнѣ дома въ Пасси — и быть можетъ, Рафа подъ ковромъ воздушнымъ и свѣтящимся лучше дѣлалъ свое дѣло.

— Молодецъ, — сказалъ генераль, входя. — Занимайся. Люблю аккуратность.

Рафа улыбнулся застѣнчиво, слегка покраснѣлъ. Онъ всегда робѣлъ предъ генераломъ, съ нимъ самоувѣренъ не былъ никогда.

— Сегодня хорошее извѣстіе. Хорошее извѣстіе. Изъ Россіи.

— Отъ большевиковъ?

Генераль весело захохоталъ.

— Нѣ-ѣ-ть, они со мной переписываться не стануть. Да и я съ ними. Я насчетъ Машеньки получилъ письмо. Она сюда собирается. Понимаешь, разбойникъ? А?

Генераль подошелъ къ нему сзади, крѣпкими руками, взявъ за щеки и сталъ дѣлать изъ его лица kota — любимая генеральская игра (когда онъ въ духѣ).

— Ну, ну... — смѣялся Рафа. — Нѣтъ, мнѣ уже больно.

— «Мнѣ уже больно!» — когда ты будешь по русски правильно говорить?

— Почему я сказалъ невѣрно?

— «Уже» — вонъ. Уже вонъ. Просто больно.

— Мнѣ таки и дѣйствительно больно.

Рафа потеръ рукой щеку и вновь принялся чистить яблоки. Генераль разсердился-было на «таки», но предстояло поглядѣть за закипавшимъ супомъ, да и вообще не до чистоты языка. Машенька собирается сюда! Такъ написано въ этомъ письмѣ съ красноармейцемъ на маркѣ. Написано хоть не самую Машенькой (боится переписываться съ отцомъ), но дамой вѣрной, престарѣлою, Машеньку знавшей ребенкомъ. Написано условнымъ (смѣшнымъ для Запада) языкомъ — что подѣлаешь, маскировка, вѣчный страхъ, подъ которымъ живутъ уже годы! Главное: рѣшилась, наконецъ, начать хлопоты. Разумѣется, нужны деньги. Очень понятно. У нея ребенокъ, вродѣ этого, что рѣжетъ яблоки. Воображаю, какъ она тамъ будетъ собирать червонцы!

Генераль сѣлъ съ Рафой, взявъ яблоко, сталъ его чистить. «Питаемся больше картошкой, мяса почти не видимъ. А ужъ особенно трудно съ обувью... Ваня иной разъ въ первую ступень и пойти не можетъ, сапожникъ въ долгъ отказывается чинить, денегъ, разумѣется, нѣтъ, а къ новымъ башмачкамъ не подступиться...»

— Рафаилъ! — сказалъ генераль громко, почти грозно: — мы съ тобой въ послѣдній разъ яблоки чистимъ!

Рафа опасливо посмотрѣлъ на него. Характеръ гене-

рала, его странности онъ зналъ, и теперь полагалъ, что будетъ что-нибудь не совсѣмъ обычное.

— Вамъ не нравится это конфитюръ?

— Нѣтъ-съ, мнѣ яблочное варенье (а не конфитюръ!) очень нравится, но я желалъ-бы, чтобъ и Машенька могла его ѣсть. А для этого-съ...

Супъ кипѣлъ, но перекипать ему не дали. Яблоки кончили, накрыли тутъ-же для двоихъ къ завтраку. Генераль налилъ стаканъ краснаго вина.

— Колоннами и массаами. Трахъ-тара-рахъ-тахъ-тахъ!

Рафа чинно и съ тайнымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на него. Генераловы шутики, выкрики, манера громогласно сморкаться, пощелкивать пальцами сложенныхъ за спиной рукъ — все казалось необыкновеннымъ. Самый завтракъ въ этой кухонкѣ тоже нѣчто особое. Развѣ можно сравнить съ завтракомъ дома? (Гдѣ все такъ разумно и гигиенично).

Напримѣръ, сегодня. Генераль столько рассказывалъ о Машенькѣ, о ея сынѣ, какъ жили они вмѣстѣ въ имѣніи, какъ пришлось ему потомъ бѣжать — на югъ, въ Добровольческую армію — и вотъ сколько уже лѣтъ они въ разлукѣ.

— Но теперь начинается новое, ты понимаешь? Машенька рѣшилась... надо только ходъ найти, чтобы ее выпустили. И деньги! Самое важное. Только это, братецъ ты мой, тайна. Понялъ? Обѣщаешь никому не рассказывать?

— Обѣщаю.

И сейчасъ-же Рафа спросилъ:

— А почему тайна?

— Потому, что если до большевиковъ дойдетъ... ты понимаешь? что Машенька сюда ѣдетъ, къ отцу, вотъ такому, какъ я — то не только ее не выпустятъ, а еще въ Соловки сошлютъ.

Рафа облизнулъ ложку, которой ѣлъ компотъ и спросилъ, что такое Соловки. Генераль объяснилъ. Рафа да-

же поблѣднѣлъ отъ волненія. Значить, ему довѣрено такое... Онъ почувствовалъ себя взрослымъ.

— Я даже мамѣ не скажу. Знаете, у нея столько визитовъ къ разнымъ дамамъ...

Генераль допилъ аджирское свое вино, всполоснулъ литръ подъ краномъ, тщательно его обтеръ, высушилъ, потомъ досталъ изъ жилетнаго кармана монетку и бросилъ въ горлышко. Она со звономъ упала на дно.

— Что это вы... дѣлаете?

— А это, братецъ ты мой, такая будетъ у насъ тайная бутылка. «Фондъ благоденствія». Я туда бросилъ первый полтинникъ. Отъ варенья отказываюсь, курю вдвое меньше, и такъ далѣе — все, что освобождается, идетъ сюда. Полный литръ — чуть не тысяча франковъ... для пріѣзда Машеньки. Понятно? Ну, а теперь отъѣли, пора за урокъ. Что мы читали прошлый разъ? Жилина и Костылина? Ну, и живо, идемъ ко мнѣ въ комнату.

И какъ всегда бывало въ этотъ день, начался урокъ русскаго языка. Рафа читалъ толстовскій рассказъ, генераль слѣдилъ, объяснялъ, поправлялъ ударенія и произношеніе. Но сегодня оба были не весьма внимательны. Генераль думалъ о дочери — никакъ не могъ сосредоточиться на Кавказѣ и горцахъ. Рафа все шарилъ по карманамъ курточки и штанишекъ — генераль, наконецъ, недовольно спросилъ, чего онъ ёрзаеть?

— Это я ничего, такъ...

А когда урокъ кончился, быстро выбѣжалъ къ себѣ въ квартиру, порылся и принесъ новенькую, совсѣмъ сіяющую монетку въ пятьдесятъ сантимовъ. Бутылка стояла въ углу.

— Можно? — спросилъ робко.

Генераль кивнулъ. Потомъ отвернулся. Рафинъ полтинничекъ звякнулъ также.

ДВИЖЕНІЕ.

Дора Львовна происходила изъ богатой еврейской семьи. Училась въ Петербургѣ, на Медицинскихъ курсахъ, но не кончила: полюбила студента технолога и сошлась съ нимъ. Лузинъ былъ настоящій русскій интеллигентъ, довоеннаго времени, типа «какой просторъ». Жаждалъ быстрого установленія земного рая, вѣрилъ въ это и вмѣстѣ съ Дорой Львовной посильно приходу его содѣйствовалъ. Отъ марксистовъ, однако, отдаляло его мягкое сердце. Отъ эсеровъ — несклонность къ террору. Партію онъ избралъ себѣ безобидную — народныхъ социалистовъ. Но тутъ подвернулась нѣкая максималистка товарищъ Люба — и отъ Петра Александровича Лузина остались рожки да ножки. Онъ мучился и рыдалъ, то говорилъ, что одинаково любить обѣихъ, то пытался «выяснить отношенія», то казнилъ себя безнадежно. Дорѣ Львовнѣ чужда была расплывчатость. Послѣ полагающагося количества безсонныхъ ночей, выяснивъ все, что надо, она на седьмомъ мѣсяцѣ беременности отъ него ушла — угломъ треугольника быть не пожелала. Старая Берта Исаевна, мать ея, много по этому поводу плакала. «Ай, Дорочка, Дорочка, вышла бы за хорошаго еврея, ничего бы этого не случилось. Подумать только, беременная...» А отецъ вовсе негодовалъ. Но Дора Львовна домой не вернулась. Родила своевременно Рафу, и въ дальнѣйшемъ потоцѣ была вынесена на западъ. Не такая она, чтобы потеряться и здѣсь! Сначала въ Германіи, а потомъ въ Парижѣ занялась дѣломъ — хоть не на высотѣ прежняго, лишь полу-медицинскимъ, все-таки дававшимъ заработокъ. Дора Львовна кліентуру свою развивала. Ея спокойствіе, нѣкій крѣпкій и достойный тонъ, ощущеніе порядочности и солидности, остававшееся отъ нея, создавали ей хорошую прессу (да и работала она неплохо). Именно въ этомъ году начала даже откладывать, стала мечтать о томъ, чтобы взять

квартиру со своей мебелью, въ новомъ домѣ съ удобствами. О мужѣ ничего не знала, и знать не хотѣла. Она его просто вычеркнула. Жила одиноко, холодновато. Рафу очень любила, но безъ сентимента. Да и не такъ много его видѣла — цѣлый день была въ бѣгахъ. Любила разсматривать старинную мебель въ витринахъ, (кое что, въ Salle Droiot, и покупала, тащила въ Пасси). Иногда ловила себя на томъ, что хочется вкусно поѣсть. «Ну что же, это моя потребность, надо ее удовлетворить», — заходила завтракать въ небольшіе ресторанички у Мадленъ, ѣла устрицы, по-мужки спрашивала сухого бѣлаго вина. Какъ врачъ, прохладно наблюдала за собой. И находила, что въ ѣдѣ нѣсколько выражается ея чувственность. «Конечно, моя женская жизнь слагается ненормально... Нѣтъ еще сорока лѣтъ...» Но ей дѣйствительно никто по настоящему не нравился. Легкія же авантюры она неодобряла.

Нынче вечеромъ, возвратившись домой, Дора Львовна узнала, что больна Капа. По неписанному уставу дома, всѣ русскіе должны были другъ другу помогать въ бѣдѣ и если-бы захворала сама Дора Львовна, у нея тотчасъ бы появилась и Капа, и генераль, и жилецъ сверху. Такъ что въ десятомъ часу она сидѣла у Капы.

— Вашъ сынъ уже навѣщалъ меня, — сказала Капа, слегка улыбувшись. — Я даже немного его эксплуатировала... онъ былъ страшно милъ.

Дора Львовна сидѣла совсѣмъ близко и смотрѣла въ воспаленные, нѣсколько тяжелые и затаенные глаза Капы. «Странная дѣвушка... очень странная»... — и не совсѣмъ даже давала себѣ отчетъ, почему странная. Но такое оставалось ощущеніе.

— Я сына мало вижу. Такъ жизнь складывается. — Что изъ него выйдетъ, не знаю... мнѣ всегда кажется, что я недостаточно на него вліяю.

Капа перевела глаза съ темными, влажными кругами въ сторону — будто не слушала и вовсе не интересовалась

тѣмъ, что можетъ изъ Рафы выйти. Дора Львовна почувствовала это и смолкла.

— Докторъ у васъ былъ?

— Да... Дора Львовна, знаете какое дѣло, — вдругъ сказала она рѣшительно, точно вернувшись изъ того міра, гдѣ только что находилась: — мнѣ нужны деньги.

— Разумѣется, вы нездоровы... Сколько-же? Я могла бы вамъ предложить.

— Нѣтъ, предложить... не вы. Мнѣ довольно много. Посовѣтуйте, гдѣ занять... У васъ есть богатые дома, гдѣ вы массируете. Я могу вексель подписать. За меня на службѣ поручатся.

— А какая сумма?

— Три тысячи.

— Да, порядочно. Лично я не смогу.

— Я и не говорю, чтобы вы, — сказала Капа холодно-вато. — Скажите мнѣ, къ кому обратиться?

— На что вамъ такія деньги?

— Нужны.

— Именно три тысячи?

— Именно.

Дора Львовна задумалась. Конечно, среди клиентокъ ея много состоятельныхъ, есть и очень богатая, для кого три тысячи не деньги. Но не деньги лишь для себя. Дать же взаймы такой Капѣ... Дора Львовна слишкомъ хорошо знала жизнь, слишкомъ ясно сознавала и свое положеніе (среднее пропорціональное между учительницей музыки и шофферомъ), чтобы вѣрить въ успѣхъ. Но добросовѣстно перебирала въ умѣ фамиліи и имена. Гарфинкель? — не вернулись еще изъ Сенъ-Жанъ де Люсь. Олимпиада Николаевна? Жалуется на плохія дѣла... и вѣчная возня съ польскимъ имѣніемъ... Эйзенштейнъ? — выдаютъ дочь замужъ, сошлются на расходы... Трудно, трудно.

— Что-же, вы хотите на югъ, что-ли, съѣздить, полѣчиться на эти деньги? — спросила она — просто чтобы

дать выходъ нѣкому недовольству. — Или собираетесь зимнюю вещь шить?

— Эти деньги мнѣ необходимы.

Лицо Капы приняло упорное, нѣсколько даже непріятное выраженіе. «Да, характерецъ... не скажетъ, разумѣется, ни за что».

Дора Львовна не любила никакихъ душевныхъ угловатостей. Ее нѣсколько раздражали даже такія, какъ она считала «дефективныя» черты. Но въ ней сидѣлъ и врачъ, спокойный наблюдатель человѣческихъ несовершенствъ. Врачъ зналъ, что на «дефективныхъ» нельзя сердиться. Она пересилила себя — и въ ту-же минуту нѣчто сверкнуло въ ея мозгу.

— Знаете, вернулась изъ Америки Стаэле...

— Неужели?

Капа оживилась.

— Вызвала меня пневматичкой. Я у ней уже была, работала. Но она нисколько не худѣетъ. Все такая-же полная. Да вѣдь вы ее хорошо знаете... Однимъ словомъ, все такая-же, несмотря на режимъ. И такая-же восторженная. Обратитесь къ ней, попробуйте... скажите, что вамъ на леченіе нужно.

— Стаэле... Я ее такъ давно не видала. Что-же она дѣлаетъ теперь?

Дора Львовна усмѣхнулась.

— Чего вы хотите отъ милліонерши. Что вздумается, то и дѣлаетъ. Хорошо еще, что у ней сердце доброе. По крайней мѣрѣ, не всѣ деньги зря тратитъ. Въ Америкѣ пріютъ для негритянскихъ дѣтей устраивала, теперь у нея, кажется, совсѣмъ нелѣпыя идеи, но ничего, можетъ быть, и удастся направить ее въ разумное русло.

«Разумное русло», бессмысленно повторила про себя Капа. «Разумная Дора... она всегда все дѣлаетъ разумно». И молча смотрѣла на крѣпкія, бѣлыя руки Доры Львовны. «А я все неразумное... но безразлично, къ Стаэле я пойду».

Дора Львовна сидѣла прочно, удобно въ креслѣ (она имѣла особенность: такъ сидѣть, такъ стоять, такъ спать въ постели, будто сдѣлано это разъ навсегда — солидно и никакъ не опрометчиво). Она рассказывала, что теперь г-жа Стаэле увлекается древне-византійской живописью и носится съ особенною мыслью: купить у турецкаго правительства право на расчистку одной мечети, гдѣ подозрѣваются раннія фрески.

— Въ сущности, вы, какъ хорошо ее знающая, могли бы извлечь изъ нея и нѣкоторую пользу для эмиграціи. Всюду столько нужды. Дѣтскіе пріюты, убѣжища для престарѣлыхъ, вмѣсто этихъ нелѣпостей съ турецкими мечетями... «Началось разумное... и доброе, и полезное», думала Капа, все бессмысленно глядя на Дору Львовну. «Ничего, она честная массажистка и членъ разныхъ обществъ. Такъ и надо. Она и поможетъ. Устроитъ. На такихъ міръ держится... А я свое сдѣлаю. Я не такая добрая, на бѣженскія дѣла мнѣ наплевать, но я сдѣлаю. Свое сдѣлаю. Хочу, и сдѣлаю».

— Спасибо, — сказала она. — Мнѣ только нужно теперь выздоровѣть. Я непременно схожу къ Стаэле.

**

То, что предлагала Дора Львовна, могла бы сообразить Капа и сама. Но Стаэле вела настолько кочевую жизнь (нынче въ Америкѣ, завтра въ Сиріи, а тамъ въ Копенгагенѣ), что Капа не считала ее здѣшной. И когда мысленно прикидывала, къ кому обратиться, о ней не подумала. Впрочемъ, были причины и особыя... О той половинѣ жизни своей она не любила вспоминать. Но теперь Дора Львовна какъ бы разбудила ее. Въ пріоткрытую дверь былое поползло. Капа разволновалась. Если-бы Дора Львовна, мирно спавшая сейчасъ въ своей прохладной и гигиенической постели знала, что у Капы даже температу-

ра повысилась, врядъ-ли осталась бы она довольна. А Капа вертѣлась, вспоминала, разъ поднялась даже, подошла къ окну и посмотрѣла въ садъ. Было темно. Каштаны иногда шелестѣли подъ ниспадавшимъ вѣтромъ, да на Эйфелевой башнѣ, виднѣвшейся въ узкой полоскѣ межъ крышъ, пробѣгали таинственные нервные сигналы: голубовато-зеленое струеніе, а надъ нимъ вдругъ грозно мигалъ красный глазъ. Спать всѣ, кромѣ ночи да дьявола. Легкое зарево Парижа надъ полуоблѣтѣвшими деревьями — трепещетъ, тоже имѣетъ двусмысленное выраженіе. Да и вся тьма эта полна неблагожелательнаго, мрачнаго. Ахъ, если-бъ можно было прижаться къ комунибудь, если-бъ не вѣчное это, проклятое одиночество!

Она вдругъ разсердилась и на Анатолія Иваныча. Зачѣмъ, собственно, онъ поселился тутъ подъ самымъ ея носомъ? Ну ладно, было и было, да ничего больше нѣтъ, она и видѣтъ его не хочетъ — а вотъ нужно почему-то здѣсь постоянно о себѣ напоминать...

Капа вернулась на постель озябшая, ее знобило и она была почти зла. Мысленно послала даже къ чорту и Анатолія Иваныча и Стаэле.

Не такъ легко было заснуть, не такъ легко и спалось. Но утромъ сразу оказалось, что ничего ей болѣе не интересно, кромѣ этого. Жизнь, служба, болѣзнь — полусонъ, полупрозябаніе. Одно настоящее. Одно нужное — и теперь изъ-за случайныхъ словъ Людмилы, Доры Львовны, жизнь вновь направляется въ неожиданную сторону.

Поскорѣ выздоровѣть, и бѣжать... Туда, пока Стаэле не уѣхала.

И нѣсколько дней-ночей мигнуло незамѣтно: въ дняхъ — зашелъ докторъ, навѣстилъ генераль, Рафа, Дора Львовна. Въ ночахъ — тяжелый сонъ и зарево Парижа.

Очень тихое утро, сѣро, влажно. Оставшіеся на каштанахъ листья совсѣмъ буры — такъ намокли, что по временамъ падаютъ съ нихъ капли. Блестятъ асфальтовые мостовыя. Шофферы медленнѣй шуршатъ по нимъ: изъ опасенья поскользнуться. Но самъ изящно-сѣрый Парижъ авеню Викторъ Гюго ведетъ вѣчный свой круговоротъ — въ непрерывномъ потокѣ прохожихъ, скользящей волиѣ машинъ, въ залахъ сырости, бензинового дымка, дамскихъ духовъ.

Мимо Прюнье проходитъ Капа, еще не совсѣмъ оправившаяся, съ глубокими подглазниками, къ Этуали. Вокругъ Арки безсмѣнное движущееся кольцо. Все въ одномъ направленіи, вѣчно куда-то ввинчиваясь, бѣгутъ автомобили, сколько ихъ, куда — но не остановишь, безъ конца, безъ начала льются...

Капѣ все здѣсь насквозь знакомо. Вотъ трехэтажный дворецъ съ садикомъ, вотъ rue Tilsitt — Стаэле тутъ недалеко, въ улицѣ близъ этой карусели-Этуали.

Тяжелая калитка, гравій, мокрые кусты, окна зеркальныя... И глициніи подъ окномъ — и ея собственное окошко, въ третьемъ этажѣ, рядомъ съ комнатою прислуги. Къ этой самой калиткѣ подавалъ года два назадъ Анатолій Иванычъ, въ бѣломъ кожаномъ пальто и черной фуражкѣ тяжело-легкій автомобиль: темный, блестящій, съ зеркальными стеклами, куколкою внутри и букетомъ фіалокъ. вмѣстѣ со Стаэле выходила она — Капа тогда была лучше одѣта, но скромно... какъ *mademoiselle de compagnie* и учительница русскаго языка. Фантастика, фантастика!

Но теперь безъ фантастики позвонила — отворила сухая, застарѣлая горничная съ каменнымъ лицомъ. Капа передала карточку.

— Мадемуазель пьетъ кофе. Вамъ придется подождать.
«Знаю, что пить. Десять часовъ — все то-же». Капа

проходить въ сѣрую гостиную, садится подѣ голубой вазой съ золотыми разводами. Обстановка — свѣтлый модернъ. Со стѣны глядитъ все тотъ-же Вламэнкъ (мрачный осенній пейзажъ съ лужами), такъ-же все въ чистотѣ слѣпительно, безмолвно, музейно. Зеркальное окно полно серебрянаго свѣта — заливаетъ онъ кустъ мелкихъ розовыхъ цвѣтовъ, предѣ окномъ стоящихъ. Дверь въ столовую пріоткрыта. Знакомый женскій, слегка заикающійся голосъ:

— Но я х-хочу еще яйцо...

Другой, тоже женскій, методическій и нѣсколько суровый... неразборчиво, но, видно, отрицательно.

— Миѣ ма-мало одной чашки и яйца.

— Вамъ по режиму утромъ можно только яйцо, безъ хлѣба. А вы ужъ столько съѣли! И еще съѣдите два яйца, если вамъ позволить.

— Да я просто, я не-хочу никакого режима!

— Зачѣмъ-же было заводить его?

— Я ду-думала, что похудѣю, но ни-исколько не худѣю, а только порчу себѣ настроеніе...

Капа усмѣхается.

«Все то-же. Прежде я ее окорачивала, теперъ другая. И такъ-же все безуспѣшно». Голоса умолкли, слышится звукъ отодвигаемаго, въ сердцахъ, стула. На порогѣ г-жа Стаэле.

Съ тѣхъ поръ, какъ Капа ее не видѣла, она еще пополнѣла. Шеи совсѣмъ не стало. Голова, какъ на блюдѣ, лежала на груди и плечахъ. Отъ красныхъ щекъ, еще бѣлѣе казались простые, добрые глаза. Видимо, не такъ легко и ногамъ двигаться. Сейчасъ явно была она не въ духѣ.

— А, это вы...

Она подала ей очень маленькую, несоотвѣтствующую туловищу ручку.

— Вы куда-то совсѣмъ пропали. Вы похудѣли.

«Завидно!»

— Хворала. Только что съ постели поднялась.

Стаэле сѣла въ кресло, гдѣ было ей тѣсновато. Кон-

чики ногъ попробовала скрестить — ничего не вышло — это нѣсколько тоже ее разстроило.

— А гдѣ-же мсье Анатоль? Онъ тогда такъ внезапно покинулъ мой д-домъ...

«Ну, вотъ теперь еще я за него отвѣчаю». Капа, когда шла сюда, то считала, что просто попросить для себя помощи — по старой памяти. Но сейчасъ, частію по капризу, частію въ приливъ раздражительной дерзости, мгновенно перемѣнила планъ. Именно потому, можетъ быть, что это неразумно, она и брякнула:

— Мсье Анатоль былъ тяжело боленъ. Онъ переутомился. Сейчасъ безъ работы. Ему надо на югъ, въ хорошія условія...

Раздраженіе выступило на лицѣ Стаэле. Она нервно стала постукивать носкомъ туфли.

— И вотъ онъ посылаетъ васъ... просить у меня денегъ... Это всегда такъ. Не звонятъ, не заходятъ... явятся лишь когда нужны деньги.

Капа поблѣднѣла.

— Онъ меня не посылалъ. Я сама къ вамъ обращаюсь... вы вѣдь добрый человекъ.

— Д-добрый, доб-рый...

— Я не знаю, почему онъ не давалъ вамъ о себѣ знать. Вѣроятно, просто думалъ, что вамъ неинтересно. Но сейчасъ дѣло ясное. На поѣздку и отдыхъ нужны три тысячи. Могли-ли бы вы дать ему ихъ?

Капа старалась сдерживаться, но голосъ ея звучалъ все глуше. Лицо Стаэле покрылось пятнами. Губы вздрагивали.

«Какая нервная! А говорятъ еще, что мы нервны!»

Стаэле встала, тяжело переваливаясь тѣломъ.

— Я не могу дать вамъ этой суммы... у меня с-сли-шкомъ много расходовъ.

И продолжая волноваться, слегка заикаясь, объяснила, что ее осаждаютъ со всѣхъ сторонъ, и если она будетъ удовлетворять всѣ просьбы, то скоро останется безъ

гроша. Кромѣ того, у нея сейчасъ огромное дѣло: переговоры съ турецкимъ правительствомъ насчетъ мозаикъ.

Капа поднялась тоже. Когда она подходила къ двери, Стаэле вдругъ остановила ее.

— Оставьте мнѣ свой ад-д-ресъ...

Капины провалы подѣ глазами, мрачный блескъ самихъ глазъ и тоже нервное подрагиваніе губъ — точно бы немного смутили ее.

— Для чего адресъ? Я только раздражаю васъ. Это понятно. Бѣдные всегда раздражаютъ богатыхъ.

Стаэле еще больше разволновалась.

— Вы не-несправедливы... Вы знаете, что я очень много... помогаю, и нисколько на бѣдныхъ не раздражаюсь.

— Адресъ мой на визитной карточкѣ, которую вамъ подали.

— Я по-смотрю... можетъ быть, мнѣ и удастся что-нибудь...

«Да ну ее къ чорту»... — Капа спускалась въ сдержанно-гнѣвномъ настроеніи.

На улицѣ нѣсколько поостыла, хоть неприятное ощущеніе вглуби сидѣло. Почему эта Стаэле обязана давать деньги? Что ей Анатолій? Бывшій шофферъ, правда, интеллигентный и, какъ рѣдкость, забавный... несовсѣмъ ловко исчезнувшій. Никакихъ о себѣ вѣстей не давалъ, а потомъ вдругъ, пожалуйста.

Наступилъ полдень, *midì*, знаменитый часъ, когда банки, конторы и магазины по таинственному значку выливаютъ бойкое и живое человѣчество. Капа спустилась въ метро. Съ ней спускались такія-же дѣвушки, на подземныхъ перекресткахъ Жоржи ждали Жюльетъ, нѣжно цѣловались и бѣжали къ ближайшему поѣзду. Въ людскомъ множествѣ всѣ Жоржетты казались похожи на всѣхъ Жюльетъ и всѣ Эрнесты на Жюлей. Въ теплой живой толпѣ, ея несомая, съ нею дышащая, Капа спускалась, подымалась летейскими коридорами, полными человѣчьяго дыханья, тепло-влажно-пыльнаго воздуха. По подзем-

нымъ путемъ въ переполненной ладѣ неслась въ даль смутную, гулкую. Сотни чужихъ мыслей, чувствъ и желаній прошли сквозь нее, и ея собственныя чувства, незамѣтно для нея, измѣнились. Сонь была уже Стаэле и ея паркетъ, и Вламэнкъ. Завтра надо самой на службу — вотъ въ такой толчѣѣ утромъ летѣть въ одинъ конецъ, вечеромъ въ другой. Не дала, такъ не дала. А чулки эти придется подштопать, это ужъ очевидно.

...Она благополучно доѣхала и обычно докончила день — одинъ изъ многихъ одинокихъ своихъ дней. И когда менѣе всего думала о Стаэле и даже объ Анатолиі Ивановичѣ, къ ней заявила та-же застарѣлая горничная съ письмомъ. Стаэле писала, что просить ее извинить: утромъ была разстроена и несправедливо рѣзка. Осмотрѣвшись, нашла, что и просьбу можетъ исполнить. Прилагался чекъ на три тысячи.

«ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЪТЕРЬ»...

Изъ окна было видно, какъ мсье Жаненъ, сухенькій старичекъ въ туфляхъ и старомъ, засаленномъ рединготѣ, безъ воротничка, вынесъ тазикъ золы и проходилъ наискось черезъ дворъ: тамъ у него кусты крыжовника, онъ иногда подсыпаетъ туда пепель и угольки изъ печурки. Капа спрятала въ сумочку три тонкихъ, слабо хрустѣвшихъ лиловыхъ бумажки. Ей предстояло спуститься по лѣстницѣ, взять за уголь мимо бистро, откуда говорилъ Рафа по телефону, войти чрезъ калитку во владѣніе Жаненъ, это не болѣе ста шаговъ. Но тогда — все другое: ея домъ, ея комната, генералово окно, квартирка Доры Львовны вовсе по иному представляются отсюда. Она можетъ видѣть себя и «своихъ» со стороны. И дѣйствительно, когда вошла подъ тѣнь каштана (едва хранившаго послѣдніе свои листы), вдругъ вспомнила Людмилу, какъ та не сообразила, что вѣдь это рядомъ съ Капой.

Въ новомъ мѣрѣ подошедшему съ тазикомъ старичку сказала она, кого желаетъ видѣть. Горбоносый старичекъ кратко, но любезно указаль.

Капа поднялась въ первый этажъ (по узенькой французской лѣсенкѣ). Ей представлялось, что идетъ она просто такъ, къ человѣку чужому, малознакомому, застегнувшись душевно, какъ застегнуть на ней не первой свѣжести темненькій костюмъ. Нѣсколько сугулясь, постучала въ дверь.

— Entrez!

Начался еще третій мѣръ. Небольшая комната съ окномъ въ переулочѣ, довольно свѣтлая, съ каминомъ и зеркаломъ въ золотой рамѣ надъ нимъ — съ часами на подзеркальничкѣ, все какъ полагается въ истинно-французскомъ старомъ домѣ. Но не полагается, чтобы на подзеркальничкѣ лежали галстухи, воротнички. Странны также кораблики — искусно сдѣланные — на шкафу: бриги, фрегаты въ парусахъ, точно модели изъ музея мореплаванія. Страненъ столъ у окна — простой, вродѣ кухоннаго, застланный толстымъ сукномъ. Когда дверь отворилась, сухощавый, высокий, съ небольшой лысиной человѣкъ безъ пиджака склонялся надъ столомъ, спиной къ окну: въ великомъ прилежаніи разглаживаль штаны, слегка дымившіеся. Увидѣвъ на порогѣ Капу, тоже ощутилъ новый мѣръ, и не сразу оторвался отъ портновскаго. Держа утюгъ, остановившимися голубоватыми глазами глядѣль на дверь. Потомъ улыбнулся — улыбкой милою и почти дѣтской — утюгъ поставилъ на подставку, легкими молодыми шагами подошелъ къ Капѣ, протянувъ впередъ руки.

— Очень радъ... тебя видѣть.

Капа молча подала руку. Онъ ее ласково поцѣловаль. Поднявъ голову, не выпуская руки, все улыбаясь, неподвижно смотрѣль на нее. Что-то очень далекое, щемящей нѣжности и очарованія вдругъ ощутила она.

— У тебя такой видъ, будто ты хочешь спросить: зачѣмъ пришла? — да не рѣшаешься.

Анатолий Ивановичъ сѣлъ на сомье, Капъ пододвинулъ стуль.

— Нѣтъ, я ничего, — сказалъ простодушно, все продолжая на нее глядѣть прозрачными, голубоватыми глазами. — Ты такъ... очень неожиданно... мы вѣдь давно не видѣлись.

«Все такой-же.. Нѣтъ для него времени».

— Анатолий, какъ ты живешь?

— Вотъ, и живу, ты видишь... — онъ неопредѣленно провелъ рукою по воздуху, будто указывая на свою комнату, обстановку, строй жизни. — Разумѣется, Капочка, туговато... теперъ времена трудныя.

Онъ опять съ ласковостью и упорствомъ уставился ей въ глаза.

— Времена трудныя, Капочка, всѣ дѣла въ застоѣ.

— Да ужъ ты такой дѣлецъ...

Онъ нѣсколько оживился.

— У меня дѣлъ много, ты не думай. Но все неудачи. И съ кораблями слабо — онъ указалъ на модель брига на шкафу. — Единственно, что могу еще продавать, это маленькія яхточки, для тюльерійскаго прудка, знаешь, тамъ въ наемъ дѣти берутъ. Да это все мелочи, пустяки платятъ. А серьезная работа, фрегатъ, линейный корабль, никого болѣе не интересуеть.

«Все то-же полоуміе...» Капа помнила это еще по Константинополю. Анатолий Ивановичъ въ бѣженство вывезъ цѣлый чемоданъ моделей, инструментовъ, бичсвокъ для оснащиванія... и никогда съ нимъ не разставался. Отпрыскъ стараго рода, служившій прежде по дипломатическому вѣдомству, обожалъ онъ корабли. Съ удивительнымъ искусствомъ строилъ ихъ самъ, читалъ книги по кораблестроенію, въ портовомъ городѣ нельзя было оторвать его отъ набережной.

— Третьяго дня былъ я на Монмартрѣ у одного грека, въ особнякѣ... знаешь, рю Ларошфуко. Кападопулось. Ахъ, Капочка, какой особнякъ... тамъ у него и фарфоръ

старинный, и табакерки, и картины. Мы съ Сережей Друцкимъ продаемъ ему одного Фрагонара... Если выйдетъ, я тебя у Ларю завтракомъ угошу. Или у Прюнье. Ты устрицы любишь? Да, помню, любишь... Капа, когда мы продадимъ ему Фрагонара, то всѣ вмѣстѣ поѣдемъ: я, ты, Сережа. Но знаешь, не завтракать. Нѣтъ, лучше обѣдать, а потомъ въ дансингъ. Меня недавно одинъ знакомый угощалъ... недалеко отъ Люксембургскаго сада. Ты... ты, Капочка, представить себѣ не можешь, какой тамъ поросенокъ.

Анатолій Иванычъ совсѣмъ развеселился. Видимо, и Фрагонаръ, и Ларю, и поросенокъ люксембургскій уже лежали въ карманѣ.

— Или-же можно устроить такъ. Пока тамъ еще мы продадимъ греку картину, но вотъ около авеню Викторъ Эмманюэль я знаю одинъ ресторанчикъ — это ужъ совсѣмъ дешево... замѣчательныя мули и креветки. Да. Кварталь дорогой, но это простенькій ресторанчикъ, вродѣ бистро. Называется *Tout va bien*... а? Какъ хорошо называется! *Tout va bien* — все великолѣпно!

Анатолій Иванычъ раскрылъ свой большой ротъ съ изящнымъ, волнистымъ очертаніемъ — и захохоталъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Мы туда непременно поѣдемъ, Капочка. Хозяинъ бретонецъ, черненькій такой, худощавый... и получаетъ мули каждый день изъ Бретани. Онъ меня любитъ! Ты знаешь, — лицо Анатолія Иваныча вдругъ стало серьезнымъ, глаза остановились на Капѣ: онъ мнѣ всегда кредитъ оказываетъ. Мы можемъ придти, позавтракать, и ничего не заплатить!

Капа молчала. Точно-бы повернулось въ ней нѣкое колесо, возвратило года на полтора назадъ. И ничего не было! Для него — ничего не произошло. Все такой-же, будто вчера разстались. То, что происходило съ ней, жила она или умирала, этого онъ не зналъ, да и не интересовался. Все то-же, что было въ Константинополь, что

было у Стаэде. Все такъ-же ласковъ, миль. Такъ-же ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ Фрагонарровъ и кораблей, рестораторовъ и фантастическихъ грековъ, которые яко-бы могутъ его обогатить, и все тѣ-же глаза, тѣ-же руки...

— Что-же ты не спросишь, какъ я жила? Все про рестораны...

— Да, Капочка, ты... вѣдь, дѣйствительно, мы давно не видались. Ты какая-то блѣдненькая...

Онъ взялъ ея руку, погладилъ и поцѣловалъ. Потомъ опять погладилъ.

— Ты тогда такъ внезапно исчезла... онъ смотрѣлъ на нее расширенными глазами, точно, правда, былъ очень удивленъ и пораженъ, что она отъ него ушла.

Капа закрыла лицо руками. Тѣло ея стало слегка вздрагивать. Она вынула платочекъ, приложила къ глазамъ. Другой рукой сжала руку Анатолия Ивановича — жестомъ вѣковѣчнымъ, женскимъ жестомъ любви, прощенія, отданія.

— Ты... нарочно снялъ комнату рядомъ съ моею? Знаешь, что я живу черезъ дворъ?

— Да, Капочка, да...

Анатолий Ивановичъ заранѣе не придумалъ, что сказать, и мгновеніе находился въ нерѣшительности. Но только мгновеніе: съ обычно-нѣжнымъ лукавствомъ тотчасъ-же все сообразилъ.

— Я слышалъ, Капочка, что ты гдѣ-то здѣсь поблизости. И у меня, знаешь, было такое чувство — онъ широко раскрылъ глаза, точно выражая ими нѣчто таинственное и сложное: — что какая-то сила именно сюда меня влечетъ, вотъ такъ и тянетъ...

Капа продолжала плакать. Она знала, что онъ лжетъ, но пріятно было, что именно такъ лжетъ — ласково и благосклонно. Въ сущности, что она ему теперь? Бывшая подруга, отравлявшая жизнь ревностью, мученьями. И теперь едва влачащая существованье. Нѣтъ, въ эту минуту онъ безкорыстенъ.

Капа сунула платочекъ въ сумку и рука ея наткнулась на хрустящiе билеты. Черезъ минуту, нѣсколько овладѣвъ собою, сѣла прямо и защелкнула сумку.

— Расскажи мнѣ, какъ ты это время жилъ.

Анатолий Ивановичъ заморгаль глазами.

— Вотъ такъ и перебивался, Капочка. То что-нибудь продавалъ... картины... разъ мнѣ брилліантовое кольцо удалось перепродать... И раза два, знаешь, я продалъ маленькій бригъ собственного издѣлія, потомъ каравелу... я точно такую сдѣлалъ, на какой Колумбъ Америку открылъ. Одинъ португалець купилъ.

— Португалець... откуда-же ты его досталъ?

— Такъ, я встрѣчался...

Капа знала, что всегда у него были какіе-то таинственные знакомые, и дѣлая занавѣшенная часть жизни, куда ни проникнуть нельзя, ни разузнать ничего. Онъ или отмалчивался, или переводилъ разговоръ. На этотъ разъ она сразу рѣшила, что португальца подсунула ему Олимпиада. «У этой коровы всегда какіе нибудь португальцы...»

Настроеніе стало мѣняться — точно послѣ мартовскаго парижскаго солнышка налетѣла (тоже краткая, но непріятная) тучка-жибулѣ.

— Ну, а теперь какъ? Правда, что тебѣ очень трудно?

Анатолий Ивановичъ взялъ ее за руку и расширилъ глаза.

— Очень, Капочка. Такъ трудно, знаешь-ли...

Онъ снялъ руку и одной ладонью, какъ ножомъ провель по другой, точно срѣзая, или счищая.

— Какъ никогда. Платить за комнату нечѣмъ, долги, и даже вексель... главное, французъ. Онъ, Капочка, все, что у меня есть, опишетъ.

— Что-же можно описать у тебя, кромѣ штановъ?

— Онъ опишетъ...

«Ничего не опишетъ, разумѣется, но дѣла плохи, нѣтъ сомнѣнія. И теперь дура Капитолина должна выплывать... тоже бригъ парусный».

Она вздохнула, вынула изъ сумочки лиловые билеты. На лбу означились двѣ вертикальныя морщинки. Сѣрые глаза тяжело блестя изъ глубокихъ гротовъ.

— Мнѣ Людмила сказала, что была у тебя.

— Да, Людмилочка... — Да, заходила...

— Заходила... Ты ее самъ звалъ. Ну, однимъ словомъ, я все знаю. И достала денегъ. Вотъ, бери.

— Это... мнѣ?

Глаза его съ волненіемъ остановились на билетахъ. Къ деньгамъ было у него восторженное отношеніе. Онъ ихъ обожалъ. Они давали ему полетъ, развязывали фантазію. Онъ не могъ хранить деньги — они утекали отъ него. Если шли къ нему, то по вольной ихъ волѣ, онъ не зазывалъ. Никогда въ потѣ лица не зарабатывалъ денегъ Анатоій Ивановичъ. Но поддавался имъ. И сейчасъ голодный блескъ глазъ его ударилъ по Капѣ, сгустивъ тучку-жибузъ.

— Да, тебѣ, безъ отдачи.

На мгновеніе взоръ его почувствовалъ тучку. Умоляющее выраженіе въ немъ мелькнуло. Но восторженность взяла верхъ. Поблѣднѣвъ, протянулъ руку. И холодокъ, нервнымъ содраганіемъ, прошелъ къ сердцу.

— Ну, вотъ, — сказала Капа глухо: — теперь не опишуть.

Онъ бессмысленно повторилъ:

— Теперь не опишуть.

Капа встала.

— До свиданья.

— Куда-же ты, Капочка?

— Домой.

— Почему-же, такъ скоро...

— Нужно.

Капа медленно, и тоже взволнованно, надѣвала перчатки — ей нравилось, что вотъ какъ настоящая дама надѣ-

ваеть она ихъ (а внизу ждетъ автомобиль!), что уходитъ подь занавѣсъ.

— Если захочешь меня видѣть, вечеромъ я чаще всего дома.

Поднимаясь къ себѣ по лѣстницѣ, шагомъ быстрымъ и сосредоточеннымъ, она услышала голоса, съ площадки у генераловой квартиры. Увидѣла голыя колѣнки мальчика, опершагося на перила, и край черной рясы.

— Генерала нѣтъ дома, — говорилъ Рафа. — Если вамъ что-нибудь нужно передать, я могу. Я его сосѣдь.

— Сосѣдь, сосѣдь... да мнѣ бы самого Михаила Михайловича.

Голосъ былъ негромкій, пѣвучій. Капа выставилась со своей площадки въ пролетъ, подняла голову, чтобы лучше разсмотрѣть. Увидѣла невысокаго монаха, худенькаго, съ огромною сѣдою бородой. Поглаживая ее одною рукой, другой онъ подобралъ рясу, нерѣшительно дѣлая первые шаги внизъ.

— Огорчительно, что не засталъ. Такъ ты, обратился онъ вдругъ къ Рафѣ, слѣдовавшему за нимъ: — сосѣдь генераловъ?

— Сосѣдь, — отвѣтилъ тотъ не безъ важности. — И другъ.

Старичекъ разсмѣялся.

— И другъ! Ахъ ты мальченокъ какой разумный. Да такой ловкій! И другъ... — Онъ обернулся, положилъ руку на Рафину голову и слегка поерошилъ курчавые его волосы.

— Что называется, старый да малый.

Но Рафа чувствовалъ себя нѣсколько неловко. Показалось, что ему не вѣрятъ.

— Вамъ и Капитолина Александровна можетъ подтвердить... — сказалъ онъ натянуто, увидавъ Капу.

Она отворила дверь къ себѣ, но войти медлила. Монахъ обернулся, увидалъ ее, улыбнулся.

— Тоже русскія будете?

— Да.

— Вотъ какъ пріятно! Весь домъ русский. Утѣшительно.

Капа взглянула на маленькіе свои ручные часы.

— Половина седьмого. Михаилъ Михайловичъ скоро вернется. Къ семи непременно.

— Ахъ, какъ обидно! Подумайте, вѣдь откуда пріѣхаль, съ самага съ Гаръ дю Норъ!

— Зайдите ко мнѣ, — сказала Капа: — подождите генерала, что-же вамъ понапрасну...

— Ну какая милая барышня! Прелюбезная. А ежели я васъ стѣсню?

— Чѣмъ-же стѣсните? Вы стѣснить меня не можете.

— Премного благодаренъ, такъ, та-акъ-съ! Ежели разрѣшите, воспользуюсь...

— Рафа, заходи и ты. — А это дѣйствительно другъ генерала, онъ вамъ правду сказалъ.

— Да я и не думалъ, что неправду. Это вѣдь по глазамъ видно, что другъ. А теперь разрѣшите и мнѣ, вступая въ ваше помѣщеніе, столь мнѣ добросердечно предложенное, представиться: іеромонахъ Мельхиседекъ.

Войдя въ комнату онъ быстрымъ, легкимъ взоромъ осмотрѣлъ ее, по монашеской привычкѣ, и увидѣвъ въ углу образокъ, потемнѣвшій, въ запыленномъ окладѣ — Ахтырской Божіей Матери — широко перекрестился. Лицо сразу стало серьезнымъ, сухенькое, старенькое тѣло подобралось. Что-то серебряное, какъ показалось Капѣ, вошло въ комнату.

А Мельхиседекъ сѣлъ, расправилъ полы рясы и опять широко улыбнулся.

— Во святомъ крещеніи имя Калитолина? Такъ, такъ... хорошо.

Онъ разложилъ теперь по груди бѣлую, вѣрообраз-

ную бороду, такъ что она закрыла даже священнической крестъ. Небольшіе пальцы привычно крутили пряди волосъ въ бородѣ — пряди слегка волнистыя, электрически сухія и удивительно легкія. Рафа внимательно его разсматривалъ. Потомъ подошелъ къ Калиному стулу, оторвалъ клочекъ бумаги, что-то записалъ.

Посматривая иногда на Рафу небольшими, нѣкогда голубыми, а теперь выцвѣтшими глазами, вокругъ которыхъ собрались сложныя сѣти морщинокъ (то расправлявшихся, то вновь набѣгавшихъ, точно рябь на озерѣ отъ вѣтерка), Мельхиседекъ бесѣдовалъ съ Капой. Разговоръ былъ простой. Замужняя-ли она? Чѣмъ занимается? Сколько платитъ за квартиру? Узналъ, что незамужняя, служить въ русской кондитерской — тамъ знаменитые пирожки и кулебяки. Когда дошло дѣло до семьи, спросилъ:

— Изъ купеческаго званія?

— Нѣтъ, — Капа слегка улыбнулась: — изъ духовнаго.

— Вотъ какъ, вотъ какъ... — морщинки о. Мельхиседека пріятно расправились. — Я думалъ, имя Капитолина, нѣрѣдко дается среди купечества. Изъ духовнаго званія, значитъ, тѣмъ ближе намъ...

— Мой отецъ былъ инспекторомъ духовнаго училища. Но по правдѣ сказать, у меня не особенныя остались воспоминанія о духовныхъ. Священники больше хозяйствомъ занимались, отецъ былъ невѣрующій, да и многіе семинаристы, кого я знала, тоже были невѣрующіе. Сплетни, дразги, жадность. Нѣтъ, извините меня, я не любительница нашего сословія.

Мельхиседекъ вздохнулъ.

— Да, бывало, всяческое, разумѣется, бывало... Батюшка вашъ невѣрующій, да, такъ... Ну, а вы сами, разрѣшите спросить: вѣрующая?

— Д-да... но не совсѣмъ по церковному.

Мельхиседекъ тихо и добродушно разсмѣялся.

— Нерѣдко такъ говорятъ, и даже на исповѣди: «вѣрю, батюшка, но по своему». Иной разъ это значить, что и вовсе не вѣрю. Такъ, такъ..

Капа чувствовала себя нервно. Впечатлѣніе этого дня мѣшались, двоились. Изъ-за старичка съ бѣлою бородой выглядывалъ временами высокой сухощавый человѣкъ съ безразлично-ласковыми голубыми глазами. А старичекъ, неизвѣстно откуда взявшійся, сидѣлъ въ креслицѣ будто полжизни здѣсь просидѣлъ, и говорилъ такъ, будто она ему не первая встрѣчная, а внучка. Ни противиться, ни разсердиться на него никакъ нельзя было — онъ какой-то неуловимый и неуязвимый — станешь возражать, онъ начнетъ покручивать серебряныя пряди въ бородѣ да улыбаться... И Капа ничего ему не сказала насчетъ угловатостей своихъ.

Онъ-же, помолчавъ, самъ перешелъ на другое.

— Михаила Михайловича я давно разыскиваю. Перебравшись сюда изъ Югославіи, намѣреваюсь вновь возстановить знакомство. Я его еще съ Россіи знаю... Онъ къ намъ въ Пустынь въ бытность полковымъ командиромъ не разъ прѣзжалъ. Имѣніе находилось по сосѣдству. А тамъ, знаете-ли, когда началась война, то, слышно, сначала бригадой командовалъ, потомъ дивизіей.. а затѣмъ даже цѣлый корпусъ получилъ. Лицо, разумѣется, значительное, и дальше пошелъ-бы, но тутъ революція... Да-а, много натерпѣлся, сердешный... и тѣломъ едва спасся. А видный собою былъ.

— Онъ и теперь видный.

— И слава Богу. Да ужъ теперь-то такимъ, какъ ранѣе былъ, не будетъ. Оно можетъ и къ лучшему. Мнѣ недавно епископъ одинъ говоритъ: «я прежде — въ Россіи, то-есть, до революціи — цѣльный домъ занималъ, одиннадцать комнатъ, въ каретѣ ѣздилъ, въ шелковой рясѣ ходилъ, и все это мнѣ казалось естественнымъ, обычнымъ. Какъ-же, молъ, архіерей да не въ каретѣ... А теперь пѣшимъ порядкомъ, или въ м е т р о в ѣ ихнемъ, во второмъ

классѣ съ рабочими... да что-же, говорить, здѣсь настоящее мое мѣсто и есть, именно во второмъ классѣ съ труженниками, а не съ нарядными дамами, поклонницами архіереевъ. И по совѣсти, я себя въ теперешней моей камеркѣ ближе къ Богу чувствую, чѣмъ въ прежнемъ архіерейскомъ подворьѣ». Такъ что жизнь, знаете-ли, весьма людей мѣняетъ. Какъ-бы ужъ тамъ видный ни былъ изъ себя Михайль Михайлычъ, все-же таки не то, ежели онъ сейчасъ въ этомъ домѣ живетъ и, навѣрно, нелегко перебивается, чѣмъ когда корпусомъ командовалъ.

При другихъ обстоятельствахъ Капа тотчасъ-же вступила-бы въ споръ. Для чего это нужно унижать лучшихъ нашихъ людей? Жить такъ жить, — но тогда надо бороться, а не поддаваться судьбѣ — и многое въ подобномъ родѣ. Но сейчасъ ничего не сказала. Мельхиседекъ-же, во время словъ своихъ, не разъ взглядывалъ на Рафу. Тотъ слушалъ почтительно и вѣжливо, но мало понималъ. Слова Мельхиседека казались ему пріятной пѣснью на иностранномъ языкѣ. И когда Рафа отвернулся къ окну, Мельхиседекъ всталъ, очень быстро, проворно, не совсѣмъ даже по возрасту — и, протянувъ руку къ столу, взялъ бумажку.

— Ну, что ты тамъ изобразилъ?

Рафа сконфуженно бросился было къ нему, но Мельхиседекъ уже прочелъ и засмѣялся.

— *Melchisédeck, nom étrange*, — произнесъ онъ вслухъ, съ тульскимъ выговоромъ. — *Jamais entendu*. Спросить у генерала.

Мельхиседекъ продолжалъ улыбаться. Теперь и Капа не могла не усмѣхнуться. Ее положительно заражала хорошая погода на лицѣ гостя.

Рафа какъ бы оправдывался.

— Я не понимаю этого имени, и никогда раньше его не слыхалъ...

— Имя рѣдкое, отвѣтилъ гость, — Ты, милый человекъ, не удивляйся, что не слышалъ. Рѣдкое имя и высо-

кое... Трудно даже его носить. Таинственное. Царь Салимский, священникъ Бога Всевышняго. Вотъ какъ!

Мельхиседекъ опять сѣлъ, взявъ Рафу за руку и хуленькою своей рукою принялся гладить его ладонь. Лицо его стало очень серьезнымъ.

— Библии-то, небось, и не видалъ никогда? И святого Евангелія... Кому учить, кому учить, — проговорилъ какъ бы въ раздумьѣ. — Мы, старшіе, виноваты.

Рафа стоялъ передъ нимъ съ чувствомъ нѣкоей вины и грусти, но не страха. Этотъ старичекъ съ вѣрообразной бородой нисколько его не пугалъ. И захотѣлось показать себя съ лучшей стороны.

— Я знаю, чѣмъ архіерей отличается отъ патріарха.

— ...Отъ патріарха?

— У архіерея на головѣ черный клобукъ съ такимъ шлейфомъ, а у патріарха бѣлая шапочка, и съ обѣихъ сторонъ висятъ полотенца. На нихъ крестъ вышить.

— Вонъ онъ какой знатокъ! Прямо, братецъ ты мой, знатокъ!

— Это все генералова наука, — сказала Капа. — Его мать, Дора Львовна, просто удивляется, откуда у него все такое.

Въ это время надъ потолкомъ раздались звуки, похожіе на шаги. Рафа мгновенно вырвалъ руку у Мельхиседека — бросился къ двери.

— Генераль вернулся, онъ таки уже вернулся! — крикнулъ съ порога. — *J'en suis sûr*. Сейчасъ сбѣгаю!

И выскочилъ на лѣстницу.

Мельхиседекъ поднялся.

— Душевно благодарю, Капитолина Александровна, что помогли. Странника невѣдомаго пустили къ себѣ.

— Ну, это пустяки...

— Миръ и благодать дому вашему.

Капа сложила руки лодочкой и подошла. Онъ осѣнилъ ее трижды небольшимъ крестнымъ знаменіемъ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Не доходя до двери, остановился.

— Полагаю, что теперь у меня будутъ съ Михайломъ Михайловичемъ нѣкоторыя сношенія. Ежели-бы я вамъ чѣмъ-нибудь понадобился... побесѣдовать, или какіе трудные вопросы, обстоятельства, вообще что-нибудь, то передайте лишь чрезъ него, я всегда могу придти.

Капа поблагодарила. Онъ ушелъ. А она потушила свѣтъ въ комнатѣ, приблизилась къ окну. Сначала въ темнотѣ виднѣлись лишь свѣтлыя щели жаненовскихъ ставень. Потомъ и особнячокъ съ каштанами своими выдѣлился — глазъ привыкъ. Вышла изъ двери старушка Жанень, понесла буатку въ уголь сада, къ мусорной кучѣ. «У французовъ никогда нѣтъ настоящаго крыльца, или террасы... Почему у нихъ нѣтъ балконовъ?»

...А внутри было сложно-взволнованное. Путалось, переплеталось. Хорошо, или не хорошо? Страшно, и радостно. Старичекъ со страннымъ именемъ. «Если бы чѣмъ-нибудь понадобился, могу придти...» А тотъ разглаживаетъ, навѣрно, свои галстухи, пересчитываетъ деньги. Тотъ-то придеть?

Бор. Зайцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Пещера

XI — XXI.

.....
.....

XXII.

Первое впечатлѣніе было у Муся очень тяжелое. Она была достаточно подготовлена: по дорогѣ съ Люцернскаго вокзала, въ узкомъ автобусѣ гостиницы, Тамара Матвѣевна, вытирая слезы, говорила ей, что Семень Исидоровичъ потерялъ больше пуда въ вѣсѣ и очень ослабѣлъ. Но все же Муся не думала, что ея отецъ такъ боленъ.

Онъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ у покрытаго бѣлой скатертю столика, на которомъ стояли лѣкарства, графинъ, стаканы. Семень Исидоровичъ съ радостнымъ волненіемъ всталъ при видѣ дочери. Муся подбѣжала къ отцу и горячо его поцѣловала. «Господи, какъ онъ измѣнился!..»

Еще входя въ комнату, она полусознательно подготовляла выраженіе лица и тонъ, — радостно-дѣятельный, бодрый и веселый. Но обычное чутье ей нѣсколько измѣнилось: тонъ ея былъ веселѣе и шутливѣе, чѣмъ слѣдовало.

— ...Да, конечно, вы не пополнили, папа, что правда, то правда. Вѣрно, васъ здѣсь плохо кормятъ? Какъ же это вы, мама? Я думала, на васъ можно положиться... Мама кстати тоже похудѣла, — говорила, не останавливаясь, Муся. — Не иначе, какъ васъ плохо кормятъ...

— Кормятъ швицеры не важно, берегутъ деньгу, — сказалъ Семень Исидоровичъ. — Appetitъ у меня слава Богу... Вотъ только пичкаютъ всякой дрянью. Хлѣба не

ѣшь, сахару не ѣшь, какая ужъ ѣда безъ хлѣба? А сахарина этого я видѣть не могу...

— Сами виноваты, папа, сами виноваты. Я гдѣ-то читала, что сахарная болѣзнь чаще всего происходитъ отъ пьянства и излишествъ. Вотъ теперь и расплачивайтесь за грѣшки...

Семень Исидоровичъ слабо улыбнулся.

— «Вкушая вкусихъ мало меду», — сказала она. Тамара Матвѣевна вздрогнула, она знала конецъ этой цитаты. — Мало меду, а ужъ алкоголя и того меньше.

— Вотъ теперь и питайтесь акридами, — отвѣтила Муся. Ей самой ея тонъ показался глупымъ и фальшивымъ. — Слава Богу, что врачи обѣщаютъ васъ скоро поставить на ноги.

— Кажется, не очень обѣщаютъ, — сказалъ Семень Исидоровичъ, взглянувъ искоса на дочь. — Это тебѣ мама сказала?

— Ну да, мама, кто же другой? То, что говорилось на консиліумѣ. Нѣтъ, правда, папа, скажите мнѣ сами, какъ вы себя чувствуете. Вы вѣдь знаете, каждый себѣ самому лучшей врачъ.

— Не важнецки себя чувствую, милая, не важнецки. Хвастать не могу.

— Видь у васъ — какъ сказать? Конечно, вы похудѣли, но лицо свѣжѣе, чѣмъ было тогда въ Копенгагенѣ... А самочувствіе? Хуже, чѣмъ было весной?

Семень Исидоровичъ только вздохнулъ. Выраженіе лица его ясно показывало: и сравнивать нельзя.

— Моргенштернъ мнѣ еще въ Берлинѣ говорилъ, что такъ всегда бываетъ при легкой формѣ діабета, — начала Тамара Матвѣевна. — Сначала какъ будто на видъ ухудшеніе, а потомъ быстрое улучшеніе и полное выздоровленіе, если, конечно, строго соблюдать режимъ... Но папа...

— Какъ хорошо, мама, что вы тогда свели папу къ Моргенштерну! Это прямо счастье, что болѣзнь удалось захватить въ самомъ началѣ. Хуже всего, когда запуска-

ють... Вы знаете, у Вивіана одна тетка была больна сахарной болѣзнию...

— Та, которая недавно скончалась?

— Нѣтъ, другая, папа. Эта, слава Богу, жива и по сей день... Мама, постучите по дереву... Ей семьдесятъ третій годъ. Такъ вотъ, эта умная англійская лэди пять лѣтъ прожила съ сахарной болѣзнию и не догадалась обратиться къ врачу. Не мудрено, что она теперь, кажется, десятый годъ на режимѣ...

— Гдѣ же она живетъ? Я думалъ, у Вивіана только одна тетка?

— Цѣлыхъ три. Богатая, къ сожалѣнію, была только одна, вотъ та и умерла. А эта живетъ гдѣ-то въ Шотландіи...

— И ей семьдесятъ три года?

— Ну да, почему васъ это собственно удивляетъ, папа? Она свободная британская гражданка и можетъ жить сколько ей угодно... Но возвращаясь къ вамъ, что вы чувствуете? У васъ боли?

— А ты думала!.. Все время внутри что-то трясется... Не знаю, какъ это тебѣ передать... Здѣсь трясется... Да еще фурункуль. Какъ будто пошаливаетъ сердце... Постоянная жажда...

— Такъ вы пейте. Слава Богу, мы не въ Сахарѣ.

Тамара Матвѣевна съ укоризной посмотрѣла на дочь. Она тоже чувствовала, что Муся взяла невѣрный тонъ. Это видно было и по тому, что Семень Исидоровичъ даже не улынулся.

— Нѣтъ, правда... Что вамъ можно пить, папа?

— Зиберъ разрѣшилъ папѣ воду съ краснымъ виномъ, — сказала Тамара Матвѣевна. — Вотъ видишь, въ графинѣ. Папа очень много пьетъ, это тоже не слѣдовало бы.

— А вино у швицеровъ дрянное...

— Отчего же вы мнѣ не написали? Я бы вамъ привезла изъ Парижа.

— Ты думаешь, что я даю папѣ швейцарское вино?

Это самое лучшее французское бордо, я только случайно здѣсь достаю очень дешево.

— Можеть, оно и бордо, а дрянъ, хоть, вѣрно, влетаетъ здѣсь въ копѣчку. Она скрываетъ отъ меня расходы по моей особѣ. И то, дѣлишки скверныя. Башка чиста, такъ и мошна пуста.

— Вотъ когда выздоровѣте, будете пить съ Вивіаномъ шампанское на Монмартрѣ. Онъ, какъ вы, много льетъ, правда, чистое вино, безъ всякой воды...

Семень Исидоровичъ на этотъ разъ улыбулся, но видимо нарочно, съ напряженіемъ.

— «Батюшка Монмартрѣ», — какъ говорили въ старину наши ветераны... Да, такъ что же твой Вивіанъ? Я и не спросилъ. Иногда кажется, что у меня и память ослабѣла.

— Ничего подобнаго!

— Ты не замѣчаешь, золото... Такъ что же Вивіанъ?

— Ничего, спасибо. Онъ придетъ черезъ полчаса, рѣшилъ, видите ли, что вначалѣ намъ будетъ пріятнѣе между собой.

— Онъ страшно деликатный, Вивіанъ, — вставила Тамара Матвѣевна.

— Какъ же господинъ подполковникъ смотритъ на милое положеніе вещей въ Европѣ?

— А ужъ это вы у него спросите, меня онъ въ это не посвящаетъ, по моему бабьему уму... У васъ, папа, новый халатъ?

— Да, я купила папѣ въ Берлинѣ.

— Очень красивый, — похвалила Муся. Халатъ былъ дешевенькій, ей это было странно: Семень Исидоровичъ въ Петербургѣ одѣвался у лучшаго портного, и всѣ его вещи были очень дорогія. — Въ Петербургѣ вашъ халатъ носилъ Витя, у него онъ волочился по полу...

— Витя? Ахъ, да... Ну, что онъ? Все въ Гельсингфорсѣ? (Витя былъ давно въ Варшавѣ, и Семень Исидоровичъ долженъ былъ это знать. Тамара Матвѣевна неза-

мѣтно сдѣлала Мусъ знакъ, чтобы она не поправляла). Очень славный мальчикъ, жаль его... Налей еще стаканъ, золото...

— Можетъ быть, не надо? Это все-таки вредно пить такъ много?

— Налей, — раздраженно сказала Кременецкій. Тамара Матвѣевна тотчасъ налила неполный стаканъ. — Ужасная жажда, — пояснилъ Семень Исидоровичъ. — Да, да... — Онъ видимо потерялъ нить разговора — О чемъ ты рассказывала?

— О халатѣ, о Витѣ, о моемъ муженькѣ «Господи, какъ глупо: «муженькѣ», «акриды»!. Что я сегодня говорю?..»

— Да, да . Ты намъ писала, что онъ хочетъ оставить службу?

— Это еще не рѣшено. Кто теперь, папа, можетъ строить планы?

— Да, конечно, кто теперь можетъ строить планы? — грустно повторилъ Семень Исидоровичъ

XXIII

.....

XXIV.

Кременецкій обычно очень уставалъ за день (хоть ничего не дѣлалъ), ложился рано и тотчасъ засыпалъ; но часа черезъ два онъ просыпался и потомъ до разсвѣта ворочался въ постели, — лишь подъ утро удавалось снова заснуть. Изъ-за жены ему въ бессонные часы было совѣстно зажигать лампу: онъ зналъ, что Тамара Матвѣевна не можетъ спать при свѣтѣ. Снять двѣ комнаты не позво-

ляли средства. Иногда Семень Исидоровичъ испытывалъ настоящее бѣшенство, думая о большевикахъ, всего его лишившихъ (онъ и свою болѣзнь, быть можетъ, не безъ основанія, приписывалъ революціи), о Нещеретовѣ, который ему посовѣтовалъ купить германскія марки, о себѣ самомъ, что послушался Нещеретова. Деньги не могли бы его излѣчить; но, при необходимости беречь каждый грошъ, и болѣзнь становилась несноснѣй, тяжелѣе, даже опаснѣй.

Ночь передъ прїѣздомъ Муси была мучительна. Кременецкій очерствѣлъ съ годами и безъ всякаго волненія, чуть только не съ нѣкоторой радостью, узнавалъ о смерти, о болѣзняхъ, о несчастьяхъ людей, бывшихъ его друзьями, — въ послѣдній годъ подобныхъ извѣстій было очень много. Но Мусю онъ любилъ почти такъ же нѣжно, какъ прежде. Собственно онъ никого и не любилъ, кромѣ жены и дочери. Предстоящее свиданье съ Мусей волновало Семена Исидоровича. Въ эту ночь онъ проснулся еще раньше обычнаго — отъ сильнаго толчка въ грудь, съ непонятнымъ ужасомъ въ душѣ. Безъ всякой причины, едва ли не въ первый разъ, ему пришло въ голову, что онъ умираетъ. «Какой вздоръ!» — замирая, прикрикнулъ онъ самъ на себя. Ничто не говорило о настоящей, серьезной опасности, — вотъ только неприятный видъ, съ которымъ его выслушивали врачи, особенно старый профессоръ съ длинной бородой, походившій на Іеремію Сикстинской Капеллы, — этотъ угрюмый профессоръ получалъ такой гонораръ, что даже Тамара Матвѣевна сочла возможнымъ пригласить его только два раза. Какъ нарочно, попались врачи, не находившіе нужнымъ радовать больныхъ.

Ровное дыханье Тамары Матвѣевны немного успокоило Семена Исидоровича. «Что съ ней т о г д а будетъ!.. Что съ ней было бы! Она не можетъ жить безъ меня. Да и не на что ей будетъ жить»... Эта мысль вернула ему мужество. «Во всякомъ случаѣ дѣла надо привести въ ясность .

Я не дама, я старый адвокатъ»... Онъ сталъ разсуждать спокойно, точно рѣчь шла о другой семьѣ. При большихъ расходахъ, вызывавшихся его болѣзнью, остатка денегъ имъ можетъ хватить на полтора-два года. Одной Тамарѣ Матвѣевнѣ хватило бы, пожалуй, и на пять лѣтъ. «Но значить, все зависитъ отъ того, когда я умру!.. Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ потомъ, теперь о дѣлахъ... Разумѣется, большевики скоро падутъ, и тогда она получить то, что у меня тамъ осталось»... Однако Семень Исидоровичъ самъ не зналъ, что у него оставалось въ Россіи. Были разные паи, облигаціи Займа Свободы, наличныя деньги въ банкахъ. Теперь трудно было даже приблизительно опредѣлить стоимость этого имущества. Можетъ быть, оно ничего не стоило. «И банки, и предпріятія, все разорено, разграблено... Но если будущее національное правительство ревалоризируетъ всѣ обязательства? Или хотя бы только часть? Тогда другой разговоръ», — подумалъ Семень Исидоровичъ. Мысли о ревалоризаціи, о банкахъ, о сложныхъ юридическихъ вопросахъ, которые возникнутъ послѣ паденія большевиковъ, ненадолго заняли Кременецкаго. «Для нашего брата будетъ раздолье», — подумалъ онъ, разумѣя адвокатовъ — правда, преимущественно гражданскихъ — и тотчасъ вспомнилъ, что раздолье будетъ не для него: не потому, что онъ преимущественно уголовный адвокатъ. Дыханіе Тамары Матвѣевны слышалось такъ же ровно и безмятежно. «Да, съ ней, съ ней что будетъ! Деньги, это не такъ важно. Ну, ничего не останется, — Муся будетъ ей помогать. Но развѣ она можетъ жить безъ меня!..»

Онъ опять почувствовалъ, что внутри у него что-то трясется. Семень Исидоровичъ рѣшилъ зажечь лампу, съ рискомъ разбудить жену. Оглянувшись на сосѣдную постель, онъ осторожно повернулъ выключатель, какъ если бы отъ медленнаго движенія свѣтъ долженъ былъ окзаться слабѣе. Тамара Матвѣевна не проснулась. Кременецкій поднялъ подушку, устроился удобнѣе, отпилъ съ

жадностью воды съ виномъ изъ стакана и взялъ со столика книгу.

Въ послѣднее время, къ немалому безпокойству жены, онъ сталъ читать книги релігіозно-философскаго содержанія. Какъ разъ дня два тому назадъ Семень Исидоровичъ купилъ новую книгу, которая соблазнила его названіемъ и дешевизной. Вначалѣ чтеніе доставило ему грустную радость, напомнило Гейдельбергскія времена, — онъ давно не читалъ подобныхъ книгъ, да еще по нѣмецки. Потомъ книга стала надоѣдать. Семень Исидоровичъ и къ вопросамъ, изучавшимся въ этой книгѣ, подходилъ какъ адвокатъ. Въ эту ночь ему попалась глава съ доказательствами бытія Божія. Онъ читалъ ее такъ, какъ, бывало, слушалъ неубѣдительную рѣчь прокурора или гражданскаго истца. То обстоятельство, что всѣ люди, всѣ народы, во всѣ времена имѣли представленіе о Богѣ, никакъ не могло служить серьезнымъ доказательствомъ въ пользу вывода автора книги. «У всѣхъ народовъ, во всѣ времена было такое представленіе о дьяволѣ, — не прикажутъ ли намъ вѣрить и въ дьявола? И если признать безсмертіе души человѣка, то нѣтъ основаній отрицать безсмертіе души обезьяны, лошади, наскѣкомаго»...

О смерти въ этой книгѣ говорилось довольно много, въ возвышенномъ, спокойномъ и увѣренномъ тонѣ. «Можетъ быть, господинъ профессоръ-докторъ здоровъ, какъ быкъ», — съ кривой усмѣшкой думалъ Семень Исидоровичъ, противопоставляя автора книги себѣ. — «Ну, что-жь, и до него дойдетъ, какъ теперь, кажется, дошло до меня. Ничего тутъ нѣтъ особеннаго: однимъ Кременецкимъ меньше, только и всего»... Прежде такая мысль не могла у него явиться, не могла принять подобную форму. Смиренныя настроенія Семени Исидоровича теперь были почти искренни. «Да, былъ великій человѣкъ — для своей жены... Хорошій адвокатъ, талантливый ораторъ, вотъ и все», — со стороны безпристрастно, въ первый разъ въ жизни, расцѣпывалъ себя онъ. — «Однимъ больше, однимъ меньше Въ

Петербургѣ въ газетахъ были бы некрологи, здѣсь и некрологовъ не будетъ. И не надо... Все къ чорту!.. Развѣ для нея?» — онъ опять оглянулся на жену. — «Ее некрологи не утѣшать! Хоть пріятнѣе, конечно, чтобъ были... Вотъ о профессоръ-докторѣ будутъ, навѣрное, писать этакъ дня три. Особенно, если онъ удачно выберетъ сезонъ для своей преждевременной кончины, такъ чтобъ безъ всякихъ революцій и безъ другихъ газетныхъ сенсацій. А черезъ три дня забудутъ и профессоръ-доктора, точно и не жилъ никогда человѣкъ... Моя жизнь не удалась, но и у другихъ не лучше», — думалъ Семень Исидоровичъ. Гдѣ-то и прежде у него таились эти мысли, но опредѣленной формы не принимали, да и некогда ему было объ этомъ думать. Теперь сюрпризъ, очевидно ждавшей профессоръ-доктора, доставлялъ Кременецкому мрачную радость. Съ самаго начала своей болѣзни онъ сталъ чувствовать отвращеніе отъ всего: отъ сахарина, отъ лѣкарствъ, отъ людей, отъ жизни. Семень Исидоровичъ вспоминалъ все зло, которое видѣлъ на своемъ вѣку, — по своей адвокатской работѣ онъ видѣлъ вблизи очень много зла. «Было, разумѣется, и добро. Но еще Богъ вѣдаетъ, по какимъ побужденіямъ оно творилось... Да хотя бы я самъ: развѣ девять десятыхъ того, что я дѣлалъ, не дѣлалось ради карьеры или ради денегъ? А этотъ самодовольный иѣмецъ развѣ на обложкѣ не упомянулъ, что онъ профессоръ-докторъ, хоть это, кажется, не имѣетъ никакого отношенія ни къ Богу, ни къ безсмертію души? Богъ и безсмертіе души, навѣрное, не помѣшали ему, какъ слѣдуетъ, торговаться съ издателемъ, — всѣ они, писатели и философы, на одинъ образецъ и по этой части доки, только поворится, будто они мечтатели и не отъ міра сего, а на самомъ дѣлѣ они хуже насъ, адвокатовъ... И такъ вездѣ, во всемъ: стоитъ открыть любую газету, — девять десятыхъ мѣста отводится злу, ненависти, ставкѣ на низменные инстинкты... Такова жизнь. А потомъ умирать!.. Все къ чорту! Все глупая шутка. А этотъ пишетъ объ испытаніи, о глубокомъ

смыслъ. У человѣка, напримѣръ, ракъ пищевода, передъ нимъ медленная мучительная смерть, а его увѣряютъ, что это кому-то такъ нужно, что это нужно ему самому, что это испытаніе свыше! А тутъ же рядомъ отъявленные мерзавцы живутъ припѣваючи, безъ всякихъ испытаній свыше, ни горя, ни болѣзней.. Какая тамъ справедливость! Какая загробная жизни! Все ерунда! И то, что этотъ нѣмецъ написалъ, ерунда, и то, что я объ этомъ думаю, тоже — не ерунда, а старо, какъ міръ. Милліоны людей такъ, вѣрно, думали передъ «смертью»..

Онъ со злобой закрылъ книгу и сѣлъ на постели. «Все-таки, ничего не надо преувеличивать... Я могу прожить еще десять, пятнадцать лѣтъ, даже больше... Вѣдь у меня не ракъ пищевода! У меня только діабетъ, болѣзнь обимѣна веществъ. Сахарная болѣзнь не опасна, это всё говорятъ!..» Собственно никто этого не говорилъ, кромѣ Тамары Матвѣевны. Ему такъ казалось, быть можетъ, вслѣдствіе несерьезнаго названія болѣзни: «Ну да, сахарная болѣзнь, діабетъ, ничего страшнаго, десятки болѣзней хуже... Нельзя же судить по лицамъ докторовъ, это просто ихъ манера, чтобы набить себѣ цѣну».. Ему хотѣлось разбудить Тамару Матвѣевну. Она ничего не могла знать, да если-бъ и знала, то не сказала бы ему правды. Тѣмъ не менѣе ея простыя слова всегда его успокаивали. «Вотъ это было настоящее, прекрасное въ жизни: ея любовь ко мнѣ, моя любовь къ ней, къ Мусѣ... Да, еще правосудіе, русскій судъ, которому я служилъ всю жизнь. Онъ былъ для меня храмомъ, это не фраза изъ некролога. Пошлякъ скажетъ: вамъ за служеніе въ этомъ храмѣ платили деньги... Да, мы были люди, а не ангелы, но только слѣпой не увидитъ правды, святости нашего дѣла. И я въ этомъ прекрасномъ, чистомъ судѣ былъ не послѣдній человѣкъ... Это вспомнать, не могутъ этого забыть. Кто вспомнить? Въ какомъ-нибудь юбилейномъ изданіи, черезъ двадцать лѣтъ?.. Кому я буду тогда интересенъ? И не все ли равно?..» Цинично-отри-

цательное настроеніе сразу ему опротивѣло, онъ пытался ухватиться за другое, мысли его путались, усталость, тоска, душевныя мученія у него все росли. Ничего мягкаго и пошлаго въ намъ больше не оставалось

Тамара Матвѣевна уже давно не спала, — притворялась спящей, съ трудомъ сдерживая слезы. Сердце у нея рвалось отъ тоски, отъ любви къ этому человѣку, который былъ для нея всѣмъ. Ему теперь — она знала — грозила большая опасность. Слѣдовало бы встать и налить въ графинъ свѣжей воды, разбавивъ ее виномъ. Но если-бъ Семенъ Исидоровичъ замѣтилъ, что разбудилъ ее, то это его разстроило бы. Тамара Матвѣевна лежала неподвижно, дыша такъ же ровно, изрѣдка украдкой взглядывая въ сторону постели мужа. Онъ все читалъ свою нѣмецкую книгу. Потомъ онъ съѣлъ на постели. Ему, очевидно, было худо. Тамара Матвѣевна такъ искусно, какъ могла, сдѣлала видъ, что просыпается.

— Ты не спишь? Это я тебя разбудилъ?

Тамара Матвѣевна потягивалась

— Ты? Почему — ты? Я чудно спала... А тебѣ не спится?

— Не спится.. Скажи мнѣ только одно: все будетъ хорошо?

— Что?.. Разумѣется, все будетъ хорошо.

— Нѣтъ, ты правду говоришь? Ты дѣйствительно такъ думаешь?

— Какой вопросъ!.. Денегъ не хватить? Хватить.. Всѣ говорятъ, что большевики падутъ къ зимѣ, самое позднее, — сказала Тамара Матвѣевна, дѣлая видъ, что относить его вопросъ къ деньгамъ. Это и въ самомъ дѣлѣ немного успокоило Семена Исидоровича. — Все будетъ отлично. Всегда во всемъ будемъ вмѣстѣ, это главное... Вотъ и Мусенька, слава Богу, завтра пріѣзжаетъ...

— А если я умру?

— Какой вздоръ ты говоришь! Я тебя очень прошу...

— Нѣтъ, ты только скажи

— Слава Богу, еще никто не умиралъ отъ диабета въ легкой формѣ... Какъ тебѣ не стыдно! Особенно послѣ консилиума, когда они оба ясно сказали, что никакой опасности нѣтъ...

— А ты мнѣ правду передала насчетъ того, что они сказали?

— Даю тебѣ слово, — солгала Тамара Матвѣевна. Эти слова рѣзнули Семена Исидоровича: если-бъ дѣйствительно была полная правда, то Тамара Матвѣевна сказала бы. «Клянусь твоей жизнью!» — Я встану, пить что-то хочется... Можетъ, и тебѣ налить свѣжей воды?

— Да, пожалуйста, — упавшимъ голосомъ сказала Кременецкій.

XXV.

Первый день въ Люцернѣ прошелъ очень скучно. Муся не считала удобнымъ сразу оставлять родителей. Клервилль не считалъ удобнымъ сразу оставлять Мусю. Шла борьба великодушія. Тамара Матвѣевна умоляла дѣтей (такъ она ихъ называла) покататься — чудесная погода, — осмотрѣть Люцернъ, или пойти въ кинематографъ. Муся отказывалась и о томъ же ласково просила мужа, который также отказывался. Между тѣмъ всѣ предметы разговора были исчерпаны очень скоро, — къ вечеру даже Тамара Матвѣевна почти искренно хотѣла, чтобы дѣти ушли возможно скорѣе. Ушли они лишь въ обѣденное время, ссылаясь на свою усталость и на утомленіе Семена Исидоровича. Борьба великодушія продолжалась при уходѣ: Муся заявила, что завтра еще съ утра забѣжитъ къ родителямъ.

— Мусенька, но вѣдь ты такъ съ нами соскучишься. Можетъ быть, лучше днемъ къ чаю?.. Тебѣ будетъ скучно съ нами, стариками.

— Нѣтъ, не будетъ скучно... Спокойной ночи, мама. Поправляйтесь же скорѣе, папа...

Послѣ обѣда въ Национальной Гостинницѣ они погуляли по набережной, полюбовались озеромъ, и въ самомъ дѣлѣ отправились въ кинематографъ, въ тайной надеждѣ встрѣтить знакомыхъ. Но никого не встрѣтили и рано легли спать.

На слѣдующее утро Клервилль всталъ въ девятомъ часу, выбрился, принялъ холодную ванну, поцѣловалъ Мусю, которая еще лежала въ постели, и вышелъ. Онъ очень пріятно позавтракалъ на террасѣ гостиницы. *Grape fruit*, вѣстчина, крѣпкій кофе, свѣжій альпійскій медъ, вносившій *coiffeur locale*, были очень хороши. Клервилль вдругъ почувствовалъ, что недурно снова завтракать въ одиночествѣ, безъ необходимости поддерживать съ женой разговоръ, вдобавокъ по французски. Это настроеніе чуть-чуть его встревожило. Еще очень недавно онъ тяготился холостой жизнью. Неожиданно у него въ памяти скользнулъ Серизье. Но Клервилль былъ въ хорошемъ настроеніи духа и тотчасъ отогналъ непріятныя мысли. Идти на конференцію было рано: вѣрно, и билета до десяти часовъ не получить. Онъ закурилъ папиросу, велѣлъ позвать автомобиль и поѣхалъ осматривать окрестности, чувствуя не безъ удовольствія, что совершаетъ легкое предательство: лучше было бы для осмотра окрестностей подождать Мусю, — ну, да съ ней можно будетъ поѣздить въ другой разъ. Прогулка оказалась чудесной. Покатавшись съ полчаса, онъ приказалъ шофферу ѣхать въ Курзалъ, въ которомъ было снято помѣщеніе подъ Конференцію, — и только у подъѣзда подумалъ, что сюда было бы приличнѣе прійти пѣшкомъ.

Подъѣздъ Курзала былъ задрапированъ красными флагами. Надъ лѣстницей висѣла надпись на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ: «Международная Рабочая Конференція». Впрочемъ, никакихъ рабочихъ у входа не было. У гладко подстриженныхъ пышныхъ растений въ кадкахъ, стояло нѣсколько молодыхъ людей съ красными повязками на рукавахъ, — очевидно, распорядите-

ли. Одинъ изъ нихъ сбѣжалъ по лѣстницѣ къ автомобилю, но, увидѣвъ незнакомаго человѣка, вернулся на площадку съ видомъ легкаго неодобрѣнія. Шофферъ долго отсчитывалъ сдачу. Молодые люди съ любопытствомъ глядѣли на Клервилля. До него донесся заданный вполголоса вопросъ и такой же отвѣтъ: «...Вандервельде?» — «Даже не похожъ, Вандервельде я отлично знаю»... Клервилль спросилъ себя, сколько оставить на-чай: мало неудобно, много тоже неудобно; онъ оставилъ франкъ и, услышавъ «Merci bien, camarade», смутился еще больше: этотъ франкъ, данный социалисту, который его еще и поблагодарилъ, Клервилль и потомъ вспоминалъ съ несприятнымъ чувствомъ.

Къ подъѣзду подкатилъ другой автомобиль. Изъ него вышли господинъ съ дамой. По волненію бросившихся къ нимъ молодыхъ людей, Клервилль понялъ, что это очень важный партійный вождь. Пропустивъ впередъ даму, вождь съ увѣреннымъ и рѣшительнымъ видомъ поднялся по ступенькамъ подъѣзда, на ходу пожимая руки распорядителямъ. Дама съ красной гвоздикой, улыбаясь, привѣтливо кивала народу головой, какъ императрица въ провинціи.

Въ большой входной комнатѣ было очень накурено. Вездѣ висѣли флаги и плакаты. Прямо противъ входа стоялъ памятный Клервиллю по Россіи бюстъ, задрапированный красной матеріей и украшенный зелеными вѣтками. «Что-жъ право, здѣсь все очень прилично, и ничего такого»... Клервилль почему-то думалъ, что на социалистической конференціи все должно быть совершенно другое, непохожее на то, что онъ видѣлъ до сихъ поръ. Какая-то толстая дама — не красавица, правда, но и не красная амазонка, дама какъ дама, — бросилась къ вождю, обмахиваясь на ходу брошюрой. Съ этой дамой вождь обмѣнялся нѣсколькими словами. Затѣмъ они втрѣмъ скрылись за боковой дверью, — не той, куда проходили рядовые члены Конференціи.

У стола Клервилля остановила молодая миловидная секретарша. Какъ было условлено въ поѣздѣ, онъ сослался на Серизье, который обѣщаль достать билеты для него и для Муси. Дѣйствительно для нихъ были приготовлены двѣ красныя именные карточки. Но, повидимому, вышло недоразумѣніе: Клервиллю показалось, что секретарша говорить съ нимъ, какъ съ партійнымъ товарищемъ. Въѣсть съ карточкой, она ему вручила подробное расписание работъ конференціи, приглашеніе на экскурсію и даже какой-то бантъ, который Клервилль смущенно сунуль въ карманъ. Онъ испытываль неловкое чувство, точно прописался по фальшивому паспорту. Любезная секретарша порекомендовала ему недорогую гостиницу и сказала, что можно будетъ тратить въ Люцернѣ не болѣе пяти франковъ въ день; два обѣда предполагаются бесплатные. Клервилль поспѣшно отвѣтилъ, что уже нашель комнату — у него не повернулся языкъ сказать въ «Националь». Не совсѣмъ пріятно было ему и то, что для получения билетовъ пришлось воспользоваться услугами Серизье.

— Сегодня, товарищъ, ожидаются интересныя пренця и въ комиссіи по выработкѣ статутовъ Интернаціонала, — сказала секретарша, ласково улыбаясь Клервиллю. — Тамъ засѣданіе уже началось. Это во второй комнатѣ. Быть можетъ вы хотите туда попасть до общаго засѣданія?

— Нѣтъ, я только на общее засѣданіе, — торопливо, съ легкимъ испугомъ, отвѣтилъ Клервилль и поспѣшилъ отойти, поблагодаривъ секретаршу нѣсколько горячѣе, чѣмъ было нужно. Онъ такъ и не рѣшился сказать, что не принадлежитъ къ Интернаціоналу. «Ей тогда еще пришлось бы взять назадъ слово «товарищъ», вѣдь это у нихъ чинъ», — подумаль онъ. «Все-таки не могъ же Серизье выдать меня за делегата!..» Онъ взглянулъ на свою карточку и съ нѣкоторымъ облегченіемъ увидѣль слова «*presse socialiste*»: Серизье, очевидно, досталь для нихъ мѣста на трибунѣ для печати. «Ну, это ничего»

Общее засѣданіе Конференціи должно было происходить въ театральномъ залѣ. Занавѣсъ былъ поднятъ. Занавѣсъ открывалась декорация, съ дорогой, уходившей куда-то вдаль, — «вѣрно, къ социалистическому строю», — подумалъ Клервилль, но тутъ же усомнился въ своемъ толкованіи символа: можетъ, и символа тутъ не было, — а декорация принадлежала Курзалу? На сценѣ стояло два стола, — одинъ, покрытый красной скатертью, посрединѣ, прямо противъ уходившей вдаль дороги; другой, поменьше и безъ скатерти, сбоку. Въ зрительномъ залѣ, на мѣстѣ вынесенныхъ театральныхъ кресель, перпендикулярными къ сценѣ рядами стояли другіе столы, заваленные бумагами, папками, брошюрами. Залъ еще былъ пустъ. Только въ бель-этажѣ уже собралась публика, простая, не нарядная, но публика какъ публика, — такая на обыкновенномъ спектаклѣ была бы двумя ярусами выше. «Намъ, вѣрно, тоже туда?» — подумалъ Клервилль. Мимо него пробѣжалъ второй юноша-распорядитель, съ такимъ озабоченнымъ видомъ, что Клервилль никогда не рѣшился бы остановить его и спросить о своемъ мѣстѣ. Однако, юноша неожиданно самъ остановился и, взглянувъ на билетъ, объяснилъ очень любезно и подробно, что по этому билету товарищъ долженъ занять мѣсто въ ложѣ бенуара, — вотъ хотя бы въ той. Клервилль разсыпался въ выраженіяхъ благодарности. На барьерахъ ложъ бенуара лежали соломенные шляпы. «Можетъ, и мнѣ положить, чтобы закрѣпить мѣсто?» — подумалъ онъ, но счелъ свою свѣтлую шляпу недостаточно демократической. Онъ чувствовалъ себя, какъ иностранный туристъ, попавшій въ мало посѣщаемую страну, обычаевъ которой онъ совершенно не знаетъ.

Выйдя изъ залы, Клервилль оказался у дверей комнаты, гдѣ, очевидно, происходило важное совѣщаніе. Оттуда слышались голоса. Передъ дверьми стоялъ третій юноша съ красной повязкой на рукавѣ. По его мрачному, нахмуренному лицу чувствовалось, что не-избраннымъ

лучше и не пытаться войти въ эту дверь. Подходившій осанистый человѣкъ, по внѣшнему виду, могъ быть избраннымъ, — юноша вопросительно на него уставился. Клервилль поспѣшно отъ него отвернулся съ тѣмъ же неловкимъ чувствомъ человѣка, котораго принимаютъ за другого, и, къ большому своему облегченію, увидѣлъ буфетную стойку, столики и стулья.

XXVI.

Не рѣшившись почему-то потребовать коньяку или виски — можетъ, тутъ неудобно? — онъ спросилъ бутылку лимонада и хотѣлъ было самъ отнести ее къ столику. Оказалось однако, что здѣсь такъ же разносятъ напитки, какъ въ любой кофейнѣ. Клервилль устроился за столикомъ и наконецъ почувствовалъ себя свободнѣе.

Онъ смотрѣлъ на проходившихъ мимо него людей и испытывать легкое чувство раздраженія, въ которомъ самъ разбирался плохо. Эти люди зачѣмъ-то нацѣпили на себя красные банты и смѣшно называли другъ друга. Но вѣдь и военные въ сущности поступали точно такъ же: банты, ордена, «товарищъ», «Ваше превосходительство» — одинаково предназначались для того, чтобы выдѣлить группу людей изъ человѣческаго рода. Повидимому, фамильярное слово нисколько не мѣшало іерархіи: вождь, который пріѣхалъ въ автомобилѣ, явно былъ самымъ настоящимъ генераломъ, хотъ его и полагалось называть товарищемъ. «Вотъ только чины здѣсь, вѣрно, пріобрѣтаются безъ большого труда и безъ подвиговъ», — подумалъ Клервилль. — «Если-бъ я, напримѣръ, пожелалъ стать социалистомъ?..» Эта мысль его развеселила. Въ британской рабочей партіи онъ, конечно, очень скоро сталъ бы генераломъ, безъ выслуги лѣтъ, просто по своему вѣсу, — оттого, что принадлежалъ къ интеллигенціи и къ обществу, носилъ хорошее имя, даже оттого, что былъ

подполковникомъ... «Въ парламентъ могъ бы пройти, могъ бы стать министромъ, вносилъ бы запросы о разныхъ генералахъ, — вотъ кое съ кѣмъ свелъ бы счеты», — весело думалъ онъ. Собственно во всемъ этомъ не было ничего нелѣпаго и невозможнаго. Однако Клервилль прекрасно зналъ, что никогда социалистомъ не станетъ: что-то неуволимо-несерьезное въ этихъ людяхъ вызывало въ немъ недовѣрчиво-насмѣшливое чувство. Противъ ихъ дѣятельности онъ, по своимъ взглядамъ, особенно возражать не могъ. «Пожалуй, военная карьера теперь не болѣе разумна: другой войны люди ближайшихъ поколѣній не увидятъ; бессмысленна жизнь офицера, который всю жизнь готовится къ войнѣ и такъ до нея и не доживаетъ, — странная жизнь пожарнаго въ городѣ, гдѣ не бываетъ пожаровъ. Собственно у насъ преимущества, главнымъ образомъ, эстетическія. Прекрасенъ смотръ конной гвардіи, прекрасенъ выходъ короля во дворецъ, но въ большинствѣ цивилизованныхъ странъ и этого больше нѣтъ, и вездѣ, даже у насъ, это идетъ къ концу... Къ тому же, что такое красота? Въ извѣстномъ смыслѣ вотъ тотъ чловѣкъ безъ пиджака, въ дешевенькой рубашкѣ и въ надорванныхъ подтяжкахъ, и этотъ скверный бюстъ, и флажки съ зеленью, которыми они наивно стараются разукрасить свою конференцію, въ извѣстномъ смыслѣ все это, быть можетъ, близко къ идеалу красоты Рескина или Морриса», — неувѣренно думалъ Клервилль. — «Я не люблю социалистовъ, но вполне возможно, что именно они и перестроятъ человѣческую жизнь»...

... — негромко произнесъ сзади, со злобой, знакомый голосъ, Клервилль изумленно оглянулся, — онъ въ Россіи не разъ слышалъ это народное выраженіе. Къ буфету подходилъ Браунъ. Съ нимъ никого не было; очевидно онъ разговаривалъ самъ съ собой, — Клервилль зналъ странную привычку своего русскаго пріятеля.

— Halloo, comrade Brown, — весело позвалъ онъ. Браунъ сердито оглянулся. Лицо его было искажено зло-

бой. «Ну, да это теперь его обычное состояніе», — подумалъ Клервилль, показывая на свободный стулъ за своимъ столикомъ.

— Дайте мнѣ кофе, — сказала, садясь, Браунъ подошедшему буфетчику. — И коньяку, если есть французскій, — добавилъ онъ, видимо не задаваясь вопросомъ, прилично ли здѣсь пить спиртные напитки. Клервилль слово «коньякъ» разбиралъ и по нѣмецки.

— Мнѣ тоже... Кѡньякъ, — весело повторилъ онъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ. — Кѡньякъ Мартелль... Вы, кажется, чѣмъ-то недовольны? Можетъ быть, вамъ не нравится конференція?

— Я въ восторгѣ, — мрачно отвѣтилъ Браунъ.

— Я тоже въ восторгѣ, — смѣясь, сказалъ Клервилль. — Но прежде всего, гдѣ вы остановились? Моя жена очень хочетъ васъ видѣть.

— Въ «Швейцергофѣ».

— А нашъ другъ Серизье? Тамъ же?

— Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ остановился, вашъ другъ Серизье.

— Зачѣмъ такъ говорить? — радостно спросилъ Клервилль. — Или онъ что-нибудь сдѣлалъ не такъ? Ужъ не высказался ли онъ за добрыхъ старыхъ большевиковъ?

— Онъ завидуетъ большевикамъ, какъ импотентъ можетъ завидовать Распутину, — сказалъ Браунъ, отпивая сразу полрюмки коньяку. Клервилль засмѣялся. — Да и вся эта шайка не лучше его.

— Что сдѣлала шайка?

— Ничего не сдѣлала... Развѣ она можетъ что-нибудь сдѣлать? Вонъ тамъ чешутъ языкъ, — онъ показалъ со злобой на боковую комнату. — Сговариваются за счетъ Россіи. Я только-что узналъ...

— Какъ такъ? О чемъ же тамъ идетъ споръ?

— Сразу обо всемъ. Видите ли, столкнулись два теченія. Одно теченіе хочетъ, чтобы нѣмцы приняли на себя отвѣтственность за июль 1914 года. А другое теченіе доказы-

ваеть, что въ іюлѣ 1914 года были чуть-чуть виноваты всѣ. Забавно то, что у этихъ интернаціоналистовъ и идеалистовъ споръ почти такъ же опредѣляется исходомъ міровой войны, какъ въ Версалѣ! Побѣдили въ войнѣ союзники, поэтому здѣсь французы и англичане — аристократія, а нѣмцамъ, вѣроятно, придется признать, что, хотя всѣ чуть-чуть виноваты, но они, нѣмцы, виноваты чуть-чуть больше, чѣмъ другіе. Если-бъ война кончилась побѣдой Германіи, то нѣмецкіе социалисты объ ответственности и обо всемъ другомъ разговаривали бы иначе. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, всѣ радостно сойдутся на томъ, что ужъ въ слѣдующій разъ все будетъ превосходно и пролетаріатъ больше никогда ни за что ничего худого не допустить...

— Да, конечно, этотъ споръ теперь не имѣетъ практическаго значенія, — нерѣшительно сказалъ Клервилль.

— Какъ не имѣетъ практическаго значенія, помилуйте! Именно подъ этимъ видомъ у нихъ идетъ грызня: у французскихъ лѣвыхъ съ французскими правыми, у нѣмецкихъ правыхъ съ нѣмецкими лѣвыми. Это прызня фракціонная, внутренняя подъ видомъ международной, борьба людей за фирму, за довѣріе пролетаріата, за званіе «лидеровъ», за ихъ несчастныя газетки, за ихъ крошечную власть. Важно то, кого засудить апелляціонный судъ, т. е., кого признаетъ умницами и красавцами международный конгрессъ: мажоритеровъ, миноритеровъ, независимыхъ, зависимыхъ, чортъ бы ихъ всѣхъ побралъ! — почти съ бѣшенствомъ сказалъ онъ.

— При чемъ же здѣсь Россія? — озадаченно спросилъ Клервилль. Ему казалось, что Браунъ съ утра выпилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

— А какъ же? Въ Россіи идетъ, видите ли, великій опытъ. У себя они, разумѣется, такого опыта не произведутъ и не желаютъ произвести, по очень многимъ причинамъ и прежде всего потому, что Клемансо тотчасъ свернетъ имъ шею. На Россію же этимъ интернаціонали-

стамъ наплевать. Если не умою, то сердцемъ они приняли ту мысль, что для интереснаго соціального опыта стоить пожертвовать милліонами людей. Во всякомъ случаѣ они рѣшили все сдѣлать, чтобы никто интересному опыту не помѣшалъ... А какъ только они эту мысль приняли, то ничего и не осталось отъ ихъ духа. Вѣдь вся ихъ сила была — у большинства въ подлинномъ идеализмѣ, у меньшинства въ мастерской поддѣлкѣ подъ идеализмъ. Въ обыкновенной же грязненькой политической кухнѣ этимъ людямъ грошъ цѣна.

— А научно-философская цѣнность ихъ ученія? — спросилъ съ улыбкой Клервилль. Браунъ махнулъ рукой.

— Научно-философская цѣнность! Ихъ ученіе — планиметрия, — мы, я думаю, вправѣ требовать и стереометріи. Ихъ руководители, за самыми рѣдкими исключеніями, развѣ только проѣхались по философіи и по наукѣ, какъ туристы по Парижу въ автокарѣ Кука... А вотъ моральная цѣнность у нихъ была, — особенно по сравненію съ другимъ, что дѣлалось въ мірѣ. Теперь и это, все, все продано съ молотка, да какъ продано — по глупости, за безцѣнокъ!.. Что они потеряли и что получили взамѣнъ... У обезьянъ нѣтъ политической исторіи, — если-бъ она у нихъ была, то очень походила бы на человѣческую. Соціалисты, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, въ свое время пытались преодолѣть въ исторіи 'обезьянье начало — и, очевидно, теперь въ этой попыткѣ раскаялись. Надо ихъ поздравить: имъ вполне удалось загладить свою вину... Вы думаете, мнѣ легко это говорить? Вы думаете, мнѣ легко смотрѣть на то, что здѣсь происходитъ? Не съ одной иллюзіей я разстался въ послѣдніе пять лѣтъ. Я самъ раздѣлялъ когда-то и хъ надежды и настроенія. Я и сюда пріѣхалъ, какъ раньше на ту парижскую комедію: можетъ быть, все-таки что-то еще можно сдѣлать, можетъ быть, есть люди, способные увидѣть пропасть не въ двухъ шагахъ отъ себя, а подальше, вдали, на горизонтѣ...

— Это на русскомъ горизонтѣ? — спросилъ съ усмѣш-

кой Клервилль и тотчас стеръ усмѣшку. Браунъ мрачно на него посмотрѣлъ.

— Да, на русскомъ, — кратко сказалъ онъ.

— И не нашли такихъ людей на конференціи?

— Нашелъ нѣсколько стариковъ. Умные, чистые, замѣчательные люди. Но они здѣсь теперь никакого вліянія не имѣютъ, хоть обращаются съ ними почтительно. Знаете, во Франціи, когда гонятъ въ шею заслуженнаго, почтеннаго чиновника, то официально сообщаютъ объ этомъ въ чрезвычайной учтивой формѣ: «admis à faire valoir ses droits à la retraite», — не знающимъ можетъ показаться, что человѣку сдѣлано одолженіе... Ну, а большинство на этой конференціи... Моральный уровень, пожалуй, чуть выше средняго, умственный уровень, навѣрное, чуть ниже средняго, и вдобавокъ самоувѣренность, доходящая до самовлюбленности.

Клервилль закурилъ папиросу.

— Не сердитесь на меня, — сказалъ онъ примирительно, — но, право, ваше разочарованіе очень преувеличено. То, что вы говорите о социалистахъ, можетъ быть сказано о всѣхъ людяхъ... Я знаю, у васъ, эмигрантовъ, есть такая тенденція думать, что всѣ ненавидятъ Россію и обижаютъ ее по какимъ-то маккиавелическимъ соображеніямъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я этого не думаю, — раздраженно перебилъ его Браунъ. — Никакой ненависти къ Россіи у васъ нѣтъ. Правда, вамъ очень трудно повѣрить, что на русскомъ горизонтѣ (онъ подчеркнул эти слова) могутъ быть явленія покрупнѣе и поважнѣе европейскихъ, — все равно, положительныя или отрицательныя... Но это другой вопросъ, я его не касаюсь... Скажу вамъ больше: если-бъ вмѣсто Россіи, была, напримѣръ, Англія, то всѣ социалисты, — тогда кромѣ англичанъ, — отнеслись бы къ этому дѣлу точно такъ же. Нѣтъ, дѣло простое. Гдѣ-то далеко происходитъ «великій опытъ», котораго они у себя устроить не хотятъ, да и не могутъ. Но

расшаркаться передъ опытомъ необходимо, и тутъ внутренняя борьба ведется на томъ, насколько граціозно и почтительно будетъ это расшаркиванье. Правые социалисты готовы удѣлить великому опыту одну унцію сочувствія, — больше никакъ не можемъ. Лѣвые требуютъ три унціи, — меньше не возьмемъ. А центральные примирительно предлагаютъ: давайте, сойдемся на двухъ унціяхъ, и чортъ съ ней, съ Россіей!

Клервилль развелъ руками.

— Я, конечно, здѣсь чужой человекъ, — сказалъ онъ. Но вашъ взглядъ мнѣ представляется нѣсколько упрощеннымъ и невѣрнымъ!. Дѣло гораздо сложнѣе и въ московскомъ опытѣ, и въ отвѣтственности за войну... Вы, что-жь, думаете, что не надо было защищать родину?

— Да нѣтъ-же! Разумѣется, надо было защищать, да и не могли они поступить иначе! Если-бъ и хотѣли, то не могли бы: общее настроеніе не позволяло, — міръ оцетинился, и они оцетинились съ міромъ: они вѣдь все-таки люди, а не схемы и не уравненія. Бѣда была въ томъ, что до войны они десятилѣтніями обманывали другихъ и себя: мы не допустимъ, пролетаріатъ не дозволить! Потому допустили и дозволили, и теперь конфузливо вваливаютъ другъ на друга мнимую вину. Одни вошли въ правительство, другіе поддерживали, третьи голосовали за военные кредиты, четвертые воздержались отъ голосованія, пятые какъ-то чего-то потребовали, шестые однажды противъ чего-то протестовали, — все это у нихъ зарегистрировано и теперь каждая фракція хочетъ на этомъ сломать шею другой фракціи. А затѣмъ всѣ будутъ врать пролетаріату дальше, что ужъ въ слѣдующій разъ, молъ, ни за что не допустимъ. Тутъ судьба имъ послала Россію и «великій опытъ»: на этомъ можно было бы сговориться, — дѣло далекое. Но они такъ ненавидятъ другъ друга, что, увидите, и на этомъ не сговорятся!.. Да вотъ, слышите? — сказалъ онъ, показывая на боковую комнату. Оттуда въ самомъ дѣлѣ доносились очень повы-

ПЕЩЕРА

шенные голоса, порой переходившіе въ крикъ. Браунъ за-смѣялся. — Я ни на какихъ другихъ конференціяхъ не наблюдалъ подобнаго изступленія. Такъ вѣрно спорили другъ съ другомъ начетчики средневѣковыхъ конгрессовъ: въ самомъ дѣлѣ, сколько чертей можетъ помѣститься на шпиль Кельнскаго собора? Или, иными словами, когда именно падеть капиталистическій строй?

— Я не социалистъ и недолюбливаю социалистовъ, — сказалъ Клервилль. — Но нужно быть безпристрастнымъ. Я видѣлъ вблизи кухни Парижской конференціи Люцернская, по моему, чище.

— Не чище и не грязнѣе, а точно такая же. Вашъ другъ Серизье въ политикѣ такой же дѣлецъ, а въ душѣ такой же циникъ, какъ Клемансо, только гораздо глупѣе.

— Почему же вы больше сердитесь на Серизье?

— Потому, что онъ напялил на себя рыцарскіе доспѣхи, на которые не имѣетъ никакихъ правъ и которые къ его фигуркѣ не идутъ. Клемансо, по крайней мѣрѣ, не оретъ на весь міръ о благѣ человѣчества. А вашъ Серизье всю жизнь прикидывался идеалистомъ и подъ конецъ, кажется, самъ почти повѣрилъ, что онъ идеалистъ.. А можетъ быть, впрочемъ, и не повѣрилъ,—еще какъ этотъ человѣкъ кончить? Замѣьте, самыхъ циничныхъ ренегатовъ составляетъ правящей Европѣ социалистическая оранжерея идеализма. Такъ самые ожесточенные безбожники выходятъ изъ семинарій.

— Мой мрачный другъ, — сказалъ не безъ раздраженія Клервилль, — вы классифицируете людей, какъ энтомологъ Фабръ, писавшій чудесныя книги, классифицировалъ насѣкомыхъ. Но онъ ихъ, по крайней мѣрѣ, любилъ... Сочувствую вамъ: должно быть, вамъ очень нелегко жить на свѣтѣ. Что можно дѣлать въ жизни съ взглядами, подобными вашимъ? Когда-то, еще въ Петербургѣ, вы мнѣ сказали слово, оставшееся у меня въ памяти: «le grand vide des vies bien remplies»... Не помню сейчасъ, къ кому вы его тогда относили, — я же нескромно отнесъ

его къ вамъ. Вижу въ васъ живое доказательство тщеты и сухости рационализма.

Браунъ засмѣялся.

— Я знаю, вы меня стилизуете подь какого-то провинціального демона, — сказалъ онъ. — Если хотите, я рационалистъ: слово не очень ясное. Но рационалистъ я безъ подобающаго рационалисту энтузіазма и, главное, безъ малѣйшей вѣры въ торжество разума. Какъ было бы хорошо, если-бъ разумъ торжествовалъ вездѣ и во всемъ! Но не торжествуетъ онъ почти ни въ чемъ и нигдѣ. Ньютонъ однажды сказалъ, что Господу Богу со временемъ придется передѣлать міръ, вслѣдствіе какихъ-то несовершенствъ во взаимоотношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, — эти несовершенства грозятъ намъ большими неприятностями. Такъ то небесныя свѣтила. А вѣдь на землѣ еще продолжается каменный вѣкъ!

— Я этого никакъ не думаю, но тогда въ самомъ дѣлѣ вамъ съ разумомъ торопиться некуда.

— Я не очень и тороплюсь... Разумъ это стратосфера. У каждаго человѣка должна быть какая-нибудь стратосфера. Только въ свою я попасть не рассчитываю.

— Да можетъ быть, въ вашей стратосферѣ скучно и холодно?

— Очень можетъ быть. Горжусь рѣдкими завоеваньями разума, но самое лучшее изъ всего, что я въ жизни зналъ, было все-таки иррациональное: музыка. Одно иррациональное, пожалуй, и вѣчно. Бетховенъ переживетъ Декарта.

— Я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ вижу, что и у васъ есть противорѣчія... Полноже, другъ мой, и Россія не погибла, и каменный вѣкъ давно кончился. Кризисъ передовыхъ идей? Насколько я помню, передовыя идеи всегда переживали кризисъ. Это, повидимому, ихъ обычное состояніе, на то онѣ и передовыя. Точнѣе, всегда были и будутъ люди, которымъ пріятно или выгодно говорить о кризисѣ передовыхъ идей. Я старый либераль, — развѣ

прежде не казалось, что существует либеральный островъ въ морѣ насилія и реакціи? Да оно, собственно, такъ и было. Кто правилъ до войны въ Германіи, въ Австріи, у васъ? Не говорю уже объ Азіи, гдѣ живетъ, кажется, двѣ трети человѣчества. А съ войной Европа кое-что у Азіи отвоевала. Вотъ и Лига Націй появилась, и это ужъ хотя бы потому очень пріятно, что мы съ вами встрѣтились въ моментъ ея рожденія, на свѣтъ Божій, въ день рѣчи президента Вильсона, — весело сказалъ Клервилль. — Хотя вы навѣрное и противъ Лиги Націй? Я увѣренъ, что вы считаете Лигу Націй нелѣпостью, правда?

— Нисколько. Лига Націй не нелѣпость. Версальскій миръ тоже не нелѣпость. Зато ихъ сочетаніе совершенно нелѣпо. Президентъ этого не понималъ, и вотъ за что миръ дорого заплатитъ. Мы, мы заплатимся! Поплатимся за то, что родились не во время. Мы какъ тотъ анекдотическій иностранецъ, который требовалъ билета на *gelâche*. Нашъ спектакль былъ и кончился. А теперь намъ дѣлать въ мірѣ нечего: *gelâche*. Не сгорѣли, такъ истлѣемъ: горѣніе и тлѣніе — одинъ и тотъ же процессъ, разница только во времени.

— Не сгорите и не истлѣете, все это только страшныя слова. («Въ самомъ дѣлѣ, у него маленькая литературная слабость къ страшнымъ словамъ», — подумалъ благодушно Клервилль. — «Вѣрно, все это изъ его «Ключа»... Забавно: всѣ русскіе увѣрены, что они самый простой народъ на свѣтѣ, органически не выносящій краснорѣчія. А въ дѣйствительности гдѣ же французамъ до нихъ!..»).

— Конечно, Россія не погибла, — сказалъ Браунъ. — Вѣдь и Греція тоже не погибла: и поля тѣ же, и горы тѣ же, и рѣки тѣ же, и греки есть, — правда, другіе. Въ коммунистическомъ мірѣ появится новая порода людей. Они, какъ рыбы на днѣ морей, приспособятся къ невыносимому давленію... Ну, что-жъ, пусть и будутъ двѣ среды и двѣ людскія фауны. Лишь бы только онѣ не общались, — съ внезапной злобой сказалъ онъ. — Миѣ противна и та среда, и

та фауна!.. О, я знаю, разумѣется, разумѣется, виноваты будемъ мы, они будутъ правы! Черезъ сто лѣтъ историкъ коммунистической Европы описходительно о насъ напишетъ: «Къ сожалѣнію, они не поняли, они не приняли идей новаго строя и отвернулись отъ этихъ идей съ ужасомъ»... Тутъ онъ, конечно, упомянетъ о римлянахъ время упадка... Жаль, что я не буду имѣть возможности поговорить съ этимъ дуракомъ. Онъ будетъ въ восторгѣ отъ своей проицательности, отъ своей исторической правоты... Смотрите, засѣданіе вождей кончилось... Число чертей на спицахъ установлено, но, кажется, не единогласно.

Изъ боковой комнаты стали выходить люди. Лица у нихъ въ самомъ дѣлѣ были раздраженныя и злыя. Тотъ вождь, котораго Клервилль встрѣтилъ въ подвѣздѣ, возбужденно говорилъ съ толстой дамой. У дамы лицо было въ красныхъ пятнахъ, — она ахала и стонала, поднимая къ потолку руки съ брошюрой. Шумъ усилился. Изъ открытыхъ дверей доносился визгливый крикъ. Невысокій человекъ съ рыжей бородой, вцѣпившись въ Серизье, что-то убѣдительно ему доказывалъ. Французскій депутатъ раздраженно отъ него отмахнулся и пошелъ къ буфету. Увидѣвъ Клервилля, онъ остановился. Лицо у него сразу измѣнилось.

— Начинаеть становиться жарко, — съ улыбкой сказалъ онъ, здороваясь. Это замѣчаніе могло относиться и къ погодѣ, и къ настроенію на конференціи.

— Выпейте съ нами чего-нибудь, — предложилъ Клервилль.

— Не могу, сейчасъ открывається засѣданіе, надо идти туда.

— Развѣ работа идетъ не совсѣмъ гладко? — ласково осведомился Браунъ, глядя на Серизье съ нескрываеомой насмѣшкой.

— Гдѣ люди, тамъ и разногласія, — уклончиво отвѣтилъ Серизье. — Вотъ идетъ ваша супруга.

Къ нимъ дѣйствительно подходила Муся. Видъ у нея былъ оживленный и радостный.

— Папѣ лучше!.. Гораздо лучше! — сказала она мужу и тотчасъ обратилась къ Серизье и Брауну. — Болѣзнь моего отца оказалась болѣе серьезной, чѣмъ я думала... Нѣтъ, ничего опаснаго, сегодня онъ чувствуетъ себя прекрасно.

— Какъ я радъ! Я былъ увѣренъ, что это не опасно.

— Сегодня я прямо его не узнала, они пошли гулять, я только пять минутъ съ ними пробыла... Я страшно рада... Господа, я непременно хочу, чтобы вы пришли къ намъ послѣзавтра обѣдать въ «Националь». Непременно!

— Прекрасная мысль, — подтвердилъ Клервилль.

— Очень благодарю, но я, право, не знаю, какъ послѣзавтра будетъ здѣсь, — началъ Серизье. Муся не дала ему кончить.

— Ничего не хочу слышать! Послѣзавтра здѣсь все будетъ такъ же благополучно, какъ сегодня. А если будетъ и неблагополучно, то обѣдать вамъ вѣдь все равно надо? Послѣ обѣда я васъ тотчасъ отпущу. А вы? — мнѣ рѣшительно обратилась она къ Брауну. — Я надѣюсь...

— Спасибо, — равнодушно до невѣжливости отвѣтилъ Браунъ.

— Вотъ и прекрасно, такъ мы васъ будемъ ждать ровно въ восемь. Вамъ удобно въ восемь? Отлично... А теперь покажите же мнѣ все, я все, все хочу видѣть... Мнѣ страшно у васъ нравится, страшно, — говорила Муся послѣ двухъ минутъ пребывания на конференціи. — Отдыхаешь отъ атмосферы Версаля, — пояснила она, инстинктомъ доводя настроеніе. — Покажите мнѣ все... Кто этотъ человекъ? Очень красивый... Кто это?

— Тотъ? Это соотечественникъ вашего мужа, — отвѣтилъ Серизье. — Рамсай Макдональдъ.

— Вотъ какъ! Это онъ? — переспросилъ Клервилль съ неприятнымъ чувствомъ. Въ его кругу считалось не совсѣмъ приличнымъ говорить объ этомъ человекѣ.

— Тотъ самый, о которомъ тогда съ такимъ ужасомъ говорила тетка? — спросила удивленно Муся. — Большевикъ?

— Нѣтъ, онъ не большевикъ, — возразилъ Серизье.

— Такъ полубольшевикъ.

— И не полубольшевикъ. Это просто фанатикъ, чело-вѣкъ не отъ міра сего, — сказалъ Серизье тономъ, кото-рый свидѣтельствовалъ, что онъ отдастъ людямъ не отъ міра сего должное, не одобряя ихъ. — Весь кругъ его мыс-лей внѣ жизни. Эти люди выражаютъ романтику непри-миримаго социализма, не идущаго ни на какіе компро-миссы. Конечно, въ ихъ душевной чистотѣ есть свое оча-рованіе, какое, вѣроятно, было у Франциска Ассизскаго... *Toutes proportions réservées*, — добавилъ онъ, смѣясь. — Вотъ этотъ тоже фанатикъ, но въ другомъ родѣ.

— А этотъ кто?

— Нѣмецъ, независимый, Гильфердингъ, редакторъ «Freiheit»... Это очень интересное явленіе, — продолжалъ Серизье. — Свобода такъ неожиданно досталась нѣмцамъ, что они совершенно опьянѣли. Гильфердингъ говоритъ, что германская демократія осуществитъ социалистическій строй теперь же, сейчасъ... Мало того, Германія, по ихъ мнѣнію, освободитъ весь міръ!

— Это какой-то мессіаниззмъ, — сказала Муся.

— Утопическій мессіаниззмъ, — пояснилъ Клервилль. Онъ все же не хотѣлъ, чтобы весь міръ освободила имен-но Германія.

— Міръ въ одинъ день не освобождается и не пере-страивается, — сказалъ Серизье, — но пора, конечно, по-думать о новомъ словѣ.

— Разумѣется, — подтвердила Муся. О новомъ словѣ она не разъ слышала въ Россіи, и съ этимъ было связано немало неприятностей. — Такъ ради Бога, покажите мнѣ все, — обратилась она къ Серизье, — и объясните подроб-но, потому что я дура и ничего не знаю...

XXVII.

Кременецкій и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя гораздо лучше. Боли прекратились, фурункулъ зажилъ. Семень Исидоровичъ пересталъ думать о смерти. Не думалъ онъ больше и о томъ, что жизнь, въ сущности, не удалась, несмотря на общественныя заслуги. Философскія книги Тамара Матвѣевна потихоньку убрала со столика. Она все еще не вѣрила счастью: передъ ней былъ прежній Семень Исидоровичъ! Въ этотъ день утромъ онъ весело и остроумно разговаривалъ о политикѣ съ Клервиллемъ и со своимъ украинскимъ пріятелемъ. Передъ завтракомъ они долго гуляли, и прогулка не утомила больного.

— Это ты, мое солнышко, принесла мнѣ здоровье, — сказалъ Мусъ Семень Исидоровичъ днемъ за чаемъ, который они теперь пили не въ номерѣ, а на верандѣ, выходящей на озеро.

— Какъ я рада! Васъ, папа, дѣйствительно, узнать нельзя, когда вы выбриты и одѣты, не то, что въ первый день, послѣ нашего приѣзда.

— Просто другимъ человекомъ себя чувствую!.. Вѣдь я, право, одно время думалъ, что окочурюсь...

— Я тебя очень прошу! — начала, блѣднѣя, Тамара Матвѣевна. — Ты отлично знаешь, какъ я это ненавижу!.. Никакой опасности и прежде не было. Зиберъ мнѣ прямо сказалъ...

— Много онъ знаетъ, твой Зиберъ! Все это одна грабловка, всѣхъ ихъ въ мѣшокъ, да въ воду! — сказалъ съ досадой Семень Исидоровичъ, вспомнивъ опять профессора съ длинной бородой, который не находилъ нужнымъ успокаивать больныхъ. — Это форменный дуракъ, Мусенька, ты его не знаешь. Придетъ, выслушаетъ съ похороннымъ видомъ за свои сто франковъ, и потомъ велитъ не волноваться, точно въ насмѣшку! Хорошо, что

я не изъ пугливыхъ и не слишкомъ боюсь старушки съ косою... Двумъ смертямъ не бывать...

— Я тебя умоляю!..

— Ладно, ладно, не буду...

— Тѣмъ болѣе, папа, что теперь вы совершенно здоровы. Старушка съ косою очень далеко.

— Можетъ, и не совершенно здоровъ, но я прямо другой человѣкъ сталъ, — повторилъ весело Семень Исидоровичъ. — По сему случаю подъ вечеръ выйду, одинъ, прогуляю, когда жаръ спадетъ... Думаю подняться къ Люцернскому льву, люблю этотъ шедевръ безъ мѣры, такъ бы часами смотрѣлъ, — говорилъ Семень Исидоровичъ вполне искренно: Люцернскій памятникъ льва напоминалъ ему его самого, особенно на посту въ Кіевѣ.

— Ты, Мусенька, представить себя не можешь, — встала, сияя, Тамара Матвѣевна. — Мы прошли минимумъ пять километровъ, къ самой Drei Linden и еще дальше кругомъ... Ты вѣдь знаешь, что докторъ настаиваетъ: возможно больше движенія. Но обыкновенно мы ходимъ медленно, — изъ-за меня, конечно, — добавила она, — мнѣ трудно ходить быстро. А сегодня я за палой прямо не поспѣвала! Все хочетъ бѣжать, какъ будто его, какъ въ Питерѣ, ждетъ десять тысячъ дѣлъ!

— Я такъ и думала, папа, — сказала Муся, съ ужасомъ представляя себя скуку этихъ прогулокъ ея родителей. Муся не догадывалась, что для Тамары Матвѣевны онѣ были высшимъ наслажденіемъ: потеря состоянія и горе, которое бѣдность причиняла Семену Исидоровичу, въ значительной мѣрѣ вознаграждались для нея тѣмъ, что она теперь проводила съ мужемъ цѣлый день. — Я такъ и думала, что ваша болѣзнь, не говорю вся, но на три четверти, была отъ переутомленія и отъ нервовъ. Вспомните, какъ вы революционались съ 1917 года!

— Скажи еще, что папа почти не отдыхалъ съ самаго начала войны! Двѣ недѣли въ Сестрорѣцкѣ, или нѣскольکو дней на Иматрѣ, развѣ это былъ отдыхъ при его ка-

торжномъ трудѣ! Сколько разъ я его умоляла уѣхать мѣсяца на два, въ Крымъ или въ Кисловодскъ... А потомъ Кіевъ, ты забываешь Кіевъ! Я иногда во снѣ вижу, какъ мы оттуда бѣжали! Какъ мы только съ ума не сошли! Это просто чудо, что насъ не схватили и не разстрѣляли! — говорила съ ужасомъ Тамара Матвѣевна, видимо, находившая вполнѣ естественнымъ, что заодно съ мужемъ должны были разстрѣлять и ее и что они должны были сойти съ ума вмѣстѣ. — Я всегда повторяю папѣ, что послѣ нашего спасенія изъ Кіева, мы ни на что больше не имѣемъ права жаловаться.

— Знаете что, папа? — сказала Муся. — По моему, вы должны написать свои воспоминанія.

— А что я ему всегда говорю!

— Мемуары? Вы думаете, это мнѣ самому не приходило въ голову? — спросилъ со вздохомъ Семень Исидоровичъ, жадно выпивая залпомъ стаканъ холоднаго чая. — Я всю жизнь жилъ очень интенсивной жизнью, и было не до записыванія. А жаль! Теперь, конечно, надо бы написать...

— Такъ вотъ вы и напишите.

— Вотъ я самъ всегда шутилъ надъ сановниками, которые, уйдя въ отставку, садятся за мемуары. А вѣдь шутики въ сторону: развѣ то, что я видѣлъ и дѣлалъ хотя бы въ этомъ самомъ Кіевѣ, Рада, гетманъ, моя роль, развѣ это не самая настоящая исторія?

— Разумѣется! Какой вопросъ! — подтвердила Тамара Матвѣевна.

— И особенно теперь, когда на насъ только лѣнливый не вѣщаетъ собакъ, — продолжалъ, увлекаясь, Семень Исидоровичъ, — собственно, моя прямая обязанность, мой морально-политическій долгъ произнести для потомства защитительную рѣчь по этому большому дѣлу. Отъ нея многимъ не поздоровится, отъ моей рѣчи, — съ угрозой добавилъ онъ. — Я не спорю, были допущены ошибки, всѣ мы человѣки, и не ошибается тотъ, кто ничего не

дѣлаетъ. Но общая моя линія была безукоризненно вѣрной, и я это докажу... Я знаю, было очень легко и просто встать въ сторонѣ, со скрещенными руками, не лѣзть въ драку и критиковать, храня бѣлоснѣжность ризы. Но это не въ моей натурѣ, и я...

— Тебѣ вредно волноваться, я тебя прошу, ради меня...

— Ахъ, оставь, золото! Да, конечно, надо написать мемуары! — сказала Семень Исидоровичъ, вставая. Онъ большими шагами прошелся по верандѣ.

— Вотъ вы за нихъ и сядьте, папа. Я увѣрена, что это будетъ интереснѣйшая статья.

— Не статья, а цѣлая книга. Еже писахъ, писахъ. Тогда начать съ молодости, провести, такъ сказать, основную линію, по которой мы шли, нарисовать идеалы, которымъ я служилъ съ первыхъ лѣтъ жизни. Я началъ бы съ Деляновскихъ гимназій, бывшихъ разсадникомъ глухого оппозиціоннаго духа въ Россіи, вся эта мертвечина людей двадцатаго числа, латынь, которой насъ пичкали чехи, — какъ все это претворялось въ юной душѣ харьковскаго гимназиста! Потомъ Питеръ, университетъ, первая заря освободительныхъ идей, адвокатура, общественное служеніе, замѣчательные люди, которыхъ я зналъ, и, наконецъ, революція, тотъ крахъ, который я предвидѣлъ съ перваго дня!..

— Я тебя умоляю, не волнуйся!

— ...Потомъ Кіевъ, — и вотъ, разбитое корыто! — сказала горько Семень Исидоровичъ, обводя жестомъ Люцернское озеро. — Ну, да, что-жь! Для работы всякаго человѣка есть предѣлъ, его же не преjdeши.

— Ты знаешь, Мусенька, я вѣдь, конечно, вывезла папку съ юбилеемъ папы, всѣ отчеты, статьи, фотографіи, рѣчь самого папы... Только смялось немного, когда мы бѣжали: у меня это было спрятано подъ лифомъ. Въ Житомирѣ, когда мы съ минуты на минуту ждали, что попадемъ въ руки чекистовъ, я чуть сама ее не сожгла. Все приготовила, чтобы сжечь въ послѣднюю минуту, но, слава Бо-

гу, удалось провезти. Едва ли у кого-нибудь есть все это въ Европѣ... Ты это вставишь въ книгу.

— Да, конечно, можетъ пригодиться и этотъ матеріаль. Въ качествѣ простой иллюстраціи, — скромно сказалъ Семень Исидоровичъ.

— А если тебѣ трудно писать отъ руки, такъ ты можешь мнѣ диктовать.

— Нѣтъ, диктовать я не могъ бы. Тутъ надо обдумывать каждое слово, это не письмо. Но, ужъ если я рѣшусь засѣсть за мемуары, то мы возьмемъ напрокатъ машинку.

— Развѣ вы умѣете писать на машинкѣ, папа? Я не знала.

— Представь себѣ, папа научился въ какія-нибудь двѣ недѣли, — и какъ! Въ Берлинѣ, гдѣ мы жили, у хозяина пансіона была русская машинка, и онъ ее предоставилъ папѣ, чтобъ научиться. Онъ такъ уважалъ папу! И папа черезъ двѣ недѣли сталъ писать, — прямо, какъ Анна Ивановна... Помнишь Анну Ивановну, которая у насъ въ Питерѣ служила въ канцеляріи папы? Хорошая дѣвушка, такъ была привязана къ папѣ... Мы слышали, она теперь страшно бѣдствуетъ...

— Не какъ Анна Ивановна, но кое-какъ строчу.

— А отъ руки папѣ теперь труднѣе писать. Я даже настаивала, чтобъ папа купилъ машинку. Онъ здѣсь видѣлъ чудный Ремингтонъ съ русскими буквами, но страшно дорого: пятьсотъ франковъ.

— Развѣ это такъ дорого?

— Мусенька, пятьсотъ швейцарскихъ франковъ!

— Папа, вотъ что я вамъ скажу. Черезъ пять недѣль вашъ день рожденія. (Тамара Матвѣевна просвѣтлѣла отъ того, что Муся это помнила). Мы съ Вивіаномъ уже давно думаемъ: что бы вамъ купить въ подарокъ? Но въ сентябрѣ я опять буду далеко отъ васъ. Надо будетъ, значить, посылать по почтѣ, это трудно, и пересылка стоитъ денегъ, да еще придется платить пошлину. Такъ вотъ что

мы сдѣлаемъ: вы намъ позвольте поднести вамъ теперь, раньше срока, въ подарокъ эту самую машинку.

— Какой вздоръ!

— Почему вздоръ?

— Гдѣ же видано дарить такіе дорогіе подарки! И это выйдетъ, что мама напросилась...

— Папа, какъ вамъ не стыдно! Вотъ не ожидала!.. Вы мнѣ всю жизнь дѣлали самые дорогіе подарки, — вотъ и это еще недавно, всѣ восхищаются, — она показала на цѣпочку съ жемчужиной, которой не снимала въ Люцернѣ, чтобы сдѣлать удовольствіе родителямъ. — А теперь, когда у меня впервые появились свои деньги, я, очевидно, должна послать вамъ ко дню рожденія коробку конфетъ? Да?.. Вы говорите, пятьсотъ франковъ дорого? Ничего не подѣлаешь, должна вамъ сказать по секрету, — не выдавайте только меня Вивіану, — что онъ для васъ въ Парижѣ выбралъ подарокъ почти въ полтора раза дороже: хронометръ, вмѣсто того, который у васъ украли въ поѣздѣ, — экспромптомъ солгала Муся.

— Какъ это мило! Я говорю объ его вниманіи. Хронометръ мнѣ теперь не нуженъ, купилъ стальные часы за пятнадцать франковъ и очень доволенъ. По одежкѣ протягивай ножки.

— Онъ страшно милый, Вивіанъ, страшно.

— Вивіанъ не купилъ хронометра только потому, что я его уговорила не торопиться: сознаюсь вамъ, я хотѣла сначала у мамы узнать, что именно вамъ доставить удовольствіе. Значить, вы намъ на этой машинкѣ только сдѣлаете экономію.

— Милая Мусенька, я не о деньгахъ говорю; мнѣ и коробка конфетъ отъ васъ была бы, разумѣется, равно мила, малъ золотникъ, да дорогъ. Но я къ тому говорю, что радоваться, собственно, нечему: 54 года стукнетъ человѣку, плакать бы надо, — что-жъ, знаменовать сіе событіе подарками, да еще такими дорогими?

— Да вѣдь я вамъ всегда по такимъ же событіямъ да-

рила подарки, только на ваши же деньги. Нѣтъ, нѣтъ, это дѣло рѣшенное!

— Нисколько не рѣшенное.

— Я слышать ничего не хочу! Куплю машину и велю вамъ послать. Что вы можете со мной сдѣлать?

— Если Мусенька такъ настаиваетъ? — сказала нерѣшительно мужу Тамара Матвѣевна. Ей самой было нѣсколько неловко, особенно отъ того, что о машинѣ заговорила она; но она знала, что этотъ подарокъ будетъ большой радостью для Семена Исидоровича: онъ все любовался Ремингтономъ въ витринѣ и отказывался отъ покупки изъ-за высокой цѣны. — Если они такъ рѣшили, и если они еще разсердятся на насъ?..

— Я очень разсержусь, прямо говорю. Нѣтъ, папа, пожалуйста, не спорьте.

— Милая моя, сердечно тебя и Вивіана благодарю, — сказала, сдаваясь, Семепъ Исидоровичъ.—Я очень тронуть. И ужъ если говорить правду, то лучше подарка ты никакъ не могла бы мнѣ сдѣлать. Самъ бы я этой машинки не купилъ, при нашихъ пиковыхъ дѣлишкахъ: былъ конь, да извѣзился. А если машинка будетъ, то я, навѣрное, тотчасъ засяду за работу... Повторяю, мнѣ давно хочется все это записать.

— Я страшно рада. Но давайте, не откладывая, сдѣлаемъ это сегодня же. Дайте мнѣ адресъ магазина и объясните, какая именно машина?

— Ну, нѣтъ, это такъ не дѣлается. Машинку покупать, это что жену выбирать...

— Благодарите, мама.

— Надо самому все осмотрѣть, проверитъ буквы, попробовать, и такъ далѣе. Тогда ужъ пеняй на себя, пойду съ тобой вмѣстѣ.

— Отлично, но когда же? Хотите, поѣдемъ со мной вмѣстѣ на эту несчастную конференцію, — я сейчасъ туда должна бѣжать, — а на обратномъ пути купимъ машинку? Я на конференціи пробуду недолго. Надо вѣдь по-

заботиться и о нашемъ сегодняшнемъ обѣдѣ... Какъ жаль, что вы не можете прійти къ намъ обѣдать.

— Нѣтъ, что-же, мы съ папой только васъ стѣснимъ.

— Нисколько, мама, но какъ знаете... А билетъ на сегодняшнее засѣданіе конференціи Серизье вамъ достанетъ.

— Мнѣ на социалистическую конференцію, голубушка, и показаться нельзя. Ты забываешь гетмана, — сказала съ усмѣшкой Семень Исидоровичъ такимъ тономъ, точно социалисты всѣхъ странъ непременно тотчасъ разорвали бы его на части, если-бъ онъ среди нихъ появился. — И Вивіану не совѣтую тамъ говорить, что онъ мой зять...

— Ему что! Онъ, слава Богу, не социалистъ... Такъ какъ же намъ сдѣлать?

— Милая моя, эта покупка не къ спѣху... Спасиѡ, Мусенька...

— Нѣтъ, я непременно хочу, чтобы вы сегодня или завтра приступили къ работѣ надъ воспоминаніями. Говорятъ, для этого нуженъ запаль...

— Можно такъ сдѣлать, — предложила Тамара Матвѣвна, чувствовавшая, какъ и Муся, что Семену Исидоровичу страстно хочется получить машинку именно сегодня. — Вотъ ты собираешься пойти днемъ на вторую прогулку, одинъ, безъ меня, — сказала она, подавляя легкое чувство обиды. — Такъ ты по дорогѣ зайди въ магазинъ и скажи, чтобы машинку прислали къ намъ сюда.

— А счетъ пусть пошлютъ мнѣ въ «Националь».

— Зачѣмъ же такъ сложно: машинку намъ, а счетъ тебѣ? Нѣтъ, тогда я ее куплю и заплачу, ужъ если вы такъ милы. А ты мамѣ вернешь деньги... Она у меня теперь казначейша... Бѡюсь, не обкрадываетъ ли меня? — пошутилъ Семень Исидоровичъ. Онъ былъ чрезвычайно обрадованъ подаркомъ.

— Разумѣется. Это, въ самомъ дѣлѣ, еще проще.

— Только мнѣ, Мусенька, будетъ странно и смѣшно получить отъ тебя деньги, — сказала Тамара Матвѣвна.

XXVIII.

Магазинъ, въ которомъ продавалась пишущая машина, былъ расположенъ довольно далеко отъ виллы Кременецкихъ. Семень Исидоровичъ вышелъ изъ дому въ шестомъ часу, поцѣловавъ на прощаніе жену, — хотѣлъ пройтись одинъ: надо было собрать мысли. Онъ чувствовалъ радостное волненіе, какого давно не испытывалъ. Вопросъ о мемуарахъ теперь былъ рѣшенъ окончательно, и эти мемуары давали новый смыслъ его жизни.

— Только, пожалуйста, долго не оставайся въ магазинѣ, — говорила на прощаніе Тамара Матвѣевна, вполне утѣшенная поцѣлуемъ мужа. — Вотъ деньги... Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ... Заплати и вели къ намъ прислать. А изъ магазина, пожалуйста, сейчасъ же пойдн гулять.

— Слушаю-сь, ваше превосходительство!

— Ты шутишь, а помни, что сказала Зиберъ: главное, это режимъ и моціонъ, режимъ и моціонъ... Я тебѣ совѣтую потомъ пойти не ко льву, а по набережной, до лаунъ-тенниса и назадъ. Этого вполне достаточно, и не въ гору... Все-таки мы сегодня уже много ходили, и ты, должно быть, очень усталъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

— А я очень устала и даже немного теперь прилягу.

— Такъ точно, ваше превосходительство!.. Честь имѣю откланяться...

Въ самомъ лучшемъ настроеніи духа Семень Исидоровичъ вышелъ изъ дому. Мысли его были всецѣло поглощены Ремингтономъ. Это была не переносная, маленькая, а настоящая прочная машина, какая можетъ служить долгіе годы, — Семень Исидоровичъ точно самъ себя подкрѣплялъ заботой о долговѣчности Ремингтона. «Правда, перевозить неудобно... Но я не такъ часто переѣзжаю, а въ Люцернѣ, вѣрно, останусь надолго... Какіе они милые,

Муся и Вивіанъ!.. Да, непременно начать работу сегодня же. Надо только, чтобы на клавиатурѣ было все, что мнѣ нужно», --- озабоченно-радостно думалъ Кременецкій. Въ той, берлинской машинѣ почему-то не было ни вопросительнаго, ни восклицательнаго знаковъ; они потомъ представлялись отъ руки, — выходило некрасиво. «Но это, конечно, можно замѣнить... Значекъ процентовъ, напимѣръ, или номеръ мнѣ едва ли будутъ нужны»... — Онъ соображалъ, гдѣ ему могли бы понадобится эти значки: какъ будто нигдѣ, ни въ одномъ раздѣлѣ, — мемуары должны были состоять изъ раздѣловъ, раздѣлы изъ главъ. Семень Исидоровичъ мысленно прикидывалъ. Мемуары составятъ книгу въ 600-700 страницъ. Если писать по три-четыре страницы въ день, то работу можно кончить въ полгода. Потомъ надо будетъ найти издателя. «Въ крайнемъ случаѣ, издамъ на свой счетъ... Сколько это можетъ стоить? Скажемъ, три тысячи франковъ? Правда, это теперь очень большая сумма. Но для чего же и беречь послѣднія деньги, если не для такого дѣла, для объясненія смысла своей жизни, для книги, имѣющей подлинное общественное значеніе? Притомъ значительная часть изданія, навѣрно, разоидется, даже и при нынѣшнихъ условіяхъ. Каждому будетъ интересно узнать мой взглядъ на прошлое, настоящее, будущее. Можетъ, со временемъ будетъ и доходъ? Могутъ быть иностранные переводы... Одинъ томъ или два? Нѣтъ, конечно, изданіе окупится. Это даже не плохое помѣщеніе капитала. Во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ мои марки»... Кременецкій вдругъ, проходя мимо часовъ, увидѣлъ, что до закрытія магазиновъ оставалось не болѣе десяти минутъ. «Какъ же это я такъ опоздалъ?» — спохватился онъ. — «Непременно надо поспѣть»... Онъ пошелъ быстрѣе. вмѣстѣ съ ускореніемъ шага, выросло и его возбужденіе. «На завтра ни за что не надо откладывать. Нужно непременно, чтобъ прислали сегодня же»...

На поворотѣ въ улицу, гдѣ находился магазинъ, Семень Исидоровичъ вдругъ почувствовалъ, что у него стучитъ

сердце. Онъ на мгновение остановился и передохнулъ. Тамара Матвѣевна никогда не допустила бы, чтобы онъ шелъ такъ быстро. Было безъ пяти минутъ шесть. «Да, прямо летѣлъ... Сердце это ничего, это сейчасъ пройдетъ»... Онъ подошелъ къ магазину. Ремингтонъ все такъ же стоялъ на своемъ мѣстѣ, на краю витрины, слѣва.

— Guten Abend, — радостно-дружелюбнымъ голосомъ сказала Семень Исидоровичъ, входя въ магазинъ. Приказчикъ, причесывавшійся передъ зеркаломъ, поспѣшно къ нему повернулся. — T-n-Abend, — совсѣмъ какъ нѣмецъ и какъ старый знакомый, повторилъ Семень Исидоровичъ. Справляясь не безъ труда съ дыханіемъ, онъ объяснилъ, что желаетъ купить ту русскую машину, о которой спрашивалъ позавчера.

Приказчикъ, видимо, не совсѣмъ довольный, тотчасъ досталъ машину. Она была прелестна: все въ ней, и клавиши съ металлическими ободками, и блестящія лакированные стѣнки, и сверкающая съ рычажковъ, и золотыя буквы Remington на черномъ лакѣ, все было необыкновенно изяшно. Приказчикъ вставилъ подъ валикъ листокъ бумаги. Семень Исидоровичъ перепробовалъ всѣ буквы, — онѣ отпечатывались такъ отчетливо, что было любо смотреть. Онъ передвинулъ бумагу на валикъ, попробовалъ регистры, движеніе назадъ, — нѣтъ, ничего не забылъ, все работало превосходно. Радость переполняла душу Кременецкаго. У него даже чуть закружилась голова. Приказчикъ, поглядывая на часы, быстро объяснялъ, какъ надо мѣнять ленту. Это было довольно сложно, но вѣдь до перемѣны ленты еще далеко?

— Наши ленты держатся пять-шесть мѣсяцевъ... Вотъ здѣсь, въ этой брошюрѣ все объяснено очень подробно, съ рисунками.

— Да, да, очень благодарю... Я что-то хотѣлъ спросить, не помню... Да...

Семень Исидоровичъ пробѣжалъ взглядомъ клавиши. Вопросительный знакъ былъ, но восклицательнаго знака

не было. «Ахъ, какая досада!..». Онъ обратился къ приказчику, да забылъ, какъ по-нѣмецки восклицательный знакъ. Вопросъ у него вообще какъ-то не вышелъ. Семень Исидоровичъ пояснилъ движеніемъ пальца по бумажкѣ. — *Ausrufungszeichen*? Приказчикъ признался: къ сожалѣнію, восклицательнаго знака нѣтъ.

— Но вы можете его поставить? Въмѣсто чего-нибудь другого?

— Разумѣется. Очень охотно.

Семень Исидоровичъ колебался: поставить ли восклицательный знакъ вмѣсто процентовъ или вмѣсто номера, — вотъ онъ, подѣ цифрой 8. Ему жалко было лишиться и того, и другого: все-таки, можетъ понадобиться. «Нѣтъ, проценты никогда не понадобятся.. Можно вѣдь написать и буквами: столько-то процентовъ»..

— Пожалуйста, поставьте вмѣсто процентовъ.

— Очень охотно. Послѣзавтра будетъ готово... Куда прикажете послать?

— Какъ послѣзавтра? — испугался Семень Исидоровичъ. — Мнѣ необходимо сегодня.

Приказчикъ удивленно на него взглянулъ и пояснилъ, что сегодня замѣнить букву никакъ нельзя: магазинъ сейчасъ закрывается.

— Но тогда не надо мѣнять! Тогда пусть сейчасъ будетъ такъ, какъ есть! А черезъ два-три дня вы это замѣните.

— Очень охотно. Всегда къ вашимъ услугамъ. И въ случаѣ какой-либо починки, машина нами гарантируется на годъ.

— Починка? Какъ, только на годъ? Развѣ это непрочная машина? — опять заволновался Семень Исидоровичъ.

Приказчикъ его успокоилъ уже съ легкимъ нетерпѣніемъ: нѣтъ, машина чрезвычайно прочная, но все можетъ быть, не правда ли? Напримѣръ, если она упадетъ? Въ теченіе года магазинъ починяетъ бесплатно, это и есть гарантія.

— Ахъ, да, я было не понималъ... Такъ, пожалуйста, пошлите машинку сейчасъ же. Вотъ мой адресъ...

Однако, къ большому сожалѣнію приказчика, оказалось, что сегодня нельзя и послать машину на домъ: мальчикъ-велосипедистъ уже уѣхалъ.

— ...Завтра утромъ, если нужно, въ восемь часовъ, машина будетъ доставлена совершенно точно.

Семень Исидоровичъ разсердился. Какъ завтра? Какъ нельзя доставить? Ему необходимо сегодня, необходимо.

— Очень жаль. Сегодня совершенно невозможно, магазинъ, собственно, уже долженъ былъ бы закрыться. У насъ здѣсь очень строго, — печально и сухо говорилъ приказчикъ, видимо, не смягченный цѣной покупки. Онъ даже демонстративно опустилъ, съ прохотомъ, штору на одномъ изъ двухъ оконъ магазина.

— Въ такомъ случаѣ, я ее возьму съ собой, — оскорбленно сказалъ Семень Исидоровичъ. Приказчикъ выразилъ крайнее сожалѣніе, еще разъ съ удивленіемъ взглянувъ на покупателя. Машина довольно тяжелая. Развѣ на автомобилѣ?

— Да, на автомобилѣ. Здѣсь по близости есть автомобили?

— Въ двухъ шагахъ отсюда стоянка. Первый уголъ направо... Я могу, если угодно, позвать?

— Благодарю васъ, не надо.

Приказчикъ накрылъ машину крышкой и показалъ Семену Исидоровичу, какъ это дѣлается. Затворъ крышки пріятно щелкнулъ, образовался изящный ящикъ. Кремецкій заплатилъ деньги и холодно выслушалъ извиненія приказчика. «Если-бъ господинъ пришелъ немного раньше... Мальчикъ всегда уѣзжаетъ въ шестомъ часу съ покупками и больше не возвращается. Но автомобили стоять совсѣмъ близко»... Семень Исидоровичъ взялъ машину. Она, въ самомъ дѣлѣ, была очень тяжелая, пришлось держать ее обѣими руками передъ грудью. Приказчикъ съ

сочувственнымъ и виноватымъ видомъ отворилъ дверь магазина.

— Можетъ, прикажете подозвать автомобиль?

— Да, пожалуйста, — сказала Семень Исидоровичъ. «Какіе у меня съ нимъ могутъ быть счеты? Да онъ и не виноватъ»... — Приказчикъ побѣжалъ за автомобилемъ. Семень Исидоровичъ медленно пошелъ за нимъ, чуть задыхаясь и пошатываясь подъ грузомъ. «Это ничего... Это сейчасъ пройдетъ», — подумалъ онъ. — «Что не гулялъ, это тоже ничего, не каждый день... Сейчасъ приѣду домой, тамъ горничная ее возьметъ или шофферъ... Немного отдохну и потомъ, послѣ ужина, сяду за работу. А что восклицательнаго знака нѣтъ... Все-таки, я не думалъ, что она такая тяжелая... Вотъ, это подвѣзжаетъ автомобиль»... Вдругъ его съ страшной силой ударило въ грудь. Семень Исидоровичъ задохнулся, раскрылъ ротъ, выронилъ машину и взмахнулъ руками, почувствовавъ невыносимую боль въ груди, въ ногъ. Что-то внизу загремѣло, зазвенѣло. «Разбилась! Что это?.. Съ колѣна содрало кожу... Господи, что же это!..» Подбѣгавшій приказчикъ перевернулся въ воздухъ. Автомобиль изогнулся и опрокинулся. Кременецкій съ хрипомъ упалъ на мостовую.

XXIX.

Для Муси устройство обѣда еще было непривычнымъ дѣломъ. Она и чувствовала себя почти какъ передъ экзаменомъ, хотя за обѣдъ отвѣчала гостиница, на которую можно было положиться. Вернувшись изъ Курзала, Муся зашла въ ресторанъ и еще разъ, не безъ волненія, все осмотрѣла, какъ экзаменующійся въ послѣдній разъ просматриваетъ конспектъ предмета за часъ до экзамена. Отведенный имъ на террасѣ лучшій, угловой столъ былъ очень уютенъ. Вина выбралъ Клервилль: рейнвейнъ, шамбертенъ и шампанское; передъ обѣдомъ еще должны были подать

коктейль. «Не много ли?.. А впрочемъ они всѣ трое пьютъ, какъ извозчики, и отлично... Право, все будетъ очень мило, особенно когда зажгутъ эту настольную лампу съ краснымъ абажуромъ»... Сообразуясь съ люстрами, Муся выбрала для себя за круглымъ столомъ самое выгодное мѣсто. «Справа будетъ Браунъ, слѣва Серизье»... Она велѣла метръ-д'отелю убрать цвѣты въ высокой, узкой, легко опрокидывающейся вазочкѣ и положить на столъ, прямо на скатерть, нѣсколько розъ, — передъ самымъ обѣдомъ и не очень много.

Въ парикмахерской гостиницы уже горѣли лампы, хотя на дворѣ еще было совершенно свѣтло. Видъ этой небольшой, необыкновенно ярко освѣщенной комнаты, мраморъ и красное дерево столовъ съ бѣлыми тазами, блестящій никкель крановъ, пульверизаторовъ, цилиндрическихъ приборовъ, многочисленныя зеркала, горы бѣлоснѣжнаго бѣлья, красные, зеленые, розовые, желтые флаконы на полкахъ и въ висячихъ стеклянныхъ шкапчикахъ, стоявшій въ комнатѣ легкой спиртной запахъ, — все это доставляло безпричинную радость Мусѣ. Парикмахеръ, странно потрясая щипцами, восторженно хвалилъ ея волосы. Одновременно съ завивкой, миловидная дама, со слегка обиженнымъ видомъ, полировала ей ногти. Это сочетание двухъ производившихся надъ ней работъ еще усилило у Муси радостное впечатлѣніе напряженной дѣятельности. Пріятны были даже глухие комплименты парикмахера, — такъ столичный артистъ на гастроляхъ не безъ удовольствія читаетъ похвалы въ провинціальной газетѣ. — «Ah, Madame, les cheveux comme ça, je peux bien dire qu'on n'en voit pas souvent de nos jours», — говорилъ парикмахеръ съ озабоченнымъ видомъ, явно означавшимъ тревогу за будущее дамскихъ волосъ. Этотъ старательно стилизованный подъ дурачка человекъ оказался художникомъ своего дѣла, и Муся по первымъ же его движеніямъ оцѣнила подлинный даръ, — какъ папа Бенедиктъ XI оцѣнилъ геній Джотто по нарисованному имъ обыкновен-

нѣйшему кругу. Миловидная дама находила преувеличенными похвалы парикмахера и подчеркнуто-непріятно молчала. Она, повидимому, не одобрила и бриллиантовыхъ шпилекъ, которыя парикмахеръ принялъ у Муси съ восторженнымъ «Oh!» и очень ловко вкололъ въ шиньонъ... «Да, все хорошо, чудесно», — думала Муся, — «потомъ будетъ шампанское, Браунъ... Я скажу ему... Нѣтъ, не надо придумывать напередъ, буду говорить, что придетъ въ голову и выйдетъ отлично»... — «Выйдетъ отлично», — подтверждало милое зеркало въ бѣлой рамѣ. У Муси были любимцы среди зеркаль. — «Выйдетъ отлично», — подтверждала своимъ трескомъ машинка. Токъ нагрѣтаго воздуха щекоталъ кожу. Запахъ жженой бумаги и одеколона пріятно смѣшивался съ грушевымъ запахомъ лака для ногтей. Муся радостно вспомнила о своемъ подаркѣ отцу, которому эта машина доставила такое удовольствіе. «Бѣдный папа», — подумала она привычными въ послѣднее время словами.

Потомъ у себя въ номерѣ Муся долго занималась туалетомъ. Надѣла черную combinaison подъ черное тюлевое платье, и къ нему темносѣрые чулки, — такое соединеніе было послѣдней парижской новинкой; едва ли впрочемъ Браунъ или даже Серизье могли оцѣнить это или хотя бы замѣтить. «Да, все-таки вышла отличная поѣздка!.. Сегодня, послѣ шампанскаго, я знаю, будетъ мило, я всегда это чувствую напередъ»... Ей хотѣлось играть на роялѣ, но рояля не было. Это для нея было большимъ лишеніемъ, — послѣ Петербурга они все время жили по гостиницамъ. «Какъ только устроимся, прежде всего купимъ Стейнвэй... И, право, надо будетъ заняться музыкой серьезно»... Ей вспомнился концертъ знаменитаго піаниста въ тотъ день, когда Вильсонъ читалъ о Лигѣ Націй, — наглые, торопливые звуки, наскაკивавшіе на божественную простую фразу той сонаты. — «Торопись, проходи, некогда», — говорили эти звуки, которымъ не поддавалась божественная фраза. «Теперь я совсѣмъ иначе бу-

ду ее играть», — подумала Муся, надѣвая драгоценности передъ зеркаломъ. Это зеркало было не такое милое, какъ то въ парикмахерской; но она и въ немъ была очень хороша. Вдругъ на столѣ неприятно-рѣзко прозвучалъ телефонный звонокъ. Муся вздрогнула. «Что такое?..» Ей сразу пришло въ голову самое неприятное, что могло случиться. «Браунъ отказывается отъ приглашенія? Нѣтъ, это теперь было бы просто грубо!.. Серизье просить извинить, онъ долженъ говорить рѣчь и придетъ только послѣ обѣда»... Муся поспѣшно подошла къ аппарату. Незнакомый мужской голосъ печально и твердо спрашивалъ господина Клервилля. «Слава Богу, не то...»

— Господина Клервилля нѣтъ дома.. Кто говорить?

Незнакомый человекъ помолчалъ нѣсколько секундъ и спросилъ, еще печальнѣй и настойчивѣй, госпожу Клервилль.

— Это я... Что такое? — произнесла, блѣднѣя, Муся. Мысль объ отцѣ вдругъ ее поразила. «Нѣтъ, не можетъ быть, вѣдь два часа тому назадъ было совсѣмъ хорошо»... — Что? Кто говорить?

Говорилъ хозяинъ виллы «Альпійская Роза». Госпожу Клервилль просить немедленно прѣхать... «Да, немедленно, сію минуту. По телефону неудобно говорить... Да, къ сожалѣнію, господину Кременецкому худо...»

— Я... Я сейчасъ, — сорвавшимся голосомъ сказала Муся. Она повѣсила трубку, снова было схватилась за нее, но уже было поздно: сообщеніе прервали. «Боже мой, что же это!» — задыхаясь, подумала она. — «Нѣтъ, не можетъ быть, вѣдь только два часа тому назадъ»... Муся растерянно взглянула въ зеркало. «Что-жъ это... Такъ бѣжать, въ этомъ платьѣ? Не переодѣваться же... А обѣдъ!.. Какой теперь обѣдъ! Надо позвонить Вивіану... Куда звонить? Его тамъ не знаютъ. Онъ сказалъ: худо... Неужели?..» У нея вдругъ рыданья подступили къ горлу. Она опустилась на стулъ, потомъ вскочила, побѣжала къ двери, вернулась за манти и выбѣжала въ корридоръ.

XXX.

.....

XXXI.

Похороны рѣшено было устроить безъ религіозныхъ обрядовъ. Семень Исидоровичъ по документамъ значился лютераниномъ. Мусѣ однако показалось страннымъ приглашать пастора, — такъ представленіе о пасторѣ не связывалось въ ея памяти съ отцомъ. Тамара Матвѣевна лежала въ креслѣ, то безжизненно какъ трупъ, то истерически рыдая и колотясь головой о столъ. Муся все же ее спросила, какъ слѣдуетъ похоронить отца. Получить отвѣтъ было нелегко. Тамара Матвѣевна долго не понимала, чего отъ нея хотятъ, затѣмъ сказала: «Сдѣлай, какъ хочешь, Мусенька, дорогая, сдѣлай, какъ нужно», — и зарыдала. Черезъ нѣкоторое время она вспомнила, что однажды въ Петербургѣ Семень Исидоровичъ, послѣ чьихъ-то похоронъ, выразилъ удивленіе, отчего въ Россіи не разрѣшаютъ сжигать тѣла, — вѣдь это чище и красивѣе.

— Такъ онъ сказалъ, папа, бѣдный папа, я помню... Это онъ въ столовой сказалъ, за столомъ, на его мѣстѣ... На его мѣстѣ... Я все помню... Я все отлично помню... Отклоняться... Онъ сказалъ: честь имѣю отклоняться... — рыдая говорила Тамара Матвѣевна.

— Тогда, по моему, вопросъ рѣшенъ, — отвѣтила Муся и попросила мужа навести справки на кладбищѣ.

На эту ночь Муся осталась въ «Альпійской Розѣ». Хозяинъ, добрый и привѣтливый человѣкъ, тяжело вздыхая, сдѣлалъ все, что могъ, несмотря на огорченія и неудобства, которыя причинилъ ему русскій гость. Жилецъ, снѣ-

мавший комнату рядомъ съ Кременецкими, съ полной готовностью и даже съ видимымъ облегченіемъ, согласился уступить свой номеръ вдовѣ умершаго сосѣда и перебрался во второй этажъ. Нашлась комната и для Муси. Клервилль привезъ женѣ все нужное изъ Национальной Гостиницы и довольно настойчиво говорилъ, что и самъ останется въ «Альпійской Розѣ». Но Муся рѣшительно это отклонила.

Около полуночи Тамара Матвѣевна задремала въ креслѣ — ни за что не хотѣла лечь въ постель, — потомъ проснулась съ ужасомъ и стыдомъ — какъ могла заснуть! — и снова заснула. Муся перешла въ свою комнату. На столѣ лежалъ незапечатанный конвертъ, адресованный на ея имя. Въ немъ оказалось объявленіе на плотной глянцеви-той бумагѣ, очень похожее на тѣ, что раздаются въ агентствахъ по устройству путешествій. Въ этомъ листкѣ подробно излагались на нѣмецкомъ языкѣ преимущества сожженія тѣлъ; перечислялись ученые, политическіе дѣятели, титулованныя лица, очень сочувствовавшіе такому способу погребенія; указывалось, что въ сожженіи нѣтъ ничего противнаго религии и что самъ Лютеръ отзывался о немъ одобрительно. Были и рисунки, со странными названіями: урна, крематорій, колумбарій. Исходилъ листокъ отъ союза крематистовъ, — въ этомъ словѣ Мусѣ показалось что-то гадкое и страшное. Но въ рисункахъ ничего гадкаго не было: нарядныя чистенькія залы, напоминавшія не то помѣщеніе банка, не то ботаническій кабинетъ. «И слово какое-то ботаническое: колумбарій», — подумала Муся, содрогаясь. На оборотной сторонѣ листка были напечатаны нѣмецкіе стихи. Муся, совершенно измученная, сѣла въ кресло, положила листокъ, затѣмъ снова взяла его со стола. «Wenn ein Mensch, ein faulend Aas, — Lieget unter Erd und Grass», — читала она машинально, — «In und auf ihm Würmer, Käfer, — Sagen Sie: der müde Schläfer»... — Что же это? Вѣдь это издѣвательство?» — сказала Муся и заплакала.

За эти ужасные пять часовъ она просто не имѣла времени подумать объ отцѣ. Теперь у нея въ памяти всталъ какой-то вечеръ въ Петербургѣ, осенній или зимній холодный вечеръ, уютная комната, ярко освѣщенная желтоватымъ свѣтомъ... Муся не представляла себѣ, какой это былъ вечеръ и какая комната, — въ ихъ квартирѣ какъ будто такой не было, — да она и не видѣла этой комнаты ясно, — только теплый желтый свѣтъ, особенно уютный отъ холода и мрака на дворѣ. Въ этой комнатѣ ея отецъ дѣлалъ что-то увѣренное, радостное, доброе. Можетъ быть, это было въ судѣ, — онъ говорилъ рѣчь? нѣтъ, рѣчи не говорилъ, — можетъ быть, онъ шутилъ съ товарищами гдѣ-нибудь въ буфетѣ суда, или дома готовилъ съ помощниками дѣло? Отъ этого неяснаго, непонятнаго воспоминанія о чемъ-то никогда, быть можетъ, не происшедшемъ у Муси вдругъ рыданія подступили къ горлу; ею овладѣла такая тоска, какой она не испытывала даже въ первыя минуты, отчаянно рыдая надъ мертвымъ тѣломъ отца.

«Да, да, что-жъ дѣлать теперь?» — утирая слезы, говорила себѣ Муся. — «Недостаточно любила, теперь поздно, теперь поздно... Только соблюдала приличія: отвѣчала на письма, вотъ и сюда пріѣхала... И этотъ подарок!..» Мысль объ ея подаркѣ отцу, доставившемъ ему такую радость, была единственнымъ утѣшеніемъ, — хоть докторъ и говорилъ, что смерть, *collapsus cordiaque*, послѣдовала отъ усилія: со словъ растеряннаго приказчика выяснилось, что иностранный господинъ захотѣлъ самъ снести машину въ автомобиль, какъ онъ, приказчикъ, ни убѣждалъ этого не дѣлать. «Да, онъ былъ такъ радъ, такъ радъ... Если-бъ я знала!.. Какъ много еще можно было сдѣлать, чтобы скрасить его жизнь!..»

За открытымъ окномъ раздался томительно-сладкій свистокъ уходящаго вдаль локомотива. Муся вытерла слезы. «Что-жъ, жить все-таки надо... Будутъ дѣти... Нѣтъ, нельзя откладывать, слишкомъ страшно!.. Все-таки у ме-

ня еще цѣлая жизнь впереди. Мама? Что я сдѣлаю съ ней, несчастной? Это было очень благородно, что Вивіанъ тотчасъ предложилъ поселить ее вмѣстѣ съ нами... Я и къ нему была несправедлива, теперь надо будетъ и съ нимъ все поставить по другому: чище, лучше, добрѣе. Я люблю его, онъ свой...» (свистокъ поѣзда повторился еще дальше, слабѣе и таинственнѣй). «Да, надо жить... Что-жъ дѣлать? Послѣзавтра похороны, потомъ сейчасъ же, сейчасъ уѣхать»... Муся снова взяла со стола листокъ, точно тамъ могло быть объяснено и то, какъ уѣзжаютъ послѣ похороны. «Glaubt, das schönste wär' noch heut' — Das Verbrinnen alter Zeit; — Feuer lässt zurücke keine — Totenköpfe und Totenbeine»... Нѣтъ стыда у этихъ людей...

Муся раздѣлась и, вздрагивая, легла въ постель. Она уже почти годъ не спала одна. Въ несессерѣ, привезенномъ ей Клервиллемъ изъ Национальной Гостиницы, былъ и романъ, который она читала въ послѣдніе дни. «Можетъ быть, чуть-чуть безтактно, но заботливо, мило», — съ нѣжностью подумала Муся. — «Нѣтъ, даже и не безтактно»... Она попробовала заглянуть въ романъ. Сухой, насмѣшливый, литературно-искусный рассказъ о женщинѣ, освободившейся отъ свѣтскихъ узъ для свободной жизни, а затѣмъ отъ свободной жизни для чего-то еще, и подѣ конецъ вернувшейся къ свѣтскимъ узамъ, не заинтересовалъ Мусю. Въ романѣ выводились тѣ самые весело-аморальные, цинично-мужественные, иронически настроенные, элегантные люди, которые ей нравились; и тонъ былъ тотъ, что ей нравился: пора бросить старыя, глупыя слова, — о нихъ и вспоминать въ наше время стыдно, — нужно жить во всю полноту, ничего не пропуская, нужно испытать всѣ ощущенья, вотъ что главное... — Но ужъ очень этотъ тонъ былъ теперь далекъ и невозможенъ. Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ гробъ. Муся потушила лампу. «Какъ я могла еще вчера съ удовольствіемъ это читать!» Въ окнѣ противоположной комнаты погасъ свѣтъ. У стѣны потемнѣлъ шкафъ для платья, дешевенькій, плохо закрывавшійся шкафъ, съ

полками, выстланными газетной бумагой. «Какъ онъ бѣдно жилъ, папа, въ послѣдніе мѣсяцы!.. Они берегли каждую копѣйку. Я вѣдь и не знала всего этого. Да папа и не взялъ бы у меня денегъ... Но уходъ былъ за нимъ очень хорошій. Вотъ и консилиумъ былъ... Не помогъ консилиумъ... — «Всѣхъ ихъ въ мѣшокъ да въ воду», — вспомнила она.

И передъ ней снова встала затитая желтоватымъ свѣтомъ комната въ Петербургѣ, гдѣ прошла бодрая, шумная, радостная жизнь, теперь закончившаяся такъ непонятно... Муся долго лежала въ темнотѣ, глядя въ окно неподвижнымъ блестящимъ взглядомъ. Гдѣ-то медленно били часы. Начинало разсвѣтать. «Да, я въ послѣднее время жила слишкомъ быстро... Надо переключить жизнь на другую скорость, вотъ какъ въ автомобилѣ... И все теперь должно стать другое... Хочу чистой, доброй, хорошей жизни», — думала Муся, сама удивляясь своимъ мыслямъ.

Утромъ Серизье прислалъ вѣнокъ, съ милой и трогательной надписью, — онъ совершенно не зналъ отца Муси. Хозяинъ «Альпійской Розы» возложилъ на гробъ букетъ. Нѣсколько цвѣтковъ, конфузясь — имѣеть ли право? — принесла горничная, прислуживавшая Кременецкимъ. Люди проявляли много участія къ горю родныхъ умершаго. Меннеръ съ женой просидѣлъ съ ними нѣсколько часовъ, все говорилъ о Семенѣ Исидоровичѣ, о себѣ, о смерти и замучилъ Мусю. Но Тамарѣ Матвѣевнѣ его участіе было пріятно, — если что-либо вообще ей теперь пріятно могло быть. Зашелъ и украинскій знакомый. Зашелъ — правда, очень ненадолго — Браунъ. Владѣлецъ магазина, гдѣ была куплена пишущая машина, вернулъ за нее деньги, узнавъ, что она не нужна семьѣ умершаго покупателя, — вычелъ только восемь франковъ за починку. А распорядитель изъ похороннаго бюро, приходившій къ Клервиллю для переговоровъ, очень правдоподобно про-

слезился при видѣ Тамары Матвѣевны, — Клервилль усмотрѣлъ въ этомъ фамиліарность и лицемѣріе, однако онъ ошибался: распорядитель плакалъ на всѣхъ похоронахъ — правда, по привычкѣ, но искренно.

На слѣдующій день пришло нѣсколько телеграммъ. Муся невольно останавливалась мыслью на томъ, кто какъ узналъ, кто какъ могъ принять извѣстіе, — особенно Браунъ и Серизье («Имъ сказали въ гостиницѣ...»). Телеграммы были совершенно одинаковыя, точно свидѣтельствуя о нищетѣ человѣческаго словаря. Но и въ ихъ казенномъ краснорѣчьи было нѣкоторое утѣшеніе, — читала все приходившее даже Тамара Матвѣевна, и мертвыя глаза ея на мгновеніе какъ будто становились менѣе мертвы.

XXXII.

Похороны сошли безъ обычнаго радостнаго оживленія. Съ утра сталъ накрапывать дождь. Людей собралось немного, хоть и больше, чѣмъ можно было ожидать. Среди мѣстной русской колоніи оказались петербуржцы, знавшіе Семена Исидоровича. Пришло и нѣсколько человѣкъ, его не знавшихъ: при бѣдности русской общественной жизни въ городѣ, всѣмъ, въ такое время, хотѣлось обмѣняться впечатлѣніями. Распорядитель добросовѣстно, но тщетно дѣлалъ что могъ для созданія чинности и благолѣпія. Такъ, на невеселомъ балу, при маломъ числѣ танцующихъ, дирижеръ напрасно старается оживить плохо идущую кадрили.

Во время сожженія тѣла на хорахъ игралъ оркестръ изъ пяти человѣкъ. Публика размѣстилась группами, больше въ послѣднихъ рядахъ. Въ первомъ ряду сидѣли родные, во второй никто не рѣшился сѣсть, — слишкомъ близко къ роднымъ, неудобно разговаривать. Вначалѣ впрочемъ не разговаривалъ никто, но церемонія очень затянулась. Му-

зыканты, кромѣ похороннаго марша, услѣли раза три сыграть «Смерть Аза» и «Смерть Зигфрида». Никто въ публикѣ не зналъ толкомъ, сколько времени продолжается сожженіе. Одни вначалѣ предполагали: минутъ двадцать-двадцать пять. Другіе мрачно говорили: часа полтора, а то и два.

Жившій съ начала войны въ Швейцаріи инженеръ-подрядчикъ, дѣло котораго когда-то велъ Семень Исидоровичъ, шолотомъ объяснялъ полной красивой дамѣ, что здѣсь, очевидно, устарѣлая система печей: какой-нибудь древній Сименсъ.

— Въ Германіи васъ такъ сожгутъ, что опомниться не успѣете, — ласково шепталъ онъ, щеголяя своимъ мужественнымъ отношеніемъ къ смерти.

— Какой ужасъ!

— Боши на это мастера, сожгутъ васъ, какъ какой-нибудь Льежъ ..

— Котораго они вдобавокъ не сожгли, — поправилъ другой сосѣдъ, угрюмый, больной адвокатъ.

— Ну, такъ Лувэнъ.

— И Лувэна не сжигали. Пора бросить этотъ разговоръ о Льежахъ и Лувэнахъ! Тоже хороши и ваши союзнички, клявшіеся намъ въ вѣчной дружбѣ. Бокомъ у насъ стала ихъ дружба!

— Вы знаете, Николай Борисовичъ, вонъ тотъ господинъ въ третьемъ ряду, это извѣстный французскій политическій дѣятель, пріѣхалъ на социалистическій конгрессъ Забыль фамилію.

— Тотъ, бородатый?.. Какое же онъ имѣетъ отношеніе къ Кременецкимъ? — спросила дама.

Инженеръ приложилъ указательный палецъ ко рту.

— Я ничего не знаю.

— А развѣ что? Ну, выкладывайте.

— Я ничего не знаю.

— Да говорите же! Вѣдь сами горите желаніемъ разсказать.

— Нисколько не горю.. Опять «Смерть Зигфрида»? Ну, жары!.. Знаете, я человекъ не вѣрующій, но, по моему, безъ религіозныхъ обрядовъ похороны не похороны, а что-то такое, странное... На концертъ я могу пойти въ Курзалъ.

— Господа, тише!

— Такъ не скажете? Ну, хорошо!

— Ладно, такъ и быть, — сказалъ, еще понизивъ голосъ, инженеръ. — Ходятъ разговорчики, будто у этого француза романъ съ дочерью Кременецкаго.

— Что вы говорите!

— За что купилъ, за то и продаю.

— Господи! Что она въ немъ нашла?

— Въ такія подробности я входить не могу.

— Перестаньте говорить пошлости... Имѣя такого красавца мужа!.. Должна сказать, что трауръ ей очень къ лицу... Кажется, она довольно философски переноситъ смерть отца.

— Зато мать ея очень убита. Прямо мертвый человекъ

— Да, бѣдная, страшно ее жалы!.. Я сама позавчера была такъ поражена, прямо заснуть не могла всю ночь. Мнѣ еще вечеромъ сказала Надежда Артуровна.. Я тоже противъ гражданскихъ похоронъ, но все-таки онъ былъ до конца послѣдователенъ съ самимъ собой и со своими идеями. Его жизнь одно гармоническое цѣлое.. Говорятъ, онъ ничего имъ не оставилъ?

— Значить, унесъ съ собою въ пещь: я знаю изъ вѣрнаго источника, что онъ вывезъ огромныя деньги. Охъ, и у меня въ свое время немало перебралъ покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ! Мастеръ былъ на это... Но прекраснѣйшій человекъ, вы совершенно правы...

— Господа, мы на похоронахъ!

— Тсс... Однако, когда же это кончится?.. Да, прекрасный человекъ... И она тоже, бѣдняжка... Смотрите, прямо живой трупъ... Куда вы отсюда направляетесь?

Серизье все возвращался мысленно къ своей рѣчи. Планъ былъ разработанъ, многое написано, подготовлены двѣ шутки, изъ нихъ одна очень удачная, — чего-то однако не хватало. Подъ конецъ слѣдовало дать поэтический образъ: онъ любилъ и цѣнилъ образную рѣчь. Лучшее всего было бы кончить какимъ-нибудь видѣніемъ,значающимъ близкій конецъ буржуазнаго общества. Бирнамскій лѣсъ изъ «Макбета», символъ шествія красныхъ флаговъ, уже былъ многократно использованъ на рабочихъ конгрессахъ. Другого видѣнія Серизье такъ и не могъ придумать. Для работы времени оставалось немного. По его расчету выходило, что послѣ завтрака останется не болѣе часа, — и то, если не будетъ рѣчей. При столь небольшомъ числѣ провожавшихъ уйти до окончанія похоронъ было невозможно. «А тутъ еще эта проклятая резолюція по національному вопросу»...

Муся въ глубокомъ траурѣ сидѣла рядомъ съ матерью. Она отъ мучительной усталости теперь ни о чемъ связно не думала. Вначалѣ пыталась вообразить то, что происходитъ тамъ, впереди. Но это было слишкомъ страшно. Клервилль наканунѣ сказалъ, что печь развиваетъ температуру въ 2000 градусовъ, — Муся не могла себѣ представить ни такую температуру, ни печь, — самое слово это, въ сочетаніи съ отцомъ, звучало такъ дико и оскорбительно (она, содрогнувшись, отогнала мысль о запахѣ жаренаго мяса, какъ на кухнѣ). Когда они подошли къ крематорію, внизу одно окно было открыто. Муся украдкой бросила туда взглядъ, — ждала чего-то ужаснаго, — и увидѣла обыкновенную жилую комнату, маленькій столъ, заваленный бумагами, продырявленный соломенный стулъ, висѣвшій на гвоздѣ пиджакъ. Въ этомъ страшномъ зданіи, очевидно, шла будничная, унылая, бѣдная жизнь.

Въ небольшой, темной наверху, залѣ крематорія тоже все было просто. Люди почтительно уступали имъ доро-

гу, неестественно кланяясь, неестественно на них глядя, — можетъ быть, и она сама не совсѣмъ естественно подерживала подъ руку мать (Тамара Матвѣевна находилась почти въ оцѣпенѣніи). Муся на ходу замѣчала лица, — многихъ она не знала. Когда сѣли, стало легче. Впереди было что-то странное, напоминающее саркофагъ, дальше занавѣсь, по сторонамъ живыя растенія въ кадкахъ. Окна съ цвѣтными стеклами были полуоткрыты. За ними стало еще темнѣе. Слышно было, какъ льетъ дождь.

Впереди изъ-за занавѣса, откуда-то снизу, точно изъ подземелья, донесся глухой голосъ, — разобрать слова было невозможно. У саркофага что-то произошло, — Муся не поняла, что именно. Тамара Матвѣевна едва слышно ахнула и подалась впередъ. Въ ту же минуту заиграла музыка. Общее напряженіе ослабѣло. Незнакомый старикъ въ дождевомъ плащѣ осторожно расправилъ на колѣняхъ мокрую шляпу и сѣлъ удобнѣе. Въ третьемъ ряду кто-то приложилъ къ уху часы и съ досадой началъ ихъ заводить. Двѣ дамы послѣшно помѣнялись мѣстами. Въ дальнихъ рядахъ люди перешептывались, сначала робко, потомъ смѣлѣе. Оркестръ игралъ похоронный маршъ Шопена. Это было почему-то неприятно Мусѣ. Неприятно было и то, что музыканты играли такъ плохо, на какой-то трели у нея даже передернулось лицо. Вдругъ зажглись электрическія лампы. «Отчего онѣ устроены не какъ свѣчи?» — устало подумала Муся. — «И зачѣмъ эти растенія?.. Все не то, все не то...»

Сзади открылась дверь. Изъ оконъ рвануль сырой вѣтеръ. Всѣ съ любопытствомъ оглянулись. Невольно оглянулась и Муся (это было не совсѣмъ прилично, но никто не замѣтилъ). Вошелъ Браунъ. Онъ снялъ шляпу, остановился на порогѣ, затѣмъ сѣлъ на ближайшій стулъ. Оркестръ игралъ вторую фразу марша. «Да, это навсегда кончено... Не было и не будетъ... Не суждено!» — подумала Муся почти съ облегченіемъ. «Вѣрно, ему очень

скучно... Но ему все въ жизни смѣшно и скучно. Развѣ онъ понимаетъ людей? Развѣ у него есть сердце?.. Развѣ онъ видитъ что-либо, кромѣ зла, — хотя бы эту настоящую безпредѣльную, неизлечимую скорбь», — подумала она, взглянувъ на мать. Глаза Муси наполнились слезами. «Все пройдетъ, все, только эта простая, вѣчная любовь, эта собачья преданность, ничего смѣшного не видящая, не понимающая, это и есть то, для чего стоитъ жить на свѣтѣ»...

— ...Вы слышали, Николай Борисовичъ, въ Эстоніи образуется сѣверо-западное русское правительство.

— Ну и радуйтесь.

— Надѣюсь, радуетесь и вы?.. Специально для похода на Петроградъ. Англичане обѣщали высадить десантъ...

— Чорта съ два они высадятъ! Кукишъ съ масломъ вамъ всѣмъ будетъ, а не десантъ.

— Ну, вы извѣстный скептикъ. Вотъ помяните мое слово, большевикамъ теперь крышка... На дняхъ я видѣлъ одну учительницу, она двѣ недѣли какъ уѣхала изъ Россіи, и говоритъ, что они до осени не продержатся. Любовь Ивановна, приглашаю васъ ревейонировать у Донона. Существуетъ ли еще нашъ добрый старый Дононъ? Порядкомъ и моихъ денежекъ тамъ осталось. Грѣшилъ, грѣшилъ...

— Это по русски: ревейонировать?

— Можетъ быть, Кременецкій тоже собирался ревейонировать въ Петроградъ.

— Типунъ вамъ на языкъ, Николай Борисовичъ, — разсердился инженеръ.

— Въ самомъ дѣлѣ, vous avez toujours le mot pour rire.

— Ахъ, ради Бога, извините, Любовь Ивановна. Желаю здравствовать... Съ тѣхъ поръ, какъ кончилась война, многіе русскіе швейцарцы рвутся на родину...

— Добавляю, что вашъ скептицизмъ теперь особенно страненъ, послѣ этихъ венгерскихъ событій...

— Вы знаете, господа, я долго была увѣрена, что Бѣла Кунъ — женщина! То-есть, прямо была убѣждена!

— Жаль все-таки, что ее не повѣсили, эту самую Бѣлу.

Музыка оборвалась. Какой-то человѣкъ въ странной одеждѣ вышелъ изъ-за занавѣса съ торжественнымъ видомъ и показалъ маленькую урну съ прахомъ. Люди вздыхали, высказывая шопотомъ глубокія мысли. «Вотъ что отъ насъ остается», — сказала угрюмо адвокатъ. Красивая дама неожиданно прослезилась. Тамара Матвѣвна приподнялась на стулѣ и опустилась безжизненно, — Клервилль ее поддержалъ. Привычные музыканты на хорахъ собирали инструменты. Всѣ съ облегченіемъ встали. Музыка расширенными глазами глядѣла на урну. «Feuer lässt zurücker keine — Totenköpf und Totenbeine... — вспомнилось ей. И вдругъ передъ ней опять всплыла та непонятная комната, освѣщенная яркимъ желтоватымъ свѣтомъ

Съ видомъ дирижера, переходящаго къ новой фигурѣ кадрили, распорядитель торжественно вывелъ изъ крематорія родныхъ и выстроилъ ихъ тамъ, гдѣ имъ полагалось стоять, затѣмъ пригласилъ провожавшихъ принять участіе въ новой фигурѣ. Дамы, даже мало знакомыя, грустно и неловко, изъ-за вуалей, цѣловались съ Тамарой Матвѣвной и Мусей. Тамара Матвѣвна — она больше не плакала — безучастно исполняла то, чего отъ нея требовали. Мужчины подходили, соображая, цѣловать ли руку: можетъ, на похоронахъ нужно цѣловать, несмотря на перчатки? Отъ Тамары Матвѣвны всѣ отходили съ облегченіемъ, — на нее было страшно смотрѣть. Клервилль былъ достойно-декоративенъ, какъ всегда, — имъ распорядитель былъ вполнѣ доволенъ. Серизье тепло и просто выразилъ Мусѣ сочувствіе. Онъ очень хорошо притворялся естественнымъ, — самый трудный видъ притворства.

Всѣ перешли въ колумбарій.

«Simon Krémencetzky, 1865-1919. Eternels regrets».

Граверъ за двойную плату сдѣлалъ надпись въ одинъ день и даже предложилъ Клервиллю выгравировать, правда, маленькими буквами, какое-нибудь изреченіе. У него ихъ было нѣсколько на выборъ: «O soleil, réchauffe mes cendres», «Ton souvenir nous console», «Un seul être vous manque, et tous est dépeuplé»... Клервилль отказался отъ изреченія, немного поколебавшись: «éternels regrets»? «regrets éternels»? Но теперь онъ, съ легкимъ беспокойствомъ, сравнивалъ плитку съ сосѣдними. Нѣтъ, другія были такія же. На бѣлыхъ, сѣрыхъ, черныхъ плиткахъ, въ узкихъ вазочкахъ, были кое-гдѣ подвѣшены цвѣты. На стѣнѣ висѣлъ картонъ со строгой надписью на двухъ языкахъ: «L'administration reprend dès maintenant les concessions de l'année 1917 non renouvelées...»

Въ публикѣ всѣ были очень утомлены. Какъ обычно бываетъ на плохо идущихъ спектакляхъ, неудача стала всѣмъ ясна одновременно. Кто-то первый пожалъ плечами, — люди сразу начали переглядываться съ недоумѣніемъ. Похороны провалились.

М. Алдановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Camera obscura

XVII.

Максъ проводилъ ее взглядомъ: у добрѣйшаго этого человѣка чесались руки. Онъ подивился, кто ея спутникъ, и гдѣ Кречмаръ, и долго еще поглядывалъ съ опаской по сторонамъ, боясь вдругъ увидѣть не только Магду, но и Кречмара. Было большое облегченіе, когда кончилась игра, и можно было Ирму увезти. «Ничего не скажу Аннелизѣ», — рѣшилъ онъ, когда они пріѣхали домой. Ирма была молчалива, — только кивала и улыбалась на вопросы матери.

«Самое удивительное, какъ они не устаютъ такъ бѣгать по льду», — сказалъ Максъ.

Аннелиза задумчиво взглянула на него, потомъ обратилась къ дочкѣ: «Спать, спать». «Ахъ, нѣтъ», — сонно сказала Ирма. «Что ты, полночь. Какъ же можно!»

«Скажи, Максъ, — спросила Аннелиза, когда дѣвочку уложили, — у меня почему-то чувство, что произошло тамъ что-то, мнѣ было такъ беспокойно дома. Максъ, скажи мнѣ?»

Онъ смутился. Послѣ размолвки съ мужемъ, у Аннелизы развилась прямо какая-то телепатическая впечатлительность.

«Никакихъ встрѣчъ? — настаивала она. — Навѣрное?»

«Ахъ, перестань. Откуда ты взяла?»

«Я всегда этого боюсь», — сказала она тихо.

На другое утро Аннелиза проснулась оттого, что бонна вошла въ комнату, держа въ рукѣ градусникъ. «Ирма больна, сударыня, — объявила она съ улыбкой. — Вотъ

— тридцать восемь и пять». «Тридцать восемь и пять», — повторила Аннелиза, а въ мысляхъ мелькнуло: «Ну вотъ, — недаромъ я вчера безпокоилась».

Она выскочила изъ постели и поспѣшила въ дѣтскую. Ирма лежала навзничъ и блестящими глазами глядѣла въ потолокъ. «Тамъ рыбакъ и лодка», — сказала она показывая движеніемъ бровей на потолокъ, гдѣ лучи лампы (было еще очень рано, и шель снѣгъ) образовали какіе-то узоры. «Горлышко не болитъ?» — спросила Аннелиза, поправляя одѣяло и глядя съ безпокойствомъ на остренькое лицо дочери. «Боже мой, какой лобъ горячій!» — воскликнула она, откидывая со лба Ирмы легкіе, блѣдные волосы. «И еще тростники», — тихо проговорила Ирма, глядя вверхъ.

«Надо позвонить доктору», — сказала Аннелиза, обратившись къ боннѣ. «Ахъ, сударыня, нѣтъ нужды», — возразила та съ неизмѣнной улыбкой. — Я дамъ ей горячаго чаю съ лимономъ, аспирину, укрою. Всѣ сейчасъ больны гриппомъ».

Аннелиза постучала къ Максѹ, который брился. Такъ, съ намыленными щеками, онъ и вошелъ къ Ирмѣ. Максъ постоянно умудрялся порѣзаться — даже безопасной бритвой, — и сейчасъ у него на подбородкѣ расплылось сквозь пѣну ярко-красное пятно. «Земляника со сливками», — томно и тихо произнесла Ирма, когда онъ нагнулся надъ ней. «Она бредитъ!» — испуганно сказалъ Максъ, обернувшись къ боннѣ. «Ахъ, какое, — сказала та преспокойно. — Это про вашъ подбородокъ».

Врачъ, обыкновенно лечившій у нихъ съ тѣхъ поръ, какъ родилась Ирма, оказался въ отъѣздѣ, и Аннелиза не обратилась къ его замѣстителю, а вызвала другого доктора, который въ свое время бывалъ у нихъ въ гостяхъ и слылъ превосходнымъ интэрнистомъ. Докторъ явился подвечеръ, сѣлъ на край Ирминой постели и, глядя въ уголь, сталъ считать ея пульсъ. Ирма разсматривала его бѣлый бобрискъ, обезьянье ухо, извилистую жи-

ду на вискъ. «Такъ-съ», — произнесъ онъ, посмотрѣвъ на нее черезъ стекла очковъ. Онъ велѣлъ ей сѣсть, Аннелиза помогла снять рубашку. Ирма была очень бѣленькая и худенькая. Докторъ сталъ трамбовать ея спину стетоскопомъ, тяжело дыша и прося ее дышать тоже. «Такъ-съ», — сказалъ онъ опять. Наконецъ, послѣ еще нѣкоторыхъ манипуляцій, онъ разогнулся, и Аннелиза повела его въ кабинетъ, гдѣ онъ сѣлъ писать рецепты. «Да, гриппъ, — сказалъ онъ. — Повсемѣстно. Вчера даже отмѣнили концертъ. Заболѣла и пѣвица и ея аккомпаниаторъ».

На другое утро температура слегка понизилась. Зато Максъ былъ очень красенъ, поминутно сморкался, однако отказался лечь и даже поѣхалъ къ себѣ въ контору. Бонна тоже почихивала.

Вечеромъ, когда Аннелиза вынула теплую стеклянную трубочку изъ подмышки у дочери, она съ радостью увидѣла, что ртуть едва перешла черезъ красную черточку жара. Ирма пощурилась отъ свѣта и потомъ повернулась къ стѣнкѣ. Въ комнатѣ потемнѣло. Было тепло, уютно и немножко сумбурно. Она вскорѣ заснула, но проснулась среди ночи отъ ужасно неприятнаго сна. Хотѣлось пить. Ирма нащупала на столикѣ рядомъ стаканъ съ лимонадомъ, выпила и, чмокая и поглатывая, поставила стаканъ обратно, почти безъ звона. Въ спальнѣ было какъ будто темнѣе, чѣмъ обыкновенно. За стѣной надрывно и какъ-то восторженно храпѣла бонна. Ирма послушала этотъ храпъ, потомъ стала ждать рокота электрическаго поѣзда, который какъ разъ вылѣзалъ изъ-подъ земли неподалеку отъ дома. Но рокота все не было. Вѣроятно поѣзда уже не шли. Она лежала съ открытыми глазами, и вдругъ донесся съ улицы знакомый свистъ на четырехъ нотахъ. Такъ свисталъ ея отецъ, когда вечеромъ возвращался домой, — просто предупреждалъ, что сейчасъ онъ и самъ появится, и можно велѣть подавать. Ирма отлично знала, что это сейчасъ свищетъ не отецъ, а странный человѣкъ, который вогъ уже недѣли двѣ, какъ повадил-

ся ходить въ гости къ дамѣ, жившей наверху, — Ирмѣ повѣдала объ этомъ дочка швейцара и показала ей языкъ, когда Ирма резонно замѣтила, что глупо приходитъ такъ поздно. Самое удивительное и таинственное, однако, было то, что онъ свисталъ точь-въ-точь какъ отецъ, но объ этомъ не слѣдовало распространяться: отецъ поселился отдѣльно со своей маленькой подругой, — это Ирма узнала изъ разговора двухъ знакомыхъ дамъ, спускавшихся по лѣстницѣ. Свистъ подъ окномъ повторился. Ирма подумала: «Кто знаетъ, это можетъ быть все-таки отецъ, и его никто не впускаетъ, и говорятъ нарочно, что это чужой». Она откинула одѣяло и на цыпочкахъ пошла къ окну. По дорогѣ она толкнула стулъ, но бонна продолжала трубить и клокотать, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда она открыла окно, пахнуло чудеснымъ морознымъ воздухомъ. На мостовой стоялъ человекъ и глядѣлъ вверхъ. Она довольно долго смотрѣла на него, — къ ея большому разочарованію это не былъ отецъ. Человекъ постоялъ, постоялъ, потомъ повернулся и ушелъ. Ирмѣ стало жалко его, — надо было бы собственно открыть ему, — но она такъ закохнѣла, что едва хватило силъ запереть окно. Вернувшись въ постель, она никакъ не могла согрѣться и, когда наконецъ заснула, ей приснилось, что она играетъ съ отцомъ въ хоккей, и отецъ, смѣясь, толкнулъ ее, она упала спиной на ледъ, ледъ колется, а встать невозможно.

Утромъ у нея было сорокъ и три десятыхъ, и докторъ, котораго тотчасъ вызвали, велѣлъ немедленно облечь ее въ тугую компрессъ. Аннелиза вдругъ почувствовала, что сходить съ ума, что судьба просто не имѣетъ права такъ ее мучить, и рѣшила не поддаваться, и даже улыбалась, когда прощалась съ докторомъ. Передъ уходомъ онъ еще заглянулъ къ боннѣ, которая прямо сгорала отъ жара, но у этой здоровенной женщины ничего не было серьезнаго. Максъ проводилъ доктора до прихожей, и простуженнымъ голосомъ, стараясь говорить шопотомъ, спро-

силъ, правда ли, что жизнь Ирмы не въ опасности. Докторъ Лампертъ оглянулся на дверь и поджалъ губы. «Завтра посмотримъ, — сказалъ онъ. — Я впрочемъ еще и сегодня заѣду». «Все то же самое, — думалъ онъ, сходя по лѣстницѣ. — Тѣ же вопросы, тѣ же умоляющіе взгляды». Онъ посмотрѣлъ въ записную книжку и сѣлъ въ автомобиль. А минуту черезъ пять уже входилъ въ другую квартиру. Кречмаръ встрѣтилъ его въ шелковой курткѣ съ бранденбургамн. «Она со вчерашняго дня какая-то кислая, — сказалъ онъ. — Жалуются, что все болитъ». «Жаръ есть?» — спросилъ Лампертъ, съ нѣкоторой тоской думая о томъ, сказать ли этому глупо озабоченному человѣку, что его дочь опасно больна. «Температуры какъ будто нѣтъ, — сказалъ Кречмаръ съ тревогой въ голосъ. — Но я слышалъ, что гриппъ безъ температуры — очень непріятная вещь». «Къ чему собственно рассказывать? — подумалъ Лампертъ. — Семью онъ бросилъ съ совершенной безпечностью. Захотятъ — извѣстятъ сами. Нечего мнѣ соваться въ это».

«Ну, ну, — сказалъ Лампертъ, — покажите мнѣ нашу милую больную».

Магда лежала на кушеткѣ, вся въ шелковыхъ кружевахъ, злая и розовая, рядомъ сидѣлъ, скрестивъ ноги, художникъ Горнъ и карандашомъ рисовалъ на исподѣ папиросной коробки ея прелестную голову. «Прелестная, слова нѣтъ, — подумалъ Лампертъ. — А все-таки въ ней есть что-то отъ гадюки».

Горнъ посвистывая ушелъ въ сосѣднюю комнату, и Лампертъ съ легкимъ вздохомъ приступилъ къ осмотру больной.

Маленькая простуда, — больше ничего.

«Пускай посидитъ дома два-три дня, — сказалъ Лампертъ. — Какъ у васъ съ кинематографомъ? Кончили сниматься?»

«Охъ, слава Богу, кончила! — отвѣтила Магда, томно запахиваясь. — Но скоро будутъ намъ фильму показы-

вать, — я непремѣнно должна быть къ тому времени здорова».

«Съ другой же стороны, — безпричинно подумалъ Лампертъ, — онъ съ этой молодой дрянью сядетъ въ га-лошу».

Когда врачъ ушелъ, Горнъ вернулся въ гостиную и продолжалъ небрежно рисовать, посвистывая сквозь зубы. Кречмаръ стоялъ рядомъ и смотрѣлъ на ритмической ходъ его бѣлой руки. Потомъ онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ дописывать статью о нашумѣвшей выставкѣ

«Другъ дома», — сказалъ Горнъ и усмѣхнулся.

Магда посмотрѣла на него сердито и сердито проговорила:

«Да, я тебя люблю, такого большого уroda, — но ничего не подѣлаешь...»

Онъ повертѣлъ коробку передъ собой, потомъ бросилъ ее на столъ.

«Послушай, Магда, ты все-таки когда-нибудь собираешься ко мнѣ придти? Очнь, конечно, веселы эти мои визиты, но что же дальше?»

«Во-первыхъ, говори тише; во-вторыхъ, я вижу, что ты будешь доволенъ только тогда, когда начнутся всякія ужасныя неосторожности, и онъ меня убьетъ или выгонитъ изъ дому, и будемъ мы съ тобой безъ гроша».

«Убьетъ... — усмѣхнулся Горнъ. — Тоже скажешь».

«Ахъ, подожди немножко, я прошу тебя. Ты понимаешь, — когда онъ на мнѣ женится, мнѣ будетъ какъ-то спокойнѣе, свободнѣе... Изъ дому жены такъ легко не выгонишь. Кромѣ того, имѣется кинематографъ, — всякіе у меня планы».

«Кинематографъ», — усмѣхнулся Горнъ.

«Да, вотъ увидишь. Я увѣрена, что фильма вышла чудная. Надо ждать... Мнѣ такъ же невтерпежъ, какъ и тебѣ».

Онъ пересѣлъ къ ней на кушетку и обнялъ ее за плечо. «Нѣтъ, нѣтъ», — сказала она, уже дрожа и жмурясь.

«Въ видѣ закуски, — одинъ поцѣлуй, — въ видѣ закуски».
«Только недолгій», — сказала она глухо.

Онъ нагнулся къ ней, но вдругъ стукнула дальняя дверь, послышались шаги.

Горнъ хотѣлъ выпрямиться, но въ тотъ же мигъ замѣтилъ, что шелковое кружево на плечѣ у Магды захватило пуговицу на его обшлагѣ. Магда быстро принялась распутывать, — но шаги уже приближались, Горнъ рванулъ руку, кружево однако было плотное, Магда зашипѣла, теребя ногтями пстли, — и тутъ вошелъ Кречмаръ.

«Я не обнимаю фройляйнъ Петерсъ, — бодро сказалъ Горнъ. — Я только хотѣлъ поправить подушку и запутался».

Магда продолжала теребить кружево, не поднимая рѣсницъ, — положеніе было чрезвычайно каррикатурное, Горнъ его мысленно отмѣтилъ съ восхищеніемъ.

Кречмаръ молча вынулъ перочинный ножъ и открылъ его, сломавъ себѣ ноготь. Каррикатура продолжалась.

«Только не зарѣжьте ее», — восторженно сказалъ Горнъ и началъ смѣяться. «Пусти», — произнесъ Кречмаръ, но Магда крикнула: «Не смѣй рѣзать, лучше отпороть пуговицу» («Ну это — положимъ!» — радостно вставилъ Горнъ). Былъ мигъ, когда оба мужчины какъ-бы навалились на нее. Горнъ на всякій случай дернулся опять, что-то треснуло, онъ освободился.

«Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ», — сказалъ Кречмаръ, не глядя на Горна.

«Ну-съ, надо держать ухо востро», — подумалъ Горнъ и очень кстати вспомнилъ пріемъ, которымъ онъ уже раза два въ жизни пользовался, чтобъ отвлечь вниманіе соперника.

«Садитесь, — сказалъ Кречмаръ. — Вотъ что. Я хотѣлъ попросить васъ сдѣлать нѣсколько рисунковъ, — тутъ была интересная выставка, — мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сдѣлали нѣсколько карриатуръ на тѣ или иныя картины, которыя я разношу въ моей статьѣ, — чтобы

вышли, такъ сказать, иллюстраціи къ ней. Статья очень сложная, язвительная...»

«Эге, — подумаль Горнъ, — это у него, значить, хмурость работающей фантазіи. Какая прелесть!»

«Я къ вашимъ услугамъ, — проговорилъ онъ вслухъ. — Съ удовольствіемъ. У меня тоже къ вамъ небольшая просьба. Жду гонорара изъ нѣсколькихъ мѣстъ, и сейчасъ мнѣ приходится туговато, — вы могли бы мнѣ одолжить — пустякъ, скажемъ: тысячу марокъ?»

«Ахъ, конечно, конечно. И больше, если хотите. И само собой разумѣется, что вы должны назначить мнѣ цѣну на иллюстраціи.»

«Это каталогъ? — спросилъ Горнъ. — Можно помотрѣть?»

«Все женщины, женщины, — съ нарочитой брезгливостью произнесъ Горнъ, разглядывая репродукции. — Мальчишекъ совсѣмъ не рисуютъ.»

«А на что вамъ они?» — лукаво спросилъ Кречмаръ. Горнъ простодушно объяснилъ.

«Ну, это — дѣло вкуса», — сказала Кречмаръ и продолжалъ, щеголяя широтой своихъ взглядовъ: «Конечно, я не осуждаю васъ. Это, знаете, часто встрѣчается среди людей искусства. Меня бы это покорило въ чиновникѣ или въ лавочникѣ, — но живописецъ, музыкантъ, — другое дѣло. Впрочемъ, одно могу вамъ сказать, — вы очень много теряете.»

«Благодарю покорно, для меня женщина — только милое млекопитающее, — нѣтъ, нѣтъ, увольте!»

Кречмаръ размѣялся. «Ну, если на то пошло, и я долженъ вамъ кое-въ-чемъ признаться. Доріанна, какъ увидѣла васъ, сразу сказала, что вы къ женскому полу равнодушны.»

(«Ахъ, мерзавка», — подумаль Горнъ).

XVIII.

Прошло три дня. Магда все еще покашливала и, будучи чрезвычайно мнительной, не выходила, — валялась на кушеткѣ въ кимоно. Кречмаръ работалъ у себя въ кабинетѣ. Отъ нечего дѣлать, Магда стала развлекаться тѣмъ, чему ее какъ-то научилъ Горнь: удобно расположившись среди подушекъ, она звонила незнакомымъ людямъ, фирмамъ, магазинамъ, заказывала вещи, которыя велѣла посылать по выбраннымъ въ телефонной книжкѣ адресамъ, дурачила солидныхъ лицъ, десять разъ подрядъ звонила по одному и тому же номеру, доводя до изступленія занятого человѣка, — и выходило иногда очень забавно, и бывали замѣчательныя объясненія въ любви и еще болѣе замѣчательная ругань. Вошелъ Кречмаръ, остановился, глядя на нее со смѣхомъ и любовью и слушая, какъ она заказываетъ для кого-то гробъ. Кимоно на груди распахнулось, она сучила ножками отъ озорной радости, длинные глаза блистали и шурились. Онъ сейчасъ испытывалъ къ ней страстную нѣжность (еще обостренную тѣмъ, что послѣднюю недѣлю она, ссылаясь на болѣзнь, не подпускала его) и тихо стоялъ поодаль, боясь подойти, боясь испортить ей забаву.

Теперь она рассказывала какому-то профессору Груневальду вымышленную исторію своей жизни и умоляла, чтобъ онъ встрѣтилъ ее въ полночь у знаменитыхъ вокзальныхъ часовъ напротивъ Зоологическаго Сада, — и профессоръ на другомъ концѣ провода мучительно и тяжело рѣшалъ про себя, мистификація ли это, или дань его славы экономиста и философа.

Въ виду этихъ Магдиныхъ утѣхъ, не удивительно, что Максу, вотъ уже полчаса, не удавалось добиться телефоннаго соединенія съ квартирой Кречмара. Онъ пробовалъ вновь и вновь, и всякій разъ невозмутимое жужжаніе. Наконецъ онъ всталъ, почувствовалъ головокруженіе

и сълъ опять: эти ночи онъ не спалъ вовсе, — но не все ли равно, сейчасъ его долгъ — вызвать Кречмара. Судьба невозмутимымъ жужжаніемъ какъ будто препятствовала его намѣренію, но Максъ былъ настойчивъ: если не такъ, то иначе. Онъ на цыпочкахъ прошелъ въ дѣтскую, гдѣ было темновато и очень тихо, несмотря на смутное присутствіе нѣсколькихъ людей, глянулъ на затылокъ Аннелизы, на ея пуховой платокъ, — и, вдругъ рѣшившись, повернулся, вышелъ вонъ, мыча и задыхаясь отъ слезъ, напялилъ пальто и поѣхалъ звать Кречмара.

«Подождите», — сказалъ онъ шоферу, сойдя на панель передъ знакомымъ домомъ.

Онъ уже напиралъ на тяжелую парадную дверь, когда сзади подоспѣлъ Горнъ, и они вошли вмѣстѣ. На лѣстницѣ они взглянули другъ на друга и тотчасъ вспомнили хоккейную игру. «Вы къ господину Кречмару?» — спросилъ Максъ. Горнъ улыбнулся и кивнулъ. «Такъ вотъ что: сейчасъ ему будетъ не до гостей, я — братъ его жены, я къ нему съ невеселой вѣстью».

«Давайте — передамъ?» — гладкимъ голосомъ предложилъ Горнъ, невозмутимо продолжая подниматься рядомъ.

Максъ страдалъ одышкой; онъ на первой же площадкѣ остановился, исподлобья, по-бычьи, глядя на Горна. Тотъ выжидательно замеръ и съ любопытствомъ осматривалъ заплаканнаго, багроваго, толстаго спутника.

«Я совѣтую вамъ отложить ваше посѣщеніе, — сказалъ Максъ, сильно дыша. — У моего зятя умираетъ дочь».

Онъ двинулся дальше. Горнъ спокойно за нимъ послѣдовалъ («забавная штука, это упустить нельзя...»). Максъ отлично слышалъ шаги за собой, но его душила мутная злоба, онъ боялся, что не хватить дыханія дойти и потому берегъ себя. Когда они добрались до двери квартиры, онъ повернулся къ Горну и сказалъ: «Я не

знаю, кто вы и что вы, — но я вашу настойчивость отказываюсь понимать».

«Я — другъ дома», — ласково отвѣтилъ Горнъ и, вытянувъ длинный, прозрачно-бѣлый указательный палецъ, позвонилъ.

«Ударить его палкой? — подумалъ Максъ. — Ахъ, не все ли равно... Только бы скорѣй вернуться».

Открылъ слуга (похожій, по мнѣнію Магды, на лорда).

«Доложите, голубчикъ, — томно сказала Горнъ, — вотъ этотъ господинъ хочетъ видѣть... — »

«Потрудитесь не вмѣшиваться!» — со взрывомъ гнѣва перебилъ Максъ и, стоя посреди прихожей, во всю силу легкихъ позвалъ: «Бруно!» — и еще разъ: «Бруно!»

Кречмаръ, увидя шурина, его перекошенное лицо, опухшіе глаза, съ разбѣгу поскользнулся и круто сталъ. «Ирма опасно больна, — сказалъ Максъ, стукнувъ объ полъ тростью. — Совѣтую тотчасъ поѣхать...»

Короткое молчаніе. Горнъ жадно смотрѣлъ на обоихъ. Вдругъ изъ гостиной звонко и ясно раздался Магдинъ голосъ: «Бруно, на минутку».

«Мы сейчасъ поѣдемъ», — сказала Кречмаръ, заикаясь, и ушелъ въ гостиную.

Магда стояла, скрестивъ на груди руки. «Моя дочь спасно больна, — сказалъ Кречмаръ. — Я туда ѣду».

«Это вранье, — проговорила она злобно. — Тебя хотятъ заманить».

«Опомнись... Магда... ради Бога».

Она схватила его за руку: «А если я поѣду съ тобой вмѣстѣ?»

«Магда, пожалуйста, ну пойми, меня ждуть».

«...ожолпачить. Я тебя не отпущу...»

«Меня ждуть, меня ждуть», — сказалъ Кречмаръ, заикаясь и пуча глаза.

«Если ты посмѣешь...»

Максъ стоялъ въ передней, продолжая стучать тростью. Горнъ вынулъ портсигаръ. Изъ гостиной послышал-

ся взрывъ голосовъ. Горнъ предложилъ Максѹ папиросу. Максъ, не глядя, отпихнулъ портсигаръ локтемъ, и папиросы разсыпались. Горнъ засмѣялся. Опять взрывъ голосовъ. «О, какая мерзость...» — пробормоталъ Максъ, дернувъ дверь на лѣстницу и, съ трясущимися щеками, быстро спустился.

«Ну, что?» — шопотомъ спросила бонна, когда онъ вернулся.

«Нѣтъ, не прїѣдетъ», — отвѣтилъ онъ, закрылъ на минуту ладонью глаза, потомъ прочистилъ горло и опять, какъ давеча, на цыпочкахъ, прошелъ въ дѣтскую.

Тамъ было все по-прежнему. Ирма тихо мотала изъ стороны въ сторону головой, полураскрытые глаза какъ будто не отражали свѣта. Она тихонько икнула. Аннелиза поглаживала одѣяло у ея плеча. Ирма вдругъ слегка напряглась на подушкахъ, откидывая лицо. Со стола упала ложечка, и этотъ звонъ долго оставался у всѣхъ въ ушахъ. Сестра милосердія стала считать пульсъ и потомъ осторожно, словно боясь повредить, опустила руку дѣвочки на одѣяло. «Она, можетъ быть, хочетъ пить?» — прошептала Аннелиза. Сестра покачала головой. Кто-то въ комнатѣ очень тихо кашлянулъ. Ирма продолжала мотаться, затѣмъ принялась медленно поднимать и выпрямлять подъ одѣяломъ колѣно.

Скрипнула дверь, и вошла бонна, сказала что-то на ухо Максѹ, тотъ кивнулъ, она вышла. Дверь опять скрипнула, Аннелиза не повернула головы...

Кречмаръ остановился, въ двухъ шагахъ отъ постели, лишь смутно видя пуховой платокъ и блѣдныя волосы жены: зато съ потрясающей ясностью видя лицо дочери, ея маленькія, черныя ноздри и желтоватый лоскъ на кругломъ лбу. Такъ онъ простоялъ довольно долго, потомъ широко разинулъ ротъ, — кто-то подоспѣлъ и взялъ его подъ локоть.

Онъ тяжело сѣлъ у стола въ кабинетѣ. Въ углу, на диванѣ, сидѣли двѣ смутно-знакомыхъ дамы, на стулѣ по-

одадь рыдала бонна. Осанистый старикъ, неизвѣстно кто, стоялъ у окна и курилъ. На столѣ была хрустальная ваза съ апельсинами и пепельница, полная окурковъ.

«Почему меня не позвали раньше?» — тихо сказала Кречмаръ, поднявъ брови, и такъ и остался съ поднятыми бровями, а потомъ покачалъ головой и сталъ трещать пальцами. Всѣ молчали. Тикали часы. Откуда-то появился Лампертъ, ушелъ въ дѣтскую и очень скоро вернулся.

«Ну что?» — хрипло спросилъ Кречмаръ.

Лампертъ, обратившись къ осанистому старику, сказала что-то такое о камфорѣ и вышелъ.

Протекло неопредѣленное количество времени. За окнами было темно. Кречмаръ раза два входилъ въ дѣтскую и всякій разъ что-то кипяткомъ подступало къ горлу, и онъ опять возвращался въ кабинетъ и садился у стола. Погодя онъ взялъ апельсинъ и машинально принялся его чистить. Было теперь еще тише, чѣмъ раньше, и за окномъ, должно быть, шелъ снѣгъ. Съ улицы доносились рѣдкіе ватные звуки, по временамъ что-то стучало въ паровомъ отопленіи. Кто-то внизу на улицѣ звучно свистнулъ на четырехъ ногахъ, — и опять тишина. Кречмаръ медленно ѣлъ апельсинъ. Апельсинъ былъ очень кислый. Вдругъ вошелъ Максъ и ни на кого не глядя развелъ руками.

Въ дѣтской Кречмаръ увидѣлъ спину жены, неподвижно и напряженно склонившейся надъ кроватью, — сестра милосердія взяла ее за плечи и отвела въ полутьму. Онъ подошелъ къ кровати, — но все дрожало и мутилось передъ нимъ, — на мигъ ясно проплыло маленькое, мертвое лицо, короткая, блѣдная губа, обнаженные передніе зубы, одного нехватало, — молочнаго зубка, молочнаго, — потомъ все опять затуманилось, и Кречмаръ повернулся, стараясь никого не толкнуть, вышелъ. Внизу дверь оказалась заперта, но погода сошла какая-то дама въ шапи и впустила оснѣженнаго и озябшаго челоуѣка, вѣроятно того, который только-что свисталъ. Уже выйдя на ули-

цу, Кречмаръ почему-то посмотрѣлъ на часы. Было за полночь. Неужели онъ тамъ пробылъ пять часовъ?

Онъ пошелъ по бѣлой панели и все никакъ не могъ усвоить, что случилось. «Умерла», — повторилъ онъ нѣсколько разъ, и удивительно живо вообразилъ Ирму влѣзающей къ Максѹ на колѣни или бросающей объ стѣну мячъ. Межь тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, трубили таксомоторы, небо было черно, и только тамъ, далеко, въ сторонѣ Гедехтнискирхе, чернота переходила въ теплый коричневый тонъ, въ смуглое электрическое зарево.

Наконецъ онъ добрался до дому. Магда лежала на кушеткѣ, полуголая, размазанная, и курила. Кречмаръ мелькомъ вспомнилъ, что ушелъ изъ дому, поссорившись съ ней, но это было сейчасъ неважно. Она молча прослѣдила за нимъ глазами, какъ онъ тихо бродитъ по комнатѣ, вытирая мокрое отъ снѣгу лицо. Никакой досады она сейчасъ противъ него не испытывала, — была только блаженная усталость. Недавно ушелъ Горнъ, тоже усталый и тоже очень довольный.

XIX.

Кречмаръ на нѣкоторое время замолкъ. Его угнетала безпримѣрная тоска. Впервые, можетъ быть, за этотъ годъ сожителства съ Магдой, онъ отчетливо осозналъ тотъ легкій налетъ гнусности, который осѣлъ на его жизнь. Нынѣ судьба съ ослѣпительной рѣзкостью какъ бы заставила его опомниться, онъ слышалъ громовой окрикъ судьбы и понималъ, что ему дается рѣдкая возможность круто втащить жизнь на прежнюю высоту. Онъ понималъ, что, если сейчасъ вернется къ женѣ, будетъ безмолвно и безотлучно при ней, — невозможное въ иной, повседневной, обстановкѣ сближеніе произойдетъ почти само собою. Нѣкоторыя воспоминанія той ночи не давали ему покоя, — онъ вспоминалъ, какъ Максъ вдругъ

посмотрѣлъ на него влажнымъ и просящимъ взглядомъ, — и потомъ, отвернувшись, сжалъ ему руку повыше локтя, — и онъ вспоминалъ, какъ въ зеркалѣ уловилъ необъяснимое выраженіе на лицѣ жены, жалостное, затравленное и все-таки сродни человѣческой улыбкѣ. Онъ себѣ ясно представлялъ, какъ на похоронахъ ему поневолѣ придется стоять рядомъ съ женой, поддерживать ее, можетъ быть, — вѣдь не оставаться же въ сторонѣ, среди чужихъ, когда хоронять твоего ребенка. Онъ чувствовалъ, наконецъ, что, ежели не воспользоваться теперь же этой возможностью вернуться, то уже очень скоро встрѣча съ Аннелизой станетъ столь же невыносимой, сколь была до смерти ихъ дочери. Обо всемъ этомъ онъ думалъ честно, мучительно и глубоко и съ особой логикой чувствъ понималъ, что, если онъ поѣдетъ на похороны, то ужь останется съ женой навсегда. Позвонивъ къ Максу, онъ узналъ отъ прислуги мѣсто и часъ, и въ утро похоронъ всталъ, пока Магда еще спала, и велѣлъ слугѣ приготовить ему черное пальто и цилиндръ. Поспѣшно допивъ кофе, онъ пошелъ въ бывшую дѣтскую Ирмы, гдѣ теперь стоялъ столъ для пингъ-понга. И тутъ, подбрасывая на ладони целлулоидовый шарикъ, онъ никакъ не могъ направить мысль на дѣтство Ирмы, а думалъ о томъ, какъ прыгала здѣсь и вскрикивала, и ложилась грудью на столъ, протянувъ пингъ-понговую лопатку, другая дѣвочка, живая, стройная и распутная.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Надо было ѣхать, надо было ѣхать. Онъ бросилъ шарикъ на столъ и быстро пошелъ въ спальню поглядѣть въ послѣдній разъ, какъ Магда спитъ. И остановившись у постели, впиваясь глазами въ это дѣтское лицо съ розовыми, ненакрашенными губами, темными вѣками и бархатнымъ румянцемъ во всю щеку, Кречмаръ съ ужасомъ подумалъ о завтрашней жизни съ женой, выцвѣтшей, сѣролицей, слабо пахнущей одеколономъ, и эта жизнь ему представилась въ видѣ тускло освѣщеннаго, длиннаго и пыльнаго корридора, гдѣ стоитъ за-

колоченный ящикъ или дѣтская коляска (пустая), а въ глубинѣ сгущаются потемки.

Съ трудомъ оторвавъ взглядъ отъ щекъ и плечъ спящей Магды и нервно покусывая ноготь большого пальца, онъ подошелъ къ окну. Была оттепель, автомобили расплескивали лужи, на углу виднѣлся ярко-фіолетовый лотокъ съ цвѣтами, солнечное мокрое небо отражалось въ стеклѣ окна, которое мыла веселая, растрепанная горничная. «Какъ ты рано всталъ. Ты уходишь куда-нибудь?» — протянулъ, перевалившись черезъ зѣвокъ, Магдинъ голосъ.

Онъ не оборачиваясь отрицательно покачалъ головой.

XX.

.....

XXI.

Въ небольшомъ залѣ, гдѣ показывали актерамъ и гостямъ фильму «Азра», было народу немного, но достаточно для того, чтобы у Магды прошелъ тревожный и пріятный холодокъ по спинѣ. Недалеко отъ себя она замѣтила того режиссера, къ которому она такъ неудачно ходила представляться. Онъ подошелъ къ Кречмару, Кречмаръ познакомилъ его съ Магдой. На правомъ глазу у него былъ крупный ячмень. Магду разсердило, что онъ сразу же ее не узналъ. «А я у васъ какъ то была въ конторѣ», — сказала она злорадно (пускай теперь пожалѣветъ!). «Ахъ, сударыня, — отаѣтилъ онъ съ учтивой улыбкой, — я помню, помню». На самомъ дѣлѣ онъ не помнилъ ничего.

Какъ только погасъ свѣтъ, Горнъ, сидѣвшій между

нею и Кречмаромъ, нащупалъ и взялъ ея руку. Спереди сидѣла Доріанна Каренина, кутаясь въ мѣхъ, хотя въ залѣ было жарко. Сосѣдомъ ея былъ режисеръ съ ячменемъ, и Доріанна за нимъ ухаживала. Тихо и ровно, вродѣ пылесоса, заработалъ аппаратъ. Музыки не было.

Магда появилась на экранѣ почти сразу: она читала, потомъ бросала книгу и бѣжала къ окну: подѣхалъ верхомъ ея женихъ. У нея такъ замерло сердце, что она вырвала руку изъ руки Горна и больше ее не давала (онъ зато гладилъ ее по юбкѣ и какъ-то умудрился отстегнуть ей подвязку). Угловатая, неказистая, съ припухшимъ, странно измѣнившимся ртомъ, чернымъ какъ пивка, съ неправильными бровями и непредвидѣнными складками на платьѣ, невѣста дико взглянула передъ собой, а затѣмъ легла грудью на подоконникъ, задомъ къ публикѣ.

Магда оттолкнула блуждающую руку Горна, — и ей вдругъ захотѣлось кого-нибудь укусить или броситься на полъ, забиться, закричать... Неуклюжая дѣвица на экранѣ ничего общаго съ ней не имѣла, — она была ужасна, она была похожа на ея мать-швейцариху на свадебной фотографіи. Можетъ быть дальше лучше будетъ? Кречмаръ перегнулся къ ней, по дорогѣ полуобнявъ Горна, и нѣжно прошелестѣлъ: «Очаровательно, чудесно, я не ожидалъ...» Онъ дѣйствительно былъ очарованъ. Ему вспоминался «Аргусъ», его трогало, что Магда такъ невозможно плохо играетъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней была какая-то прелестная, дѣтская старательность, какъ у подростка, читающаго поздравительныя стихи. Горнъ тихо ликовалъ: онъ не сомнѣвался, что Магда выйдетъ на экранѣ неудачно, онъ зналъ, что за это попадетъ Кречмару, а завтра, въ видѣ реакціи... Все это было очень забавно. Онъ принялся опять бродить рукой по ея ногамъ и платью, и она вдругъ сильно ушибнула его.

Черезъ нѣкоторое время невѣста появилась снова: она шла, крадучись, вдоль стѣны, тайкомъ шла въ кафэ, гдѣ свѣтлая личность, другъ семьи, видѣлъ ея жениха въ об-

шествѣ женщины изъ породы вампировъ (Доріанна Каренина). Кралась она вдоль стѣны возмутительно, и почему-то спина у нея вышла толстенькой. «Я сейчасъ закричу», — подумала Магда. Къ счастью экранъ перемигнулъ, появился столикъ въ кафэ, герой, дающій закурить (интимность!) Доріаннѣ. Доріанна откидывала голову, выпускала дымъ и улыбалась однимъ уголкомъ рта. Кто-то въ залѣ захопалъ, другіе подхватили. Вошла невѣста. Рукоплесканія умолкли. Невѣста открыла ротъ, какъ Магда никогда не открывала. Доріанна, настоящая Доріанна, сидѣвшая спереди, обернулась, и глаза ея ласково блеснули въ подутьмѣ. «Молодецъ, дѣвочка», — сказала она хрипло, и Магдѣ захотѣлось полоснуть ее по лицу ногтями.

Теперь уже она такъ боялась каждаго своего появленія, что вся ослабѣла и не могла, какъ прежде, хватать и щипать назойливую руку Горна. Онадохнула ему въ ухо горячимъ шопотомъ: «Пожалуйста, перестань, я пересяду». Онъ похлопалъ ее по колѣну, и рука его успокоилась.

Невѣста появлялась вновь и вновь, и каждое движеніе терзало Магду, она была, какъ душа въ аду, которой бѣсы показываютъ земныя ея прегрѣшенія. Простоватость, корявость, стѣсненность движеній... На этомъ одутловатомъ лицѣ она улавливала почему-то выраженіе своей матери, когда та старалась быть вѣжливой съ вліятельнымъ жильцомъ. «Очень удачная сценка», — шепталь Кречмаръ, перегибаясь черезъ Горна. Горну сильно надоѣло сидѣть въ темнотѣ и смотрѣть на скверную фильму. Онъ закрылъ глаза и сталъ вспоминать, какъ было трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ весело рисовать для кинематографа движенія Чипи, — тысячи движеній. «Надо что-нибудь придумать новое, — непременно надо придумать».

Драма подходила къ концу. Герой, покинутый вампиромъ, шелъ подъ сильнымъ дождемъ въ аптеку покупать ядъ. Невѣста въ деревнѣ играла съ его незаконнымъ ребенкомъ, младенецъ къ ней ластился. Вотъ она почему-то про-

вела тыломъ руки по платью. Это движеніе не было предумотрено, — она словно вытирала руку, а младенецъ глядѣлъ исподлобья. По залѣ прошелъ смѣшокъ. Магда не выдержала и стала тихо плакать.

Какъ только зажегся свѣтъ, она встала и пошла къ выходу. «Что съ ней, что съ ней?» — пробормоталъ Кречмаръ и быстро за ней послѣдовалъ. Горнъ выпрямился, расправляя плечи. Доріанна тронула его за рукавъ. Рядомъ стоялъ господинъ съ ячменемъ на глазу и позѣвывалъ.

«Проваль, — сказала Доріанна, подмигнувъ. — Бѣдная дѣвочка».

«А вы довольны собой?» — спросилъ Горнъ съ любопытствомъ.

Доріанна усмѣхнулась: «Нѣтъ, настоящая актриса никогда не бываетъ довольна».

«Художники тоже, — сказали Горнъ. — Но вы не виноваты. Роль была глупая. Скажите кстати, какъ вы придумали свой псевдонимъ? Я все хотѣлъ узнать».

«Охъ, это длинная исторія, — отвѣтила она съ улыбкой».

«Нѣтъ, вы меня не понимаете. Я хочу узнать. Скажите, вы Толстого читали?»

«Толстого? — переспросила Доріанна Каренина.—Нѣтъ, не помню. А почему васъ это интересуетъ?»

XXII.

На квартирѣ у Кречмара была буря, рыданія, судороги, стоны. Кречмаръ безпомощно ходилъ за ней: она бросалась то на кушетку, то на постель, то на полъ. Глаза ея яростно и прекрасно блистали, одинъ чулокъ сползъ. Весь міръ былъ мокръ отъ слезъ. Кречмаръ утѣшалъ ее самыми нѣжными словами, какія онъ только зналъ, употребляя незамѣтно для себя слова, которыя говорилъ нѣкогда дочери,

цѣлуя синякъ, — слова, которыя теперь какъ бы освободились послѣ смерти Ирмы.

Сначала Магда излила весь свой гнѣвъ на него, потомъ страшными эпитетами выругала Доріанну, потомъ обрушилась на режисера (заодно попало совершенно непричастному Гроссману, толстяку съ ячменемъ). «Хорошо, — сказала Кречмаръ наконецъ. — Я приму исключительныя мѣры. Только замѣть, я вовсе не считаю, что это провалъ, — напротивъ, ты мѣстами очень мило играла, — тамъ, напримѣръ, въ первой сценѣ, — знаешь, когда ты — ».

«Замолчи!» — крикнула Магда и швырнула въ него подушкой. «Да постой, Магда, выслушай. Я же все готовъ сдѣлать, только бы моя дѣвочка была счастлива. Я, знаешь что сдѣлаю? — Въдь фильма-то моя, я платилъ за эту ерунду... то-есть, за ту ерунду, которую изъ нея сдѣлалъ режисеръ. Вотъ я ее и не пушу никуда, а оставлю ее себѣ на память («Нѣтъ, сожги», — сказала Магда рыдающимъ баскомъ), или да, сожгу. И Доріаннѣ, повѣрь, это будетъ не очень пріятно. Ну что, — мы довольны?»

Она продолжала всхлипывать, но уже тише.

«Красавица ты моя, не плачь же. Я тебѣ еще кое-что скажу. Вотъ завтра ты пойдешь выбирать автомобиль, — весело же! А потомъ мнѣ его покажешь, и я, мо-ожетъ быть — (онъ улыбнулся и поднялъ брови на лукаво растянутомъ словѣ «можетъ быть») — его куплю. Мы поѣдемъ кататься, ты увидишь весну на югѣ, мимозы... А, Магда?»

«Не это главное», — сказала она ужимчиво.

«Главное, чтобы ты была счастлива, и ты будешь со мною счастлива. Осенью вернемся, будешь ходить на кинематографическіе курсы, или я найду талантливаго режисера, учителя.. вотъ, напримѣръ, Гроссманъ —».

«Нѣтъ, только не Гроссманъ», — зарычала Магда, содрагаясь.

«...ну, другого. Найдемъ ужъ, найдемъ. Ты жъ вытри

слезы, — мы поѣдемъ ужинать и танцевать... Пожалуйста, Магда!»

«Я только тогда буду счастлива, — сказала она, тяжело вздохнувъ, — когда ты съ ней разведешься. Но я боюсь, что ты теперь увидѣшь, какъ у меня ничего тамъ не вышло, въ этой мерзкой фильмѣ, и бросишь меня. Нѣтъ, постой, не надо меня цѣловать. Скажи, — ты ведешь какіе-нибудь переговоры, или все это заглохло?»

«Понимаешь ли, какая штука, — съ разстановкой проговорилъ Кречмаръ, — понимаешь ли... Эхъ, Магда, вѣдь сейчасъ у насъ, то-есть у нея главнымъ образомъ, — ну, однимъ словомъ, — горе, мнѣ какъ то сейчасъ просто не очень удобно...»

«Что ты хочешь сказать? — спросила Магда, приставъ. — Развѣ она до сихъ поръ не знаетъ, что ты хочешь развода?»

«Нѣтъ, не въ томъ дѣло, — переглотнулъ и замылся Кречмаръ, — Конечно она... это чувствуетъ, то-есть знаетъ». Онъ смутился окончательно.

Магда медленно вытягивалась кверху, какъ разворачивающаяся змѣя.

«Вотъ что, — она не даетъ мнѣ развода», — выговорилъ онъ, впервые въ жизни оболгавъ Аннелизу.

«И не дастъ?» — спросила Магда, кусая губы, шурясь и медленно приближаясь къ нему.

«Сейчасъ будетъ драться», — подумалъ Кречмаръ устало. «Нѣтъ, дастъ, конечно дастъ, — сказалъ онъ вслухъ. — Ты только не волнуйся такъ».

Магда подошла къ нему вплотную, — и обвила его шею руками.

«Я больше не могу быть только твоей любовницей, — сказала она, скользя щекой по его галстуку. — Я не могу. Сдѣлай что-нибудь. Завтра же скажи себѣ: я это сдѣлаю для моей дѣвочки. Вѣдь есть же адвокаты, всего же можно добиться».

«Я обѣщаю тебѣ».

Она слегка вздохнула и отошла къ зеркалу, томно разглядывая свое отраженіе.

«Разводъ? — подумаль Кречмаръ. — Нѣтъ-нѣтъ, это немислимо».

XXIII.

Комнату, снятую имъ для свиданій съ Магдой, Горнъ обратилъ въ мастерскую, и всякій разъ, когда Магда являлась, она заставляла его за работой. Онъ издавалъ музыкальный, богатый мотивами свистъ, пока рисоваль. Магда глядѣла на мѣловой оттѣнокъ его щекъ, на толстыя, пунцовыя губы, округленныя свистомъ, на мягкіе, черные волосы, такіе сухіе и легкіе на ошупь, — и чувствовала, что этотъ человекъ въ концѣ концовъ ее погубить. На немъ была шелковая рубашка съ открытымъ воротомъ, ладнымъ ремешкомъ подпоясанные фланелевые штаны. Онъ творилъ чудеса при помощи китайской туши.

Такъ они видѣлись почти ежедневно; Магда оттягивала отъѣздъ, хотя автомобиль былъ купленъ, и начиналась весна. «Позвольте вамъ дать совѣтъ, — какъ-то сказалъ Горнъ Кречмару. — Зачѣмъ вамъ брать шофера? Я способенъ сидѣть за рулемъ двѣнадцать часовъ сряду, и автомобиль у меня дѣлается шелковымъ». «Очень это мило съ вашей стороны, — отвѣтилъ Кречмаръ нѣскольکو нерѣшительно. — Но право, — я не знаю... я боюсь оторвать васъ отъ работы, мы собираемся довольно далеко закатиться...» «Ахъ, какая тамъ работа. Я и такъ собирался махнуть куда-нибудь на югъ». «Въ такомъ случаѣ будемъ очень рады», — сказалъ Кречмаръ, съ тревогой думая о томъ, какъ отнесется къ этому Магда. Магда, однако, помявшись, согласилась. «Пусть ѣдетъ, замѣтила она. — Хотя, знаешь, онъ послѣднее время начинаетъ мнѣ надоѣдать, повѣряетъ мнѣ свои сердечныя дѣла, — онъ

объ этомъ говорить съ такими вздохами, словно влюбленъ въ женщину. А на самомъ дѣлѣ...»

.....

.....

XXIV.

Все было очаровательно, все было весело, — кромѣ ночевокъ въ гостиницахъ. Кречмаръ былъ тягостно настойчивъ. Когда она пыталась отбойриться, ссылаясь на усталость, онъ, чуть не плача, говорилъ, что ни разу за день ея не поцѣловалъ, просилъ позволенія только поцѣловать, — и постепенно добивался своего. Горнъ между тѣмъ былъ по сосѣдству, она слышала иногда его шаги или посвистываніе, — а Кречмаръ рычалъ отъ счастья, — и Горнъ это рычанье могъ слышать. Утромъ ѣхали дальше, — въ чудесномъ, беззвучномъ автомобилѣ съ внутреннимъ управленіемъ, шоссейная дорога, обсаженная яблонями, гладко подливала подъ переднія шины, погода была великолѣпная, къ вечеру стальныя соты радиатора бывали биткомъ набиты мертвыми пчелами и стрекозами. Горнъ дѣйствительно правилъ прекрасно: полужела на очень низкомъ сидѣніи съ мягкой спинкой, онъ непринужденно и ласково орудовалъ рулемъ. Сзади, въ окошечкѣ, висѣла толстая Чипи и глядѣла на убѣгающій вспять сѣверъ.

Во Франціи пошли вдоль дороги тополя, въ гостиницахъ горничныя не понимали Магду, и это ее раздражало. Весну было рѣшено провести на Ривьерѣ, затѣмъ — Швейцарія или Итальянскія озера. На предпоследней до Гьеръ остановкѣ они очутились въ прелестномъ городкѣ Ружинаръ. Приѣхали туда на закатѣ, надъ окрестными горами линияли лохматыя розовыя тучи, въ кофейняхъ играли огни, платаны бульвара были уже по ночному сумрач-

ны. Магда, какъ всегда къ ночи, казалась усталой и сердитой, со дня отъѣзда, то-есть за двѣ недѣли (они ѣхали не торопясь, останавливаясь въ живописныхъ городкахъ), она ни разу не побывала наединѣ съ Горномъ, — это было мучительно, Горнъ, встрѣчаясь съ ней взглядомъ, грустно облизывался, какъ песъ, привязанный хозяйкой у двери мясной. Поэтому, когда они вѣхали въ Ружинаръ, и Кречмаръ сталъ восхищаться силуэтами горъ, небомъ, дрожащими сквозь платаны огнями, Магда на него огрызнулась. «Восторгайся, восторгайся», — произнесла она сквозь зубы, едва сдерживая слезы. Они подѣхали къ большой гостиницѣ. Кречмаръ пошелъ справиться насчетъ комнатъ. «Съ ума сойду, если такъ будетъ продолжаться», — сказала Магда, стоя среди холъ и не глядя на Горна. «Всыпь ему снотворнаго, — предложилъ Горнъ. — Я достану въ аптекѣ». «Пробовала, — отвѣтила Магда злобно. — Не дѣйствуетъ».

Кречмаръ вернулся къ нимъ, съ виду нѣсколько разстроенный. «Все полно, — сказалъ онъ, разводя руками. — Это очень досадно. Ты устала, моя маленькая». Магда, не разжимая зубовъ, двинулась къ выходу.

Они подѣзжали къ тремъ гостиницамъ, и нигдѣ комнату не оказывалось. Магда была въ такомъ состояніи, что Кречмаръ боялся на нее смотрѣть. Наконецъ, въ пятой гостиницѣ имъ предложили войти въ лифтъ, — подняться и посмотреть. Смуглый мальчишка, поднимавшій ихъ, стоялъ къ нимъ въ профиль. «Смотрите, что за красота, какія рѣсницы», — сказалъ Горнъ, слегка подтолкнувъ Кречмара. «Перестаньте паясничать!» — вдругъ воскликнула Магда.

Номеръ съ двуспальной постелью былъ вовсе неплохой, но Магда стала мелко стучать каблукомъ объ полъ, тихо и неприятно повторяя: «Я здѣсь не останусь, я здѣсь не останусь». «Превосходная комната», — сказалъ Кречмаръ увѣщающе. Мальчикъ вдругъ открылъ внутрен-

нюю дверь, — там оказалась ванная, — вошелъ въ нее, открывъ другую дверь, — вотъ-те-на: вторая спальня!

Горнъ и Магда вдругъ переглянулись.

«Я не знаю, насколько вамъ это удобно, — общая ванная, — проговорилъ Кречмаръ. — Въдь Магда купается какъ утка».

«Ничего, ничего, — засмѣялся Горнъ. — Я какъ-нибудь съ боку-припеку».

«Можетъ быть, у васъ все-таки найдется что-нибудь другое?» — обратился Кречмаръ къ мальчику. Но тутъ послѣшно вмѣшалась Магда.

«Глупости, — сказала она, — глупости. Надоѣло бродить».

Она подошла къ окну, пока вносили чемоданы. Синява, огоньки, черныя купы деревьевъ, звонъ кузнечиковъ... Но она ничего не видѣла и не слышала, — ее разбирало счастливое нетерпѣніе. Наконецъ, она осталась вдвоемъ съ Кречмаромъ, онъ сталъ выкладывать умывальныя принадлежности. «Я первая пойду въ ванную», — сказала она, торопливо раздвѣаясь. «Ладно, — отвѣтилъ онъ добродушно. — Я тутъ сперва побреюсь. Только поторопись, — надо итти ужинать». Въ зеркалѣ онъ видѣлъ, какъ мимо стремительно пролетали джамперъ, юбка, что-то свѣтлое, еще что-то свѣтлое, одинъ чулокъ, другой...

«Вотъ неряха», — сказала онъ, намыливая кадыкъ.

Онъ слышалъ, какъ закрылась дверь, какъ трахнула задвижка, какъ шумно потекла вода.

«Нечего запирается, я все равно тебя купать не собираюсь», — крикнулъ онъ со смѣхомъ и принялся оттягивать четвертымъ пальцемъ щеку.

За дверью вода продолжала литься. Она лилась громко и непрерывно. Кречмаръ тщательно водилъ бритвой по щекѣ. Лилась вода, — причеъ шумъ ея становился громче и громче. Черезъ минуты двѣ Кречмаръ увидѣлъ въ зеркало, что изъ-подъ двери ванной выползаетъ струй-

ка воды, — межъ тѣмъ шумъ былъ теперь грозовой, торжествующій.

«Что она въ самомъ дѣлѣ . потопъ..., — пробормоталъ онъ и подскочилъ къ двери, постучалъ. — Магда, ты утонула? Сумасшедшая ты этакая!»

Никакого отвѣта. «Магда! Магда!» — крикнулъ онъ, и снѣжинки засохшей мыльной пѣны запорхали вокругъ его лица.

Магда вышла изъ блаженнаго оцѣпенѣнія, поцѣловала напоследокъ Горна въ ухо и безшумно проскользнула въ ванную: комнатка была полна пара и воды, она проворно закрыла краны.

«Я заснула въ ваннѣ», — крикнула она жалобно черезъ дверь.

«Сумасшедшая, — повторилъ Кречмаръ. — Ты меня такъ напугала».

Струйки на полу остановились. Кречмаръ вернулся къ зеркалу и снова намылилъ лицо.

Она явилась изъ ванной бодрая, сіяющая и стала осматриваться талькомъ. Кречмаръ въ свою очередь пошелъ купаться, — тамъ было все очень мокро. Оттуда онъ постучалъ Горну. «Я васъ не задержу, — сказалъ онъ черезъ дверь — Сейчасъ будетъ свободно». «Валяйте, валяйте», — чрезвычайно весело отвѣтилъ Горнъ.

За ужиномъ она была прелестно оживлена, они сидѣли на террасѣ, вокругъ лампы кѣлесили ночницы и падали на скатерть «Мы останемся тутъ долго, долго, — сказала Магда — Мнѣ здѣсь страшно нравится». Въ дѣйствительности ей нравилось только одно: расположение комнаты.

XXV.

Прошла недѣля, вторая. Дни были безоблачные, — зной, цвѣты, иностранцы, великолѣпныя прогулки. Магда была счастлива, Горнъ тихо улыбался. Она принимала ван-

ну утромъ и вечеромъ, но уже слѣдила, чтобы не было по-топа. Старый французскій полковникъ за сосѣднимъ столикомъ наливался бурой кровью, какъ только она появлялась и не спускалъ съ нея жадныхъ глазъ, — и былъ американецъ, знаменитый теннисистъ съ лошадинымъ лицомъ и загорѣлыми руками, который предложилъ ей давать уроки на отелной площадкѣ. Но кто бы на нее ни глядѣлъ, кто бы съ ней ни танцевалъ, Кречмаръ ревности не чувствовалъ, и, вспоминая Сольфи, онъ дивился, — въ чемъ разница, почему тогда все нервило и тревожило его, а сейчасъ — увѣренность, спокойствие? Онъ не замѣчалъ, что нѣтъ въ ней теперь особаго желанія нравиться другимъ, искать чужихъ прикосновеній и взглядовъ, — былъ только одинъ человѣкъ, Горнъ, а Горнъ былъ тѣнь Кречмара.

Однажды, въ майскій день, они втроемъ отправились пѣшкомъ за нѣсколько верстъ отъ курорта, въ горы. Къ концу дня Магда устала, и рѣшено было вернуться въ Ружинаръ дачнымъ поѣздомъ. Для этого пришлось спуститься по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ, Магда натерла ногу, Кречмаръ и Горнъ поочередно несли ее на рукахъ. Пришли на станцію. Вечерѣло, на платформѣ было много туристовъ. Поѣздъ былъ простецкій, мелковагонный, безкоридорный Сѣли. Затѣмъ Кречмаръ рискнулъ выйти опять на платформу, чтобы выпить стаканъ пива У буфета онъ столкнулся съ господиномъ, который торопливо платилъ. Они поглядѣли другъ на друга. «Дитрихъ, голубчикъ! — воскликнулъ Кречмаръ. — Вотъ неожиданно!» Это былъ Дитрихъ фонъ Зегелькранцъ, беллетристъ. «Ты одинъ? — спросилъ Зегелькранцъ. — Безъ жены?» «Да, безъ жены», — отвѣтилъ Кречмаръ, слегка смутясь — «Поѣздъ уходитъ», — сказалъ тотъ. «Я сейчасъ, — заторопился Кречмаръ, хватая стаканъ. — Ты садись... Вонъ тамъ, второй вагонъ, я сейчасъ, первое отдѣленіе. Я сейчасъ. Эти монеты...»

Зегелькранцъ побѣждалъ къ поѣзду, — уже захлопы-

вались дверцы. Въ отдѣленіи было жарко, темновато и довольно полно. Поѣздъ двинулся. «Опоздалъ», — подумалъ Зегелькранцъ съ удовлетвореніемъ. Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ Кречмара, и говорить въ общемъ было съ нимъ не о чемъ. Зегелькранцъ былъ очень одинокъ, любилъ свое одиночество и сейчасъ работалъ надъ новой вещью, — появленіе прежняго пріятеля выходило не кстати.

Горнь и Магда, высунувшись въ окно, видѣли, какъ Кречмаръ энергично и неуклюже атаковалъ послѣдній вагонъ и благополучно влѣзъ. Горнь держалъ Магду за талію. «Молодожены, — вскользь подумалъ Зегелькранцъ. — Она — дочь винодѣла, у него — магазинъ готоваго платья въ Ниццѣ...»

Молодожены сѣли, блаженно другъ другу улыбаясь. Зегелькранцъ вынулъ изъ кармана черную записную книжку.

«Ножка не болитъ?» — спросилъ Горнь.

«Что у меня можетъ болѣть, когда я съ тобой, — томно проговорила Магда. -- Когда я думаю, что сегодня вечеромъ...»

Горнь сжалъ ей руку. Она вздохнула, и такъ какъ жара ее размаяла, положила голову ему на плечо, продолжая нѣжно ежиться и говорить, — все равно, французы въ купѣ не могли понять. У окна сидѣла толстая, усатая женщина въ черномъ, рядомъ съ ней мальчикъ, который все повторялъ: «Donne-moi une orange, un tout petit bout d'orange!» «Fiche-moi la paix», — отвѣчала мать. Онъ замолкалъ и потомъ начиналъ скулить сызнова. Двое молодыхъ французовъ тихо обсуждали выгоды автомобильнаго дѣла, — у одного изъ нихъ была сильнѣйшая зубная боль, щека была повязана, онъ издавалъ сосущій звукъ, перекашивая ротъ. А прямо противъ Магды сидѣлъ маленькій лысый господинъ въ очкахъ, съ черной записной книжкой въ рукъ, — должно быть провинціаль- ный нотаріусъ.

Въ послѣднемъ вагонѣ сидѣлъ Кречмаръ и думалъ о Зегелькранцѣ. Они учились вмѣстѣ въ университетѣ, затѣмъ встрѣчались рѣже, Дитрихъ говаривалъ, что когда-нибудь опишетъ его и Аннелизу, когда захочетъ выразить «музыкальную тишину молодого супружескаго счастья». Восемь лѣтъ тому назадъ Дитрихъ былъ очень привлекательный съ виду, тоненькій человѣкъ, съ русой, довольно пышной шевелюрой и мягкими усами, которыя онъ душилъ изъ гранатоваго флакончика сразу послѣ ѣды. Онъ былъ очень слабъ, нервень и мнителень, страдалъ рѣдкостными, но не опасными болѣзнями, въ родѣ сѣнной лихорадки. Послѣдніе годы онъ безвыѣздно жилъ на югѣ Франціи. Его имя было хорошо извѣстно въ литературныхъ кругахъ, но книги его продавались туго. Онъ знавалъ лично покойнаго Марсея Пруста, подражалъ ему и нѣкоторымъ другимъ новаторамъ, такъ что изъ-подъ его пера выходили странныя, сложныя, тягучія вещи. Это былъ наблюдательный, чудаковатый и неособенно счастливый человѣкъ.

Минуть черезъ двадцать замелькали огни Ружинара. Поѣздъ остановился. Кречмаръ послѣшно покинулъ вагонъ. Ему было досадно, онъ смутно боялся недоразумѣнія, слѣдовало поскорѣе объяснить Дитриху, что онъ съ женой разошелся. На платформѣ было много народу, и только у выхода онъ отыскалъ Магду и Горна.

«Вы съ Зегелькранцемъ познакомились?» — спросилъ онъ улыбаясь.

«Съ кѣмъ?» — переспросила Магда.

«Развѣ онъ къ вамъ въ отдѣленіе не попалъ? Ладный такой, изящный. Артистическая прическа, мой старыи другъ...»

«Нѣтъ, — отвѣтила Магда, — такого у насъ не было».

«Значить, онъ не туда съѣлъ, — сказалъ Кречмаръ. — Какая однако вышла путаница. Какъ ножка, — лучше?»

XXVI.

Утромъ онъ справился въ нѣмецкомъ пансіонѣ, но адреса Зегелькранца тамъ не знали. «Жалко, — подумаль Кречмаръ. — А впрочемъ, можетъ быть къ лучшему, ужъ очень давно не видѣлись». Какъ-то, черезъ нѣсколько дней, онъ проснулся раньше обыкновеннаго, увидѣль сизо-голубой день въ окнѣ, еще дымчатый, но уже набухающій солнцемъ, мягко-зеленые склоны вдали, и ему захотѣлось выйти, долго ходить, взбираться по каменистымъ тропинкамъ, вдыхалъ запахъ тмина. Магда проснулась: «Еще такъ рано», — сказала она сонно. Онъ предложилъ быстрехонько одѣться и, знаешь, вдвоемъ, вдвоемъ, на весь день... «Отправляйся одинъ», — пробормотала она и повернулась на другой бокъ. «Ахъ ты, соня», — сказалъ съ грустью Кречмаръ.

Было, когда онъ вышелъ, часовъ семь утра, городокъ проснулся только наполовину. Проходя мимо вишневыхъ садовъ и голубыхъ дачекъ, уже поднимавшейся въ гору тропой, онъ увидѣль сквозь яркую зелень человѣка, поливавшего изъ лейки темными восьмерками песокъ передъ крыльцомъ. «Дитрихъ, вотъ ты гдѣ», — крикнулъ Кречмаръ. Зегелькранцъ былъ безъ шляпы: какъ неожиданно, — лысина, загорѣлая лысина и воспаленные, мигающіе глаза.

«Мы ужасно глупо потеряли другъ друга», — сказала Кречмаръ со смѣхомъ.

«Но встрѣтились опять», — отвѣтилъ Зегелькранцъ, продолжая тихо поливать песокъ.

«Ты... Ты всегда такъ рано встаешь, Дитрихъ?»

«Безсонница. Я слишкомъ много пишу. А ты куда? въ горы?»

«Пойдемъ, пойдемъ со мной, — сказалъ Кречмаръ. —

И захвати что-нибудь почитать. Мнѣ очень интересно, твой послѣдній томикъ мнѣ такъ понравился».

«Ахъ, стоитъ ли, — сказалъ Зегелькранцъ, подумалъ, увидѣлъ мысленно рукопись, черныя росинки буквъ, улыбающіяся страницы. — Впрочемъ, если хочешь. Я какъ разъ послѣдніе дни расписался».

Онъ пошелъ въ комнату — прямо изъ сада, и вернулся съ толстой клеенчатой тетрадкой.

«Поведу тебя въ очень зеленое, красивое мѣсто, — сказалъ онъ. — Тамъ мы почитаемъ подъ журчаніе воды. Какъ поживаетъ твоя жена, почему ты одинъ развѣзжаешь?»

Кречмаръ прищурился и отвѣтилъ:

«У меня было много несчастій, Дитрихъ. Съ женой я порвалъ, а дѣвочка моя умерла».

Зегелькранцу стало неуютно: бѣдняга, стоитъ ли ему читать, онъ будетъ плохо слушать.

Они шли вверхъ среди благовонныхъ кустовъ. Затѣмъ ихъ окружили сосенки, на стволахъ сидѣли сплюснутыя цикады и трещали, трещали, пока то у одной, то у другой не кончался заводъ.

«Обожаю эти мѣста, — вздохнулъ Зегелькранцъ. — Тутъ такъ легко и такъ чисто. У меня тоже были несчастья. Но это теперь далеко. Мои книги, мое солнце, — что мнѣ еще нужно?»

«А я сейчасъ въ самомъ, такъ сказать, водоворотѣ жизни, — сказалъ Кречмаръ. — Ты должно быть помнишь, какъ я мирно и хорошо жилъ съ женой. Ты даже говорилъ... — эхъ, да что вспоминать! Та, которую я теперь люблю, все собой заслонила. И вотъ только въ такія утра, какъ нынче, когда еще не жарко, у меня въ головѣ ясно, я чувствую себя болѣе или менѣе человѣкомъ».

«Ложная тревога, — подумалъ Зегелькранцъ. — Онъ будетъ слушать».

Они добрались до глубины рощицы, на вершинѣ холма. Тамъ, изъ желѣзной трубки, била ледяная струйка во-

ды, текла по мшистой выемкѣ, надъ ней дрожали желтые и лиловые цвѣты. Кречмарь легъ навзничъ и заглядѣлся на синеву неба сквозь озаренныя, тихо шевелящіяся вер-хушки сосенъ.

«Правда, очаровательно?» — спросилъ Дитрихъ, на-цѣпляя очки. — Вотъ мы сейчасъ почитаемъ, потомъ спу-стимся въ долину, оттуда — къ развалинамъ, тамъ снова — остановка и чтеніе. Потомъ закусимъ, — я знаю пре-дѣстную ферму. Потомъ дальше пойдѣмъ, и снова — от-дыхъ и чтеніе».

«Ну, пожалуйста, я слушаю», — сказалъ Кречмарь, глядя въ небо и думая о томъ, что онъ могъ бы расска-зать Дитриху куда больше, чѣмъ писатель можетъ вы-думать.

Зегелькранцъ кокетливо засмѣялся: «Это не романъ и не повѣсть, — сказалъ онъ. — Миѣ трудно опредѣлить... Тема такая. Человѣкъ съ повышенной впечатлительностью отправляется къ дантисту. Вотъ, собственно говоря, и все».

«Длинная вещь?»

«Будетъ страницъ триста, — я еще не кончилъ».

«Ого», — сказалъ Кречмарь.

Зегелькранцъ нашелъ мѣсто въ тетрадкѣ и прочистилъ горло. «Я изъ середины, въ началѣ нужно многое передѣ-лать. А вотъ это я писалъ вчера, и оно еще свѣжее, и ка-жется миѣ очень хорошимъ, — но, конечно, завтра я буду жалѣть, что тебѣ читалъ, — замѣчу тысячу промаховъ, недоразвитыхъ мыслей...»

Онъ опять кашлянулъ и принялся читать:

«Германъ замѣчалъ, что о чемъ бы онъ ни думалъ, о томъ ли, что у дантиста, къ которому онъ идетъ, — сѣдины и ухватки мастера, и, вѣроятно, художественное отношеніе къ тѣмъ трагическимъ развалинамъ, освѣщен-нымъ ярко-пурпурнымъ куполомъ человѣческаго неба, къ тѣмъ эмалевымъ эректенамъ и парфенонамъ, кото-рые онъ видитъ тамъ, гдѣ профанъ нацупаетъ лишь ды-

ривый зубъ: или о томъ, что въ угловой кондитерской съ бисерной занавѣской вмѣсто двери пухлая, но легкая, какъ слоеное тѣсто, продавщица (живущая въ кисейно-бѣломъ аду, истыканномъ черными трупиками мухъ), которая ему улыбнулась вчера, изошла бы вѣроятно сбитыми сливками, ежели ее сжать въ объятяхъ: или о томъ, наконецъ, что въ «Пьяномъ Кораблѣ», строку изъ котораго онъ вспомнилъ, увидѣвъ рекламу, — слово «левифанъ», — на стѣнѣ между мохнатыми стволами двухъ пальмъ, — все время слышится интонація парижскаго гавроша, — зубная боль неотлучно присутствуетъ, являясь оболочкой всякой мысли, и что всякая мысль лежитъ въ люлькѣ боли, ползетъ съ ней и живетъ въ этой боли, съ которой она столь же неразрывно срослась, какъ улитка со своей раковиной. Когда онъ устремлялъ все свое сознание на эту боль, стараясь убить нервъ ультрафіолетовымъ лучемъ разума, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ испытывалъ мнимое облегченіе, но тотчасъ замѣчалъ, что онъ уже не орудуетъ лучемъ, а думаетъ объ его дѣйствіи, и такимъ образомъ уже отдѣленъ собственной мыслью отъ объекта ея, отчего боль торжественно и глухо продолжалась, ибо въ ней именно было что-то длящееся, что-то отъ самой сущности времени, или вѣрнѣе, оно было связано со временемъ, какъ жужжаніе осенней мухи, или трескъ будильника, который Генриетта нѣкогда не могла ни найти, ни остановить въ кромѣшной темнотѣ его студенческой комнаты. Поэтому Германъ, размышляя о предметахъ, которые въ инныя минуты — »

«Однако», — подумалъ Кречмаръ, и вниманіе его стало блуждать. Голосъ Зегелькранца былъ очень равномеренъ и слегка глуховатъ. Наростали и проходили длинныя предложенія. Насколько Кречмаръ могъ понять, Германъ шелъ по бульвару къ зубному врачу. Бульваръ былъ безконечный. Дѣло происходило въ Ниццѣ. Наконецъ, Германъ пришелъ, и тутъ повѣствованіе немного оживилось.

Кречмарь впрочемъ чувствовалъ, что врачъ будетъ правъ, если Герману сдѣлаетъ больно.

«Въ пріемной, гдѣ Германъ сѣлъ у плетенаго столика, на которомъ лежали, свѣсивъ холодные плавники, мертвые, бѣлобрюхіе журналы, и гдѣ на каминѣ стояли золотые часы подѣ стекляннѣмъ колпакомъ, въ которомъ изогнутѣмъ прямоугольникомъ отражалось окно, за которымъ было сейчасъ душное солнце, блескъ Средиземнаго моря, шаги, шуршащіе по гравію, — ждало уже шестеро людей. У окна, на плюшевомъ стулѣ, распространялась огромная женщина въ усахъ съ могучимъ бюстомъ, заставляющимъ думать о кормилицахъ великановъ, исполинскихъ младенцевъ, уже, пожалуй, зубастыхъ, какъ сынъ Агриппины, уже страдающихъ, быть можетъ, отъ той боли, отъ которой страдалъ Германъ. Рядомъ съ этой женщиной сидѣлъ, болтая ногами, мальчикъ, неожиданно шуплый и вовсе не рыжій, — онъ повторялъ плачущимъ голосомъ: «Дай мнѣ апельсинъ, кусочекъ апельсина», — и было чудовищно представить себѣ кислое, ледяное тѣло апельсина, попадающее на больной зубъ. Поодаль двое смуглыхъ молодыхъ людей въ яркихъ носкахъ разговаривали о своихъ дѣлахъ, у одного щека была повязана чернымъ платкомъ. Но больше всего заинтересовали Германа мужчина и дѣвушка, которые вскорѣ послѣ него явились, какъ бы проходя по темной почвѣ его зубной боли, и сѣли въ углу, на зеленый, коротко-остриженный диванчикъ. Мужчина былъ худой, но плечистый, въ отличномъ костюмѣ изъ клѣтчатоі шерстяной матеріи, съ лицомъ, бритымъ, бровастымъ, нѣсколько обезьяняго склада, съ большими, заостренными ушами и плотояднымъ ртомъ. Та, которую онъ сопровождалъ, молоденькая дѣвица въ бѣломъ джемперѣ съ открытыми до подмышекъ руками, вдоль которыхъ шла пушистая тѣнь загара, не задѣвшаго впрочемъ нѣжной выемки внутри сгиба, гдѣ сквозь свѣтлую кожу виднѣлись би-

рюзовыя вены, сидѣла, сдвинувъ колѣни, и было что-то дѣтское въ томъ, что бѣлая плиссированная юбка не доходитъ до колѣнъ, которыя хрупкой своею круглою и тѣснымъ тѣлеснымъ переливомъ шелка крайне мучительно привлекали взглядъ. Вотъ она повернулася въ профиль, — щека была съ ямочкой, и словно приклеенный къ виску каштановый серпъ волосъ мѣтилъ загнутымъ остриемъ въ уголокъ продолговатаго глаза. Судя по красочности ея лица и еще потому, что каждое ея движеніе волновало воздухъ горячимъ дуновениемъ крѣпкихъ духовъ, Германъ заключилъ, что она испанка, и въ то же время съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и даже ужасомъ невольно думалъ о томъ что ея мягкій и яркій ротъ можетъ какъ пасть разинуться, безропотно принимая въ себя уже мутящееся зеркальце дантиста. Она вдругъ заговорила, и нѣмецкая рѣчь въ ея устахъ показалась сперва неожиданной, но почти тотчасъ Германъ вспомнилъ танцовщицу, уроженку берлинскаго сѣвера, красивую и вульгарную дѣвченку, съ которой у него была недолгая связь лѣтъ десять тому назадъ. И несмотря на то, что эти двое были по всей вѣроятности изъ доброй бюргерской семьи, Германъ почему-то почувствовалъ въ нихъ что-то отъ мюзикъ-холя или бара, смутную атмосферу сомнительныхъ авантюръ, краденныхъ автомобилей, безденежныхъ разсвѣтовъ и прибыльныхъ ночей. Но, конечно, самое забавное было, то, что имъ въ голову не приходило, что Германъ, сидящій отъ нихъ въ трехъ шагахъ, и перелистывающій старый *Illustration*, со смиреніемъ и жадностью ловца чловѣческихъ душъ вбираетъ каждое ихъ слово, а въ этихъ словахъ была интонація страстной влюбленности, глухое и напряженное рокотаніе, которое невозможно было сдержать или скрыть, какъ у иной пѣвицы со знаменитымъ на весь мѣръ контраalto въ голосѣ проскальзываютъ даже тогда, когда она говоритъ по телефону съ модисткой, — драгоцен-

няя, смуглая ноты, и, вслушиваясь въ ихъ разговоръ, Германъ старался понять, кто они — молодожены или бѣглецы-любовники, — и никакъ не могъ рѣшить. Она говорила о томъ, какъ было упонительно, когда онъ недавно несъ ее на рукахъ по крутой тропинкѣ, и о томъ, какъ трудно дожить до вечера, когда она пройдетъ къ нему въ номеръ, и тутъ слѣдовало что-то очень повидимому забавное, смыслъ коего Германъ понять однако не могъ, — что-то, связанное съ ванной и бѣгущей водой и грозящей, но легко устранимой опасностью. Германъ слушалъ сквозь органную музыку зубной боли этотъ банальный любовный лепетъ и думалъ о томъ, что имъ не узнать никогда, какъ точно запечатлѣлъ ихъ слова непримѣтный господинъ съ флюсомъ, листающій журналъ. Вдругъ открылась дверь, изъ нея быстро вышелъ выпущенный изъ ада пациентъ, а на порогѣ всталъ, оглядывая собравшихся, и медленно намѣчая пригласительный жестъ, высокій, страшно худой врачъ съ темными кругами у глазъ, — сущій мemento мори. Германъ ринулся къ нему, хотя зналъ, что суется не въ очередь, и несмотря на курики, покрики, мemento, раздашіеся въ пріемной, проникъ въ кабинетъ, гдѣ противъ окна стояло воскресное, и котораго, которые на блескъ инструментовъ, почти на зубные, любовные постуку-постуча изъ-за жужжащаго которые передъ которыми малиновое нѣбо, большое, энное и прежде того то же что и то, и внизу, и на зу, и тараболь, это было ийственно — — ».

Онъ еще читалъ долго, но уже читалъ зря, — скрежетъ и шумъ, шумъ удаляется, молчаніе, молчаніе, онъ кончилъ.

«Ну, какъ тебѣ нравится, Бруно?» — сказалъ онъ, отцѣпляя очки.

Кречмаръ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами. Зелгелкранцъ мелькомъ подумалъ: «Неужели я его усыпилъ?» — но въ это мгновеніе Кречмаръ приподнялся.

«Что съ тобой, Бруно? Тебѣ плохо?»

«Нѣтъ, — отвѣтилъ Кречмаръ шопотомъ. — Это сейчасъ пройдетъ».

«Выпей воды, — сказалъ Зегелькранцъ. — Она очень вкусная».

«Ты съ природы?» — невнятно спросилъ Кречмаръ.

«Что ты говоришь?»

«Ты съ природы писалъ?»

«Ахъ, это довольно сложно. Видишь-ли, дантиста я взялъ, у котораго былъ давнымъ-давно. Но онъ былъ не дантистъ, а мозольный операторъ. Но вотъ, на примѣръ, въ приемной я цѣликомъ помѣстилъ группу людей, которыхъ специально для этого изучилъ, ѣдучи въ поѣздѣ. Да, я съ ними ѣхалъ недавно въ одномъ купѣ и оттуда преспокойно пересадилъ ихъ въ разговоръ, — при чемъ замѣтъ, — съ абсолютной точностью, — точность важнѣе всего».

«Когда это было, — купѣ?»

«Что ты говоришь?»

«Когда это было, — что ты ѣхалъ?»

«Не помню, на дняхъ, кажется, когда мы съ тобой встрѣтились, — я тутъ часто разѣзжаю. Эти двое чертъ знаетъ какъ миловали другъ друга, — удивительно, что, когда иностранцы — »

Онъ вдругъ запнулся и, какъ это съ нимъ не разъ бывало, почувствовалъ, что происходитъ какое-то чудовищное недоразумѣнiе, и онъ такъ покраснѣлъ, что все затуманилось.

«Ты ихъ знаешь? — пробормоталъ онъ. — Бруно, стой, куда ты...»

Онъ побѣжалъ за Кречмаромъ и хотѣлъ ему заглянуть въ лицо. «Отстань, отстань», — шопотомъ сказалъ Кречмаръ. Зегелькранцъ отсталъ. Кречмаръ завернулъ по тропинкѣ, его скрыли кусты.

В. Сиринъ.

(Окончанiе слѣдуетъ)

Древній путь

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I—IV.

.....
.....

V.

Анастасія Михайловна опустилась въ кресло и надѣла очки. На столѣ лежала развернутая Библия. Опирая ее о край стола, она въ полслуха начала прерванное чтеніе. Ей шель семьдесятъ второй годъ: гладко причесанные на прямой проборъ волосы отливали желтизной, широкіе рукава прямой старинной кофты прикрывали усталыя, морщинистыя руки.

Первыя слова, всегда смирявшія ее, какъ церковная тишина, были горестны. Придерживая Библию, она правой рукой сняла очки.

— Господи, — подумала, она, — въ какое время приходится жить.

Библия была древняя, въ дубовомъ, обтянутомъ кожей переплетѣ. На титульномъ, цвѣта старой слоновой кости листѣ, темнѣли крупно напечатанныя имена погребенныхъ и истлѣвшихъ: царя, царицы и патріарха. Подъ началомъ киноварныхъ буквъ узкими столбцами текли славянскія бурныя строки. Отмѣтки, начертанныя на поляхъ дѣдомъ, выцвѣли и водянисто порыжѣли. Какъ земля почернѣла

*) Отрывокъ изъ романа.

обрѣзь, съ шорохомъ отходила листь отъ листа. Отъ листовъ пахло воскомъ и зрѣлой землей.

Межъ страницъ лежали легкіе ландыши, розы, жасмины и прямые, въ тончайшемъ плетеньи рыжихъ жилокъ, прозрачные кленовые листья. Лепестки розъ крошились. Ландыши отцвѣли въ свой срокъ въ псковскомъ бору, одервянѣли розы, корни жасминовъ стали садовой землей.

Библия была въ цвѣтныхъ закладкахъ: бабкина, парчевая — серебряныя травы по зеленому полю и любимая материнская — голубая съ бисерной вышивкой, и дѣвичья темно-синяя лента изъ косы. Ее Анастасія Михайловна положила въ день своей свадьбы. Среди закладокъ была алая анненская лента сына, снятая имъ съ темляка послѣ японской войны.

Въ шестнадцатомъ году, въ товарномъ вагонѣ, привезли его гробъ. Мертваго лица она не увидѣла. Офицеръ передалъ ей письма, изломанные, на красной подкладкѣ золотые погоны и потемнѣвшую икону Нерукотвореннаго Спаса, величиною съ ладонь.

На деревенскомъ кладбищѣ она не плакала. Ея сухое, темное, съ поджатыми морщинистыми губами, съ сѣдыми волосами на подбородкѣ лицо было сурово, глаза высохли. Во всемъ темномъ, она стояла съ внукомъ. Нагорное кладбище осѣняли старыя сосны. Въ зной, во время похоронъ, аисты, запрокидывая головы, трещали костяными клювами. Лицо Ольги опухло отъ слезъ, она уже не могла плакать и держала у рта, подъ крепомъ, платокъ. Когда мать всхлипывала, у Сережи начинала склоняться голова съ худенькимъ затылкомъ. Анастасія Михайловна клала правую руку на плечо внука, онъ выпрямлялся, оглядывался на нее влажными сѣрыми глазами, потомъ вынималъ платокъ, сморкался и что-то вздрагивало въ желобкѣ его шеи.

Послѣ смерти сына она часто ходила на загородное кладбище той дорогой, по которой ее скоро понесутъ.

Она знала, что впереди поѣдетъ телѣга съ дрожащими еловыми вѣтвями, мужикъ будетъ скидывать ихъ на дорожку, за городомъ у кирпичныхъ воротъ ее встрѣтитъ рѣдкій кладбищенскій звонъ и причитанія простоволосыхъ нищихъ.

Она полюбила кладбище, какъ свою дубовую рощу, какъ домъ, который нужно обжечь. Кладбищенская мощеная дорожка ведетъ къ церкви. Кругомъ старыя ели, березы, много въ вершинахъ гнѣздъ. Недалеко отъ входа, налѣво — чугуныя, свисающія съ каменныхъ столбовъ цѣли — ладыгинское купеческое мѣсто. Межъ обшитыхъ дерномъ могилъ — гранитный крестъ.

Приходя сюда, она опускалась на колѣни и, припадая лбомъ къ могильной землѣ, молилась за родителей. Она хозяйственно-грустно слѣдила за могилами, приносила цвѣты своего сада: резеду, анютины глазки и сажала ихъ, разрыхляя землю рукой.

Городъ далеко, въ оградѣ — береза съ низкимъ навѣсомъ вѣтвей. Начиная съ весны, ландыши разворачиваютъ на могилахъ темныя трубки. Лѣтомъ на могилахъ растутъ чистотѣль, съ полными оранжеваго сока стеблями. Лѣтомъ въ березовой листвѣ поютъ птицы.

Вечеръ, церковно-кладбищенская служба, за березами — ровный и тихій зарѣчный закатъ. Вздохами доноситъ пѣніе изъ открытыхъ церковныхъ оконъ, по могиламъ — женщины и дѣти.

Осенью съ березы падаетъ зубчатый листь, старые обросшіе мхами стволы темнѣютъ отъ дождя, въ развилинахъ сучьевъ чернѣютъ галочки, грачиныя гнѣзда, церковь съ золотыми мокрыми звѣздами на потемнѣвшемъ куполѣ по осеннему легко стоитъ среди прохладныхъ вершинъ.

На прошлой недѣлѣ, въ субботу, она шла по присыпанной рѣчнымъ пескомъ тропинкѣ и замерзшіе комки, хрустя, распались подъ ея ногами. Снѣгъ былъ выкиданъ за ограду, счищенъ съ зеленой скамьи. Было пусто.

тихо, вороны стряхивали снѣгъ. Анастасія Михайловна сидѣла и думала, что скоро межъ родительскихъ могилъ опустятъ ея гробъ. Она знала эту землю, запомнила съ материнскихъ похоронъ: отъ березы идутъ корни, ихъ тогда обрубали и измочалили лопатами, сверху слой земли черноватый, на днѣ — слежавшійся сухой песокъ...

А въ домѣ стояла та утренняя тишина, когда въ большихъ комнатахъ только три человѣка и одинъ изъ нихъ, самый младшій, еще спитъ. Солнце шло по южной стѣнѣ къ его окну, въ столовой неторопливо подрагивали часы, маятникъ за стекломъ игралъ золотымъ переходящимъ блескомъ.

Безъ вѣсело было-бы одиноко въ этомъ старомъ и большомъ домѣ. Съ вечера онъ сказалъ, что перваго урока не будетъ. Эту зиму мальчики занимались днемъ, а гимназистки вечеромъ. Въ женской гимназіи стоялъ военный лазаретъ.

Послѣ смерти отца Сerezу поселили у бабушки. Ольга жила въ деревнѣ, въ небольшой оставшейся послѣ отца усадьбѣ. Вначалѣ Сerezъ было скучно безъ матери и друзей. Онъ сидѣлъ дома, рисовалъ, игралъ въ оловянные солдатики. Анастасія Михайловна отвела ему угловую южную солнечную комнату съ большимъ письменнымъ столомъ и книжнымъ шкапомъ. Онъ снесъ въ нее всѣ книги, перетаскалъ съ чердака пыльные связки старыхъ журналовъ, гдѣ-то отыскалъ старинный, съ мѣдной ручкой тесакъ и повѣсилъ его на волчью, подбитую синимъ сукномъ шкуру. Анастасія Михайловна, радуясь, наблюдала, какъ онъ вьетъ въ ея домѣ гнѣздо.

Къ нему начали забѣгать пріятели. Они катались съ горъ, ходили на катокъ, въ лѣсъ на лыжахъ, лазили на стѣны старой крѣпости, что на островкѣ, и строили на дворѣ свою, снѣжную, съ круглыми полѣшками вмѣсто пушекъ. Они готовили для боя кучи снѣжковъ, стругали деревянные сабли, выпиливали щиты, рисовали на нихъ цвѣтными карандашами гербы и съ крикомъ воевали въ глубо-

комъ снѣгу большого сада.

Ему недавно исполнилось пятнадцать лѣтъ. Анастасія Михайловна боялась за его юность, ее пугала очень слабая окраска овальнаго, съ припухлыми по дѣтски губами, лица, нервность, влажность печальныхъ сѣрыхъ глазъ. Она знала, что у длинноногихъ дѣтей слабая грудь.

Часы пробили половину. Нужно было его будить. Анастасія Михайловна прошла въ гостиную. Кружевные занавѣси голубѣли, какъ иней, большой коверъ мягко цвѣлъ красновато-бурымъ узоромъ. И отъ лежащаго на полу, падаващаго изъ четырехъ высокихъ оконъ солнца въ гостиной по утреннему было радостно, свѣтло, и солнце отражалъ черный блескъ голаго рояля и прозрачный холодокъ стеклянной двори въ прихожую.

VI.

Сережа лежалъ, открывъ глаза, съ ладонью подъ щекой. Онъ проспалъ и досадовалъ. Вчера, поздно вечеромъ, онъ взялся за алгебру, но глаза слипались, въ комнатѣ хорошо на ночь протопили, и онъ рѣшилъ выучить все на свѣжую голову. Проснувшись, онъ разрѣшилъ себѣ поваляться въ постели еще пять минутъ.

Стрѣлка маленькихъ, висѣвшихъ на стѣнѣ часовъ успѣла пробѣжать цѣлый кругъ. Сережа, вздохнувъ, крѣпко потянулся и легъ на спину. Слегка закружилась голова. Онъ сдѣлалъ утомленное лицо и подумалъ: хорошо-бы заболѣть. И ему показалось, что онъ немножко боленъ, голова несвѣжа, ее трудно приподнять съ подушки. Потолокъ дѣлался мутнымъ. Это не потолокъ, а рѣка, и по ней плыветъ размолотый весенній ледь.

— Сережа, — сказала, входя въ комнату, Анастасія Михайловна.

— Да, бабушка, — отвѣтилъ онъ вялымъ голосомъ.

— Пора, милый, вставать.

— Знаешь, мнѣ что-то нездоровится.

Она внимательно посмотрѣла на внука и положила руку на его лобъ. Сережа вздохнулъ и полузакрывъ глаза.

— Значитъ, въ классъ не пойдешь?

— Нѣтъ, бабушка.

Онъ лежалъ очень смирно. Лобъ былъ теплый, какъ у каждаго мальчишка пятнадцати лѣтъ, долго остающагося утромъ въ постели. Она осмотрѣла комнату и сказала:

— Ты всегда книги бросаешь открытыми. То-то у тебя въ головѣ ничего не держится.

Въ комнатахъ снова стало тихо, на стѣну упало солнце, часы чуть позванивали, въ нихъ сворачивалась и разворачивалась нѣжная пружина. Вотъ такъ же, годъ тому назадъ, онъ лежалъ въ постели и медленно выздоравливалъ. Градусникъ тогда скатился съ постели и упалъ. Ругуть собрали и отдали ему. Онъ каталъ живое серебро въ коробочкѣ, разбивалъ его на маленькія, играющія блескомъ, капли, сливалъ ихъ въ одну большую, и она, тяжело переливаясь, медленно текла по дну. Его кормили бульономъ и поджаренными цыплятами. Изъ деревни пріѣхала мать. Она долго обогрѣвалась въ столовой, онъ слушалъ издали, какъ словно незнакомые голоса, задремалъ, а очнувшись — она положила на его голову руку, и вотъ — легче, легче, и совсемъ легко. Вечеромъ дверь комнаты открыли, и она играла для него на рояли. Онъ закрывалъ глаза и видѣлъ на клавишахъ ея руки, золотое кольцо, ея тяжелые, собранные сзади волосы и поднятую на черной подставкѣ крышку рояля. Словно онъ стоялъ рядомъ, слушалъ и глядѣлъ на голыя струны. Снизу выскакивали замшевые зайцы, ударяли въ струны и испуганно падали.

Днемъ его перевели въ гостиную, на диванъ. Большія окна, два высокія зеркала въ простѣнкахъ и овальное — въ золотой рамѣ надъ роялемъ. Солнце, крышка рояля похожа на черное озеро, большая раковина прижимаетъ заворачивающійся темнымъ свиткомъ уголь ковра, и вся

она изъ теплаго розоваго перламутра, завита и таинственно отвернуть слойчатый полуплывшійся край. Ему принесли накопившіеся за время болѣзни журналы и стопки приложеній въ цвѣтныхъ бандероляхъ. Костянымъ ножемъ онъ разрѣзалъ страницы, и на одѣяло сыпались бѣлые бумажные хлопья. Ему купили переводныя картинки и старинныя пожелтѣвшіе листы съ турками и замотанными въ плащи бедуинами. Одинъ, въ тишинѣ, онъ разворачивалъ, разглаживалъ руками листы, любовался тонконогими шоколадными конями и алыми фесками. Краска была густа, блестяща, цвѣтныя радужныя крупинки проступали на оборотѣ. Переводныя картинки были покрыты голубовато-бѣлымъ налетомъ. Осторожно, поглядывая за работой пальцевъ, не довѣряя себѣ, онъ отгибалъ смоченный водой уголокъ. И вотъ рождалась очаровательная, яркая и влажная зелень круглаго дерева, такого выпуклаго и сіяющаго на кремевомъ листѣ.

Онъ рѣзалъ картонажи, наминая пальцы. И какія слабя у него были руки, какъ быстро уставали, онъ ихъ съ ножницами клалъ отдыхать на одѣяло, закрывалъ глаза и лежалъ, чувствуя въ ногахъ пріятное время книгъ. За усталостью приходилъ сонъ.

Вечеръ, все убрано, круглый столъ покрытъ темной скатертью, а на немъ — похожая на маленькаго аиста лампа, на розовой мраморной ногѣ. Мать съ книгой въ креслѣ. Ея подбородокъ, колѣни и руки тепло освѣщены блѣднымъ шелковымъ абажуромъ. Пріоткрывъ глаза, онъ слѣдитъ за ней и любитъ. Ему хорошо, она не знаетъ, что онъ проснулся, а онъ все видитъ. Вотъ она подняла голову и посмотрѣла. Теперь онъ прикрылъ глаза, началъ ровно дышать, боясь что она замѣтитъ, какъ у него дрожать рѣсницы.

Приносятъ чай, сухари и вазочку съ вареньемъ. Въ ней вишни безъ косточекъ, съ отстающими набухшими шкурками, на днѣ — вишневыя зерна. За окномъ все темнѣе и темнѣе, въ его комнатѣ топятъ печь, пылятъ сосновой

эссенцией, въ домѣ пахнетъ свѣжо, по лѣсному, и воздухъ кажется зелено-янтарнымъ.

Зима, мать въ Голышевѣ, онъ поправился, а на дворѣ еще не пускаютъ. Онъ рисуетъ въ большой тетради все, что вздумается. Вотъ подскочила и встала на хвостъ пушка, дымъ относитъ, высоко разорвалась махровая шрапнель. Солдаты идутъ впередъ. Одни преслѣдуютъ, другіе отступаютъ. Бѣглецовъ надо спасать. Онъ велъ ихъ лѣсомъ къ рѣкѣ, сажалъ въ лодку, плылъ съ ними черезъ весь листъ къ морю. Для моря онъ бралъ сразу двѣ страницы, рисовалъ броненосецъ, по бортамъ — пушки, на носу — развѣвающійся флагъ. Въ него стрѣляли съ берега, снаряды ложились, разбрызгивая снолами воду, большой и острый рвалъ броненосецъ пополамъ. Люди ползли къ бортамъ, прыгали внизъ, плыли, схватившись за опрокинутыя шлюпки, а офицеры тонули, стоя на мостикѣ, отдавая честь. Вода крутилась большой затягивающей воронкой. Хорошо было погибать, глядя на зеленое пустое море, на голубое небо, на бѣлыхъ, печально кричащихъ, чаекъ. Выѣпившись застывшими руками въ снасти, опутавшія сломанную мачту, онъ долго, изнемогая, носился по волнамъ. Его выкидывало на берегъ острова. На островѣ было великолѣпно: въ устьѣ прѣснаго ручья — бархатныя рыбы, по песчанымъ золотымъ отмелямъ — панцирные, съ змѣиными головками черепахи, роци пальмъ со стволами, покрытыми ананасной корой, съ зелеными, шелковистыми на вѣтру вѣерами, въ скалахъ — яйца птицъ, въ песокѣ — рогатыя лиловыя раковины. Можно купаться, ходить голымъ, жечь костры изъ бамбука и пальмовыхъ вѣтвей, разбивать о камни опутанные рыжими волосами кокосовые орѣхи, добывая бѣлое молоко, и спать на песокѣ.

Онъ бралъ сумку съ патронами и свѣжими финиками, закидывалъ за плечо ружье и отправлялся открывать новыя мѣста. На днѣ лазурной бухты, въ тихой водѣ, голыми кустами росли алые кораллы, изъ норы, шевеля рябиновыми усами, выползъ омарь, по песку, средь нѣжныхъ,

покачивающихъ лепестками, похожихъ на астры цвѣтовъ, загребая гребенчатой лапкой, съ раковиной на спинѣ, переползаль рачекъ.

На скалахъ снѣжной пѣной разбивались волны, соленая пыль летѣла въ лицо. Онъ шель, прорубая діаны, онъ ползъ по рыжимъ камнямъ, слушалъ, припадая ухомъ къ землѣ. Лѣсная поляна! Зажавъ ружье, онъ замиралъ въ кустахъ. Стадо тонконогихъ козъ, похожихъ на маленькихъ жеребятъ-сосунковъ, паслось у ручья, поднявъ коротенькіе хвостики, милыя полосатыя зебры пили сладкую воду. Колючіе острорылые кабаны, разрывая клыками дернъ, повизгивая, лакомились большими бѣлыми луковицами. Онъ ихъ не трогалъ. Онъ возвращался. Солнце склонялось, надъ моремъ разливался вечерній закатъ, волны безсильно подкатывали и, залѣнившись, ложились у берега, а онъ, одинокій, гордый человѣкъ, стоялъ на скалѣ, глядѣлъ въ морскую пустынную даль и на его глаза набѣгали слезы...

Выросшій и похудѣвшій за время болѣзни, онъ подходилъ къ окну. Смеркалось. На подоконникѣ бѣлѣлъ сухой зернистый снѣгъ. Поднявъ голову, онъ видѣлъ ласточкино неровно слѣпленное гнѣздо, холодное и голое, какъ замерзшая въ безснѣжную зиму глинистая дорога. Стрый пушекъ на немъ дрожалъ подъ вѣтромъ. Вдали — поля, еловый лѣсъ, заваленные снѣгомъ кусты. Тамъ все по вечернему, очень грустно синѣеть. Колоколь ударить въ монастырѣ за рѣкой, бабушка подойдетъ къ образу, заправить лампаду, зажжетъ ее, перекрестится, а онъ стоитъ, смотреть, дышеть на холодное стекло и выписываетъ вензеля...

VII.

.....

Какъ тихо и одиноко послѣ полудня въ большомъ домѣ. Медленно идутъ часы, медленно переходить по стѣнѣ

солнце. Какъ скучно смотрѣть черезъ двойныя зимнія стекла на открытое небо и солнечный блескъ!

Вчера, поздно вечеромъ, съ горы, по дорогѣ, на большихъ мужицкихъ саняхъ катались реалисты старшихъ классовъ и гимназистки. Внизу, на главной улицѣ, рѣдко отступали войска, ворота дворовъ были открыты настежь, въ домахъ погашены огни. Слегка дуло съ рѣки, морозъ отпустилъ, высыпали мутноватая звѣзды. Снѣгъ на горѣ не скрипѣлъ, на спускѣ онъ былъ хорошо накатанъ. Эта тишина и мягкость напоминали масленичные дни, когда подкова, пробивая рыхлый снѣгъ, ударяетъ о камень, санки легко потряхиваетъ на ухабахъ, на раскатахъ, сдирая снѣгъ, они сползаютъ къ панели, и далеко слышно недружное побрякиваніе бубенцовъ. Одна изъ дѣвочекъ спорила лѣнивымъ и упрямымъ голосомъ, а семиклассница, Паля Бжезовская, рыженькая, съ большимъ ртомъ, очень громко смѣялась. Наконецъ, всѣ уѣлись, успокоились и замолчали. Но сани сразу не пошли. Ихъ оттащили очень далеко отъ спуска. Снѣгъ на горѣ былъ глубокъ. Тишину нарушилъ дружный смѣхъ и женскіе голоса. Одинъ изъ реалистовъ вскочилъ и началъ подталкивать сзади.

— Ну, теперь держись! — крикнулъ онъ, вспрыгнувъ и схватился за чьи-то плечи.

— Съ дороги! Съ дороги! — весело закричала Паля, и тяжело нагруженные сани легко пронеслись мимо Сережи. Они докатились до переѣзда, ихъ мягко задержалъ глубокой снѣгъ. Сначала всѣ сидѣли молча, словно ожидая, что вотъ, вотъ сани пойдутъ дальше, а потомъ снова засмѣялись и долго изъ-за смѣха не могли встать. Сережа отошелъ на панель. Старшеклассники полубѣгомъ тащили сани въ гору, а Паля то и дѣло садилась и заставляла себя везти. На полдорогѣ реалисты остановились передохнуть, а Паля сняла гимназическій беретъ, встряхнувъ головой, поправила волосы и надѣла беретъ по мальчишески, набекрень.

— Господа! — полнымъ и счастливымъ голосомъ сказала она. — Который часъ? Вѣдь въ городѣ осадное положеніе.

Вѣтеръ совсѣмъ затихъ. Сережа стоялъ у забора и думалъ, что скоро появится мѣсяцъ, на него мелкими жемчужными яблоками пойдутъ облака, за покосившимся заборомъ сада на заискрившіеся снѣга упадутъ отъ деревьевъ легкія тѣни, а ночью, когда всѣ уснутъ, въ тишинѣ медленными хлопьями начнетъ падать снѣгъ. И то, что на дорогѣ смѣялись, и всѣмъ было радостно, усиливало его одиночество. Ему было грустно, что онъ не видѣлъ Валю, хотя встрѣчаться съ ней было томительно и страшно. Онъ стоялъ у забора, горько и сладостно вспоминая ея лицо, а вдали, въ зарѣчной темнотѣ былъ виденъ одинъ огонь...

.....

VIII.

Съ темнотою все затихло. Въ домахъ плотно занавѣсили окна. Когда Серсжа спустился на главную улицу, въ окнахъ аптеки по старому, удивительно радостно, сіяли два прозрачныхъ шара. Реальное училище было освѣщено. Въ немъ по вечерамъ занималась женская гимназія. Темный снѣгъ на дорогѣ искрился и походилъ на халву. Свѣтъ изъ оконъ падалъ черезъ дорогу, на припорошенную площадку, гдѣ у ограды церковнаго парка стояли пушки.

Въ началѣ зимы, на большой перемѣнѣ, младшіе классы катали въ паркѣ комы, снѣгъ наворачивался ватными слоями, оставляя дорожку, покрытую зеленой, еще не промерзшей травой. Пятый классъ разбивался на двѣ партіи, обстрѣливалъ другъ друга, и снѣжки сочно разбивались о липы, оставляя на корѣ бѣлыя звѣзды.

Въ январѣ выпало много снѣгу. Онъ тяжело легъ на

крыши и отогнул водосточные желоба. Въ теплые вечера оползали многопудовые пласты и сыро бухали, разбиваясь о тротуаръ. Снѣгъ съ нагорныхъ дворовъ свозили по ночамъ солдаты на казенныхъ коняхъ. Спускъ хорошо накатали, и лошади торопились убѣжать отъ саней. На переѣздѣ черезъ шедшую вдоль рѣки главную улицу кони тяжело тянули, и солдаты опрокидывали возы на дорогѣ. Къ февралю дорога стала пухлая и высокая. Передъ реальнымъ училищемъ всегда бились артиллерійскіе кони, скользили подковы, хрипло кричали ѣздовые, кони то натягивали, то отпускали построжки, и пушки ныряли въ сыпучемъ, какъ песокъ, разболтанномъ копытами, снѣгу.

На Рождествѣ еще горѣлъ на Соборной площади высокий фонарь. Каждый вечеръ его заправлялъ управскій сторожъ. Фонарь, поскрипывая, ползъ по дрожащимъ проволокамъ вверхъ, наливаясь по пути свѣтомъ, а оставившись, ровно сіялъ, освѣщая выходящее на площадь зданіе Управы, въѣздъ на мостъ и извозчиковъ. Въ февралѣ уже не было извозчичьей стоянки, фонарь не зажигали, и въ городѣ стояла глухая деревенская темнота.

Въ этотъ вечеръ церковный паркъ былъ тихъ, вершины липъ скрыты темнотой. И была въ этотъ вечеръ таинственная прелесть въ цвѣтныхъ шарахъ аптеки, въ размятомъ, по масляничному, дорожномъ снѣгу, въ мягкой тѣмѣ за рѣкой. Оставляя городъ, неслышно уходили войска, а въ нижнемъ этажѣ училища, гдѣ окна были заклеены матовой бумагой, занимался пятый классъ гимназіи, и на стеклахъ были видны мягкія тѣни склоненныхъ къ партамъ дѣвичьихъ головъ. Въ залѣ шла спѣвка. Сережа слушалъ голоса и слегка заглушенные дребезжащіе звуки училищнаго рояля.

Ему казалось, что совсѣмъ недавно было Рождество. За нимъ зашелъ Костя Николаевъ. Небо было въ колючихъ звѣздахъ, отъ сухого мороза поскрипывалъ снѣгъ. Бабушка только что подшила новый воротничекъ, и къ нему не привыкла шея. На тѣлѣ прохладно скользило свѣ-

жее бѣлье, тѣло по праздничному было легкимъ и веселымъ. Они подошли къ дому Николаевыхъ. Костя сказала:

— Знаешь, Львенокъ, къ намъ придетъ Валя Турчина.

Толстый кокосовый половичекъ у входа былъ весь въ снѣгу. Съ освѣщенной лѣстницы спускалась дорожка, прижатая къ каждой ступени желѣзнымъ прутомъ. Наверху, около бѣлой двери, у Сережи забилось сердце.

Въ прихожей, уже висѣли гимназическія шубки съ заткнутыми въ рукава теплыми платками, на полу стояли калоши взрослыхъ съ мѣдными, приколотыми къ краснымъ пяткамъ буквами женскіе ботики, а среди нихъ Валины, съ сѣрой мѣховой отторочкой. Дверь въ залу была открыта. Полъ блестѣлъ, темныя по вечернему окна отражали слочные огни. Пахло мандаринами, хвоей и принесеннымъ съ мороза мѣхомъ. Худой, затянутый поясомъ, румяный отъ волненія и мороза, съ пятью серебряными до полгруды пуговицами, Сережа вошелъ въ залу, все увидѣлъ словно сквозь прозрачную воду, подошелъ къ Николаевой, шаркнулъ ногой, поцѣловалъ ея руку, началъ, шаркая, здороваться съ гостями и дыханія въ немъ становилось все меньше и меньше. У блестѣвшаго чернымъ льдомъ рояля среди дѣвочекъ стояли три сестры Николаева въ розовыхъ платьяхъ. Старшая, худая и блѣдная, протянула Сережѣ вялую руку, и краснѣя, сказала:

— Вы не знакомы? Валя Турчина.

Онъ никогда не видѣлъ такъ близко блеска ся карихъ любопытныхъ глазъ. Онъ пожалъ маленькую теплую руку, сталъ сбоку, взялся за поясъ, перевелъ дыханіе и услышалъ свое часто и крѣпко бьющееся сердце. Онъ увидѣлъ, что у нея бѣлое платье, а не розовое, на затылкѣ бѣлый, крылышками, бантъ, что безъ берета и шубки она кажется очень легкой. Она повернула голову. У нея были двѣ темныя косы, а въ ушахъ дѣтскія золотыя сережки.

Елка для игръ была выдвинута на середину. Младшіе, взявшись за руки, хотѣли водить хороводъ, но онъ былъ малъ. Дѣвочки привели пожимающаго плечами Костю, хо-

роводъ сталъ большой, мать Николаевыхъ сѣла за рояль, прищуривъ глаза, посмотрѣла на дѣтей и заиграла, легко нажимая педали. Пѣсенка была очень простая:

Жила была царевна,
Царевна, царевна,
Жила была царевна,
Пре-кра-сная...

Межъ оконъ стояло зеркало. Дѣвочки, проходя мимо, смотрѣли туда. Сережа въ немъ увидѣлъ ея улыбку и широко открытые счастливые глаза. Младшую Николаеву посадили на стулъ подъ елку. Она была царевной и сидѣла, опустивъ голову, розовая и смущенная, глядя на свои положенныя на колѣни руки. Лобастый реалистъ Зотовъ вышелъ изъ хора и поцѣловалъ у нея руку. Она застыдилась, всѣ засмѣялись, ее и Зотова взяли въ кругъ, реалисты потянули такъ сильно, что у дѣвочекъ отлетали косы, на задѣтыхъ вѣткахъ дрожали слутанныя серебряныя травы, на красныхъ ниткахъ качались яблоки.

И танцевали до утра!
До утра! До утра!
И всѣ кричали bravo
Царевнѣ молодой!

За ужиномъ всѣмъ дали по тонкой высокой рюмочкѣ вишневой наливки. Когда Валя смѣялась, у нея дрожалъ бантъ. Онъ запомнилъ, какъ она сказала:

— Я обожаю меренги!

Елка кончалась. Младшіе жгли сѣрыя палочки. Онѣ горѣли, рассыпая сухія звѣзды. Столовая была освѣщена, а въ залѣ уже стоялъ рождественскій подумракъ и былъ виденъ образъ съ зажженной лампадой. Свѣчи догорали, на стѣнѣ отъ елки лежала мягкая колеблющаяся тѣнь, проволочныя подсвѣчники разогрѣлись, воскъ капалъ, застывая на вѣтвяхъ красной крупой, падали огненные капли.

Свѣчи догорали, словно костерки въ зеленомъ лѣсу, отъ ихъ неровнаго огня переливались серебряныя травы, потрескивая, загоралась и чадила хвоя. Рѣдкіе огни были печально отражены чернымъ лакомъ рося.

Въ прихожей прощались дѣвочки. Валя закутывалась въ бѣлый платокъ. Онъ держалъ ее шубку. Прижавъ платокъ подбородкомъ, захвативъ пальцами длинные шелковые рукавчики, она надѣла шубку и поблагодарила его глазами. У нея были деревенскія, съ однимъ пальцемъ цвѣтныя варежки. Въ бѣломъ платкѣ, въ варежкахъ, съ убранными подъ толстую шоколадную шубку косами, она стала совсѣмъ родной и деревенской.

Онъ возвращался домой. Въ крѣпкомъ и чистомъ отъ мороза небѣ острыми огнями играли большія звѣзды, маленькія — колодись и дрожали. Въ переулкѣ деревянной лопатой сгребали снѣгъ и этотъ глухой щербатый звукъ былъ хорошъ, снѣгъ такъ вкусно похрустывалъ, что каждый разъ было пріятно ставить ногу и нажимать на него всей подошвой. У собора горѣлъ фонарь. На пушистой площади стояли извозчики съ легкими санками, кони изрѣдка потряхивали головой и, дрожа, рассыпались на бранные на ремень бубенцы.

Часто въ январѣ онъ проходилъ мимо одноэтажнаго сиреневаго дома Турчиныхъ. Въ окнахъ — подвязанные и распущенные занавѣси, калитка съ желѣзнымъ кольцомъ, за заборомъ нѣсколько березъ и сѣрые столбы качелей. Однажды, послѣ уроковъ Сережа, съ засунутыми за борть шинели учебниками, пришелъ на знакомую улицу. Падаль рѣдкій снѣгъ, изъ печной трубы поднимался легкій дымъ, слѣды по свѣжему снѣгу вели къ калиткѣ. Она стояла у окна съ гладко причесанными волосами, въ коричневомъ платьѣ, съ крыльями чернаго фартучка на плечахъ, и бѣлое кружево охватывало ея узкое запястье. И лицо ея было грустное и милое, простое лицо, которое онъ такъ любилъ. Въ тотъ вечеръ онъ взялъ лыжи и пошелъ за городъ. Какъ онъ любилъ въ этотъ день и чистое поле, и па-

дающий съ вечерняго неба снѣгъ, и уходящiе въ даль телеграфныя столбы, что пронзительно и одиноко звенѣли подъ вѣтромъ...

На улицѣ собирались реалисты. Уже взадъ и впередъ ходилъ голубоглазый Шахновичъ въ смушковой офицерской папахѣ. Слѣвка кончалась. Къ окну подошли двѣ гимназистки и посмотрѣли внизъ. Шахновичъ отдалъ имъ честь. Онѣ испуганно отбѣжали, а потомъ снова подошли къ окну, но уже впятеромъ.

Въ училищѣ глухо разсыпался звонокъ. Внизу поднялись дѣвочки и нѣсколько секундъ постояли за партами. Порядокъ оконныхъ тѣней смѣшался.

Въ этотъ день всѣхъ распустили въ одно время. Большая дверь стала хлопать. Младшiя, перебивая другъ друга, говорили объ отмѣткахъ, смѣялись и, стайками, расплывались, какъ маленькiя рыбки. Шахновичъ перешелъ черезъ дорогу и остановился на углу. Паля Бжезовская задержалась въ дверяхъ. Она увидѣла Шахновича и что-то сказала подругамъ. Всѣ посмотрѣли въ ту сторону и медленно пошли къ собору. На углу Шахновичъ приложилъ руку къ папахѣ и шагнулъ впередъ. Паля остановилась и удивленно, нараспѣвъ, сказала:

— Ахъ, это вы?

Шахновичъ щелкнулъ каблуками и взялъ ея книги. Паля отстала отъ подругъ.

Прошли сестры Николаевы въ одинаковыхъ черныхъ шубкахъ. Въ дверяхъ показалась толстая пятиклассница съ очень коротенькой и жидкой косой. Она всегда уходила изъ класса послѣдней. Въ залѣ потушили свѣтъ. На площадкѣ потемнѣлъ снѣгъ, виднѣе стала церковь Покрова. Дверь перестала хлопать. Послѣднiй разъ ее открыла худая и высокая, въ большихъ калошахъ учительница съ пухлымъ отъ гимназическихъ тетрадей портфелемъ. Съ нею вышла низенькая и толстая классная дама, батюшка въ боярской шапкѣ и нѣсколько дѣвочекъ изъ разныхъ классовъ, что щебетали радостно и поспѣшно.

Сторожъ открылъ окна и началъ уборку пятого класса, гдѣ на теплыхъ партахъ еще не высохли чернильные пятна. Потомъ потухъ послѣдній свѣтъ. Все затихло.

Опустивъ голову, Сережа пошелъ черезъ Покровскій паркъ къ рѣкѣ. Подъ навѣсомъ церковнаго входа съ каменныхъ плитъ былъ сметень снѣгъ. Береговая линія была безъ огней. На порогахъ звенѣла вода, по рѣкѣ тянуло гарью. Въ этотъ вечеръ не шумѣли мосты. За рѣкой было жутко и пусто. Тишина казалась особенной. Всю недѣлю по вечерамъ отступали войска, долгій шумъ становился ясенъ къ ночи, обозы и пушки вступали въ притихшій городъ, глухо гудѣли промерзшіе мостовые настилы, ботали подковы, тяжело били по сухому и звонкому дереву намотанными на колеса цѣпями грузовики, вступалъ топотъ въ разгромъ, металлическій лягъ и ровный прохоть — шли тяжелыя батареи.

Въ эти вечера Сережа вылѣзалъ на крышу дома. Пробивая каблуками снѣгъ, нащупывая деревянную лѣсенку, онъ поднимался до трубы и ложился бокомъ на обмерзшій снѣгъ. Отъ трубы пахло кирпичемъ и старымъ печнымъ дымомъ. При маломъ свѣтѣ звѣзды кругомъ все свѣтлѣло. Надъ вокзаломъ держался желтоватый призрачный свѣтъ и стояло два дымныхъ столба. По шоссе бродили огни автомобилей, вскидывая свои тонкія дрожашіе лучи. Иногда далеко за лѣсомъ дышало зарево. Подъ горой проходили войска, на высокихъ конскихъ сѣдлахъ качались вьюки, изрѣдка задѣвала за обнаженный камень подкова.

Кругомъ было дико и глухо. Онъ видѣлъ знакомую улицу съ спускавшимся внизъ заборомъ, занесенное снѣгомъ печальное пространство садовъ, вытянутый по рѣкѣ плоскій безъ огней городъ съ чернымъ, какъ разсыпанная угольная куча, пригородомъ. Тянуло вѣтромъ. Отъ него пахло полевымъ кустарникомъ, горькой подсушенной морозами ольхой. Онъ лежалъ, не шевелясь, холодѣло и сжималось сердце, все кругомъ обнажалось, пу-

стѣло, уже не было для него ни матери, ни бабушки, ни родного дома, а только онъ, затерянный, одинокій, подъ легкимъ свѣтомъ высокихъ и холодныхъ звѣздъ...

На берегу, за рѣкой, горѣло нѣсколько костровъ. То солдаты жгли военное имущество. Онъ смотрѣлъ на легкое зарево, и холодокъ бѣжалъ по его спинѣ, онъ вспоминалъ зимній пожаръ, первый годъ жизни у бабушки.

Тогда полный и голый мѣсяцъ поднялся, поблѣднѣлъ до голубизны, и всталъ надъ городомъ въ легкомъ оранжевомъ кругѣ. Ночь была суха, морозна, въ садахъ умирали молодыя яблони. Въ комнатѣ было натоплено, къ желѣзной печной дверцѣ нельзя было притронуться. Онъ собирался лечь въ постель, но заглядѣлся на окно, на затянувшія стекла, широкія матовыя лапы. Онѣ горѣли въ двѣ искры. Отъ мѣсяца со двора голубой, отъ лампы — золотистой. На улицѣ раздавался хриплый звукъ пожарнаго рожка. Онъ вскочилъ на стулъ. Съ визгомъ отклеилась примерзшая форточка, зазвенѣло стекло. Его такъ натянуло узоромъ, что, казалось, оно разлетится, какъ льдинка. Отъ сухого мороза не хватало дыханія. Въ чистомъ небѣ стояли рѣдкія звѣзды, черные стволы яблонь надъ крышей искрились льдомъ. Рожки ночныхъ сторожей пѣли въ разныхъ концахъ. Одни хрипло, другіе рѣзко. По головѣ пробѣжалъ холодокъ. Онъ захлопнулъ форточку и одѣлся. Чердакъ отъ мѣсячнаго свѣта казался дымнымъ. Снѣгъ на крышѣ былъ сухой, скрипѣлъ подъ валенками, даже сквозь варежки чувствовалось накаленное желѣзо. Рожки, дребезжа, пѣли и въ деревянномъ пригородѣ, и на Валу, и въ Тычкѣ. Вездѣ хлопали калитки, скрипѣлъ снѣгъ, люди изъ дворовъ выскакивали на дорогу и оглядывали небо. Изъ-за чернаго сада поднималось слабое, но высокое на морозѣ пламя и надъ нимъ уже дрожало подогрѣтое снизу сѣроватое зарево. Легко возносились малиновые искры. Ударили въ соборный колоколь, разъ, другой, чаще и въ сухомъ безвѣтріи поплылъ тяжелый и густой набатъ. На пожарѣ, треща, все веселѣе заворачивалось

пламя, запахивая шубы, по дорогѣ бѣжали люди. Уже мелко и остро били въ тюремной церкви, медленно отвѣчали у Покрова, монастырскій звонъ былъ тонкій и серебристый, а кладбищенскій то замиралъ, то принимался бить очень часто. И уже глухо и страшно ударяли на островкѣ у Святого Николы: съ рѣки плыль надтреснутый тяжелый набатъ. Серезу лихорадило. На пожарѣ собралась черная толпа, изъ полопавшихся отъ жара стеколъ выбивало пламя, было свѣтло, тамъ топорами ломали заборъ, растаскивали полѣнницы, уже поливали изъ ведеръ сосѣднюю крышу и вода замерзала густыми сосульками. Люди съ крикомъ шли на огонь, опускали на горящія бревна багоръ, зацѣпивъ, дружно пятились, кричали, и бревно съ хрустомъ вылетало изъ гнѣздъ, роняя вспыхивающій слежавшійся мохъ. При морозѣ горѣло крѣпко и быстро, какъ въ зной. Зарево опускалось, замолкли церкви, только на окраинѣ гудѣли запоздавшіе рожки, по все же радостно и тревожно замирало сердце. Затихло. Онъ долго не слѣзаль съ крыши. Онъ думалъ, что на пустой площади, гдѣ подъ каменными сводами торговыхъ рядовъ стягомъ подвѣшена двуликая икона, снова дремлетъ сторожъ на деревянномъ, окованномъ желѣзомъ, ларѣ, въ тулупѣ, съ заткнутымъ за поясъ рожкомъ. Тѣнь отъ собора лежитъ на пустой площади, голубымъ свѣтятъ кресты, а на берегу, бросивъ острую, какъ пила, тѣнь, плотно, въ одной связи, стоятъ рубленые острокрышіе склады. Рѣка холодна и бѣла. На крѣпостныхъ щербатыхъ стѣнахъ щеткой стоятъ замерзшія травы, а среди стѣнъ, бѣлымъ камнемъ — святой Никола. Въ его закругленной груди темнѣютъ узкія щели оконъ. Бѣлая шея несетъ тяжелобокую, въ блѣдныхъ при мѣсяцѣ звѣздахъ, главу. Молчатъ и стынуть колокола. Все спитъ. И рубленый по рѣкѣ пригородъ, и монастырь, и церкви. Тяжелой парчей лежитъ рѣка и во льду, на каменномъ бою, дымитса голая вода. Въ церковныхъ паркахъ, въ гнѣздахъ, по древнему не смыкая вполнѣ глазъ, спятъ вороны. Звенить въ поляняхъ

теплая и сильная вода — и идетъ подо льдомъ, согрѣвая каменистое дно, идетъ изъ моховыхъ болотъ, глухими берегами, къ Пскову, гдѣ на утесѣ Дѣтинецъ охраняетъ бѣдную Троицу о пяти куполахъ.

IX.

Хуторъ стоялъ въ сторонѣ, закрытый отъ большака еловымъ лѣсомъ. Передъ окнами тянулось ровное снѣжное поле, а за нимъ снѣжный горбатый гребень барскаго парка. Въ февралѣ по большаку отступала армія, придорожныя избы не зажигали огня. Въ четвергъ вечеромъ ѣхавшіе изъ города мужики встрѣтили на дорогѣ дровни. Конь брель, опустивъ поводъ, вожжи были привязаны къ передку. Въ дровняхъ навзничъ, головой къ задку, лежалъ простоволосый человѣкъ. Онъ былъ убитъ изъ винтовки въ горло, кровь на его одеждѣ замерзла.

Въ четвергъ вечеромъ Яковъ пришелъ домой. Помывшись въ банѣ, онъ ушелъ въ избу, а женщины стали выпаривать на раскаленныхъ камняхъ его бѣлье и шинель. Когда Дарья вернулась, Яковъ спалъ.

Утромъ она посадила мужа у окна и начала стричь. Она была рослая, чистая и сухая, выше мужа на полголовы. Онъ сидѣлъ, положивъ на колѣни худыя руки и улыбался. Онъ подарилъ дочкѣ синюю кружку, и дѣвочка, покраснѣвши, опустивъ глаза, жалась къ колѣну отца.

Утромъ пришла съ груднымъ ребенкомъ жена Тимофея Максимова и сынъ сосѣдняго хуторянина, Санька. Увидавъ Якова, Варвара заплакала. Санька, хорошо одѣтый, молодой парень, усѣлся подъ образа, положивъ на лавку свою черную шапку. Варвару успокоили, и она попросила взаймы десять фунтовъ ржаной муки.

— Вотъ что, Яковъ, — сказала Санька, — поѣдемъ въ городъ. Я на большакѣ былъ. Продавали солдаты лошадь сильно солидную. А въ городѣ продаютъ все съ плеча.

Мать Якова доставала съ печки безмѣнъ. Ея голова была повязана синимъ повойникомъ, сѣдые волосы ровно разобраны надо лбомъ.

— Куда онъ тебя, Яшъ, зоветь? — спросила она.

— Въ городъ.

— Брось, сынокъ, куда ты поѣдешь въ такую кашу.

— А вотъ вчера, — сказали Санька, — пріѣхаль одинъ, привезъ оцикованный чанъ съ краномъ, топоровъ и бочку цемента. Теперь въ городъ съѣздить, сразу богатъ.

— А Богъ съ тобой, — сказала старуха, — забирай шапку и уходи.

Утромъ Яковъ рѣшилъ навѣстить родню. Онъ выѣхаль съ женою въ полдень. Хуторская дорога выходила на барскую, обсаженную березами. Березы тянулись отъ имѣнія до большака. Древнiя съ пустыми обугленными дуплами, онѣ низко развѣсили тяжелыя, въ наплывахъ и крючьяхъ суки. Яковъ, въ шубѣ, заячьемъ треухѣ, правилъ, выставивъ изъ саней ногу. Его узкое лицо съ подстриженной бородой было желто, безъ румянца. Дарья держала на колѣняхъ узелокъ съ теплыми ржаными лепешками.

На большакѣ они встрѣтили партію верховыхъ. Солдаты скакали, словно пастухи. Отъ города темнымъ потокомъ шла армія: люди, повозки и толстыя мортиры.

— Вотъ какъ тронуло третьяго дня, такъ и плывутъ, что черная туча, — сказала Дарья.

— Ъхать нельзя, — сказалъ Яковъ. — Ударить пушка на раскатѣ, сомнетъ сани.

По обочинѣ брели солдаты. Дарья вынула узелокъ съ лепешками и сказала:

— Отдай, Яшъ, они небось голодны.

Они свернули на шедшій къ имѣнію проселокъ. Впереди синѣлъ примыкающій къ барскому парку лѣсъ. Изъ опушки выбѣжалъ вороной большеголовый жеребецъ, запряженный въ легкія санки. Откормленный, выхолонный до блеска, онъ хорошо шелъ, и сбруя легко билась на его сыромъ и сильвомъ тѣлѣ. Правиль дородный человекъ

въ суконой шубѣ съ откинутымъ на плечи воротникомъ въ зеленой, надѣтой по офицерски на бекрень, фуражкѣ.

— А, Яковъ! — поровнявшись, сказалъ онъ рѣзковато, хриплымъ баскомъ и натянулъ на себя синія визаннныя вожжи. — Давно-ли вернулся?

— Вчера, Василій Константиновичъ.

— Что-жъ, теперь за хозяйство?

— Пора, Василій Константиновичъ.

— Хорошо! Хорошо! — добродушно сказалъ онъ, скинулъ перчатки и, изогнувшись досталъ изъ кармана плоскій серебряный портсигаръ.

Ему было подь пятьдесятъ. Черноусый, съ широкимъ налитымъ лицомъ, онъ, наклонивъ голову, закурилъ, прикрывая спичку ладонью, и его полное лицо покраснѣло отъ натуги. Жеребецъ тронулъ дальше.

Приставъ Василій Константиновичъ Никитинъ до войны купилъ отъ земства у рѣки, подь имѣниемъ Городищемъ, двѣ десятины сосноваго лѣса. Онъ построилъ домъ съ двумя крылечками, обшилъ его тесомъ, надъ окнами прибилъ крашеные охрой рѣзные наличники. Когда все было готово, онъ съѣздилъ въ городъ и привезъ жену, черноволосую полную женщину, родомъ изъ богатыхъ мѣщанокъ.

Онъ бросилъ полицейскую службу, деньги вложилъ въ лѣняное дѣло и купилъ молодого жеребца. Лѣтомъ онъ рано вставалъ и вель жеребца къ рѣкѣ. Бабы, полоскавшія бѣлье, часто видѣли голаго пристава. Посвистывая, онъ намыливался, окунувшись, отдуваясь, пофыркивая, поматывая круглой черной головой, плавалъ рядомъ съ жеребцомъ, и вода хорошо держала его плотное тѣло.

Въ зной онъ отправлялся къ рѣкѣ. Въ томъ мѣстѣ густо росли кусты, къ берегу нанесло песку, въ водѣ темнѣла ямка по грудь. Приставъ, закопавъ въ сырой песокъ бутылку водки, раздѣвался и, оставшись въ фуражкѣ, садился въ воду по поясъ. Деревенскіе, нанятые за гривенникъ, мальчишки подавали ему съ берега папиросы, за-

жигали спички, разводили на пескѣ костерокъ и ловили раковъ. Солнце пекло, но надъ водой лежала тѣнь отъ березь. Отмахиваясь отъ сѣрыхъ рѣчныхъ слѣпней, не топясь, приставъ выпивалъ и закусывалъ, разламывая розовыхъ, только что испеченныхъ въ золѣ раковъ.

По праздникамъ онъ съ женой ѣздилъ въ село къ обѣднѣ. Поставивъ экипажъ на поповскомъ дворѣ, онъ шелъ съ женой черезъ село къ церкви, и всѣ любовались на ихъ красоту и дородство.

Лѣтомъ они ежедневно пили у себя въ лѣсу чай за круглымъ, вкопаннымъ въ землю столомъ. Межъ сосенъ сухо трудились кузнечики, пахло земляникой и лѣснымъ подсыхающимъ цвѣтомъ. По вечерамъ, при тепломъ склоняющемся солнцѣ, они шли гулять.

Онъ, загорѣлый, въ бѣломъ разстегнутомъ кителѣ, въ синихъ широкихъ, съ напускомъ на сапоги полицейскихъ штанахъ, шелъ съ хлыстомъ. Отъ полицейской службы у него оставалась привычка разговаривать съ народомъ. Встрѣчный по дорогѣ мужикъ, снявъ шапку, останавливался.

— Ну, какъ? — спрашивалъ приставъ.

— Да, слава Богу, Василій Константиновичъ.

— Куда?

— Да вотъ къ мельнику думаю сходить.

— Ну что-жъ! Иди! Иди! — говорилъ приставъ.

Она была ему подъ ростъ, но за годы деревенской жизни сильно располѣла. У нея были цыганскіе глаза, плавная поступь, черныя брови, тяжелые волосы. Она любила цвѣтные платки, кольца и тяжелыя серьги. Во время прогулокъ она легко уставала, садилась на траву у рѣчного обрыва, расправляла платье, а онъ, тяжело нагибаясь, рвалъ для нея цвѣты. Когда мужъ уѣзжалъ, она скучала. Въ столовой висѣли двѣ картины съ убитыми утками, надъ столомъ — лампа съ карусельнымъ зеленымъ стеклянрусомъ. Въ гостиной стояла мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, этажерка съ купленными по случаю, переплетенными въ кожу

книгами, и круглый столъ, на который она связала дорожку изъ желтыхъ аютиныхъ глазокъ. Она брала со стола малиноваго бархата альбомъ и, отстегнувъ бронзовую застежку, разсматривала глянецвитыя розовыя фотографіи. Въ спальнѣ, гдѣ стояла орѣховая, покрытая стеганымъ одѣяломъ кровать, она наряжалась для себя передъ туалетнымъ столикомъ съ качающимся зеркаломъ, медленными движеніями рукъ поправляла волосы, съ лѣнливой граціей поворачивала голову и разсматривала себя сквозь опущенныя рѣсницы.

Лѣтомъ она любила лежать на подвѣшенномъ между двухъ сосенъ сплетенномъ изъ крѣпкой голландской бичевы гамакѣ, и на нее смотрѣли проходившіе мимо деревенскіе парни. Когда уѣзжалъ мужъ, приходили бабы. Она подолгу сживала съ ними на крыльцѣ. Докторъ сказалъ, что у нея не будетъ дѣтей. Она говорила съ ними о женскомъ, легко плакала, ее жалѣли. Бабы подсылали къ ней своихъ дѣвченоекъ, и она переплачивала за лѣсную землянику.

Въ этотъ солнечный зимній день, въ пятницу, она чувствовала себя нездоровой. Съ утра болѣло горло, трудно было глотать. Мужъ собирался проѣзжать застоявшагося жеребца, и она уговорила его свезти въ Гольшево Ольгѣ Николаевнѣ Львовой давно приготовленный подарокъ. Прощаясь, онъ сказалъ, чтобы она не подходила къ холоднымъ дверямъ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Онъ выѣхалъ на прямую, пересѣкавшую лѣсъ городищенскую дорогу. Закутавъ шею теплымъ вязаннымъ шарфомъ, она долго глядѣла въ окно, на пепельные стволы сосенъ, на воскъ освѣщенныхъ солнцемъ верхнихъ вѣтвей.

Въ Гольшевѣ доили коровъ. Ольга Николаевна, въ ллаткѣ, бѣличьей шубкѣ и грубыхъ деревенскихъ полушапожкахъ, смотрѣла, какъ дѣвка, сидя подъ Пеструхой, разминала вымя. Корова лѣнливо поворачивала голову къ свѣту, раздувала ноздри, и ея носъ сверкалъ влажнымъ зеркальцемъ.

Удой процѣдили и уехали на кухню, когда къ длинному, похожему на сарай гольшевскому дому подѣхалъ Никитинъ. Онъ выскочилъ изъ саней, въ незапахнутой, долгой до пять шубъ и началъ привязывать жеребца.

— Василій Константиновичъ! — крикнула изъ кухни Львова. — Проходите въ столовую. Я сейчасъ выйду.

Снявъ шубу, Никитинъ остался въ защитной мохнатого сукна гимнастеркѣ. Толстый въ животъ, онъ былъ туго подпоясанъ широкимъ ремнемъ. Онъ досталъ изъ корзинки и поставилъ на столъ днѣ привезенныя съ собою банки съ клубничнымъ вареньемъ.

Ольга Николаевна вышла въ коричневомъ глухомъ платьѣ изъ деревенской домотканной шерсти. Щелкнувъ каблуками, онъ поцѣловалъ холодную отъ воды, пахнущую глициериновымъ мыломъ руку.

— Я на минутку, — сказала онъ. — Съ вашего разрѣшенія, обогрѣюсь и обратно.

Она спросила его о здоровьи жены, поблагодарила за подарокъ и достала изъ буфета бутылку черничнаго вина и два стакана. Она съѣла, накинула на плечи платокъ. Вся въ темномъ, бѣлолицая и спокойная, она хорошо была видна при зимнемъ, падавшемъ изъ окна свѣтѣ.

— Василій Константиновичъ, — спросила она, — вы остаетесь въ деревнѣ?

Круглоплечій, съ низко посаженной головой, онъ сидѣлъ спиною къ окну. За зиму онъ сильно располнѣлъ, и она видѣла, какъ натянуло у ушей его выбритыя до блеска щеки.

— Эхъ, Ольга Николаевна, — отвѣтилъ онъ, — а куда ѣхать? Въ городъ? Меня въ городѣ каждая собака знаетъ. Лучше сидѣть въ лѣсу.

— Страшно, — сказала она.

— Да, страшно.

Привязанный къ изгороди жеребецъ нетерпѣливо рылъ копытомъ снѣгъ. За стѣной пустили сепараторъ.

— Восемь лѣтъ, Ольга Николаевна, здѣсь живу, — сказалъ Никитинъ. — Я въ этомъ краю народу ничего плохого не сдѣлалъ. Вотъ посудите, — добавилъ онъ, — какой у меня сегодня разговоръ вышелъ. Утромъ пришелъ на кухню мужикъ. «Здравствуй, говоритъ, Василій Константиновичъ. Вотъ зашелъ на тебя посмотрѣть». Подошелъ онъ ко мнѣ, похлопалъ по плечу и говоритъ: «Не бойся, Василій Константиновичъ, не бойся. Тебѣ ничего не будетъ».

Онъ откашлялся и взволнованно допилъ вино. Жужжаніе за стѣной стало медленнымъ и ровнымъ. Въ сепараторъ пустили молоко.

— Я имъ, Василій Константиновичъ, не вѣрю.

Онъ внимательными карыми глазами посмотрѣлъ на нее. Онъ молчалъ. Голова и плечи его потяжелѣли. Въ сумеркахъ теплой и низкой комнаты были слышны изъ-за стѣны шумъ сепаратора.

Въ шубѣ онъ снова сталъ добродушнымъ и веселымъ. Онъ легко сбѣжалъ съ крыльца и, зная, что она на него смотритъ, сталъ зануздывать жеребца. Тотъ, играя, не давался и задиралъ голову. Никитинъ подтянулъ черезъ сѣдельникъ, сѣлъ въ сани, подбилъ полу шубы, разобралъ щегольскія синія вожжи и, сдѣлавъ все это ладно и быстро, улыбнулся и отдалъ честь.

— Р-р-р, — сказалъ онъ густо и хорошо, придерживая загорячившагося жеребца. Тотъ перебралъ ногами, словно снѣгъ его щекоталъ и, сорвавшись съ мѣста, сильно пошелъ къ воротамъ.

Она осталась на крыльцѣ. На изгороди висѣло мерзлое бѣлье, въ полуденномъ небѣ гнулись вершины кленовъ, и тяжелый блескъ лежалъ на деревенскихъ снѣгахъ.

X.

Подъ вечеръ Яковъ выѣхалъ съ женой въ лѣсъ за дровами. Пила съ дрожащимъ звономъ рѣзала бѣлое осинное тѣло, изъ-подъ согрѣвшихся зубьевъ на снѣгъ ссыпались опилки и пахли горькимъ виномъ.

Дрова уложили въ сани. Вершины елей стояли въ золотистой зарѣ, въ поляхъ свѣтились снѣга. Къ вечеру стало облачно и тихо. Подбивая возъ, Яковъ посмотрѣлъ на обсаженную березами барскую дорогу. Къ имѣнію, то одиночкѣ, то небольшими партіями, шли мужики. Днемъ за Яковомъ присылали изъ Замошья мальчишку, и онъ подумалъ, что народъ разбрѣдается съ деревенскаго схода. Но мужики шли не только съ Замошья, но и отъ новыхъ хуторовъ. На закатѣ вездѣ лаяли потревоженные собаки.

— Яшгъ, что-то нехорошее начинается, — сказала Дарья. — Поѣдемъ изъ лѣсу домой.

Въ полѣ лежалъ глубокій снѣгъ. Возвращаться къ хутору было тяжело. Они выбрались съ возомъ на дорогу и увидѣли шедшаго къ имѣнію чужого мужика.

— Гдѣ землякъ былъ? — спросилъ Яковъ.

— Въ Замошьѣ.

— Тихо-ли тамъ?

— Тихо, — нехотя отвѣтилъ мужикъ, — было тамъ маленько. Ничего, тихо.

— Теперь куда-жь?

— Да вотъ въ Городнице надо сходить.

Съ обсаженной березами дороги они свернули на свою черезъ высокій отъ снѣга мостокъ и, подѣхавъ къ хутору, скинули дрова передъ крыльцомъ. Дарья осталась распрягать, а Яковъ пошелъ въ сарай и, снявъ полушубокъ, началъ трепать ленъ. Онъ кончалъ, когда приближала жена.

— Яшгъ, — сказала она, — идутъ къ намъ какіе-то.

Онъ вышелъ изъ сарая и осторожно посмотрѣлъ изъ-за угла строенья. Справа, подемъ, шли къ хутору два вооруженныхъ винтовками человѣка.

— Ай, ты! — растерянно сказалъ онъ.

Возлѣ сарая, на снѣжной кучѣ, валялся большой ящикъ для рѣзки корма. Яковъ подлѣзъ подъ него, накрылся и сталъ слушать.

Одинъ изъ пришедшихъ былъ мужикъ въ черномъ романовскомъ полушубкѣ. Онъ поднялся на крыльцо и постучалъ. Незнакомый толстолицый солдатъ остался на дворѣ. Дверь открыла Дарья.

— Чего колотишься? — спросила она, остановившись на порогѣ.

— Мужикъ дома?

— Нѣтъ.

— Намъ лошадь нужна и дровни.

— Я безъ мужика выдать не могу, — сказала она. — Вонъ конь по двору ходить. Хочешь, такъ самъ запрягай.

Мать Якова слушала разговоръ изъ сѣней. Она вышла на крыльцо въ повойникѣ, долгой юбкѣ, съ мелкими ключами, привязанными къ шерстяному поясу.

— Ой, милые, — испуганно сказала она. — Конишко-то у насъ немудрененькій. Валяйте къ сосѣду. Его лошадь смѣлѣй.

— Намъ посмѣлѣй и нужна, — смѣясь сказалъ солдатъ.

— Милые, а куда-жь это вы съ ружьями-то справились?

— Какъ куда, — усмѣхнувшись сказалъ солдатъ. — Пристава бить.

Дарья проводила ихъ до гумна. Она долго смотрѣла вслѣдъ, а потомъ опрометью бросилась къ избѣ. Яковъ съ матерью стоялъ у крыльца. Онъ былъ блѣденъ.

— Яшъ, — задохнувшись, сказала Дарья, — уходи скорѣй, Яшъ.

Старуха вынесла ему изъ избы свою шубу. Схвативъ ее, Яковъ побѣжалъ за хуторъ.

Въ чащѣ было тихо: по снѣгу, какъ по вечерней водѣ, за версту слышенъ былъ людской говоръ и беспокойный лай собакъ. Онъ долго стоялъ въ лѣсу, а осмѣливъ, вышелъ къ опушкѣ. Темнѣло. Онъ рѣшилъ пойдти къ брату, что жилъ въ верстѣ. Днемъ Яковъ заѣзжалъ къ нему, но Алексѣй былъ въ отъѣздѣ.

Яковъ выбрался изъ лѣса, спокойно пошелъ черезъ поляну къ дорогѣ, но издали его окликнули. Подошло два мужика: братья Константиновы изъ Замошья. У старшаго былъ заткнутъ за поясъ топоръ, другой несъ винтовку.

— Ты куда? — спросилъ старшій.

— Брата надо повидать.

— А мы идемъ пристава бить, — рѣзко сказалъ другой.

— Ты въ Городище долженъ явиться, — строго сказалъ старшій.

— А вотъ, какъ справлюсь, приду.

— Ну гляди. Былъ сходъ, всѣмъ приказано.

Изба Алексѣя стояла на берегу. Костлявый, чернобродый, хромой на лѣвую ногу, онъ всегда былъ молчаливъ, обиженъ и суровъ. Онъ собирался въ Городище и стоялъ на дворѣ. На немъ были высокіе сапоги и рыжій, до колѣна, перетянутый ремнемъ полушубокъ. Черный воротникъ былъ отвороченъ на затылокъ.

— Разъ видѣли, тебѣ надо итти, — выслушавъ брата, сказалъ онъ.

— А итти мнѣ, Лешъ, страшно.

— Что-жъ ты будешь дѣлать? Страшно не страшно, а итти надо.

На барской дорогѣ они остановились и стали ждать попутчиковъ. Одна изъ березъ, свалившись, лежала вѣтвями въ полѣ. Темнѣло. На небо нашли облака.

— Ну, что ждать! — сказалъ Алексѣй.

— Переждемъ, Лешъ. Боже ты мой! И итти страшно, и не пойдешь — плохо.

Алексѣй досталъ изъ-за пазухи кисеть и началъ свер-

тывать. Въ полѣ похолодѣло, съ темнотой пришелъ вѣтеръ, вверху сухо поскрипывалъ надломленный сукъ.

— Какъ-то сердце все захватываетъ, — сказалъ Яковъ. — Страшно мнѣ, Лешъ, туда итти.

Поднявъ широкія плечи, Алексѣй закурилъ, и огонь освѣтилъ его темное чужое лицо.

— Вотъ я на фронтѣ былъ, раненъ былъ, а такого дѣла не знаю, — продолжалъ Яковъ. — Вхаль домой, думаль лучше будетъ, а вотъ оно какъ... Вотъ царя скинули, а теперь всѣ переглодались. А будто при царѣ спокойнѣе было?

— Про царя теперь забыть думать, — сурово сказалъ Алексѣй.

— Неушто, Лешъ, не будетъ лучше?

— Того не будетъ, Яшъ, — отвѣтилъ братъ съ горечью и сердцемъ. — Того не дождешься. Теперь — забыть думать.

— Такъ, — сказалъ Яковъ.

— Теперь трибуналъ! Все — народная власть.

Помолчали. Яковъ вспомнилъ, какъ зимой на позиціи эскадронъ послали въ заставу. Прямо съ сѣдла, иззябшаго и усталого, его выслали на постъ. Вечеръ, опушка, постъ у сѣнного стога. Вѣтренно, съ поля мететь, вдали — низкій голый кустарникъ. Все темнѣй и темнѣй, и, кажется, полемъ кто-то ползеть. Отъ рѣзкаго вѣтра на глазахъ выступили слезы, онъ зябъ, слушалъ и молилъ Бога, чтобы его поскорѣ смѣнили. Смѣнять, два часа можно спать, ни о чемъ не думать, а тамъ разсвѣтъ, тамъ что Богъ дастъ.

На дорогѣ ему стало нехорошо и безпокойно. Онъ стоялъ въ материнской, узкой въ плечахъ шубѣ, рукавиць не было, руки застыли. Въ Замошьѣ затихло, въ поляхъ потемнѣло, а березы съ низкимъ навѣсомъ вѣтвей церковнымъ притворомъ уходили къ низкому городищенскому лѣсу.

XI.

Огня не зажигали. Въ избѣ было тепло. Отъ поставленной на печь квасни пахло поднимающимся ржанымъ тѣстомъ. Дѣвочка спала на полу, а одѣтая по дорожному Дарья лежала на кровати и глядѣла на потемнѣвшее окно. У окна, на лавкѣ, склонивъ голову, держа въ опущенныхъ рукахъ шапку, сидѣлъ вернувшійся съ дороги Яковъ.

— Вотъ такъ-то, милые мои, — медленно вполголоса предостерегающе говорила въ темнотѣ старуха, — вотъ такъ-то, придутъ ночью армейцы: «У насъ права такія, ходимъ провѣрять». А кто ихъ знаетъ, какіе армейцы. Теперь шинель у всѣхъ обношена.

— Теперь народъ сибирякъ одинъ, — сказала Дарья.

— Правда, Дарушь, правда, — отвѣтила старуха. — О томъ и шумѣтъ нечего.

— Нѣтъ совѣсти, — помолчавъ, снова сказала она. — Раньше въ семьѣ то, что бы отцу-матери грязное слово сказать... ни Боже мой. Въ воду послали-бы тушиться. И пошелъ-бы. А теперь отца-бабку матюгомъ честятъ вдоль и поперекъ. Въ церкву идутъ — ржутъ, какъ жеребцы. Сыну говорю: почему ты, Лешъ, Богу не молишься? — «А чего доскамъ молиться?» — Да, дуракъ, поклонись-ся Господу Богу, такъ-то приходится хорошо. Не ропщи на Господа Бога, твои дѣла Онъ справить. Охъ, милые, спаси Мать Царица Небесная.

Яковъ поднялся и посмотрѣлъ въ окно. Въ избѣ ему было трудно.

— Я на крыльцо пойду, — сказалъ онъ.

— А иди, сыноукъ, иди, Яша, — вздохнувъ, отвѣтила мать.

Онъ вышелъ въ темныя холодныя сѣни, нащупалъ дверь и отложилъ засовъ. Крыльцо было высокое. Яковъ сѣлъ на верхнюю ступень. Вѣтеръ чуть ходилъ за избой

въ еловыхъ вершинахъ, открытый на поле дворъ былъ бѣлъ, пусть и сливался съ полевымъ снѣгомъ. Поле шло до городищенскаго лѣса. Онъ поднимался въ неясномъ небѣ тяжелой гривой. Было страшно думать, что въ лѣсу скопилась толпа.

На крыльцо вышла Дарья. Въ это время Якову что-то послышалось. Шумъ шель отъ Городища. Онъ то зати-халь, то становился явственнымъ. Зашумитъ, зашумитъ, затихнетъ и опять поидетъ, какъ вѣтеръ въ лѣсу. Господи, спаси и помилуй, — подумаль онъ. Ударилъ глухой выстрѣль.

— Слышь, уже выстрѣль дали, — сказала Дарья, и онъ не узналь ея голоса.

Снова донесло глухіе удары. По лѣсу прокатился смутный гуль, къ отголоскамъ примѣшался ропотъ голосовъ, словно лѣсомъ по тяжелымъ снѣгамъ гнали звѣря.

— Ой, кричатъ, — сказала Дарья, — ой, кричатъ тамъ, Яша.

Въ лѣсу ломалась рѣдкая стрѣльба. Затихло.

— Разъ десять или двѣнадцать? Ты считала? — не оборачиваясь, спросиль онъ.

По снѣжному полю тянуло вѣтромъ. Молчать было плохо. Онъ снова сказалъ:

— Въ Городищѣ-то стало какъ тихо.

Дарья не отвѣтила. Она сѣла на крыльцо и, погорбившись, заплакала.

— Брось, чего ты, дурушка? Насъ не тронуть, — сказать онъ.

— А вдругъ, Яшъ? Ты-то не пошелъ?

За избой, по елямъ все такъ-же шель вѣтеръ. Въ накинутаго на плечи полушубкѣ на крыльцо вышла старуха и крестилась. Дарья бросила плакать. Она смотрѣла на бѣлое поле и на придвинувшійся къ хутору, страшный лѣсъ.

XII.

Старуха, занавѣсивъ окна кафтаномъ, зажгла коптилку и поставила ее на столъ. Отъ порога тянуло, гнуло слабое желтое пламя, и тѣни ходили по бревенчатымъ стѣнамъ. Дарья въ тулупѣ лежала на кровати и не могла согрѣться. Дѣвочка проснулась. Она высунула изъ подъ шубы голову съ растрепанной, сбившейся на бокъ косою и, не мигая, глядѣла на неровный огонь.

— Что, дурушка, не спится? — спросила старуха.

— Нѣ-а... бабъ.

— Ой, не могу, — сказала Дарья, — все слушаю. Лежу и трясусь.

Старуха остановилась около печки и повернула къ Дарьѣ свое морщинистое сухое лицо.

— Вотъ, — сказала она. — Нѣмецъ придетъ, всѣхъ забереть.

— Бабъ, а правда, нѣмцы собакъ ѣдятъ?

— Дурушка, они лягухъ ѣдятъ, — улыбувшись, отвѣтила старуха. — Вася съ плѣну бѣжалъ, такъ разсказывалъ: раздерзаетъ пополамъ ножки и ѣсть.

— Ай, бабонька, — испуганно сказала дѣвочка.

Старуха достала съ печки узелокъ. Худая, небольшого роста, она легко ходила. Узелокъ она принесла на лавку, сѣла и неторопливо принялась его развязывать:

— А пристава жалко, человекъ добрый.

— Дѣйствительно былъ хорошій для добрыхъ людей, — отвѣтила Дарья.

— Ой, я думаю, на томъ свѣтѣ такой муки не будетъ для закопершиковъ-то.

— Бабъ, а какой это приставъ?

— Дурушка, — отвѣтила старуха, — большой человекъ, здоровый, голова въ ляжинахъ: черные и бѣлые волосы. Кроглолицъ, безбородъ, а усы коротенькіе.

— Онъ и не старый, — сказала Дарья. — Лѣтъ то сорокъ было-ли ему?

— Лѣтъ сорокъ бывши.

Вдали глухо залаяли собаки. Дарья приподняла голову и прислушалась.

— Эхъ, милая, — ласково сказала старуха, — ложись спать, Дарушъ, ложись.

— Какой тутъ сонъ, — отвѣтила Дарья.

Она встала, подошла къ окну и отвела полу кафтана. По небу шли большія облака, сквозь нихъ пробивался свѣтъ мѣсяца.

— Что-то Яковъ?

— А что Яковъ? Придетъ, небось, — возясь надъ узелкомъ, спокойно отвѣтила старуха.

Дарья сѣла на постель, сняла платокъ и гребнемъ стала прибирать волосы. Ея лицо за вечеръ вытянулось и похудѣло.

— Теперь все такъ, — сказала старуха, — свое есть, а давай больше. Жадность, милая, на всѣхъ напала. А какъ они не были трудники, такъ и не будутъ. Одно красное солнышко сосутъ. Вотъ мнѣ вчера Варька рассказывала, какъ солдаты цѣлую семью рѣшили. Спаси Мать Царица Небесная!

Она отложила узелокъ въ сторону.

— Ъхали, Дарушъ, люди въ гости. Поравнялось съ ними два солдата. «Стой, дядя, дай цыгарку свернуть». Одинъ на сани ногу поставилъ — вертить, а другой сзади подошелъ. Разъ мужика ружьемъ по головѣ и давай молотить. Бабу-то долго били, не убить — такъ и встаетъ. Потомъ нашли, родная моя, — продолжала она печальнымъ распѣвомъ, — баба вся искомота, ротъ разорванъ, снѣгъ конями посмѣшанъ... Думаешь, однихъ порѣшили? Нѣтъ, роднушъ. Два дитенка съ ними были. «А какъ тебя зовутъ?» — у мальчика спрашиваютъ. — «Яшей». — «Ну, Яшъ, тебя не тронемъ». А другой говоритъ: «Зачѣмъ оставлять? Лишній глазъ». Взять ребен-

ка на руки и головой объ сосну. Дѣвочку масенькую, сиську сосала, жнутомъ затянуть и въ снѣгъ...

— Вотъ трягнуть-бы такихъ гадовъ! — сказала Дарья.
— Сердце-бы не дрогнуло!

— Какъ трянешь? Въ эту самую мятежь, сохрани, Господи, и помидуй! Теперь новая власть всѣхъ душитъ, и начальниковъ и поповъ.

Старуха помолчала, покачавъ головой. Въ узелкѣ у нея были ситцевые обрѣзки и тряпки.

— Вотъ старики говорили, — снова сказала она, — человѣчья кровь рѣдко погinya. Нашли этихъ солдатъ. Во всемъ признались. Привезли мужики убитыхъ къ церкви, положили рядкомъ. Привели и солдатъ. Да развѣ ихъ испугаешь? Главнаго ведутъ, а онъ смѣется, шапка заломлена. Убилъ -- смѣху да и только. Это какъ намъ къ празднику овцу далъ Богъ зарѣзать. Самые гадкіе годы настали. Сдохъ бы народъ — туда и пошли!

Дарья молчала.

— Да, милая, положили ихъ у церкви. Одинъ мужикъ богатый принесъ денегъ пакетъ. Собралъ народъ и говорить: вотъ, братцы, при всемъ народѣ деньги на церковь отдаю, за то отдаю, что пропадай онѣ, эти деньги, а то и меня за эти поганья деньги убьютъ.

— Господи, — сказала Дарья.

— Страшно жить стало, Дарушь, страшно. Тамъ и шумѣтъ нечего. Милая, я молодая была, боялись сказать: тамъ человѣкъ убитый лежитъ... Крови нахлебались какъ въ окопахъ-то бились, а тутъ разошлось, растравилось, ну на новую кровь и потянуло. Всячину они видѣли! Жалость-то, милая, не смѣнилась, душа-то не смѣнилась, а только совѣсть у народа потеряна.

На дворѣ стихло. Дѣвочка лежала, прикрывъ глаза, подложивъ руку подъ щеку.

— Ты что, Танька, никакъ уснула? — спросила старуха.

— Нѣ-а, — отвѣтила она, открывъ глаза, и полусонно улыбнулась. — Ты куклу обѣщала сдѣлать.

— Сдѣлаю, дурушка, сдѣлаю, — сказала старуха. — Съ тряпочекъ куколку сдѣлаю. Возьмемъ свернемъ тулово, тесемкой обовьемъ, руки сдѣлаемъ, кофточку сошьемъ, будетъ куколка наша ладна. Обрядимъ, Танюша, твою куколку, къ стѣнкѣ поставимъ, — стоять, какъ барышня.

Дарья застегнула тулупъ и вышла на дворъ. Ночь стала тихой и мѣсячной. Были видны сваленные у крыльца дрова, отъ колодезнаго сруба упала тѣнь. Яковъ сидѣлъ, поднявъ воротникъ шубы.

— Что ты, Дашъ, не спишь? — спросилъ онъ.

— Дома тоже не хорошо, — отвѣтила она, сѣла рядомъ и прижалась къ нему плечомъ. — А боюсь я, Яшъ, и спать ложиться.

На мѣсяцъ нашло облако съ пушистымъ краемъ.

— Вотъ какъ убить человѣка легко, — посмотрѣвъ въ сторону лѣса, сказала Дарья.

— Да, тутъ теперь, чуть не поддакнешь, тутъ теперь уже смерть.

Долго молчали.

— А то пойдемъ въ горницу, — тихо сказалъ онъ.

— Да, Яшъ, такъ и такъ до свѣту не уснуть, — отвѣтила она со вздохомъ. — Боюсь я теперь. Звѣри люди, что такое дѣло сдѣлали.

Межъ облаковъ видны были малыя звѣзды. Мѣсяцъ ровно и чисто свѣтилъ по снѣгамъ сквозь тонкое серебряное волокно. Посинѣлъ городищенскій, зубчатый отъ высокихъ елей лѣсъ, засквозили березы на барской дорогѣ, въ поляхъ было тихо и искристо.

— Разбредается народъ, — сказалъ онъ, обративъ къ ней блѣдное и худое лицо. — Шорохъ пошелъ по снѣгу.

Вѣтеръ утихъ, стало мягко, изъ сѣрыхъ, какъ утиный пухъ облаковъ, на мѣсячномъ свѣту началъ падать легкій снѣгъ, и слышно было, какъ отъ Городища безмолвно шли люди.

Л. Зуровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

1. СКВОЗНАЯ СЪТЬ.

Дохнуть въ напѣвъ порывнымъ вѣтромъ, полнымъ длительности,
Шуршаньемъ листьевъ, духомъ ландыша въ тѣни,
Качнуть мечту, ее качать до утомительности,
Истомы сладкой разбросать по ней огни.
Журчатъ стихомъ, какъ бы вечерними кузнечиками,
Манить любовь, роняя въ тѣнь невѣрный свѣтъ,
Пока малютка, истомясь, не дрогнетъ плечиками,
И, «Да» почуявъ, своенравно бросить: «Нѣтъ!»
Не вѣря ей, продлить всю вкрадчивость гадательности,
Любовь любя, влюблять, влюбляться и любить,
Въ густыхъ рѣсницахъ, въ зыби ихъ и въ ихъ мечтательности,
Прочестъ, что счастье въ мѣрѣ дышетъ, можетъ быть.

2. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Я люблю тебя больше, чѣмъ Море, и Небо, и Пѣніе,
Я люблю тебя дольше, чѣмъ дней мнѣ дано на землѣ.
Ты одна мнѣ горишь, какъ звѣзда въ тишинѣ отдаленія,
Ты корабль, что не тонетъ ни въ снахъ, ни въ волнахъ,
ни во мглѣ.
Я тебя полюбилъ неожиданно, сразу, нечаянно,
Я тебя увидаль -- какъ слѣпой вдругъ расширить глаза
И, прозрѣвъ, поразится, что въ мѣрѣ изваянности спаяна,
Что избыточно внизъ, въ изумрудъ, излилась бирюза.
Помню. Книгу раскрывъ, ты чуть-чуть шелестѣла страницами.

Я спросилъ: «Хорошо, что въ душѣ преломляется
ледь?»
Ты блеснула ко мнѣ, вмигъ узрѣвними дали, зѣницами.
И люблю — и любовь — о любви — для любимой —
поеть.

К. Д. Бальмонтъ.

ИЗЪ КНИГИ «НАШЕ СЕРДЦЕ».

Мы потерялись, мы прошли
Въ туманѣ міровой пыли,
И съ нами вмѣстѣ пѣной смыты
Разславленные Афродиты,
Безносый царь, безрукій богъ —
Все это былъ надъ міромъ вздохъ.

Но съ временемъ еще въ борьбѣ,
Въ томъ мірѣ, гдѣ мы такъ любили,
Дай о тебѣ и о себѣ
Подумать. Это слезы были,
Вздохъ, ставшій подъ конецъ не въ мочь,
Но если наступаетъ ночь,
И гибнешь ты, какъ Афродита,
И гибну я, какъ ты, какъ всѣ,
Пусть то, что сердцемъ пережито,
Еще хоть разъ, во всей красѣ
Мнѣ память разсѣчетъ сѣкирой:
Тотъ міра вздохъ, тѣ слезы міра.

Была червоною земля,
Стелились нѣжныя поля,
И сердце рѣяло, какъ птица,
Но птицелову примоститься
Въ оврагѣ удалось, и вотъ
Въ порядокъ сѣти онъ приводитъ,

Н. БЕРБЕРОВА

Потомъ, таясь, къ межѣ выходить,
На землю зеркало кладезь.
Блестить кусокъ воды и стали,
А жаворонокъ, безъ печали,
Струится въ небѣ голубомъ,
И нисходя, и возлетая,
Поетъ о милой выси мая,
О горлѣ маленькомъ своемъ.
Но блескъ внизу и отблескъ неба
Въ покоѣ зрѣющаго хлѣба:
Тамъ то же солнце, что вверху,
Тамъ тотъ же край лазури пышной,
Тамъ въ безднѣ ложной, въ безднѣ лишней,
Въ цвѣтахъ, въ полыннѣ и во мху,
Лежатъ знакомыя высоты
Голубизны и позолоты.

Онъ канетъ въ синее стекло:
Тамъ такъ же вольно и свѣтло,
Тамъ плѣнь душѣ его навѣки;
Въ плеснувшей сѣткѣ тяжело
Опуститъ крылья онъ и вѣки...
Тяжелый, солнечный туманъ,
Спасибо за такой обманъ,
За мигъ одинъ путей потери,
За въ смерть распахнутыя двери.

О, зеркало мое ночное!
Со звономъ падаю въ тебя.
И принимаю роковое,
Изнемогая и любя.
Когда отходятъ волны міра,
Когда летитъ изъ-за Памира
По небу черный метеоръ,
— Святъ и печаленъ мой поворъ.

Ты, отступившая, какъ счастье,
 Ты, ослабѣвшая, какъ вѣкъ,
 Уже сливаешься съ ненастьемъ
 И пропадаешь въ дождь и снѣгъ.
 Тысячелѣтнее видѣнье!
 Оконченъ міръ, и ты, и я,
 Окончимся, любовь моя,
 Черезъ невѣрное мгновенье!
 Растаешь ты, а я впотымахъ
 Еще тебя благославляя,
 Со звономъ высоты въ ушахъ,
 Полетъ послѣдній ускоряя,
 Паду — во весь летя опоръ,
 Хрустя костыми, въ мой сумракъ низкій,
 Какъ тотъ азійскій метеоръ,
 Какъ жаворонокъ тотъ россійскій,
 Крича, разбрызгивая кровь,
 Дробясь, цѣпляясь за земное...
 О, зеркало мое ночное,
 Я падаю въ тебя, любовь!

Н. Берберова.

СТИХИ О ЕВРОПѢ.

Небо все ниже, чернѣе
 Все безнадежнѣй. игра.
 Стихи, какъ свинець. Холоднѣе
 Мрамора руки. Пора!

Въ игрѣ — только черныя пики:
 Карта Африки. Въ бамбукахъ —
 Тамъ-тамъ. Львиные рыки.
 Возстанія на островахъ.

Воздухъ полонъ тревоги,
 Неточны рифмы, размѣръ,

И страшно говорить о Богѣ,
Когда колеблется міръ.

На свѣтломъ лицѣ Европы
Легла печальная тѣнь,
Мимолетная, какъ антилопа,
Пугливая, какъ олень.

Прекрасной бѣлой рукою
Держитъ Европа съ трудомъ
Народы, коней и Трою —
Свой тысячелѣтній домъ.

И страшно за участь дальнихъ
Ея кораблей и квадригъ,
За судьбы ея хрустальныхъ
Скептическихъ книгъ.

Европа, средь птичьяго гама,
Прекрасенъ твой черный закатъ,
Такъ только высокіе храмы
Средь бурь на вѣтру горять...

Ты строила водопроводы,
Дороги, арки мостовъ,
Подъ клики свободныхъ народовъ,
Подъ шумъ благородныхъ дубовъ.

Кто же средь римской скуки
Думаль, что вотъ побѣгутъ
Легіоны? Что віадуки,
Какъ легкій сонъ, упадутъ?

Не кафры, не страшный шопоть
Пальмъ и дубовъ, не страхъ,
Не ночь, не варварскій топоть
На Елисейскихъ Поляхъ,

Еще страшнѣе: душа, сомнѣнье,
Жажда смерти, тоска,
Музы заглушенное пѣнье,
Уставшая править рука.

И мы отлетаемъ въ снѣжье
Густыхъ африканскихъ звѣздъ,
Мы покидаемъ дыханье
Насиженныхъ, теплыхъ гнѣздъ.

Тамъ-тамы бубнить отъ гнѣва:
Вращая бѣлками глазъ,
Шоколадныя нѣжныя дѣвы
Въ джунгляхъ цѣлуютъ насъ.

Но воздухъ рая недвижимъ —
Въ райской черной странѣ,
Въ тиши тростниковыхъ хижинъ
Мы плачемъ, какъ дѣти во снѣ,

О голубоглазой Европѣ,
О мраморѣ стройныхъ колоннъ,
Съ глухой негритянской синкопой
Мѣшая арійскій пѣонъ.

Неужели затравленной лани
Никакъ не избѣгнуть пикъ,
Неужели среди завываній
Умолкнетъ тотъ сладкій языкъ,

На коемъ сквозь вздохи и слезы,
Даже съ грубою буквою «ъ»,
Мы такіе стихи о розахъ
Писали во время чумы.

Ант. Ладинскій.

СТИХИ О МОЕМЪ СТОЛѢ.

1.

Къ прохладѣ гладкаго стола
Прильну щекой, рѣсницы сдвину, —
И отъ угла и до угла
Вдругъ вижу плоскую равнину.

Далекій голосъ за стѣной,
Въ вечернихъ сумеркахъ гитара, —
А надо мной и предо мной
Моя привычная Сахара.

Въ пустынь марева и сны,
Воздушные лучатся токи —
Я сплю. И брызги тишины
Мнѣ горько увлажняютъ щеки.

Но тамъ, гдѣ чернѣй лакъ стола
Пронизанъ пламенемъ стакана,
Какъ бы два яростныхъ крыла
Восходятъ въ золотѣ тумана —

И съ замираемъ сердца жду, —
Вотъ-вотъ взлетятъ въ огнѣ и громѣ, —
Со звономъ лопнуть окна въ домѣ,
И — оглушенный — упаду.

2.

Недомоганья легкій бредъ,
Ознобы томной лихорадки, —
Я получаю на обѣдъ
Голубоватыя облатки.

Какъ счастливъ я! На дискъ стола
Склонясь, плыву въ забвеніе снова —
Давно душа моя ждала
Минуты отдыха простого.

Вотъ этихъ словъ, вотъ этихъ строкъ,
Вотъ этихъ чувствъ полудремотныхъ,
Вотъ этихъ рукъ, слепка щекотныхъ,
Слетающихъ на мой високъ.

Мигъ снятся презы наяву, —
Міръ сталъ прозрачнѣе и шире,
И гонить вѣтеръ синеву
Въ пѣвучемъ и крылатомъ мірѣ.

Какъ рифма, эхо подъ луной,
Стихъ въ каждомъ шорохѣ случайномъ —
Не муза-ль въ сожалѣнн тайномъ
Проходитъ тихо за стѣной?

Вл. Піотровскій.

*

**

Проклясть глухой и темный міръ
Людей и ангеловъ и Бога,
Мерцанье звѣздъ, бряцанье лиръ,
Сіянье у ея порога,
Проклясть — и ничего не мочь.
О, даже умереть не въ силахъ!
Изъ смерти въ смерть, сквозь бредъ, сквозь ночь,
Сквозь холодъ, что синѣетъ въ жилахъ,
Сквозь страшныя свои мечты
Ползти по краю ямъ разъятыхъ
И знать, что самый темный ты
И проклятый изъ всѣхъ проклятыхъ.

В. СМОЛЕНСКІИ

МОЕМУ ОТЦУ.

Ты встаешь изъ ледяной земли
Ты почти не виденъ издали,
Ты еще какъ сонъ — ни тамъ, ни здѣсь,
Ты еще не явь — не тотъ, не весь..
Стискиваю зубы. — Смерти нѣтъ.
Медленно сжимаю сердце. Свѣтъ
Каплями стекаетъ съ высоты.
Явственный видны твои черты,
Но слова твои едва слышны,
Но глаза твои еще мутны,
Будто между нами пролегло
Дымомъ затемненное стекло.
Смерти нѣтъ. Не можетъ омерти быть.
Надо все понять и все забыть.
Страшное уошье. Страшный свѣтъ,
Слабый звонъ... — Ты видишь, смерти нѣтъ.

Влад. Смоленскій.

ДОМЪ.

Изъ подъ нахмуренныхъ бровей
Домъ — будто юности моей
День, будто молодость моя
Меня встрѣчаетъ: — Здравствуй, я!

Такъ самочувственно-знакомъ
Лобъ, прячущійся подъ плащомъ
Плюща, срастающійся съ нимъ,
Смущающійся быть большимъ.

(Не даромъ я, возя возы,
Въ непросыхающей грязи
Мнѣ предоставленныхъ трупобъ,

Фронтонѣмъ чувствовала лобъ —
Аполлоническій подъемъ
Музейнаго фронтона — лбомъ
Своимъ...)

Въ миѳической тѣни
Я за стихами кончу дни,
Какъ за вѣтвями бузины.

Глаза безъ всякаго тепла,
То зелень стараго стекла,
Сто лѣтъ глядящагося въ садъ,
Пустующій сто пятьдесятъ —

Стекла, глядящагося въ сонъ,
Окна, единственный законъ
Котораго: гостей не ждать,
Прохожаго не отражать.

Не сдавшіеся злобѣ дня
Глаза, оставшіеся — да! —
Зерцалами самихъ себя.

Изъ подъ нахмуренныхъ бровей —
О зелень юности моей!
Та — ризь моихъ, та — бусь моихъ,
Та — глазъ моихъ, та — слезъ моихъ!

Межъ обступающихъ громадь
Домъ — пережитокъ, домъ — магнатъ
Скрывающійся между липъ.
Дѣвическій дагерротипъ

Души моей...

М. Цвѣтаева.

Изъ воспоминаній *)

XXXII.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Какъ я и предполагала, присяжный повѣренный Муравьевъ, которому я отвезла на просмотръ завѣщаніе отца, нашелъ его юридически неправильнымъ и не имѣющимъ никакой цѣны. Необходимо оставить права на чье-нибудь имя съ тѣмъ, чтобы это довѣренное лицо исполнило волю отца и отказалось бы отъ авторскихъ правъ. Непріятно было снова напоминать отцу объ этомъ дѣлѣ, заставляя его опять мучиться сомнѣніями.

Когда мы съ Чертковымъ сообщили отцу о заключеніи Муравьева, отецъ ничего не сказалъ, а мы больше не напоминали ему, зная, что онъ не переставая объ этомъ думаетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ сообщилъ Черткову, что рѣшилъ оставить всѣ свои сочиненія тремъ своимъ дѣтямъ: Сергѣю, Татьянѣ и мнѣ. Онъ зналъ, что мы исполнимъ его волю.

Но одинъ разъ, когда я утромъ пришла къ нему въ кабинетъ, онъ вдругъ сказалъ:

— Саша, я рѣшилъ сдѣлать завѣщаніе на тебя одну? — и вопросительно поглядѣлъ на меня.

Я молчала. Мнѣ представились громадная отвѣтственность, ложившаяся на меня, нападки семьи, обида старшихъ брата и сестры, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ росло чувство гордости, счастья, что онъ довѣряетъ мнѣ такое громадное дѣло.

— Что же ты молчишь? — сказалъ онъ.

Я высказала ему свои сомнѣнія.

— Нѣтъ, я такъ рѣшилъ, — сказалъ онъ твердо, — ты

*) См. «Совр. Зап.» № № 45, 46, 47, 48, 49 и 50.

единственная сейчас осталась жить со мной, и вполне естественно, что я поручаю тебѣ это дѣло. Въ случаѣ же твоей смерти, -- и онъ ласково засмѣялся, -- права перейдутъ къ Танѣ.

Внутри точно оборвалось что то, сердце сильно, сильно застучало, я чувствовала, что на спину навалилась громадная, непосильная тяжесть. «А, можетъ быть, такъ лучше, -- думала я, -- я скорѣе полажу съ Чертковымъ, который попрежнему остается главнымъ издателемъ и редакторомъ отцовскихъ произведеній».

22 іюля въ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дома, было подписано завѣщаніе. Сидя на пеннышкѣ, отецъ сначала до конца переписалъ его своей рукой. Свидѣтели -- Радынскій, Сергѣенко и Гольденвейзеръ, -- засвидѣтельствовали отцовскую подпись.

Я знала, какъ тяжело отцу было рѣшиться на этотъ поступокъ, какъ долго онъ колебался. Его мучило, что онъ не можетъ объявить объ этомъ семьѣ, что онъ вынужденъ писать завѣщаніе тайно, ему тяжело было писать юридическій документъ, получавшій силу только послѣ утвержденія суда.

Но отецъ твердо рѣшилъ хотя бы послѣ смерти уничтожить тѣ компромиссы, которые онъ допустилъ при жизни.

Одинъ разъ, когда онъ ложился спать, а я была рядомъ въ кабинетѣ, онъ черезъ затворенную дверь окликнулъ меня:

-- Саша!

-- Да, папа?

-- Я хотѣлъ сказать по поводу завѣщанія... Если останутся какія-нибудь деньги отъ перваго изданія сочиненій, хорошо было бы выкупить Ясную Поляну у мама и братьевъ и отдать мужикамъ...

-- Хорошо, папа.

Больше онъ никогда не заговаривалъ со мной объ этомъ.

Догадывалась ли дѣйствительно мама о томъ, что происходило, была ли она больна, но она, не переставая, мучила отца. Съ Чертковымъ она была рѣзка, даже груба, намекала ему, что онъ слишкомъ часто ѣздитъ: «Кажется, достаточно видимся, чуть ли не по два раза въ день»,

или «врываються посторонніе люди въ домъ, хуже полицейскихъ», — говорила она, явно намекая на Черткова.

Мать во всеуслышаніе заявила, что она предприняла мѣры для того, чтобы Черткова снова выслали изъ Тульской губерніи.

По ночамъ она не давала отцу спать, вбѣгала къ нему въ комнату, нѣсколько разъ симулировала самоубійство. Я пробовала усовѣщевать мать, уговаривала ее жалѣть отца, она кричала на меня, грозила выгнать изъ дома. Жизнь съ каждымъ днемъ дѣлалась все невыносимѣе.

Когда я входила къ отцу, мама немедленно слѣдомъ за мной шла въ кабинетъ, она не давала намъ возможности говорить о дѣлахъ, перебивала, вмѣшивалась, и всячески старалась отдалить меня отъ отца. Онъ слабѣлъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ, я не могла безъ слезъ смотрѣть на него.

Одинъ разъ отецъ позвонилъ. Я вошла къ нему, и сейчасъ же изъ другой двери вошла мать.

— Соня, уйди, я Сашѣ объясню письма.

Но она не уходила. Когда я въ «ремингтонной» разобрала письма, я нашла записочку:

«Ради Бога, никто не упрекайте мама и будьте съ ней добры и кротки».

Очевидно, отецъ рѣшилъ во всемъ уступить ей. Въ этотъ день онъ просилъ Булгакова передать Черткову, чтобы онъ не прѣзжалъ.

Я удивлялась его терпѣнію, его кротости. Какъ могъ онъ все это выносить, не раздражаясь, постоянно думая о матери, о ея спокойствіи, о томъ, чтобы не сдѣлать чего-либо ей непріятнаго. Я не могла такъ. У меня лопалось терпѣніе, я раздражалась, а главное, мнѣ казалось такимъ несправедливымъ, такимъ ужаснымъ, что изъ-за матери отецъ угасаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Душа моя возмущалась. Я плакала, тосковала, не знала, что дѣлать, какъ поступить. Ну, отецъ не хочетъ идти противъ матери, хочетъ до конца бороться съ ней любовью, ну, а мы то — дѣти, какъ можемъ смотрѣть на то, какъ мать убиваетъ отца и рѣшительно ничего не предпринять? Но что я могла одна сдѣлать? Что?

Мнѣ легко было не сердиться на мать, когда я чувствовала, что она больна, но когда я видѣла въ ней матеріальныя побужденія, видѣла, какъ она боялась завѣщанія, мнѣ

трудно было, по примѣру отца, добро относиться къ ней.

Я завидовала сестрѣ Танѣ. Она была счастливѣе меня. Она не могла повѣрить, чтобы матерью руководили какія-либо корыстныя цѣли, она видѣла въ ней нервно-больную измученную мать, любила и жалѣла ее. Господи! если бы я могла — насколько мнѣ было бы легче.

— Но, если она больная, надо помѣстить ее въ санаторію, — говорила я. — Недопустимо, чтобы больная распорядилась судьбой столькихъ людей, чтобы старшія дѣти смотрѣли спокойно на страданія отца. Каждый день такого испытанія на мѣсяцы, можетъ быть на годы сокращаетъ его жизнь!

Я чувствовала, знала, что надо было что то дѣлать. Я писала сестрѣ, настаивала на томъ, чтобы выписали врачей, и, если мама дѣйствительно больна, устроили ее на время въ санаторію.

Но что могла сдѣлать я одна, младшая, нелюбимая, на которую въ семьѣ привыкли смотрѣть какъ на дѣвченку, съ которой нечего считаться?

Положеніе становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Не было покоя ни днемъ, ни ночью. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы мать пришла въ страшное возбужденіе.

Наконецъ, пріѣхала Таня съ Михаиломъ Сергѣевичемъ и немедленно они съ мужемъ были вовлечены въ драму, которая у насъ разыгрывалась. Всю ночь не спали — шли безконечные разговоры.

Таня и Михаилъ Сергѣевичъ доказывали матери всю несоразность ея требованій, говорили ей о томъ, что душа отца давно уже не принадлежитъ ей — Софіи Андреевнѣ, что отецъ воленъ отдавать свои писанія кому хочетъ, и что никто — даже она, жена — не имѣетъ права въ это вмѣшиваться.

Но никакіе доводы не помогали. Мама кричала: «убьюсь, отравлюсь, если отецъ не велитъ отдать мнѣ дневники! Дневники или моя жизнь!»

Она все повторяла: «я измучена, я больна, меня извели!»

Тогда Таня не выдержала:

— Вы все говорите: я, я, я! Да вѣдь вы сами себя мучаете, а вы бы подумали о другихъ: объ отцѣ, обо мнѣ, о Саши! Вѣдь мы всѣ измучены!

Первый разъ за все время отецъ вздохнулъ свободно. Онъ даже смѣялся за обѣдомъ, когда Таня рассказывала, какъ къ нимъ въ Кочеты прїѣзжалъ киносъемщикъ и снимала крестьянскую свадьбу. Свадьба была у скотника. Онъ былъ совершенно пьянъ, всѣхъ угощалъ и каждый разъ, какъ гости отказывались пить, скотникъ оралъ во все горло: «за ваше здоровье» и залпомъ выпивалъ стаканъ водки, а потомъ клялся и божился, что пьетъ въ послѣдній разъ и готовъ итти сейчасъ же въ церковь и дать зарокъ, что больше пить не будетъ.

— Такъ что же ты не пошла? Il fallait le prendre au mot, — сказалъ отецъ. — Вотъ ты читала мое описаніе встрѣчи съ молодымъ крестьяниномъ, онъ обѣщалъ мнѣ не пить.

Какъ радостно было смотрѣть на отца! Какъ онъ оживился и какъ ласково смотрѣлъ на Таню!

Утромъ Таня сказала мнѣ:

— То, что отецъ дѣлаетъ теперь — подвигъ любви, это лучше всѣхъ тридцати томовъ его сочиненій. Если бы даже онъ умеръ, терпя то, что терпитъ и дѣлая то, что дѣлаетъ, я бы сказала, что онъ не могъ поступить иначе! — и заплакала.

Когда я повторила отцу Танины слова:

— Умица Таничка, — сказалъ онъ и разрыдался.

Вечеромъ онъ опять отдыхалъ подъ Танниной защитой. Читалъ рассказъ Мишя «Le Repos Hebdomadaire» и очень наслаждался. Онъ сидѣлъ въ вольтеровскомъ креслѣ, когда я проходила мимо него и мнѣ показалось, что онъ что-то сказалъ:

— Что ты, папа?

— Дѣвки мои хороши, — сказалъ онъ, радостно улыбаясь.

Но отдыхъ былъ кратковремененъ. Таня, Михаилъ Сергѣевичъ и я должны были ѣхать въ Тулу. Запрягли лошадей. Вдругъ съ письмомъ въ рукахъ вошелъ отецъ.

— Богъ знаетъ, что такое, Богъ знаетъ, пойдите кто-нибудь къ Софій Андреевнѣ! Я написалъ ей письмо, что иду на всякія уступки, что люблю ее, она не стала читать, кричить, что убьетъ себя!

Никогда я еще не видѣла отца въ такомъ состояніи. Онъ былъ блѣденъ, голосъ прерывался, видно было, что онъ едва стоялъ на ногахъ. Таня побѣжала къ матери, а

мы съ Михаиломъ Сергѣевичемъ пошли за отцемъ. Отецъ просилъ меня отдать письмо мама, когда она его потребуетъ, и мы съ Варварой Михайловной поторопились снять съ него копию *).

Когда я привнесла его матери, она не обратила на письмо вниманія и все твердила Танѣ, что, пока отецъ не отдастъ ей дневниковъ, она не перестанетъ «болѣть».

На другой день Таня и Михаилъ Сергѣевичъ поѣхали съ дневниками въ Тулу. Отецъ, какъ онъ и написалъ матери, твердо рѣшилъ отдать всѣ дневники на храненіе въ банкъ.

Но не успѣли Сухотины отѣхать, какъ нервное состояніе матери снова дошло до крайнихъ предѣловъ. Она пошла къ отцу въ кабинетъ, стала умолять его передать ей ключи отъ несгораемаго ящика, гдѣ будутъ храниться дневники. Она упала передъ нимъ на колѣни, плакала.

*) 1) Теперешніе дневники никому не отдамъ, буду держать у себя.

2) Старые дневники возьму у Черткова) и буду хранить самъ, по-рочно въ банкъ.

3) Если тебя тревожитъ мысль о томъ, что моими дневниками, тѣми мѣстами, въ которыхъ я пишу подъ впечатлѣніемъ минуты о нашихъ разногласіяхъ и столкновеніяхъ, что этими мѣстами могутъ воспользоваться недоброжелательные тебѣ будущіе біографы, то, не говоря о томъ, что такіа выраженія временныхъ чувствъ какъ въ моихъ, такъ и въ твоихъ дневникахъ никакъ не могутъ дать вѣрнаго понятія о нашихъ настоящихъ отношеніяхъ, — если ты боишься этого, то я радъ случаю выразить въ дневникѣ, или просто какъ бы въ письмѣ, мое отношеніе къ тебѣ и мою оцѣнку твоей жизни. Мое отношеніе къ тебѣ и моя оцѣнка тебя такая: какъ смолоду любилъ тебя, такъ и не переставая, несмотря на разныя причины охлажденія, любилъ и люблю тебя. Причины охлажденія эти были, не говорю о прекращеніи брачныхъ отношеній, такое прекращеніе могло только устранить обманчивыя выраженія настоящей любви, причины эти были, во-первыхъ, все большее и большее удаленіе мое отъ интересовъ мірской жизни и мое отвращеніе къ нимъ, тогда какъ ты не хотѣла и не могла разстаться, не имѣя въ душѣ тѣхъ основъ, которыя привели меня къ моимъ убѣжденіямъ, что очень естественно и въ чемъ я не упрекаю тебя.

Прости меня, если то, что я скажу, будетъ неприятно тебѣ, но то, что тебѣ между нами происходитъ, такъ важно, что нужно не бояться высказывать и выслушивать всю правду. Во-вторыхъ, характеръ твой въ послѣдніе годы все больше и больше становится раздражительнымъ, деспотичнымъ и несдержаннымъ. Проявленіе этихъ

Отец отказалъ ей и, чтобы какъ-нибудь прекратить тяжелую сцену, ушелъ въ садъ. Когда онъ проходилъ подъ ея окнами, мать сверху крикнула ему:

— Ловочка! Я выпила склянку опія!

Отец однимъ духомъ вбѣжалъ на второй этажъ. Она встрѣтила его словами:

— Я нарочно, я не пила.

Когда, задыхаясь, онъ рассказывалъ мнѣ эту сцену, я думала, что онъ умретъ. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, жаловался на стѣсненія въ груди. Я попробовала его пульсъ. Пульсъ былъ больше ста, съ сильными переборами...

Я побѣжала къ матери и снова и снова говорила ей, что она убьетъ отца, если будетъ такъ продолжаться. А отъ нея я бросилась въ садъ, къ отцу. Онъ ходилъ по аллеѣ въ страшномъ волненіи.

чертъ характера не могло не охладить не самое чувство, а выраженіе его. Это, во-вторыхъ.

Въ-третьихъ, главная причина была роковая та, въ которой одинаково виноваты ни я, ни ты, это наше совершенно противоположное пониманіе смысла и цѣли жизни. Все въ нашемъ пониманіи жизни было прямо противоположно: и образъ жизни, и отношеніе къ людямъ и къ средствамъ жизни, собственности, которую я считаю грѣхомъ, а ты необходимымъ условіемъ жизни. Я въ образѣ жизни, чтобы не разставаться съ тобой, подчинялся тяжелымъ для меня условіямъ жизни, ты же принимала это за уступки твоимъ взглядамъ, и недоразумѣніе между нами росло все больше и больше. Были еще и другія причины охлаждения, виною которыхъ были мы оба, но я не стану говорить про нихъ, потому что онѣ не идутъ къ дѣлу. Дѣло въ томъ, что я, несмотря на всѣ бывшія недоразумѣнія, не переставала любить и цѣнить тебя. Оцѣнка же моя твоей жизни со мной такая:

Я, развратный, глубоко порочный въ половомъ отношеніи, человекъ, уже не первой молодости, женился на тебѣ, чистой, хорошей, умной, 18-ти лѣтней дѣвушкѣ, и, несмотря на это мое грязное, порочное прошедшее, ты почти 50 лѣтъ жила со мной, любя меня, трудовой, тяжелой жизнью, рожая, кормя, воспитывая, ухаживая за дѣтьми и за мной, не поддаваясь тѣмъ искушеніямъ, которые могли такъ легко захватить всякую женщину въ твоемъ положеніи: сильную, здоровую, красивую, но ты прожила такъ, что ни въ чемъ не смѣю упрекнуть тебя. За то же, что ты не пошла за мною въ моемъ исключительномъ духовномъ движеніи, я не могу упрекать тебя, не упрекаю потому, что духовная жизнь каждаго человека есть тайна этого человека съ Богомъ и требовать отъ него другимъ людямъ ничего нельзя, и если я требовалъ отъ тебя, то я ошибся и виноватъ въ этомъ.

— Поди скажи мама, что тѣмъ самымъ, что она дѣлаешь, она заставитъ меня уйти изъ дома, — сказала онъ. — И я непремѣнно уйду, если она будетъ продолжать. А насчетъ дневниковъ скажи ей, что ключъ я передамъ Михаилу Сергѣевичу. Это мое желаніе, и я такъ и сдѣлаю.

Я передала матери слова отца и отъ себя добавила, что ей необходимо лѣчиться, что я не могу повѣрить, чтобы, будучи здоровой, она могла бы сознательно такъ мучить отца.

— Ну хорошо, — сказала она, — я согласна лѣчиться, только не у Никитина, а пусть вызовутъ психіатра изъ Мещерскаго.

Вечеромъ, когда Таня и Михаилъ Сергѣевичъ вернулись изъ Тулы, мы съ сестрой сидѣли и разговаривали. Пришелъ отецъ. Мы говорили о матери и рѣшили вызвать докторовъ.

Такъ вотъ вѣрное описаніе моего отношенія къ тебѣ и моя оцѣнка тебя, а то, что можешь попасться въ дневникахъ, я знаю только, что ничего рѣзкаго и такого, что было бы противно тому, что сейчасъ пишу, ничего не найдется. Такъ это третье о томъ, что можешь и не должно тебя тревожить въ дневникахъ.

4) Это то, если въ данную минуту тебѣ тяжелы мои отношенія съ Ч. (Чертковымъ), то я готовъ не видѣться съ нимъ, хотя и скажу, что это не столько для меня неприятно, сколько для него, зная, какъ это будетъ тяжело для него. Но если ты хочешь, я сдѣлаю.

Теперь 5) то, что, если ты не примешь этихъ моихъ условій доброй, мирной жизни, то я беру назадъ свое обѣщаніе не уѣзжать отъ тебя. Я уѣду, уѣду навѣрное не къ Ч., даже поставлю непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не пріѣзжалъ жить около меня, но уѣду непремѣнно, потому что дальше такъ жить невозможно. Я бы могъ продолжать жить такъ, если бы я могъ спокойно переносить твои страданія, но я не могу.

Вчера ты ушла взволнованная, страдающая. Хотѣлъ спать, легъ, но сталъ не то, что думать, а чувствовать тебя, я не спалъ и слушалъ до часу, до 2-хъ, и опять просыпался и слушалъ, и во снѣ, или почти во снѣ, видѣлъ тебя.

Подумай спокойно, милый другъ, послушай своего сердца, почувствуй и ты рѣшишь все, какъ должно. Про себя же скажу, что я со своей стороны рѣшилъ все-таки, что иначе не могу, не могу. Перестань, голубушка, мучить не другихъ, а себя, потому что ты страдаешь въ сто разъ больше другихъ. Вотъ и все.

Левъ Толстой.

14 Іюля утромъ.

— Я знаю, — сказала отецъ, что нехорошо дѣлать уступки, но мнѣ такъ трудно, такъ я плохо себя чувствую, что не въ силахъ иногда проявлять необходимую твердость. Вѣдь и физическія силы имѣютъ предѣлы! — добавилъ онъ грустно. — А не дѣлаемъ-ли мы сейчасъ преступленія? Она опять подумаетъ, что у насъ заговоръ противъ нея. — И отецъ всталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама гуляетъ съ Михаиломъ Сергѣевичемъ, — сказали мы.

Но онъ все-таки пошелъ и вдругъ остановился въ дверяхъ:

— Что, вамъ вмѣстѣ не скучно?

— Нѣтъ, — отвѣтили мы въ одинъ голосъ, — а что?

— Ужъ очень вы похожи, — сказалъ онъ и вышелъ.

Таня и Михаилъ Сергѣевичъ уѣхали. Мы снова остались одни съ матерью и Левой, который только подливалъ масла въ огонь, невольно возстаивая мать противъ отца. Онъ считалъ ее во всемъ правой и обвинялъ отца.

— Какъ ты можешь сидѣть спокойно здѣсь, когда она того и гляди убьетъ себя! Это жестоко, гадко! — Отцу даже показалось, что Лева назвалъ его дрянью!

Отецъ плакалъ, когда рассказывалъ мнѣ объ этомъ!

Когда Таня уѣхала, Левъ спросилъ меня:

— Что тебѣ отецъ говорилъ о нашемъ съ нимъ разговорѣ?

— Это мое дѣло, — отвѣтила я.

— Мнѣ Таня говорила, будто отецъ сказалъ, что я называлъ его дрянью. Ты скажи отцу, что я жалѣю. Я не то сказалъ. Хорошо, что онъ не слышалъ того, что я дѣйствительно сказалъ... Но вѣдь это возмутительно! Онъ съ своимъ прощеніемъ и непротивленіемъ сидитъ спокойно въ креслѣ, а мать лежитъ на полу и готова убить себя!

Лева не скрывалъ, что не любитъ отца, что бывають минуты, когда онъ даже ненавидитъ его!

Первое время я пробовала уговаривать его, чтобы онъ подѣйствовалъ на мать, помогъ бы отцу, но все это, разумѣется, было бесполезно! Что можно было ожидать отъ человѣка, который не стѣснялся публично выступать противъ отца!

Отъ разговоровъ и непріятностей я чувствовала себя совершенно разбитой. Еще до вечерняго чая я уходила къ себѣ и ложилась. Иногда отецъ заходилъ ко мнѣ. Одинъ

разъ послѣ тяжелаго разговора съ Левою, я ушла спать, но зашелъ проститься Гольденвейзеръ, а затѣмъ и отецъ. Разговорились о Танѣ и Михаилѣ Сергѣевичѣ.

— Я хочу похвастаться, — сказалъ отецъ: — умные люди видятъ огромное количество разнообразныхъ характеровъ. Вотъ, на примѣръ, Михаилъ Сергѣевичъ, онъ совершенно особенный. Съ одной стороны барство, аристократизмъ, а съ другой душевная глубина, твердые религиозные принципы, честный, правдивый. Онъ не желаетъ и не ищетъ переменъ внѣшняго строя, а въ томъ, который существуетъ, старается жить хорошо.

— Да, это лучше, чѣмъ отрицаніе всего, — замѣтилъ Гольденвейзеръ, не понявъ, повидимому, мысль отца.

— Да, да. И онъ много дѣлаетъ хорошаго, — отвѣтилъ отецъ.

Говорили о Паскалѣ, которымъ отецъ былъ занятъ, говорили о лошадяхъ и собакахъ. Шутили. Я такъ развеселилась, что когда отецъ и Алексѣй Борисовичъ ушли, я одѣлась и пошла въ залу.

— Вотъ это хорошо! — сказалъ отецъ, увидавъ меня.

Всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ и весело, непринужденно разговаривали. Мама принимала ванну. Я рассказала, какъ купецъ Платоновъ посылалъ въ Москву лошадь и экипажъ своей женѣ, чтобы съ вокзала она не ѣхала на извозчикѣ.

— Это что, — сказалъ отецъ, — въ Ельцѣ есть купецъ, онъ никогда не ѣздитъ на поѣздѣ, говоря, что онъ не кобель, чтобы по свистку ходить!

Всѣ смѣялись и отецъ больше всѣхъ. Потомъ влетѣла летучая мышь, вскочили, гоняли ее, кричали и опять смѣялись. Передъ сномъ я зашла къ отцу.

— Сердце твое какъ? — спросила я.

— Это все пустяки! — отвѣтилъ онъ мнѣ: — Самое важное не въ этомъ, а въ томъ, что не нынче-завтра умирать надо.

— А я не могу быть равнодушной къ этому, — сказала я.

— Да, да, понимаю, а все-таки мнѣ умирать пора.

— Чертковъ говорить, что ты проживешь до ста лѣтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и не хочется, не хочется...

Онъ такъ грустно это сказалъ, что я чуть не расплакалась.

— Хотя, — прибавилъ онъ, помолчавъ, — въ одномъ

отношеніи хочется. Дѣлаешься хоть понемногу все лучше и лучше.

— Ну, когда тебѣ хорошо и мнѣ радостно, — сказала я.

— Пойду свой дневникъ писать!

Вызванные къ матери врачи, докторъ Никитинъ и профессоръ по нервнымъ болѣзнямъ Россолимо, пріѣхали, когда Тани и Михаила Сергѣевича уже не было. Лева отнесся къ ихъ пріѣзду скептически.

— Я скажу докторамъ, — сказалъ онъ, — что лѣчить надо не мать, она совершенно здорова, а выжившаго изъ ума отца!

Врачи не нашли у матери признаковъ душевной болѣзни, но крайнюю истерію, «паранойю». Они совѣтовали во что бы то ни стало разлучить отца съ матерью. Но какъ только они сообщили объ этомъ мама, поднялась страшная буря, она ни за что не хотѣла на это согласиться.

Дмитрій Васильевичъ видѣлъ душевные страданія отца и не зналъ, какъ помочь намъ. Онъ выслушалъ сердце отца и нашелъ его въ очень плохомъ состояніи.

— Скажу вамъ по секрету, — грустно сказала онъ, — вамъ предстоитъ еще много, много тяжелаго.

Изъ пріѣзда врачей ничего не вышло. Я надѣялась, что соберется вся семья, по крайней мѣрѣ старшіе и вмѣстѣ съ докторами обсудятъ, какъ оградить отца отъ постоянныхъ волненій. Нельзя же было оставить 82-лѣтняго старика одного, на произволъ судьбы съ его страданіями!

Но врачи уѣхали, и я снова почувствовала полное одиночество и беспомощность!

Должно быть, мать подозрѣвала о существованіи завѣщанія. Она вызвала брата Андрея и мы со страхомъ ждали его пріѣзда.

— Ты вотъ все огорчаешься, — сказалъ мнѣ какъ то отецъ, — а я такъ хочу смерти, — это единственное избавленіе. Мнѣ такъ тяжело! А вотъ теперь еще кромѣ Льва Львовича, Андрей Львовичъ... Хочу еще сказать тебѣ, что мнѣ все чаще и чаще приходитъ въ голову, что намъ надо съ тобой уѣхать куда-нибудь. Тутъ такія серьезныя мысли, приближеніе смерти, не до любезностей и притворства. Ахъ, какая это все фальшь, какая фальшь! — вдругъ воскликнуть онъ.

Въ другой разъ отецъ сказалъ невѣсткѣ Ольгѣ:

— Странная вещь, даже смѣшно говорить: вѣдь если бы только Софія Андреевна на одну минуту сознала себя виноватой, все было бы хорошо и какъ ей легко бы стало. А выходитъ наоборотъ, вотъ уже тридцать лѣтъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, всѣ ея старанія направлены на то, чтобы оправдать, обълить себя и осудить другихъ.

— Что это, болѣзнь, папа, или распушенность? — спросила Ольга.

— Распушенность, распушенность, — сказалъ отецъ. — Отсутствіе всякаго сдерживающаго начала, кромѣ общественнаго мнѣнія.

Пріѣзжалъ Миша съ семьей. Онъ скоро уѣхалъ, а семья его осталась. Я много говорила съ его женой, она разумная и все поняла. Какія прекрасныя жены у моихъ братьевъ! Недаромъ одинъ разъ братъ Миша глубокомысленно изрекъ: «Въ одномъ мы несомнѣнно лучше своихъ женъ». «Въ чемъ же?» — спросилъ его. — «У насъ вкусъ гораздо лучше».

Я удивлялась отношенію Миши къ волѣ отца. Не все ли равно, есть ли юридическое завѣщаніе, если всѣмъ намъ прекрасно извѣстно желаніе отца, не разъ выраженное имъ и устно и письменно? Неужели можетъ подняться вопросъ о томъ, исполнить ли отцовскую волю или нѣтъ?

Жена брата со мной вполне соглашалась, и говорила, что Миша дѣйствовалъ подъ вліяніемъ матери.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ братъ Андрей. Онъ только что получилъ письмо отъ Тани, писавшей ему о положеніи въ Ясной Полянѣ и уговаривавшей его не подливать масла въ огонь, помнить, что мать больная, что надо жалѣть отца.

Когда я пришла въ канцелярію, Андрей сидѣлъ тамъ взбѣшенный.

— Какое идиотское письмо отъ Тани, — сказалъ онъ. — Я съ начала до конца не согласенъ съ нимъ.

— Почему же? — спросила я.

— Во-первыхъ, я не считаю мама больной, позволи какихъ-то жидовъ, они чортъ знаетъ что наврали, а вы рады, это вамъ на руку. «Ненависть несвойственна людямъ», процитировалъ онъ изъ письма. — А папа со своимъ непротивленіемъ только и дѣлаетъ, что ненавидитъ и дѣлаетъ зло людямъ.

— Что ты, что ты говоришь, Андрюша! — съ возмущеніемъ сказала я. — Когда же онъ кого обидѣлъ?!

— Только это и дѣлаетъ! Недаромъ возстановилъ противъ себя всѣхъ своихъ сыновей, а на меня, каждый разъ, какъ я бываю, непремѣнно разоэлится.

— Это неправда! Если онъ и не одобряетъ твоихъ поступковъ, ты самъ въ этомъ виноватъ!

— Плевать мнѣ на мнѣніе выжившаго изъ ума старика! Всѣ порядочные люди одобряютъ мои поступки. А онъ, какъ злая собака, постоянно на всѣхъ отгрызается! — закричалъ Андрей.

— Андрюша, — сказала я, едва выговаривая слова, такъ сильно сперло мнѣ дыханіе. — Я здѣсь занимаюсь, тутъ моя рабочая комната, уйди, пожалуйста. Ты говоришь такія вещи, которыя я не могу слушать!

— Молчи! — заревѣлъ онъ. — Не смѣй мнѣ дѣлать замѣчаній! Вы всѣ здѣсь съ ума сошли, вотъ вамъ и не нравятся сужденія здраваго человѣка.

Долго послѣ его ухода у меня сильно билось сердце.

За обѣдомъ мама разговаривала съ сыновьями. Разговоръ сначала шелъ о раздачѣ сѣмянъ крестьянамъ. Мама говорила, что трудно выбрать самыхъ бѣдныхъ.

— Я самый бѣдный, — сказалъ Левъ, — и мнѣ хотѣлось бы получить девять пудовъ ржи.

Потомъ разговоръ перекинулся на театры, балеты, цирки, платья, обсуждался способъ уничтоженія морщинъ. Отецъ сидѣлъ, не проронивъ ни слова.

27-го іюля былъ памятный и очень тяжелый для меня день. Не успѣла я утромъ выпить кофе, какъ меня позвалъ Андрей, а когда я поднялась до половины лѣстницы, сталъ звать Левъ.

— Ну иди, иди къ Леву, — сказалъ Андрей, — а я потомъ съ тобой поговорю.

Я пошла къ Леву.

— Видишь ли, — началъ Лева, — мама вчера слышала, что Булгаковъ говорилъ о какомъ то документѣ, и она рѣшила, что это завѣщаніе, и опять очень взволновалась. Скажи, есть у папа завѣщаніе?

Не успѣлъ онъ закончить фразы, какъ вошелъ Андрей и они долго меня пытали, вѣтъ ли у отца какого-нибудь завѣщанія?

Я сказала, что для меня невысказано при жизни отца

думать о его смерти и говорить о завѣщаніи, а потому и отаѣчать отказываюсь.

— Да ты только скажи: есть или нѣтъ завѣщаніе? — допытывались они.

Долго они меня мучали и не отпустили. Наконецъ я рѣшительно заявила, что дальше говорить объ этомъ не хочу и не буду.

Я ушла къ отцу въ кабинетъ предупредить его и сообщить насчетъ отвѣтовъ братьямъ. Въ то время, какъ я рассказывала ему про свой разговоръ съ братьями, за дверью послышались шаги. Я отворила дверь въ гостиную и оказалась лицомъ къ лицу съ Андреемъ. Онъ вошелъ.

— Папа, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Говори, что такое?

— Я бы хотѣлъ безъ Саши!

— Нѣтъ, пускай она останется, у меня нѣтъ отъ нея секретовъ, — сказалъ отецъ.

— Такъ вотъ видишь ли, папа, — началъ Андрей чрезвычайно неувѣренно, — у насъ въ семьѣ разныя непріятности, мама волнуется, и мы хотѣли у тебя спросить, есть ли у тебя какое-нибудь завѣщаніе?

— Я не считаю себя обязаннымъ тебѣ отвѣчать, — съ несвойственной ему твердостью сказалъ отецъ.

— А-а-а-а! Такъ ты отвѣчать не хочешь?

— Не хочу.

Андрей всталъ.

— Это другое дѣло! — и вышелъ, хлопнувъ дверью.

— Оохъ! О-о-о-охъ! — простоналъ отецъ. — Боже мой! Боже мой!

Встрѣтивъ меня на лѣстницѣ, Андрей крикнулъ:

— Чего ты тамъ торчала у своего сумасшедшаго отца!

На другое утро братья опять пытали меня. Я также упорно отказывалась имъ отвѣчать. А вечеромъ мнѣ предстояло новое испытаніе. Мать близко, близко подошла ко мнѣ и, глядя на меня въ упоръ, спросила:

— Саша, ты когда-нибудь лжешь?

— Стараюсь не лгать.

— Такъ скажи мнѣ: есть завѣщаніе у папа или нѣтъ?

— Я сегодня утромъ отвѣтила твоимъ сыновьямъ, которые приставали ко мнѣ съ этимъ же вопросомъ, — сказала я, — и тебѣ отвѣчу то же самое: я не могу и не хочу при жизни отца говорить о его смерти. Считаю это чудовищнымъ! И если ты помнишь, мама, когда ты приходи-

ла ко мнѣ читать свое завѣщаніе, я отказалась его слушать. Я считаю подлымъ, отвратительнымъ, то, что сыновья спрашивали отца о его волѣ!

— Ахъ,—сказала мать,—какъ ты глупа! Дѣло вовсе не въ деньгахъ, а въ томъ, что Левъ Николаевичъ лишилъ меня своего довѣрія. Я его люблю и мнѣ больно, что я ничего не знаю...

— Неправда! — сказала я съ возмущеніемъ. — Неправда! Если бы вы любили его, вы никогда не стали бы спрашивать о его распоряженіяхъ послѣ смерти, причинять ему такую душевную боль, а спокойно подчинились бы его волѣ.

Пріѣхалъ Павелъ Ивановичъ Бирюковъ. Отецъ обрадовался ему, какъ близкому человѣку, много говорилъ съ нимъ и рѣшилъ ему рассказать про свое завѣщаніе и про то, что происходило въ семьѣ. Отецъ ожидалъ поддержки отъ Павла Ивановича и... натолкнулся на неодобреніе. Бирюковъ говорилъ отцу, что онъ напрасно такъ сдѣлалъ, что надо было позвать всю семью, объявить свою волю и семья непременно исполнила бы ее. Онъ не одобрялъ того, что отецъ написалъ формальное, юридическое завѣщаніе.

Какъ плохо представлялъ себѣ Павелъ Ивановичъ создавшуюся обстановку, какъ плохо учитывалъ силы отца!

Я была моложе, сильнѣе, но и я чувствовала себя совершенно издерганной. Въ этотъ день, когда отецъ опять сталъ мучиться съ завѣщаніемъ, сталъ осуждать себя за сдѣланное, я пришла въ такое отчаяніе, что цѣлый день проплакала. Получила отъ Тани ласковое письмо, — заплакала, стала что-то говорить отцу, — заплакала.

Отецъ сталъ утѣшать меня и спрашивалъ, что случилось.

— Вѣдь ты и представить себѣ не можешь, сколько ругательствъ, оскорбленій я выслушала за эти дни по твоему адресу, — сказала я ему, сквозь слезы, — и я ничего, ничего не могу сдѣлать, не могу даже заставить людей замолчать...

— Ну, ну, душенька, — сказалъ отецъ, — мы постараемся сдѣлать какъ лучше, будемъ только держаться другъ друга.

Онъ снова сталъ обдумывать вопросъ съ завѣщаніемъ, рѣшая, хорошо ли онъ поступилъ. Узнавъ о сомнѣніяхъ отца, Чертковъ прислалъ ему длинное письмо, въ

которомъ онъ напоминалъ ему всю исторію завѣщанія. И отецъ снова пришелъ къ рѣшенію: оставить завѣщаніе въ силѣ.

В. Г. Черткову.

«Пишу на листочкѣ, потому что пишу въ лѣсу на прогулкѣ. И со вчерашняго вечера думаю о вашемъ вчерашнемъ письмѣ. Два главные чувства вызвали во мнѣ это ваше письмо: отвращеніе ко всѣмъ проявленіямъ грубой корысти и безчувственности, которыя я или не видѣлъ или видѣлъ и забылъ, и огорченіе и раскаяніе въ томъ, что я сдѣлалъ вамъ больно своимъ письмомъ, въ которомъ я выражалъ сожалѣніе о сдѣланномъ. Выводъ же, какой я сдѣлалъ изъ письма, тотъ, что Павелъ Ивановичъ (Бирюковъ) былъ неправъ и я, согласившись съ нимъ, и что я вполне одобряю вашу дѣятельность, но своей дѣятельностью все-таки недоволенъ: чувствую, что можно было поступить лучше, хотя я и не знаю какъ. Теперь не раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ, т. е. въ томъ, что написалъ то завѣщаніе, которое написано и могу быть только благодаренъ Вамъ за то участіе, которое Вы приняли въ этомъ дѣлѣ.

Нынче скажу обо всемъ Танѣ, и это будетъ мнѣ очень приятно».

Когда, за нѣсколько дней до этого, я просила отца сообщить Танѣ о завѣщаніи, онъ отвѣтилъ мнѣ, что посоветуется съ Чертковымъ. Я сказала, что Чертковъ давно этого хочетъ.

— А мнѣ, такъ и говорить нечего, какъ хочется этого, — сказалъ отецъ, — ужъ кто-жъ мнѣ ближе Тани!

На другое утро я еще не одѣлась, ко мнѣ въ комнату вошла сестра.

— Мнѣ папа все сказалъ!

— Какъ я рада, — сказала я, — а то у меня было такое чувство, что всѣ знаютъ, а самый близкій человекъ — ты, не посвященъ!

— Одно я сказала бы, — сдѣлай въ свою очередь завѣщаніе на меня, — сказала Таня, — если ты умрешь вскорѣ послѣ отца, все останется братьямъ.

— Сдѣлано уже. А тебѣ не неприятно, — спросила я, — что завѣщаніе написано на мое имя? Хотя, — добавила я, — это будетъ большая тяжесть, главное, что на отношенія съ семьей придется поставить крестъ!

— Я очень рада, — сказала Таня, — главное, у меня отношенія съ матерью не совсѣмъ будутъ испорчены, хотя можетъ быть, даже несмотря на это, она не отказалась бы отъ меня.

— Ну, а развѣ мама за то, что ты теперь не одобряешь ея поступковъ во всей этой исторіи, отчасти уже не отключилась отъ тебя?

— Да, это правда, — съ грустью сказала она. — Ахъ, какъ жалки и подлы тѣ, которые хотятъ, чтобы отецъ поступилъ иначе, и какова будетъ ихъ роль въ исторіи?! Послѣ занятій я постучалась къ отцу.

— Непремѣнно войди! — крикнулъ онъ, какъ будто ждалъ моего прихода.

— Папа, я ужасно довольна, что ты сказалъ Танѣ и отъ того, какъ она отнеслась къ этому!

— Да, да, я очень, очень радъ. Я ее спросилъ, можетъ ли она держать секретъ отъ мужа, она отвѣтила, что да, и я ей все рассказалъ. А когда рассказалъ, разрѣшилъ ей сказать мужу, но она сама думаетъ, что лучше не надо.

Но, повидимому, первое впечатлѣніе объ отношеніи Тани къ завѣщанію и у меня и у отца было ошибочное. Черезъ нѣсколько дней Таня сказала мнѣ о томъ, что, пожалуй, не слѣдовало дѣлать завѣщанія, во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы отдавать въ общее пользованіе сочиненія до 80 года.

Я какъ то вошла къ отцу въ кабинетъ.

Наканунъ мы рѣшили съ нимъ уѣхать къ Танѣ.

— Богъ знаетъ, что мама говорила мнѣ, — сказалъ онъ. — Она больная, ее надо жалѣть, я чувствую себя готовымъ сдѣлать все, что она хочетъ, не ѣхать къ Танѣ и до конца жизни быть ея сестрой милосердія.

— А я не чувствую въ себѣ больше возможности быть сестрой милосердія, — сказала я сердито и вышла изъ комнаты.

Но на душѣ у меня было неспокойно, что я грубо отвѣтила, огорчила его и, промучившись часа два, я пошла къ нему въ кабинетъ. Онъ лежалъ на диванѣ съ книжкой. Я подошла къ нему и поцѣловала его въ голову.

— Прости меня!

Мы оба заплакали и онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Какъ я радъ, какъ я радъ! Миѣ было такъ тяжело!

XXXIII.

КОЧЕТЫ.

— Ты, кажется, говорилъ съ Левой? — спросила я.

— Да, да. Я высказалъ ему то, что давно собирался сказать. Я считаю, что Лева надѣлалъ мнѣ много зла во всей этой исторіи. Вѣдь онъ какъ то на этихъ дняхъ прямо заявилъ, что не любитъ меня, а иногда, когда считаетъ меня неправымъ, ненавидитъ. Такъ вотъ я ему и сказалъ, что его поступки были слѣдствіемъ его отношенія ко мнѣ.

— Что же онъ тебѣ отвѣтилъ?

— Да что же? Что мнѣ отвѣчаетъ... — и онъ указалъ на комнату мама. — То же самое, они всегда правы, а всѣ виноваты. Я вчера сказалъ Софіи Андреевнѣ, что отдалъ все имущество семьѣ и считаю, что отдать еще доходъ съ сочиненій, ну, Мишѣ на примѣръ, — прямо грѣхъ!

Я сказала отцу, что неважно себя чувствую, но не могу и думать о томъ, чтобы опять ѣхать въ Крымъ и оставить его одного.

— А я съ тобой поѣду! — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, папаша, не сможешь ты уѣхать! А то чего бы лучше!

— Ну, тамъ видно будетъ!

— Вотъ, папа, ты говоришь, что тебѣ ничего не нужно, а мнѣ такъ много нужно! Все думаю, почему такъ, а не этакъ!

— Да, молода еще ты, вотъ намъ, старикамъ, это понятно, всѣ желанія отпадаютъ, а молодымъ трудно!

Нѣсколько дней спустя я принесла отцу письма и ждала, что онъ скажетъ. Но онъ подержалъ ихъ въ рукахъ и положилъ, сказавъ:

— Нѣтъ, потомъ. Я долженъ привести себя въ порядокъ.

И когда я вопросительно взглянула на него, прибавилъ:

— Да, да, оказывается Лева хочет здѣсь поселиться, а онъ мнѣ очень, очень тяжелъ. Я долженъ приготовиться, чтобы перенести это, какъ нужно. Надо крѣпиться..

Какъ то разъ Дима Чертковъ просилъ отца разъяснить ему нѣкоторыя изреченія.

— Что именно его заинтересовало? — спросила мама.

— Да одно изреченіе, болѣе серьезное, я не помню, — сказала отецъ, — а другое менѣ важное.

— Какое же? — настойчиво переспросила мама.

— Онъ спрашивалъ объ изреченіи въ «Кругъ Чтенія»: «Кувшинъ падаетъ на камень — горе кувшину, камень падаетъ на кувшинъ, — опять горе кувшину». А значить это по-моему то, что въ борьбѣ чѣмъ грубѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе, могущественнѣе, тѣмъ вѣрнѣе побѣдитъ.

— Ну, это совсѣмъ неправильно, — сказала мама, — чье это изреченіе?

— Китайское.

— Дикіе люди, — сказала она.

А вечеромъ, когда я по обыкновенію вошла къ отцу проститься, онъ сказалъ мнѣ:

— Саша, а вѣдь мама прекрасно поняла изреченіе о кувшинѣ и приняла это на свой счетъ.

Отецъ засмѣялся.

Здоровье отца съ каждымъ днемъ слабѣло. Я чувствовала, что онъ едва держится. Кувшинъ неминуемо долженъ былъ разбиться.

По предписанію врачей необходимо было разлучить родителей и мы съ Таней рѣшили увезти отца въ Кочеты. Но мать начала плакать, умоляла взять ее съ собой, говорила, что она совсѣмъ больна. До самой ночи она мучила отца, спрашивая, хочетъ ли онъ, чтобы она ѣхала.

— Да дѣлай, какъ хочешь, Соня, — отвѣчалъ онъ.

На утро она собралась вмѣстѣ съ нами.

— Какъ все глупо, — говорилъ отецъ грустнымъ, слабымъ голосомъ, — къ чему наша поѣздка, если мама ѣдетъ съ нами. Я не выспался, мнѣ нездоровится...

Мнѣ было ясно, что, если бы отецъ могъ быть твердымъ и настойчивымъ, состояніе матери, будь то болѣзнь или нѣтъ, несомнѣнно улучшилось бы. Каждый разъ, какъ опрѣшительно отказывался исполнять ея требованія, она покорялась и успокаивалась. Но горе было въ томъ, что отецъ, по свойствамъ своего характера, по своей мягкости,

всегда уступалъ. И чѣмъ больше онъ уступалъ, тѣмъ требовательнѣе становилась она.

Сколько разъ мнѣ приходила въ голову сказка «О рыбацкѣ и Рыбкѣ». Я даже какъ-то сказала объ этомъ отцу.

— Это правда, правда, — сказалъ онъ мнѣ грустно.

Наканунѣ Чертковъ получилъ извѣстіе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что ему разрѣшено остаться въ Тульской губерніи. Въ Телятинкахъ всѣ ликовали — бабушка, Анна Константиновна, Ольга съ дѣтьми, самъ Вл. Гр. Извѣстіе это скрыли отъ матери, чтобы передъ отъѣздомъ не вызвать бури и не отравить поѣздку отцу.

Для насъ съ Таней это извѣстіе было большимъ успокоеніемъ. Сознаніе, что мать и братья могли снова повредить Черткову, было невыносимо! Незадолго до этого мы писали другу нашей семьи О. съ просьбой переговорить о Чертковѣ со Столыпинымъ и предупредить его, что если будутъ какія-либо просьбы со стороны матери о высылкѣ Черткова, ихъ надо разсматривать, какъ слѣдствіе болѣзненнаго состоянія. О. передалъ нашу просьбу Столыпину!

Кромѣ того мать Вл. Гр., близкая ко двору, написала письмо императрицѣ Маріи Федоровнѣ. За недѣлю до нашего отъѣзда въ Кочеты, у меня произошелъ слѣдующій разговоръ со старушкой Чертковой.

— Я думаю, — сказала я Елизаветѣ Ивановнѣ, — что вы поможете своему сыну оправдаться передъ правительствомъ и остаться здѣсь жить. И если вы, моя сестра и я слѣлаемъ все, чтобы защитить вашего сына, можетъ быть намъ это и удастся.

— Я буду съ вами также откровенна, — сказала Елизавета Ивановна: — на этихъ дняхъ я начала письмо императрицѣ Маріи Федоровнѣ, но когда дошла до несправедливыхъ нападокъ вашей матери, я не могла продолжать. Мнѣ казалось, что это чудовищно! Теперь, что вы меня поощрили, я кончу это письмо, кончу нынче же!

Въ Кочеты мы ѣхали хорошо. Въ вагонѣ было два отдѣленія, въ одномъ сидѣлъ отецъ, въ другомъ всѣ остальные. Онъ прочелъ письма, выпилъ кофе, и задремалъ. Онъ былъ такъ слабъ, что я боялась за него.

Пріѣхали къ семи часамъ вечера. Отецъ очень усталъ. Ночью, когда онъ пошелъ спать и мама вышла изъ его комнаты, я понесла ему дневники — маленькій, интимный и большой. А онъ уже шелъ мнѣ навстрѣчу:

— Дай дневники!

Онъ взялъ ихъ у меня и повернулъ обратно. За его спиной стояла мама. Увидавъ ее, онъ отдалъ мнѣ большой дневникъ, но тотчасъ же вернулся и взялъ его обратно. Мама пошла за нимъ. Я слышала, какъ она спросила:

— Ты отъ меня спрячешь дневники?

— Да, отъ тебя, — сказалъ отецъ.

— Я все-таки жена...

Дальше я не слыхала.

Этотъ инцидентъ послужилъ поводомъ для волненія на цѣлый день, но Таня такъ рѣшительно настаивала, чтобы мама ни съ кѣмъ не говорила о волнующихъ ее вопросахъ, что постепенно мама стала успокаиваться, какъ вдругъ въ руки ей попала газета съ сообщеніемъ, что Черткову разрѣшено остаться въ Тульской губерніи.

Мама вдругъ громко вскрикнула:

— Вотъ мой смертный приговоръ!

Весь остальной день она волновалась, писала Столыпину письмо, ужасное, по словамъ Михайла Сергѣевича.

— Я убью Черткова! — кричала она: — подкуплю его отравить! Или онъ или я!

Потомъ пріѣхалъ Сережа съ графомъ Дмитріемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ и она нѣскольکو успокоилась.

На другой день послѣ пріѣзда, за обѣдомъ, отецъ рассказывалъ о разграбленіи озерскими мужиками монополии. На отца эта исторія произвела громадное впечатлѣніе. Бѣжалъ возчикъ съ цѣлымъ полкомъ водки. По дорогѣ около деревни Озерокъ повозка сломалась. Возчикъ остановился, собрались крестьяне. Воспользовавшись тѣмъ, что возчикъ былъ пьянъ, мужики постепенно растаскивали водку и въ концѣ концовъ разграбили все и перепились.

Крестьянамъ предстояло жестокое наказаніе. Это особенно волновало отца и онъ хлопоталъ за нихъ, писалъ присяжному повѣренному Гольденблату, всегда охотно соглашавшемуся по просьбѣ отца защищать крестьянъ.

.....

Вечеромъ всѣ играли въ разныя игры съ дѣтьми — Таничкой и Микой, сыномъ Левы Сухотина. Потомъ дѣти пѣли и плясали. Дѣдушка и бабушка смѣялись не меньше нашего.

Я любила смѣхъ мама. Она смѣялась беззвучно, трясясь всѣмъ тѣломъ и, точно конфузясь своего смѣха, закрывала ротъ рукой. Въ этотъ вечеръ она была такая жал-

кая, кроткая и милая. Какъ бы мы любили ее, если бы она могла быть всегда такой.

На другой день вечеромъ мы пошли большой компаніей въ школу смотрѣть представленіе Чеховскаго «Злоумышленника» и волшебный фонарь. На дворѣ было темно, хоть глаза выколи, подъ ногами непролазная грязь, Таня освѣщала путь фонаремъ. Мать взяла отца подъ руку, но онъ самъ насилу шелъ и, споткнувшись, оставилъ ее руку и пошелъ одинъ.

Школа была биткомъ набита, много было дѣтей. Мальчики играли хорошо. Отецъ смѣялся до слезъ. Затѣмъ шли долгія и утомительныя приготовленія къ фонарю.

Показывали жизнь Сергія Радонѣжскаго. Стоя около полотна, учитель, заикаясь и робѣя изъ-за присутствія гостей и главнымъ образомъ отца, рассказывалъ, какъ Сергій Радонѣжскій послѣ пророчества монаха чудомъ научился читать и писать.

Отецъ всталъ.

— Я сейчасъ пойду, — сказалъ онъ, но раздумалъ и опять сѣлъ, а черезъ нѣсколько минутъ рѣшительно всталъ и пошелъ къ выходу.

— Какой дребеденью набиваютъ голову! Ужасно! Ужасно!

За нимъ вышли мама, Таня, О., Сережа, Душанъ Петровичъ и я.

Какъ то на дняхъ отецъ засталъ меня во время спора съ учителемъ Иваномъ Михайловичемъ. Тогда онъ ничего не сказалъ, но сегодня спросилъ меня:

— О чемъ ты такъ горячо спорила съ Иваномъ Михайловичемъ?

— О православной вѣрѣ, — сказала я: онъ мнѣ сказалъ, что церковь освящаетъ только хорошее. А я спросила его: а война? смертная казнь? Кто же ихъ освящаетъ, какъ не церковь?

— Неужели онъ защищаетъ смертную казнь?

— Онъ считаетъ это печальной необходимостью.

— Ай, ай, ай! — застоналъ отецъ, — ай, ай, ай!

И долго онъ не могъ успокоиться, все качалъ головой и охалъ.

Но хотя жизнь наша протекала болѣе спокойно, чѣмъ въ Ясной Полянкѣ, отецъ все время былъ грустенъ. Онъ чувствовалъ, что мать находится въ томъ же нервномъ состояніи, что она сдерживается только благодаря тому,

что находится въ чужомъ домѣ. Она продолжала всѣмъ рассказывать, что Чертковъ хочетъ разлучить ее со Львомъ Николаевичемъ, что Левъ Николаевичъ находится подъ его вліяніемъ и что онъ хочетъ передать всѣ свои писанія въ общую пользу. Графъ О. выслушалъ жалобы матери, но отнесся къ ней какъ къ больной, не придавая значенія ея словамъ.

— Что, Левъ Николаевичъ, не хочется вамъ заграницу? — спросилъ вдругъ Дмитрій Адамовичъ.

— Нѣтъ, никуда не хочется. А вотъ за настоящую, большую границу слишкомъ часто хочется! — и грустно улыбнулся.

Я съ ужасомъ думала о возвращеніи въ Ясную Поляну. Какъ всегда, когда атмосфера прояснялась, отецъ усиленно начиналъ работать. Однажды, когда я вошла къ нему съ письмами, онъ сказалъ:

— Ну, Саша, ты все просишь работы, скоро я тебѣ ее дамъ. Вотъ все хожу и думаю.

Въ этотъ же день послѣ обѣда онъ позвалъ дѣтей, Микку и Таню, къ себѣ въ комнату и рассказалъ имъ сказочку. Я записала ее, сидя подъ окномъ, чтобы не мѣшать ему своимъ присутствіемъ.

«Были двѣ сестры, у нихъ были дѣти: у одной дѣвочка Соня, у другой мальчикъ Петя. Поѣхали разъ сестры въ гости, а дѣтей послали впередъ съ няней. По дорогѣ случилось несчастье. Сломалось колесо, ѣхать дальше нельзя. Тутъ деревня. Крестьяне говорятъ: мы починимъ. Нечего дѣлать. Пошли дѣти съ няней въ избу. Видятъ въ избѣ дѣвочка и женщина. Дѣвочка худая, платье на ней рваное, плачетъ. Соня и Петя спрашиваютъ женщину: Почему она плачетъ? — А оттого плачетъ, что ей молока хочется, а у нея нѣтъ! А няня и говоритъ Сонѣ и Петѣ: я васъ покормлю, пейте молоко! А Соня и говоритъ: я не стану пить молока, дай дѣвочкѣ. Няня стала говорить: какъ можно: пейте молоко! — Но Соня и Петя опять сказали: — мы не станемъ, если ты не дашь дѣвочкѣ! — Тогда няня дала дѣвочкѣ, потомъ пришелъ еще мальчикъ. Опять Соня и Петя говорятъ: мы не будемъ пить, отдай, няня, молоко мальчику! — Потомъ Петя и говоритъ: — почему это у насъ всего много, а у нихъ ничего нѣтъ? — Няня говоритъ: — такъ Богъ велѣлъ! — А Соня говоритъ: — неправда! Если Богъ такъ сдѣлалъ, такъ этотъ Богъ злой, злой, не буду ему молиться. — Если Богъ такъ сдѣлалъ, не хотимъ такому Бо-

гу молиться! — сказалъ Петя. И вдругъ они слышатъ голосъ съ печки. Тамъ старый старичекъ лежалъ. — Умница, ты говоришь, что Богъ злой. Онъ велѣлъ любить всѣхъ людей. А ужъ это люди такъ устроили! — А зачѣмъ они такъ устроили? — спросила Соня, — что у однихъ много, а у другихъ нѣтъ? — А Петя говоритъ: я, когда вырасту большой, сдѣлаю такъ, чтобы у всѣхъ было поровну. — А старикъ говоритъ: ну, смотрите, сдѣлайте такъ, дѣти, помогай вамъ Богъ!

А сдѣлали ли они такъ — не знаю».

— Поняли, дѣти? — спросилъ отецъ.

— Да, да!

— Ну, пойте теперь!

И всѣ, начиная съ дѣдушки, запѣли «Птичка Божія не знаетъ»...

— Ну, а конфетку вамъ можно? — спросилъ дѣдушка.

— Мы у мамы спросимъ! — и побѣжали.

Когда отецъ встрѣтилъ Леву Сухотина, онъ смѣясь сказалъ ему:

— Ну, Левочка, я вашему сыну социалистическую сказку рассказалъ!

Отца не переставая занималъ вопросъ, въ какой формѣ можно было заронить въ дѣтяхъ интересъ къ нравственнымъ вопросамъ. На другое утро онъ спросилъ, поняли ли дѣти его сказку? Мика не понялъ, а Таня рассказала мнѣ сказку съ начала и до конца, и когда подошла къ мѣсту, гдѣ дѣти отказались отъ молока, она говорила чуть слышно и мнѣ показалось, что она вотъ-вотъ расплечется. Я рассказала объ этомъ отцу, онъ былъ видимо тронуть.

Братъ Левъ вызвалъ мать въ Ясную Поляну. Это снова привело ее въ нервное состояніе. Она плакала, осуждала отца за эгоизмъ, жаловалась, что онъ отпускаетъ ее одну.

Чтобы успокоить отца, я вызвалась проводить мать до Ясной Поляны. Отецъ благодарилъ меня, а Таня уверяла, что я совершаю подвигъ.

Мы прожили нѣсколько дней въ Ясной. Безъ отца мама была гораздо спокойнѣе. Но какъ только вернулись въ Кочеты, она снова впала въ нервное состояніе. Малѣйшій поводъ выбивалъ ее изъ равновѣсія. Пріѣхалъ киносемщикъ отъ фирмы Дранкова и добивался возможности снять отца. Этого было достаточно, чтобы взволновать маму. Она во что бы то ни стало желала сняться вмѣстѣ

съ отцемъ и вкладывала въ это желаніе столько страстности, столько безпокойства, точно для нея это было вопросомъ жизни или смерти.

— Въ какой-то газетѣ напечатано, — говорила она, — что Толстой развелся съ женой! — Такъ пусть всѣ видятъ теперь, что это неправда!

Во время съемки она нѣсколько разъ умоляла отца по-смотреть на нее.

Съ каждымъ днемъ она все настойчивѣе требовала, чтобы отецъ возвращался въ Ясную Поляну. Она страдала неврагіей, отказывалась обѣдать. Стоило только отцу войти въ комнату, какъ она начинала метаться по постели, стонать, охать. При всей своей кротости, Душанъ Петровичъ подозрѣвалъ, что мать преувеличивала свои страданія.

Такъ продолжалось съ недѣлю. Одинъ разъ, когда отецъ уѣхалъ верхомъ, мать въ состояніи крайняго возбужденія побѣжала въ садъ. Вернувшись, отецъ не легъ отдыхать, а пошелъ искать ее, но не нашелъ и просилъ Душана Петровича пойти за ней. Ее отыскалъ Михаилъ Сергѣевичъ на скамеечкѣ около пруда, и Душанъ Петровичъ оказался невольнымъ свидѣтелемъ ихъ разговора. Они кричали такъ, что слышно было на деревнѣ.

— Я никогда не видалъ этого спокойнаго человѣка въ состояніи такого гнѣва! — сказала Душанъ Петровичъ.

Михаилъ Сергѣевичъ кричалъ, что если мать тотчасъ же не прекратитъ своихъ комедій, то Левъ Николаевичъ непременно отъ нея уѣдетъ и онъ — Михаилъ Сергѣевичъ, и Таня, и всѣ будутъ на этомъ настаивать.

— Слава ваша, жены Толстого рухнутъ! Толстой сбѣжалъ отъ жены, отравившей ему жизнь!

— Я напишу въ газеты, я оправдаюсь! — возражала мать.

— Нѣтъ, ужъ оправдаться тутъ нельзя. Ушелъ и ушелъ. На восемьдесятъ второмъ году такъ себѣ, здорово живешь, не уѣзжаютъ отъ жены!

Михаилъ Сергѣевичъ говорилъ, что теперь уже никто не вѣритъ ея душевной болѣзни.

— Нѣтъ, я дѣйствительно больна! — защищалась мать.

— А если вы больны, то исполните предписанія докторовъ, развѣзжайтесь со Львомъ Николаевичемъ, иначе придется ему уйти отъ васъ, вотъ увидите!

— А я тогда напечатаю предсмертное письмо въ газеты,

о томъ, что онъ дѣлалъ, а сама отравлюсь и осрамлю его на всю Россію.

— Да никто вамъ не повѣритъ, никто не повѣритъ! — вѣ себя кричалъ Михаилъ Сергѣевичъ.

Наконецъ, мать какъ будто успокоилась и вернулась домой. Но вечеромъ снова стала требовать, чтобы отецъ ѣхалъ съ ней домой, по крайней мѣрѣ назначилъ бы день отъѣзда. Но отецъ отвѣтилъ, что онъ не мальчишка и что жалѣеть, что раньше давалъ ей какія-то обѣщанія, а теперь уступать ей ни въ чемъ не будетъ.

И мать смягчилась, стала просить прощенія, сказала, что отдастъ ему всѣ его обѣщанія назадъ.

Двѣнадцатаго сентября мама одна уѣхала въ Ясную Поляну. Десять дней мы жили спокойно въ Кочетахъ, отдыхая отъ всего пережитаго. Отецъ работалъ. За эти дни онъ получилъ много интересныхъ, глубоко взволновавшихъ его извѣстій: книгу Купчинскаго противъ войны, письмо Николаева о сынѣ, собирающемся отказаться отъ военной службы, письмо Булгакова, который также рѣшилъ вмѣстѣ съ Сережей Булыгинымъ не идти въ солдаты и, наконецъ, описаніе мученій отказавшагося Кудрина.

«Знаютъ ли всѣ эти люди, — думала я, — что отецъ самъ терпѣть не меньшія мученія, чѣмъ они? — Несетъ величайшій подвигъ любви, какъ сказала Таня?»

Въ моемъ сердцѣ не было смиренія, а былъ ужасъ и отчаяніе. Сережа уѣхалъ въ свое Никольское-Вяземское, Таня останется въ Кочетахъ, на помощь остальныхъ братьевъ надѣяться нечего, а мы съ отцемъ снова возвращаемся въ Ясную Поляну. «Не выдержитъ отецъ, умретъ», — думала я съ тоской.

XXXIV.

ПОСЛѢДНІИ МѢСЯЦЪ ВЪ ЯСНОЙ ПОЛЯНѢ.

На станцію за нами выслали двѣ пролетки. Отецъ всю дорогу молчалъ. Вдругъ въ темнотѣ показался силуэтъ верхового.

— Иванъ, что такое?

— А это черкеса графиня прислали съ факеломъ.

Ночь была звѣздная, свѣтлая и безъ факела дорога хорошо видна.

— Не нужно зажигать! — крикнулъ Иванъ: — ступай впередъ, вели мужикамъ дорогу давать!

По шоссе тянулись безконечныя подводы на базаръ въ Тулу. Черкесь крупной рысью выѣхалъ впередъ.

— Правѣе, правѣе, черти, иль не слышите! — оралъ онъ дикимъ голосомъ на мужиковъ.

Дома мама съ страдальческимъ видомъ встрѣтила насъ на лѣстницѣ. За чаемъ она вздыхала, охала, все какъ и прежде.

— Она очень плоха, — шепнулъ мнѣ отецъ, когда мы на минуту остались одни.

Да, она была очень плоха: обвиняла отца, что онъ не прѣхалъ къ ея именинамъ, бранила его старымъ эгоистомъ, эпикурейцемъ, который живетъ только тамъ, гдѣ ему пріятно, не думая о ней.

— Не могу видѣть его старой, согнутой фигуры, — сказала она мнѣ. — Онъ мнѣ такъ противенъ, такъ противенъ...

Слезы подступали у меня къ горлу.

23-го сентября былъ свадебный день. Мама вышла изъ своей комнаты нарядная, въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, къ завтраку подали шоколадъ, все по праздничному, и только въ душахъ нашихъ было темно и мрачно. Когда я вошла къ отцу въ кабинетъ, я замѣтила, что на стѣнѣ нѣтъ ни моего портрета съ отцемъ, ни Черткова съ внукомъ Илюшей. Оказалось, мама ихъ сняла и на ихъ мѣсто повѣсила свой портретъ.

Послѣ завтрака мама стала готовить экранъ, чтобы сняться вмѣстѣ съ отцемъ. Она очень волновалась, не знала, согласится ли онъ, такъ какъ недавно онъ далъ ей обѣщаніе, что для Черткова сниматься больше не будетъ. Отцу было тяжело, но, во избѣжаніе слезъ и разговоровъ, онъ согласился. Портретъ не вышелъ. На другой день мама потребовала, чтобы отецъ снялся съ ней на дворѣ. Было холодно, дулъ сильный вѣтеръ, мама надѣла бѣлое, шелковое платье и позвала отца. Я просила его надѣть пальто и шляпу, но онъ отмахнулся отъ меня и пошелъ раздѣтый, съ непокрытой головой. Онъ мрачно сталъ рядомъ съ матерью, заткнувъ руки за поясъ. Старушка Шмидтъ наблюдала изъ окна эту сцену, ахала и возмущалась. Мать хотѣла повернуть лицо отца къ себѣ, но ей это не удалось. Отецъ стоялъ какъ столбъ.

Все кипѣло во мнѣ отъ возмущенія, отъ страха, что

отецъ простудится, я не выдержала и стала громко высказывать свои чувства. Я не помнила, что я говорила, но Марія Александровна все старалась успокоить меня.

— Что ты, Саша, такъ кричишь?

Я не замѣтила, какъ вошелъ отецъ. Я повторила ему все, что только что говорила.

— Ты ради матери, которая дѣлаетъ тебѣ столько зла, пожертвовала другомъ, дочерью, — кричала я: — вѣдь я не сама повѣсила свой портретъ у тебя въ комнатѣ, ты повѣсилъ его, а теперь не рѣшаешься взять его обратно!

Эхъ, больно мнѣ, больно до слезъ вспоминать эту дикую, безобразную вспышку! Дорого бы я дала, чтобы этого никогда не было!

Отецъ показавъ головой:

— Ты уподобляешься ей, — сказалъ онъ мнѣ и вышелъ.

Цѣлый день я не была у него. Было стыдно, стыдно...

За обѣдомъ мать говорила, что пошлетъ сегодняшнія фотографіи въ «Русское Слово». Всѣ молчали.

Вечеромъ я по обыкновенію сидѣла и писала въ «ремингтонной». На сердцѣ лежалъ тяжелый, тяжелый камень. Звонокъ. Мнѣ было стыдно итти къ отцу, я послала Булгакова. Черезъ минуту опять звонокъ. Я опять не пошла. Булгаковъ вернулся и сказалъ, что отецъ спрашиваетъ: почему Саша не идетъ?

Я пошла.

— Саша, я хочу тебѣ продиктовать письмо.

— Хорошо.

Я взяла карандашъ, бумагу и приготовилась писать. А въ душѣ было желаніе броситься цѣловать ему руки и просить прощенія. Въ горлѣ стояли слезы и я не могла произнести ни слова.

— Не нужно мнѣ твоей стенографіи, не нужно! — вдругъ со слезами въ голосѣ глухо сказалъ отецъ и, упавъ лицомъ на ручку кресла, зарыдалъ.

— Прости меня, прости! — я бросилась цѣловать его лобъ, плечи, руки: — прости!

Долге мы оба плакали. Когда онъ сталъ мнѣ диктовать, я сквозь слезы едва разобрала стенографическіе значки. Наконецъ, мы кончили.

— Прости, — повторила я снова, — прости меня!

— Я уже все забылъ, — сказалъ онъ.

На утро, когда я пришла къ отцу, мнѣ бросился въ

глаза мой портретъ, висящій на прежнемъ мѣстѣ. Мнѣ стало страшно, что изъ-за этого снова выйдетъ исторія. Все то, что вчера было такъ мучительно, сегодня переболѣло и не причиняло страданій, я только думала о его спокойствіи.

— Папа, сказала я, — я хотѣла тебя просить снять мой портретъ. А то какъ бы не вышло чего. Мнѣ теперь все равно!

— Нѣтъ, нѣтъ, я дѣлаю это не для тебя, а для себя. Пожалуйста, помоги мнѣ перевѣсить все по старому! Гдѣ здѣсь висѣлъ Чертковъ?

Я показала. Когда мы повѣсили портреты на старыя мѣста, онъ сказалъ:

— Вотъ теперь хорошо!

Я рѣшила на одинъ день съѣздить въ Таптыково повидать Ольгу съ дѣтьми. Варвара Михайловна собралась со мной. Я простилась съ отцомъ и взяла слово съ Маріей Александровны, которая гостила у насъ, извѣстить меня, если что случится.

У Ольги мы провели весь день. Часовъ около девяти сидѣли пили чай. Вошла горничная.

— Александра Львовна! Вамъ изъ Ясной Поляны письмо!

Сердце упало. Разрываю конвертъ — письмо отъ Маріи Александровны. Она проситъ немедленно пріѣхать. Мама въ ужасномъ состояннн, Марія Александровна боится за здоровье отца.

Меня затрясло, какъ въ лихорадкѣ. Я попросила поскорѣе позвать кучера.

— Ъхать никакъ нельзя, — сказалъ кучеръ Иванъ. — Грязь, темень, экипажъ сломаемъ! Развѣ только по каменной дорогѣ черезъ Тулу.

Черезъ Тулу 25 верстъ.

— Запрягай скорѣй! Поѣдемъ на Тулу!

Пріѣхали мы около двѣнадцати часовъ ночи. Марія Александровна встрѣтила насъ на крыльцѣ и рассказала, что послѣ нашего отъѣзда мама вошла въ кабинетъ и, увидавъ висяшіе на прежнихъ мѣстахъ портреты, стала стрѣлять въ нихъ изъ пугача и разорвала портретъ Черкова на мелкіе куски. Марія Александровна испугалась и послала за нами.

— Сумасшедшія дуры, зачѣмъ вы прилетѣли! — закричала на насъ мать.

Она бранила, упрекала насъ и бѣдную старушку Шмидтъ за то, что она дала намъ знать. Она заявила Варварѣ Михайловнѣ, что завтра же утромъ она можетъ убраться куда ей угодно.

— Я тебя вышвырну изъ дома, какъ вышвырнула Черткова! — кричала она мнѣ.

Все дрожало во мнѣ, но, къ счастью, у меня хватило силъ сдержаться.

Я дошла уже до полного отчаянія. Не было выхода изъ положенія! Я вошла къ отцу въ кабинетъ, былъ первый часъ ночи. Онъ еще не раздѣвался, сидѣлъ у себя въ креслѣ.

«Господи, до какихъ же поръ онъ будетъ это терпѣть?» — спрашивала я себя, глядя на его измученное лицо.

— Папа, — сказала я, — какъ ты думаешь, не лучше будетъ, если я уѣду къ себѣ въ Телятинки?

«Можетъ быть это дастъ толчекъ къ его уходу», — думала я.

Къ моему удивленію, отецъ согласился со мной.

— Да, уѣзжай, — сказалъ онъ.

Утромъ мы переѣхали въ холодный, грязный домъ въ Телятинкахъ. Пришла моя кума Аннушка изъ Ясной Поляны. Они остались съ Варварой Михайловной хлопотать по дому, а я пошла въ Ясную Поляну. Отецъ радостно встрѣтилъ меня. Я опять спросила его, какъ онъ относится къ моему отъѣзду.

— Видишь-ли, — сказалъ онъ, — я вообще не одобряю того, что ты не выдержала и ушла... Ты знаешь, я въ письмахъ всегда отвѣчаю на подобные вопросы, что по моему мнѣнію внѣшнихъ условій мѣнять не нужно, это съ одной стороны, а съ другой стороны, я по слабости своей радъ твоему отъѣзду. Ближе къ развязкѣ! Такъ больше продолжаться не можетъ! Черткова Софія Андреевна удалила, на Марію Александровну накричала, Варю выгнала, тебя почти что выгнала. Не унывай, держись, все къ лучшему!

Я работала въ Ясной Полянѣ все утро, а къ завтраку уѣхала въ Телятинки. На душѣ было смутно. Я сомнѣвалась, правильно ли я поступила. Мучило меня и то, что я далеко отъ отца, не могу уже каждую минуту быть съ нимъ, охранять его покой.

.....

Всѣ эти дни я ежедневно, иногда по два раза бывала въ Ясной Полянѣ, какъ всегда, исполняя работу для отца.

Мой отъѣздъ какъ будто хорошо подѣйствовалъ на мать! Она поняла, должно быть, что зарвалась, испугалась своей рѣзкости и стала мягче съ отцемъ. Она уговаривала меня и Варвару Михайловну вернуться, но я рѣшила выждать.

Пріѣхали Таня съ Сережей. Они говорили матери, что ей надо жить врозь съ отцемъ въ санаторіи, но она ни за что не соглашалась.

3-го октября, вернувшись въ Телятинки, я занималась разборкой бумагъ, какъ вдругъ пріѣхалъ посланный изъ Ясной Поляны съ запиской отъ Булгакова: «Александра Львовна, Льву Николаевичу плохо. Пріѣзжайте скорѣе!»

Я поскакала въ Ясную Поляну. Когда я входила въ переднюю, ноги у меня подкашивались отъ волненія. Меня встрѣтилъ Илья Васильевичъ.

— Живъ?

— Да, живъ. Но очень плохо!

— Обморокъ?

— Да.

Пробѣжалъ Душанъ Петровичъ со шприцемъ. Таня съ заплаканными глазами сидѣла въ кабинетѣ. Навстрѣчу мнѣ изъ спальни выскочила мать, бросилась на колѣни около балкона и стала молиться.

«Только бы не на этотъ разъ, только бы не на этотъ разъ!» — точно безумная повторяла она. Мнѣ стало ее жалко!

Я вошла въ спальню. Отъ страшныхъ судорогъ вся кровать сотрясалась. Я пробовала удержать его ноги, но это оказалось невозможнымъ. Отецъ былъ безъ сознанія.

Таня рассказала мнѣ, какъ это произошло. Отецъ, какъ всегда, легъ спать въ пять часовъ дня. Къ обѣду онъ не всталъ, а половину седьмого мать подошла къ двери послушать, не проснулся ли онъ. Она слышала, что онъ чиркнулъ спичку и вернулась въ залу. Но прошло еще около получаса, отца не было. Тогда она вошла къ нему. Свѣчка была зажжена. Онъ чертилъ пальцемъ по одѣялу, повторяя слова: вѣра, разумъ, религія, государство. Очевидно, это были слова изъ статьи о социализмѣ, которую онъ писалъ утромъ.

Вызвали доктора изъ Тулы. Я настояла на томъ, чтобы телеграфировали Никитину или Беркенгейму.

Судороги повторялись приблизительно каждые полчаса. Одинъ разъ онъ былъ настолько сильныя, что пере-

бросили отца поперекъ кровати. Сознаніе не возвращалось.

Мы съ Таней сидѣли рядомъ со спальней, въ кабинетѣ. Нѣсколько разъ входила мать, бросалась на колѣни, молилась, повторяя: «Только бы не на этотъ разъ, только не на этотъ разъ!»

Она очень страдала.

Пріѣхалъ Чертковъ и, не смѣя подняться наверхъ, сидѣлъ внизу въ комнатѣ Душана Петровича. Я была увѣрена, что отецъ умираетъ. Въ душѣ было тупое отчаяніе. Но къ ночи ему стало лучше.

Мама быстро прошла въ гостиную, отперла ящикъ, достала что-то и, держа за спиной, пронесла въ кабинетъ. Она положила это «что-то» въ портфель на письменномъ столѣ и ушла. Таня вышла за ней и спросила, что она прятала.

— Дневникъ, — сказала мама, — а то его непременно бы украли, если бы умеръ отецъ.

На Таню это произвело ужасное впечатлѣніе. Она сразу точно поникла.

Когда отцу стало лучше, я вошла къ нему и поцѣловала его руку. Онъ обрадовался. Сережа, стоявшій рядомъ, сказалъ, что я пріѣхала.

— Откуда пріѣхала? — съ беспокойствомъ спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, папаша, — сказала я, — ни откуда я не пріѣзжала, я все время была здѣсь съ тобой.

— Ага! — облегченно вздохнулъ онъ.

Въ эту ночь мы почти не спали. То Таня, то я вставали и подходили къ двери. Въ четвертомъ часу я услышала, что отецъ не спитъ и вошла къ нему. Онъ былъ уже въ полномъ сознаніи и спрашивалъ меня, какъ все это случилось. Я сказала ему, что расскажу утромъ и ушла.

На утро отецъ былъ уже умственно силенъ и свѣжъ, какъ всегда, но физически такъ слабъ, что едва переворачивался съ одного бока на другой. За одну ночь онъ похудѣлъ такъ, какъ будто болѣлъ цѣлый мѣсяцъ.

Снова Сережа и Таня говорили съ матерью о созывѣ семейнаго совѣта, о томъ, что заставятъ ее развѣхаться съ отцемъ. Мать оправдывалась, жаловалась Сережѣ на меня, что я кричала на нее, что неизвѣстно, почему уѣхала изъ дома.

Я рѣшила высказать при старшемъ братѣ все, что на-

кипѣло у меня на душѣ. Я рассказала, что уже нѣсколько мѣсяцевъ наблюдаю, какъ мать истязаетъ отца, какъ она всѣхъ разогнала, считая, что всѣ люди виноваты, плохи за исключеніемъ ея, какъ она добивалась правъ, дневниковъ, какъ заставляла отца съ ней сниматься и что ей руководятъ корыстные цѣли.

Сережа и Таня были недовольны рѣзкостью моего тона, но я имъ сказала:

— Вы не можете трехъ дней прожить въ родительскомъ домѣ, начинаете говорить, что у васъ дѣла и смсы, а я всю жизнь мучаюсь, глядя на страданія отца. Пожалуйста, не осуждайте меня!

Въ половинѣ второго отецъ позвонилъ мнѣ и попросилъ прочитать ему вслухъ письма. На два письма — Крашениникову, сыну предсѣдателя суда, и рабочему — продиктовалъ отвѣты. Голосъ былъ слабый, больной, но мысли ясныя, сильныя. Когда всѣ письма прочли и отвѣтили на нихъ, я поцѣловала отца и сказала, что вечеромъ приѣду опять и буду почевать. Спустившись въ переднюю, я узнала, что меня ищетъ мать.

— Гдѣ она?

— На крыльцѣ.

Выхожу, стоить мать въ одномъ платьѣ.

— Ты хотѣла говорить со мной?

— Да. Я хотѣла сдѣлать еще одинъ шагъ къ примиренію. Прости меня!

И она стала цѣловать меня, повторяя: Прости, прости! Я тоже поцѣловала ее и просила успокоиться.

— Прости, прости меня, я даю тебѣ честное слово, что больше никогда не буду тебя оскорблять, — повторяла она, крестясь и цѣлуя меня. — Скажи Варѣ, что я изви- няюсь передъ ней. Мы съ ней четыре года жили и, Богъ дастъ, столько же еще проживемъ. Я не знаю, что со мной, что съ нами сдѣлалось.

— Меня не оскорбляй, а отца, — говорила я, заливаясь слезами: — отца не обижай, я не могу видѣть, какъ онъ измученъ!

— Не буду, не буду, я тебѣ даю честное слово, не буду его мучить! Ты не повѣришь, какъ я изстрадалась этой ночью. Я вѣдь знаю, что онъ былъ боленъ отъ меня. Я никогда не простила бы себѣ, если бы онъ умеръ.

Мы говорили, стоя на дворѣ. Какой то прохожій съ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ. Я попросила мать войти

въ домъ. Но въ передней оказался Бирюковъ и еще кто то. Мы остановились въ тамбурѣ между двухъ входныхъ дверей и тутъ продолжали говорить. Мать просила меня вернуться, просила простить, забыть.

Она много-много разъ повторяла, что общается больше не мучить отца и меня.

— Ты не повѣришь, какъ я ревную, — говорила она: — никогда въ жизни, даже въ молодости, я не чувствовала такой сильной ревности, какъ теперь къ Черткову.

Я вѣрила ей и постепенно озлобленіе, обида, недоверіе, накопившіяся въ душѣ и раздиравшія ее острой болью, исчезали. Передо мною была мать, несчастная, глубоко страдающая, можетъ быть не меньше чѣмъ отецъ.

Первый разъ за долгое время я искренно цѣловала ее, успокаивала, утѣшала, какъ ребенка.

— Да вѣдь и съ Чертковымъ наладится, — говорила она: — я постараюсь взять себя въ руки. И пускай папа видается съ нимъ. Только бы ему было хорошо! Только бы онъ былъ спокоенъ и веселъ! — Она все время плакала и крестилась.

Вечеромъ мы съ Варварой Михайловной снова пріѣхали въ Ясную Поляну. Когда я рассказывала отцу о примиреніи съ матерью, въ спальнѣ было темно, но мнѣ казалось, что онъ плакалъ.

Тая и Сережа уѣхали.

Нѣсколько дней было спокойно. Мать согласилась на то, чтобы пріѣхалъ Чертковъ. Но какъ только онъ вошелъ въ домъ, она снова стала нервничать, подслушивать.

10-го октября былъ Наживинъ. Говорили о смерти сего дочери. Ее хоронили безъ церковныхъ обрядовъ. Наживинъ рассказывалъ о томъ, что ему это было тяжело, не хватало чего то.

— Что тутъ важнаго, — сказалъ отецъ, — это жизни не касается, умерла — похоронили, засыпали землей. И это совершенно безразлично, все равно какъ безразлично, какіе сапоги надѣтъ, или какимъ мыломъ вымыться. Важно воспоминаніе о человѣкѣ, память о немъ, а эти обрядности ничего общаго съ жизнью не имѣютъ, и это не нужно мнѣ и не важно. Старуха молится Царицѣ Небесной, я ее уважаю, но мнѣ это не нужно. Я уже переродился. У меня дочь Маша умерла, я вспоминаю ея духовную личность, и она мнѣ близка, я ее люблю, не забылъ, а какъ ее хоронили, я не помню, мнѣ это все равно!

Наживинъ почему-то вспомнилъ смерть Сократа.

— Это такое счастье, — сказалъ отецъ, — умереть какъ Сократъ. Я не самъ убиваю себя, а мнѣ велѣли выпить ядъ и я его пью, не могу не выпить. Какое это счастье! — Голось его задрожало.

А когда Наживинъ сталъ ему говорить о несправедливости посланнаго ему горя, отецъ сказалъ:

— Тутъ вопросъ въ вашей исключительной любви къ дочери. Это грѣхъ вашъ и мой — наше исключительное отношеніе къ дочерямъ. И если закопаютъ мою Машу, мнѣ жалко, а если закопаютъ какую-нибудь Матрешку, мнѣ все равно. Я долженъ стремиться къ тому, чтобы мнѣ Матрешку было такъ же жалко, какъ мою Машу. Какъ и во всемъ, это — идеаль, и чѣмъ больше я приближусь къ нему, тѣмъ лучше.

12 октября все началось сначала. Забыты были обѣщанія, отцовская болѣзнь. Мать умоляла его уничтожить за вѣщаніе, она становилась на колѣни, цѣловала его руки. Она говорила всѣмъ, что если отецъ умретъ, оставивъ за вѣщаніе, она сумѣетъ доказать его слабоуміе, идиотизмъ.

Когда 17-го утромъ я вошла къ отцу, онъ съ горькой усмѣшкой показалъ мнѣ письмо отъ матери.

— Посмотри-ка, мнѣ угощеніе, прочти!

Я развернула письмо.

«Ты каждый день меня, какъ будто участливо, спрашиваешь о здоровьи, — о томъ, какъ я спала, а съ каждымъ днемъ новые удары, которыми сжигается мое сердце, сокращаютъ мою жизнь и невыносимо мучаютъ меня и не могутъ прекратить моихъ страданій. Этотъ новый ударъ, злой поступокъ относительно лишенія авторскихъ правъ твоего многочисленнаго потомства, судьбѣ угодно было мнѣ открыть, хотя сообщникъ въ этомъ дѣлѣ не велѣлъ тебѣ его сообщать семьѣ. Онъ грозилъ на пакоститъ мнѣ и семьѣ и блестяще исполнилъ, выманивъ у тебя эту бумагу съ отказомъ. Правительство, которое во всѣхъ брошюрахъ вы съ нимъ всячески отрицали и бранили, будетъ по закону отнимать у наслѣдниковъ послѣдній кусокъ хлѣба и передавать его Сытину и разнымъ богатымъ типографіямъ и аферистамъ, въ то время, какъ внуки Толстого, по его злой и тщеславной волѣ, будутъ умирать съ голоду. Правительство же, государствен-

ный банкъ хранить его дневники отъ жены Толстого. Христіанская любовь послѣдовательно убиваетъ разными поступками самаго близкаго (не въ твоёмъ, а въ моёмъ смыслѣ) человѣка — жену, со стороны которой во все время поступковъ злыхъ не было никогда и теперь, кромѣ самыхъ острыхъ страданій, тоже нѣтъ. Надо мной же висятъ и впредь разныя угрозы. И вотъ, Левочка, ты ходишь молиться на прогулкѣ, помолясь, подумай хорошенько о томъ, что ты дѣлалась подъ давленіемъ этого злодѣя, потуши зло, пробуди свое сердце къ любви и добру, а не къ злобѣ и дурнымъ поступкамъ, забудь тщеславіе и гордость (по поводу авторскихъ правъ), потуши ненависть ко мнѣ, къ человѣку, который отдалъ тебѣ всю жизнь и любовь.

Если тебѣ внушили, что мной руководить корысть, то я лично официально готова, какъ дочь Таня, отказаться отъ правъ наслѣдства мужа. На что мнѣ? Я очевидно скоро такъ или иначе уйду изъ жизни, но меня беретъ ужасъ, если я переживу тебя, какое можетъ возникнуть зло на твоей могилѣ и въ памяти дѣтей и внуковъ.

Потуши это, Левочка, при жизни, разбуди и смягчи свое гордое сердце, разбуди въ немъ Бога и любовь, о которыхъ такъ громко гласишь людямъ. С. Т.».

Въ это время въ Ясной Полянѣ, чего давно уже не было, съѣхалось много гостей: Стаховичъ, Долгоруковъ, Горбуновъ.

Бѣдный Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже все выслушать: и объ идиотизмѣ отца, и о злодѣѣ Чертковѣ, о внукахъ, оставшихся безъ куска хлѣба...

Съ каждымъ днемъ положеніе ухудшалось. Снова пошли истерики, требованія, чтобы отецъ не видѣлся съ Чертковымъ, уничтожилъ завѣщаніе. Но отецъ твердо рѣшилъ не давать никакихъ обѣщаній.

— Я всёму пожертвовала тебѣ, — кричала мама, — ты женился на мнѣ чистой, непорочной, семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, а ты...

— Да, да, я порочный, гадкій. Но ты уже всёму пожертвовала мнѣ, а теперь оставь меня, пожалуйста!

Она опять стала врываться къ нему не только днемъ, но и ночью.

— Опять противъ меня заговоры! — крикнула она, вбѣгая къ нему, когда онъ уже спалъ.

— Какіе заговоры? Что ты говоришь, Соня? — измученнымъ голосомъ спросилъ отецъ.

— Дневникъ, гдѣ дневникъ? Ты отдалъ его Черткову?

— Да не думалъ даже...

— Нѣтъ, ты лжешь! Я ощупала портфель, въ немъ дневника нѣтъ. Куда ты его дѣлъ?

— Онъ у Саши.

Она ушла, и когда отецъ задремалъ, она снова разбудила его, пришла извиняться, что напрасно обвинила его.

Пріѣзжала представительница отъ фирмы «Просвѣщенія». Мама съ таинственнымъ видомъ говорила, что она сумѣетъ обойти отца, что она не допуститъ, чтобы сочиненія пошли на общее пользованіе, и проговорила, что «Просвѣщеніе» предлагаетъ ей милліонъ за права на сочиненія.

Узнавъ объ этомъ, отецъ встревожился. Чертковъ посоветовалъ написать заявленіе въ газеты, предостерегающее издателей отъ покупки сочиненій. Заявленіе было написано, но отецъ рѣшилъ подождать съ его публикаціей.

Двадцатаго октября пріѣхалъ Михаилъ Петровичъ Новиковъ *). Онъ произвелъ на отца прекрасное впечатлѣніе.

— Какой умница, какой умница! — повторялъ отецъ.

Когда я пришла къ нему за письмами въ залу, онъ, весело и немного лукаво улыбаясь, повелъ меня въ кабинетъ, а оттуда въ спальню.

— Идемъ, идемъ, я тебѣ большой секретъ скажу! Большой секретъ!

Я шла за нимъ и, глядя на него, мнѣ дѣлалось легче.

— Такъ вотъ что я придумалъ. Я немножко рассказалъ Новикову о нашемъ положеніи, и о томъ, какъ мнѣ тяжело здѣсь. Я уѣду къ нему. Тамъ меня уже не найдутъ. А знаешь, Новиковъ мнѣ рассказалъ, какъ у его брата жена была алкоголичка, такъ вотъ если она ужъ очень начнетъ безобразничать, братъ ходитъ ее по спивѣ, она и лучше. Помогаетъ. — И отецъ добродушно засмѣялся. — Вотъ поди-жъ ты, какія на свѣтѣ бываютъ противорѣчія!

Я тоже расхохоталась и рассказала отцу, какъ одинъ разъ кучеръ Иванъ везъ Ольгу, а она спросила его, что дѣлается въ Ясной. Онъ отвѣтилъ, что плохо, а потомъ обернулся къ ней и сказалъ:

*) Крестянинъ Тульской губ., Тульскаго уѣзда, раздѣлявшій взгляды Л. Н. Толстого.

— А что, ваше сіятельство, извините, если я вамъ скажу. У насъ по деревенски, если баба задурить, мужъ ее вожжами! Шелковая сдѣлается!

Отецъ сталь еще больше смѣяться.

— Да, да, вотъ поди-жь ты, какія бываютъ...

— Да, по моему, это не противорѣчія, — перебила я его, только у нихъ вожжи веревочныя, а у насъ должны быть нравственные.

— Да, да, я должно быть все-таки уѣду, — еще разъ повторилъ онъ.

Двадцать четвертаго отецъ написалъ письмо Михаилу Петровичу:

«Михаилъ Петровичъ, въ связи съ тѣмъ, что я говорилъ вамъ передъ вашимъ уходомъ, обращаюсь къ вамъ еще со слѣдующей просьбой; если бы дѣйствительно случилось то, чтобы я пріѣхалъ къ вамъ, то не могли ли бы вы найти мнѣ у васъ въ деревнѣ хотя бы самую маленькую, но отдѣльную и теплую хату, такъ что васъ съ семьей я стѣснялъ бы самое короткое время. Еще сообщаю вамъ то, что если бы мнѣ пришлось телеграфировать вамъ, то я телеграфировалъ бы вамъ не отъ своего имени, а отъ Т. Николаева *).

Буду ждать вашего отвѣта, дружески жму руку. Левъ Толстой.

Имѣйте въ виду, что все это должно быть извѣстно только вамъ однимъ».

25 октября, когда я вошла къ отцу, онъ сидѣлъ въ креслѣ, ничего не дѣлая. Странно было видѣть его безъ пера и бумаги, безъ книги, и даже безъ пасьянса.

— Я сижу и мечтаю, — сказалъ онъ мнѣ, — мечтаю о томъ, какъ я уйду. Ты вѣдь непременно захочешь итти со мной?

— Да. Но я не хотѣла бы тебя стѣснять. Можетъ быть, первое время, чтобы не стѣснять тебя, мнѣ не надо уѣзжать съ тобой, но вообще жить врозь отъ тебя...

— Да, да, но я все думаю, что ты для этого недостаточна здорова, кашель, насморки начнутся...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, — съ живостью воскликнула я, — мнѣ будетъ гораздо лучше въ простой обстановкѣ.

*) Въ сношеніяхъ съ друзьями, чтобы не могли открыть нашего мѣстопробыванія, мы придумали для себя псевдонимы. Отецъ — Т. Николаевъ, а я — Фролова.

Мнѣ было такъ странно, что онъ говорилъ обо мнѣ.

— Если такъ, мнѣ самое пріятное, самое естественное имѣть тебя около себя, какъ помощницу. Я думаю сдѣлать такъ. Взять билетъ до Москвы. Когонибудь послать съ вещами въ Лаптево **) и самому тамъ слѣзть. А если тамъ найдутъ, еще куданибудь поѣду. Ну да это навѣрное все мечты! Я буду мучиться, если брошу ее, меня будетъ мучить ея состояніе. А съ другой стороны такъ дѣлается тяжела эта обстановка, съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе. Я признаюсь тебѣ, жду только какогонибудь повода, чтобы уйти.

26-го пріѣхалъ Сережа. Отецъ былъ такъ радъ его пріѣзду, а Сережа, точно чувствуя всю глубину страданій отца, былъ съ нимъ особенно нѣженъ и ласковъ.

Въ этотъ же день получили телеграмму о пріѣздѣ Андрея.

— Помоги, Господи, помоги, Господи! — шепталъ отецъ.

Я тоже, послѣ послѣдняго посѣщенія Андрея, боялась его.

Но Андрей встрѣтилъ меня словами:

— Ну, какъ приметъ меня моя сестра?

— Сестра всегда одинаково принимаетъ своихъ братьевъ, — отвѣтила я. — Все зависитъ отъ самихъ братьевъ.

Я обрадовалась его словамъ. Какой онъ ни на есть, а все-таки почувствовала, какъ безобразно было его поведение въ послѣдній пріѣздъ и хотѣлъ загладить.

Андрей былъ дѣйствительно въ прекрасномъ настроеніи и даже уговаривалъ мою мать помириться съ Чертковымъ.

Когда отецъ проснулся послѣ обѣда, я послѣшила ему сказать, что Андрей повидимому раскаивается въ своемъ поведеніи и что онъ въ хорошемъ, миролюбивомъ настроеніи.

— Слава Богу, слава Богу, — прошепталъ отецъ.

А за обѣдомъ онъ разспрашивалъ Андрея про его службу въ крестьянскомъ банкѣ и говорили они спокойно, безъ раздраженія, какъ это рѣдко бывало между отцемъ и сыновьями.

*) Лаптево — ж. д. станція по Московско-Курской жел. дорогѣ. Въ четырехъ верстахъ отъ Лаптева жилъ М. П. Новиковъ.

28 октября, когда я вошла къ отцу за работой, онъ далъ мнѣ письмо.

— Вотъ возьми, — сказалъ онъ, прочти и пожалуй перепиши, если разберешь. Это письмо мама, которое я оставлю ей, если уйду. А я все больше и больше думаю объ этомъ. Ужъ очень тяжело. Вчера ночью пришла, спрашиваетъ меня, что пишетъ Чертковъ. Я отвѣтилъ, что письмо дѣловое, что секретовъ въ немъ нѣтъ, но что я принципиально не хочу ей давать читать. Пошли упреки. Тяжела эта постоянная подозрительность, заглядываніе изъ дверей, перерываніе бумагъ, подслушиваніе, тяжело. А тутъ уходятъ послѣдніе дни, часы жизни, которые надо бы употребить на другое.

Когда я принесла переписанное письмо, я сказала ему:

— Папа, я одна не останусь, я уйду съ тобой.

— Я попросилъ бы тебя первое время остаться съ ней!

Онъ взялъ переписанное и вложилъ въ записную книжку.

Александра Толстая.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Изъ прошлаго

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

XXII.

Совершенно понятно, что неудача Святополкъ-Мирскаго болѣе задѣла тѣхъ, кто ставилъ ставку на него, чѣмъ тѣхъ, кто его неудачу предвидѣлъ и злорадно предсказывалъ. Горечь была усилена тѣмъ, что побѣда на этотъ разъ казалась очень возможной. Представительство перестало быть «безсмысленными мечтаніями» 95 г.; оно получило Высочайшее одобреніе. Правда, одобреніе было взято назадъ, какъ была когда-то взята назадъ и «конституція 1-го марта». Но въ отличіе отъ 81 года, одновременно съ этимъ не произошло ни перемѣны царствованія, ни смѣны министровъ (ибо отставка Святополка не была принята), ни вообще перелома политики въ реакціонную сторону. Напротивъ, главныя програмныя предположенія либерализма Указомъ были приняты и обѣщаны; либерализмъ въ этомъ могъ считать себя побѣдителемъ. И когда одновременно съ этимъ «правительственное сообщеніе» объявляло, что требованіе представительства исходитъ отъ кучки смутьяновъ, либерализмъ не могъ промолчать. Потому въ лойяльной средѣ либерализма крушеніе Святополкъ-Мирскаго вызвало необычайный подъемъ и раздраженіе. Она стала по своему отвѣчать на вызовъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Незадолго передъ этимъ шли осеннія сессіи земскихъ собраній; почти всѣ принимали адреса съ казенной просьбой о представительствѣ. Это превратилось въ шаблонъ, но который не волновалъ никого; отъ адресовъ не ждали практическихъ послѣдствій, но и не боялись репрессій. Но теперь отношеніе власти къ нимъ перемѣнилось. Въ числѣ другихъ обратилось къ Государю Черниговское земское собраніе. 9-го декабря 1904 г. на него послѣдовалъ

Высочайшій отвѣтъ. Отвѣтъ совпалъ по времени съ тѣми четырьмя днями, когда Государь уже далъ согласіе на представительство (7 декабря), и согласія пока назадъ не взялъ (11 декабря). Удивительно, что именно въ эти дни, когда созывъ представительства былъ предрѣшенъ, просьба о немъ была Государемъ заклеимена рѣзкой отмѣткой на адресъ: «нахожу поступокъ предсѣдателя губернскаго земства дерзкимъ и безтактнымъ; заниматься вопросами государственнаго управленія не дѣло земскихъ собраній». Хотѣлось ли Государю показать себя педагогомъ формальной законности и, удовлетворяя просьбу земствъ по существу, указать имъ все-таки, что дѣло не ихъ компетенціи? Или, давъ Святополкъ-Мирскому согласіе, онъ въ душѣ о немъ пожалѣлъ и свое сожалѣніе выместилъ на Черниговскомъ адресѣ? Какъ бы то ни было, Высочайшая отмѣтка раньше «Правительственнаго Сообщенія» показала, какъ встрѣчено будетъ впредь предъявленіе подобныхъ ходатайствъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой отмѣтки 13 декабря собиралось Московское земство.

Было показательно, какъ поступить оно. Предсѣдателемъ земскаго собранія былъ князь П. Н. Трубецкой, лояльность котораго къ Государю была вѣдь сомнѣній; губернаторомъ былъ его beau-frère Г. И. Кристи, который въ силу родства могъ имѣть на Трубецкого вліяніе, а самъ не только по должности, но и по личнымъ убѣжденіямъ не могъ сочувствовать либеральной демонстраціи. Послѣ отвѣта Черниговцамъ обращеніе къ Государю съ такою же просьбою было уже послушаніемъ, «дерзостью и безтактностью», — по выраженію Государя. Но бываютъ моменты, когда это становится патріотическимъ долгомъ. Такъ и былъ поставленъ вопросъ передъ предсѣдателемъ, отъ котораго зависѣло дѣло. П. Н. Трубецкой, единокровный братъ знаменитыхъ С. Н., Е. Н. и Г. Н. Трубецкихъ, былъ честнымъ и независимымъ человѣкомъ, но не боевой натурой; вліяніе выбравшей его дворянской среды для него могло быть рѣшающимъ: идти въ рядахъ послушниковъ царской воли было для него не легко. И однако П. Н. Трубецкой на это рѣшился. Помню то засѣданіе земства, гдѣ на повѣстку былъ поставленъ адресъ Государю съ просьбой о представительствѣ. Губернаторъ открылъ собраніе и поскорѣе ушелъ, недовольный, не сказавъ ни слова привѣта. Проектъ адреса былъ прочитанъ Ф. А. Головинымъ. Онъ былъ принятъ безъ преній. Не помню, бы-

ди ли голоса противъ него. Принятіе земскаго адреса въ этотъ моментъ было не пустой резолюціей банкетнаго зала; оно было серьезнѣйшимъ актомъ. Лѣвая общественность не цѣнила того, что протестъ противъ самого Государя вышелъ изъ лояльной среды, сохранялъ безупречную форму. Въ тотъ же вечеръ отъ лѣвыхъ я слышалъ упреки за почтительный тонъ, за включеніе въ текстъ поздравленія съ рожденіемъ Цесаревича, и т. д. Общественность не понимала, что сила адреса была въ его лояльности, въ томъ, что его подписалъ князь Трубецкой и приняли люди, въ государственной зрѣлости которыхъ у Государя сомнѣнія быть не могло. Это было подчеркнуто П. Н. Трубецкимъ въ его письмѣ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Допустивъ принятіе адреса, Трубецкой палъ духомъ и хотѣлъ подать въ отставку. Его друзьямъ пришлось его успокаивать, разъяснять передъ нимъ правоту его жеста; эти мысли были развиты въ превосходномъ письмѣ его же Святополку-Мирскому, которое едва ли Трубецкой самъ написалъ, но которое соответствовало его настроенію. Объяснивъ мотивы, которые заставили его не подчиняться распоряженію власти, Трубецкой указывалъ, что единственный путь избѣжать Революціи, на которую власть толкаетъ русскій народъ, но которой народъ вовсе не хочетъ, есть путь царскаго довѣрія къ общественнымъ силамъ. Онъ заявлялъ, что если «Государь довѣрчиво сплотить около себя эти силы, то Россія поддержитъ своего Царя и его С а м о д е р ж а в н у ю в л а с т ь и в о л ю». Тотъ фактъ, что неповиновеніе распоряженію власти исходило отъ сторонника Самодержавія, который хотѣлъ представительствомъ не ограничить, а укрѣпить Самодержавіе, было для Государя аргументомъ болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ банкетныя рѣчи. Въ самомъ обществѣ впечатлѣніе отъ письма было громаднo. Въ тысячахъ списковъ наша общественность читала его на расхватъ, съ неменьшей жадностью, чѣмъ думскія рѣчи въ ноябрѣ 1916 г., т. е. наканунѣ Революціи.

Московское земство было все же либеральной средой; слѣва его могли упрекать за «нерѣшительность», но не за слѣпую поддержку правительства. Но духъ времени проникалъ въ среду, которая до тѣхъ поръ была опорой непримиримой правой политики. Я хочу напомнить одинъ эпизодъ, который въ моей памяти сохранился: адресъ Московскаго Дворянства. Въ то время его считали

побѣдой реакціи. Покойный Н. Н. Щепкинъ шутилъ, что это не пораженіе, а наша побѣда. Это принимали за шутку. Но въ его парадоксъ было болѣе правды, чѣмъ онъ самъ думалъ въ то время.

Отдѣльныя дворянскія собранія не разъ присоединяли свои голоса къ земскимъ въ періодъ, когда адреса слѣдовали одинъ за другимъ. Но уже послѣ перелома политики, въ концѣ января, предстояла сессія московскаго дворянства. Оно было особеннымъ по составу. Почти вся служилая знать принадлежала къ дворянству столицъ. Придворный міръ, опредѣлявшій политическій курсъ, будущіе руководители Союза объединеннаго дворянства почти всѣ входили въ его составъ. Въ немъ были губернаторы доброй половины Россіи. Немудрено, что при такомъ составѣ московское дворянство было оплотомъ правительства; оно восторгалось реформами Александра III и осуждать дѣйствій власти себѣ не позволило бы. Отдѣльные уѣзды могли выбирать предводителей иного образа мыслей; но это было болѣе по личнымъ связямъ, чѣмъ изъ сочувствія ихъ политическимъ взглядамъ. Общее настроеніе дворянства было опредѣленно. Оно со злобой глядѣло на Освободительное Движеніе, за его демократическія симпатіи, за его равнодушіе къ традиціямъ Самодержавія. Потому въ то время, какъ адреса съ требованіемъ представительства широкой волной катились въ Петербургъ, правые возлагали надежды на отрезвляющій голосъ московскаго дворянства. Оно должно было подать свой адресъ и сказать свое слово; и въ этомъ смыслѣ началась агитація.

Либеральное направленіе не могло надѣяться отстоять своихъ позицій въ московскомъ дворянствѣ; но оно рѣшило не сдаваться безъ боя. Кампанія пошла съ обѣихъ сторонъ. Были мобилизованы всѣ. Я никогда не принималъ участія въ дворянскихъ собраніяхъ; и мнѣ пришлось шить мундиръ. Намъ помогало, что предводитель, князь П. Н. Трубецкой, намъ сочувствовалъ; реакціонный адресъ показался бы осужденіемъ ему самому. Его помощь была очень дѣйствительна. Всякое предложеніе должно было идти черезъ Собраніе Депутатовъ; громадное большинство въ немъ было противъ насъ. По настоянію П. Н. Трубецкого было рѣшено доложить общему собранію всѣ адреса; было рѣшено голосовать какъ на выборахъ, т. е. голосовать в сѣ адреса шарами такъ, что нѣсколько адре-

совѣ могли получить большинство. Этотъ способъ давалъ намъ наибольшіе шансы. Были предложены адреса трехъ направленій: правыхъ, конституціоналистовъ и сторонниковъ совѣщательнаго представительства. Двѣ послѣднія группы собрались на совмѣстное обсужденіе. Я въ первый разъ попалъ на такое собраніе и почувствовалъ особенность его атмосферы. Оно состоялось скоро послѣ 9 января. Я предложилъ включить упоминаніе объ этомъ событіи въ адресъ. Въ другомъ собраніи это было бы принято безъ возраженій; здѣсь я вызвалъ бурю. На меня напустился даже Д. Н. Шиловъ. Потомъ мнѣ объяснили, что подобныя предложенія здѣсь недопустимы. При обсужденіи адресовъ обнаружилось сразу, что конституціонный не имѣлъ шансовъ пройти; онъ бы только разбилъ голоса. Конституціоналисты не стали настаивать. Доводы освобожденцевъ о необходимости «отмежеванія» и выявленія передъ страной реакціонной сущности «славянофиловъ» отклика не находили. Конституціонный адресъ былъ снятъ и рѣшено голосовать за адресъ, который соединялъ представительство съ Самодержавіемъ. Предварительно было созвано общее частное совѣщаніе; адреса Государю публично только голосовались. Мы собрались въ боковыхъ залахъ Собранія, гдѣ обычно происходили засѣданія губернскаго земства. Адресъ правыхъ былъ превосходно составленъ и великолѣпно прочитанъ А. Самаринимъ. Онъ кончался словами: «царствуй въ сознаніи твоей силы, Самодержавный Государь. Въ полнотѣ твоей власти наша надежда; въ довѣрїи къ ней наше единство» и т. д.; адресъ осуждалъ «внутреннюю смуту», которая «расшатываетъ общество и волнуетъ народъ». Это былъ трафаретъ. Но настроеніе общества какъ будто проникло даже въ среду дворянскаго большинства; и оно не рѣшалось объявлять безсмысленнымъ и вреднымъ стремленіе къ преобразованію нашего строя; оно настаивало только на его «несвоевременности» во время «небывалой по упорству войны». Только поэтому было не время «думать о какомъ-либо преобразованіи государственнаго строя Россіи». «Пусть мицуетъ военная гроза, пусть уляжется смута»; тогда «Россія найдетъ пути для устроенія своей внутренней жизни на завѣщанныхъ намъ исторіей началахъ единенія Самодержавнаго Царя съ землей».

Перечитывая теперь этотъ адресъ, я не могу отнестись къ нему по прежнему, какъ къ безусловно «реакціонно-

му». Въ немъ для реакціонеровъ было все-таки нѣчто новое. Онъ не отвергалъ необходимости кореннаго преобразованія Россіи, притомъ направленнаго на то самое единеніе царя съ землей, которое всегда ставилось въ основу требованія представительства; онъ только откладывалъ это до конца внѣшней войны, т. е. разсуждалъ приблизительно такъ, какъ въ 914 и 915 году разсуждала думская оппозиція, когда создавала прогрессивный блокъ въ Думѣ. Это были новыя мысли для большинства московскаго дворянства и даже для самихъ составителей этого адреса. И характерно, что включеніе ихъ въ адресъ на этотъ разъ оказалось необходимымъ, чтобы собрать около него большинство. Безъ этого многіе перекочевали бы къ намъ. Такая постановка вопроса оставляла однако возможность для соглашенія. Чтеніе этого адреса громкимъ, искреннимъ голосомъ Самарина потонуло въ оглушительныхъ аплодисментахъ. Затѣмъ П. Д. Долгоруковъ прочелъ нашъ адресъ. Была иронія судьбы въ томъ, что этотъ компромиссный, не менѣе патріотическій адресъ «жаждавшій одного только царскаго слова, которое бы дало почувствовать, что не порвалась связь Царя съ русскимъ народомъ», пришлось читать такому убѣжденному конституціоналисту и демократу, какимъ былъ П. Д. Долгоруковъ. Этого мало; Долгоруковъ не хотѣлъ отстать отъ Самарина, не хотѣлъ оттолкнуть дворянскаго «*juste milieu*», которое не пошло бы за нами, если бы въ нашемъ адресѣ было недостаточно монархическихъ чувствъ. Онъ читалъ съ такимъ же тремоло въ голосъ, какъ и Самаринъ. Лояльная форма адреса смягчала его «оппозиціонный характеръ». Представительство, котораго онъ добивался, могло казаться не «ограниченнымъ», а даже моральнымъ «усиленіемъ» Самодержавія. Благодаря этому, оглашеніе нашего адреса имѣло гораздо большій успѣхъ, чѣмъ мы ожидали; намъ хлопали и тѣ, кто только что хлопалъ Самарину. Перешли къ преніямъ; вначалѣ никто не хотѣлъ говорить; Трубецкой настоятельно просилъ всѣхъ высказаться; онъ подчеркивалъ необходимость соглашенія, иначе будетъ голосъ одного большинства, а не дворянства. Единогласіе представлялось недостижимымъ и потому пренія бесполезными. Убѣждать это собраніе было неблагодарной задачей. Но перчатка была брошена и ее нужно было поднять. Первымъ просилъ слова Ф. Ф. Кокшкинъ; онъ остановился на словахъ перваго адреса о единеніи царя съ землей и

доказывалъ, что такое единеніе, если его искренно желать, немислимо безъ «представительства». Трубецкой, безъ моей просьбы, предоставилъ мнѣ слово. Я отмѣчалъ, что адресъ большинства не отрицаетъ необходимости реформъ, но только считаетъ ихъ несвоевременными до прекращенія войны и смуты, и что это есть тотъ гибельный лозунгъ: сначала успокоеніе, а реформы потомъ, — которымъ наша государственная власть довела себя до тупика. Наконецъ, Н. И. Щепкинъ живыми красками описывалъ недовольное настроеніе, которое разлито повсюду въ странѣ и общее убѣжденіе, что причина нашихъ неурядицъ въ бюрократіи. Намъ всѣмъ отвѣчалъ А. Д. Самаринъ. Но споръ пошелъ не на той позиціи, гдѣ бы онъ хотѣлъ принять съ нами бой; онъ радъ бы былъ ополчиться на конституцію, но за нее никто не высказывался, а единеніе царя съ народомъ въ формѣ легальнаго представительства соотвѣтствовало старымъ славянофильскимъ традиціямъ, противъ которыхъ Самарину возражать было неловко. А. Д. Самаринъ не безъ ироніи отмѣчалъ, что мы, повидимому, болѣе не отвергаемъ Самодержавія; язвительно радовался, что мы, наконецъ, точнѣе опредѣлили нашу позицію, если всегда такъ смотрѣли на это, или измѣнили ее, если раньше были за конституцію. Но эта иронія не задѣвала; и гораздо удивительнѣе было то, что представитель славянофильства теперь отвергалъ Земскій Соборъ. На частномъ совѣщаніи голосованія не было. Идеалисты дворянства дѣлали усилія, чтобы привести всѣхъ къ соглашенію. Въ правомъ лагерѣ было много сторонниковъ этого. Но главари обѣихъ партій съ ихъ точки зрѣнія такъ много уступили, что дальше идти не могли. Переговоры были прекращены. На другой день въ публичномъ собраніи происходило голосованіе. За адресъ правыхъ было подано 219 шаровъ, за нашъ 153; подсчетъ показывалъ, что многіе голосовали за оба адреса, что стирало рѣзкую грань между нами. Для обычнаго реакціоннаго настроенія московскаго дворянства это было успѣхомъ. Оставалось его закрѣпить. Было рѣшено составить мотивированное мнѣніе, объяснявшее, почему мы голосовали противъ принятаго адреса и за подписями приложить къ протоколу. Составленіе этого мнѣнія было поручено С. Н. Трубецкому, Н. А. Хомякову и мнѣ. Оно было оглашено въ публичномъ засѣданіи Н. Ф. Рихтеромъ, который позднѣе, въ эпоху Столыпина, сталъ реакціоннымъ

предсѣдателемъ Московской губернской земской управы. Читаль онъ его съ искреннимъ подъемомъ. Фраза, принадлежавшая перу С. Н. Трубецкого, что «бюрократическій строй, парализующій русское общество и русскій народъ и разобщающій его съ монархомъ, составляетъ не силу, а слабость Россіи», была покрыта аплодисментами, въ которыхъ участвовали и наши противники. Особое мнѣніе кончалось словами, что «по указаннымъ въ немъ основаніямъ мы съ скорбнымъ чувствомъ не могли присоединиться къ адресу большинства московскаго дворянства». Подъ мнѣніемъ подписалось больше ста человѣкъ. Приложеніе этого мнѣнія къ журналу ослабляло силу праваго адреса. И когда на адресъ большинства былъ полученъ лестный отвѣтъ Государя, который пришлось оглашать П. Н. Трубецкому, подъ крики «ура», всѣ понимали, что дать опору агрессивной реакціонной политикѣ этотъ адресъ уже не могъ.

Эти эпизоды сами по себѣ очень мелки; но они иллюстрируютъ сдвигъ, который происходилъ даже въ консервативной части русскаго общества. Радикалы Освободительнаго Движенія этому сдвигу придавали въ то время мало значенія. Хроника «Освобожденія» отмѣчала подобныя явленія въ правомъ лагерѣ не безъ ироніи; увѣряла, что власть надъ ними смѣялась и своимъ отношеніемъ къ нимъ давала этому смѣху опору. Она шла даже дальше. Она считала ихъ вредными; они понижали революціонное настроеніе и т. д. «Освобожденіе» было послѣдовательно. Послѣ крушенія попытки, которую сдѣлалъ Святуполкъ-Мирскій въ единеніи съ земствомъ, новыя ставки на благоразуміе власти, на инициативу съ ея стороны казались навсегда исключенными. Освободительное движеніе пошло другой дорогой; оно еще до Указа 12 декабря заключило соглашеніе съ Революціей и поставило ставку на Ахеронтъ. Оставалось ожидать ея дѣйствій. Ахеронтъ этихъ надеждъ не обманулъ. Колебанія нашей политики, правительственныя распоряженія, которыхъ каждый день ждали и которыя возбуждали то смѣхъ, то негодованіе, рѣзкіе переходы отъ радости къ отчаянію его всколыхнули.

Самая чувствительная пластинка нашей общественности, учащаяся молодежь не была ни успокоена, ни загнана. Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ перестали идти, цѣлое поколѣніе не училось. Этимъ не огорчались. «Осво-

божденіе» предлагало признать, что «студенты — естественное крыло Освободительнаго Движенія»; оно возмущалось «отечески наставительными совѣтами студентамъ подождать вмѣшиваться въ политику, отдаваться всецѣло наукѣ» и т. д. Либеральныя дѣятели, увлекаясь борьбой съ Самодержавіемъ, ставили цѣлью студенческаго волненія использовать, не успокоить; такая позиція подстрекала къ дальнѣйшему, и волненіе среди молодежи укрѣплялось.

Рабочее движеніе привело съ собой 9 января. Какъ возникло это событіе? Не въ первый разъ обнаружались совмѣстныя дѣйствія революціонеровъ и охраннаго отдѣленія. Оба элемента сочетались въ личности Гапона такъ тѣсно, что раздѣлить ихъ было трудно. Но какъ бы то ни было, массовое пролитіе крови на улицахъ возмутило не только Россію, но и Европу; одни лицемѣрно, ибо истинное свое отношеніе къ пролитію крови они теперь показываютъ при большевикахъ, другіе искренно, но всё не годовали. Роковое событіе было «использовано». «Царь — палачъ народа», писало «Освобожденіе» въ № 64. «На улицахъ Петербурга пролилась кровь и разорвана навсегда связь между народомъ и этимъ царемъ. Все равно, кто онъ, надменный деспотъ, не желающій снисзойти къ народу, или презрѣнный трусъ, боящійся стать лицомъ къ лицу съ той стихіей, изъ которой онъ почерпалъ силы». Тѣ, кто тогда такъ писали, не задумывались въ то время надъ тѣмъ, что «палачъ народа» испытывалъ. Послѣ революціи въ 1917 году, когда мы осматривали Зимній Дворецъ, одинъ изъ служителей показалъ намъ окно, изъ котораго, по его рассказамъ, дрожавшій, испуганный, потерявшій голову царь съ ужасомъ и страхомъ смотрѣлъ на толпу и на выстрѣлы.

Волновался и самый страшный Ахеронтъ — крестьянство. Могла ли его хоть сколько-нибудь успокоить постановка правовой крестьянской проблемы въ Комитетѣ Министровъ? Въ глазахъ крестьянъ ихъ вопросъ давно превратился въ походъ на землю помѣщиковъ. Такая упрощенная постановка вопроса была заслуженной Немезидой политикѣ нашей власти; эта программа вдохновляла партіи, которыя работали въ крестьянской средѣ. Освободительное Движеніе заключило и съ ними союзъ и мѣшало имъ не могло. Оно въ извѣстной мѣрѣ усвоило эту программу, стараясь придать ей видимость государственной мѣры. Такъ родился планъ сословнаго прину-

дителяго отчужденія и раздачи земель, который пришлось испытать уже конституціонной Россіи.

Усилился терроръ. Въ февралѣ былъ убитъ Великій Князь Сергій Александровичъ. Чѣмъ бы ни было вызвано это убійство, мстью за прошлое или предосторожностью противъ будущаго, убійство ударило по нервамъ и воображенію. Оно показалось отвѣтомъ на обманутыя ожиданія общества, на кровь 9-го января.

Наконецъ, непрощенный союзникъ Освободительнаго Движенія, имѣвшій свои особыя цѣли, — Японія, — взявъ Портъ-Артуръ и показала, что война нами можетъ быть проиграна: бороться на два фронта официальной Россіи было уже не по силамъ. Если Освободительное Движеніе, того не желая, помогало успѣху японцевъ, то Японія за эту услугу ему заплатила сторицей.

Такъ къ 905 году образовался одинъ общій фронтъ, отъ революціонеровъ до консервативныхъ слоевъ нашего общества. Единомыслія въ этомъ лагерѣ быть не могло. Но въ одномъ всё были согласны: что продолжать по-прежнему невозможно. Противъ этого оппозиціоннаго фронта стояло Самодержавіе со своимъ еще сильнымъ государственнымъ аппаратомъ, но смущенное проявленной къ нему общей враждебностью и сконфуженное неудачей въ Японской войнѣ. Его ресурсы были еще очень велики; примѣръ большевиковъ доказываетъ, какова сила сопротивленія даже ненавистой и безумной государственной власти. Общественные слои, которые связали судьбу свою и Россіи съ Самодержавіемъ, требовали, чтобы Самодержавіе пустило въ ходъ эту силу. Они увѣряли, что стоитъ серьезно ударить по Освободительному Движенію, и все успокоится. Временный успѣхъ такая политика могла бы имѣть. Но на этотъ путь Самодержавіе вступить не рѣшалось; оно не могло подражать большевикамъ; не могло спокойно жертвовать Россіей, рѣшивъ въ случаѣ пораженія уйти, хлопнувъ дверью; не могло себя вести какъ разбойникъ въ захваченномъ домѣ, пока его оттуда не выгонять. Перспектива борьбы со всей страной смущала его болѣе, чѣмъ его «преданныхъ вѣрнопопанныхъ»: оно начинало думать о соглашеніи съ врагомъ, объ уступкахъ. И присутствіе въ освободительномъ лагерѣ умѣренныхъ элементовъ, съ которыми говорить было можно, принесло Освободительному Движенію незамѣнимую пользу.

Этого не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ роли, которую умѣренный либерализмъ сыгралъ въ побѣдѣ надъ Самодержавіемъ. Если бы противъ Самодержавія шла одна Революція, Самодержавіе могло бы не уступать. Оно сочло бы себя обязаннымъ бороться съ ней до конца. Оно провозгласило бы слова, непотерявшія своего обаянія: отечество, законность, порядокъ, и стало бы ихъ защищать противъ революціоннаго шквала. Обывательская масса могла пойти за нимъ противъ лозунговъ революціи. Благодаря участию лояльнаго либерализма въ борьбѣ, этого не случилось. Эти слова стояли на его знамени, во имя ихъ онъ велъ борьбу съ Самодержавіемъ. Самодержавіе не могло выставить противъ либерализма идей, которыя могло бы выставить противъ Революціи. Оно не могло бить по либерализму такъ, какъ могло бы бить по Революціи. И потому Самодержавіе колебалось; а его колебанія, нерѣшительность возмущали тѣхъ его прямолинейныхъ совѣтниковъ, которые требовали безпощаднаго примѣненія физической силы и негодовали за то, что правительство церемонится и бездѣйствуетъ. Своимъ бездѣйствіемъ Самодержавіе теряло послѣднихъ друзей. Любопытные мемуары Льва Тихомирова поучительны какъ иллюстрація психологіи, которая стала овладѣвать охранительнымъ лагеремъ. Убѣжденные сторонники Самодержавія покидали его за его слабость и начинали смотрѣть на либерализмъ какъ на силу, которая одна могла бы остановить Революцію. Такимъ былъ не одинъ Тихомировъ. Помню консервативныхъ членовъ московскаго дворянскаго собранія, которые обрадовались «умѣренности» нашихъ рѣчей при обсужденіи дворянскаго адреса и начали задумываться надъ предпочтительностью заключить соглашеніе съ нами, чѣмъ связывать свою судьбу съ разслабленнымъ Самодержавіемъ. Одинъ изъ правыхъ дворянъ пріѣхалъ по мнѣ поговорить откровенно: «чего мы хотимъ? Революціи? Чернаго передѣла?» На мои завѣренія онъ сталъ допытываться: «кого бы, напримѣръ, вы хотѣли провести въ представительное собраніе отъ Москвы?» У меня могло быть только личное мнѣніе; я сказалъ: «Шипова, Муромцева, М. П. Щепкина (старого)». Мой пріятель былъ пораженъ. «Какъ, только такихъ? Съ ними разговаривать можно». Консерваторы того времени опасались, что мы непременно пошлемъ людей революціоннаго стажа, съ тюремнымъ цензуромъ. И я знаю, что

тотъ дворянинъ послѣ разговора со мной голосоваль за нашу адресъ.

Конечно, въ этомъ не было сочувствія либеральной программѣ. Такіе люди были крысы, которыя покидали тонущій корабль и искали спасенія. Въ 1917 г. защитники престола такъ-же бросались подъ знамя Государственной Думы, а позднѣе и Керенскаго. Помощь, которую приносили собой перепуганные обыватели, была невелика; но впечатлѣніе отъ этого повальнаго бѣгства къ противнику было внушительно. Это была котировка политической биржи и она склоняла Самодержавіе къ уступкамъ болѣе, чѣмъ волненія Ахеронта.

Съ точки зрѣнія революціонеровъ это казалось неважно; если бы Самодержавіе вздумало довести дѣло до конца, до гражданской войны, оно бы было раздавлено. Это возможно, но это и было бы несчастьемъ. Не потому только, что пролилась бы лишняя кровь и что неотложныя реформы въ Россіи были бы отсрочены, но потому, что эта война увеличила бы еще болѣе пропасть между властью и обществомъ, которымъ надо было сотрудничать, а не бороться. Продолженіе борьбы укрепило и обострило бы психологію войны и этимъ еще болѣе затруднило бы миръ между ними. Въ великой войнѣ тотъ миръ, который былъ бы возможенъ въ 14 году, сталъ невозможенъ въ 18, а отъ этого проиграли всѣ — и побѣжденные и побѣдители; и по тѣмъ же причинамъ полная побѣда 1917 года сдѣлалась годомъ не обновленія Россіи, какимъ она должна была быть, а годомъ ея крушенія.

Участіе либерализма въ Освободительномъ Движеніи было поэтому въ то время важно и нужно; оно подготовило возможность добровольной уступки 1905 г.; оно дало Россіи серьезный шансъ на излеченіе. Но раньше этого Самодержавіе сдѣлало еще попытку столкнуться съ либерализмомъ безъ рѣшительной капитуляціи. Это была попытка Булыгинской Совѣщательной Думы.

XXIII.

18 февраля 1905 года были опубликованы три важныхъ акта. Во-первыхъ, Манифестъ. Своимъ содержаніемъ онъ напоминалъ Манифестъ 29 апрѣля 81 года, когда-то положившій предѣлъ надеждамъ восьмидесятихъ годовъ.

Освободительное Движеніе объявлялось въ этомъ Манифестѣ «мятежнымъ», «дерзновеннымъ посягательствомъ» на «освященные Православною Церковью и утвержденные законами основные устои Государства Россійскаго».

Такое отношеніе было не ново и во всякомъ случаѣ опредѣленно. Но въ тотъ же день общество прочло второй актъ: Высочайшій Рескриптъ А. Г. Булыгину, каждая строчка котораго Манифесту противорѣчила.

То, что Манифестъ называлъ «мятежнымъ движеніемъ», въ Рескриптѣ изображалось какъ похвальная «готовность народа посвятить свои силы для усовершенствованія государственнаго порядка». А это усовершенствованіе было именно тѣмъ, о чемъ говорили земцы 7 ноября 1904 года, что въ Черниговскомъ адресѣ было названо «дерзостью и безтактностью», что было вычеркнуто изъ Указа 12 декабря, что Манифестъ того-же самаго дня называлъ «посягательствомъ на основные устои Государства Россійскаго».

Чтобы въ этомъ не осталось сомнѣнія, Государь объявлялъ, что «отнынѣ вознамѣрился привлечь достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній».

Одновременное опубликованіе двухъ этихъ актовъ создавало нѣчто комическое по нелогичности. Мы привыкли, что газеты различнаго направленія по разному говорятъ объ одномъ и томъ же событіи. Но чтобы такое различіе обнаруживалось въ двухъ одновременныхъ актахъ, опубликованныхъ отъ Высочайшаго имени, превосходило воображеніе. Помню недоумѣніе читающей публики: что это значило? Угрозы Манифеста уничтожались Рескриптомъ; а надежды, которыя могъ вызвать Рескриптъ, подрывались Манифестомъ. Можно было стать на ту или иную дорогу; но ставить ставку на обѣ, и объявить объ этомъ въ двухъ одновременныхъ актахъ — значило избирать единственный путь, на которомъ спасенія уже быть не могло.

Какъ могло это произойти? Во время Петергофскаго Совѣщанія о Булыгинской Думѣ Государь въ своей вступительной рѣчи напомнилъ, что 18 февраля имъ было подписано два акта, «связь которыхъ не нуждается въ поясненіи». Это все, что онъ сказалъ по этому поводу. Вотъ преимущество Государей: имъ вопросовъ не задаютъ.

Очевидно, никто и не улыбнулся. Но большаго удара лично себѣ Государь не могъ нанести въ глазахъ обоихъ лагерей, на которые тогда раздѣлялась Россія.

Этотъ ударъ пошелъ, конечно, на пользу «движенію». Монархъ публично отрекался отъ тѣхъ защитниковъ своей власти, которые продиктовали ему Манифестъ; они чувствовали себя преданными тѣмъ, чью власть такъ горячо защищали. Вопиющее противорѣчіе кромѣ того громко свидѣтельствовало о слабости Государя, о томъ, что на слово его нельзя положиться. Все это придавало Освободительному Движенію надежды и бодрость. Но это было не все. Знаменательный день 18-го февраля оказалъ Освободительному Движенію другую услугу. Тѣмъ же днемъ опубликованъ былъ третій актъ, наиболѣе скромный по формѣ, но наиболѣе дѣйствительный по содержанію: Высочайшій Указъ Сенату. Освободительно Движеніе въ немъ получило уже нѣчто реальное.

Этотъ Указъ предоставлялъ всѣмъ «вѣрноподаннымъ» возможность быть непосредственно услышаннымъ Государемъ». Въ высказываніи Совѣту Министровъ всякихъ проектовъ государственныхъ преобразованій Указъ видѣлъ уже не «смуту», но «радѣніе объ общей пользѣ и нуждахъ». Указъ обязывалъ Совѣтъ Министровъ такія заявленія не отсылать прокурорамъ, какъ было бы раньше, а разсматривать и обсуждать.

Чего рассчитывали добиться этимъ Указомъ, который переворачивалъ всѣ прежнія представленія о дозволенномъ и запрещенномъ? Очевидно этимъ хотѣли только открыть отдушину, дать безопасный выходъ накопившемуся недовольствію; это казалось шагомъ безобиднымъ и успокоительнымъ. Сами мы, вначалѣ особеннаго значенія Указу не придавали; нѣкоторые находили даже унижительнымъ для насъ обращаться къ Министрамъ. Но практическія послѣдствія этого Указа были громадны. Онъ шелъ дальше Рескрипта того же числа. Рескриптъ предполагалъ давать право совѣщательнаго голоса только «достойнѣйшимъ, довѣріемъ облеченнымъ», избраннымъ отъ населенія людямъ. Онъ не скрывалъ «слабаго развитія нашей гражданственности» и признавалъ необходимымъ «преобразование въ порядкѣ извѣстной послѣдовательности и осмотрительности». Предполагалось нѣчто скромное, при этомъ доступное только просѣяннымъ черезъ горни-

до избранія людямъ; только имъ давался никого не обязывающій совѣщательный голосъ, право разсуждать о дѣлахъ государства.

Эта осторожность въ Указѣ Сенату была отброшена. Указъ объявлялъ всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, что существующій государственный строй «пересматривается». Приглашала всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ принять участие въ его пересмотрѣ и присылать свои предположенія Совѣту Министровъ. Никакихъ формальныхъ условій для этого поставлено не было; какъ будто уже не было прежнихъ строгихъ законовъ, ограничивавшихъ право слова и право собраній; какъ будто уголовныя статьи, которыя карали за стремленіе измѣнить законный порядокъ, болѣе не существовали. Сама верховная власть этимъ Указомъ закладывала мину, которая должна была взорвать тотъ порядокъ, который она съ такимъ упорствомъ до тѣхъ поръ защищала. Обывательская масса, чуждая политикѣ или по крайней мѣрѣ ничѣмъ бы для нея не рискнувшая, съ высоты престола приглашалась къ обсужденію самыхъ острыхъ государственныхъ вопросовъ. Враги Самодержавія этимъ получали помощь, на которую недавно не смѣли рассчитывать. Освободительное Движеніе этимъ воспользовалось и послѣдствія этого быстро сказались.

25 іюня 905 года въ «Освобожденіи» была опубликована любопытная меморія Совѣта Министровъ по поводу Указа 18 февраля:

«Населеніе Имперіи», говоритъ меморія, «пожелало широко воспользоваться дарованнымъ правомъ; частныя лица стали группироваться въ кружки, публично обсуждать указанные выше вопросы; то же самое имѣетъ мѣсто въ частныхъ обществахъ и въ засѣданіяхъ Городскихъ Думъ и земскихъ собранійхъ, хотя законъ до сихъ поръ уполномочивалъ и тѣхъ и другихъ заявлять ходатайства лишь о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Вопросъ о предѣлахъ и степени допустимости этихъ собраній и совѣщаній и объемъ дарованныхъ населенію правъ толкуется мѣстными властями очень различно... Враги существующаго порядка, пользуясь всякими поводами къ преступной пропагандѣ, безъ сомнѣнія не преминутъ и въ настоящемъ случаѣ проявить свою дѣятельность».

Иначе, конечно, быть не могло и было удивительно, если этого не предвидѣли. Но что-же дѣлать теперь? Взять назадъ, или, по позднѣйшей терминологіи, «разъяснить»

Указъ? Меморія находитъ, что это опасно. «Умаленіе въ чемъ либо значенія только что оказанной В. И. В. милости произведетъ тягостное впечатлѣніе на населеніе». Но меморія не мирится съ логическими послѣдствіями того, что уже сдѣлано. Она только заключаетъ, будто власть недостаточно пользуется предоставленными ей правами по предупрежденію беззаконій и рекомендуетъ ей впредь это дѣлать; а если бы ея правъ оказалось для этого мало, то можно будетъ ихъ увеличить, для чего Министру Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи предоставляется разослать циркуляры.

Такое никчемное рѣшеніе показывало непониманіе серьезности положенія.

Надо прямо признать, что Указъ Сенату, призывавшій населеніе высказываться объ измѣненіяхъ государственнаго строя въ Россіи, находился въ такомъ противорѣчій съ идеологіей и практикой нашей страны, что онъ долженъ былъ либо остаться мертвою буквою, либо своимъ примѣненіемъ внести хаосъ въ русскую жизнь. Но ему было трудно остаться мертвою буквою. При самодержавномъ строѣ, когда воля Самодержца отмѣняла всякій законъ, Указъ былъ уже положительнымъ правомъ. Рѣшить, какъ сочетать этотъ революціонный указъ съ прежними нормами, какія изъ нихъ видоизмѣнить, какія считать отмѣненными, рѣшить эти вопросы въ рамкахъ существовавшихъ законовъ было нельзя. Этимъ благонамѣреннымъ указомъ правовая анархія была произведена въ первый, но не въ послѣдній разъ. *Mutatis mutandis* таковы же были послѣдствія Указа 27 августа объ университетской автономіи и самого Манифеста 17 октября. Въ-мѣсто новыхъ законовъ, устанавливавшихъ новыя права для населенія, въ него были брошены лозунги, которые противорѣчили укладу нашей общественной жизни, и по неизбежности питали конфликты, подрывая уваженіе и къ закону и къ власти.

Дѣятели Освободительнаго Движенія были бы очень неловки, если бы они не использовали всѣхъ тѣхъ возможностей, которыя Указъ имъ предоставилъ. Указъ открылъ имъ путь къ населенію, въ самую толщу обывательской массы, и поставилъ ихъ агитацію подъ защиту Высочайшаго приглашенія. Тотъ, кто посовѣтовалъ Государю издать этотъ Указъ, былъ или очень хитеръ, или очень наивенъ.

Другимъ послѣдствіемъ того же Указа явилась легкость политической организаціи общества.

При Самодержавномъ режимѣ въ Россіи не могло быть политическихъ партій. По остроумному выраженію В. Д. Кузьмина-Караваева, «въ Россіи могли быть только политическіе преступники». Были лишь революціонныя партіи, существованіе которыхъ констатировалось, когда за участіе въ нихъ подвергали преслѣдованіямъ. Освободительная эпоха сопровождалась общимъ оживленіемъ общественной жизни; оно сказалось и въ усиленномъ созданіи различныхъ профессиональныхъ союзовъ. Объединеніе для совмѣстной работы, очевидно, было уже нѣкоторымъ проявленіемъ общественной самодѣятельности. Указъ Сенату 18 февраля тотчасъ отразился на этихъ союзахъ. Когда всѣ были призваны подавать голоса о переустройствѣ Россіи, въ каждомъ союзѣ находились лица, которые передъ нимъ эти вопросы ставили. При повышенномъ тонѣ общественной жизни союзы отъ этого не уклонились. Болѣе того: сами союзы стали возникать специально для использования Указа 18 февраля, т. е. для совмѣстнаго заявленія политическихъ требованій.

Такъ профессиональное движеніе этого времени получило соотвѣтственный отпечатокъ; оно завершилось позднѣе образованіемъ «Союза Союзовъ», для котораго не было никакого *raison d'être*, если-бы союзы оставались на профессиональной почвѣ. Вся русская интеллигенція получила благодаря союзамъ легальную возможность организоваться. Процессы, которые въ это время происходили въ союзахъ, были настолько общи, что съ большими или меньшими вариантами повторялись повсюду. Тѣ, которые жили въ эту эпоху, помнятъ, что у нихъ происходило. Для иллюстраціи припомню союзъ, въ которомъ участвовала лично, — союзъ адвокатскій.

Адвокатскія объединенія существовали давно. Я объ нихъ говорилъ *). Начало Освободительнаго Движенія совпало по времени съ возобновеніемъ судебного разбирательства для политическихъ дѣлъ; эта реформа вызвала къ жизни специальное адвокатское объединеніе — политическихъ защитниковъ. По цѣлямъ, которыя оно себѣ ставило, политическій элементъ положилъ на него свой оттѣнокъ. Члены объединенія, по какимъ бы парті-

*) «Соврем. Записки» № 42.

ямъ они потомъ ни разбрелись, были во всякомъ случаѣ оппозиціонно настроены; иначе ихъ не тянуло бы къ политическимъ защитамъ. Политическіе защитники и составили ядро для союза. Онъ начался характерно. Послѣ Указа 18 февраля московская адвокатура не могла отказать предоставить Совѣту Министровъ и свои пожеланія. Въ началѣ марта, по инициативѣ кружка политическихъ защитниковъ, для этой цѣли состоялось официальное собраніе адвокатуры. Оно было заранее подготовлено; роли распределены и резолюціи выработаны. На собраніе былъ внесенъ и проектъ образовать Союзъ Адвокатовъ. Былъ назначенъ организационный сѣздъ въ Петербургѣ и выбраны делегаты. Такъ адвокатскій союзъ оказался символически связаннымъ съ Указомъ Сенату.

Предположенный сѣздъ собрался въ концѣ марта. Никто не спрашивалъ для него разрѣшенія; право собиранья предполагалось установленнымъ Указомъ Сенату. Это казалось настолько безспорнымъ, что первое засѣданіе было назначено не на частной квартирѣ, а въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Сѣздъ начался очень торжественно, подъ предсѣдательствомъ Ф. И. Родичева. Припоминая поучительное начало этого сѣзда. На сѣздѣ была приглашена и польская адвокатура; организаторы видѣли въ этомъ только признаніе равноправія съ Польшей, наличие у всѣхъ общаго дѣла. Щекотливыхъ политическихъ разномысліи по этому поводу мы не ожидали. Польскіе делегаты прибыли въ другомъ настроеніи. Они заявили, что примутъ участіе въ сѣздѣ, только если будутъ находиться въ русскими на равныхъ правахъ, т. е. если Россія и Польша представляютъ собой двѣ равноправныя единицы. Такъ былъ поставленъ вопросъ громадной политической важности и остроты; хорошо обдуманнѣй и подготовленнѣй поляками, онъ засталъ насъ совершенно врасплохъ. Кромѣ общихъ благожелательныхъ формулъ въ нашемъ распоряженіи по этому вопросу не было рѣшительно ничего. Мы объ этомъ раньше не думали. Въ привезенной поляками резолюціи вопросъ былъ поставленъ конкретно; въ ней указывалась необходимость установить «польскую автономію». Только при этомъ условіи поляки соглашались съ нами работать. Къ принятію серьезно такого рѣшенія готовы мы не были. И это очень характерно. Не только потому, что Освободительное Движеніе, загипнотизированное своей борьбой съ Самодер-

жавіемъ, о многомъ не думало; оно не оцѣнивало напряженности требованій національныхъ меньшинствъ; оно такъ же мало ждало ультимативнаго требованія автономіи, какъ послѣ 917 г., въ періодъ «самоопредѣленія народностей», оно не предвидѣло сепаратизма и другихъ явленій этой эпохи. Прогрессивные дѣятели Россіи были увѣрены, что національности не будутъ заявлять претензій къ возрожденной Россіи. Какъ позднѣе въ 1917 г., имъ казалось тогда, что всѣ будутъ спокойно ждать Учредительнаго Собранія. Но не менѣе характерно, насколько собраніе адвокатовъ, людей культурныхъ и образованныхъ, по профессіи связанныхъ съ самыми разнообразными правовыми проблемами государства, оказалось мало подготовленнымъ къ роли государственнаго устройства Россіи, которую оно съ такой легкостью брало на себя. Ни у кого по этому политическому предложенію не было мѣнія. Вопросы объ единствѣ Россіи, о возможности ее сохранить при автономіи Царства Польскаго, о польской проблемѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, всѣ рѣшались экспромтомъ, по одному настроенію.

Сначала оно было не въ пользу поляковъ; ихъ ультиматумъ тогда многихъ задѣлъ; ихъ заявленіе было встрѣчено холодно, и мы были близки къ разрыву. Положеніе спасъ Ф. И. Родичевъ. Онъ сказалъ одну изъ тѣхъ полныхъ идеализма рѣчей, которыми на эти темы онъ заражалъ своихъ слушателей. Подъемъ мысли и красота словъ однихъ устыдили, другихъ увлекли. Польскія условія были приняты *par acclamation*, и этимъ адвокатскій съездъ экспромтомъ одобрилъ польскую автономію. Съ нашей стороны это рѣшеніе тогда не было сознательнымъ актомъ. Мы только испытали на себѣ преимущество тѣхъ, кто приходитъ съ готовымъ рѣшеніемъ, и его навязываетъ неподготовленному большинству обывателей; иными словами мы въ этотъ разъ оказались жертвами той самой системы, которую до тѣхъ поръ примѣняли къ другимъ. Въ самомъ же рѣшеніи къ счастью мы не ошиблись.

Засѣданіе еще не было кончено и даже не было приступлено къ главному предмету занятій, когда явилась полиція. Опираясь на формальныя узаконенія, она требовала предъявленія разрѣшенія на это собраніе, угрожая въ противномъ случаѣ насъ разогнать, какъ незаконное собраніе. Мы въ отвѣтъ ссылались на право, дарованное намъ Высочайшимъ Указомъ Сенату. Обѣ стороны были по сво-

ему правы. Но въ первой стычкѣ съ полиціей мы уступили, не желая подводить Вольно-Экономическое Общество и, «подчиняясь насилію», очистили залъ. Но свой реваншъ мы взяли. Съѣздъ продолжалъ засѣдать на частныхъ квартирахъ. Въ нихъ опять являлась полиція; но на частныхъ квартирахъ мы были упорнѣе и предлагали примѣнить къ намъ силу не символически. Но тогдашняя власть была не большевистская. Полиція отступала, не зная, что дѣлать. Указъ былъ ей знакомъ, а политика завтрашняго дня была неизвѣстна. Она пугала, грозила, но дѣйствовать не рѣшалась; наконецъ намѣтился компромиссъ; мы стали давать списки участниковъ, не подчинившихся приказу уйти; полиція составляла на нихъ протоколы для дальнѣйшаго направленія дѣла, но намъ не мѣшала.

Преипирательство съ полицейскими могло имѣть и смѣхотворный финалъ. Чтобы дать ходъ протоколамъ, въ то время составленнымъ, придумали привлечь участниковъ съезда по 126-й статьѣ Уложения. Можно себѣ представить процессъ нѣсколькихъ сотенъ адвокатовъ по этой статьѣ послѣ того, какъ было возвѣщено преобразование строя Россіи и всѣмъ предоставлено сообщать свои мнѣнія. Надъ привлеченіемъ насъ смѣялись безъ исключенія всѣ, и только октябрьская амнистія избавила судъ отъ такой судебной комедіи.

Что же дѣлалъ этотъ профессиональный адвокатскій Союзъ, созданный съ такой помпой и трескомъ, оповѣстившій о своемъ рожденіи въ «Освобожденіи», съ перечисленіемъ тамъ (по его собственной просьбѣ) именъ всѣхъ участниковъ Петербургскаго съезда? Я помню полезную практическую работу многихъ адвокатскихъ обществъ, консультацій, кружковъ, организацій политическихъ или уголовныхъ защитниковъ и т. д.; но въ моей памяти не осталось никакого слѣда отъ профессиональной работы Союза. Весь его *raison d'être*, ради котораго онъ созданъ и съ которымъ окончился — было принятіе и опубликованіе нѣсколькихъ политическихъ резолюцій. Въ нихъ были трафареты (Учредительное Собраніе, четыреххвостка), въ которыхъ заключалась вся политическая мудрость этого времени; съ ними если и спорили, то только тѣ, которые хотѣли идти еще дальше. Такъ, предложеніе вступить всѣмъ членамъ профессиональнаго адвокатскаго союза въ политическій «Союзъ Освобожденія»

было отвергнуто лишь потому, что нѣкоторые изъ участниковъ уже были членами революціонныхъ социалистическихъ партій. Помню другое предложеніе — поставить въ программу профессиональнаго союза борьбу съ капитализмомъ и собственностью, что вызвало реплику даже отъ дѣваго М. Л. Мандельштама. Всѣ подобныя предложенія носили характеръ несерьезныхъ импровизаций. Но неожиданно открывшіяся между нами разномыслія и неумѣніе ихъ примирить тѣмъ вѣрнѣ вели къ принятію всепокрывающей спасительной формулы о подчиненіи себя «волю народа», которая выразится въ Учредительномъ Собраніи по четыреххвосткѣ. Вѣра въ то, что Учредительное Собрание всевѣдуще и всемогуще, что оно найдетъ для всего разумный исходъ, что оспаривать волю народа есть богохульство — было той мистической основой, безъ которой Освободительное Движеніе этого времени невозможно понять.

Я говорилъ объ адвокатскомъ союзѣ; но съ нѣкоторыми вариантами таковы были всѣ. Всѣ они обнимали самыхъ видныхъ членовъ профессіи, создавались какъ бы для обсужденія профессиональныхъ нуждъ, а на дѣлѣ становились простыми формами политической агитации. Они излагали условія, въ которыхъ ихъ профессиональная дѣятельность могла бы правильно развиваться и заключали, что первой и необходимой предпосылкой для этого есть Учредительное Собрание по четыреххвосткѣ. Тенденціозность такихъ заключеній хорошо понимали и тѣ, кто ихъ принималъ. Но на время они создавали видимость единомыслія въ общественномъ мнѣніи. Послѣ 17 октября всѣ эти союзы умерли естественной смертью; никому они были болѣе ненужны.

Я хочу мимоходомъ здѣсь упомянуть о союзѣ, который стоялъ въ сторонѣ, о союзѣ крестьянскомъ. Что было ему дѣлать въ интеллигентской средѣ? Помню удивленіе, когда этотъ союзъ впервые заявилъ о своемъ желаніи присоединиться къ Союзу Союзовъ. Онъ не могъ называться профессиональнымъ союзомъ, не могъ по удѣльному вѣсу стоять на одной доскѣ съ адвокатами или профессорами. Я даже не помню теперь, былъ ли онъ принятъ формально въ центральную организацію, но это неважно.

Въ немъ, какъ въ увеличительномъ зеркалѣ, отразились всѣ свойства профессиональныхъ союзовъ. И создалъ

ся онъ тѣмъ же путемъ. Организаторами его были не крестьяне, а тѣ-же интеллигенты, политики; они пришли съ готовой программой, которую оставалось только провести въ аморфной политически крестьянской средѣ. Крестьянская масса для подобныхъ вопросовъ была подготовлена еще меньше, чѣмъ выборные делегаты профессиональныхъ союзовъ, и инициатива вожаковъ въ ней встрѣчала поэтому еще меньшее сопротивленія. Пропаганда же среди крестьянъ облегчалась тѣмъ, что у крестьянъ уже были готовы тѣ ячейки для постановленій, которыя въ интеллигентской средѣ надо было еще создать; у крестьянъ было «сельское общество» и институтъ «приговоровъ». Оставалось найти людей, которые соглашались бы взять на себя инициативу; къ отысканію ихъ свелась дѣятельность организаторовъ. Указъ 18 февраля далъ имъ для этого легальную почву. Благодаря этому крестьянскія общества получили право, котораго раньше никто изъ нихъ не имѣлъ, безнаказанно излагать властямъ свои пожеланія. Эти пожеланія у нихъ были давно; они сводились къ требованію себѣ земли своихъ бывшихъ помѣщиковъ. Возможность заявлять это въ формѣ легальной, какъ будто по приглашенію самого Государя, ничѣмъ не рискуя, была такъ близка крестьянскому сердцу, что приговоры объ этомъ стали писаться десятками, безъ малѣйшаго колебанія. А потребовать землю, крестьяне безъ возраженій включали под-сказанныя имъ пожеланія объ Учредительномъ Собраніи и о четырехвосткѣ. Это казалось дешевой платой за землю. И провести такую процедуру было ничуть не болѣе трудно, чѣмъ заставить послѣ 1917 г. прославлять Республику, III-й Интернаціональ, и даже «ликвидацию кулачества, какъ класса». Позднѣйшая судьба Крестьянскаго Союза была иная, чѣмъ у другихъ союзовъ: самое его присоединеніе къ нимъ было искусственнымъ. Но въ свое время оно было полезно движенію; крестьянство приобрѣло видимость организованности и его программа, т. е. якобы подлинная народная воля, соблазнительно совпадали съ программой «Освобожденія». Впечатлѣніе отъ этого было внушительно.

Было бы конечно легкомысленно приписывать Указу эти явленія нашей жизни. Если бы общество было довольно или по крайней мѣрѣ спокойно, Указъ ничего бы не создалъ. Освободительное Движеніе родилось изъ причинъ историческихъ, приведшихъ все населеніе къ повышенно-

му политическому интересу, къ той жадѣ политическихъ перемѣнъ, которая бываетъ въ переломные періоды государственной жизни. Но Указъ не только далъ пищу этому настроенію, онъ повліялъ на самый характеръ движенія. Онъ открылъ агитаціи доступъ въ тѣ слои русскаго общества, которые большихъ политическихъ проблемъ до тѣхъ поръ передъ собой не ставили. Политическое движеніе послѣ этого стало быстро демократизироваться; оно перестало быть занятіемъ оторванной отъ народа элиты; стало находить сочувствіе въ обывательской толщѣ. Даромъ это ему не прошло; когда политика вышла на улицу, она естественно стала приспособляться къ упрощенному пониманію «улицы». Но, что еще хуже, культурные люди, которые создали это движеніе, поддавались обаянію порожденной ими же фикціи; профессиональные союзы, ихъ объединяющій органъ Союзъ Союзовъ сталъ казаться выраженіемъ дѣйствительной воли народа. Постановленія его казались внушительнѣйшій обѣденныхъ резолюцій, бавжетныхъ кампаний и нелегальной печати.

Въ статьѣ «Россія организуется» (№ 79, июль 1905 г.) «Освобожденіе» съ удовольствіемъ отмѣчало: «по мѣрѣ того какъ правительство дезорганизуется, русское общество организуется». Организацию Россіи оно видѣло именно въ союзномъ интеллигентскомъ движеніи. Послѣднее уже противопоставляется «земцамъ», которые «своими ошибками и безтактностями успѣли вызвать къ себѣ недовѣріе». Насмѣшки надъ «осторожностью» земцевъ, надъ ихъ «нерѣшительностью», оспариваніе самого ихъ права считать себѣя руководителями общественнаго движенія, стало излюбленной темой на собраніяхъ союзовъ. Союзное движеніе шло помимо земцевъ и дальше ихъ. Этого мало; нападки на земцевъ, подкрѣпляемые ссылками на широкое общество, на демократію, производили впечатлѣніе на самихъ земцевъ. Они стали подчиняться новымъ руководителямъ общества и вслѣдствіе этого терять свое лицо и свое особое мѣсто въ государствѣ. Это заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

В. Маклаковъ.

Искусство при свѣтѣ совѣсти *)

ЗЕРНО ЗЕРНА.

...И шлешь отвѣтъ.
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Не-поэтъ, надъ-поэтъ, больше чѣмъ поэтъ, не только поэтъ — но гдѣ-же и что-же поэтъ во всемъ этомъ? Der Kern des Kernes, зерно зерна.

Поэтъ есть отвѣтъ.

Отъ низшей степени простого рефлекса до высшей — гётевскаго отвѣтствованія — поэтъ есть опредѣленный и неизмѣнный душевно-художественный рефлексъ: на что — уже вопросъ — можетъ-быть просто объёма мозга. Пушкинъ сказалъ: на всё. Отвѣтъ генія.

Этотъ душевно-художественный рефлексъ и есть зерно зерна, объединяющее и безымяннаго автора частушки и автора Второго Фауста. Безъ него поэта нѣтъ, вѣрнѣе оно-то и есть поэтъ. Никакими извилинами мозга не объяснимое чудо поэта.

Рефлексъ до всякой мысли, даже до всякаго чувства, глубочайшая и быстрѣйшая, какъ электрическимъ токомъ, пронзенность всего существа даннымъ явленіемъ и одновременный, почти-что преждевременный на него отвѣтъ.

Отвѣтъ не на ударъ, а на колебаніе воздуха — вещи, еще не двинувшейся. Отвѣтъ на до-ударъ. И не отвѣтъ, а до-отвѣтъ. Всегда на явленіе, никогда на вопросъ. Само явленіе и есть вопросъ. Вещь поэта самоударяетъ — собой, самовопрошаетъ — собой. Приказъ къ отвѣту само явленія — еще не явленнаго и явленнаго только че-

*) См. «Современ. Записки» № 50.

резь отвѣтъ. Приказъ? Да, если S. O. S. — приказъ (неотразимѣйшій изъ всѣхъ).

Раньше, чѣмъ было (было-то всегда, только до времени еще не дошло, — такъ тотъ берегъ еще не дошелъ до парома). Оттого рука поэта такъ часто и повисаетъ въ воздухѣ, что упоръ — во времени — еще не существовать (nicht vorhanden). Рука поэта — пусть повисла въ воздухѣ! — явление создаетъ (досоздаетъ). Эта рука, повисшая въ воздухѣ, и есть поэтово — несовершенное, полное отчаянія, но всё-же творческое, всё-же: будь. (Кто меня звалъ? — Молчание. — Я долженъ того, кто меня звалъ, создать, то-есть — назвать. Таково поэтово «отозваться»).

Еще одно. «Душевно-художественный рефлексъ». Художественно — болевой, ибо душа наша способность къ боли — и только. (Къ не-головной, не-зубной, не-горловой — не — не — не и т. д. боли — и только).

Это зерно зерна поэта — и непремѣнное художество въ сторону — сила тоски.

ПРАВДА ПОЭТОВЪ.

Такова и правда поэтовъ, самая неодолимая, самая неуловимая, самая бездоказательная и убѣдительная, правда, живущая въ насъ только какую-то первую згу воспріятія (что это было?) и остающаяся въ насъ только, какъ слѣдъ свѣта или утраты (да было ли?). Правда безотвѣтственная и безслѣдственная, которой — ради Бога — и не пытаться слѣдовать, ибо она и для поэта безвозврата. (Правда поэта — тропа, заростающая по слѣдамъ. Безслѣдная бы и для него, если бы онъ могъ идти позади себя). Не зналъ, что произнесетъ, а часто и что произносить. Не зналъ, пока не произнесъ, и забылъ, какъ только произнесъ. Не одна изъ безчисленныхъ правдъ, а одинъ изъ ее безчисленныхъ обликовъ, другъ друга уничтожающихъ только при сопоставленіи. Разовые аспекты правды. Просто — уколъ въ сердце Вѣчности. Средство: сопоставленіе двухъ самыхъ простыхъ словъ, ставшихъ рядомъ именно такъ. (Иногда — разъединеніе одного тирэ!).

Есть такой замокъ, открывающійся только при такомъ-

то соединеніи цифръ, зная которое открыть — ничто, не зная — чудо или случай. Чудо-случай, происшедшее кстатисъ моимъ шестилѣтнимъ сыномъ, повернувшимъ и открывшемъ защелкнутую у себя на шеѣ такую цѣпочку сразу и этимъ повергшемъ обладателя цѣпочки — въ ужасъ. Знаетъ или не знаетъ поэтъ соединеніе цифръ? (Въ поэтовомъ случаѣ — ибо весь міръ подъ замкомъ и всё надо открыть — каждый разъ разное, что ни вещь то замокъ, а подъ замкомъ данна правда, каждый разъ разная — единоразовая — какъ самъ замокъ). Знаетъ ли поэтъ — вѣ соединенія цифръ?

У моей матери было свойство — переставлять среди ночи, когда остановились, часы. Въ отвѣтъ на ихъ, вмѣсто тиканья, тишину, отъ которой вѣроятно и просыпалась, переводить въ темнотѣ, не глядя. Утромъ часы показывали то, полагаю — именно то абсолютное время, котораго такъ и не добился тотъ несчастный коронованный созерцатель столькихъ противорѣчивыхъ циферблатовъ и слушатель столькихъ несопадающихъ звоновъ.

Часы показывали то.

Случайность? повторяющаяся каждый разъ есть въ жизни человѣка — судьба, въ мірѣ явленій — законъ. Это былъ законъ ея руки. Законъ знанія ея руки.

Не: «у моей матери было свойство», у ея руки было свойство — правды.

Не играючи какъ мой сынъ, не самоувѣренно какъ хозяинъ замка, и не вѣще какъ тотъ предполагаемый математикъ — и слѣпо и вѣще — повинуюсь только рукѣ (которая — сама — чему?) такъ поэтъ открываетъ замокъ.

Одного только жеста у него нѣтъ: самоувѣреннаго — въ себѣ какъ въ замкѣ увѣреннаго — жеста собственника замка. Поэту въ собственности не принадлежитъ ни одинъ замокъ. Потому открываетъ всё. И потому же, открывая каждый сразу, вторично не откроетъ ни одного. Ибо не собственникъ, а только прохожій секрета.

СОСТОЯНІЕ ТВОРЧЕСТВА.

Состояніе творчества есть состояніе навожденія. Пока не началъ — *obsession*, пока не кончилъ — *possession*. Что-то, кто-то въ тебя вселяется, твоя рука исполнитель — не тебя, а того. Кто — онъ? То, что черезъ тебя хочетъ быть.

Меня вещи всегда выбирали по примѣтѣ силы и писала я ихъ часто — почти противъ воли. Всѣ мои русскія вещи таковы. Какимъ-то вещамъ Россіи хотѣлось сказаться, выбрали меня. И убѣдили, обольстили — чѣмъ? моей собственной силой: только ты! Да, только я. И поддавшись — когда зряче, когда слѣпо — пѣвничовалась, выискивала ухомъ какой-то заданный слуховой урокъ. И не я изъ ста словъ (не рифмъ! посреди строки) выбирала — сто первое, а она (вещь), на всѣ сто эпитетовъ упиравшаяся: м е н я не такъ зовутъ.

Состояніе творчества есть состояніе сновидѣнія, когда ты вдругъ, повинуваясь неизвѣстной необходимости, поджигашь домъ или сталкиваешь съ горы пріятеля. Твой ли это поступокъ? Явно — твой (спишь, сн и ш ь въдь ты!). Твой — на полной свободѣ, поступокъ тебя безъ совѣсти, тебя — природы.

Рядъ дверей, за одной кто-то — что-то — (чаще ужасное) ждетъ. Двери одинаковы. Не эта — не эта — не эта — та. Кто мнѣ сказалъ? Никто. Узнаю нужную по всѣмъ неузнаннымъ (ту — по всѣмъ не-тѣмъ). Такъ и со словами. Не это — не это — не это — т о. По явности не-этого узнаю, т о. Всякому спящему и пишущему родной — ударъ узнаванія. О, спящаго не обманешь! Знаетъ друга и знаетъ врага, знаетъ дверь и знаетъ провалъ за дверью — и на все это: и друга, и врага, и дверь, и дыру — обреченъ. Не обманетъ спящаго даже самъ спящій. Тщетно говорю себѣ: не войду (въ дверь), не загляну (въ окно) — знаю, что войду, еще говоря: не загляну — заглядываю.

О, спящаго не спасешь!

Есть впрочемъ и во снѣ лазейка: когда будетъ слишкомъ ужасно — проснусь. Во снѣ — проснусь, въ стихахъ — упрюсь.

Кто-то мнѣ о стихахъ Пастернака: — Прекрасные стихи, когда вы всё такъ объясните, но къ нимъ бы нужно приложить ключъ.

Не къ стихамъ (снамъ) приложить ключъ, а сами стихи ключъ къ пониманію всего. Но отъ пониманія до признанія не одинъ шагъ, а никакого: понять и есть принять, никакого другого пониманія нѣтъ, всякое иное пониманіе — непониманіе. Не даромъ французское *comprendre* одновременно и понимать и обнимать, то-есть уже принять: включить.

Поэта, не принимающаго какой бы то ни было стихин — слѣдовательно и бунта — нѣтъ. Пушкинъ Николая опасался, Петра боготворилъ, а Пугачева — любилъ. Не даромъ всѣ ученики одной замѣчательной и зря-забытой поэтессы, одновременно преподавательницы исторіи, на вопросъ попечителя округа: «Ну, дѣти, кто же вашъ любимый царь?» — всѣмъ классомъ: — Гришка Отрепьевъ!

Найдите мнѣ поэта безъ Пугачева! безъ Самозванца! безъ Корсиканца! — в н у т р и. У поэта на Пугачева можетъ только не хватить силъ (средствъ). *Mais l'intention u est — toujours.*

Не принимаетъ (отвергаетъ и даже — извергаетъ) человѣкъ: воля, разумъ, совѣсть.

Въ этой области у поэта можетъ быть только одна молитва: о непониманіи неприемлемаго: не пойму да не обольщусь, единственная молитва поэта — о неслышаніи голосовъ: не услышу — да не отвѣчу. Ибо услышать, для поэта, — уже отвѣтить, а отвѣтить — уже утвердить — хотя бы страстностью своего отрицанія. Единственная молитва поэта — молитва о глухости. Или ужъ — труднѣйшій выборъ по качеству слышимаго, то-есть насильственное затыканіе себѣ ушей — на рядъ зововъ, неизмѣнно-сильнѣйшихъ. Выборъ отродясь, то-есть слышанье только важнаго — благодать, почти никому не данная.

(На Одиссеевомъ кораблѣ ни героя ни поэта не было. Герой тотъ, кто и несвязанный устоитъ и безъ воску въ ухахъ устоитъ, поэтъ тотъ кто и связанный бросится, кто и съ воскомъ въ ухахъ услышитъ, то-есть опять-таки бросится.

Единственное отродясь непонимаемое поэтомъ — полумѣры веревки и воска).

Вотъ Маяковскій поэтъ въ себѣ не превозмогъ и получилъ революціоннѣйшимъ изъ поэтовъ воздвигнутый памятникъ добровольческому вождю. (Поэма Крымъ, двѣнадцать безсмертныхъ строкъ). Нельзя не отмѣтить лукавства тѣхъ или иныхъ силъ, выбирающихъ себѣ гла-

шатая именно изъ враговъ. Нужно же, чтобы тотъ послѣдній Крымъ былъ данъ — именно Маяковскимъ!

Когда я тринадцати лѣтъ спросила одного стараго революціонера: — Можно ли быть поэтомъ и быть въ партіи? — онъ не задумываясь отвѣтилъ: — Нѣтъ.

Такъ и я отвѣчу: — Нѣтъ.

Какова же стихія, каковъ же демонъ вселившійся въ тотъ часъ въ Маяковскаго и заставившій его написать Врангеля. Вѣдь Добровольчество, теперь уже всеми признано, стихійнымъ не было. (Развѣ что — степи, которыми шли, пѣсни, которыя пѣли...).

Не Бѣлое движеніе, а Черное море, въ которое, трижды поцѣловавъ русскую землю *), ступилъ Главнокомандующій.

Черное море того часа.

Не хочу служить трамплиномъ чужимъ идеямъ и громкоговорителемъ чужимъ страстямъ.

Чужимъ? А есть ли для поэта — чужое? Пушкинъ въ Скупомъ Рыцарѣ даже скупость присвоилъ, въ Сальери — даже без-дарность. Не по примѣтѣ же чуждости, а именно по примѣтѣ родности стучался въ меня Пугачевъ.

Тогда скажу: не хочу не вполне моего, не завѣдомо моего, не самаго моего.

А если самое-то мое (откровеніе сна) и есть — Пугачевъ?

— Ничего не хочу, за что въ 7 ч. утра не отвѣчу и за что (безъ чего) въ любой часъ дня и ночи не умру.

За Пугачева не умру — значитъ не мое.

Обратная крайность природы есть Христосъ.

Тотъ конецъ дороги есть Христосъ.

Всѣ, что между — на полдорогѣ.

*) Маяковский.

И не поэту же, отродясь раздорожному, отдавать свое раздорожье — родной крестъ своего перекрестка! — за полдороги общественности или другого чего-либо.

Душу отдать за други своя.

Только это въ поэтѣ и можетъ осилить стихію.

INTOXIQUÉS.

— Когда я нахожусь среди литераторовъ, художниковъ, такихъ... у меня всегда чувство, что я среди... *intoxiqués*.

— Да, но когда вы съ большимъ художникомъ, большимъ поэтомъ, вы этого не скажете, наоборотъ: всѣ остальные покажутся вамъ отравленными.

(Разговоръ послѣ одного литературнаго собранія).

(Разговоръ послѣ одного литературнаго собранія)

Когда я говорю объ одержимости людей искусства, я вовсе не говорю объ одержимости ихъ искусствомъ.

Искусство есть то, черезъ что стихія держитъ — и одерживаетъ: средство держанія (насъ — стихіями), а не самодержавіе, состояніе одержимости, не содержаніе одержимости.

Не дѣломъ же своихъ двухъ рукъ одержимъ скульпторъ и не дѣломъ же своей одной поэтъ!

Одержимость работой своихъ рукъ есть держимость насъ въ чьихъ то рукахъ.

— Это — о большихъ художникахъ.

Но одержимость искусствомъ есть, ибо есть — и въ безмѣрно-большемъ количествѣ, чѣмъ поэтъ — лже-поэтъ, эстетъ, искусства, а не стихіи, глотнувшій, существо погибшее и для Бога и для людей — и зря погибшее.

Демонъ (стихія) жертвѣ платитъ. Ты мнѣ — кровь, жизнь, совѣсть, честь, я тебѣ — такое сознаніе силы (ибо сила — моя!) такую власть надъ всѣми (кромѣ себя, ибо ты — мой!) такую въ моихъ тискахъ — свободу, что всякая иная сила будетъ тебѣ смѣшна, всякая иная власть — мала, всякая иная свобода — тѣсна

— и всякая иная тюрьма — просторна.

Искусство своимъ жертвамъ не платитъ. Оно ихъ и не знаетъ. Рабочему платитъ хозяинъ, а не станокъ. Станокъ

можетъ только оставить безъ руки. Сколько я ихъ видала, безрукихъ поэтовъ. Съ рукой, пропавшей для иного труда.

Робость художника передъ вещью. Онъ забываетъ, что пишетъ не онъ. Слово мнѣ Вячеслава Иванова (Москва, 1920 г. убѣждалъ меня писать романъ) — «Только начните! уже съ третьей страницы вы убѣдитесь, что никакой свободы нѣтъ», — то-есть: окажусь во власти вещей, то-есть во власти демона, то-есть только покорнымъ слугой.

Забить себя есть прежде всего забыть свою слабость.

Кто своими двумя руками когда-либо вообще что-нибудь могъ?

Дать уху слышать, рукѣ бѣжать (а когда не бѣжить — стоять).

Не даромъ каждый изъ насъ по окончаніи: «Какъ это у меня чудно вышло» никогда: «Какъ это я чудно сдѣлать!» Не «чудно вышло», а чудомъ — вышло, всегда чудомъ вышло, всегда благодать, даже если ее посылаетъ не Богъ.

— А доля воли во всемъ этомъ? О, огромная. Хотя бы не отчаяться, когда ждешь у моря погоды.

На сто строкъ десять — данныхъ, девяносто — заданныхъ: недававшихся, дававшихся, какъ крѣпость — сдававшихся, которыхъ я добилась, то-есть дослушалась. Моя воля и есть слухъ, не устать слушать, пока не услышишь и не заноситъ ничего, чего не слышала. Не чернаго (въ тщетныхъ поискахъ исчерканнаго) листа, не бѣлаго листа бояться, а своего листа: самовольнаго.

Творческая воля есть терпѣніе.

СКОБКА О РОДѢ СЛУХА.

Слухъ этотъ не иносказательный, хотя и не физическій. Настолько не физическій, что вообще никакихъ словъ не слышишь, а если слышишь, то не понимаешь, какъ спросонокъ. Физическій слухъ либо спитъ, либо не доноситъ, замѣщенный слухомъ инымъ.

Слышу не слова, а какой-то беззвучный напѣвъ внутри головы, какую-то слуховую линію — отъ намекъ до при-

каза, но объ этомъ сейчасъ долго — это цѣлый отдѣльный міръ, и сказать объ этомъ — цѣлый отдѣльный долгъ. Но убѣждена, что и здѣсь, какъ во всемъ, законъ есть.

Пока-же: достовѣрный слухъ, безъ ушей, то-есть еще одно доказательство, что:

— Есть тамъ-отъ!

Лже-поэтъ искусство почитаетъ за Бога и этого Бога дѣлаетъ самъ (при чемъ ждетъ отъ него дождя!).

Лже-поэтъ всегда дѣлаетъ самъ.

Примѣты лже-поэзіи: отсутствіе данныхъ строку. Есть среди нихъ большіе мастера.

Но бываетъ и съ поэтами и съ геніями.

Есть въ Гимнѣ Чумѣ двѣ строки только-авторскія, а именно:

И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Пушкинъ, на секунду отпущенный демономъ, не потерялъ. Это, а не иное происходитъ, когда мы у себя или у другихъ обнаруживаемъ строку на затычку, ту поэтическую «воду», которая не что иное, какъ мель на тѣя.

Возьмемъ весь отрывокъ.

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы!
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ-быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Давайте по словамъ:

И счастливъ тотъ — мало, мало и вяло послѣ абсолютныхъ наслажденія и упоенія, явное повтореніе,

ослабленіе, спускъ — кто среди волненья — какого? и опять какое малое слово (и вещь!). Послѣ всѣхъ урагановъ и безднъ! Аллегорія житейскаго волненія послѣ достовѣрности океанскихъ волнъ. Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ — обрѣтать неизъясними наслажденья — по нѣмецки? Во всякомъ случаѣ не по-пушкински и не по русски, дальше: и вѣдать (повтореніе, ибо обрѣтая уже вѣдаешь) могъ. Да какъ туть, когда такое, не мочь? Галлицизмъ: *heureux celui qui a pu les connaître*, а въ общемъ резонерствію, дикое въ этомъ выхрѣ.

Такъ случается, когда рука опережаетъ слухъ.

Возвращаясь къ лже-поэтамъ.

Лже-поэтъ. Поэтъ. Жертва литературы. Жертва демона. Оба для Бога (дѣла, добра) пропали, но если пропадать, такъ съ честью, подпадать — такъ подъ иго высшее.

Къ сожалѣнію, господь не выбираешь.

СКОБКА О ПОЭТѢ И РЕБЕНКѢ.

Часто сравниваютъ поэта съ ребенкомъ по примѣтъ одной невинности. Я бы сравнила ихъ по примѣтъ одной безотвѣтственности. Безотвѣтственность во всемъ, кромѣ игры.

Когда вы въ эту игру придете со своими человѣческими (нравственными) и людскими (общественными) законами, вы только нарушите, а можетъ и прикончите игру.

Привнесеніемъ совѣсти своей — смутите нашу (творческую). «Такъ не играютъ». Нѣтъ, такъ играютъ.

Либо совѣмъ запретить играть (намъ — дѣтямъ, Богу — намъ), либо не вмѣшиваться.

То, что вамъ — «игра», намъ — единственный серьезъ. Серьезнѣе и умирать не будемъ.

КОГО, ЗА ЧТО И КОМУ СУДИТЬ.

Въ человѣка вселился демонъ. Судить демона (стихию)? Судить огонь, который сжигаетъ домъ?

Меня? Допустимъ.

За что? За недостатокъ совѣсти, воли, силы: за слабость.

Отвѣчу вопросомъ:

Почему изъ всѣхъ, кто ходитъ по улицамъ Москвы и Парижа, именно на меня находятъ, и внѣшне такъ находятъ, что пѣны у рта нѣтъ, и на ровномъ мѣстѣ не падаю, что ни въ больницу ни въ участокъ не заберутъ.

Почему — если я одержимый — эта внѣшняя невинность (невидность) моей одержимости (писать стихи — чего невиннѣе!) и — если я преступникъ — это благоприличіе моей преступности? Почему — если всё это такъ — на мнѣ нѣтъ клейма? Богъ шельму мѣтитъ, почему Богъ этой шельмы не мѣтитъ?

Почему, наоборотъ, вмѣсто вразумленія — поощренія, вмѣсто приговора — утвержденіе моей неподсудности?

— Я дѣлаю дурное дѣло!

Общество (хоръ обольщенныхъ): — Нѣтъ, ты дѣлаешь святое дѣло.

Вѣдь и самое идеологическое изъ всѣхъ правительствъ въ мірѣ поэта разстрѣляло не за стихи (сущность), а за дѣла, которыя могъ сдѣлать всякій.

Почему я самъ себѣ долженъ быть врачомъ, укротителемъ, конвойнымъ?

Не слишкомъ ли много съ меня требовать?

Отвѣчу отвѣтомъ.

Все вѣдающее завѣдомо повинно. Тѣмъ, что мнѣ дана совѣсть (знаніе), я разъ навсегда во всѣхъ случаяхъ преступленія ея законовъ, будь то слабость воли или сила дара (по мнѣ — удара) — виновна.

Передъ Богомъ, не передъ людьми.

Кому судить? Знающему. Люди не знаютъ, настолько не знаютъ, что меня съ послѣдняго знанія собьютъ. А если судятъ, то — какъ то упомянутое правительство — не за стихи, а за дѣла (точно есть у поэта дѣла — кромѣ!) случайности жизни, которыя есть только слѣдствія.

Меня, напримѣръ, судятъ за то, что я своего шестилѣтняго сына не отдаю въ школу (на всѣ шесть утреннихъ часовъ подъ рядъ!), не понимая, что не отдаю-то я его именно потому-что пишу стихи, а именно:

(Изъ стиховъ къ Байрону).

Свершилось! Онъ одинъ межъ небомъ и водою...

Вотъ школа для тебя, о ненавистникъ школъ!

И въ роковую грудь, пронзенную звѣздой,

Царь роковыхъ вѣтровъ врывается — Эоль.

— А пишу-то такіе стихи именно потому-что не отдаю.
Стихи хвалить, а за сына судить?
Эхъ вы, лизатели сливокъ!

Задуматься надъ преподаваніемъ литературы въ средней школѣ. Младшимъ даютъ Утопленника и удивляются, когда пугаются. Старшимъ — Письмо Татьяны и удивляются, когда влюбляются (стрѣляются). Даютъ въ руки бомбу и удивляются, когда взрывается.

И — чтобы кончить о школѣ:

Если эти стихи вамъ нравятся — отпустите дѣтей (то-есть ваше «нравится» оплатите), либо признайте, что «нравится» не есть мѣра вещей и стиховъ, есть не мѣра вещей и стиховъ, а только вашей (какъ и авторской) низости, наша общая слабость передъ стихіей, за которую мы въ какой-то часъ и еще здѣсь на землѣ — отвѣтимъ.

Либо отпустите дѣтей.

Либо вырвите изъ книги стихи.

Права суда надъ поэтомъ никому не даю. Потому-что никто не знаетъ. Только поэты знаютъ, но они судить не будутъ. А священникъ отпустить.

Единственный судъ надъ поэтомъ — само-судъ.

Но есть кромѣ суда — борьба: моя — со стихіей, ваша — съ моими стихами. Не уступать: мнѣ — ей, вамъ — мнѣ. Да не обольстимся.

Гдѣ тотъ священникъ, который мнѣ наконецъ моихъ стиховъ не отпустить?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Но — приказъ или просьба, на испугъ насъ стихіи берутъ или на жалость, ненадежны никакіе: ни христіанскіе, ни гражданскіе, ни иные подходы. Къ искусству подходить нѣтъ, ибо оно захватъ. (Пока ты еще подходишь — оно уже захватило).

Примѣръ. Борисъ Пастернакъ въ полной чистотѣ сердца, обложившись всѣми матеріалами, пишетъ, списываетъ съ жизни — вплоть до ея оплошностей! — Лейтенанта Шмидта, а главное дѣйствующее лицо у него — деревья на митингѣ. Надъ пастернаковской площадью они — главари. Что бы Пастернакъ ни писалъ — всегда стихи, а не лица, какъ въ Потемкинѣ море, а не матросы. Слава Пастернаку (человѣческой совѣсти Бориса) за матросовъ и слава морю, слава дару — за море, то ненасытное море, которому всѣхъ нашихъ глотокъ мало и которое насъ со всѣми нашими повѣстями и совѣстями — всегда покроетъ.

Посему: если хочешь служить Богу или людямъ, вообще хочешь служить, дѣлать дѣло добра, поступай въ Армію Спасенія или еще куда-нибудь — и брось стихи.

Если же пѣсенный твой даръ неистребимъ, не льсти себѣ надеждой, что — служишь, даже по завершеніи Ста Пятидесяти Милліоновъ. Это только твой пѣсенный даръ тебѣ послужилъ, завтра ты ему послужишь, то-есть будешь отброшенъ имъ за тридевять земель или небесъ отъ поставленной цѣли.

Владиміръ Маяковский, двѣнадцать лѣтъ подъ рядъ въ-рой и правдой, душой и тѣломъ служившій —

Всю свою звонкую силу поэта
Я тебѣ отдаю, атакующій классъ!

кончилъ сильнѣе, чѣмъ лирическимъ стихотвореніемъ — лирическимъ выстрѣломъ. Двѣнадцать лѣтъ подъ рядъ человекъ Маяковский убивалъ въ себѣ Маяковского — поэта, на тринадцатый поэтъ всталъ и человекъ убилъ.

Если есть въ этой жизни самоубійство, оно не тамъ, гдѣ его видятъ, и длилось оно не спускъ курка, а двѣнадцать лѣтъ жизни.

Никакой державный цензоръ такъ не расправлялся съ Пушкинымъ, какъ Владимиръ Маяковский съ самимъ собой.

Если есть въ этой жизни самоубійство, оно не одно, ихъ два, и оба не самоубійства, ибо первое — подвигъ,

второе — праздникъ. Превозможеніе природы и прославленіе природы.

Прожилъ какъ человѣкъ и умеръ какъ поэтъ.

Быть человѣкомъ важнѣе, потому-что нужнѣе. Врачъ и священникъ нужнѣе поэта, потому-что они у смертнаго одра, а не мы. Врачъ и священникъ человѣчески-важнѣе, всѣ остальные общественно-важнѣе. (Важна ли сама общественность — другой вопросъ, на него въ правѣ буду отвѣтить только съ острова). За исключеніемъ дармоѣдовъ во всѣхъ ихъ разновидностяхъ — всѣ важнѣе насъ.

И зная это, въ полномъ разумѣ и твердой памяти расписавшись въ этомъ, въ не менѣе полномъ и не менѣе твердой утверждаю, что ни на какое другое дѣло своего не промѣняла бы. Зная болѣе, творю меньше. Посему мнѣ прощенья нѣтъ. Только съ такихъ, какъ я, на Страшномъ судѣ совѣсти и спросится. Но если есть Страшный судъ сл о в а — на немъ я чиста.

Марина Цвѣтаева.

Чингъ-Чангъ

Китайская казнь: осужденнаго разрѣзаютъ на тысячу мелкихъ кусковъ.

Слово принадлежитъ автору стоглавой идилліи «Учитель музыки», героемъ которой является Александръ Александровичъ Корнетовъ, его знакомые и пріатели.

Прошу не путать меня ни съ Александромъ Александровичемъ Корнетовымъ, ни съ кѣмъ изъ его знакомыхъ и пріателей.

Имя Корнетову дано было еще въ Петербургѣ въ честь Александра Александровича Блока, а фамилія «Корнетовъ» не столько инструментальная по профессіи учителя музыки, сколько кавалерійская: завѣтная мечта Александра Александровича, которую онъ неоднократно высказывалъ, — «быть бы мнѣ лихимъ корнетомъ, ѣздить на конѣ, какъ Гумилевъ, и, какъ у Толстого въ «Войнѣ и мирѣ», выдѣлывать всякія ухарскія штуки!» — фамилія Корнетовъ дана по контрасту съ его небоевымъ образомъ жизни.

Корнетовъ — не я. Но, конечно, и я. Я — и Корнетовъ и Полетаевъ и Балдахаль-Тирбушонъ и Судокъ и Козлокъ и Куковниковъ и Птицинъ и Пѣтушковъ и Пытко-Пытковскій, и, наконецъ, самъ авантюристическій африканскій докторъ. Все я и безъ меня никого нѣтъ. Да иначе и невозможно: писатель описываетъ только свой міръ и ничей другой, и этотъ міръ — его чувства и его страсть.

Или, какъ выразился бы профессоръ математики Сушиловъ, тоже одинъ изъ героев идилліи: «Корнетовъ и его знакомые — мои эманации, расчлененіе моей личности на нѣсколько отраженій моего духа».

Что-нибудь внѣшнее, постороннее, что называется «не-я», «другой», для писателя только матерьялъ и, если онъ

чувствуетъ въ немъ себя, онъ его приметъ — «заживетъ» въ немъ. Такъ совершилось превращеніе Толстого въ Наташу Ростову, въ Анну Каренину, въ Катюшу Маслову; а Тургенева — въ Лизу, въ Ирину, въ Елену; а Лѣскова — въ Лизу Бахареву. И точнѣе слѣдовало бы сказать не превращеніе, а переодѣваніе — очень яркій примѣръ: переодѣваніе Толстого въ мужиковъ во «Власти тьмы».

Писатель подбираетъ матерьялъ по себѣ и черезъ этотъ матерьялъ познаетъ себя. Трагедія Гоголя и заключалась въ томъ, что адъ — I часть «Мертвыхъ душъ» былъ въ немъ, а съ чистилищемъ — II-ой частью «Мертвыхъ душъ» онъ никакъ не могъ справиться: и что могъ онъ сказать добраго о человѣкѣ, когда по его собственному признанію въ себѣ не находилъ добра, а что было добраго — жалость («Шинель») и любовь («Старосвѣтскіе помѣщики») — сгорѣло; а такъ какъ «Мертвыя души» — дѣло жизни Гоголя, то ему ничего не осталось, какъ обречь себя на смерть.

«...и міра не будетъ, по крайней мѣрѣ для меня. Не говоря уже о томъ, что, можетъ быть, и дѣйствительно ни для кого ничего не будетъ послѣ меня, и весь міръ, только лишь угаснетъ мое сознаніе, угаснетъ тотчасъ, какъ призракъ, какъ принадлежность лишь одного моего сознанія, и упразднится, ибо, можетъ быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди — я-то самъ одинъ и есть».

Эти слова изъ «Сна смѣшного человѣка» — подлинно сна Гоголя.

Литературное произведеніе или «изящное», какъ говорили въ старину, противопоставая «статьямъ», — ключъ для познанія автора: по роману, повѣсти и разсказу можно больше сказать объ авторѣ, чѣмъ изъ самой подробнѣйшей его біографіи, написанной кѣмъ-то, а вѣдь для писателя это очевидно, что кромѣ какъ о себѣ, о своемъ мірѣ чувствъ, мыслей и словъ никто никогда еще не могъ написать ни одной путной строчки, т. е. чтобы было живо и кровно, а не пусто, въ однихъ словахъ.

«Всякій не можетъ судить, какъ по себѣ», — говоритъ Достоевскій на жаргонѣ Кириллова.

Кому же, какъ не Достоевскому, знать, какая цѣна «міру» и что изъ этого «не-я» дѣлаетъ писатель. Достоевскій встрѣчался съ женщинами не высокой духовной цѣнности, но въ немъ самомъ была «жертвенность» и онъ надѣлилъ ею, какъ высшимъ идеальнымъ признакомъ, духовно-сомнительный матерьялъ своихъ встрѣчъ. Такъ выжили живыя

и кровныя, какъ будто въ природѣ существующія, Соня, Наташа, Катерина Ивановна. У Лѣскова — я беру перваго изъ второго круга писателей — душа мятежная и мятежная Лиза Бахарева («Некуда») живая, но «жертвенности» у Лѣскова не было и его «жертвенная» Александра Ивановна Синтянина («На ножахъ») — только въ словахъ.

Литературныя произведенія для писателя все, но не слѣдуетъ искать въ нихъ біографическую послѣдовательность, и фактовъ изъ его «живой» жизни.

Самое сокровенное у Достоевскаго: тайна «жертвы» — наслажденіе мученіемъ — этотъ «красенькій паучокъ» Ставрогина и Лиза Хохлакова, которой сочувствуетъ мыслью Иванъ Карамазовъ и сердцемъ Алеша — весь Достоевскій. Лиза читала въ какой-то книгѣ, какъ распяли четырехлѣтняго мальчика, сначала обрѣзали пальцы, а потомъ распяли, прибивъ гвоздями къ стѣнѣ, мальчикъ умеръ черезъ четыре часа: «я иногда думаю, что это я сама распяла; онъ виситъ и стонетъ, а я сяду противъ него и буду ананасный компотъ ѣсть: я очень люблю ананасный компотъ».

Лизы Хохлаковой въ природѣ не существуетъ, эта Лиза больше, чѣмъ въ природѣ, она въ самой завязи «страднаго» міра и вотъ вышла изъ измученной души Достоевскаго, и въ «живой» жизни Достоевскаго было это чувство, но фактически ничего подобнаго не было.

И, до чего явственно выступаетъ это фактическое несовпаденіе, я могу показать на моей идилліи.

А. А. Корнетовъ — учитель музыки, но какой же я музыкантъ? Правда, я учился на корнетъ-а-пистонѣ у Александра Александровича Скворцова. А. А. Скворцовъ горбатый и кругомъ одинокій, былъ на рѣдкость добродушный и не столько училъ меня музыкѣ, сколько философствовалъ, а училъ онъ меня безплатно; къ концу лѣта мнѣ пришлось бросить ученье и не потому, что охоты не стало, а изъ-за инструмента: купилъ я его на Сухаревкѣ, прельстившись дешовкой, двадцать копѣекъ, и сначала дудѣлъ ничего, а потомъ пистоны стали забухать и какъ нарочно на самыхъ интересныхъ мѣстахъ, или такимъ выпалить дудомъ — А. А. Скворцовъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ знаменитой Соболевки, ближе къ Грачевкѣ, люди тамъ ко всему привычныя, и то жаловались. Вотъ и вся моя музыка. Правда, у меня есть камертонъ, вывезенный неизвѣстно зачѣмъ изъ Петербурга въ августѣ 1921-го года и прошедшій со мной черезъ Нарвскій карантинъ. Правда и то, что у ме-

ня есть повадка «учить» — давать совѣты и не только въ литературныхъ, а и въ житейскихъ затрудненіяхъ. Въ литературѣ еще кое въ чемъ могу принести пользу по своимъ «грѣхамъ» — долготѣнному ремесленному опыту, но въ жизни — что я могу въ жизни среди всей этой гоголевской чепухи, сумятицы, безтолочи и «слѣплого тумана», гдѣ по-истинѣ «какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ и всѣ эти куски, безъ смысла, безъ толку смѣшаль вмѣстѣ» или, выражаясь словами профессора математики Сушилова, гдѣ «сцѣпленіе образовъ и сужденій происходитъ по совершенно неожиданнымъ бессмысленнымъ ассоціациямъ, а бессодержательныя опредѣленія прикрываютъ настоящей мотивъ дѣйствія».

Въ этой жизни я безглазый и путнаго отъ меня ничего. Я это хорошо знаю по себѣ — по своимъ постояннымъ промахамъ: у меня нѣтъ ни сообразительности, ни находчивости. Всѣ мои предвидѣнія — ерунда: я вопреки всякой очевидности все толкую въ хорошую сторону, а всякія предзнаменованія сулятъ мнѣ всегда только хорошее — и можете представить, какой жестокой отпоръ получаютъ всѣ мои дѣйствія! Такъ и въ судьбѣ другихъ: что бы такое было, если бы кто-нибудь вздумалъ меня послушать — какое горчайшее разочарованіе ожидало бы его.

Всѣ мои совѣты, отъ которыхъ я не отказываюсь и ручаюсь, что принесутъ пользу: или кулинарные или гигиеническіе. И тоже, строго говоря, ерунда порядочная, но крайней мѣрѣ безвредная. И все это я называю: «мой элексиръ жизни».

1) Обержину варить въ кокоть: на дно немного масла, затѣмъ нарѣзанная не очень тоненькими ломтиками обержина, а сверху луку и моднаго въ Парижѣ чесноку, можно еще прибавить немного картофелю, а наливать воды въ кокоть ни въ коемъ случаѣ не надо, надо подливать на крышку, и чуть маленькій огонекъ, черезъ часъ обержина готова, и тогда положите сметаны, и еще разъ вскипятить. Вареная обержина напомнитъ вамъ грибы, но грибы ѣсть не безопасно, столько случаевъ отравленія, а обержина совершенно безвредна. Я ее не люблю, но многимъ она нравится.

2) Если вы чувствуете тяжесть въ желудкѣ, примите на ночь ложку парафина и ничего ужъ не пейте, а на другой день перейдите на овсянку и, Боже васъ сохрани, ни капельки молока, а на ночь грѣлку — грѣлку лучше класть

поперекъ... но тутъ, вы догадываетесь, начинается А. А. Корнетовъ и его пріятели, т. е. весь страждущій міръ: онъ наводитъ меня на этотъ мой «элексиръ», и безъ него мнѣ никакъ было догадаться подмѣчать за собой даръ практической мудрости и домостройства.

Какъ заваривать чай и сохранять его крѣпость и запахъ, какъ варить кофе — объ этомъ подробно разскажетъ Корнетовъ. Добавлю еще отъ себя: если вы хотите срѣзать мозоль на ногѣ, не задирайте ногу, какъ это на рисункѣ Гою, а поставьте ногу на табуретку и не берите острыхъ ножницъ — медленно, но вѣрно, а главное безопасно маленькія ножницы, сломанныя и затѣмъ отточенныя, съ туповатымъ концомъ, и лучше всего предварительно отпарить ногу.

Какъ задѣлывать на зиму щели въ окнахъ и въ дверяхъ, какъ растапливать каминъ и, открывая и закрывая дверь, регулировать притокъ воздуха — всякій каминъ разжигается по-своему, и еще многіе полезныя совѣты я могу дать или не-я, а мое какое-то именное расчлененіе: Корнетовъ, Куковниковъ, Судокъ, Козлокъ и проч.

Но никто изъ насъ не умѣетъ ни укладывать вещей, ни запаковывать, а также отыскивать по путеводителю поѣзда, и всегда всѣ у меня чего-то боятся, хотя я все дѣлаю, чтобы постичь тайну упаковки и желѣзнодорожный тарифъ и росписаніе поѣздовъ, и найти въ себѣ и въ своихъ расчлененіяхъ и смѣлость и отвагу.

То ли я родился напуганнымъ: я слышалъ отъ матери, что при моемъ рожденіи ее напугали. Но я не помню, чтобы въ дѣтствѣ я былъ пугливый, и никогда мнѣ не было клички: «трусъ» или «баба», — я не плакалъ, не нюнилъ, какъ другія дѣти. А вдругъ я какъ-то понялъ, что всю жизнь внушалъ себѣ ничего не бояться — стало быть, я всегда боялся, всегда былъ трусъ, но и всю жизнь больше всего меня возмущали «трусость» и «легкость». А въдь у Корнетова боязнь всеобъемлющая: отъ автомобилей до консьержекъ. И когда однажды онъ заявилъ: «я спрашивать никогда не буду, а напроломъ пойду, куда мнѣ нужно!» — всѣ присутствующіе тихо засмѣялись. Впрочемъ, у Корнетова все бѣлье съ мѣткой «А. А.», а намѣтилъ онъ, чтобы въ купальнѣ не обмѣняли, хотя, какъ извѣстно, въ купальню онъ никогда не ходитъ.

Или это вѣрно, «кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ Богъ будетъ», а значитъ, удѣлъ человѣка — бояться.

Къ моему «Элексиру» и всякимъ домашнимъ наставленіямъ я присоединилъ бы матерьялы для «Воровского самоучителя» А. А. Корнетова. Въ этомъ «Воровскомъ самоучителѣ» — горькій опытъ, потроха человѣческой натуры. Я во всемъ согласенъ. Но озорной параграфъ: «какъ извести на какомъ-нибудь блестящемъ вечерѣ не менѣ блестящаго спортивнаго молодого человѣка» — это ужъ никакъ не мое. Въ «Самоучителѣ» сказано: «надо цѣлому ряду лицъ въ извѣстные промежутки времени подходить къ намѣченному лицу и, извиняясь, справляться, не знаетъ ли, гдѣ находится уборная?» Я и на вечерахъ не бываю, а если случалось, я съ самага прихода охваченъ безпокойствомъ, какъ мнѣ домой возвращаться, и ужъ мнѣ не до уборной!

Главные совѣтчики А. А. Корнетова по составленію «Воровского самоучителя» Куковниковъ и залѣсный аптекарь Судокъ, побившій всѣ рекорды въ ложной информации, оба вышли на свѣтъ, какъ результатъ «лингчанга»: распластавъ себя, я одну изъ моихъ частей — «басенную» назвалъ Куковниковымъ, а «озорную» — Судокъ и началъ наблюдать за ними и они, отчлененные отъ меня, зажили своей самостоятельной, независимой отъ меня жизнью.

Вотъ почему еще разъ говорю: при всей моей информаторской страсти, Судокъ — не я. И даже Балдахаль-Тирбушонъ со своимъ «русскимъ стилемъ» — а, кажется, чего мнѣ ближе: русскій стиль моя страсть и ревность. И баснописецъ Куковниковъ, питающійся овсянкой, чернымъ хлѣбомъ и баранками, живущій «тихо и радостно» и неразлучно съ книгой — какъ я ему сочувствую: книга тоже моя страсть и я — за овсянку. И это относится къ моему «Элексиру»: «ѣсть, какъ можно, меньше: садиться за столъ однажды въ сутки и подыматься изъ-за стола легко!» Я — за овсянку, но меня можно соблазнить и устрицами, а чего бы я особенно хотѣлъ, такъ это «жить тихо и радостно», какъ баснописецъ Куковниковъ.

На долю Куковникова досталась та моя часть, которая «желаетъ тишины», тогда какъ другія части вопіють, немирныя и неумѣренныя. И еще въ Куковниковѣ больше, чѣмъ у кого, бѣдности. И вообще все окруженіе Корнетова — «бѣдные люди». И это отъ меня, это тоже исконное мое, какъ боязнь.

Я замѣтилъ еще въ раннемъ дѣтствѣ: на меня нападалъ

какой-то изнывъ, словами онъ выговаривался такъ: «я хотѣлъ бы быть совсѣмъ бѣднымъ!» Со стороны, если бы можно было подслушать мои слова, было бы очень смѣшно, да и самъ я въ послѣдствіи схватывался, какой еще не достаетъ мнѣ бѣдности? Но я понимаю такъ: съ первыхъ моихъ лѣтъ я встрѣчалъ еще бѣднѣе насъ, и ихъ бѣдность надрывала мнѣ душу. И какъ надо ослѣпнуть или какъ очерствить свое сердце, чтобы не замѣтить въ идилліи Корнетова этой бѣдности!

Въ «Элексирѣ» есть совѣтъ освободиться отъ власти вещей — и въ этомъ есть связь съ моимъ изнывомъ: «быть совсѣмъ бѣднымъ». Но «Элексиръ» имѣетъ въ виду не только «опустошеніе» и «расточеніе», а и практически-полезный совѣтъ: освобождаясь отъ вещей, человѣку легко передвигаться — переѣздъ на другую квартиру всегда хлопотенъ изъ-за вещей. И единственное исключеніе: книги — книгъ можетъ быть цѣлая библіотека.

Меня всегда возмущаетъ, когда я вхожу въ безкнижный домъ. Я не принимаю никакихъ отговорокъ — всѣ отговорки вздоръ. И я понимаю, что значить: «когда и книги не на что купить!» — это мѣра послѣдней бѣдности.

И всегда у меня шевельнется еще другое чувство и одна изъ моихъ тысячныхъ частей раскалена не до красна, а до бѣла. И какъ тутъ жить «тихо и радостно»? Но изъ этого же негодующаго чувства — «отъ противнаго» я называю мою повѣсть «идилліей» — да иначе и не представляется мнѣ затѣянный «стоглавъ».

Да, человѣкъ человѣку не только бревно. И мои «крестовыя сестры» всѣ погибли бы, если бы было не такъ. Въ моихъ пожеланіяхъ и въ моей вѣрѣ — біографичность. И мнѣ надо было какой-то «духъ», какой-то заключительный актъ «вдохнулъ жизнь», а безъ этого ни одна изъ моихъ тысячныхъ частей не зашевелилась бы и не отозвалась. И этотъ духъ — я, моя вѣра и мои пожеланія.

Къ моему «Элексиру» относится и еще одинъ очень мучительный для меня совѣтъ: «передъ отъѣздомъ заблаговременно, ну, недѣли за двѣ, слѣдуетъ тренироваться въ рановставаніи». Я это всѣмъ очень совѣтую, чтобы, не надѣясь ни на какой будильникъ, приучиться самому вставать рано и не торопясь ѣхать на вокзалъ. Да ключи загодя провѣрить, чтобы не вышло, какъ всегда со мной: чемоданъ примять и закрылся, а ключъ не подходитъ и

нигдѣ не могу найти, спрятали отдѣльно, чтобы не спутать, а куда спрятали, не помню.

Но я никогда никого не заставлялъ, и вообще во мнѣ нѣтъ никакого тиранства. А Корнетовъ со своими повадками могъ извести человѣка. Корнетовъ тиранъ и маниакъ его археологія и его коллекціонерство, развѣ это не одержимость! Маниакъ и Балдахаль со своимъ «русскимъ стилемъ». Брюсовъ въ своемъ дневникѣ — ноябрь 1902 г., перечисляя новыхъ своихъ знакомыхъ, обо мнѣ написалъ такія строки: «еще какой-то изъ Вологды Ремизовъ. Этотъ Ремизовъ немного растерянный маниакъ». Да, машакальность это одно изъ моихъ тысячныхъ расчлененій.

Первая книга моей стоглавой идилліи, заключающей въ себѣ двадцать пять главъ, кончается трагически: А. А. Корнетовъ вмѣстѣ со мной, и тутъ есть біографичность, въ канунъ своего пропада. А какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть Корнетова, хотя бы на одинъ часъ жизни, важнымъ, увѣреннымъ и въ собственномъ домѣ, безъ этой всегдашней точащей заботы найти и сохранить за собой уголь. Чтобы его выходъ я могъ бы сравнить... вы навѣрно замѣчали, когда Monsieur, онъ же и Mari, выходитъ изъ «cabinet»: какая увѣренность и самоутвержденіе въ немъ, и какая почтительность въ движеніяхъ и на лицахъ домашнихъ — этотъ выходъ самая значительная минута среди всѣхъ часовъ дня, значительнѣе даже того часа, когда Monsieur, онъ же и Mari, «принимаетъ пищу». Но тутъ опять выступаетъ Корнетовъ съ его излюбленной реминисценціей изъ Раблэ.

Алексѣй Ремизовъ.

Жизнь и литература

Человѣкъ — существо страшно сложное. Можетъ быть, слѣдуетъ считать счастьемъ для человѣчества то, что огромное большинство людей этой своей и окружающихъ сложности даже не подозреваетъ. Нельзя представить себѣ, какъ бы люди могли издавать законы, учить дѣтей, карать и миловать, воевать и торговать, образовывать и свергать министерства, если бы сознание исключительной сложности и поэтому единственности каждой человѣческой личности препятствовало имъ подводить своихъ сочеловѣковъ подъ категории возраста, національности, дѣеспособности и т. д., и т. д.; если бы за нѣмцемъ, французомъ, пролетаріемъ, буржуа и т. под. видѣли человѣка, личность, недѣлимое, единственное; если бы не стояли на точкѣ зрѣнія безусловной возмѣстимости одной человѣческой особи любой другою — въ предѣлахъ соответствующихъ категорій.

Но не только социальная жизнь, — наука о человѣкѣ, искусство художественнаго воспроизведенія человѣка были бы невысказаны, если бы люди не упрощали, въ своемъ сознании, другихъ людей. Однако, между практической и теоретической сферами есть, въ этомъ отношеніи, существенная разница. Въ практической господствуетъ и нынѣ та же предѣльная примитивность и безусловность оцѣнки, что и въ до-историческія времена; въ теоретической существуетъ непрерывно движеніе въ сторону все большей и большей дифференцировки человѣческихъ свойствъ и, соответственно, категорій; въ сторону все большаго проникновенія въ глубину человѣческой души.

Искусство опережаетъ науку. На развитіи художественной литературы удобнѣе всего прослѣдить, какъ мѣнялась, на протяженіи вѣковъ, концепція Человѣка, какъ она постепенно обогащалась и усложнялась; какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣнялись направленія духовныхъ интересовъ, точки зрѣнія, съ какихъ люди смотрѣли на самихъ себя и на

другихъ, требованія, какія они къ себѣ и къ другимъ предъявляли; а въ силу всего этого — и тѣ категоріи, подѣ какія подводилась каждая человѣческая личность. Въ изученіи этихъ измѣненій въ сущности состоитъ вся исторія культуры. Смѣна концепцій человѣка служитъ главнымъ показателемъ смѣны культурныхъ періодовъ. Въ этой смѣнѣ есть своя необходимость, усматриваемая изъ того, что эволюція одной изъ культурныхъ сферъ соотвѣтствуетъ эволюція другихъ.

Сперва люди подраздѣлялись обобщенно на добрыхъ и злыхъ, причемъ эти этическія категоріи совпадали съ социальными: добрые — благородно-рожденные, злые — «подлые». Это подраздѣленіе осложнялось еще однимъ — по категоріямъ возраста: старецъ мудръ, юноша легкомысленъ. Это — Средневѣковье, — безразлично какое, древне-греческое или германо-романское. Затѣмъ разрабатывается классификація добродѣтелей и пороковъ, устанавливаются и ихъ іерархіи; соотвѣтственно этому умножается количество людскихъ типовъ, — причемъ, въ связи съ усложненіемъ общественной структуры, совпаденіе этическихъ категорій съ социальными становится уже не столь полнымъ. Это — позднее Средневѣковье. Ренессансъ, выдвинувшій «дѣятельную жизнь» на первое мѣсто, отдавшій ей предпочтеніе передъ «созерцательной», внесъ со своей стороны нѣчто новое въ классификацію человѣческихъ типовъ: онъ обратилъ отношеніе возрастныхъ категорій, поставилъ юношу и зрѣлаго человѣка выше старца. Кромѣ того Ренессансъ сдѣлалъ попытку отдѣлить совершенно этическія категоріи отъ социальныхъ: на первое мѣсто онъ поставилъ «virtuoso», — творческаго генія, художника своей жизни, у котораго не спрашиваютъ, кто его предки.

Но какъ бы ни усложнялись классификація категорій и ихъ соотношеній, — въ теченіе долгаго времени остается одно: человѣкъ мыслится какъ носитель одного или нѣсколькихъ, но логически вполне согласованныхъ, свойствъ, — какъ музыкальный тонъ, или какъ мелодія, «голосъ»; отношеніе же между людьми, въ аллегорическомъ романѣ, въ Божественной Комедіи, или въ религіозной драмѣ — «мистеріи» — Средневѣковья, въ комедіи и трагедіи Ренессанса можно уподобить отношенію между отдѣльными голосами полифоническаго музыкальнаго произведенія той-же поры.

Позже концепція челоуѣка усложняется. Въ классической трагедіи и комедіи новаго времени его душевная жизнь уже представляется какъ процессъ противоборствующихъ «страстей»; возникаетъ понятіе о діалектикѣ душевной жизни. Музыка и здѣсь сопутствуетъ — нѣскольکو отставая — литературѣ, своей эволюціей иллюстрируя литературную: соната, съ ея, раскрывающимся во времени, антагонизмомъ мелодій, воспроизводитъ въ своемъ строеніи строеніе челоуѣческой души. Но въ каждый данный моментъ жизни каждый челоуѣкъ звучитъ все-же какъ одинъ голосъ. Драма Новаго времени, времени Корнеля, Расина и Мольера, развивается подобно фугѣ съ ея «горизонтальнымъ» движеніемъ перекрещивающихся голосовъ.

Дальнѣйшее развитіе музыки состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что «горизонтальное» письмо замѣняется «вертикальнымъ»: каждый тонъ, участвующій въ образованіи мелодіи, опирается на свои собственные, лежащіе подъ нимъ, тона; всякой мелодіи отвѣчаетъ ея собственная гармонія.

И здѣсь музыка словно иллюстрируетъ *post factum* литературу, развитіе которой протекало отнюдь не прямолинейно. Еще раньше, чѣмъ французскіе классики работали совершеннѣйшую фôrму воспроизведенія жизни, какъ процесса борьбы параллельно движущихся голосовъ, Монтань, Шекспиръ и Сервантесъ даютъ новую концепцію челоуѣка, разрабатываютъ проблему характера какъ общаго лона, въ которомъ берутъ начало и въ которомъ объединяются самыя, казалось бы, разнообразныя, другъ на друга не сводимыя и другъ изъ друга не выводимыя свойства. За каждымъ душевнымъ движеніемъ, проявляющимъ себя въ дѣйстви въ данный моментъ, они ищутъ другихъ, звучащихъ ниже и глуше, таинственно и необходимо ему сопутствующихъ.

Не по капризу генія Шекспиръ порвалъ съ канономъ трехъ единствъ — и прежде всего съ единствомъ времени. Покуда душевная жизнь понималась какъ звучаніе одного тона, или нѣсколькихъ слѣдующихъ другъ за другомъ тоновъ, образующихъ одну фразу, одно музыкальное предложеніе, или, наконецъ, какъ «періодъ», какъ серію мелодій, было вполне оправданымъ, когда ее представляли развивающейся въ «чистомъ», идеальномъ времени, въ сущности внѣ времени, каковымъ и было услов-

ное время классической драмы — «отъ восхода до захода солнца»; на дѣлѣ же — два, три часа, ровно столько, сколько требовалось, чтобы показать діалектику этой жизни, чтобы исчерпать возможности, заложенные въ исходной комбинаціи данныхъ тоновъ. Въ сущности, спрашивать, сколько времени длится «Федра» или любая бетховенская соната, такъ же бессмысленно, какъ спрашивать сколько времени длится пифагорова теорема, хотя для того, чтобы доказать пифагорову теорему, нужно определенное количество времени — какъ и для того, чтобы разыграть Федру или сыграть сонату.

Туть-то и намѣчается точка расхожденія литературы и музыки. Конкретный человѣкъ, человѣкъ какъ его поняли Монтань, Шекспиръ и Сервантесъ, живетъ и дѣйствуетъ въ конкретномъ времени. Его характеръ не просто обнруживаетъ себя въ цѣпи идеальныхъ моментовъ; онъ творчески развивается въ конкретной обстановкѣ. Понять человѣка возможно лишь подвергнувъ его множеству экспериментовъ, столкнувъ его со множествомъ людей, прослѣдивъ его жизненный путь отъ колыбели до гроба. Только тогда узнаемъ, что таилось въ потемкахъ его души, куда его влекъ его демонъ, чѣмъ исчерпывались его возможности. Конкретный человѣкъ не замкнутъ въ самомъ себѣ, подобно трагическому или комическому «типу»; конкретные люди не просто взаимодействуютъ, но и взаимопроникаются, подвергаются взаимнымъ вліяніямъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Для этого-же требуется время. На нашихъ глазахъ четверо столь несхожихъ между собою существъ, какъ донъ Кихотъ, Санчо Панса, Росинантъ и Сѣрый (осель Санчо), срастаются въ коллективную личность настолько, что мы уже не можемъ представить себѣ одного изъ нихъ безъ трехъ другихъ. Но для насъ ясно, что это не могло произойти во мгновение ока, внѣ времени. Чтобы понять это, повѣрить въ это, надо считаться съ хронологіей сервантесова романа. Въ этомъ коренное отличіе романа отъ музыкальнаго произведенія, — столько же, сколько и отъ классической драмы.

Понятія художественной прозы и социально-психологическаго романа, съ конца XVIII вѣка и вплоть до нашихъ дней, почти совпадали. Романъ вытѣснилъ всѣ прочіе виды «большой формы». Въ романѣ изображеніе человѣка приближалось къ тому, чтобы достигнуть адекватности изображеннаго изображаемому. Деятнадцатый вѣкъ былъ

временемъ чрезвычайнаго напряженія и вмѣстѣ усложненія общей жизни, жизни народовъ, общественныхъ классовъ; временемъ осознанія многообразнѣйшихъ антагонизмовъ — личности и общества, класса и класса, народа и народа, — и вмѣстѣ ихъ солидарности, ихъ взаимной необходимости; наконецъ, временемъ сознательной цѣлеустремленности, участія всѣхъ, — cadaго по своему, — въ общемъ стремленіи куда-то впередъ. Въ концѣ концовъ равновѣсіе силъ было нарушено, трагедія кончилась катастрофой; но прежде чѣмъ она разразилась, міръ жилъ жизнью столь полной, столь богатой содержаніемъ, какъ, кажется, никогда раньше. Эта полнота жизни нашла свое выраженіе въ литературѣ. Семейная хроника — «Любовь Элизы и Армана или переписка двухъ семей» — какою былъ «романъ классическій, старинный», мѣщанскій или дворянскій романъ XVIII вѣка, разрастается у Бальзака, у Толстого, у Золя въ «Comédie Humaine», въ исторію общества, Націи, режима. Разнообразію проблемъ, заданій, положеній, интересовъ, убѣжденій, стремленій соотвѣтствуетъ разнообразіе тонко нюансированныхъ характеровъ. «Средній» человекъ XIX вѣка — а таковъ «герой» романа, въ отличіе отъ настоящаго героя, героя эпической поэмы или трагедіи — всегда дѣятель, и въ дѣланіи, въ дѣятельности раскрывается, — болѣе того, слагается — его характеръ. Ибо характеръ есть всегда заданіе, никогда не данное; характеръ не исчерпывается наклонностями и не сводится на нихъ; характеръ — продуктъ выбора, самоограниченія, требуемаго дѣятельностью потенцированія однихъ способностей и наклонностей и подавленія другихъ. Характеръ — мелодія, опирающаяся на гармонию, но движущаяся по своему собственному закону и къ своей собственной цѣли.

Послѣ страшнаго и отвратительнаго опыта Мировой Войны и Революціи, уже всякому — за исключеніемъ непреходимыхъ тупицъ — заднимъ числомъ внятна та тревога, которую, среди кажущагося благополучія XIX в., испытали Ницше, Достоевскій, Метерлинкъ, Розановъ, и полнымъ пророческаго смысла кажется то настроеніе, которое охватило столькихъ чуткихъ людей еще до Войны и до Революціи и показателемъ котораго явился кризисъ романа. Величайшій романистъ періода, непосредственно предшествующаго нынѣшнему, создаетъ такъ сказать романъ на изнанку, обращая направленіе движенія романа:

«проспективный» романъ Марсель Прусть замѣняетъ «ретроспективнымъ». Герой «Поисковъ потеряннаго времени» собственно всю жизнь занимался только этими поисками: онъ никуда не направлялся, время — «реальное дленіе» Бергсона, — несло его, но взоръ его всегда былъ устремленъ не впередъ, а назадъ. Поэтому онъ позналъ себя какъ никто до него еще не познавалъ себя, но — странная вещь: все, что онъ знаетъ о себѣ, онъ разсказалъ намъ съ полной откровенностью, а въ результатъ — мы не знаемъ о немъ ничего. Ибо у него нѣтъ характера. Онъ — ничто, всезнающее и всепонимающее, не поступившееся ничѣмъ, не забывшее ничего, а потому ничего и неосуществившее, ни въ чемъ себя не проявившее.

По сравненію съ прустовскимъ «Я», даже столь богато гармонизованные люди какъ толстовскіе кажутся уже звучащими одногласно. Однако, прустовское усложненіе челоуѣка въ конечномъ итогѣ оказывается упрощеніемъ: челоуѣкъ, лишенный характера, какъ его «Я», или характеръ котораго «сведенъ» къ укорененному въ половой сферѣ комплексу, — какъ у его содомитовъ, — такое же построеніе, какъ комедійный типъ. Крайности всегда сходятся — и не случайно, что за исключеніемъ «Я», барона Шарлю и его братьевъ по ордену, всѣ остальные персонажи Пруста — пародированные представители различныхъ соціальныхъ категорій, «personae», маски, типы. Это творчество двойственно: съ одной стороны, разрозненно звучащія, перекрещивающіяся, лишенные собственной гармоніи голоса бездушныхъ «типовъ», съ другой, чистая, самодовлѣющая гармонія.

Тяготѣніе къ такой самодовлѣющей гармоніи — общая черта самыхъ одаренныхъ современныхъ композиторовъ. Въ классической музыкѣ гармонія опредѣлялась мелодіей. Въ современной сама мелодія опредѣляется гармоніей. Она вычерчиваетъ кривую столкновений гармоническихъ массъ. Взятая отдѣльно, она такъ-же бессмысленна, какъ кривая рождаемости и смертности или міроваго потребленія каучука за столько-то лѣтъ. Такова мелодія Дебюсси, Стравинскаго, Прокофьева.

Ихъ творчеству, въ литературѣ, соответствуетъ творчество В. Сирина. Его персонажи, если угодно, дѣятели; слѣдовательно, казалось-бы, должны обладать характеромъ. Но они дѣйствуютъ, подчиняясь исключительно потребности дѣйствовать. Головоломная альпійская экскур-

сія или конспиративная поѣздка въ Россію для героя «Подвига» одно и то же. И не случайно избралъ В. Сиринъ для своего геніальнаго человѣка самый безпредметный, самый внѣжизненный, самый бессмысленный видъ искусства — шахматы. Возрожденіе создало понятіе человѣка-творца, человѣка-художника, virtuoso, творящаго, подчиняясь своему импульсу къ творчеству, своей virtu. Но искусство для «виртуоза» всегда означало обогащеніе, осмысленіе, оплодотвореніе жизни; оно всегда было цѣлеустремленно: ибо творчество было средствомъ схватить, воплотить предносившійся взору художника образъ совершенства, обладающій потенциально объективнымъ бытіемъ. «Virtu» художника лишь подсказывало ему, какой именно образъ онъ въ силахъ извлечь изъ всей массы тѣхъ, что, по слову Микель-Анджело, таить въ себѣ любя мраморная глыба. Всякій творецъ обреченъ своей virtu. Но эта обреченность божьему дару — благословеніе; тогда какъ геній Лужина — его проклятіе, единственное средство «защиты» отъ котораго это — выброситься изъ окна на мостовую.

Творчество, дѣланіе есть актъ пріобщенія человѣка-микрокосма къ макрокосму. Дѣятельность же сиринскихъ героевъ протекаетъ гдѣ-то внѣ міра. Они такъ же отъединены отъ всего сущаго, такъ же одиноки, въ своемъ дѣланіи, какъ «чистый» познающій субъектъ Пруста. Окружающій міръ дробится для нихъ на множество разрозненныхъ миговъ. Въ немъ нѣтъ смысла, нѣтъ связи. Поэтому нѣтъ и грани, отдѣляющей дѣйствительность отъ призраковъ.

Похоже на то, что міръ, въ которомъ живутъ герои В. Сирина, это міръ самого автора. Въ извѣстномъ отношеніи словесное искусство доведено у Сирина до предѣловъ совершенства. Я не знаю другого писателя, у котораго бы наша столь полное разрѣшеніе одна изъ главныхъ задачъ искусства: воспроизведеніе безусловной взаимозависимости тѣлеснаго и душевнаго. У Сирина всякій образъ, рисуемый имъ, мы воспринимаемъ эмоционально, и всякая эмоція, всякая мысль у него находятъ себѣ тѣлесное воплощеніе, единственно адекватное и безусловно необходимое. И въ то же время, изъ всѣхъ большихъ писателей, нѣтъ ни одного, кто бы столь мало стѣснялъ себя чеховскимъ правиломъ: если въ разсказѣ упомянуто о ружьѣ, оно, рано или поздно, должно выстрѣлить.

Великолѣпны отдѣльныя мѣста въ произведеніяхъ Сирина. Но мы часто не знаемъ, къ чему они. Они не слагаются въ единое цѣлое. У автора нѣтъ образа міра, — какъ нѣтъ его у его героевъ. Въ художественномъ произведеніи, написанномъ прозою, т. е. языкомъ самой эмпирической жизни, художественная идея есть ничто иное какъ образъ самой жизни. Нѣтъ его у художника, нѣтъ и художественной идеи. Нѣтъ произведенія какъ цѣлаго. Этотъ срывъ изумительнаго, несравненнаго по мастерству, по богатству своихъ возможностей художника, — не случайность. Онъ знаменуетъ собою катастрофу всей нашей культуры, состоящую въ разрывѣ между «внутренней» жизнью и «внѣшней»; или — что то же — въ распадѣ челоуѣческой личности, въ утратѣ ею своего «ведущаго голоса», мелодіи, характера.

«Мы не знаемъ, говорить одинъ изъ компетентѣйшихъ историковъ литературы, что собственно такое юморъ; но намъ отлично извѣстно, что въ области юмора Сервантесъ — царь» *). Высказать это, значитъ подписать смертный приговоръ исторіи и теоріи литературы. Попробуемъ спасти положеніе, — и если Сервантесъ царь юмора — а это дѣйствительно такъ, — поищемъ у него, въ чемъ состоитъ юмористическій эффектъ, какъ особая разновидность комическаго эффекта.

Выше было сказано, что четверка «героевъ» Сервантеса какъ-то срастается, въ нашемъ сознаниі, въ нераздѣльную величину, въ коллективный *individuum*. Изъ этого опыта и надо исходить. Чудо, совершенное Сервантесомъ, возможно при условіи, такъ сказать, очеловѣченія Росинанта и осла. Достигается это рядомъ тончайшихъ словесныхъ внушеній. Встрѣтилось Донъ-Кихоту стадо кобылъ: «Случилось такъ, что Росинанту пришла охота позабавиться съ госпожами кобылами... и, не спросивши разрѣшенія у хозяина, онъ пустился рысцою». Кобылы искусади и залягали Росинанта. Донъ Кихоть возмущенъ: необходимо «отомстить за оскорбленіе, нанесенное на нашихъ глазахъ Росинанту». Но Санчо воз-

*) Paul Hazard, *Don Quichotte de Cervantes*, p. p. 260.

лагааетъ отвѣтственность на самого потерпѣвшаго и удивляется его поведенію: «Никогда я не ожидалъ подобнаго отъ Росинанта: я его считалъ такой же цѣломудренной и миролюбивой особю (persona), каковыя я самъ». Каторжники, которыхъ освободилъ Донъ Кихоть, въ награду затѣяли съ нимъ драку, забросали его и Санчо камнями, затѣмъ удалились съ поля битвы. «Остались только осель, Росинантъ, Санчо и Донъ Кихоть (обр. вниманіе на порядокъ перечня). Осель стоялъ задумчиво, опустивъ голову, потряхивая ушами и думая, что каменный дождь еще продолжается». Послѣ долгихъ поисковъ Санчо нашелъ своего осла, украденнаго разбойникомъ. «Онъ ...сталъ ласкать и цѣловать его, какъ если бы это былъ человѣкъ». Осель молчалъ и принималъ ласки и поцѣлуи Санчо, не отвѣчая ему ни слова».

Въ одномъ изъ рассказовъ Тэффи есть почти буквальное совпаденіе съ этимъ мѣстомъ. Попался ѣхавшій въ саняхъ бабѣ заяцъ съ подстрѣленной лапой. Подобрала его баба, перевязала лапу, умилилась, глядя на него, повела къ нему рѣчь. «Заяцъ ѣхалъ чинно, въ бесѣду не вступалъ, чуть-чуть пошевельивалъ усамі...» (Заяцъ). Совсѣмъ по сервантесовски звучитъ еще одно мѣсто у Тэффи: «Кромѣ кучера и прачки живутъ въ усадьбѣ и другія живыя души: хитрая лошадь, думающая только объ овсѣ, да какъ бы поменьше работать и обжора корова» (Тихая Заводь).

Бергсонъ опредѣляетъ комическій эффектъ какъ эффектъ, вызываемый несоотвѣтствіемъ между ожидаемымъ и воспріятіемъ: мы ожидаемъ проявленія воли, руководимой сознаніемъ — и встрѣчаемъ условный рефлексъ, автоматизмъ (напр., автоматическая скудность Плюшкина); ожидаемъ «высокаго» — и встрѣчаемъ «низкое» — напр., въ пародіи на элическую поэму или оду: вульгарное содержаніе здѣсь, такъ сказать, автоматизируетъ приемы «высокаго» стиля, обездушиваяетъ ихъ.

Юмористъ достигаетъ комическаго эффекта, дѣйствуя съ другого конца. вмѣсто того, чтобы снижать «высшее», онъ возвышаетъ «низшее», чѣмъ, конечно, косвенно все-таки снижаетъ «высшее». Въ одномъ мѣстѣ Тэффи обнажаетъ юмористическій приемъ, дѣйствуя съ двухъ концовъ одновременно: «Собаки въ сѣняхъ завилияли хвостами и лица ихъ, послѣ Фогельшиной морды, казались родными и добрыми» (Старухи). Совсѣмъ какъ

Сервантесъ, здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, она дѣйствуетъ путемъ словесныхъ внушеній. Дѣти въ зоологическомъ саду видѣли, какъ «въ маленькомъ квадратномъ прудочкѣ купался какой-то нечеловѣкъ...» (Олень). Назвавши тюленя нечеловѣкомъ, она тѣмъ самымъ уже какъ-то его очеловѣчиваетъ.

Для изученія сущности юмора разсказа Тэффи заключаютъ въ себѣ неисчерпаемый матеріалъ. На сотни ладовъ разрабатываетъ она юмористическій приѣмъ и отъ ея улыбки все оживаетъ — даже дохлый жукъ: «Въ одномъ углу ку жилъ дохлый жукъ. — Совсѣмъ былъ дохлый и жилъ спокойно» (Ревность). Ея «герои» — маленькія дѣти, влвшія въ дѣтство старушки — относятся къ своимъ вещамъ, какъ къ личностямъ. Игрушечный баранъ въ разсказѣ «Неживой Звѣрь» самое близкое существо для одинокой дѣвочки. Другая дѣвочка влюбляется въ «чортика въ баночкѣ» и открываетъ ему свое сердце: «я люблю васъ, чортъ». Мадамъ Лазенская, одинокая, заброшенная, расходуетъ запасъ материнской нѣжности на флакончикъ съ духами: «...вынула флаконъ, понохала, затѣмъ снова заботливо завернула... и тихо и ласково, словно спеленутаго ребенка, уложила его на прежнее мѣсто» (За стѣной). Для Тэффи каждая вещь имѣетъ свою физиономію и, значить, душу. Бумажная роза на куличѣ «низко свѣсила свою алую головку, словно разсматривая большую заплатку, украшавшую сѣрую чайную скатерть» (тамъ-же). У гитары «бываютъ свои настроенія (обр. вниманіе на оправданность этого слова примѣнительно къ музыкальному инструменту) и не всегда отвѣчаетъ она одинаково даже на привычное ей касаніе» (Воспом.).

Даже рукавицу она считаетъ способной къ эмоціямъ: «Тяпка (собачка), какъ обезумѣвшая отъ ужаса коричневая шерстяная рукавица, бросилась... на Затаканова» (Парь). Она любовно описываетъ обстановку въ комнатѣ двухъ милыхъ дѣвушекъ. Здѣсь все уютно и трогательно; и когда она говоритъ, что на полу «на спиртовкѣ грѣлся утюжокъ», намъ и этотъ утюжокъ кажется какимъ-то маленькимъ симпатичнымъ существомъ (Авант. романъ).

И здѣсь источникомъ служить Донъ Кихоть. Цирюльникъ отобралъ у Санчо свой переметь, который Санчо присвоилъ. «Сеньоры, говоритъ онъ свидѣтелямъ столкновенія, — этотъ переметь столько же принадлежитъ мнѣ,

какъ смерть, которую пошлетъ мнѣ Богъ, — и я его знаю такъ же хорошо, какъ если бы я родилъ его. Вотъ тутъ въ стойлѣ мой осель: онъ не позволилъ бы мнѣ солгать».

Творчество Тэффи, какъ ничье другое, обнажаетъ духовные корни юмора. Кромѣ дѣлвицы-лошади и обжоры-коровы обитаютъ въ Тихой Заводи еще куры. Старичекъ-кучеръ и старуха прачка никакъ не могутъ сообразить, сколько ихъ — четыре или пять. Одна то исчезаетъ, то снова появляется, — «и больше всѣхъ зерна слопаеть, и другихъ куръ задираеть. Большая, сѣрая и видно, что не бл а г о с л о в я с ь к л ю е т ь». Старики (тамъ-же) заводятъ разговоръ объ именинахъ. «Каждая тварь именины понимаетъ. Червякъ — и тотъ подъ Ивана Купалу празднуетъ. На Зосиму-Савватія пчелка именинница... Лошадь на Фрола и Лавра именинница... Въ Благовѣщенье — птица именинница...» Тутъ старуха пугается: она забыла, когда корова именинница. «Вотъ не вспомнишь, а не вспомнивъ, обидишь, попрекнешь либо-что — и грѣхъ. Она сказать не сможетъ, смолчить. А тамъ наверху ангелъ заплачетъ».

Здѣсь Тэффи, еще ближе чѣмъ Сервантесъ, вступившій передъ смертью въ орденъ св. Франциска, подводитъ насъ къ ихъ общему литературному первоисточнику. Завелся въ окрестностяхъ города Губбіо страшный волкъ, пожиравшій не только скотовъ, но и людей. Св. Францискъ вздумалъ укротить его. Пошелъ онъ волку навстрѣчу и увидавши его, осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: иди сюда, братъ волкъ; именемъ Христовымъ запрещено тебѣ дѣлать зло людямъ. И онъ объяснилъ волку, что нельзя убивать людей, ибо они созданы по образу и подобию Божію; ты, говорилъ онъ волку, заслужилъ висѣлицы, какъ разбойникъ и душегубъ. Но я хочу заключить съ тобою миръ, и люди простятъ тебя и ни они, ни ихъ собаки не станутъ тебя обижать. И волкъ кротко, какъ ягненокъ, слушалъ святого, кивалъ головою, махалъ хвостомъ и всячески показывалъ, что готовъ повиноваться, и, по требованію св. Франциска, въ знакъ клятвы, протянулъ ему свою правую лапу.

Св. Францискъ повелъ его въ городъ и тамъ заставилъ его повторить клятву. Волкъ сталъ на колѣни и, какъ могъ, показавъ, что будетъ соблюдать договоръ. А жители обѣщались кормить его. Съ тѣхъ поръ волкъ жилъ въ городѣ, ежедневно обходилъ гражданъ за подачкой и собаки не лаяли на него. Черезъ два года онъ умеръ отъ старо-

сти, всѣми оплаканный (J. Fiorell: di S. Francesco, гл. XXI).

Само собою разумѣется, что въ этомъ первоисточникѣ нѣтъ и тѣни юмора. И св. Францискъ не смѣялся, когда слагалъ свой гимнъ брату Солнцу и говорилъ проповѣдь сестрамъ-птичкамъ. Юморъ предполагаетъ раздвоеніе сознанія, возвратъ къ міровоспріятію, изъ котораго сознаніе выросло, но отъ котораго оно все же не отреклось, безъ того чтобы оно пожертвовало чѣмъ-либо изъ нажитого опыта. Юморъ — свойство зрѣлаго интеллекта (дѣти лишены его, глупцы тоже: они или не воспринимаютъ вовсе показаннаго имъ съ юмористической стороны, или принимаютъ шутку всерьезъ), но интеллекта сочетаннаго съ потребностью и способностью, несмотря ни на что, полюбить и благословить. Наивная, слѣпая, неразсуждающая, «нечеловѣческая и самозабвенная» любовь (Тэффи считаетъ, что собачка Тяпка, у которой, по мнѣнію одного изъ персонажей разсказа, не душа, а паръ, въ этомъ отношеніи превосходить человѣка) — теза. Разсѣивающее, разлагающее, мертвящее знаніе — антитеза. Юморъ — синтезъ.

Способность къ юмору то же, что способность къ любви, любви безъ ослѣпленія, безъ рабскаго неразсуждающаго преклоненія передъ любимымъ, любви зрячей, судящей, осуждающей и прощающей. Лучшія слова о такой любви сказаны Тэффи: «...самый горькій и самый подвижническій ликъ любви — любовь къ возлюбленному материнская. Въ форму, создаваемую ею, свободно вливаются и отъязвленные негодяи — ихъ остро жаль какъ заблудшихъ, — и люди глупые — глупость умиляетъ — и ничтожные — ничтожные особо любимы потому, что жалки и безпомощны, какъ дѣти» (Авант. романъ).

Юмористическое благодушіе — противоположность прекраснодушію, отдѣляющемуся условностями, закрывающему глаза на зло и на грязь, инфантильному, порочному въ зрѣломъ человѣкѣ, виду доброты. Юморъ соприкасается съ ироніей, которая есть ничто иное какъ насмѣшка надъ прекраснодушіемъ. Донъ Кихоть, ничуть не усумнившійся въ своей непогрѣшимости послѣ того какъ выяснилось, что избитый имъ «злой рыцарь» — безобидный бакалавръ, и что мальчишка, за котораго онъ было заступился, пострадалъ отъ его непрощеннаго заступничества, — предметъ ироніи Сервантеса.

Въ органической сочетанности юмора и ироніи, въ полной оправданности двойственного отношенія къ одному и тому же объекту, состоитъ глубина Сервантеса, освобождающая, очищающая сила его генія. И въ этомъ отношеніи Тэффи сближается съ авторомъ Донъ Кихота. Въ разсказѣ «Олень» мальчикъ, заразившійся тоскою, прочитанною имъ въ глазахъ оленя въ зоологическомъ саду, выбрасывается изъ окошка. Въ то время, когда онъ карабкается на окно чердака, приходитъ къ кухаркѣ парень изъ лавки и вступаетъ съ нею въ шуточную бесѣду. Мимоходомъ онъ спрашиваетъ ее, кто это у нихъ на чердакѣ забрался. Кухарка смѣется: это ему почудилось; никого тамъ нѣтъ и не было. И шуточный флиртъ продолжается. На томъ-же символѣ построены финаль «Авантюрнаго романа», гдѣ прекраснотушный патеръ смотритъ, какъ несутъ выброшенное волнами тѣло Наташи-Маруси и — не видить, продолжаетъ радоваться тому, какъ все хорошо, мирно, благодатно *).

Есть въ ироніи Тэффи еще одинъ отгѣнокъ, соответствующій еще одному аспекту того, что обычно обнаруживаетъ себя въ прекраснотушнн. Прекраснотушнн въ сущности — одинъ изъ видовъ равнодушія, того удобнаго душевнаго состоянія, ради достиженія котораго люди сами заволакиваютъ міръ сѣтью вербальныхъ формулъ, порядностей, условностей. Со слѣпотю на ужасное связана и слѣпота на истинно-прекрасное, даже отвращеніе отъ него: все, выходящее изъ рамокъ привычнаго, условнаго, отпугиваетъ, — просто не умѣщается въ сознаніи. Истинный художникъ показываетъ все въ символахъ. Къ проблемѣ прекраснотушія-равнодушія Тэффи подводитъ какъ бы случайно. Отправилась веселая компанія, прогулки ради, въ монастырь. Одной изъ участницъ, актрисъ, пришла охота исповѣдаться, — просто такъ, отъ скуки. И во время исповѣди случилось нѣчто, что снова вызываетъ въ памяти францисканскую легенду, — настоящее чудо. Монашку вдругъ открылось то, чего и не подозрѣвала сама въ себѣ актриса, невинность ея ребяческой души, и его

*) Этотъ патеръ напоминаетъ abbé Bournoisien изъ Mme Bovary. Въ последнее время была выяснена связь Mme Bovary съ Донъ Кихотомъ (см. Thibauder, Gustave Flaubert). Интересно было бы прослѣдить промежуточные звенья, которыми Тэффи связывается съ Сервантесомъ.

лицо озарилось сіяніемъ неземной радости. Переночевавши, компанія возвращается домой. Баба Федосья осталась недовольна: плохой монастырь, устава не блюдутъ, выпиваютъ. Чудо прошло незамѣченнымъ (Сердце).

**

Своей ироніей Тэффи сближается съ В. Сиринимъ и съ его учителемъ, общимъ учителемъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ новыхъ писателей, Андрэ Жидомъ. Нѣтъ никакой «иманентной» эволюціи романа. Писатель чуткій и умный, даже тогда, когда его вниманіе устремлено на поиски новаго «пріема», на самомъ дѣлѣ бессознательно старается понять, — а еще чаще предугадать, — эволюцію жизни. Никогда, кажется, жизнь еще не давала столько матеріала для ироніи и пародіи, какъ сейчасъ, и никогда еще сознание не достигало такой зоркости и такой отрѣшенности отъ всего, что его затуманиваетъ иллюзіями и сковываетъ догмами. Разоблаченіе фетишей, переоцѣнка цѣнностей, обнаженіе безсмыслія отъ условно приписываемыхъ ему «смысловъ» — таково главное занятіе нынѣшнихъ писателей. Тэффи дѣлаетъ то-же, но — такова животворящая сила юмора, восполняющаго иронію, — разлагая, даетъ новый синтезъ, обезсмысливая жизнь, озаряетъ ее свѣтомъ новаго смысла, — собственно говоря единственнаго вѣчнаго смысла, идеи сопутствующей человѣчеству съ незапамятныхъ временъ и воплощаемой всегда въ одномъ символѣ, Дѣвы, Дѣвы-Матери съ сердцемъ пронзеннымъ мечемъ (любовь Антигоны, Корделии, Гретхенъ и Наташи изъ «Авантюрнаго Романа» — материнская любовь), символъ того Начала, которое одно торжествуетъ надъ безнадежностью, изнеможеніемъ, смертію. *Das ewig Weibliche zieht uns hinan...* Вѣрная своему стилю, стилю всей современной жизни, Тэффи и этотъ символъ разрабатываетъ юмористически, продѣлывая надъ нимъ рядъ экспериментовъ, имѣющихъ цѣлью, такъ сказать, провѣрить его живучесть, послѣдовательно воплощая идею Вѣчно-женственнаго въ образахъ все менѣе и менѣе импонирующихъ*), — кончая глупой старухой

*) Этотъ экспериментъ продѣлалъ и А. Жидъ, попытавшійся оживить старинный образъ чистой сердцемъ проститутки («*Les Caves du Vatican*»).

(«Жюльетта»), которая увѣряетъ всѣхъ, что развелась со своимъ сварливымъ и капризнымъ мужемъ, прячетъ его отъ знакомыхъ и счастлива по настоящему только тогда, когда онъ нездоровъ и она должна кормить его, «какъ маленькаго», кашкой. Символь сниженъ, осмѣянъ, окаррикатуренъ, и все-таки — сияетъ немеркнущимъ свѣтомъ; болѣе того, утративъ классическую форму, ставшую уже академичной, воплощенный въ будничныхъ, пошлыхъ чертахъ, сталъ убѣдительнѣе и трогательнѣе.

П. Биццли.

Чехи и словаки до ихъ государственнаго объединенія

Происшедшее послѣ войны объединеніе чеховъ и словаковъ въ одномъ государствѣ, въ Чехословацкой Республикѣ, было событіемъ поистинѣ революціоннымъ. Оно могло произойти лишь какъ послѣдствіе міровой революціи, страшнымъ проявленіемъ которой была міровая война. Лишь революція могла вырвать Словакію изъ государственнаго комплекса, къ которому она принадлежала, — хотя и не 1000 лѣтъ, какъ иные любятъ утверждать, но во всякомъ случаѣ добрыхъ 900, — и затѣмъ объединить ее въ единое государственное цѣлое съ землями бывшей чешской короны, отъ которыхъ въ теченіе всего этого времени она была оторвана. Съ точки зрѣнія моральной эта революція была глубоко обоснована въ категорическомъ желаніи словаковъ порвать вѣковую связь съ старымъ венгерскимъ государствомъ, гдѣ имъ отказывали въ основныхъ условіяхъ самостоятельной національной жизни, и гдѣ ихъ національности грозила почти неминуемая гибель, въ ихъ стремленіи объединиться въ одно государство съ чехами, къ которымъ ихъ влекло сознаніе близкаго племенного родства, вѣрнѣе даже единства. Какъ тѣ изъ словаковъ, которые признавали себя лишь вѣтвью единаго чехословацкаго народа, такъ и тѣ, которые считали себя, хотя и близкимъ чехамъ, но все же особымъ народомъ, всѣ одинаково признавали необходимость разорвать существовавшій союзъ съ венграми и объединиться, политически и государственно, съ чехами. Это желаніе и было осуществлено при созданіи Чехословацкой Республики, въ которой словаки на равныхъ основаніяхъ съ чехами пользуются всѣми правами главнаго государственнаго народа и гдѣ ихъ языкъ, наряду съ чешскимъ, признанъ также государственнымъ. Этимъ однако еще не разрѣшается важный, съ точки зрѣнія научной и политической, вопросъ: надлежитъ-ли въ дѣйствительности чеховъ и словаковъ считать двумя вѣтвями од-

ного народа, какъ въ этомъ убѣждены всѣ чехи и значительное количество словаковъ, или же двумя народами, хотя и родственными, но одинаково самостоятельными, какъ это часто утверждаютъ изъ весьма понятныхъ политическихъ соображеній не только всѣ мѣстные и иностранные противники чехословацкаго государства, но и нѣкоторые словаки. Я не собираюсь въ этой работѣ входить во всѣ детали этого вопроса. Я попытаюсь освѣтить лишь одну важную его сторону, нарисовавъ картину взаимныхъ отношеній чеховъ и словаковъ, бывшаго словацкаго и чешскаго государства, на протяжении извѣстнаго отрезка исторіи.

Въ наше время можетъ считаться уже безспорнымъ, что основныя земли бывшаго чешскаго государства, т. е. Чехія и Моравія съ одной стороны, и Словакія съ другой, были заселены почти одновременно славянами различныхъ племенъ, весьма близкихъ по языку и происхожденію. Эти предки современныхъ чеховъ и словаковъ не были единымъ народомъ, но могли имъ легко сдѣлаться съ теченіемъ времени. Высказывавшееся раньше, да и теперь иногда повторяемое предположеніе, что первоначальные обитатели словацкой территоріи принадлежали къ группѣ югославянскихъ племенъ, конечно, невѣрно. Такимъ образомъ, если различныя племена въ Чехіи и Моравіи слились довольно скоро въ одинъ народъ, то подобный процессъ могъ захватить и словацкія племена. Предпосылки для созданія единаго государства и народа изъ всѣхъ этихъ племенъ и изъ территоріи, ими занимаемой, были безспорно на лицо *). Казалось, что развитіе и пойдетъ именно въ этомъ направленіи.

Въ первую великую славянскую имперію, возникшую на чехословацкой территоріи и основанную въ VII вѣкѣ княземъ Само, франкомъ по происхожденію, Словакія, по всей вѣроятности, не была включена. Однако, когда въ IX столѣтіи выросло новое славянское государство на Моравѣ, то Словакія была присоединена къ нему раньше, чѣмъ Чехія. Уже первый извѣстный намъ моравскій князь Моймиръ

*) Изъ новыхъ работъ на эту тему слѣдуетъ отмѣтить цѣнную книгу молодого голландскаго ученаго I Т. Лохера: *Die nationale Differenzierung und Integrirung der Slovaken und Tscheken in ihrem geschichtlichen Verlauf bis 1848* (Haarlem, 1931).

покорил нитранское княжество въ Словакии, изгнавъ оттуда между 835 и 836 годами князя Прибину, построившаго въ своемъ стольномъ градѣ Нитрѣ первый христіанскій храмъ въ Словакии. Западная Словакія входила въ великое моравское княжество безъ перерывовъ вплоть до его распада; восточная часть теперешней Словакіи была въ то время, да и еще много позднѣе, почти совершенной пустыней. Наибольшихъ размѣровъ, равно какъ внѣшняго и внутренняго расцвѣта великоморавское княжество достигло во время могущественнаго князя Святополка (870-894), верховную власть котораго признала и Чехія, несмотря на то, что она сохранила своихъ князей. Звеномъ, спаивающимъ всѣ эти часто лишь весьма слабо соединенныя части имперіи, могло стать учрежденіе единой церкви. Населеніе, познавшее Христово ученіе уже раньше отъ нѣмецкихъ священниковъ, перешло окончательно въ христіанство подъ вліяніемъ «славянскихъ» апостоловъ Кирилла (Константина) и Мефодія, родомъ изъ греческой Солуни, которые были, по просьбѣ Ростислава, предшественника Святополка, посланы въ 863 г. въ Моравію изъ Царьграда. Дѣятельность солунскихъ братьевъ протекала въ полномъ согласіи съ папскимъ престоломъ въ Римѣ. Мефодій былъ папой назначенъ (въ 880 г.) архіепископомъ «моравскимъ», причемъ ему были подчинены два новыя епископства, учрежденныя въ имперіи Святополка, центромъ одного изъ коихъ была словацкая Нитра. Созданіе этой церковной организациіи уничтожало всѣ споры о славянскомъ богослуженіи, вводимомъ архіепископомъ Мефодіемъ и его священниками и отвергаемомъ нѣмецкими священниками, которые обвиняли архіепископа Мефодія въ приверженности къ византійской ереси. Вскорѣ послѣ смерти Мефодія (885 г.) славянское богослуженіе, по приказанію папы и съ согласія князя Святополка, было уничтожено и франкское духовенство латинскаго обряда распространило свою дѣятельность на всѣ его земли. Когда однако Святополкъ умеръ (894 г.), сейчасъ же начался развалъ его имперіи, а въ началѣ X столѣтія она была уничтожена набѣдами дикихъ мадьяръ, которые съ 895 года обосновались въ центрѣ будущей Венгріи.

Паденіе великаго моравскаго княжества, вызванное прежде всего, но не исключительно, мадьярскими набѣгами, произвело глубокой переворотъ въ отношеніяхъ между славянскимъ населеніемъ Чехіи и Моравіи, т. е. предками

современных чеховъ и родственнымъ племенемъ въ Словакии. Когда вскорѣ послѣ паденія великаго моравскаго княжества на чехословацкой территоріи вновь начали объединяться славянскія племена, то это объединеніе, очагомъ котораго была уже не Моравія, а болѣе западная Чехія съ центромъ въ Прагѣ, стремилось захватить и болѣе восточныя племена, жившія на территоріи современной Словакии. Эти же послѣднія, наоборотъ, слились съ венгерскимъ государствомъ и оставались въ немъ до нашихъ дней. Великоморавская имперія при своемъ паденіи увлекла за собой единую и самостоятельную церковную организацію чехословацкаго племени. Моравское архіепископство съ двумя подчиненными епископствами, одно изъ которыхъ было въ словацкой Нитрѣ, распалось. Чехія и Моравія подпали подъ церковную власть сосѣднихъ баварскихъ епископовъ. Когда же черезъ нѣкоторое время въ Прагѣ было установлено особое епископство, то оно было до XIV в. подъ управленіемъ архіепископовъ майнцкихъ. Въ противовѣсъ этому, Словакія уже при самомъ возникновеніи самостоятельной венгерской церковной организаціи при королѣ Стефанѣ стала непосредственной и притомъ весьма значительной ея составной частью (духовный глава венгерской церкви, архіепископъ Остригомскій, обладалъ своей самостоятельной епархіей, большая часть которой находилась въ Словакии).

Этотъ съ чехословацкой точки зрѣнія роковой сдвигъ Словакии отъ Чехіи и Моравіи въ сторону Венгріи безспорно не былъ въ культурномъ отношеніи благопріятенъ для предковъ нынѣшнихъ словаковъ. Оторвавшись отъ великоморавскаго княжества и попавъ подъ владычество венгровъ, словаки оказались въ гораздо болѣе отсталыхъ условіяхъ государственныхъ и культурныхъ, чѣмъ были ранѣе. Въмѣсто церковно организованнаго и въ культурномъ отношеніи прекрасно вооруженнаго христіанства (вспомнимъ хотя бы то, что въ Чехіи и Моравіи употреблялось уже въ это время славянское письмо и что тамъ возникли, по всей вѣроятности, первыя славянскія кирилло-мефодійскія легенды), они нашли въ Венгріи примитивное язычество. Въмѣсто развитой государственной организаціи, они нашли вольный союзъ кочующихъ бойцовъ, которые объединялись лишь ради совмѣстныхъ набѣговъ за добычей. Въ то время какъ словаки едва ли могли научиться у своихъ властелиновъ

чему-нибудь полезному, послѣдніе могли и дѣйствительно учились у словаковъ многому. Извѣстно, что венгры переняли отъ покоренныхъ мораво-словацкихъ христіанъ всѣ выраженія, касающіяся понятій, связанныхъ съ христіанствомъ и внѣшней культурой, названія ремеслъ, а также термины политическихъ и церковныхъ учреждений.

Покореніе словаковъ, принесшее, такимъ образомъ, много выгодъ мадьярамъ, для самихъ словаковъ означало не только разрывъ существовавшаго политическаго и культурнаго союза съ чешскими племенами въ Чехіи и Моравіи, но и пріостановку весьма плодотворнаго развитія, которое подъ вліяніемъ этого союза могло привести ихъ на высшую ступень культуры. Мы поймемъ все печальное значеніе этого факта, если вспомнимъ, до какого блестящаго расцвѣта дожила молодая христіанская культура въ государствѣ, которое создалъ пражскій княжескій родъ Пржемысловичей въ западной части чехословацкой территоріи послѣ паденія великоморавской державы, отторгнувшаго словаковъ отъ ихъ братьевъ въ Чехіи и въ Моравіи. Эта эпоха была для чеховъ вѣкомъ Св. Вацлава и св. Войтеха, въ то время какъ венгры лишь въ началѣ слѣдующаго столѣтія, при королѣ Стефанѣ, вошли въ ряды христіанскихъ народовъ. При крещеніи венгровъ не малую роль игралъ какъ разъ святой Войтехъ и его чешскіе соратники, среди которыхъ одинъ (воспитатель Войтеха Радла-Анастасіусъ Астрикъ) сталъ даже первымъ архіепископомъ остржигомскимъ. Какая огромная пропасть раздѣляла въ X вѣкѣ чеховъ отъ венгровъ въ ихъ отношеніяхъ къ западному христіанскому міру, видно изъ того, что въ памятной битвѣ у Аугсбурга (въ 955 г.), принесшей христіанскому оружію рѣшительную побѣду надъ дикими язычниками венграми, чехи сражались на сторонѣ нѣмецкаго императора Оттона I противъ мадьяръ и, конечно, въ весьма значительной степени содѣйствовали ихъ пораженію.

Битва у Аугсбурга и ея послѣдствія также свидѣтельствовали о томъ, что связь Словакіи съ Венгріей не была въ то время еще столь безусловно крѣпкой. Извѣстно, что сейчасъ же послѣ упомянутой битвы, или во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ нея, чешскій князь Болеславъ I овладѣлъ не только Моравіей, но и западной Словакіей (нитранскимъ краемъ); весь этотъ край оставался во владѣніи чеховъ до конца X или даже до начала XI столѣтія, когда св. Стефанъ

окончательно присоединилъ западную Словакію, въ политическомъ и церковномъ отношеніи, къ Венгріи.

Но чешскіе Пржемысловичи, въ средѣ которыхъ повидимому не погасло воспоминаніе о Великой Моравіи и о позднѣйшей связи западной Словакіи съ имперіей Болеслава I, не желали безповоротно помириться съ мыслью, что западная Словакія была потеряна окончательно для ихъ имперіи. По крайней мѣрѣ, неоднократные походы героическаго князя Бржетислава I (1034-1055) на Словакію доказываютъ, что Прага въ то время еще не потеряла надежды на возвращеніе Словакіи. Извѣстно, что этотъ князь снова присоединилъ къ Чехіи Моравію, которая во время княженія Болеслава Храбраго была нѣкоторое время подъ владычествомъ поляковъ. Хотя кромѣ Моравіи Болеславъ Храбрый покорилъ также и западную Словакію, Бржетиславъ послѣ отнятія Моравіи не смогъ овладѣть восточной частью бывшей имперіи Святополка и Болеслава. Однако, несмотря на это, онъ повидимому о ней не забывалъ. Когда въ 1030 г. нѣмецкій императоръ Конрадъ, желая увеличить вліяніе имперіи на востокъ, предпринялъ походъ въ Венгрію, чешскій Бржетиславъ принялъ въ немъ участіе, превышавшее въ значительной степени ту помощь, которую обычно оказывали нѣмецкому императору его вассалы: Не будетъ, очевидно, ошибочнымъ предположеніе, что въ этомъ случаѣ онъ стремился къ своей собственной цѣли, которая могла заключаться лишь въ покореніи Словакіи. Когда побѣдоносное чешское войско прошло Словакіей и, побѣдивъ венгровъ, дошло до Остржигома, то Бржетиславу могло казаться, что онъ дѣйствительно достигъ этой цѣли. Но военныя неудачи императора на правомъ берегу Дуная принудили Бржетислава вернуться.

Въ слѣдующій разъ Бржетиславъ вступилъ въ Венгрію при совершенно измѣнившихся условіяхъ. Споры о венгерскомъ тронѣ, возникшіе по смерти Стефана, побудили императора Генриха III, къ которому обратился за помощью одинъ изъ конкурентовъ, организовать въ 1042 г. походъ на Венгрію. Князь Бржетиславъ съ весьма сильнымъ войскомъ принялъ участіе въ этомъ походѣ и совместно съ войскомъ императора завладѣлъ западной Словакіей до самой рѣки Грона. Когда наконецъ венгры пришли къ дружественному соглашенію съ императоромъ Генрихомъ III, то Бржетиславъ добился по крайней мѣрѣ того, что добытая земля (лѣтописи говорятъ о девяти замкахъ) были пе-

реданы одному изъ Арпадовцевъ, который искалъ у его двора помощи. Такимъ образомъ Словакія вошла въ сферу чешскаго вліянія; однако это длилось не долго, такъ какъ протѣже Бржетислава былъ вскорѣ изгнанъ изъ страны.

Въ послѣдующіе годы Бржетиславъ отправляется еще три раза (1044, 1051, 1055 гг.) походомъ на Венгрію, вѣрнѣе на Словакію, и каждый разъ совмѣстно съ нѣмецкимъ императоромъ. Но эти экспедиціи, при которыхъ Бржетиславъ преслѣдовалъ ту-же цѣль, что и при первыхъ двухъ, принесли ему еще меньше успѣха, чѣмъ предыдущія.

И при наслѣдникахъ Бржетислава предпринимались подобныя походы чешскихъ князей на Венгрію, которые въ большинствѣ случаевъ касались лишь ея словацкой части. Этимъ экспедиціямъ, организовывавшимся иногда совмѣстно съ нѣмецкимъ императоромъ, иногда же самостоятельно, нельзя, однако, приписывать особаго значенія. При нихъ мы не видимъ сознательнаго стремленія овладѣть Словакіей, которая постепенно все больше и больше сливалась съ венгерскимъ государствомъ. Лишь во второй половинѣ XIII в., при великомъ королѣ Пржемыслѣ Отокарѣ II, мы вновь встрѣчаемся съ сознательнымъ стремленіемъ присоединить Словакію къ чешскому государству. Ставъ господиномъ земель, осиротѣвшихъ послѣ того, какъ вымеръ родъ австрійскихъ Бобенберковъ, Пржемыслъ II наткнулся на опаснаго соперника въ лицѣ венгерскаго короля Бѣлы, завладѣвшаго большей частью Штиріи. Споръ былъ разрѣшенъ въ 1260 г. славной битвой у Кресенбруна на полѣ Моравскомъ, недалеко отъ словацкихъ границъ, которая закончилась для Пржемысла блестящей побѣдой надъ его соперникомъ. Въ войскѣ побѣжденнаго венгерскаго короля находились, какъ сообщаетъ посланіе, которымъ король Пржемыслъ увѣдомлялъ о своей побѣдѣ папу, славянскіе подданные Бѣлы, очевидно, главнымъ образомъ словаки, которыхъ гнали ихъ мадьярскіе властители противъ чеховъ. Вслѣдствіе пораженія у Кресенбруна Бѣла былъ принужденъ отдать Пржемыслу всю Штирію, къ ней этотъ послѣдній въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ присоединилъ еще Хорутанію и Крайну и, будучи признанъ генеральнымъ капитаномъ аквилейскаго патріархата, продвинулъ границы своихъ владѣній до Адриатическаго моря.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ

въ головѣ великаго Пржемысла зародилось желаніе расширить свои владѣнія на востокъ и округлить свою державу со стороны чешскихъ и альпійскихъ земель пріобрѣтеніемъ по крайней мѣрѣ той части Венгріи, о которой тогда еще въ Прагѣ помнили, что она нѣкогда принадлежала къ великоморавской имперіи Святополка и которая была хорошо извѣстна благодаря частымъ походамъ чешскихъ князей и королей на Венгрію. На попытку осуществить подобныя планы прямо толкали условія, создавшіяся въ Венгріи послѣ смерти короля Бѣлы, когда на тронъ взошелъ его братъ Стефанъ. Онъ со всѣмъ своимъ семействомъ впалъ въ куманское язычество, которое тогда распространялось по всей Венгріи и становилось опаснымъ для христіанскихъ сосѣдей венгерскаго государства. Такимъ образомъ, передъ Пржемысломъ открывалась возможность соединить свои воинственные планы съ идеей защиты христіанства отъ языческой опасности, надвигавшейся изъ Венгріи. Когда, послѣ смерти Бѣлы, его дочь Анна бѣжала съ венгерской королевской короной къ Пржемыслу, который былъ ея зятемъ, и венгры ворвались сначала въ Австрію, а потомъ и на Мораву, то въ 1271 г. началась война. Чешскій король захватилъ западную Словакію, но его планъ покорить всю Словакію и Паннонію и загнать Стефана въ его куманскія владѣнія за Матру и Дунай не удался.

Черезъ два года (1272 г.) Пржемыслъ, желая отомстить за своего убитаго шурина, снова ворвался въ Венгрію и завладѣлъ весьма быстро западной Словакіей и частью Панноніи. Однако избраніе Рудольфа Габсбургскаго нѣмецкимъ королемъ остановило его дальнѣйшее движеніе. Паденіе Пржемысла было и концомъ его смѣлыхъ плановъ, направленныхъ къ тому, чтобы вернуть Моравію, а тѣмъ самымъ и чешскому государству, Словакію.

Но во время владычества его сына Вацлава II начало казаться, что эти мечты будутъ осуществлены въ еще болѣе крупномъ масштабѣ. Послѣ того какъ вымеръ родъ Арпадовцевъ, часть дворянства предложила венгерскую корону молодому сыну чешскаго короля, Вацлаву III. Онъ и былъ дѣйствительно коронованъ и введенъ какъ король въ Буду (1301 г.); но когда въ Венгріи все обратилось противъ него, то отецъ отозвалъ его уже черезъ три года (1304 г.) обратно въ Чехію. Черезъ годъ умеръ король Вацлавъ II и его сынъ Вацлавъ III, ставъ чешскимъ королемъ, отрекся окончательно отъ венгерской короны, такъ что

единымъ владыкой Венгрии сталъ его соперникъ Карлъ Робертъ изъ рода Анжу. Краткое правленіе Вацлава въ Венгрии сказалось однако весьма существенно на венгерской Словакии. Во главѣ партіи, симпатизировавшей Вацлаву, находился Матушъ Чакъ — тренчинскій жупанъ. Эту симпатію можно легко объяснить если и не славянскими взглядами Чака, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, что Чакъ хорошо сознавалъ близкое родство чеховъ и словаковъ и, быть можетъ, зналъ о томъ, что они составляли нѣкогда единое цѣлое. Но кто захотѣлъ бы видѣть въ Чакѣ словацкаго національнаго героя, — а такой взглядъ иногда высказывается, — или сознательнаго приверженца чехословацкаго единства, тотъ впалъ бы въ ошибку. Матушъ Чакъ не былъ ни по происхожденію, ни по чувствамъ своимъ словакъ, и такимъ образомъ не могъ быть словацкимъ, а тѣмъ болѣе чехословацкимъ героемъ. Это былъ эгоистъ, мечтавшій о почестяхъ и власти, который поддерживалъ чешскаго короля лишь изъ личныхъ побужденій. Король Вацлавъ отблагодарилъ его за вѣрную службу тѣмъ, что далъ ему въ наслѣдственное владѣніе замокъ Тренчинъ со всѣмъ тренчинскимъ округомъ. Быть можетъ его совѣтчикамъ приходило въ голову, что въ случаѣ, если бы не удалось удержать всю Венгрію, можно было по крайней мѣрѣ приобрести ея словацкую часть, огромное значеніе которой для чешской имперіи, особенно въ то время, когда къ ней принадлежала и польская территория на сѣверѣ Словакии, было совершенно ясно. Но если они на что-нибудь подобное рассчитывали, то нужно признать, что ихъ планъ абсолютно не удался. Черезъ нѣкоторое время Матушъ Чакъ совсѣмъ отсталъ отъ Вацлава. Его господство въ Словакии не было однако уничтожено. Ему удалось завладѣть почти всей Словакіей и въ томъ числѣ городами Девиномъ и Коморно. Главнымъ городомъ владѣній Чака и его столицей былъ Тренчинъ. Своимъ могуществомъ и блескомъ Матушъ былъ подобенъ королю, королевствомъ котораго была Словакія. Это «королевство», которое не отличалось, конечно, національнымъ словацкимъ характеромъ, но было лишь временнымъ конгломератомъ, безъ національныхъ и политическихъ традицій и потому безъ перспективъ на длительное существованіе, разсыпалось послѣ смерти Матуша, послѣдовавшей въ 1321 г. Но память о бывшемъ господствѣ Матуша сохранялась очень долго. По свидѣтельству вен-

герскаго лѣтописца Турона, который жилъ въ XV в., Словакію называли тогда «Матушовымъ краемъ»; это названіе употреблялось для Словакіи еще много позднѣе, почти въ нашу эпоху.

И послѣ того какъ вымеръ родъ Пржемысловичей, въ Чехіи не угасалъ интересъ къ словацкой части Венгріи; однако о ея присоединеніи нечего было и думать въ эпоху, когда венгерское государство было столь мощно подъ владычествомъ королей изъ династіи Анжу. Утвержденіе государственнаго единства венгерской короны способствовало укрѣпленію связи Словакіи съ Венгріей и въ то же время довершало и узаконивало ея политическій отрывъ отъ чешскихъ земель. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого политическаго разъединенія было постепенное взаимное отчужденіе населенія Чехіи и Словакіи въ области духовной и матеріальной культуры. Культурная атмосфера, окружавшая словаковъ въ венгерскомъ государствѣ и опредѣлявшая ходъ ихъ внутренняго развитія, кореннымъ образомъ отличалась отъ той, которую создавало чешское государство для чеховъ, находившихся на территоріи чешской короны. Однако внутренняя связь между чехами и словаками не была совершенно прервана, культурныя взаимоотношенія между обѣими землями не замерли, но даже наоборотъ развивались такъ живо и глубоко, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Словакія оказывалась по культурѣ ближе чешскимъ землямъ, чѣмъ инымъ частямъ венгерскаго государства.

Довольно малое значеніе для этого (во всякомъ случаѣ гораздо меньшее, чѣмъ мы обычно полагаемъ съ нашей современной точки зрѣнія) имѣла въ первые вѣка политическаго разъединенія чеховъ и словаковъ общность ихъ рѣчи. Что въ эту эпоху чехи и словаки, несмотря на нѣкоторыя различія въ діалектѣ, дѣйствительно говорили на одномъ языкѣ, общемъ имъ отъ самаго начала ихъ исторической жизни, — въ этомъ не можетъ быть сейчасъ никакихъ сомнѣній. Правда, до войны, подъ вліяніемъ извѣстнаго изслѣдователя словацкаго языка Чамбела, мадьяризированнаго словака, былъ довольно распространенъ взглядъ, что первоначальный языкъ словаковъ былъ ближе всего югославянскому и значительно отличался отъ чешскаго, который якобы проникъ въ Словакію лишь позднѣе, во время частыхъ походовъ и подъ вліяніемъ переселенцевъ, особенно многочисленныхъ въ

гуситскую эпоху. Болѣе подробное изученіе лингвистическихъ особенностей древне-чешскаго и древне-словацкаго языка показало однако совершенно ясно, что различія между словацкимъ и чешскимъ языкомъ до XIV и даже XVI столѣтія были не болѣе значительны, чѣмъ между чешскимъ и моравскимъ діалектами. У тогдашняго словака не было, по мнѣнію Годжи (см. его книгу «Чехословацкій расколъ»), причинъ считать языкъ пришлыхъ чеховъ чужой рѣчью: «можно сказать навѣрное, что онъ даже не замѣчалъ разницы между своимъ и чешскимъ языкомъ. Если онъ вообще наблюдалъ какое-нибудь различіе, то долженъ былъ считать чешскій языкъ только болѣе развитымъ, при безспорномъ сходствѣ его съ своимъ собственнымъ языкомъ». Помимо другихъ доводовъ, взгляды Годжи находятъ подтвержденіе и въ томъ, что древнѣйшіе памятники чешской письменности были извѣстны и въ Словакіи, ибо тамъ были найдены глаголическіе отрывки, а древнѣйшая чешская духовная пѣснь «Господи помилуй ны» тоже пѣлась въ Словакіи.

Развитіе этого общаго чехословацкаго языка было прервано однако присоединеніемъ Словакіи къ Венгріи. Какъ извѣстно, въ Венгріи гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было преобладалъ въ общественной жизни латинскій языкъ и венгерскій языкъ сталъ примѣняться, какъ языкъ литературный, гораздо позднѣе, чѣмъ чешскій. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и древній словацкій языкъ не могъ развиваться такъ, какъ это имѣло мѣсто въ чешскихъ земляхъ. Общій языкъ чеховъ, моравовъ и словаковъ, — чешскій или чехословацкій, какъ его называетъ словацкій историкъ литературы Буйнакъ (см. «Словацкую хрестоматію»), въ Словакіи замираетъ. Онъ, правда, живетъ среди народа, но уже больше не культивируется. Если бы не было политическаго развала имперіи (великоморавской), если бы онъ могъ и долѣе жить совмѣстно съ языкомъ моравскимъ и чешскимъ, то и развивался бы съ ними одинаково. Но въ Словакіи онъ все болѣе отставалъ, въ то время какъ въ Моравіи и особенно въ Чехіи, будучи примѣняемъ учеными кругами и дипломатіей, постепенно усовершенствовался.

Общая рѣчь и общія у чеховъ и словаковъ основы національной культуры облегчали конечно распространеніе чешскихъ культурныхъ вліяній въ Венгріи, главнымъ образомъ при посредствѣ ея словацкаго населенія. Я уже

говорилъ, что почти всѣ венгерскіе термины, связанныя съ церковной жизнью и вообще съ христіанствомъ, переняты у словаковъ. Но нѣкоторые перешли въ венгерскій языкъ быть можетъ и позднѣе изъ Чехій, сильное культурное вліяніе которой на Венгрію въ X и XI столѣтіи бесспорно. Если и собственно Венгрія не могла противостоять въ то время могущественному вліянію болѣе развитой чешской культуры, то можно съ достовѣрностью полагать, что это вліяніе было еще болѣе глубокимъ въ словацкой части Венгріи.

Внутренняя культурная связь между Чехіей и Словакіей, не уничтоженная и послѣ разрыва старой чехословацкой территоріи, части которой отошли къ различнымъ государственнымъ образованиямъ, была вновь сильно подкрѣплена огромной культурной волной, которая, начиная со второй половины XII вѣка, разливается по всему этому, нѣкогда объединенному, пространству. Этотъ культурный потокъ — нѣмецкая колонизація, введеніе такъ называемаго нѣмецкаго права и основаніе городовъ, не существовавшихъ до тѣхъ поръ на данной территоріи. Волна, конечно, залила и Чехію и Венгрію, первую изъ нихъ ранѣе и сильнѣе, чѣмъ вторую, но важно то, что въ Венгріи она значительнѣе коснулась Словакіи. Это интересное явленіе можно прослѣдить на процессѣ возникновенія королевскихъ городовъ въ чешскихъ земляхъ. Первые города возникли въ Чехіи и Моравіи лишь въ первой половинѣ XIII столѣтія (старый городъ пражскій начинаетъ существовать съ 1234-35 года), но уже менѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ, т. е. въ началѣ XIV в., въ одной Чехіи было 32 королевскихъ города (основанныхъ королями или на земляхъ, принадлежащихъ королямъ); значительное количество ихъ было и въ Моравіи. Въ Венгріи такихъ свободныхъ королевскихъ городовъ было въ эту эпоху гораздо меньше. Даже во время короля Сигизмунда, т. е. въ концѣ XIV столѣтія, имѣлось тамъ всего семь королевскихъ городовъ, причѣмъ изъ этихъ семи не менѣе пяти было въ Словакіи (Братислава, Трнава, Пряшовъ, Бардіевъ и Кошицы), въ то время какъ въ остальной Венгріи ихъ было всего два (Буда и Шопронъ). Но въ Словакіи кромѣ упомянутыхъ городовъ было еще 24 спишскихъ города, съ особыми правами, которые съ прилегающими къ нимъ посадами составляли особыя провинціи съ довольно развитымъ са-

моуправленіемъ. Кромѣ того города съ горной промышленностью, которые считались личными городами короля, (какъ въ Чехіи города коморные), были почти исключительно въ Словакіи (Кремница, Баньска Штявница и т. д.). Во всѣхъ этихъ городахъ въ Словакіи, точно такъ же, какъ въ Чехіи и въ Моравіи, мѣщанство было первоначально нѣмецкое, такъ какъ они были основаны нѣмецкими переселенцами. Кромѣ того, въ XIII и XIV столѣтіи на словацкой территоріи, подобно тому какъ въ Чехіи и Моравіи, возникло много крѣпостныхъ городовъ и сель (т. е. такихъ, которые были во владѣніи отдѣльныхъ господъ), основанныхъ также нѣмецкими переселенцами. Нѣмецкіе города, села и деревни, которыми тогда Словакія была усѣяна, точно такъ же, какъ Чехія и Моравія, лишь позднѣе и частично словакизировались, подобно тому, какъ чехизировалось значительное количество ихъ въ Чехіи и въ меньшей степени на Моравѣ. Этотъ процессъ превратилъ Словакію, которая уже и раньше, благодаря иной основѣ своей культуры, не мало отличалась отъ Венгріи, въ совершенно особую область, во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе передовую и болѣе близкую культурному западу, особенно же чешскимъ землямъ, чѣмъ Венгрія.

Глубокія измѣненія правового, социальнаго и экономическаго порядка и всего строя культуры, произведенныя нѣмецкой колонизаціей въ чешскихъ земляхъ и въ Словакіи, привели въ скоромъ времени къ тѣсному культурному сближенію обѣихъ этихъ частей нѣкогда единыхъ чехословацкихъ владѣній; произошла, такъ сказать, культурная и правовая ихъ унификація. Это явленіе тѣмъ болѣе знаменательно, что подобное культурное перерожденіе коснулось остальной Венгріи лишь въ весьма незначительной мѣрѣ. Знаменательно то далеко не случайное обстоятельство, что въ данномъ случаѣ культурное перерожденіе Словакіи, далеко опередившей въ этомъ отношеніи Венгрію, въ значительной мѣрѣ происходило подъ непосредственнымъ влияніемъ сосѣдняго чешскаго государства. Интересно отмѣтить кромѣ того, что проводникомъ этого вліянія являлось нѣмецкое населеніе. Деревенская нѣмецкая колонизація въ Словакіи носить на себѣ замѣтные слѣды культурнаго вліянія, идущаго изъ чешскихъ земель. Эта колонизація, развивающаяся въ чешскихъ земляхъ какъ часть огромнаго средневропейскаго движенія,

отличается однако нѣкоторыми особенностями. Весьма показательно то, что эти особенности одинаковы въ Словакіи, Чехіи, Моравіи и Силезіи. Общимъ признакомъ колонизаціоннаго права, въ той формѣ, какъ мы здѣсь съ нимъ встрѣчаемся, является понятіе «лана», какъ земельной единицы. Съ ланомъ, общеупотребительнымъ въ Чехіи и въ Моравіи, мы встрѣчаемся во всей Словакіи, но нигдѣ въ остальной Венгріи. Тоже самое мы наблюдаемъ и относительно такъ называемыхъ «льготъ». Явленіе, обозначаемое этимъ терминомъ (освобожденіе отъ оброка на рядъ лѣтъ и другія облегченія, которыми обычно пользовались переселенцы новопостроенныхъ деревень), свойственно всей европейской колонизаціонной области. Но «льготой» оно называлось лишь въ Чехіи, въ Моравіи и въ Словакіи, да еще въ Силезіи и въ ближайшей пограничной польской полосѣ. Въ Словакіи существуетъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ мѣстъ, носящихъ названіе Льгота, а въ прежнія времена ихъ было еще больше. Словацкія льготы и еще нѣкоторыя другія правовыя особенности ясно доказываютъ связь колонизаціоннаго движенія въ Словакіи со всей колонизаціей въ Чехіи и Моравіи. Поэтому и венгерскій историкъ крѣпостнаго права въ Венгріи, Ачадъ, говорить о «вліяніи чешскаго права, которое правильнѣе было бы назвать колонизаціоннымъ нѣмецкимъ правомъ, пришедшимъ изъ чешскихъ земель, на развитіе крѣпостныхъ отношеній въ Словакіи въ болѣе выгодную и благопріятную сторону, чѣмъ въ остальной Венгріи».

Съ сильнымъ и вполне очевиднымъ вліяніемъ чешской культуры (чешской, конечно, не въ смыслѣ народномъ, но государственномъ) мы встрѣчаемся въ Словакіи въ горномъ дѣлѣ. Извѣстно, какого высокаго уровня достигло горное дѣло и горное право въ чешскомъ государствѣ въ концѣ пржемысловскаго періода, — въ этомъ какъ разъ была заслуга нѣмецкихъ колонистовъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что чешское горное дѣло и горное право оказывали большое вліяніе на развитіе горнозаводства въ Словакіи. Старѣйшій горнозаводскій городъ въ Словакіи, Штявница, перенялъ до послѣдней буквы городское и горное право моравской Иглавы, на немъ же было основано также знаменитое горнозаводское право Кутногорское. Эти Штявницкія права, заимствованныя изъ Иглавы, стали основой горнозаводскихъ правъ всѣхъ горнозаводскихъ

городовъ въ Словакіи; исключеніе составляетъ, кажется, только Кремница, которая при своемъ основаніи въ 1320 году получила кутногорскія права. Дѣйствительно, развитіе горнаго дѣла и горнаго права на всей территоріи Чехіи, Моравіи и Словакіи вполнѣ единообразно. Горное дѣло на всемъ этомъ пространствѣ, какъ утверждаетъ проф. Халупецкій, сохраняетъ свое единство на протяженіи отъ XIII столѣтія до нашей эпохи. Созданное здѣсь горнозаводское право по справедливости именовалось «чехословацкимъ». Носителями этого «чехословацкаго права» были вначалѣ почти исключительно нѣмцы; интересно, что и на этихъ нѣмцахъ видны ясныя слѣды чешскаго культурнаго вліянія. Это видно, напримѣръ, въ почитаніи чешскихъ святыхъ: св. Людмилы, св. Вацлава, св. Кирилла и Мефодія; св. Прокопій былъ ихъ патрономъ въ Словакіи точно такъ же, какъ въ Чехіи и Моравіи.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что съ нѣмецкой колонизаціей и съ нѣмецкими колонистами въ Словакію больше, чѣмъ въ остальные части Венгріи, проникла общая западная образованность. И она сблизжала Словакію съ чешскими землями, гдѣ эта западная образованность нашла весьма благопріятную почву для развитія. Чешскія земли часто были въ этомъ случаѣ мостомъ, по которому западная культура проникала въ Словакію. Въ XIV столѣтіи въ словацкомъ письменномъ искусствѣ, въ живописи и въ архитектурѣ обнаруживаются сильныя чешскія вліянія. Въ особенности знаменитая чешская живописная школа, расцвѣтшая такъ пышно во второй половинѣ XIV столѣтія, оставила въ Словакіи ясныя слѣды своей дѣятельности.

Могущественнымъ орудіемъ культурнаго вліянія на Словакію былъ Пражскій университетъ, основанный въ 1348 г. Этотъ университетъ раздѣлялся на четыре національныя секціи, изъ которыхъ одна была чешская (*patio bohémica*). Къ этой чешской университетской національности принадлежали, кромѣ профессоровъ и студентовъ изъ Чехіи и Моравіи, также студенты изъ Венгріи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе изъ этихъ «венгерскихъ студентовъ», которыхъ въ Пражскомъ университетѣ было значительное количество, были родомъ изъ словацкихъ городовъ и округовъ, а нѣкоторые, воз-

можно, были подлинными словаками по языку и народности (остальные могли быть нѣмцами или мадьярами). Эти словаки, а также нѣмцы изъ Словакіи, благодаря обученію въ Пражскомъ университетѣ, пріобрѣтали знанія, которыя были тогда неотъемлемыми частями христіанской образованности, и съ идеями, волновавшими тогда весь христіанскій міръ. Конечно, установить это въ точности довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что именно этимъ путемъ проникли въ Словакію тѣ идеи и стремленія, которыя были основнымъ содержаніемъ чешскаго гуситскаго движенія. Почва для него была подготовлена съ одной стороны всевозможными ересями, уже ранѣе появившимися въ Словакіи, особенно же вальденствомъ, которое, какъ извѣстно, вліяло въ свою очередь на гуситство, съ другой же стороны, національными спорами, возникавшими въ словацкихъ городахъ. Мы уже говорили, что первоначально мѣщанство этихъ городовъ состояло почти исключительно изъ нѣмцевъ, но точно такъ же, какъ въ Чехіи, такъ и въ Словакіи, у мѣстнаго мѣщанства все больше и больше нарасталъ протестъ противъ нѣмцевъ. Городъ Жилина добился уже въ 1381 году привилегіи, которая разрѣшила споръ о выборахъ городскихъ гласныхъ такимъ образомъ, что половина коншеловъ должна быть изъ нѣмцевъ, а другая изъ словаковъ; въ другихъ словацкихъ городахъ мы также можемъ въ эту эпоху констатировать или по крайней мѣрѣ предполагать ростъ вліянія словаковъ. Поэтому можно вполне согласиться со взглядомъ, что гуситство нашло въ Словакіи почву наибояѣе подготовленную въ національномъ отношеніи, — въ этомъ смыслѣ оно здѣсь было лучше понято, чѣмъ въ отношеніи социальномъ и религіозномъ.

Трудно утверждать что-либо опредѣленное о томъ, какимъ образомъ гуситское ученіе проникло въ Словакію, для этого не имѣется достаточно документальныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что позднѣе, когда гуситское движеніе превратилось въ напряженную борьбу чешскихъ еретиковъ съ окружающимъ христіанскимъ міромъ, было организовано нѣсколько походовъ гуситскихъ войскъ въ Словакію. Въ томъ, будто самъ Жижка въ 1423 г. прошелъ Словакіей до Остржигома, и оттуда обратно, совершивъ весьма опасный и хитроумный походъ, какъ этому насъ прежде учили, можно теперь

весьма основательно сомнѣваться. Безспорно во всякомъ случаѣ то, что въ 1428 г. въ Словакію вторглись объединенныя роты таборская и сиротская. Въ 1429 г. въ Брагиславѣ съѣхались на совѣщаніе король Зигмундъ и таборскій гетманъ Прокопъ Великій. Въ 1430 г. сиротское войско одержало славную побѣду у Трнавы. Въ 1431 г. объединенныя таборскія и сиротскія войска, подъ предводительствомъ Прокола Голага, проникли до самой Нитры. Тогда же одинъ изъ гуситскихъ гетмановъ (Янъ Шмиковский изъ Ждяра) захватилъ Топольчанки и удержался тамъ до 1435 года. Въ 1432 г. сиротки захватили Трнаву, которая осталась въ ихъ рукахъ до 1435 года. Въ 1433 г. таборскій гетманъ Янъ Пардусъ изъ Градка вошелъ въ Спишъ съ польской стороны и завладѣлъ Кежмаркомъ, откуда онъ пошелъ дальше на западъ черезъ Кремницу и турчанскую епархію. Относительно этого періода у насъ есть уже нѣкоторыя свѣдѣнія о приверженцахъ гуситства среди словацкаго населенія. Особенно въ Брагиславѣ у гуситовъ было довольно значительное количество приверженцевъ, а въ 1432-33 годахъ тамъ подготовлялся гуситскій заговоръ.

Значительную помощь получилъ чешскій гуситскій элементъ въ Словакіи, когда тамъ основалъ болѣе продолжительное владичество (по 1440 г.) славный чешскій военноподполковникъ Янъ Искра изъ Брандэйса. Онъ былъ, какъ утверждаетъ Сильвіо, католическимъ «владыкой», родомъ съ Моравы, нанявшимся на службу къ Елизаветѣ, вдовѣ короля Альбрехта Габсбургскаго, и ея сыну Владиславу Погробку; во главѣ съ жолнерскимъ войскомъ, составленнымъ по преимуществу изъ гуситскихъ солдатъ, онъ завладѣлъ совместно съ словацкимъ дворяниномъ Панкратомъ изъ св. Микулаша почти всей Словакіей отъ Брагиславы до Гряшова. Все Поважье — комитаты липтовскій, оравскій, турчанскій, западный тренчанскій и нитранскій, было въ рукахъ Панкрата, остальные были въ рукахъ Искры. Оба удержались тамъ и позже, когда венгерскимъ королемъ сталъ Янъ Гуяды, котораго Панкратъ и Искра не признавали. Почти двадцать лѣтъ правилъ такъ Искра, избравшій мѣстомъ своего жительства Зволень. Его власть, однако, признавалась въ теченіе всего этого времени не во всей Словакіи. Около 1448 г. независимо отъ Искры создано тамъ военное братство, вождями котораго были Петръ Аксамитъ и Талафисъ изъ Острова. Но въ

1472 г. Искра рѣшилъ распустить свое войско, а пять лѣтъ спустя (1467 г.) была уничтожена и послѣдняя группа «братъевъ», находившаяся подъ командой Яна Швеглы. Такъ закончилась эпоха чешскаго и гуситскаго господства въ Словакии.

Значеніе этого эпизода для внутренней жизни Словакии, его вліяніе на отношенія чеховъ и словаковъ, на развитіе того, что мы могли бы назвать чехословацкой идеей, сознаніемъ національнаго единства или по крайней мѣрѣ близкаго родства чеховъ и словаковъ, все это до сихъ поръ не достаточно еще изучено. Однако уже теперь мы имѣемъ возможность категорически оспаривать взглядъ, который отрицаетъ возможность культурнаго чешско-гуситскаго вліянія на Словакію на томъ основаніи, что чешскіе гуситы приходили туда только какъ воины, лишь съ завоевательными цѣлями, а потому будто бы и не могли способствовать распространенію какой бы то ни было культуры. Этотъ взглядъ не вѣренъ уже потому, что въ Словакію тогда приходило не одно только войско, но вмѣстѣ съ нимъ и вслѣдъ за нимъ шли земледѣльцы и ремесленники, часто стоявшіе въ культурномъ отношеніи гораздо выше кореннаго словацкаго населенія. Повидимому, эти чехи, переселившіеся въ Словакію, очень скоро тамъ акклиматизировались, что было въ значительнѣ мѣрѣ облегчено весьма большимъ сходствомъ языка. Мадьярскій историкъ (Турочъ), говоря о пребываніи чеховъ въ Словакии во время господства Искры, утверждаетъ, что эти пришельцы строили дома, заключали браки и сливались съ местными жителями.

Безспорно также то, что чешскіе гуситы проповѣдывали въ Словакии свою вѣру. Многіе такъ называемые гуситскіе храмы, сохранившіеся въ Словакии, относятся по своему происхожденію къ болѣе ранней эпохѣ, но чешскіе гуситы, по всей вѣроятности, эти храмы забрали и служили въ нихъ по своему, употребляя при этомъ свой родной языкъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ половинѣ XV столѣтія въ Словакии было значительное количество гуситскихъ приходовъ. Въ Спишскомъ и Шаришскомъ округахъ упоминается о нихъ въ 1449 г., но имѣются свѣдѣнія, что гуситство было распространено также около Шопрони и Братиславы. Все это, конечно, не исчезло безслѣдно послѣ уничтоженія чешскаго господства въ Словакии. Наоборотъ, мы можемъ признать вмѣстѣ съ Буйна-

комъ, что «по всей вѣроятности тамъ, гдѣ чехи завели свое богослуженіе, оно удержалось и потомъ, а религиозныя пѣсноиѣнія и богослужебныя книги, ими употребляемыя, остались на долгія времена отрадой вѣрующихъ». Дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы продолжительное пребываніе чешскихъ гуситовъ въ Словакии не оставило никакихъ слѣдовъ въ религиозной жизни словацкаго народа, съ которымъ у нихъ было такое тѣсное общеніе. Поэтому не будетъ, пожалуй, слишкомъ смѣлымъ предположить, что лютеранство, къ которому позднѣе склонилась часть словаковъ, было подготовлено благодаря общенію съ гуситами. Болѣе сильное и очевидное вліяніе оказало пребываніе чешскихъ гуситовъ въ Словакии на пробужденіе національнаго сознанія словаковъ и на проникновеніе словацкаго, вѣрнѣе чехословацкаго языка въ общественную жизнь. Объ этомъ опредѣленно пишетъ словацкій профессоръ Буйнакъ: «Въ господствѣ латинскаго языка въ церкви, въ казенныхъ учрежденіяхъ и въ образованныхъ ученыхъ кругахъ гуситы проломими брешь; развивая свой языкъ, они неволью пробуждали словацкое самосознаніе. Ихъ выступленія производились всегда во имя Чаши, во имя религіи, но при этомъ и во имя народа чешскаго, такъ что во всѣхъ документахъ они упоминаются подъ именемъ «Воћемі». Что чехи не встрѣтились въ Словакии съ національнымъ отталкиваніемъ, но что наоборотъ ихъ приходъ способствовалъ національной эмансипаціи словаковъ, о томъ свидѣлствуютъ многіе чешскіе документы, сохранившіеся съ того времени въ Словакии; еще большимъ доказательствомъ тому являются общинныя записки, какъ на примѣръ въ Райцѣ, которыя вскорѣ послѣ гуситовъ ведутся уже не по латински, а на языкѣ народа. Повидимому, много чешскихъ семействъ обосновалось въ то время въ Словакии; они то и дѣйствовали возбуждающе на неформирившееся еще національное сознаніе словацкаго народа; доказательствомъ этому могутъ служить все учащающіяся столкновенія, которыя уже въ XV столѣтіи начинаютъ возникать между словаками, нѣмцами и венграми».

Если бы мы даже и колебались признать безоговорочно столь рѣшающую роль гуситскаго вліянія на словаковъ, то все же не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что гуситство, проникнувшее въ Словакию, значительно способствовало укрѣпленію словацкой національности и ея языка. Объ этомъ въ частности свидѣлствуетъ ростъ національнаго

сознанія въ словацкихъ городахъ той эпохи. Мы уже видѣли это на примѣрѣ города Жилины, гдѣ въ концѣ XIV в. словацкое населеніе начинаетъ борьбу съ нѣмцами и венграми за свое право на мѣсто въ городскомъ управленіи и уже тогда добивается извѣстныхъ успѣховъ. Точно такъ же, какъ въ Жилинѣ, словацкое населеніе подняло голову и въ Тренчинѣ, Ружомберкѣ и Кремницѣ. Подобно тому, какъ въ Чехіи гуситское движеніе ускорило чехизацію городовъ, которые были по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время очищены отъ нѣмецкаго элемента, такимъ же образомъ дѣйствовало гуситство и въ Словакіи. Гуситы приходили въ Словакію какъ противники венгерскаго короля Сигизмунда, поэтому ихъ вражда была направлена и противъ богатѣйшихъ нѣмецкихъ городовъ, бывшихъ его оплотомъ. Они изгоняли и избивали нѣмцевъ и, ослабляя тѣмъ нѣмецкій элементъ въ городахъ, давали возможность мѣстнымъ жителямъ словакамъ занять ихъ мѣста. Ускоренію этого процесса способствовало также пребываніе Искры и его чешскаго войска и чешскихъ гетмановъ въ Словакіи. Такимъ образомъ, начиная съ гуситской эпохи, народный языкъ чеховъ и словаковъ пріобрѣтаетъ въ Словакіи все большее и большее значеніе въ общественной жизни, особенно въ управленіи городскихъ округовъ. Очень показательны въ этомъ отношеніи записи въ городскихъ жилинскихъ книгахъ. До 1492 г. онѣ велись по нѣмецки, потомъ появляются записи латинскія, но отъ 1463 г. до нашихъ дней городскія жилинскія книги почти всѣ безъ исключенія ведутся по чешски и по словацки. Подобный процессъ происходилъ, повидимому, и въ Тренчинѣ, гдѣ около 1476 года формула присяги записана въ городской книгѣ по чешски. Въ другихъ городахъ народное сознаніе пробуждается лишь въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. (Нѣкоторые города въ Словакіи остались до новѣйшаго времени въ рукахъ нѣмцевъ и были потомъ насильственно мадьяризованы).

Послѣ всего, что было сказано объ отношеніи словацкаго языка къ чешскому, нѣтъ, пожалуй, надобности еще разъ отмѣчать, что совершенно ошибоченъ довольно распространенный прежде взглядъ, что будто бы лишь гуситы принесли въ Словакію чешскій языкъ, вытѣснившій болѣе раннюю и непохожую рѣчь мѣстнаго словацкаго населенія. Чешскій языкъ, какъ пишетъ Годжа, не былъ и до этого въ Словакіи «чужимъ элементомъ», наоборотъ, онъ

былъ явленіемъ родственнымъ, точно такъ же, какъ и для остальныхъ нечешскихъ славянскихъ племенъ на западѣ, въ Моравіи и въ восточной и южной Чехіи. Чешскіе переселенцы и гуситы не принесли его къ намъ съ собою, потому что по существу онъ былъ у насъ всегда, а они лишь придали ему извѣстный вѣсъ въ общественной жизни, особенно при венгерскихъ короляхъ изъ чешской династіи».

Гуситскій эпизодъ словацкой исторіи, приведя словаковъ въ непосредственное соприкосновеніе съ чехами, могъ отразиться и безспорно отразился на духовной словацкой культурѣ, однако онъ не могъ измѣнить реальную дѣйствительность: словаки жили въ иномъ государствѣ, которое своими законами и установленіями опредѣляло внѣшнія условія ихъ жизни, интересамъ и устремленіямъ котораго они были вынуждены служить. А законы и порядки этого государства во многихъ отношеніяхъ весьма рѣзко отличались отъ законовъ и порядковъ чешскаго государства, и его интересы и стремленія были часто совершенно противоположны чешскимъ. Это сказалось особенно сильно въ то время, когда пребываніе чешскихъ войскъ въ Словакіи приходило къ концу. Въ 1465 году началась открытая вражда между чешскимъ королемъ Юріемъ и венгерскимъ королемъ Матіашемъ, который, во исполненіе воли папы, проклявшаго гуситскаго короля, пошелъ на него войной. Матіашъ при этомъ заботился не столь о выполненіи церковной кары, сколь о приобрѣтеніи по крайней мѣрѣ части земель чешскаго короля. Это ему и удалось. Будучи подерживаемъ католиками, подданными короля Юрія, Матіашъ захватываетъ въ 1468 г. окраинныя земли чешской короны: Моравію, Силезію и обѣ Лужицы; онъ даже коронуется какъ король чешскій, послѣ чего начинаетъ реально вмѣшиваться въ управленіе перечисленныхъ земель. Король Юрій умеръ (въ 1471 г.) прежде, чѣмъ былъ разрѣшенъ его споръ съ Матіашемъ изъ-за чешской короны. Его пріемникъ Владиславъ Ягеллонскій продолжалъ борьбу, которая закончилась примиреніемъ въ Оломоуцѣ въ 1478 г. За Матіашемъ остался не только титулъ чешскаго короля, но и пожизненное господство въ Моравіи, Силезіи и Лужицахъ. Такимъ образомъ эти земли, вмѣстѣ со Словакіей были нѣсколько лѣтъ подъ владычествомъ короля Венгріи. Когда въ 1490 г. умеръ Матіашъ и его пріемникомъ былъ избранъ чешскій король Владиславъ Ягеллонскій, то уже всѣ чешскія земли оказались объединенными съ Венгріей

и Словакіей подъ скипетромъ одного государя; такой порядокъ продолжался и при его сынѣ Людвигѣ до 1526 года.

Имѣя одного государя, чехи и словаки уже не боролись другъ съ другомъ, какъ это было при владычествѣ Матіаша, наоборотъ, имъ приходилось совмѣстно воевать съ общимъ врагомъ, которымъ въ эту эпоху были турки. Подданство у одного и того же государя создавало по крайней мѣрѣ для высшихъ классовъ, принимавшихъ участіе въ политической жизни, возможность болѣе частыхъ и непосредственныхъ сношеній между чехами и словаками, облегчавшихъ въ свою очередь ихъ политическое и культурное взаимодействіе. При тогдашнихъ условіяхъ однако общность династии не означала ихъ государственнаго и политическаго объединенія, и не обезпечивала внутренняго ихъ сближенія. Государственные и политическія отношенія между Чехіей и Венгерскимъ государствомъ, въ которомъ жили словаки, оставались въ общемъ безъ измѣненія, ибо связь между обоими государствами оставалась довольно слабой и сводилась въ сущности лишь къ персональной униі. Но сильныя культурныя вліянія, снова, какъ въ догуситскую эпоху, проникавшія въ Венгрію, сказывались, конечно, прежде всего на Словакии. Во время царствованія Матіаша эти вліянія шли главнымъ образомъ изъ Силезіи, бывшей на его сторонѣ и противъ Чехіи. Черезъ Силезію, а также частично и черезъ Моравію, которая была также отторгнута отъ Чехіи и соединена съ Венгріей, вліяла на венгерскую и словацкую архитектуру чешская художественная догуситская традиція. И при пріемникѣ Матіаша, Владиславѣ, можно наблюдать въ Венгріи и особенно въ Словакии вліяніе чешской архитектуры (такъ называемой владиславовской готики). Чешское культурное вліяніе было, конечно, усилено также употребленіемъ чешскаго языка при королевскомъ венгерскомъ дворѣ для дипломатическихъ сношеній. Въ посланіяхъ венгерскихъ королей чешскій языкъ появляется раньше венгерскаго. Уже изъ канцеляріи короля Сигизмунда было послано немало бумагъ на чешскомъ языкѣ. И Матіашъ выдалъ словацкимъ городамъ немало грамотъ, написанныхъ по чешски, въ то время какъ венгерскихъ документовъ послѣ него не сохранилось вовсе. При короляхъ изъ рода Ягеллоновъ чешскій языкъ былъ еще болѣе распространенъ въ Венгріи. Именно въ это время, кажется, словацкія сословія пользовались иногда своимъ языкомъ и на венгерскихъ сеймахъ, офици-

ціальнымъ языкомъ которыхъ еще долго потомъ былъ языкъ латинскій.

То, что чешскій языкъ въ Венгріи завоевалъ столь исключительное положеніе, должно было льстить національному чувству словаковъ, говорившихъ на этомъ языкѣ. Но мы тщетно искали бы у нихъ въ ту эпоху хотя бы слабое сознаніе ихъ національнаго единства съ чехами. Кромѣ того, что они принадлежали къ различнымъ государствамъ, — а это для нихъ имѣло гораздо большее значеніе, чѣмъ общность языка и происхожденія, — тогдашнихъ словаковъ отдаляло отъ чеховъ также различіе вѣроисповѣданій и церковныхъ укладовъ. Правда, все это начало измѣняться въ концѣ Ягеллонскаго періода, когда, благодаря проникновенію въ Словакію лютеранской реформациі, указанныя отличія начали исчезать, а въ дальнѣйшемъ, благодаря ея вліянію, религія наоборотъ даже стала служить новой крѣпкой спайкой между чехами и словаками.

К. Крофта.

(Перев. съ чешскаго Н. Мельникова-Папоушкова).

(Окончаніе слѣдуетъ)

Два русских историка

(С. Ф. Платоновъ и А. А. Кизеветтеръ).

I.

Почти въ одинъ и тотъ же день мы лишились двухъ наиболѣ выдающихся специалистовъ по русской исторіи, принадлежащихъ нашему поколѣнію. 9 января 1933 г. неожиданно скончался въ Прагѣ А. А. Кизеветтеръ. 10 января смерть положила конецъ страданіямъ С. Ф. Платонова. Оба стали жертвами совѣтской власти, по разному сократившей ихъ жизненный путь. А. А. Кизеветтеру послѣдовалось быть высланнымъ, вмѣстѣ съ группой видныхъ русскихъ интеллигентовъ, въ то время (1922 г.), когда у большевиковъ еще сохранялся проблескъ пониманія, что они дѣлаютъ, преслѣдуя лучшихъ русскихъ людей, — и остатокъ опасеній, какъ на это посмотреть за граница. Напротивъ, преслѣдованіе С. Ф. Платонова началось въ то время (1930 г.), когда уровень совѣтской интеллигентности безнадежно понизился, нравы огрубѣли и сознаніе полной безответственности и безнаказанности самаго варварскаго поведенія возросло до послѣднихъ предѣловъ. Кизеветтеръ очутился сразу за границей и раздѣлилъ судьбу другихъ русскихъ профессоровъ, дружески принятыхъ въ Прагѣ родственнымъ славянскимъ народомъ, хотя и вынужденныхъ продолжать работу въ крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ, будучи лишеными привычной атмосферы русскаго научнаго труда. Платоновъ вначалѣ, какъ будто, даже пользовался нѣкоторымъ покровительствомъ совѣтской власти. Его нѣсколько разъ отпускали въ заграничную командировку; онъ внушилъ, очевидно, увѣренность, что отъ той обстановки, въ которой онъ могъ продолжать свою научную и преподавательскую дѣятельность, онъ никуда не уйдетъ. Профессору Хетцшу удалось даже устроить въ 1928 г. въ Берлинѣ «Недѣлю русскихъ историковъ» вмѣстѣ съ «Выставкой русской исто-

рической литературы за 1917 - 1927 годы». Живые русские историки должны были показать, что, наряду съ марксистской исторіей, совѣтская власть допускаетъ и работу «идеалистической исторической науки», руководимой въ Петербургѣ С. Ф. Платоновымъ, «главой ленинградской исторической школы», а въ Москвѣ продолжаемой М. К. Любавскимъ и другими, поддерживающими «великую традицію В. О. Ключевского».

Увы, добровольная иллюзія берлинскаго ученаго продолжалась недолго. Московскіе ученики Ключевского, такъ же, какъ и «глава» петербургской школы очень скоро оказались въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ. С. Ф. Платоновъ былъ арестованъ въ январѣ 1930 г. — вскорѣ послѣ своей поѣздки въ Берлинъ и Парижъ. Ему уже раньше было запрещено чтеніе лекцій въ университетѣ, а его учебники были изъяты изъ библиотекъ. Доносчикомъ оказался «марксистскій» историкъ М. Н. Покровский, только-что вмѣстѣ съ нимъ фигурировавшій въ берлинской «Недѣль»: злосбная, завистливая личность, уже въ студенческіе годы проявлявшая эти качества по отношенію къ своимъ болѣе удачливымъ товарищамъ. Официально Платоновъ былъ обвиненъ въ «сношеніяхъ съ заграницей», — куда его официально же выпустили — и гдѣ онъ самымъ тщательнымъ образомъ держался въ сторонѣ отъ опальныхъ русскихъ «буржуазныхъ» историковъ. Обвиняли его также въ «монархической идеологии». По слухамъ, Платоновъ на допросахъ въ ГПУ не отрицалъ этого обвиненія; но, очевидно, онъ относилъ свою «идеологию» къ тому времени, когда никто не ожидалъ, что въ Россіи появится коммунистическая республика. По дорогѣ Покровскаго онъ, во всякомъ случаѣ, пойти не хотѣлъ, — а это и было главной причиной преслѣдованій противъ всѣхъ русскихъ историковъ, расплачивающихся и понынѣ за это свое «преступленіе» въ различныхъ ссылкахъ и тюрьмахъ. Квази-историки «краснаго» призыва не стѣснялись въ квалификаціи подобнаго «преступленія». На объединенномъ засѣданіи Ленинградскаго общества историковъ и Института исторіи обвиненіе противъ Платонова приняло такую аляповатую форму. «По существу, Платоновъ — своеобразный «придворный» исторіографъ, оправдывающій и прославляющій кровавую, полную издѣвательствъ, преступленій и насилій исторію дома Романовыхъ... Работы академика Платонова должны быть квалифицированы, какъ

историческое холуйство вѣрноподданнаго слуги дома Романовыхъ». Это доказывалось путемъ инквизиторскаго истолкованія фразъ, вырванныхъ изъ разныхъ сочиненій Платонова. Но даже если-бы Платоновъ былъ признанъ «нейтральнымъ», все равно, ему пощады не было бы. Одинъ изъ добровольныхъ обвинителей, кающійся историкъ Введенскій, не смущаясь, заявлялъ на упомянутомъ засѣданіи: «если за нейтралитетъ въ Древней Греціи вѣшали, то, *mutatis mutandis*, въ нашей дѣйствительности разстрѣливать полагается». Платонова, однако, не разстрѣляли, а посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ, въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, годъ и восемь мѣсяцевъ и гдѣ началась у него тяжелая сердечная болѣзнь, сведшая его въ могилу. Въ сентябрѣ 1931 г. его перевели изъ тюрьмы на поселеніе въ Самару, гдѣ на положеніи лишенца онъ не могъ устроиться сколько-нибудь прилично. Онъ поселился подъ городомъ, въ маленькомъ домикѣ, жить впроголодь, былъ лишенъ книгъ и возможности работать. Скорая смерть, очевидно, входила въ расчеты его гонителей...

«Вождь петербургской школы» и представитель «великой традиціи Ключевского» — эти опредѣленія проф. Хетциша можно положить въ основу характеристики двухъ большихъ научныхъ авторитетовъ, которые унесла отъ насъ смерть. Кое въ чемъ — и въ очень важномъ ихъ біографіи сходны. Оба были любимцами: Платоновъ — любимецъ новой «резиденціи», Кизеветтеръ — любимецъ старой столицы. Оба были прекрасными преподавателями, умѣвшими не только заинтересовать аудиторію, но и руководить подготовкой и первыми шагами молодыхъ ученыхъ. Оба внесли въ изученіе русской исторіи оригинальные и цѣнные вклады, которые вошли неотъемлемымъ достояніемъ въ инвентаръ нашей науки. Но подъ этими чертами сходства — сколько различій, не менѣе существенныхъ. Параллельная характеристика поневолѣ выдѣлитъ не столько черты сходства, сколько именно эти черты различія. Я разумѣю при этомъ не столько даже разницу психическихъ типовъ, особенностей личнаго характера и темперамента, — эти особенности отчасти выяснятся по мѣрѣ дальнѣйшаго изложенія, — сколько общія черты, свойственныя той средѣ, въ которой вращался каждый.

Давно уже вошло въ обычай противопоставлять Петербургъ и Москву. Петербургъ — городъ чиновной бюро-

кратин. Въ Москвѣ на первомъ планѣ обществѣнности — люди вольныхъ профессій. Петербургъ официаленъ и затянутъ въ мундиръ. У москвичей — душа на распашку. Петербургъ дисциплинированъ, Москва вольнолюбива. Петербуржець — формалистъ. Москвичъ всегда склоненъ доискиваться причины причинъ и «смотрѣть въ корень». Въ Москвѣ хоть отбавляй оригинальности: она выдумываетъ, не боясь грѣшить отсебятиной. Петербургъ осто-роженъ насчетъ выдумки; зато разъ придуманное онъ мастеръ приводитъ въ порядокъ. Всѣ эти характеристики, конечно, относятся къ до-революціонному прошлому; но въ этомъ прошломъ и складывались особенности нашихъ двухъ корифеевъ исторической науки. Достаточно взглянуть на ихъ портреты, чтобы сразу замѣтить петербургскій и московскій отпечатокъ. Выражаясь фамиліарно, Платоновъ, съ точки зрѣнія москвича, что называется, «столичная штучка». Для него, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, слово — серебро, а молчаніе — золото. Напротивъ, Кизветтеръ съ его искрящимися глазами, съ его бородой Черномора, — побѣлѣвшей отъ времени, — такъ весь и просится наружу. Житейская премудрость ему далась только временемъ; у Платонова она кажется врожденной. Я не хочу сказать, что за этимъ скрывается разница холоднаго и горячаго сердца. Напротивъ, я лично имѣлъ не одинъ случай убѣдиться въ сердечной теплотѣ моего стараго петербургскаго коллеги. Но тутъ она — подъ свѣтской маской, и добратъся до нея нелегко. А въ моей родной Москвѣ (можетъ быть, поэтому я нѣсколько пристрастенъ) и въ ея культурной средѣ, которая здѣсь на первомъ планѣ, — ношение маски не поощряется нравами.

Описанныя различія въ физіономіи двухъ столицъ отразились, несомнѣнно, и въ направленіяхъ научной мысли. Въ моментъ, когда складывались научныя привычки обоихъ покойныхъ историковъ, Петербургъ зашнуровывалъ научную мысль въ довольно тѣсный корсетъ. Учитель Платонова, Бестужевъ-Рюминъ (я уже не упоминаю о Замысловскомъ), противопоставляя свое время времени Карамзина и слѣдуя завѣтамъ Шлецера, пришелъ къ заключенію, что писать исторію рано; нужно предварительно критически изучить источники. Къ чему это приводило, можетъ пояснить слѣдующій примѣръ. Я знаю одного послѣдователя Бестужева-Рюмина, который задалъ студенту тему: изслѣдовать, что даютъ для русской исторіи нѣ-

мецкія газеты семнадцатаго столѣтія. Послѣ тщательной и долговременной работы, студентъ пришелъ къ профессору и съ отчаяніемъ признался ему, что ничего полезнаго для русской исторіи въ этомъ источникѣ онъ не нашелъ. Профессоръ утѣшилъ своего слушателя: вѣдь это же и есть тотъ результатъ, къ которому надо было придти! Ничто подобное, конечно, не въ такихъ крайнихъ размѣрахъ, — произошло и въ Москвѣ съ заказомъ, который далъ Соловьевъ Ключевскому: изслѣдовать житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Но въ Москвѣ это было скоропреходящей стадіей. На ней не остановился даже старикъ Погодинъ, прямой послѣдователь Шлецера, написать, все-таки, на закатѣ дней, свою «Исторію Россіи». Бестужевъ-Рюминъ былъ строже къ себѣ; его «Исторія» есть лишь репертуаръ фактовъ въ связи съ образомъ источниковъ. Того-же онъ требовалъ и отъ своихъ слушателей. Изученіе любого періода въ этой школѣ не только начиналось, но зачастую и кончалось изслѣдованіемъ источниковъ для будущей исторіи данного періода. Если Платоновъ, начавъ съ того-же, пошелъ гораздо дальше, то въ этомъ можно видѣть уже вліяніе московской школы на петербургскую.

Совсѣмъ иначе сложилось положеніе нашей науки въ университетской Москвѣ. Провинціалъ Кизеветтеръ, пріѣхавъ въ Москву изъ Оренбурга, былъ сразу подавленъ готовой схемой русской исторіи въ блестящемъ синтезѣ Ключевского. Сомерничать съ нимъ — нечего было и думать. Но можно было пытаться углублять отдѣльныя части этой широко набросанной картины. Одно обстоятельство — именно въ Москвѣ — содѣйствовало этому направленію изученія. Москва была богата архивами разныхъ упраздненныхъ учрежденій — преимущественно XVII-XIX столѣтій. По старой Шлецеровской — или даже дошлецеровской — традиціи новая исторія вообще не была достойнымъ предметомъ историческаго изученія. Изученіе же древней исторіи требовало не архивной работы, а, прежде всего, критики источниковъ. На изученіе древнѣйшаго періода исторіи Россіи и были перенесены методы, заимствованные у классическихъ историковъ. Такъ стояло дѣло въ Петербургѣ. Напротивъ, документы московскихъ архивовъ, какъ «источники», вовсе не требовали такого предварительнаго «критическаго» изученія, какого требовали древнія летописи. Это были непосредственные жи-

вые обломки прошлаго, подавлявшие своей массой, но открывавшіе терпѣливому изслѣдователю самое дыханіе жизни минувшихъ временъ. Съ такими источниками не приходилось хитрить. О «подлинности» ихъ нечего было спорить; ихъ «первоначальнаго текста» не приходилось восстанавливать. Можно было сразу начинать съ того, передъ чѣмъ петербургскіе историки останавливались: рисовать картину прошлаго. По этому пути архивной работы и пошли, если не самъ Ключевскій, не имѣвшій времени для этого, часто неблагодарнаго труда, то его ученики. *Wo die Könige bauen, da haben die Kärntner zu tun:* такъ утѣшали себя мы, его скромные послѣдователи.

Таковы были предпосылки научной дѣятельности петербургскаго и московскаго историковъ. Конечно, они сказались и на характерѣ ихъ научной работы.

II.

Приѣхавъ въ Петербургъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ для архивныхъ занятій, я еще засталъ въ живыхъ вожда петербургской школы въ ея первоначальномъ видѣ, К. Н. Бестужева-Рюмина (онъ умеръ въ 1897 г.). Ближе всѣхъ къ нему стоялъ старѣйшій изъ его послѣдователей, добрѣйшій Е. Ф. Шмурло, черезъ котораго и состоялось мое знакомство съ К. Н. Было что-то необыкновенно привлекательное въ этомъ живомъ свидѣлѣ прошлаго нашей науки. Его личная бесѣда была интереснѣе, шире, оживленнѣе его печальныхъ работъ, и я проникся какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ къ его благороднымъ сѣдинамъ и къ возвышавшей его надъ всѣми культурности. Но въ Петербургъ уже проникла вѣсть о моемъ бунтѣ противъ Карамзина, который для К. Н. еще оставался неприкосновенной святыней. Бунтъ этотъ, видимо, нарушалъ элементарныя условія петербургскаго ученаго приличія. Все-же, ветеранъ петербургской науки и собравшійся подъ его крыломъ кружокъ ученой молодежи приняли меня не только терпимо, но и дружественно. Мнѣ недаромъ казалось, что подъ этимъ ласковымъ приѣмомъ кроется проникшій уже въ эту тѣсно сплоченную среду московскій ядъ. Если не руководство, то представительство кружка въ это время уже переходило къ С. Ф. Платонову, который, какъ скоро оказалось, былъ первымъ проводникомъ

московскихъ идейныхъ влияній. Онъ былъ годомъ молодежя, но уже составилъ себѣ прочное положеніе въ университетѣ. Изъ его воспоминаній о студенческихъ годахъ видно, что «наибольшее влияние» на него Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ лишь въ первые два года. Потомъ онъ «съ великимъ увлеченіемъ» слушалъ лекціи Градовскаго и Сергѣевскаго, получая у Градовскаго «впервые представленія о государствѣ и обществѣ, о цѣляхъ государства, объ отношеніи государства и личности и о благѣ личной свободы и независимости». Напомню, что этотъ рѣдкій случай, когда Платоновъ намекаетъ на свои политическіе взгляды, относится ко времени большевиковъ... Несомнѣнно, лекціи Градовскаго расширили его умственный кругозоръ и имѣли на него, какъ онъ выражается, «моральное» влияние: они, какъ и лекціи Бестужева, «проникали въ сердце и совѣсть, будили душу, заставляли искать идеала и моральныхъ устоевъ». У Сергѣевича же «хотѣлось учиться быть лекторомъ»; его «звучная и гладкая фраза всегда заключала въ себѣ точную и ясную мысль».

Уже на третьемъ году университета (1881 г.) Платоновъ объявилъ себя, въ официальномъ заявленіи декану, «русскимъ историкомъ». Съ конца 1880 г. онъ принялся за работу надъ темой, данной Бестужевымъ — о московскихъ земскихъ соборахъ (извлеченіе изъ нея онъ напечаталъ въ 1883 г.). Но при исполненіи этой работы, какъ признаетъ самъ Платоновъ, сказалось уже московское влияние Ключевскаго. Сочиненіе «вполнѣ удовлетворило Бестужева», вспоминаетъ авторъ, «но оно было совершенно чуждо его взглядамъ и не отразило на себѣ его ученаго влияния. Въ отношеніи метода и техники я цѣлкомъ слѣдовалъ проф. Васильевскому», (къ которому онъ питалъ «глубокое чувство любви и уваженія», связавшее его тѣсными узами съ этимъ выдающимся византизистомъ); «въ пониманіи же смысла и содержанія русскаго процесса я испытывалъ на себѣ влияние лекцій и монографій В. О. Ключевскаго». Съ 1888 г. Платоновъ былъ приватъ-доцентомъ, а съ осени 1890 г. исправляющимъ должность профессора и «полноправнымъ членомъ факультета». Въ этомъ положеніи я и засталъ его въ Петербургѣ. О его влияніи я могъ судить уже потому, что онъ безъ труда устроилъ печатаніе моей диссертациі о Петрѣ Великомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

Мнѣ кажется, однако, что свою раннюю эмансипацію

отъ стараго вождя петербургской школы Платоновъ нѣсколько преувеличилъ. Эмансипація эта происходила постепенно, и главныя черты послѣдователя петербургской школы, какъ она обрисована выше, Платоновъ сохранилъ навсегда. Слѣянію петербургскихъ и московскихъ вліяній въ нѣкоторое оригинальное цѣлое очень помогла самая тема, на которой онъ очень умно остановился послѣ упомянутой работы о земскихъ соборахъ. Эта тема — о смутномъ времени — какъ разъ приблизила его къ рубежу, раздѣлявшему ученыя предпочтенія московской и петербургской школы. Она преобладала, съ одной стороны, тщательной критикой источниковъ того времени, постепенно мѣнявшихъ характеръ лѣтописный на формы индивидуальныхъ «повѣстей» и «сказаній». Съ другой стороны, тутъ необходимо было и знаніе архивныхъ актовъ, вскрывавшихъ исторію учреждений и социальныхъ группъ. Магистерская диссертация Платонова о «Древнерусскихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческомъ источникѣ», защищенная въ 1888 г., еще всецѣло вращалась въ кругу идей петербургской школы и была съ этой точки зрѣнія безупречна. Но вторая диссертация — «Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ», — защищенная на степень доктора въ 1901 г., уже носила на себѣ явные и глубокіе слѣды московскаго вліянія. «Боярская Дума древней Руси» Ключевскаго носила подзаголовокъ: «Опытъ исторіи государственнаго учрежденія въ связи съ его социальнымъ составомъ», Платоновъ далъ соответственный подзаголовокъ своимъ «Очеркамъ смуты»: «Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время. Онъ самъ указываетъ на значеніе этого подзаголовка и самаго выбора темы: «очевидно, тема по социальной исторіи московскаго государства была выбрана своевременно»: книта выдержала цѣлку три изданія.

Несомнѣнно, зависимость «Очерковъ» отъ направленія Ключевскаго идетъ гораздо дальше этихъ заголовковъ. Прежде всего, Платоновъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на двѣ «неравныя части». Первая, описывающая положеніе Московскаго государства передъ смутой, составлена всецѣло въ духѣ московскихъ архивныхъ работъ. Но тутъ авторъ и не претендуетъ на самостоятельность. «Если», говоритъ онъ со свойственной ему осторожностью, «автору дозволено будетъ назвать свой трудъ самостоятельнымъ

изслѣдованіемъ, то онъ не отнесетъ такого опредѣленія, въ его точномъ смыслѣ, къ первой части «Очерковъ». И онъ даже прямо ссылается, по одному частному случаю, на то, что «авторъ въ данномъ вопросѣ (о прикрѣпленіи крестьянъ) принадлежитъ къ тому направленію, которое представляется трудами гг. Ключевскаго, Дьяконова и Миллюкова». Въ этихъ вопросахъ «ученая литература давала ему возможность собрать достаточный для его цѣли матеріалъ».

Напротивъ, во второй, основной части изслѣдованія, излагавшей событія смуты, Платоновъ съ полнымъ основаніемъ претендуетъ на оригинальность. Здѣсь онъ — въ своей сферѣ. Нужно удивляться искусству, съ которымъ онъ распутываетъ сложную и запутанную ткань событій этихъ годовъ на основаніи самыхъ мелкихъ указаній источниковъ, отчасти имъ самимъ и введенныхъ впервые въ ученый оборотъ. Его «гладкая фраза», выражающая «точную и ясную мысль», тутъ напоминаетъ отмѣченную имъ, какъ образецъ для подражанія, манеру Сергѣевича. Но и тутъ вліяніе Ключевскаго несомнѣнно. Оно сказывается въ отточенныхъ афоризмахъ, формулирующихъ выводы изъ фактовъ и полагаемыхъ въ основу ихъ классификаціи и систематизаціи. Еще въ большей степени московское вліяніе отражается въ основномъ приѣмѣ Платонова: подводить социальный фундаментъ подъ каждую группу явленій смуты. Очень часто это дѣлается путемъ ссылокъ на первую часть, которая въ этихъ случаяхъ получаетъ далеко не одно только «служебное значеніе». Въ этихъ частыхъ сопоставленіяхъ историкъ ищетъ и находитъ объясненіе фактовъ. Если, тѣмъ не менѣе, Платоновъ настаиваетъ на «служебномъ» характерѣ своихъ объясненій, обыкновенно очень удачныхъ, то это и показываетъ, что въ восстановленію фактовъ онъ придаетъ то первенствующее значеніе, которое въ московской школѣ принадлежитъ ихъ объясненію. Соціологическая жилка, присущая Москвѣ, осталась чужда Платонову.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого взгляда на задачи исторіи является преобладающая роль, которая отводится въ построеніяхъ Платонова личному фактору — субъективизму историческихъ дѣятелей — и личному субъективизму отношенія къ этимъ дѣятелямъ самого историка. Нельзя отрицать у Платонова таланта личныхъ ха-

ра характеристикъ — таланта, который совершенствуется съ течениемъ времени, вмѣстѣ съ живостью изложенія. Въ этомъ также можно видѣть вліяніе манеры В. О. Ключевскаго. Но, конечно, есть и весьма существенныя различія. Прежде всего, исчерпывающая, при данномъ состояніи источниковъ, полнота фактическаго разсказа о событіяхъ, несомнѣнно, даетъ возможность автору смягчить излишній схематизмъ Ключевскаго: въ этомъ сказывается сильная сторона метода Платонова и петербургской школы. Благодаря умѣлому примѣненію этого метода Платонову удастся освѣтить многое, остававшееся неяснымъ въ исторіи смуты. Такъ, онъ хорошо выясняетъ роль «новой дворцовой знати въ противоположность прежней родовой знати», сильно потрепанной въ эпоху опричнины. На этомъ фонѣ ярко выступаютъ причины успѣха Годунова и слабости «реакціонно-олигархическаго» режима Василія Шуйскаго. Подчеркиваніе географической основы событій, наряду съ социальной, также даетъ Платонову возможность отчетливѣе представить нѣкоторые важные моменты смуты, напр., участіе сѣверныхъ «мужиковъ» въ движеніи 1608 - 1609 гг. противъ «воровъ» и ихъ намѣчавшуюся тогда уже связь съ Нижнимъ-Новгородомъ. Зато политическая сторона тогдашнихъ движеній отходитъ на второй планъ, — и повидимому, совершенно сознательно. Очень тенденціозно, съ этой точки зрѣнія, отрицается политическій смыслъ данной Шуйскимъ «подкрестной записи». Объ ограничительной записи избраннаго на царство Михаила Романова говорится — въ отрицательномъ смыслѣ — только въ примѣчаніи, причемъ Платоновъ оговаривается: «если же неизбежно надобно допустить существованіе какихъ-нибудь «обѣщаній» со стороны царя Михаила, то надо думать, что они, вѣроятно, были столь-же мало юридически обязательны, какъ и обѣщанія царя Василія». Естественно, игнорируется и связь содержанія этихъ двухъ записей съ промежуточными договорами съ Владиславомъ 4 февраля и 17 августа 1610 г. и съ «приговоромъ» 30 июня 1611 г., продиктованнымъ ратнымъ «совѣтомъ всей земли» избранному имъ трюхленному правительству. Вообще, въ своихъ общихъ сужденіяхъ о факторахъ смуты Платоновъ не расходится съ традиціоннымъ патріотическимъ взглядомъ. Слѣдуетъ отмѣтить только его сочувственное отношеніе къ Годунову и его стремленіе защитить Годунова отъ обвиненія въ причастности къ

убійству Дмитрія. О происхожденіи самозванца Платоновъ не рѣшается высказаться опредѣленно, признавая лишь, что самозванецъ былъ «московскимъ человѣкомъ».

«Очерки по исторіи смуты» были кульминаціоннымъ пунктомъ изслѣдовательской дѣятельности Платонова. Онъ самъ признаетъ, что послѣдующіе годы были посвящены «учено-административной дѣятельности» въ качествѣ декана факультета и директора Педагогическаго Института, образованнаго, по его инициативѣ, при содѣйствіи дружественно расположеннаго къ нему в. к. Константина Константиновича, въ 1904 г. Несомнѣнно, Платоновъ обнаружилъ выдающіяся качества администратора и педагога. Въ первомъ отношеніи онъ напоминаетъ мнѣ одного изъ героевъ своего разсказа, «нареченнаго» патріарха Филарета Никитича, который «разумень сый, не преклонился ни на десно, ни на лѣво, но пребысть твердо въ правой вѣрѣ». И я съ нѣкоторымъ удивленіемъ прочелъ разсказъ П. Б. Струве о бесѣдѣ его съ Платоновымъ въ концѣ 1913 или началѣ 1914 г., въ которой Платоновъ вышелъ изъ присущаго ему обычно состоянія равновѣсія. «Я зналъ», пишетъ П. Б. Струве въ своемъ некрологѣ, «что Платоновъ былъ всегда «правымъ», что оппозиція императорскому правительству и даже фронтъ противъ него были С. Ф. совершенно чужды. Но именно потому меня поразилъ его глубокий, прямо безотрадный пессимизмъ въ оцѣнкѣ того, куда идетъ Россія. Платонову чудился — таковъ былъ смыслъ его рѣзко откровенныхъ разсужденій и характеристикъ — кровавый дворцовый переворотъ въ стилѣ XVIII, но въ атмосферѣ XX вѣка, съ уже разбуженными, но отнюдь еще не дисциплинированными народными массами, съ государственнымъ отщепенствомъ интеллигенціи, не видѣвшей той пучины, къ которой она неслась съ какимъ-то страстнымъ упоеніемъ отчаянія». Однако же, недаромъ вспоминается по этому поводу переданное Кизеветтеромъ пророчество Ключевскаго, съ которымъ Платоновъ видѣлся въ Петербургѣ въ 1905 г.: «попомните мои слова: Николаемъ II закончится Романовская династія; если у него родится сынъ, онъ уже не будетъ царствовать»...

О педагогическихъ талантахъ Платонова свидѣлствуетъ множество его слушателей и слушательницъ, увлекавшихся его живымъ словомъ и глубокимъ знаніемъ предмета. Его «Лекціи по русской исторіи» и основанный на нихъ «Учебникъ русской исторіи для средней школы»

едва-ли могутъ вполне передать это впечатлѣніе. Обѣ книги одѣланы классическими; этимъ онѣ обязаны ясности стиля, сдержанности суждений и соответствіемъ съ общепринятыми въ то время требованіями отъ русскаго историческаго учебника. Авторъ старается сохранить полную объективность — и прерываетъ разсказъ на царствованіи Александра II, прибавая лишь немного страниць, еще болѣе сдержанныхъ, по поводу новѣйшихъ событій.

Побѣда большевиковъ не сразу положила конецъ учебной и преподавательской дѣятельности Платонова. Напротивъ, онъ былъ назначенъ завѣдующимъ «центроархивомъ» и директоромъ библіотеки Академіи Наукъ, членомъ которой состоялъ съ 1920 г. Въ эти годы онъ выпустилъ нѣсколько небольшихъ монографій, основанныхъ на предыдущихъ работахъ: о своемъ любимцѣ «Борисѣ Годуновѣ (1921 г.), Иванѣ Грозномъ (1923 г.); тогда же «пересказалъ» сокращенно свои «Очерки смуты», а въ 1926 г. издалъ книжку о «Петрѣ Великомъ», гдѣ выдвинулъ личный моментъ дѣятельности преобразователя. Онъ принялъ также участіе въ трудахъ Географ. Общества, посвященныхъ изученію русскаго сѣвера, и велъ семинарій по этому вопросу. Какъ была прервана вся эта неустанная работа, обѣщавшая дать новые зрѣлые плоды, было разсказано въ началѣ этой статьи. Смерть унесла отъ насъ человѣка, занявшаго по праву видное мѣсто въ исторіи нашей науки и не сказавшаго своего послѣдняго слова. Роль его убійцы, — не только моральныхъ, но и физическихъ, въ его преждевременной кончинѣ очевидна. Пусть послужитъ она нагляднымъ опроверженіемъ всѣхъ тѣхъ заинтересованныхъ или легкомысленныхъ панегиристовъ совѣтской Россіи, которые тшатся ко всѣмъ прочимъ достоинствамъ большевиковъ присоединить еще и хвалу за свободу науки.

III.

А. А. Кизеветтеръ гораздо полнѣе Платонова разсказалъ намъ о той обстановкѣ, въ которой сложилась его научная физіономія. Въ двухъ своихъ пражскихъ работахъ, — воспоминаніяхъ «На рубежѣ двухъ столѣтій» (1881-1914) и въ «Историческомъ очеркѣ Московскаго университета», написанномъ по поводу университетскаго

юбилея, онъ сохранилъ для насъ цѣлый рядъ данныхъ, характеризующихъ годы его подготовки къ ученому поприщу. Кое-что я могу прибавить и на основаніи моихъ личныхъ воспоминаній; Кизеветтеръ принадлежалъ къ числу первыхъ моихъ слушателей въ университетѣ.

Семь лѣтъ разницы въ годахъ (К. родился въ 1866 г.) не могли, конечно, положить между нами рѣзкой хронологической грани. Насъ объединяло, прежде всего, преклоненіе передъ общимъ нашимъ учителемъ В. О. Ключевскимъ, талантъ и знанія котораго намъ представлялись недостижимыми вершинами. Его построеніе русской исторіи сразу сдѣлалось нашей путеводной нитью въ томъ лабиринтѣ, какимъ оставалась для насъ та же русская исторія въ рукахъ предшественниковъ Ключевского. Ключевскій былъ для насъ настоящимъ Колумбомъ, открывшимъ путь въ неизвѣданныя страны. Слава о его преподаваніи уже успѣла дойти до оренбургской гимназіи, гдѣ Кизеветтеръ кончалъ свой курсъ въ 1884 г. «Уже въ среднихъ классахъ», вспоминаетъ онъ, «я принялъ твердое рѣшеніе посвятить себя изученію русской исторіи, и къ Москвѣ меня притягивало, какъ магнитъ, имя Ключевского». Я въ это время только-что началъ свои приватъ-доцентскія лекціи въ университетѣ и работалъ въ московскихъ архивахъ надъ диссертацией. Кизеветтеръ не только сдѣлался моимъ университетскимъ слушателемъ, но и вошелъ въ небольшой кружокъ молодыхъ работниковъ науки, собиравшихся у меня на дому. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ отмѣчаетъ наше сближеніе, какъ факторъ, непосредственно вводившій новичковъ въ научную лабораторію, заражающій ихъ изслѣдовательскимъ энтузіазмомъ. Въ дружескомъ общеніи нашего кружка, связаннаго пріятіемъ новыхъ задачъ и методовъ, рекомендуемыхъ университетскими преподавателями (кромѣ Ключевского здѣсь необходимо упомянуть также П. Г. Виноградова), вырабатывались общіе взгляды на исторію, какъ на науку, и намѣчались темы, подходящія для очередныхъ научныхъ работъ. Все это, выйдя въ свѣтъ и сообщило въ послѣдствіи общій характеръ московской исторической школы.

Много лѣтъ спустя (1911 г.), характеризуя преподавательскіе пріемы В. О. Ключевского, А. А. Кизеветтеръ, подошедшій ближе другихъ учениковъ Ключевского къ этимъ приемамъ, такъ опредѣлить черты, долженствующія характеризовать идеальнаго историка. «Исторической

наукѣ свойственна роковая особенность. Для успѣшнаго проникновенія въ ея тайны необходима совмѣстная работа такихъ умственныхъ силъ, которыя чрезвычайно рѣдко въ равной мѣрѣ совмѣщаются въ одномъ чловѣкѣ. Нельзя быть историкомъ, не умѣя открывать въ пестрой сутолокѣ жизненныхъ фактовъ объединяющей ихъ законосообразности. Безъ этого дара не будетъ историка; будетъ только рассказчикъ, ибо переживать прошлое въ своемъ воображеніи еще не значить понять его. Но нельзя также быть историкомъ, не умѣя мысленно представить себѣ и воссоздать словомъ передъ другими явленій прошлаго во всей ихъ конкретности, во всемъ ихъ индивидуальномъ своеобразіи, во всей сочности присущихъ имъ жизненныхъ красокъ. Безъ этого дара конкретного воссозданія былой жизни не будетъ историка, будетъ только резонирующій диалектикъ, играющій словесными формулами, ибо дѣйствительный матеріалъ исторіи состоитъ не изъ совокупности отвлеченныхъ формулъ, а изъ повседневной сутолоки отдѣльныхъ жизненныхъ явленій. «Я не знаю историка», продолжаетъ Кизеветтеръ, «въ умѣ котораго эти два столь разнородные дара были бы совмѣщены въ болѣе равномерной пропорціи, нежели то было у Ключевского». Эта-то именно счастливая особенность нашего знаменитаго историка сдѣлала его заразъ и замѣчательнѣйшимъ ученымъ изслѣдователемъ и геніальнымъ преподавателемъ своей науки.

Характеризуя въ этихъ одушевленныхъ словахъ своего учителя, Кизеветтеръ отчасти характеризовалъ и самого себя. Мы всѣ тогда пытались болѣе или менѣе подражать Ключевскому. Но у Кизеветтера были для этого особые задатки. Онъ, несомнѣнно, обладалъ даромъ художественнаго проникновенія въ прошлое, соединеннымъ съ стремленіемъ отыскивать въ этомъ прошломъ историческія «законосообразности», — талантомъ индивидуализаціи явленія, не мѣшавшимъ выдѣленію изъ его «своеобразія» существенныхъ чертъ. Способность живописать словомъ, находить надлежащія краски и дѣлать неожиданныя сопоставленія, вводившія въ суть предмета, отличала Кизеветтера, какъ лектора и преподавателя, до послѣднихъ его дней. Именно эта способность доставила ему большую прижизненную славу и любовь его слушателей. Преподавать Кизеветтеръ началъ очень рано, только что сдавши въ 1892-93 гг. свой магистерскій экзаменъ. Его первымъ

поприщемъ были «коллективные курсы», замѣнившіе закрытые тогда правительствомъ курсы проф. Герье. Въ 1897 г. Кизеветтеръ началъ чтеніе лекцій и въ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента. Всюду сопровождалъ его выдающійся успѣхъ. Но все же не здѣсь лежалъ центръ тяжести увлеченія Кизеветтера историческимъ изученіемъ. Онъ помнилъ, что его учитель «строго различалъ задачи университетскаго курса и монографическаго изслѣдованія». И приступая самъ къ монографическому изслѣдованію, которое считалъ своимъ главнымъ призваніемъ, Кизеветтеръ сразу становился аскетомъ, отказываясь и отъ живописанія, и отъ составленія «отвѣченныхъ формулъ». Онъ тутъ только прислушивался къ голосу источниковъ, стараясь подслушать въ нихъ бѣшеніе жизни. Уже на третьемъ курсѣ университета, работая надъ кандидатскимъ сочиненіемъ по исторіи служилаго землевладѣнія XVI-XVII столѣтій, онъ испыталъ «величайшее наслажденіе» вникать въ памятники старины. Позднѣе, когда онъ перешелъ къ архивной работѣ, у него развился настоящій «архивный энтузіазмъ», понятный лишь для его товарищей по такой же работѣ. «Часы этихъ архивныхъ занятій», пишетъ онъ въ изгнаніи, «всегда вспоминаются мнѣ, какъ отраднѣйшіе часы моей жизни. Доводилось мнѣ дѣйствовать на многообразныхъ поприщахъ; быть я и профессоромъ, и редакторомъ журнала, и газетчикомъ, и театраломъ, и митинговымъ ораторомъ, и членомъ парламента и т. д... Но истинное душевное удовлетвореніе я испытывалъ только тамъ, въ архивѣ, погружаясь мыслью въ смыслъ архивныхъ текстовъ, стараясь не пропустить въ нихъ ни малѣйшаго намека, ни малѣйшей черточки, которые могли-бы доставить мнѣ какой-либо блискъ свѣта на занимавшіе меня историческіе вопросы».

Тринадцатилѣтнее политическое затишье времени царствованія Александра III (1881-1894) давало возможность сосредоточить все вниманіе на научныхъ занятіяхъ. Кизеветтеръ признавалъ себя «восьмидесятникомъ», но серьезно защищалъ свое поколѣніе отъ обвиненій въ аполитичности. Какъ историкъ, онъ признавалъ, однако, что только «1891-й годъ явился рѣшительной гранью въ ходѣ общественныхъ настроеній. Въ 1891 г. разразился неврожай и голодъ, — и «общество встрепенулось». Какъ бы то ни было, при всемъ своемъ интересѣ къ общественнымъ событіямъ, Кизеветтеръ далеко не сразу былъ вовлеченъ

въ непосредственное участіе въ этихъ событіяхъ. Окончивъ университетскій курсъ въ 1888 г., онъ, по его личному признанію, «за 1889-1899 гг. стоялъ въ сторонѣ отъ чисто политической дѣятельности». Онъ лишь принималъ въ эти годы живое участіе въ распространеніи внѣуниверситетскаго образованія (University Extension) въ Россіи путемъ составленія указателей для чтенія, заочнаго руководства чтеніемъ и устройства первыхъ въ Россіи публичныхъ лекцій въ провинціи. При тогдашней политикѣ правительства, однако же, и эта чисто культурная дѣятельность неизбежно приводила къ столкновеніямъ съ властью и автоматически превращалась въ своего рода политическую работу. Во время своихъ поѣздокъ по Россіи Кизеветтеръ имѣлъ уже возможность наблюдать, какъ «въ странѣ медлленно, но неуклонно назрѣвало революціонное настроеніе, питаемое вовсе не научными лекціями, а рѣзкимъ расхожденіемъ правительственныхъ дѣйствій съ очередными потребностями государственной жизни». Все же, ему оставалось въ эти годы достаточно досуга, чтобы съ головсй уйти въ любимую архивную работу для подготовки магистерской диссертациі. Выборъ темы, «давно намѣченной» и «одобренной Ключевскимъ», по правдѣ сказать, былъ не очень выигранный. Тутъ уже сказался извѣстный аскетизмъ члена школы. Въ архивахъ работалъ не онъ первый; многія интересныя стороны историческаго прошлаго были уже затронуты другими. «Я рѣшилъ», говоритъ Кизеветтеръ, «вопахать огромное и никѣмъ до меня нетронутое поле»; исторію русскаго города — не со стороны формальнаго устройства городскихъ учреждений, — чѣмъ занимались до него, — а со стороны жизни городского населенія въ рамкахъ этихъ учреждений. Однако, при этомъ выборѣ играли роль и нѣкоторыя политическія соображенія. «Хотя я еще не вступалъ на путь политической дѣятельности», признаетъ Кизеветтеръ, «тѣмъ не менѣе... я уже былъ убѣжденнымъ конституционалистомъ и не сомнѣвался въ томъ, что рано или поздно придетъ и для Россіи пора преобразованія политическаго строя на основѣ политической свободы». Въ качествѣ историка онъ искалъ «предпосылокъ для возможности такого преобразованія въ историческомъ прошломъ» — и думалъ найти ихъ, по примѣру западной Европы, въ началахъ муниципальнаго самоуправленія. «Передо мною вырисовывалась, такимъ образомъ, тема, от-

вѣчавшая одновременно и научно-теоретическимъ, и общественно-политическимъ моимъ интересамъ». И вотъ «семь лѣтъ почти ежедневно», рассказываетъ онъ, «сидѣлъ я въ архивѣ отъ девяти часовъ утра до трехъ часовъ и накопилъ такую гору документовъ, что для ихъ обработки потребовалось еще около двухъ лѣтъ». Только въ 1903 г. диссертация была наконецъ напечатана подъ заглавіемъ «Посадская община въ Россіи въ XVIII столѣтіи» и въ декабрѣ того-же года удачно защищена.

Политическій расчетъ Кизеветтера не оправдался — или оправдался въ минимальной степени. Посадская община XVIII столѣтія оказалась, какъ и можно было ожидать, пережиткомъ общины XVII столѣтія. Съ полной научной добросовѣстностью А. А. Кизеветтеръ призналъ этотъ отрицательный результатъ своей работы въ специальной статьѣ, посвященной итогамъ его изслѣдованія. «Состояніе посадскаго общиннаго хозяйства въ XVIII в.», говоритъ онъ, «ярко отразило тяглый, закрѣпощенный характеръ посадскихъ обществъ того времени (до 1760-хъ годовъ). Придавленная тяжелымъ податнымъ и повинностнымъ бременемъ, туто стянутая обязательной круговой порукой, посадская община не могла представить удобной почвы для того прогресса городской жизни, о которомъ говорилось въ регламентѣ главному магистрату. Порывы къ лучшему устройенію посадскаго быта не были безусловно чужды посадскому населенію. Но дѣйствительность того времени не представляла благоприятныхъ условий для того, чтобы эти порывы могли достигнуть сколько-нибудь значительнаго размаха». Мірской посадскій сходъ формально владѣлъ сравнительно широкими правами. Но эти права «теряли на практикѣ значительную долю своего значенія. Право самообложения и распоряженія мірскими суммами пересѣкалось полнымъ подчиненіемъ мірской кассы центральному финансовому управленію. Право выбора должностныхъ лицъ и мірскаго надъ ними контроля парализовалось зависимостью этихъ лицъ, съ мірскимъ старостой во главѣ, отъ магистратскаго начальства. Право распоряженія мѣстнымъ благоустройствомъ, опять-таки, было пересѣкаемо полицейской властью воеводской канцеляріи и магистратскаго присутствія. Только правомъ подачи мірскихъ челобитій о нуждахъ и желаніяхъ посада сходы пользовались въ весьма широкой степени. Такимъ образомъ, мірское самоуправленіе было поставлено въ

такіе предѣлы и условія, при которыхъ оно являлось главнымъ образомъ орудіемъ осуществленія фискальныхъ задачъ и интересовъ, а при такомъ положеніи дѣла перво-степенные члены общины, какъ первые отвѣтчики за дѣйствія міра передъ государственной властью, оказывались естественными хозяевами мірскаго схода».

Этотъ отрицательный выводъ, конечно, не лишалъ изслѣдованіе Кизеветтера огромнаго положительнаго значенія. Здѣсь впервые формальнымъ актамъ городского устройства, въ которыхъ все казалось благополучнымъ, была противопоставлена основанная на фактахъ картина дѣйствительной жизни русскаго города, подавленного тяжелымъ гнетомъ государственныхъ повинностей и налоговъ. И все-таки, рисуя картину государственнаго принужденія и опеки, авторъ обращалъ особое вниманіе на тѣ «зародыши стремленій къ истинной автономіи», которые съ трудомъ пробивались и должны были развиться только въ будущемъ, по мѣрѣ ослабленія крѣпостнаго характера городской общины. Съ этой точки зрѣнія онъ взялъ подъ свою защиту городскіе указы депутатамъ, посылавшимся въ Екатерининскую комиссію 1767 г. Въ противоположность утвержденіямъ, что русскіе города откеслись пассивно къ предоставленной имъ возможности участвовать въ новомъ законодательствѣ, Кизеветтеръ выдвинулъ положеніе, что городскіе указы, традиціонно связанныя съ старинными посадскими челобитными, отразили въ себѣ дѣйствительныя нужды и стремленія всей торгово-промышленной Россіи, и что сходство текста многихъ наказовъ свидѣтельствуетъ не о простомъ плагиатѣ, а о «совмѣстной разработкѣ насущныхъ нуждъ посадской жизни представителями различныхъ посадскихъ общинъ».

Защитивъ свою первую диссертацию, А. А. немедленно приступилъ къ работѣ надъ второй, составлявшей естественное продолженіе первой. Дойдя въ исторіи города до 1760-хъ годовъ, «идти далѣе было невозможно, не подвергнувъ предварительно монографическому изученію тотъ законодательный актъ, который лежалъ въ основѣ городского устройства отъ 1785 г. и вплоть до 1870 г.», т. е. Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г. Матеріалы для исторіи этого законодательнаго акта хранились въ Петербургскихъ архивахъ, и уже въ декабрѣ 1904 г. мы встрѣчаемъ Кизеветтера за регулярной работой («ежедневно все утро») въ петербургскомъ Государственномъ

Архивъ. Однако, на этотъ разъ то «наслажденіе, съ которымъ приглашенъ принять участіе въ обсужденіи матеріаловъ», было прервано вторженіемъ въ его жизнь политики и публицистики. Подробный рассказъ объ этомъ не входитъ въ задачу этой статьи. Но все-же надо напомнить главные этапы увлеченія Кизеветтера происходившимъ въ тѣ годы политическимъ движеніемъ. Уже въ 1901 г. онъ былъ приглашенъ принять участіе въ обсужденіе матеріала для нелегальной заграничной газеты «Освобожденіе», которую русскіе либералы начали издавать въ Штутгартѣ подъ редакціей перешедшаго тогда отъ социаль-демократовъ къ конституціоналистамъ П. Б. Струве. Этимъ самымъ Кизеветтеръ сталъ близко къ кружку, организовавшему нелегальный «Союзъ Освобожденія», изъ котораго вышла потомъ конституціонно-демократическая партія (к. д.). Еще въ 1894 г. онъ былъ приглашенъ въ качествѣ помощника редактора въ московскій либеральный ежемѣсячный журналъ «Русскую Мысль». Правда, бурныя событія 1905 г. не отвлекли его отъ лѣтней поѣздки въ Петербургъ для продолженія работы надъ диссертацией. Но вернувшись въ сентябрѣ въ Москву, онъ «сразу попалъ въ атмосферу политическаго возбужденія», которому не остался чуждъ. Опубликованіе конституціоннаго манифеста 17 октября 1905 г. совпало съ организационнымъ съездомъ въ Москвѣ дѣятелей образованной здѣсь партіи народной свободы, — и Кизеветтеръ посѣщалъ засѣданія этого учредительнаго съѣзда, рѣшивъ вступить въ эту партію. Послѣдствіемъ этого вступленія было порученіе объяснить народнымъ аудиторіямъ смыслъ манифеста 17 октября. Кизеветтеръ оказался блестящимъ народнымъ ораторомъ. На второмъ съѣздѣ партіи въ январѣ 1906 г. въ Петербургѣ онъ былъ избранъ въ центральный комитетъ партіи, въ которомъ и «продолжалъ состоять вплоть до того момента, когда центральный комитетъ въ своей значительной части эмигрировалъ послѣ большевицкаго переворота». «Я былъ однимъ изъ немногихъ», вспоминаетъ Кизеветтеръ, «оставшихся на мѣстѣ и обречшихъ себя тѣмъ самымъ на частыя и продолжительныя тюремныя заключенія, постоянныя обыски и ежеминутную опасность внезапно быть выведеннымъ въ расходъ».

Вскорѣ затѣмъ началась выборная кампанія въ первую государственную думу, и Кизеветтеръ принялъ въ ней непосредственное и большое участіе. «Февраль и мартъ

1906 г. прошли для меня, какъ въ чадѣ», вспоминаетъ онъ. «Пришлось расплачиваться за ораторскій успѣхъ. Московскій партійный комитетъ включилъ меня въ число ораторовъ, которые должны были пролагодировать партію на митингахъ, а митинги происходили почти ежедневно. Ахъ, что это была за зима! Конечно, на всѣ мои научныя кабинетныя и архивныя занятія пришлось махнуть рукой». Зато плоды усилій Кизеветтера сказались въ блестящей побѣдѣ, одержанной к. д. въ Москвѣ. Онъ присутствовалъ и три началъ засѣданій первой думы, раздѣляя общій энтузіазмъ по поводу появленія въ свѣтъ перваго русскаго народнаго представительства. Но, вернувшись въ Петербургъ въ іюнѣ, онъ уже раздѣлялъ опасенія Юлмоса, своего коллеги по работѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», куда онъ перенесъ работу изъ «Русской Мысли». Юлмосъ, встрѣтивъ его въ кулуарахъ Думы, и «смотря на него грустными глазами, спрашивалъ: что же дальше? Отвѣта не было. Дума попала въ тупикъ, и уѣхавъ отдыхать на о. Рюгенъ, Кизеветтеръ уже оттуда слѣдилъ за неизбежной развязкой. Вернувшись въ Москву осенью 1906 г., онъ узналъ о подробностяхъ разгона думы — и разошелся съ партіей въ оцѣнкѣ Выборгскаго манифеста. «Конечно, этотъ шагъ былъ ошибкой», пишетъ онъ. «Ошибка состояла въ неправильномъ учетѣ психологій момента». Онъ призналъ, однако, что «призывъ къ пассивному сопротивленію являлся въ сущности актомъ политической умѣренности и стремленія ввести потокъ народнаго негодования въ возможно болѣе закономѣрные предѣлы». Таковъ и былъ, дѣйствительно, смыслъ и практическая задача Выборгскаго манифеста.

Возвращаясь въ Москву, А. А. предполагалъ, что теперь онъ получитъ возможность «возобновить свои научныя занятія и поручиться въ писаніе второй диссертации». Но «эти мечты разлетѣлись прахомъ», и еще на цѣлый годъ пришлось отложить ихъ осуществленіе. Въ Москвѣ Кизеветтеръ «понялъ, что въ этотъ напряженнѣйшій моментъ исторической жизни нечего было и думать отойти отъ выполнения обязательствъ, которыя вытекали изъ связи съ к. д. партіей». Онъ не только принялъ участіе въ новой избирательной кампаніи — и даже составилъ для ораторовъ к. д. изложеніе программы и тактики партіи въ діалогической формѣ, получившее шутовское названіе «Кизеветтеровской шпаргалки». Онъ принужденъ былъ принять

кандидатуру въ члены думы и быть выбранъ. Кизеветтеръ не раздѣлялъ болѣе «наивнаго прекраснодушія» время первой думы, и работа въ новой думѣ представлялась ему «чрезвычайно тягостной». Немудрено, что скорый роспускъ этой думы «существенно измѣнилъ его личное отношеніе къ участию въ политической дѣятельности». Наступила известная реакція противъ увлеченій 1905-6 гг. Кизеветтеръ мотивировалъ свой отходъ отъ практической политики слѣдующимъ образомъ. «Все указывало на то, что моментъ политическаго кризиса миновалъ и предстоять продолжительныя политическія будни... Участвовать въ такой работѣ должны люди, чувствующіе къ ней внутреннее призваніе, — политики по природѣ. Самъ же я по природѣ вовсе не политикъ. Я — ученый и писатель. Бывають въ жизни страны прозные моменты, когда каждый гражданинъ обязанъ принять участіе въ общей политической «страдѣ». Но этотъ моментъ, по мнѣнію Кизеветтера, прошелъ. И онъ «разрѣшилъ, наконецъ, себѣ ту роскошь, о которой давно мечталъ», потрузившись на весь 1908 г. въ работу надъ окончаніемъ второй диссертациі объ исторіи Городового Положенія 1785 г. Въ 1909 г. книга была готова, и весной состоялся диспутъ — опять чрезвычайно благоприятный для Кизеветтера. Въ результатъ, онъ былъ избранъ въ профессора Московскаго университета.

Новостью второй диссертациі Кизеветтера было открытіе источниковъ, изъ которыхъ черпала Екатерина матеріалъ для своего законодательнаго акта. Помимо матеріаловъ петербургскаго Государственнаго архива, на которыхъ основана моя краткая характеристика Городового Положенія въ «Очеркахъ русской культуры», Кизеветтеръ поработалъ надъ дѣлопроизводствомъ частныхъ комиссій Екатерининской комиссіи объ уложеніи въ архивѣ государственнаго совѣта. Оказалось, что Екатерина пользовалась готовымъ систематическимъ сводомъ обширнаго законодательнаго матеріала, расклассифицированнаго по рубрикамъ и подготовленнаго комиссіей уложенія. Отсюда заимствованы остзейскія, шведскія, прусскія законоположенія, использованныя при составленіи Уложенія. Однако, использованіе это — не механическое. Кизеветтеръ признаетъ, что Екатерина проводила тутъ свою собственную политическую идею, сводившуюся, по его опредѣленію, къ «установленію общественныхъ союзовъ и корпора-

цій, по формѣ самоуправляющихся, по существу служащихъ подчиненными органами коронной администраціи». Екатерина хотѣла использовать «новые социальныя элементы», появившіяся послѣ Петра, «давъ имъ такую юридическую организацію, которая возможно болѣе приспособила бы ихъ къ старымъ основамъ русской государственности». Эта идея, проходящая «красной чертой» черезъ всѣ акты этой эпохи, въ сущности, возвращаетъ учрежденія къ тому же положенію, которое обрисовано въ первой диссертациі о «Посадской общинѣ». Изучивъ дѣлопроизводство московской думы за время Екатерины, Кизеветтеръ даже приходитъ къ заключенію, что «практика городского управленія того времени вела подчиненіе думъ короннымъ властямъ еще гораздо далѣе, чѣмъ на это уполномочивала буква закона». «Недаромъ московская дума заявляла, что къ умноженію въ городѣ полезныхъ заведеній она «смѣлости не имѣетъ ни малѣйшей», а въ другомъ рапортѣ «примѣчала, что едва только считается городская дума въ числѣ прочихъ въ Москвѣ присутственныхъ мѣстъ». Прибавлю только, что какъ разъ эти заявленія показываютъ, что отвѣтственность за сложившееся положеніе не слѣдовало бы возлагать всецѣло на законодательство Екатерины. Вообще надо замѣтить, что Кизеветтеръ въ данномъ случаѣ унаслѣдовалъ отъ своего учителя Ключевского недружелюбное отношеніе къ Екатеринѣ. Подъ этимъ настроеніемъ онъ напрасно отрицаетъ разницу между первымъ и вторымъ періодомъ законодательства Екатерины, проведенную, между прочимъ, и въ моихъ «Очеркахъ». Уже въ Пратѣ мнѣ пришлось съ нимъ спорить по поводу его доклада въ тамошнемъ Историческомъ Обществѣ *). Тутъ онъ подробнѣе мотивировалъ свое отрицаніе различія между первыми и послѣдующими годами царствованія Екатерины, утверждая, что приписываемое ей обыкновенно увлеченіе модными идеями философскаго вѣка было съ самаго начала простымъ лицемѣріемъ, прикрывавшимъ ея самодержавныя намѣренія.

Эти замѣчанія приводятъ меня къ другой обширной работѣ Кизеветтера — объ отношеніяхъ императора Александра къ Аракчееву, — проникнутой тѣмъ же духомъ

*) Напечатанъ въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ П. Н. Милюкову», Прага, 1929.

недовѣрія къ либеральнымъ побужденіямъ императора. Произведеніе это написано блестяще, и очень убѣдительно доказано основное положеніе автора, что Александръ вовсе не былъ такимъ безвольнымъ мечтателемъ, какимъ его иногда изображали, а совершенно сознательно и цѣлесообразно пользовался Аракчевымъ, какъ орудіемъ своей политики, когда для этого наступали подходящіе моменты. Защищать Александра отъ Кизеветтера, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ защищать Екатерину. Всѣ моменты сближенія Александра съ Аракчевымъ — и гатчинскіе годы (при Павлѣ), и годы возвышенія Сперанскаго, и годы священнаго союза — очень хорошо укладываются въ схему, набросанную Кизеветтеромъ. И все-же остается нѣчто невѣсомое, что дѣлаетъ объясненіе Кизеветтера неполнымъ. Это невѣсомое есть человѣческій элементъ, присущій даже и императорской психологіи. Нельзя отрицать возможности иллюзій, свойственныхъ юности. Нельзя отрицать и возможности разочарованія, свойственнаго зрѣлому возрасту. Высокія идеи, заимствованныя изъ книгъ, цѣлой бездной отдѣлялись отъ тогдашней русской дѣйствительности. Между тѣмъ и другимъ — идеями и дѣйствительностью — возникла внутренняя борьба. Екатерина сравнительно легко отдѣлалась отъ этого созданнаго опытомъ жизни душевнаго противорѣчія. У Александра душевный разладъ съ собой остался на всю жизнь, и вмѣсто того, чтобы нести тяжесть конфликта съ дѣйствительностью на своихъ собственныхъ плечахъ, онъ сбросилъ дѣйствительность на плечи Аракчева. У императора Николая I, которому Кизеветтеръ посвятилъ особую работу, никакого противорѣчія съ жизнью не было. Если трагедія Александра состояла въ томъ, что онъ пришелъ нѣсколько раньше времени, то трагедія Николая I заключалась въ томъ, что онъ нѣсколько запоздалъ. И характеристика, данная Кизеветтеромъ внутренней политикѣ этого императора, не нуждается ни въ какихъ оговоркахъ. Мы можемъ лишь повторить послѣднія слова, которыми кончается этотъ, по обыкновенію, содержательный и блестящій этюдъ. «Жизнь выдвигала на очередь крупныя и сложныя задачи. Но старый режимъ, въ которомъ цѣпенѣла Россія, не былъ способенъ ни разрѣшить, ни снять ихъ съ очереди. Ему оставался только одинъ исходъ: пасть жертвой собственнаго безсилія».

Эти и другіе этюды Кизеветтеръ собралъ въ свои сбор-

ники «Историческіе очерки» 1912 и «Историческіе отклики» 1915 г. Но не тутъ лежалъ главный нервъ его издательской работы. Скажемъ объ этомъ его собственными словами. «Закончивъ свои долготѣнія работы по исторіи городского самоуправления въ Россіи въ XVIII ст., я принялся за новыя архивныя разысканія, поставивъ себѣ обширную задачу изучить служебное и экономическое положеніе «гостей Московскаго государства», «верхняго слоя представителей торговаго капитала въ XVI - XVII вв. Эта работа занимала меня втеченіе всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ до моего изгнанія изъ Россіи. Я собралъ громадный и интереснѣйшій архивный матеріалъ и уже готовился приступить къ его разработкѣ, но революціонныя событія смяли и развѣяли эти мои научные планы. Удастся-ли ихъ когда либо выполнить? Богъ вѣсть»... Теперь мы знаемъ, что не удалось, и этимъ мы обязаны совѣтской власти...

Нормальная преподавательская дѣятельность Кизеветтера была прекращена еще раньше — распоряженіями стараго самодержавнаго правительства. Въ 1911 г. министръ народнаго просвѣщенія Кассо грубо нарушилъ автономныя права Московскаго университета, утвержденныя высочайшимъ указомъ. На протестъ университета Кассо отвѣтилъ увольненіемъ ректора проф. Мануилова и его помощниковъ Менсбира и Минакова. Тогда 130 профессоровъ и преподавателей вышли въ отставку, чтобы показать свою солидарность съ уволенными. Въ ихъ числѣ, конечно, былъ и Кизеветтеръ. Въ университетѣ остались только креатуры министерства и карьеристы. Всѣ вышедшіе преподаватели перешли въ городской народный университетъ, созданный на пожертвованіе Шанявскаго, и поставили преподаваніе тамъ на уровень нормальнаго университета. Кизеветтеръ читалъ тамъ лекціи въ большой аудитории, вмѣщавшей около тысячи человекъ — слушателей всѣхъ возрастовъ и положеній. Однако, правительство скоро обратило вниманіе на это предпріятіе общественнаго характера, и дѣятельность Кизеветтера была снова прервана по распоряженію власти. Послѣ февральской революціи 1917 г. университетъ былъ снова открытъ для ушедшихъ въ 1911 г. профессоровъ, и Кизеветтеръ возобновилъ свое университетское преподаваніе. Онъ продолжалъ его и при большевикахъ, до 1922 г., когда былъ высланъ вмѣстѣ съ группой интеллигентныхъ дѣятелей, не желавшихъ покрыть своимъ авторитетомъ преступлей

большевиковъ. Въ нетопленной аудиторіи среди хаоса постоянно мѣняющихся совѣтскихъ программъ, Кизеветтеръ старался поддержать преподаваніе на прежней высотѣ, предупреждая желавшихъ специализироваться на русской исторіи, что это «все равно, что въ монашество постричься». Рѣшившимися на это, онъ руководилъ, не жалѣя времени, входя во всѣ подробности ихъ подготовительной работы.

Высылка изъ Россіи прервала и эту работу. Но Кизеветтеръ не поддавался унынію. Въ Прагу, — мѣсто своего новаго пребыванія, онъ перенесъ и свои преподавательскіе дары, и свои научные навыки. Онъ принималъ живое участіе и въ общественной жизни русской колоніи, не оставляя безъ вниманія и послѣреволюціонныхъ политическихъ теченій. вмѣстѣ съ нимъ мнѣ приходилось сражаться съ мѣстными представителями евразійскаго теченія. вмѣстѣ мы почтили передъ мѣстной аудиторіей память и нашего общаго учителя Ключевскаго. Чехословацкая ученая среда оцѣнила Кизеветтера, какъ ученаго и преподавателя. Онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ Карловомъ университетѣ и поставленъ во главѣ руководителей русскимъ историческимъ архивомъ. Выше мы упоминали о его работахъ, написанныхъ въ Прагѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ имѣлъ возможность увидѣть въ печати свой послѣдній трудъ — второй томъ французской «Исторіи Россіи», посвященный XVIII вѣку и въ большей своей части написанный имъ съ обычнымъ его мастерствомъ и умѣньемъ въ немногихъ словахъ дать живую картину эпохи и яркія характеристики политическихъ дѣятелей того времени. Въ частности, его воспоминанія, доведенныя до 1914 г., свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ остался вѣренъ своимъ политическимъ воззрѣніямъ. Но послѣ своего отхода отъ практической политики онъ постепенно сблизился съ дѣятелями умѣреннаго крыла партіи к. д., и это дало ему возможность приобрести авторитетъ и вліяніе среди разныхъ политическихъ теченій пражской колоніи. Единодушное выраженіе скорби, какимъ пражане проводили его въ могилу, показало, какой огромной популярностью онъ пользовался и какую зияющую пустоту оставила его преждевременная кончина, — послѣдствіе надломленнаго жизнью въ совѣтской Россіи и трудностями изгнанія организма.

П. Милюковъ.

Соціалізмъ въ капиталистическомъ кризисѣ

Когда въ 1844 году Ф. Энгельсъ писалъ свою знаменитую работу о «Положеніи рабочаго класса въ Англіи», онъ былъ тогда крѣпко убѣжденъ въ томъ, что при все растущей разрушительной силѣ промышленныхъ кризисовъ англійскій пролетаріатъ въ состояніи будетъ перенести только развѣ еще одинъ кризисъ. Больше перенести ужасы кризисовъ у него не хватитъ силъ и онъ въ побѣдоносномъ возстаніи опрокинетъ всю эту экономическую систему капитализма, которая съ неизбѣжностью природной стихіи каждыя пять-семь лѣтъ такой губительный кризисъ заново порождаетъ. Черезъ 3 года выходитъ «Коммунистическій манифестъ» и въ немъ бывшіе и предстоящій кризисъ фигурируютъ въ качествѣ неоспоримыхъ свидѣтельствъ того, что «буржуазія неспособна оставить господствующимъ классомъ и возводить условия своего существованія въ норму, регулиующую весь общественный строй. Она неспособна къ господству, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабское существованіе, потому что она вынуждена довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ».

Въ 1849 году кризисъ смѣняется промышленнымъ оживленіемъ. По расчетамъ Маркса и Энгельса слѣдующій, и уже послѣдній, кризисъ, послѣ котораго капитализмъ кончается и начинается социализмъ, долженъ наступить въ 1852 г. Никакого выхода для капитализма Энгельсъ больше уже не видитъ. Онъ пишетъ въ 1850 году: «Никакіе новые рынки теперь уже не откроются... Совершенно очевидно, что при невозможности дальнѣйшаго расширенія сбыта, при экономической системѣ, построенной на каждодневномъ расширеніи производства, господству фабричныхъ владыкъ наступаетъ конецъ. А дальше что? Вообщемъ разрушеніе и хаосъ, — поворять фритредеры.

Соціалная революція и господство пролетаріата, — говоримъ мы». Въ октябрѣ 1851 г. Энгельсъ увѣренъ въ томъ, что онъ уже уловилъ явленія наступившаго торговаго кризиса и считаетъ обезпеченнымъ, что «континентальныя судороги ближайшей весны совпадутъ съ весьма порядочнымъ кризисомъ». Когда весною 1852 г. никакого кризиса въ наличности нѣтъ, то въ письмѣ къ своему американскому другу онъ перечисляетъ рядъ экономическихъ причинъ, обусловившихъ затяжку ожидавшагося кризиса, но затяжку все-таки не долѣе, чѣмъ до осени того же года. Въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ промышленный подъемъ однако не прекращается, и въ перепишкѣ съ Марксомъ выдвигается то утѣшительное соображеніе, что расчеты ихъ все-таки остаются вѣрными и оторочка на полгода никакого значенія не имѣетъ. Въ маѣ Энгельсъ уже видитъ въ большомъ числѣ «буревѣстниковъ» грядущаго послѣдняго кризиса. Въ августѣ вѣра въ грядущій осенью кризисъ еще достаточно сильна, но при этомъ является сомнѣніе: будетъ ли этотъ кризисъ достаточно мощнымъ, чтобы сейчасъ же, т. е. «въ теченіе 6-8 недѣль»... вызвать революцію? Въ сентябрѣ вѣра и надежда на вотъ-вотъ имѣющей разразиться кризисъ еще чрезвычайно сильны и только въ концѣ ноября, когда не только кризиса нѣтъ, но открываются все новые и новые рынки, увѣренность Энгельса начинаетъ падать. Теперь онъ начинаетъ строить на томъ, что въ результатѣ «ненормальныхъ отношеній» «нѣчто значительное можетъ произойти въ слѣдующемъ 1853 г. только въ томъ случаѣ, если случится большой неурожай.

Энгельсъ прекрасно видитъ и самъ перечисляетъ факторы, способствующіе промышленному и торговому расцвѣту, и тѣмъ не менѣе въ письмѣ отъ апрѣля 1853 г. онъ полагаетъ, что «даже съ наитрезвѣйшей точки зрѣнія» является совершенно невозможнымъ, чтобы расцвѣтъ пережили весну 1854 г. «Европа блестяще подготовлена и нуждается только въ толчокѣ кризиса». Кризиса однако нѣтъ и въ 1854 году. Въ перепискѣ между Энгельсомъ и Марксомъ мотивы кризиса на время затихаютъ. Но въ слѣдующемъ 1855 году Марксъ снабжаетъ всѣ газеты, въ которыхъ онъ состоялъ корреспондентомъ, сенсационнымъ матеріаломъ объ уже разразившемся въ Англіи торговомъ кризисѣ и при этомъ онъ еще жестоко издѣвается

надъ сторонниками свободной торговли, выдающими въ ней панацею противъ катастрофы вродѣ уже наступившей...

Теперь это кажется прямо поразительнымъ, какимъ образомъ Марксъ могъ такъ распространиться по поводу кризиса, котораго въ дѣйствительности вовсе и не было. Сказалась сила положенія: «желаніе — отецъ мысли». «Наитрезвѣйшая точка зрѣнія» породила миражъ...

Горячее желаніе кризиса осуществилось только въ 1857 г. — пять лѣтъ спустя послѣ положеннаго для прихода кризиса срока. Кризисъ этотъ отвѣчалъ какъ будто всѣмъ надеждамъ и предсказаніямъ основоположниковъ научнаго социализма. Онъ былъ крайне острымъ и разрушительнымъ. Шумъ и трескъ слышимаго капиталистическаго крушенія наполняютъ сердца Маркса и Энгельса глубокой молодой радостью. Еще въ сентябрѣ 1856 г. Энгельсъ пишетъ Марксу по поводу грандіозныхъ размѣровъ спекуляціи въ Германіи и предвѣщаетъ надвигающійся исполынкій крахъ, въ результатъ котораго — «вся европейская индустрія — капутъ, всѣ рынки переполнены, всѣ имущіе классы втянуты въ катастрофу, полное банкротство буржуазіи, война и развалъ въ высочайшей степени». То обстоятельство, что развязка нѣсколько затягивается противъ прежнихъ ожиданій, теперь Энгельсъ только радуется: тѣмъ эта развязка будетъ страшнѣе и рѣшительнѣе для судебъ капитализма!

Кризисъ 1857 г. начинается буйствовать въ то время, какъ Энгельсъ только что перенесъ тяжелую болѣзнь. Но, наблюдая въ качествѣ сотрудника въ торговой конторѣ своего отца въ Манчестерѣ биржевую панику и ужасъ капиталистовъ, Энгельсъ отсюда черпаетъ не только духовную радость, но и прямо физическія силы. «Эти ребята, — пишетъ онъ Марксу о биржевикахъ, — весьма раздражены моимъ внезапно и необычайно улучшившимся настроеніемъ». Изъ письма видно, что онъ разсматриваетъ биржу какъ своего рода курортъ для себя, настолько отрадно все, что онъ тамъ видитъ въ дни кризиса. «При этомъ я, понятно, все время предсказываю сугубо мрачно; это раздражаетъ ослѣвъ вдвойнѣ». О ходѣ кризиса Энгельсъ пишетъ Марксу часто и основательно со всѣми подробностями. Никакого выхода для капитализма Энгельсъ теперь совсѣмъ не видитъ. Зато онъ вполнѣ убѣжденъ въ приходѣ социальной революціи.

Ради ея успѣха нужно, чтобы массы были разогрѣты

постояннымъ давленіемъ кризиса. «Пролетаріатъ тогда бьетъ вѣрнѣе, болѣе увѣренно и дружно, подобно тому какъ кавалерійская атака проходитъ успѣшнѣе, когда лошади, прежде чѣмъ непосредственно броситься на врага, предварительно разогрѣты 500 шагами рыси». Теперь уже Энгельса беспокоитъ мысль не о томъ, какъ бы революція не пришла слишкомъ поздно, а слишкомъ рано. Онъ пишетъ Марксу: «Я бы не хотѣлъ, чтобы событія наступили раньше того, что вся Европа будетъ втянута въ кризисъ». Боевое настроеніе его брызжетъ черезъ край. Терминологія его писемъ становится сугобо военной. Биржу онъ сравниваетъ съ полемъ битвы, конторскій стулъ его превращается въ боевого коня. Охота на лисицъ, которой онъ увлекается, приноситъ ему физическую и душевную бодрость, окрашенную въ яркіе революціонные цвѣта. Онъ пишетъ своему другу: «Въ 1848 г. мы говорили: теперь приходитъ наше время — и въ извѣстномъ смыслѣ такъ оно и было. Но теперь оно приходитъ для насъ по настоящему, теперь ставка рѣшительная. Мои военные занятія сейчасъ же становятся, благодаря этому, болѣе практическими и я, не откладывая, бросаюсь изучать организацію и элементарную тактику прусской, австрійской, баварской и французской армій и кромѣ того еще верхнюю ѣзду, т. е. охоту на лисицъ, что является блестящей школой».

Ужасающія страданія массъ, отчаяніе и нужда въ рядахъ рабочаго класса, порожденныя кризисомъ, нисколько, видимо, не способны испортить бодрое настроеніе друзей, ожидающихъ отъ кризиса большихъ революціонныхъ милостей. Автора потрясающей картины рабочихъ страданій на этотъ разъ не интересуютъ страданія пролетаріата, а радуютъ страданія буржуазіи. Съ превеликимъ удовольствіемъ Энгельсъ сообщаетъ Марксу, что въ Ливерпулѣ на биржѣ физиономіи буржевинокъ вытянуты въ 3 раза длиннѣе, чѣмъ въ Манчестерѣ; «эти господа совершенно поблѣднѣли и у нихъ уже силъ не хватаетъ банкротировать». При этомъ Энгельсъ убѣжденъ, что пока что бьетъ только первая волна кризиса и скоро ударитъ вторая волна, гораздо болѣе сокрушительная для всей капиталистической системы.

Но вотъ, вторая волна не приходитъ. Мало того — начинаетъ ослабѣвать къ концу года и первая волна. Начинаютъ показываться признаки улучшения. Энгельсъ это

не только рѣшительно отрицаетъ, но еще издѣвается надъ дѣловыми кругами Манчестера, которые въ виду исчезновенія денежныхъ затрудненій, которыми кризисъ начался, полагають, что кончился и самый кризисъ. На 1858-й годъ онъ ждетъ окончательной катастрофы для капиталистическаго міра и въ этомъ духѣ выдержано его новогоднее поздравленіе, посланное Марксу и его семьѣ.

Новый годъ наступилъ, явленія кризиса все болѣе ослабѣвали, а революція не приходила. Еще нѣсколько разъ Энгельсъ пытался какъ нибудь сгладить пропасть между своими предсказаніями и фактами. И лишь спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ началѣ 90-хъ годовъ онъ призналъ, что его и Маркса предсказанія и теоріи относительно непосредственной связи, во времени между экономическимъ кризисомъ и пролетарской революціей были необоснованы и ошибочны*).

Эта краткая историческая справка даетъ намъ достаточно яркое представленіе о томъ, какъ безмѣрно далеко ушелъ современный социализмъ не только отъ теоріи, но и отъ психологіи своихъ научныхъ прародителей. На всемъ фронтѣ современнаго социализма мы сейчасъ не найдемъ ни одного сколько нибудь вліятельнаго течения, которое способно было бы радоваться кризису и возлагать на него все свои революціонныя упованія. По своимъ размѣрамъ и силѣ, по длительности и глубинѣ своей современный намъ экономическій кризисъ во много разъ превосходитъ кризисъ 1857 года, такъ воодушевившій Маркса и Энгельса заключавшимся, по ихъ мнѣнію, въ немъ революціонно-соціалистическими перспективами. Такой богатый, совершенно убійственный для капиталистической системы обвинительный матеріалъ, какой заключается въ нынѣшнемъ кризисѣ, не заключался, конечно, въ кризисѣ 1857 г., разыгравшемся въ условіяхъ, когда передъ капитализмомъ раскрывались еще безконечныя перспективы. Такого подтвержденія самыхъ худшихъ изъ нашихъ оцѣнокъ капиталистическаго строя, какое со столь широкой готовностью преподнесъ намъ послѣдній кри-

*) Матеріалы объ отношеніи Энгельса къ кризису 1857 года взяты изъ статьи извѣстнаго историка социализма Густава Майера въ февральской книжкѣ журнала «Ди Гезелшафтъ» за 1932 годъ.

зись, кризись 1857 г., конечно, дать не могъ. Больше того, — эту глубокую компрометацию капиталистической системы въ сознаниі не только трудящихся, но вообще массъ, такъ или иначе затронутыхъ кризисомъ, какую вызвалъ современный намъ кризись, кризись 1857 г. вызвать быль не въ состояніи. Казалось бы, для социализма имѣется множество основаній привѣтствовать этотъ кризись, какъ своего помощника въ дѣлѣ преодоленія капиталистической системы, съ еще большей радостью, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ привѣтствовали современный имъ кризись 1857 г.

И однако никакихъ слѣдовъ такой радости на социалистическомъ фронтѣ совершенно не замѣтно. Почему?

Потому что почти совершенно исчезла надежда на то, что переживаемый кризись является послѣднимъ и прямымъ его послѣдствіемъ можетъ явиться революціонный переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ, кладущій конецъ капитализму и открывающій новую эру социалистической экономики. И еще потому, что теорія крушенія капитализма въ судорогахъ кризиса сама потерпѣла крушеніе. И наконецъ, потому, что очередной капиталистическій кризись превратилъ не только въ кризись для капитализма, но и въ очень тяжелый кризись для самого социализма.

Вѣрно, что кризись далъ въ руки социализму громадный оглушительной силы матеріалъ для критики капитализма. Но вѣрно и то, что критика перестала быть основной задачей современнаго социализма, даже въ самыхъ лѣвыхъ его секторахъ. Теперь социалистическое движеніе нуждается не столько въ матеріалахъ для критики, сколько въ матеріалахъ для положительнаго политическаго и социальнаго строительства. Кризись же, который принесъ такъ много матеріаловъ для критики, не только не принесъ никакого матеріала для положительнаго социалистическаго строительства, но даже значительную часть этого матеріала, который былъ уже въ наличности, кризись этотъ разрушилъ. И вотъ почему въ современномъ социалистическомъ сознаниі «интересная прибыль» отъ кризиса оказалась слишкомъ мало интересной въ сравненіи съ грандіозными и плачевными убытками, какіе кризись причинилъ.

Конечно, когда были сильны вѣра и убѣжденіе, что однажды на очередномъ кризисѣ капитализмъ оконча-

тельно сломаешь себѣ шею, тогда при мысли о томъ, что вотъ можетъ быть мы присутствуемъ при такомъ послѣднемъ кризисѣ, при такомъ послѣднемъ издыханіи капитализма, можно было и забыть о тѣхъ мукахъ, на которыя кризисъ обрекаетъ рабочія массы. Но въ томъ то и дѣло, что такая вѣра въ историческую миссію капиталистическихъ кризисовъ изъ совнанія современнаго социализма почти совершенно исчезла. Преданный и вѣрный ученикъ Маркса, Карль Каутскій, самъ выгужденъ быть подвѣргнутъ рѣшительной критикѣ ученіе Маркса о наступленіи такого періода въ развитіи капитализма, когда онъ окажется не въ состояніи удовлетворять элементарныя экономическія нужды общества, экономически исчерпаетъ себя и погибнетъ, совершенно разложившійся, въ волнахъ какого-нибудь сокрушительнаго кризиса.

Каутскій пришелъ къ выводу, что предвидѣть и утвердить экономическую неизбежность крушенія капитализма совершенно невозможно, а когда это крушеніе произойдетъ, то произойдетъ оно по причинамъ общественно-политическимъ, а не экономическимъ. Отсюда и берется убѣжденіе Каутскаго, что «побѣда социализма придетъ не черезъ экономическое разложеніе капитализма, но черезъ политическій подъемъ и расцвѣтъ пролетаріата». Иными словами, капитализмъ умретъ не экономической смертью, а смертью политической и на эту послѣднюю есть гораздо больше основаній надѣяться, чѣмъ на первую. Обсуждая вопросъ, при какихъ условіяхъ побѣдившій социалистическій режимъ сможетъ удовлетворить въ наибольшемъ размѣрѣ нужды наибольшаго числа своихъ пражданъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ горячими патриотами новаго режима, Каутскій послѣ цѣпи интересныхъ аргументовъ приходитъ къ выводу, который онъ самъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть: «Чѣмъ больше цвѣтеть и преуспѣваетъ капиталистическій способъ производства, тѣмъ лучшіе виды на успѣхъ у социалистическаго режима, который придетъ на мѣсто капиталистическаго».

Какъ видите, уже не экономическій кризисъ капитализма, а его экономическій расцвѣтъ стоятъ въ непосредственныхъ интересахъ социалистическаго преобразования общества. Надежда на интересную прибыль отъ кризиса здѣсь совершенно рухнула. Наоборотъ, въ экономиче-

скомъ развалѣ капиталистическаго хозяйства Каутскій видитъ одно изъ самыхъ опасныхъ предисловіи къ социализму. Онъ вспоминаетъ при этомъ тяжкій опытъ германской революціи, когда «многіе социалисты видѣли одинъ изъ элементовъ ея побѣды въ томъ, что составляло одну изъ главныхъ причинъ ея слабости: въ полномъ экономическомъ крушеніи страны. Коммунисты и находившіеся подъ ихъ влияніемъ социаль-демократы торжествовали по поводу этого крушенія, видя въ немъ банкротство и конецъ капитализма. Не было для нихъ задачи болѣе важной, какъ не дать поверженному на землю капитализму вновь встать на ноги. Всякій видъ производства, за исключеніемъ социализованнаго, долженъ былъ отнынѣ стать невозможнымъ. Это было страшно опаснымъ лозунгомъ». Каутскій тогда же выступилъ противъ него и въ одной изъ своихъ легучекъ писалъ: «Еще болѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о способѣ производства, является вопросъ о самомъ производствѣ. Война это производство насильственно остановила. Вновь его оживить и пустить въ ходъ является самой настоятельной нашей задачей». На общегерманскомъ съѣздѣ рабочихъ депутатовъ Каутскій предостерегалъ противъ тактики раззоренія предпринимателей путемъ предъявленія чрезвычайно высокихъ требованій, удовлетвореніе которыхъ грозило неминуемымъ крахомъ соответствующихъ предприятий. «Это означаетъ, — говорилъ онъ, — не что иное, какъ превращать эти отрасли производства изъ средства обогащенія въ средство его обнищанія. Подобнаго рода социализація означаетъ не социализацію производства, а социализацію банкротства». И, заканчивая этотъ печальный обзоръ революціоннаго опыта, Каутскій вновь повторяетъ: «Мы еще разъ видимъ всю важность экономическаго подъема для появленія социализма». «Мы вновь и вновь должны подчеркнуть, что не экономическое увяданіе промышленнаго капитала, а его расцвѣтъ является наилучшимъ условіемъ для успешности начальныхъ шаговъ социалистическаго режима».

*
**

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ такой постановкѣ вопроса заключаются для современнаго социалистическаго сознанія довольно большія психологическія и теоретиче-

скія трудности, трудности, вытекающія какъ изъ существа дѣла, такъ еще больше изъ того, что социалистическая мысль даже тамъ, гдѣ она отвергаетъ теорію крушенія капитализма въ судорогахъ послѣдняго исполинскаго кризиса, все же не можетъ выскочить изъ-подъ вліянія того простаго положенія, что когда на лицо имѣются два антагониста, то несчастье одного является счастьемъ для другого. И вотъ тутъ то и получается великое сомнѣніе: если социализмъ дѣйствительно заинтересованъ въ скорѣйшемъ экономическомъ выздоровленіи капитализма, если всякій возможный экономическій кризисъ капитализма является для социализма не радостью, а печалью, то какъ же вообще мы можемъ дойти до социалистическаго преобразования общества, т. е. до окончательной побѣды надъ капитализмомъ? Здоровый и крѣпкій капитализмъ вѣдь побѣдить невозможно! И во всякомъ случаѣ, если мы не можемъ съ нимъ справиться, когда онъ жалокъ и слабъ, то какъ же мы съ нимъ справимся, когда онъ опять придетъ въ себя?

Въ этихъ недоумѣніяхъ и вопросахъ имѣется значительная доза и научнаго убѣжденія, связанная со всей теоріей развитія и гибели капитализма, какъ она была изложена Марксомъ и усвоена всѣмъ современнымъ социализмомъ. Убѣжденіе въ томъ, что социализмъ начнется не раньше того, какъ капитализмъ экономически окончательно истощится и потеряетъ способность удовлетворять экономическія нужды общества, покоилось въ значительной мѣрѣ на положеніи Маркса, согласно которому «ни одинъ общественный строй не погибаетъ раньше того, чѣмъ въ нѣдрахъ его не развились всѣ производительныя силы, для развитія которыхъ этотъ строй достаточно широкъ». Иными словами, покуда старый строй можетъ еще жить, новый строй не можетъ еще родиться. Если капитализмъ еще возможенъ, то социализмъ еще невозможенъ. Не отъ жизни социализма умозаключали къ смерти капитализма, а отъ смерти капитализма умозаключали къ жизни социализма.

Замѣтимъ, однако, что въ данномъ случаѣ жизненная сила стараго и новаго режимовъ измѣрялась одной только мѣрой: мѣрой ихъ чисто экономической сопротивляемости. Другіе элементы ихъ жизненной силы прямо не учитывались, такъ какъ предполагалось, что какъ аукнется въ экономическомъ базисѣ, такъ откликнется и

въ общественныхъ, социальныхъ, политическихъ, юридическихъ и всякихъ иныхъ надстройкахъ. Была сильна въра въ то, что если данный режимъ здоровъ экономически, то тѣмъ самымъ онъ будетъ здоровъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ.

Вотъ этой теоріи, оказавшей такое громадное вліяніе на социалистическую мысль, и нанесъ свой опасный ударъ Карлъ Каутскій. Рядомъ логическихъ построеній и историческихъ изысканій Каутскій показалъ, что съ точки зрѣнія чисто экономической капитализмъ въ состояніи вынести такія потрясенія, какія прежде считались для него совершенно убійственными и смертельными. Съ точки зрѣнія чисто экономической капитализмъ имѣетъ не плохіе виды на весьма еще долгое и долгое, хотя и безобразное, существованіе, какъ бы ни сильны были кризисы, которые отъ времени до времени до корня его потрясаютъ. Самые сильные изъ нихъ все же не могутъ имѣть для капитализма того рокового значенія, какое имъ когда то приписывалось, въ томъ числѣ и самимъ Каутскимъ.

Впрочемъ, еще тогда, когда Каутскій въ вопросѣ о кризисахъ всецѣло раздѣлялъ старую, ортодоксальную точку зрѣнія, лѣтъ за 30 до предпринятой имъ обширной ревизіи старыхъ взглядовъ, онъ уже допускалъ такую возможность, что рабочей классъ одержитъ побѣду надъ капитализмомъ еще до того, какъ наступитъ послѣдній капиталистическій кризисъ, отъ котораго капитализмъ долженъ умереть, такъ сказать, по всѣмъ правиламъ экономической науки. Напоминая объ этомъ своемъ давнемъ отступленіи отъ строгой буквы своего учителя, Каутскій въ своемъ капитальномъ трудѣ о материалистическомъ пониманіи исторіи писалъ: «За эти истекшіе годы капитализмъ выдержалъ столько кризисовъ, сумѣлъ приспособиться къ такимъ совершенно новымъ, чрезвычайнымъ и исключительнымъ условіямъ, что чисто экономически онъ мнѣ кажется теперь гораздо болѣе жизнеспособнымъ, чѣмъ 50 лѣтъ тому назадъ».

Правда, эти строки были написаны до послѣдняго кризиса, въ моментъ необычайнаго расцвѣта промышленности, головокружительныхъ успѣховъ рационализаціи и т. п. Но у Каутскаго передъ глазами былъ опытъ войны, а война явилась для экономической системы капитализма испытаніемъ такой разрушительной и буйной силы, которая во много разъ превосходитъ нынѣшній кризисъ. Въ

теченіе 4-хъ лѣтъ войны, а въ побѣжденныхъ странахъ и значительно дольше того, были подорваны всѣ основы «нормальнаго» капиталистическаго развитія, были уничтожены международная торговля, валютныя отношенія, были вдребезги разбиты всѣ законы денежнаго обращенія, законы спроса и предложенія товаровъ, капиталовъ и труда и повальный экономическій хаосъ господствовалъ почти надъ всѣмъ міромъ. Люди склонны преувеличивать несчастья сегодняшняго дня и такимъ образомъ нынѣшній кризисъ кажется намъ, такъ сказать, предѣломъ экономической бессмыслицы и хаоса. Между тѣмъ, какъ ни расцѣпывать ужасы послѣдняго кризиса, — онъ все же пустяки и игрушки въ сравненіи съ экономическими разрушеніями и ужасами мировой войны. Съ точки зрѣнія чисто экономической капитализмъ отъ современнаго кризиса пострадалъ гораздо меньше, чѣмъ во время войны, а политически капитализмъ теперь значительно сильнѣе, чѣмъ онъ былъ до кризиса. Именно поэтому соображенія Каутскаго нисколько не теряютъ отъ того, что они были высказаны до опыта послѣдняго кризиса.

Со свойственной ему ясностью и прямоотой Каутскій теперь утверждаетъ, что «соціализмъ не имѣлъ бы никакой будущности, если бы надежды на свою побѣду онъ строилъ только на томъ, что кризисы, какъ говорить «Коммунистическій Манифестъ», будутъ становиться все болѣе всеобщими и сокрушительными, или на то, что дальнѣйшая аккумуляція капитала сама собою прекратится». Если въ самомъ дѣлѣ соціализмъ можетъ придти только тогда, когда капитализмъ экономически выдохнется и завянетъ, тогда Каутскій перестаетъ видѣть, какъ вообще соціализмъ можетъ когда-нибудь придти. Иными словами: чисто экономическія историческая необходимость и неизбежность прихода соціализма не можетъ быть обоснована.

Но такъ ли уже это необходимо обосновать неизбежность прихода соціализма только аргументами отъ экономики? И правиленъ ли въ самомъ дѣлѣ тотъ законъ, согласно которому никакой экономической режимъ не устранится и никакой экономической режимъ не погибаетъ до того, какъ не исчерпаны до конца всѣ его экономическія возможности?

Вотъ на этотъ счетъ Каутскій держится другого мнѣ-

нія, чѣмъ классическій марксизмъ. На рядѣ разнообразно подобранныхъ историческихъ примѣровъ онъ показываетъ, что различные общественные режимы погибали не отъ того, что они выдыхались и истощались экономически, а отъ того, что противъ нихъ подымались такія общественныя группы, которыя были больше числомъ, сильнѣе въ своихъ познаніяхъ и могущественнѣе въ своей боевой силѣ, чѣмъ тѣ социальныя группы, которыя стояли на стражѣ «существующаго строя». Само собою разумѣется, что удовлетворять потребности побѣдившихъ социальныхъ группъ лучше, чѣмъ это дѣлали побѣжденные группы, было возможно только тогда, когда почва для новаго порядка была уже въ извѣстной степени вспахана и экономическое развитіе дошло уже до такой степени, при которой имѣлась уже въ наличности матеріальная возможность удовлетворить возросшія потребности побѣдившихъ классовъ или группъ. При этомъ эти побѣдители должны были въ достаточной мѣрѣ умѣть разбираться въ законахъ экономическаго развитія, хорошо во всякомъ случаѣ понимать механизмъ экономической жизни своего времени, чтобы не растратить въ короткій срокъ доставшееся имъ отъ побѣжденныхъ наследство и не вызвать въ населеніи тоски по возстановленію свергнутаго режима.

Однако, такія качества и достоинства не приходятъ къ побѣдителямъ сразу вмѣстѣ съ побѣдой. Еще до этой побѣды они должны въ себѣ ихъ выработать въ долгомъ процессѣ тяжелой борьбы. А это возможно только при высокомъ уровнѣ культурнаго и экономическаго развитія, до котораго дошла страна и до котораго добрался народъ. И это не всегда такъ случается. Не разъ бывали въ исторіи примѣры, когда побѣдителю хватало разума только на то, чтобы разграбить и раззорить побѣжденнаго и накопленныя свергнутымъ режимомъ блага и цѣнности. Въ результатъ къ созданію новаго порядка вещей побѣдители оказывались неспособными, во всякомъ случаѣ къ созданію режима, который былъ бы лучше или даже просто крѣпче свергнутаго.

Отсюда Каутскій и приходитъ къ своему общему выводу: «побѣдныя перспективы социализма связаны не съ возможностью или необходимостью капиталистическаго крушенія или увяданія, но съ надеждой на такое усиленіе пролетаріата и на такое развитіе производительныхъ

силъ, при которыхъ стало бы возможнымъ лучшее удовлетвореніе потребностей народныхъ массъ. Эти производительныя силы должны при этомъ отлиться въ такія формы, при которыхъ ихъ легко было бы организовать и использовать на общественныхъ началахъ. И наконецъ, перспективы социализма связаны съ надеждой на то, что пролетаріатъ будетъ обладать такой мѣрой экономическихъ знаний и добросовѣстности («Gewissen»), при которой будетъ обезпечена рациональная утилизація производительныхъ силъ общества для дальнѣйшаго его обогащенія. Вотъ въ чемъ состоятъ предпосылки социалистическаго способа производства *).

Въ этомъ построеніи бросается въ глаза то обстоятельство, что вопросъ о побѣдѣ социализма смѣщенъ въ сторону труда. Не то важно, насколько слабъ капитализмъ, но то важно, насколько силенъ пролетаріатъ. Въ извѣстномъ смыслѣ построеніе Каутскаго отличается отъ прежняго марксизма меньшей довѣрчивостью къ безличному объективизму историческаго развитія и большей инициативой и ответственностью того класса, который въ побѣдѣ социализма наиболѣе заинтересованъ. Съ другой стороны построеніе Каутскаго отличается отъ классическаго марксизма большей, такъ сказать, драматичностью исторической роли, выпадающей на плечи пролетаріата. Въ классическомъ марксизмѣ пролетаріатъ одолеваетъ капитализмъ, который находится уже въ состояніи собачьей старости и по существу уже не имѣетъ никакихъ силъ жить за исчерпаніемъ всѣхъ своихъ историческихъ возможностей. Остается только во время послѣдняго кризиса этотъ капитализмъ энергично пнуть ногою, чтобы онъ умеръ смертью вѣчной и безнадежной. По Каутскому же пролетаріату придется одолѣть капитализмъ, экономически еще жизнеспособный и стойкій. Социализмъ долженъ будетъ вступить во владѣніе капиталистическимъ наслѣдствомъ еще тогда, когда капитализму экономически еще вовсе не надобно будетъ умирать и во всякомъ случаѣ отвратительно и мерзко онъ жить еще сумѣетъ. Поставленная въ такую социальную-историческую перспективу борьба за торжество социализма принимаетъ не-

*) Вышеприведенныя цитаты въ данной ихъ послѣдовательности взяты изъ «Die materialistische Geschichtsauffassung», т. 2-й, стр. 591-595 и 562.

сомнѣнно болѣе драматическій характеръ чѣмъ тогда, когда за насъ работаетъ «сама исторія» и социальное-экономическій строй, подлежащій уничтоженію, какъ бы самъ себя изнутри взрываетъ.

Вотъ это смѣщеніе проблемы объ историческихъ возможностяхъ и исторической необходимости социалистическаго общества въ сторону труда, этотъ переносъ теоретическаго удара съ увиданія класса капиталистовъ на численный, организационный и духовный ростъ трудящихся классовъ — вотъ эта радикальная перестройка всего социалистическаго сознанія невольно сказывается на всемъ воспріятіи современнаго кризиса даже въ тѣхъ социалистическихъ крутахъ, которые не безъ нѣкоторой тревоги поапатриваютъ на теоретическое мужество Каутскаго.

Обнаружилось и больно ударило по социалистическому сознанію трагическое противорѣчіе нашей эпохи: въ то время, какъ капитализмъ переживаетъ острѣйшій кризисъ, его историческій ангигодъ и наследникъ, социализмъ, находится далеко не въ такомъ состояніи, чтобы признать себя и быть признаннымъ другими готовымъ къ непосредственному овладѣнію и руководству социальное-экономической и политической жизнью измученныхъ кризисомъ народовъ. Обнаружилось, что крайне низкій пунктъ въ социальной деградации капитализма далеко не является болѣе высокимъ пунктомъ въ прогрессивномъ развитіи социализма. Въ моментъ, когда какъ будто весь міръ взываетъ къ социализму, социалистическій выходъ изъ кризиса оказывается наименѣе возможнымъ и по той трагической причинѣ, что именно въ этотъ моментъ социалистическое движеніе терпитъ въ рядѣ странъ тяжелое поражение и миллионы людей изъ трудящихся классовъ ищутъ свой «социализмъ» у мошенниковъ и авантюристовъ черной и красной политической магіи. На слишкомъ наглядныхъ примѣрахъ приходится убѣждаться, что почти все, что теряется въ своемъ вліяніи на умы и совѣсть людей социальное обанкротившійся капитализмъ, выигрываетъ сейчасъ не социализмъ, а его злѣйшіе враги: фашизмъ и коммунизмъ. Обратная пропорциональность между судьбами капитализма и социализма получаетъ отнынѣ толь-

ко одно направлѣніе: чѣмъ лучше социализму, тѣмъ хуже капитализму. Когда социализму хорошо, то капитализму и наоборотъ худо. А когда капитализму худо, то это еще далеко не означаетъ, что социализму хорошо.

Для того, чтобы понять, почему кризисъ капитализма оказался въ значительной мѣрѣ и кризисомъ социализма, нужно безбоязненно взглянуть на глубочайшія измѣненія, произошедшія въ результатѣ кризиса въ самомъ структурномъ строеніи рабочаго класса — основной социальной базы всякаго современнаго широкаго социалистическаго движенія.

Нынѣшнему социалистическому сознанию, именно потому, что оно питается и базируется на активной самостоятельности широкихъ организованныхъ рабочихъ массъ, психологически совершенно невозможно, какъ это было еще возможно въ 50-хъ годахъ для Энгельса, вводя въ свои расчеты на грядущую побѣду ужасающія страданія рабочихъ массъ, видѣть въ этихъ страданіяхъ, порожденныхъ кризисомъ, только полезный нагрѣвъ революціонныхъ страстей, разбѣгъ рысью для вящаго успѣха предстоящаго революціоннаго галопа. Это возможно было тогда, когда организованнаго социалистическаго рабочаго движенія вовсе еще и не было или когда оно, въ лучшемъ случаѣ, сводилось къ немногимъ кружкамъ безъ всякаго значенія и вліянія. Нынѣ нѣтъ социализма безъ рабочаго движенія и рабочаго движенія безъ рабочаго класса, реальныя нужды и реальныя страданія котораго сегодняшняго дня не наложили бы самой ясной и опредѣляющей печати и на самое социалистическое сознание. Эти организованныя массы хотятъ не нагрѣваться для революціи, а жить, по возможности меньше страдая. И поэтому сталъ совершенно немьслимымъ, по самому существу современнаго рабочаго движенія, подходъ къ кризису, какъ къ счастливому шансу поскорѣе раздобыть социализмъ. Реальныя страданія въ кризисѣ рабочихъ массъ гораздо сильнѣе давятъ на теоретическое сознание социализма, чѣмъ самыя прекрасныя расписанія социально-историческихъ побѣдовъ, согласно которымъ тамъ, гдѣ потерпѣть крушеніе побѣздъ капиталистическій, немедленно же начнетъ свой маршрутъ побѣздъ социалистическій.

Нѣтъ социализма безъ рабочаго движенія и нѣтъ рабочаго движенія безъ рабочаго класса, сохранившаго въ обществѣ свою основную социальную функцію, въ которой

онъ только и почерпаетъ свою громадную социальную силу, — производство новыхъ богатствъ. Но въ томъ то и заключается несчастье капиталистическаго кризиса для социалистическаго движенія, что въ формѣ ужасающей и необозримо громадной безработицы терпитъ колоссальный ущербъ именно эта социальная функція пролетаріата, составляющая основу исторической силы рабочаго движенія. Если нѣтъ спроса на трудъ громадной части этого рабочаго класса, если въ составѣ громадной арміи безработныхъ имѣются миллионы людей, которые стали безработными, еще никогда до того не работая, если годами миллионы людей вынуждены жить изъ источниковъ общественнаго призрѣнія, изъ котораго элементъ общественнаго презрѣнія никогда до конца не удается выгравить, если общество озабочено не столько созданиемъ новыхъ матеріальныхъ цѣнностей, а вопросомъ о томъ, какъ бы уже созданныя цѣнности сплавить или даже просто истребить, чтобы онѣ не давили на цѣны, — то въ такой отравленной социально-экономической атмосферѣ рѣзко падаетъ, не можетъ не пасть и удѣльный социально-политическій и общественный вѣсъ рабочаго класса, а стало быть и рабочаго движенія, а стало быть и современнаго социализма.

Социализмъ въ современномъ его аспектѣ есть выраженіе социальной силы не рабочаго класса вообще, а работающаго рабочаго класса. А если громадная часть этого рабочаго класса состоитъ не изъ работающихъ, а вспомоществуемыхъ рабочихъ, то это не можетъ не обернуться не только рѣзкимъ паденіемъ социальной сопротивляемости даже работающей части рабочаго класса, но и явственнымъ ущербомъ самой идеи рабочаго социализма, существеннымъ пониженіемъ, какъ въ объективной дѣятельности, такъ и въ общественномъ сознаніи, исторической роли рабочаго класса въ цѣломъ. И пусть эти безработныя массы будутъ раскалены въ своемъ голодѣ и отчаяніи до красна, пусть такъ называемое «революціонное настроеніе» бьетъ черезъ край, — на вѣсахъ историческаго прогресса, въ поступательномъ движеніи общества къ социализму эти до красна накаленные неработающія рабочія массы означаютъ несравненно меньше, чѣмъ тѣ же очень мирно, очень «реформистски», очень «соціалъ-предательски» настроенныя массы, но превратившіяся изъ неработающихъ рабочихъ въ рабочихъ ра-

ботающихъ, нужныхъ до зарѣзу обществу, а не съ досадой и раздраженіемъ встречаемыхъ обществомъ въ заповѣданныхъ учрежденіяхъ общественнаго призрѣнія и помощи.

Мы можемъ со всей остротой заклеить подобное умаленіе современнымъ капиталистическимъ обществомъ роли рабочаго класса только потому, что то же капиталистическое общество обрекло его на безработицу, но отъ этого нашего социальна-моральнаго негодования нисколько не уменьшается громадное и опасное для социализма значеніе указанныхъ выше измѣненій въ структурѣ рабочаго класса въ періодъ остраго и затяжнаго капиталистическаго кризиса. Да, вина за проклятыя безработицы всей своей тяжестью ложится на капиталистическую систему, но это точное установленіе вины не можетъ и не должно скрыть отъ насъ фактъ громаднаго социологическаго значенія, заключающійся въ разрушеніи кризисомъ самой матеріи рабочаго движенія вообще и социалистическаго въ частности.

Неудивительно поэтому, что даже при самомъ большомъ соблазнѣ использовать кризисъ для своихъ собственныхъ цѣлей, передъ взоромъ сколько нибудь владѣющаго собою социалиста кризисъ начинаетъ разворачивать картины не столько трядущей социалистической революціи, сколько нынѣшней ужасающей нужды массъ, тяжкихъ ихъ лишеній, голода и холода для миллионовъ людей, сознаніе которыхъ подъ ударами кризиса не проясняется, а наоборотъ — попадаетъ въ водоворотъ дикихъ инстинктовъ и авантюристически-разрушительныхъ страстей.

И, глядя на эти ужасающія и матеріальныя и духовныя опустошенія кризиса, социализмъ начинаетъ вычег такъ сильно не желать, какъ скорѣйшаго прекращенія кризиса какими угодно путями и средствами, лишь бы прекратились нечеловѣческія страданія миллионовъ представляемаго социализмомъ класса, лишь бы возродилась въ широкой мѣрѣ общественная функція производительнаго труда, только и опредѣляющей историческую роль и социальный вѣсъ рабочаго класса.

**

Каковъ же социальный смыслъ этихъ, не въ слишкомъ большомъ числѣ въ руки дающихоя, средствъ? На этотъ счетъ современный социализмъ въ своихъ главенствующихъ теченіяхъ, не поддается никакимъ обобщеніямъ: возможные нынѣ выходы изъ кризиса капитализма — это пока еще въ основномъ и цѣломъ выходы въ тотъ же капитализмъ. Конечно, капитализмъ выйдетъ изъ кризиса не въ томъ видѣ, какъ онъ въ него вошелъ и вогналъ все человѣчество. Конечно, этотъ выходъ будетъ больше выходомъ для капитализма, чѣмъ для страдающаго отъ его хаоса и безумія человѣчества. И въ этомъ одна изъ причинъ, почему наше сознаніе не можетъ примириться съ тѣмъ, что послѣ столькихъ ужасовъ, преступленій и вопиющей бессмыслицы, столь кричаще обнаружившихся во время кризиса, человѣчество вновь должно вернуться на эту капиталистическую блевотину. Но именно съ этимъ должна считаться теоретическая мысль социализма и именно изъ этого нужно исходить при опредѣленіи ближайшихъ практическихъ задачъ социалистическаго движенія.

Въ этомъ отношеніи крайне характеренъ докладъ объ экономическомъ положеніи, который на лейпцигскомъ конгрессѣ германской социаль-демократической партіи въ іюнѣ 1931 г. сдѣлалъ представитель германскихъ профессиональныхъ союзовъ — Тарновъ. По его образному выраженію, социализмъ стоитъ у овра большого капитализма не только какъ наследникъ, который, пожалуй, готовъ вспрыснуть больному ядъ, чтобы онъ поскорѣе отправился на тотъ свѣтъ, но и какъ врачъ, который вынужденъ этотъ больной капитализмъ лѣчить. «Пациентъ этотъ, — продолжалъ Тарновъ, — вызываетъ въ насъ весьма мало жалости, но массы, которыя за всѣмъ этимъ стоятъ... Когда пациентъ агонируетъ — эти массы голодаютъ. И когда мы это знаемъ и у насъ имѣется микстура, относительно которой мы даже не совсѣмъ убѣждены, что она больного вылѣчить, но полагаемъ, что она все-таки смягчитъ его предсмертный хрипъ и отъ этого больше ѣды получить стоящія за всѣмъ этимъ массы, то мы эту микстуру ему даемъ и въ этотъ моментъ не слишкомъ предаемъ размышленіямъ о томъ, что мы вѣдь являемся наслед-

никами больного и ждемъ его скораго конца» (См. протоколы партайтага, стр. 45-46).

Напрасно было бы думать, что это только нѣсколько грѣшные въ глазахъ лѣваго крыла международнаго социализма германскіе социаль-демократы позволяютъ себѣ такія вольности, какъ лѣчение капитализма вмѣсто немедленнаго революціоннаго удушенія этого отвратительнаго больного. По существу на эту же позицію стать и весь социалистическій интернаціональ, когда онъ на своемъ конгрессѣ въ Вѣнѣ въ іюль 1931 года принялъ почти единогласно резолюцію, направленную по существу къ финансистамъ и правительствамъ всего міра съ требованіемъ оказанія немедленныхъ и большихъ кредитовъ Германіи. Въ программу ближайшихъ и практическихъ требованій конгресса Интернаціонала входило мѣропріятіа, социальный смыслъ которыхъ всегдѣло умѣщался въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства, и тогда, въ разгаръ кризиса, выходъ изъ него рисовался социалистическому Интернаціоналу только въ видѣ поддержанія основъ того же капитализма, только въ стилѣ «лѣченія капитализма». Само собою разумѣется, что при этомъ рѣчь шла не объ интересахъ самого капитализма, а объ интересахъ тѣхъ десятковъ милліоновъ людей, которыхъ кризисъ свергъ въ состояніе ужасной нищеты и которые въ данныхъ условіяхъ могутъ изъ этой нищеты выйти не тогда, когда капитализмъ немедленно скончается, а лишь тогда, если онъ, по мѣрѣ возможности, выздоровѣетъ.

Въ области практической политики даже такая лѣвая социаль-демократическая партія, какъ австрійская, когда она становилась лицомъ къ лицу со своимъ домашнимъ, австрійскимъ кризисомъ, тоже сознательно и послѣдовательно стала на путь лѣченія и спасенія капитализма. Вся политика этой партіи за послѣдніе годы окрашена тяжелыми компромиссами съ разными изданіями весьма реакціоннаго и подозрительнаго по фашизму австрійскаго правительства. Австрійскіе социаль-демократы голосовали за рядъ мѣропріятій и весь планъ оздоровленія государственнаго бюджета, связанные съ нѣкоторымъ пониженіемъ заработка государственныхъ служащихъ, съ повышеніемъ налоговъ, падающихъ на плечи трудящихся массъ, съ сокращеніемъ объема социальнаго страхования и т. п. Партія голосовала за эти мѣропріятія не потому, конечно, что они ей нравились, а для того, чтобы та-

кой цѣной добиться смягченія первоначальной редакціи этихъ мѣръ, еще болѣе безпощадной по отношенію къ трудовому населенію страны. У ора большаго народнаго хозяйства своей страны австрійскіе социаль-демократы стояли совсѣмъ не какъ наслѣдники, только и ждущіе конца большаго, чтобы завладѣть его имуществомъ, и тѣмъ самымъ и они оказались вынужденными все отсрочивать конецъ буржуазнаго экономическаго строя.

Защищая на собраніи довѣренныхъ лицъ австрійской с.-д. партіи позицію, занятую ею въ вопросѣ о бюджетномъ оздоровленіи, председатель соц.-дем. фракціи, Даннебергъ, говорилъ:

«Если социаль-демократія при этомъ сотрудничаетъ, то она этимъ не становится въ ряды прислужниковъ капитализма, а осуществляетъ большую задачу противопоставленія капиталистическимъ методамъ оздоровленія нашихъ методовъ съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ отвоевать столько уступокъ, сколько это только возможно. Само собою разумѣется, что тутъ нѣтъ никакого социалистическаго рѣшенія вопроса. И не потому, что мы недостаточно революционны или недостаточно ловки, но потому, что для социалистическаго рѣшенія у насъ еще слишкомъ мало власти*).

Положеніе получается для социализма трагическое: линия борьбы за наименьшее изъ неизбежныхъ золъ роковымъ образомъ превращается въ линію наибольшаго изъ возможныхъ компромиссовъ. Именно потому, что мы партія массъ, что эти массы жестоко страдаютъ отъ кризиса, что для социалистическаго преодоленія его мы еще слишкомъ слабы, а кризисъ въ свою очередь сдѣлалъ насъ еще болѣе слабыми и еще болѣе сузилъ объектив-

*) Курсивъ «Арбайтеръ Цайтунгъ» отъ 9 окт. 1931 г.

Въ данномъ случаѣ Даннебергъ слишкомъ преувеличиваетъ моментъ власти и забываетъ упомянуть, что для социалистическаго рѣшенія вопроса австрійское народное хозяйство слишкомъ деградировано и разрушено, чтобы такое рѣшеніе было сейчасъ возможно. Но, не вникая дальше вглубь этого спеціальнаго вопроса, важно установить тотъ фактъ, что пока такое социалистическое рѣшеніе невозможно, социалисты вынуждены поддерживать и брать на себя отвѣтственность за капиталистическое рѣшеніе вопроса, и для того, чтобы это рѣшеніе было по возможности менѣе болѣзненнымъ для трудящихся массъ, нужно въ немъ активно участвовать, а не отойти въ сторону и показать массамъ чистыя, незапятнанныя компромиссомъ, руки.

ныя возможности социалистическаго общества, именно поэтому мы сами, а не только капиталисты, вынуждены искать выхода изъ капиталистическаго кризиса въ капитализмъ же и у одра его болѣзни быть хотя бы и поневолю его врачами, обязанными жизнь больного продлить, а не нетерпѣливыми наслѣдниками, шарящими подъ подушкой больного, чтобы своевременно заполучить ключи отъ наслѣдства.

Мало того: и самое наслѣдство больного перестаетъ теперь такъ страстно притягивать; а вдругъ въ немъ больше долговъ, чѣмъ имущества и капиталовъ и ключи отъ наслѣдства откроютъ наслѣднику двери не къ богатству, а къ банкротству? Именно этимъ объясняется, что въ мысли о томъ, что нынѣшній кризисъ является послѣдней судорогой капитализма, нѣтъ ничего отраднаго не только для капитализма, но и для социализма. Потому что весьма основательны опасенія, что теперь на смѣну капитализму можетъ придти нѣчто гораздо худшее, чѣмъ онъ самъ со всѣми его пороками и безобразіями, но только нѣ тотъ социально-политическій строй, который составляетъ задачу и цѣль социалистическаго движенія. И между прочимъ и поэтому социалистическое движеніе объективно заинтересовано въ томъ, чтобы нынѣшній кризисъ кончился по возможности скорѣе. И, работая въ этомъ направленіи, социализмъ не измѣняетъ своимъ задачамъ, а несетъ жертвы во имя ихъ осуществленія въ тотъ социально-историческій и политическій моментъ, когда для этого у него будетъ достаточно силы. А чтобы эти силы росли, социализму въ современномъ его положеніи нуженъ сейчасъ не кризисъ, а его скорѣйшее преодоленіе, хотя бы и въ капиталистическихъ формахъ.

*
**

Когда же, однако, у социализма будетъ достаточно силы для преодоленія капитализма и на какой же аренѣ можетъ разыгратъ историческая драма его преодоленія, если арена кризиса оказалась для социализма не только негодной, но и вредной?

Не трудно замѣтить, если наблюдать объективно, что въ эволюціи капитализма за послѣднее столѣтіе все явственнѣе и сильнѣе обнаруживается острое противорѣчіе

между развитіемъ его экономической силы и силы общественно-политической. Если взять чисто экономическую сторону развитія современнаго капиталистическаго общества, то передъ нами разворачивается головокружительная картина гигантскаго роста капитализма, превзошедшая самую смѣлую предсказанія его апологетовъ, буйныя по тогдашнему фантазіи которыхъ относительно его будущаго намъ кажутся сейчасъ давно преодоленными анахронизмами. За это время капиталистическую систему потрясли множество экономическихъ кризисовъ, мѣстныхъ и мировыхъ, каждый изъ которыхъ вызывалъ въ противникахъ капитализма представление о сумеркахъ его экономической гегемоніи. Какъ фениксъ изъ пепла, онъ возрождался каждый разъ съ новой силой.

Но въ то время, какъ шелъ этотъ исполинскій ростъ экономическаго могущества капитализма, его политическо-общественная власть неизмѣнно шла на убыль. Экономически капитализмъ усиливался, политически, съ развитіемъ современной демократіи, капитализмъ ослабѣвалъ. Его политическая власть надъ массами и идеологическое его вліяніе на нихъ шли и идутъ еще дальше подъ гору и весь нашъ мистически преувеличенный ужасъ передъ могуществомъ «финансоваго капитала» не въ состояніи все-таки вытравить изъ нашего сознанія тотъ отравный фактъ, что все это могущество все же оказалось не въ состояніи остановить процессъ общественно-политическаго и идеологическаго вывобожденія народныхъ массъ и въ особенности рабочаго класса изъ-подъ власти капитала. Политически за періодъ исполинскаго роста экономической мощи капитализма усиливается не онъ, а его социальныя антагонисты.

Это обстоятельство, возможно, требуетъ нѣсколько болѣе осторожнаго, чѣмъ это иногда практикуется, обращенія съ теоріей экономическаго материализма, но оно — это противорѣчіе между экономическимъ подъемомъ и политическимъ упадкомъ капитализма — главнымъ образомъ и открываетъ передъ социализмомъ перспективу его грядущей побѣды надъ капитализмомъ. Узловымъ пунктомъ въ этой перспективѣ является наличность и ростъ политической демократіи. Экономически капитализмъ можетъ усиливаться до далекихъ предѣловъ, но политически онъ въ обстановкѣ растущей демократіи все же обреченъ, какъ только подавляющее большинство народа, его

трудящіяся массы, перестанетъ поддерживать своими головами, а часто и боками, буржуазныя партіи, какъ только эти трудящіяся массы сплотятся въ прочно организованную общественно-соціальную силу вокругъ партій социализма. Благодаря своему экономическому могуществу капитализмъ можетъ тормозить и задерживать этотъ процессъ внутренней политической эмансипаціи массъ, можетъ временами уродовать самыя формы демократіи и коррумпировать нѣкоторые ея элементы и институты. Это капитализмъ въ достаточно энергичной мѣрѣ и дѣлаетъ. И все же и послѣ этого ростъ демократическихъ силъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Тотъ, кто замѣтилъ это противорѣчіе въ развитіи и соотношеніи экономическихъ и политическихъ силъ капитализма, для того уже не будетъ ничего загадочнаго въ томъ, что и въ дальнѣйшемъ возможенъ еще ростъ экономическихъ силъ капитализма при одновременномъ паденіи его общественно-политической роли и вліянія. Въ рядѣ передовыхъ странъ, экономическое развитіе которыхъ накопило уже много объективныхъ предпосылокъ для социалистической реорганизации хозяйственной жизни, такая реорганизация является сейчасъ только вопросомъ политической власти, конкретнѣе — избирательнаго и парламентскаго прочнаго большинства. Возможность проведенія системы социальнo-экономическихъ реформъ, рѣшительно толкающихъ хозяйство данной страны на социалистическіе рельсы, опредѣляется здѣсь состояніемъ политическаго сознанія массъ и наличностью большихъ, могущественныхъ рабочихъ партій, имѣющихъ ясное представленіе о практическихъ шагахъ, необходимыхъ для осуществленія ряда мѣропріятій по социализации народнаго хозяйства. Какъ бы ни силенъ былъ капитализмъ въ своей экономической основѣ, противъ осознанной воли къ социализму трудового большинства народа эта основа все же окажется безсильной. И какъ бы порою не были тяжелы пораженія, наносимыя въ томъ или иномъ мѣстѣ демократіи, общая историческая тенденція ко все большему росту демократическихъ силъ, къ наполненію формъ и институтовъ демократіи все большимъ социальнымъ содержаніемъ — не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Что это социальное содержаніе, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, бу-

дети становиться и социалистическимъ содержаніемъ, этого теперь не могутъ уже отрицать и представители буржуазной экономической науки.

При такомъ вотъ смѣщеніи 'вопроса' о предпосылкахъ побѣды социализма съ экономической почвы на почву общественно-политическую исчезаетъ всякая надобность опираться свои надежды на эту побѣду на растряску экономической системы капитализма въ результатъ острыхъ экономическихъ кризисовъ. Теперь уже эта растряска способна внушать не радость, а страхъ, и не только за положеніе страдающихъ отъ кризиса массъ, но и за самую судьбу того социалистическаго режима, который будетъ зачатъ въ конвульсіяхъ кризиса. Рожденный такимъ образомъ социалистическій режимъ имѣетъ гораздо меньше основаній бояться вражды и ненависти имущихъ классовъ, чѣмъ любви и расположенія классовъ неимущихъ. Потому что неизбежно выросшіе изъ самого факта побѣды громадные ихъ запросы къ новому режиму тѣмъ труднѣе будетъ реально удовлетворять, чѣмъ бурнѣе и, слѣдовательно, экономически опустошительнѣе будетъ тотъ кризисъ, который приведетъ социалистовъ къ власти.

Но у социализма есть основанія думать, что политическая смерть капитализма наступитъ гораздо раньше его экономической смерти и эта экономическая смерть произойдетъ не отъ кризисовъ и не отъ какой либо катастрофы, а осуществится исподволь по мѣрѣ политическаго и социальнаго укрѣпленія социалистическои власти, по мѣрѣ роста элементовъ коллективной общественной экономики за счетъ капиталистической. И если кризисъ произойдетъ въ обстановкѣ такой упрочившейся социалистической власти и далеко продвинувшейся коллективной экономики, то у одра въ такой обстановкѣ заболѣвшаго капитализма социалистическая власть, будемъ думать, окажется въ состояніи вспрыснуть этому больному вполне достаточную для его вѣчнаго упокоенія дозу морфія.

*
**

Но этотъ вопросъ выходитъ уже за предѣлы моей темы о теоретической и психологической ориентации современнаго намъ социализма въ происходящемъ нынѣ капиталистическомъ кризисѣ.

Ст. Ивановичъ.

Правда побѣжденныхъ

Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni.

Луканъ.

ПОБѢДА.

Пятнадцать лѣтъ господства, кажется, даютъ право на имя побѣдителей. Побѣда полная, громкая, никѣмъ не оспариваемая. Побѣда надъ всѣми внутренними и внѣшними врагами: надъ монархистами, демократами, социалистами, русской интеллигенціей, русскимъ народомъ. Побѣда надъ буржуазной Европой и мировымъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ день пятнадцатилѣтней годовщины, несмотря на невеселыя картины сегодняшняго дня, есть на что оглянуться, что вспомнить кремлевскому властителю.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, опираясь на банды дезертировъ, Ленинъ взялъ, — въ сущности, поднялъ — заляющую на землѣ власть государства Россійскаго, убѣжденный самъ, что «большевикамъ не продержаться больше нѣсколькихъ недѣль», если не придетъ на помощь мировая революція. Мировая не пришла, германская обманула, — и всѣ ошиблись: дипломаты и министры Европы, вся русская интеллигенція, самъ Ленинъ. Оборванные толпы рабочихъ и горсть матросовъ выросли неожиданно въ огромныя арміи, вобрали въ себя партизанскую силу разгулявшейся крестьянской стихіи, оформились въ дисциплинѣ стараго царскаго офицерства. И черезъ 2-3 года разбитые остатки бѣлыхъ армій сажались на пароходы, и десантные отряды великихъ державъ, предавъ союзниковъ, съ позоромъ спѣшили вырваться изъ русскаго осинаго гнѣзда. Въ оставленномъ Крыму, по телеграммѣ Троцкаго, Бѣла Кунъ могъ свободно приступить къ расправѣ: расстрѣлять около ста тысячъ классовыхъ враговъ, добровольно сдавшихъ, доврѣвившихся великодушію побѣдителей.

А внутри страны? Безпрерывно вспыхивающія возстанія крестьянъ подавлены одно за другимъ. Великолѣпно функционирующая мясорубка Чеки уничтожаетъ сотни тысячъ — не враговъ, а запуганныхъ обывателей, «заложниковъ буржуазіи», уже бѣжавшей за предѣлы пролетарскаго государства. Выстрѣлы въ Ленина, убійство Урицкаго, — тысячи невинныхъ жертвъ по всей Россіи. Рука эсера опускается: какъ можно бороться терроромъ съ такой властью? завтра за покушеніе на палача, можетъ быть, начнутъ разстрѣливать дѣтей по классовому признаку!

Пока коммунисты на фронтѣ, пока оставшіеся въ тылу рабочіе растаскиваютъ по частямъ для мѣсячной торговли машины остановившихся заводовъ, интеллигенція страхомъ, голодомъ и патріотизмомъ принуждается къ работѣ на службѣ революціи. Она строитъ для большевиковъ изъ развалинъ разрушенное ими государство и безъ счета, безъ мѣры льетъ въ бушующія массы свое «просвѣщеніе». Не безъ ея участія рабочая и солдатская молодежь загорается социалистическимъ идеаломъ, который окрашивается революціоннымъ націонализмомъ въ оборонѣ отъ бѣлыхъ рабоче-крестьянской Россіи. Этотъ революціонный энтузіазмъ бойцовъ интеллигенція перекладываетъ въ стихи и краски. Огромная, неожиданная удача! Первый военный этапъ коммунизма, свирѣпый, кровавый, былъ воспѣтъ самыми тонкими лириками, декорированъ самыми передовыми художниками. Въ то время, какъ почти вся русская интеллигенція оттолкнула коммунизмъ, большинство русскихъ поэтовъ его приняли — изъ женственнаго преклоненія передъ силой, изъ жертвеннаго слиянія съ народомъ, изъ отвращенія къ старому гнущемуся міру. У поэтовъ превѣщаетъ музыка революціи, у лѣвыхъ художниковъ радость разрушенія и возможность творить изъ ничего, мнимо даруемая революціей. Самый имморализмъ эстетовъ предвоеннаго поколѣнія дѣлаетъ легкимъ для нихъ пріятіе террора, яшаніе съ убійцами, для иныхъ работу въ Чека.

Побѣда на фронтѣ искусства, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ прочныхъ элементовъ большевистской побѣды. Гражданская война будетъ жить въ вѣкахъ въ томъ образѣ, какое дано ей искусствомъ. «Двѣнадцать» Блока навсегда останутся введеніемъ въ исторію «Октября».

Тѣмъ временемъ первыя попытки социалистическаго хозяйства въ городѣ и деревнѣ приводятъ страну на край

гибели. Уже Россія вымираетъ отъ голода, фабрики бездѣйствуютъ, города разрушаются безъ воды и огня... Ленинъ спасъ ее новой побѣдой — надъ собственной партией и ея глупостью («комдураки»). Заграничные паровозы и американская помощь голодающимъ сдвинули страну съ мертвой точки.

Побѣда въ Кронштадтѣ — побѣда надъ самой твердой революціи — начинается новый ея этапъ, когда крестьянство и воскресшая буржуазія кормятъ коммунизмъ, еще безсильный на всякое, не чисто разрушительное дѣло. Съ необыкновенной быстротой раны революціи затягиваются. Крестьянство свободнымъ трудомъ на своей землѣ восстанавливаетъ хозяйство почти до довоеннаго уровня и даетъ средства для медленнаго восстановленія промышленности, арміи, культуры. Милліоны юношей отъ земли и съ фабрикъ, скинувъ военныя шинели, жадно рвутся къ открывшимся имъ источникамъ знанія. Совершенно мѣняется составъ студенчества. Интеллигенція постепенно вытѣсняется новыми людьми. Литература заполняется рабочимъ и крестьянскимъ молодякомъ. По силѣ и талантности въ этотъ періодъ серпъ господствуетъ надъ молотомъ. Блестящая литература Нэла — проза вытѣсняетъ стихи — живетъ эпопеей гражданской войны и пробужденіемъ деревни. Новыя, безспорныя побѣды на культурномъ фронтѣ: школы, театры, художественная литература.

Въ эти годы красный флагъ надъ Москвой, открывшейся, наконецъ, взорамъ міра, привлекаетъ къ себѣ надежды и пламенную любовь всѣхъ угнетенныхъ. На Западѣ обращаются къ Москвѣ не только рабочіе, но и лучшіе представители интеллигенціи, задыхающіеся въ злобѣ и хаосѣ послѣвоенной Европы, и цѣлые народы, обездоленные Версальскимъ міромъ. Было время, когда весь Востокъ — можетъ-быть, за исключеніемъ Японіи — шелъ въ орбитѣ Москвы. Новые диктаторы пробужденнаго Ислама — въ Турціи, въ Персіи, въ Афганистанѣ искали московской дружбы. Индусскіе крестьяне, китайскіе студенты и негры молились Ленину, какъ новому Мессіи всѣхъ поработенныхъ. Искусно используя этотъ моральный капиталъ революціи, московская дипломатія, несмотря на польскую катастрофу, высоко поставила международный престижъ СССР. Развертываясь внутри въ союзъ многонаціональныхъ республикъ, бывшая Россія окрашивается въ яркіе евразійскіе цвѣта. Но, не взирая на сознатель-

ное подавленіе русской народности, значеніе русской культуры стоять въ мірѣ — въ обоихъ полушаріяхъ — высоко, какъ никогда. Эти годы — зенитъ революціи.

И, наконецъ, послѣднее пятилѣтіе — «пятилѣтка», индустриализація, Сталинъ. Новая, величайшая побѣда одерживается коммунизмомъ — надъ крестьянствомъ. Молоть разбиваетъ серпъ во имя трактора. 1930 годъ — годъ новой социальной революціи, когда, подъ именемъ кулаковъ, уничтожается, какъ «классъ», русское крестьянство. Снова миллионы разстрѣлены, сосланы — изъ тѣхъ, что вынесли на своемъ хребтѣ Россію Нэпа. Остальные загнаны въ государственныя зерновыя фабрики пролетаріями отъ сохи. Въ освобожденной отъ помещиковъ Россіи введено новое крѣпостное право. Это была побѣда, отъ которой ахнулъ весь міръ. Многие усомнились въ правѣ и способности русскаго народа на историческое существованіе. Болѣе 100 миллионновъ людей покорно надѣли на себя ярмо, отмстивъ лишь рабскимъ саботажемъ и паденіемъ труда.

На рабскомъ трудѣ крестьянства, на голодѣ рабочихъ и горожанъ, да на иностранныхъ кредитахъ и технической помощи — строится пятилѣтка. И въ нее вложенъ огромный зарядъ энтузіазма — русской интеллигенціи, русской молодежи. Энтузіазмъ этотъ питался новой мечтой «Россія-Америка», въ которой въкакой-то процентъ коммунизма растворился въ техническомъ идеалѣ современнаго, пусть государственнаго, капитализма. И здѣсь большая техническая побѣда. Россія покрылась гигантами заводовъ и станцій, — подняла въ 2½ раза свое производство довоеннаго времени. Необычайность этого успѣха подчеркивается острымъ недоумоганіемъ капиталистическаго міра, колоссальной безработицей и хозяйственной безнадежностью, охватившей всѣ народы. Пусть послѣдній безработный Европы на жалкія пособія живетъ лучше, чѣмъ русскій строитель пятилѣтки, — СССР притягиваетъ еще больше, чѣмъ во время Нэпа, буржуазный міръ. Капиталисты, ищущіе вложенія капиталовъ, торговцы — сбыта товаровъ и рабочіе — приложенія своего труда, вмѣстѣ съ мечтателями и искателями новаго общества — ѣдутъ въ Москву, несравненную мастерицу художественнаго «показа», и въ большинствѣ случаевъ вывозятъ изъ страны совѣтовъ восторженныя впечатлѣнія, гдѣ прелесть экзотики, русскаго искусства и даже славянскаго харак-

тера свидѣтельствуютъ въ пользу коммунистической диктатуры. Гораздо серьезнѣе движеніе II-го Интернаціонала навстрѣчу III-му. Подъ вліяніемъ тяжкихъ поражений, паденія демократіи въ Германіи и кризиса, парализующаго реформаціонную работу социалистическихъ партій, европейская социаль-демократія (Отто Бауеръ) вслѣдъ за пролетариатомъ, все съ большимъ сочувствіемъ и надеждой смотритъ на Востокъ. Не наши методы, но наше дѣло. Наши товарищи. «Нашимъ» можно простить много ошибокъ и даже преступленій. Быть можетъ, для Россіи ихъ методы самыя пригодныя. Но побѣда социализма у нихъ — будетъ нашей побѣдой здѣсь, во всемъ мірѣ. Руки прочь отъ совѣтской Россіи. Это ль не побѣда?

Такъ много побѣдъ для партіи, казалось, съ самаго начала обреченной, для партіи, поставившей себѣ задачу, казалось, невыполнимую — построение социализма въ самой отсталой странѣ Европы, — неужели все это отъ счастья, отъ «везенія», отъ исторической случайности? Говорятъ, Раковскій любилъ въ отчаянныя минуты поднимать духъ товарищей: «Большевицскій богъ выведетъ». Имя этому богу — русская народная революція: огромныя энергіи, освобожденныя въ движеніи массъ, которыя были перехвачены и обработаны коммунистической фабрикой. Никакая глупость, никакое безуміе не могли до сихъ поръ растратить этого колоссальнаго источника энергіи. Соціальное оскудѣніе Европы устранило всѣ внѣшнія препятствія для большевицскаго опыта. Таковы главныя условія ихъ побѣды.

ПЕРЕДЪ ПАМЯТНИКОМЪ ЛЕНИНА.

Насколько можно судить отсюда, довѣряясь показаніямъ бѣглецовъ и путешественниковъ послѣднихъ мѣсяцевъ, даже самой совѣтской печати, пятилѣтка кончилась крахомъ. Хаосъ, голодъ въ странѣ возвращаютъ Россію къ самымъ мрачнымъ годамъ военнаго коммунизма. Мы не знаемъ, какъ будутъ разворачиваться дальнѣйшія событія. Удастся ли большевикамъ спланировать къ новому Нэпу, спасетъ ли ихъ большевицскій богъ, или послѣдній годъ пятилѣтки будетъ и послѣднимъ годомъ ихъ власти? Но пусть послѣднимъ. Пятнадцать лѣтъ для

партіи революціи — срокъ огромный, небывалый. Въ революціи годы должны считаться за десятилѣтія. Все на свѣтъ проходитъ, пройдутъ и большевики. Но пятнадцать лѣтъ власти, успѣховъ и побѣдъ — въ величайшую, отвѣтственнѣйшую эпоху жизни Россіи — и Европы — дають право на историческій памятникъ. Уже очертанія этого памятника въ вѣкахъ менѣе всего зависятъ отъ самихъ коммунистовъ: отъ ихъ доблести, ума и проч. Они зависятъ теперь отъ двухъ величинъ, съ которыми связано ихъ историческое дѣло. Эти величины: Россія и социализмъ. Если Россія не развалится, а будетъ жить, какъ великое государство и великій народъ, то ея революція войдетъ тоже, какъ «великая», на скрижали исторіи. Партія, которая провела эту «великую» революцію, актеры великой исторической драмы будутъ жить въ вѣкахъ, несмотря на всѣ разоблаченія ихъ подлиннаго роста, какъ «великіе» историческіе дѣятели.

То же самое съ социализмомъ. Если побѣдить въ мірѣ социализмъ, или даже просто трудовое рабочее общество, оно канонизируетъ всѣхъ борцовъ за рабочее дѣло, и въ ряду этихъ борцовъ Ленину отведетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Рядомъ съ Марсомъ и, можетъ быть, впереди его. И при томъ независимо отъ того, насколько усилил Ленин приближилъ или отодвинули осуществленіе социализма. Французскіе коммунары, несомнѣнно, повредили дѣлу социализма и рабочаго движенія. Однако социализмъ чтитъ въ нихъ не только мучениковъ своего дѣла, но и побѣдителей на частъ, провозвѣстниковъ грядущей побѣды. 15 лѣтъ россійской коммуны куда значительнѣе 2 мѣсяцевъ французской.

Но что это значитъ: «великій», «значительный», «грандіозный» — эпитеты, которые мы прилагаемъ къ историческимъ дѣятелямъ и событіямъ, получившимъ памятники въ исторіи? Въ «великомъ» не содержится ни малѣйшей крупицы добра, даже утилитарной полезности. Это чисто количественный масштабъ, который можетъ представляться эстетическимъ только потому, что существуетъ особая, далеко не первосортная, эстетика грандіознаго. Есть великіе разрушители, великіе злодѣи, какъ есть великіе океаны и горы, Гималаи не прекраснѣе Кавказа, Аттила, Тамерланъ, Чингизханъ, что бы ни говорили евразійцы, не лучше и не прекраснѣе убійцъ, которые ежедневно совершаютъ свои подвиги во всѣхъ уголкахъ мі-

ра. Но число жертвъ, выражаемое шести-семизначными цифрами, уже поднимаетъ дѣятеля изъ міра преступнаго въ міръ великаго — въ глазахъ лишенной совѣсти Кліо. Если же эти жертвы пошли не на чистое разрушеніе, а вложились — безразлично съ какимъ результатомъ — въ объективный процессъ исторіи, получили «отношеніе къ цѣнности» — государства, націи, класса, учрежденія — тогда величіе получаетъ видимость положительнаго значенія.

Почти несомнѣнно, что міръ покроеся памятниками Ленина. Безконечно тяжело думать, что ими будетъ, послѣ періодовъ реакцій, снова и снова осквернена Россія. Кто знаетъ, не раздѣлитъ ли и Сталинъ посмертную славу своего учителя?

Значитъ, конецъ? Конецъ нашей тяжбы съ большевиками? Процесса, который мы ведемъ противъ нихъ передъ міромъ, передъ исторіей? — Нѣтъ, не конецъ, а лишь начало. Мы не согласны на памятникъ большевикамъ, мы разрушаемъ его до фундамента. Живые свидѣтели преступленія, мы не примиримся съ пятнадцатилѣтней давностью. Отъ современниковъ мы апеллируемъ къ потомству. Разочаровавшись въ правосудіи Исторіи, мы идемъ выше. «Есть Мститель тамъ, надъ звѣздами». Это не значитъ, что надзвѣздный судъ не связанъ съ земной дѣйствительностью. Но это значитъ, что послѣднія основанія историческаго суда лежатъ надъ исторіей и не мѣряются мѣрой историческаго успѣха.

Есть двѣ философіи исторіи. Для одной исторія есть всегда поступательное движеніе, развитіе или прогрессъ или раскрытіе Абсолютнаго Духа. Консервативный или революціонный, но это всегда дивирамбъ дѣйствительности. Все злое и темное въ историческомъ процессѣ принимается, какъ жертва или цѣна. И эта цѣна никогда не кажется слишкомъ дорогой, ибо покупаемое благо мыслится безцѣннымъ и безконечнымъ — въ необозримой перспективѣ будущаго. Съ этой точки зрѣнія — не только гегеланской, но и господствующей — все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Пала Римская имперія и цивилизація. Чудесно! на ея развалинахъ, изъ ея элементовъ создается болѣе свободная, болѣе духовная культура средневѣковья. Разлагается средневѣковый строй и міросозерцаніе, — Ренессансъ создаетъ еще болѣе высокія формы, въ которыхъ мы живемъ. Монгольское иго помот-

ло Руси создать свою государственность. Деспотизмъ Москвы обезпечилъ Россіи ея единство, опричнина демократизировала правящій классъ, смутное время, вытянувъ дурные соки, консолидировало Россію. И т. д., и т. д. Этотъ неисправимый оптимизмъ не смущается, какъ мы видимъ, ни бесспорнымъ фактомъ попятныхъ движеній въ исторіи ни даже гибелью государствъ, народовъ, культуръ. Все это законныя, необходимыя паузы или пониженія восходящей кривой. Законъ непрерывнаго восхожденія выводится изъ ограниченнаго опыта нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій и, въ концѣ концовъ, опирается на недоказуемую предпосылку вѣры: религіозной, но не христіанской, пантеистической (гегельянской) вѣры въ Абсолютъ, раскрывающійся въ исторіи.

Но есть другой взглядъ на исторію — какъ на вѣчную борьбу двухъ началъ. Августиновское ученіе о двухъ градахъ лучше гегельянскаго уясняетъ возможность творческихъ и разрушительныхъ процессовъ въ исторіи. Откажемся отъ того, что было односторонняго у Августина: отъ внѣшняго противоположенія двухъ градовъ. Признаемъ, что внутри каждаго изъ строящихся общественныхъ и культурныхъ типовъ идетъ борьба за планъ и стиль цѣлаго, которая оканчивается или включеніемъ его въ творимый Градъ Божій, или выпаденіемъ въ небытіе, неудачей, катастрофой. Ничто не предопредѣлено въ исторіи силой естественныхъ законовъ или давленіемъ Божественной воли. Ибо исторія есть міръ человѣческій — не природный и не Божественный — и въ немъ царитъ свобода. Какъ ни велико въ исторіи значеніе косныхъ, природныхъ, матеріальныхъ силъ, но воля вдохновленнаго Богомъ или соблазненнаго Люциферомъ человѣка опредѣляетъ сложеніе и распадъ природныхъ силъ. Съ этой точки зрѣнія, не можетъ въ міръ пройти безслѣдно ни слабое усиліе къ добру ни малѣйшее движеніе зла. Не поглощаются они однимъ историческимъ процессомъ, а включаются въ разные одновременно дѣйствующіе процессы: созиданія и разрушенія. И если внимательно вглядываться въ жизнь, то въ видимомъ ея единствѣ всегда можно различить двоякую детерминированность: къ вѣчности и къ смерти.

Возьмемъ Французскую Революцію — Великую, грандіозную — опредѣляющую доселѣ бытіе французскаго народа. Въ этой революціи дѣйствовали положительныя силы: любовь къ свободѣ, равенству, энтузіазмъ и даже

самоотречение рождающейся нации. Эти силы и создали французское национальное самосознание, столь изумительное своей яркостью, и свободную гражданственность, тоже завидную на фоне рабства стольких народов. Но в этой же революции проявились по-истине сатанинские силы сословной, классовой, анти-христианской ненависти. 600.000 жертв гильотины — заглажены ли они счастливым исходом французской революции? В том то и дело, что нет. Где отмщение за террор Конвента и за безумную горячку тех героических лет? Оно прежде всего в столетней лихорадке реакций и революций, которыми Франция изживала свою первую, «Великую» революцию. Равновесие политической жизни удалось найти лишь после цикла гражданских войн. Второе, связанное с этим последствие — глубокий раскол внутри французской культуры, подрываемой вековой тяжестью между «традицией» и «революцией». И так как силы традиции, и среди них величайшая — средневековья, классицизма, католицизма — стоят против революционного фронта, то духовная культура победившей демократии оказывается чрезвычайно бедной. Материализм и скептицизм разлагают и политическую жизнь Франции и самые основы моральной жизни нации. При таких условиях конечная судьба и французской демократии и самой Франции остаются все еще под сомнением. Дело Дантона не вечно, как оказалось не вечным и даже не долговечным дело Бисмарка. А в России — разве наше покаяние не расплачивается сейчас за грехи древней Москвы? Разве деспотизм преемников Калиты, уничтоживший и самоуправление уделов и вольных городов, подавивший независимость боярства и Церкви — не привел к склерозу социального тела Империи, к бессилию средних классов и к «черносотенному» стилю народной «большевистской» революции?

Исторические тяжбы долго тянутся, и оканчиваются лишь со смертью народов. Никогда, никогда не изгладятся из жизни России злодеяния пятнадцати лет победоносной революции, как не изгладятся из нее и преступления царей. Отдаленные наши потомки будут расплачиваться за злое похмелье этих лет.

Памятники — что памятники? Их строят, потом свергают, потом опять строят и свергают. Памятники, гербы и официальная идеология новой, из револю-

ции вышедшей Россіи не опредѣляютъ еще ни цѣнности ни прочности этой первой, кое-какъ отлившейся ея формы. Много разъ будетъ она переливать свой общественный и политическій строй, и лишь тогда, когда исчезнутъ изъ міра послѣдніе ослѣды государства Россійскаго, настанетъ пора окончательнаго «суда исторіи». Но *sine praejudicio* этого послѣдняго суда, каждое мыслящее и нравственное существо не только можетъ, но и обязано имѣть свой судъ и свою оцѣнку того, что совершается въ Россіи. Пусть это будутъ лишь матеріалы для будущаго суда — хотя бы показанія свидѣтелей или аргументы тяжущихся сторонъ.

СПИСОКЪ БЛАГОДѢЯНІЙ.

Въ одной интересно задуманной, но слабо написанной пьесѣ совѣтскаго писателя Олеси изображена артистка, которая добросовѣстно хочетъ, для себя самой, выяснить свое отношеніе къ большевикамъ. Для этой цѣли она завела тетрадку-дневникъ, куда заноситъ всѣ впечатлѣнія жизни подъ рубриками: «Списокъ благодѣяній» и «Списокъ преступленій» — совѣтской власти. Въ сущности, каждый изъ насъ долженъ былъ бы вести подобный счетъ, наединѣ съ собой, будучи всегда готовымъ къ самопро-вѣркѣ. Какъ бы ни было право и свято наше первоначальное отверженіе большевизма, жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Было бы чудомъ, если бы одинъ большевизмъ оказался не подвластенъ закону всеобщаго измѣненія. Мало ли было примѣровъ, когда насильственное завоеваніе или политическое преступленіе начинали режимъ — прочный и благодѣтельный. Въ концѣ концовъ, это судьба почти всѣхъ династій, всѣхъ режимовъ: они возникаютъ изъ преступленія. Если бы большевизмъ въ своемъ развитіи сталъ пригодной, хотя бы прубой, формой для новой, въ революціи рожденной Россіи, мы были бы обязаны принять — политически, конечно, — его изначальное преступленіе. Политика не есть чистая этика, — вѣрнѣе, она лишь въ ограниченной мѣрѣ допускаетъ этизацію. Таковы были мотивы, которые заставили итти навстрѣчу большевизму смѣловъ-жовцевъ и лѣвыхъ евразійцевъ. Этими мотивамъ нельзя отказать въ правомѣрности. Какъ бы только не просчитаться въ балансѣ «благодѣяній»! Не претендуя на

непогрѣшимость, я извлекаю изъ памяти къ пятнадцатилѣтнему юбилею побѣдителей свой старый отчетъ благодареній и преступленій. Могу свидѣтельствовать, что вель его всѣ эти годы съ подной добросовѣстностью: нерѣдко подавлялъ свои непосредственныя моральныя реакціи, чтобы не быть несправедливымъ къ врагу, — всегда готовый признать свои ошибки и провѣрить ихъ жестокой діалектикой исторіи.

Единственное личное удовлетвореніе, которое я себѣ позволяю, это выдѣленіе благодареній на первое мѣсто. Но и то потому, что напоследокъ — въ порядкѣ времени — чашка преступленій слишкомъ быстро падаетъ подъ ихъ страшную тяжестью.

**

Б. Большевицкая диктатура въ гражданской войнѣ разбила контръ-революціонныя арміи и спасла революцію.

П. Разбиты были силы не только реакціи, но и демократіи, едва рождавшейся къ политической жизни.

Б. Октябрь привелъ къ власти не формальную, а реальную демократію — власть рабочихъ и крестьянъ.

П. Октябрь былъ и остался не диктатурой рабочихъ и крестьянъ, а диктатурой пролетаріата надъ крестьянствомъ и интеллигенціей и диктатурой партіи надъ пролетаріатомъ.

Б. Октябрь далъ русской революціи социальную тему, выдвинувъ Россію въ авангардъ мірового социальнаго движенія. «Мессіаниззмъ» Россіи, славянофильская мечта, воплощается въ жизнь большевиками.

П. Октябрь далъ перевѣсъ интернаціональной темѣ революціи надъ ея національною темой. Онъ во многомъ оборвалъ эту національную тему (тему освобожденія, тему крестьянства, хозяйственнаго роста). Онъ сдѣлалъ Россію полемъ социалистическаго эксперимента, возложивъ на нищую и некультурную страну колоссальныя издержки этого опыта.

Б. Большевицзмъ уничтожилъ капитализмъ въ Россіи и въ эпоху пятилѣтки насадилъ мощное государственное хозяйство.

П. Большевицзмъ во много разъ подрываетъ производительность народнаго труда. Государственная промышлен-

ность существуетъ паразитарно за счетъ эксплуатаціи деревни.

Б. Большевизмъ несетъ въ собственническую деревню идею солидарности, коопераціи, общаго дѣла.

П. Большевизмъ несетъ въ деревню классовую войну, совершенно искусственно раздѣляя ее на группы и направляя малоимущихъ крестьянъ на хозяйственныхъ разжиганіемъ примитивной зависти.

Б. Большевизмъ далъ деревнѣ тракторы.

П. Онъ уничтожилъ рабочій скотъ и самого трудящагося челоѵка.

Б. Фискальная система большевизма возлагаетъ только на богатыхъ и зажиточныхъ тягости налоговъ.

П. Именно эта система, безъ всякихъ стихійныхъ бѣдствій, вызвала страшный голодъ 1920-21 года, погубившій много милліоновъ людей и доведшій Россію до людоѣдства, котораго она не знала со Смутнаго времени.

Б. Большевизмъ сдѣлалъ рабочаго хозяиномъ на фабрикѣ.

П. Большевизмъ сдѣлалъ пролетарія рабомъ государства, лишивъ его права стачекъ и свободныхъ союзовъ, окруживъ съѣтью шпионовъ, поставивъ его жизнь въ зависимость отъ казеннаго пайка.

Б. Въ совѣтахъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ большевизмъ создалъ удобнѣйшую для Россіи форму примитивной демократіи. Построенная на производственномъ принципѣ, она можетъ стать основой социалистической демократіи будущаго.

П. Превративъ выборы въ комедію, а народъ въ голосящее стадо, большевизмъ скомпрометировалъ и идею совѣтовъ и демократію вообще, воспитавъ подданныхъ для любого деспотическаго режима.

Б. Большевизмъ вызываетъ къ жизни огромную общественную активность массъ, вовлекая ихъ въ политическія собранія, партію, организациі «совѣтской общественности» и проч.

П. Большевизмъ приучаетъ къ массовымъ демонстраціямъ и къ выполнению начальственныхъ заданий; онъ пронизываетъ всю ткань общественной жизни подхалимствомъ, доносомъ и предательствомъ.

Б. Большевизмъ цѣнитъ работу интеллигенціи при ея исконномъ культурномъ дѣлѣ.

П. Большевизмъ развращаетъ интеллигенцію, угрозой голода и ссылки принуждая ее работать противъ совѣсти и взваливая на нее въ глазахъ народа отвѣтственность за всѣ промахи и преступленія режима.

Б. Большевизмъ приобщилъ къ культурѣ широкія массы въ размѣрахъ невиданныхъ въ Россіи.

П. Да, но предварительно закрывъ имъ доступъ къ истинной культурѣ: подмѣняя культуру партійнымъ учебникомъ и срѣвая начисто ея верхніе слои.

Б. Большевизмъ даетъ физическое воспитаніе и спортъ для народа, основу его здоровья и силы.

П. Въ СССР спортъ сдѣланъ орудіемъ войны, и здоровье молодежи подкашивается лишеніями и перепрузкой ея силъ. Человѣчскій матеріалъ изнашивается чуть не къ 30 годамъ. Въ 40 лѣтъ — старики.

Б. Большевизмъ освободилъ женщину и уничтожилъ патриархальную власть семьи.

П. Большевики уничтожаютъ не только семью, но и любовь.

Б. Большевизмъ освобождаетъ народъ отъ предрассудковъ.

П. Онъ убиваетъ вѣру въ Бога, фальсифицируетъ науку, сводитъ этику не къ соціальному даже, а къ партійному утилитаризму.

Б. Большевизмъ провозгласилъ свободу совѣсти и терпитъ релігіозные культы.

П. Большевики разстрѣляли тысячи священниковъ, сослали десятки тысячъ въ Соловки и въ Сибирь, разрушили и закрыли тысячи храмовъ безъ всякихъ политическихъ причинъ.

Б. Большевики, не въ примѣръ якобинцамъ, тщательно охраняли въ началѣ революціи памятники искусства и высоко поставили въ Россіи музейное дѣло.

П. Да, но при Сталинѣ они взрываютъ не только церкви, но и другіе историческіе памятники Москвы, и давно уже по частямъ распродаютъ за границу музейныя сокровища русскаго народа.

Б. Большевики дали высокое развитіе революціонной живописи и театру.

П. Но живопись они тотчасъ же убили тенденціознымъ реализмомъ, а театръ сохранили — для отдохновенія вождей — отъ дореволюціоннаго времени.

Б. Большевизмъ вписалъ блестящія страницы въ исторію русской литературы.

П. Чтобы удушить ее въ концѣ концовъ работой на государственннй заказъ.

Б. Большевизмъ создастъ новое національное революціонное сознание.

П. Въ слояхъ политически активныхъ. Въ поработенной массѣ онъ воспитываетъ пораженчество. Въ культурной политикѣ онъ отравляетъ всѣ истоки здороваго русскаго національнаго чувства.

Б. Большевизмъ освободилъ малые народы Россіи и организовалъ ихъ національныя культуры.

П. Своимъ деспотизмомъ онъ дѣлаетъ изъ нихъ враговъ Москвы, т. е. Россіи, и отравляетъ ихъ самобытное творчество пошлостью интернаціональнаго культурнаго товара.

Б. Большевизмъ сдѣлалъ Россію защитницей всѣхъ угнетенныхъ націй и классовъ.

П. Ведя классовую борьбу во всѣхъ странахъ, онъ изолируетъ Россію въ мірѣ (даже на Востокѣ). Ведя мажклавелистическую политику союзовъ съ капиталистическими странами, онъ предаетъ дѣло социализма.

Б. Международная политика Россіи продолжаетъ лучшія традиціи имперской дипломатіи.

П. Своей противорѣчивостью она уничтожаетъ свои собственные плоды.

*
**

Не довольно ли? Списокъ благодарннй и преступленій можно продолжать безъ конца. Вы скажете: онъ тенденціозенъ, онъ навязчиво подсказываетъ читателю безпощадный обвинительный итогъ. Да, теперь, когда я его пишу, но не тогда, когда, годами, обдумывалось и взвѣшивалось значеніе всѣхъ этихъ фактовъ. Итогъ сложился — итогъ къ 15 годовщинѣ. Я не поручусь, что дальнѣйшіе годы его ни въ чемъ не измѣнять. Но одинъ отводъ я хотѣлъ бы сдѣлать сейчасъ же. Если мнѣ скажутъ, что итогъ былъ предрѣшенъ постановкой Б. впереди П. (въ уступительномъ періодѣ удареніе всегда въ концѣ фразы), то я предложу желающимъ перевернуть порядокъ. Вы убѣдитесь, что для очень многихъ фактовъ будетъ невозможно сохранить діалогическую форму: утвержденія и возраженія. Отчего? Оттого, что за меня факторъ времени, а вре-

мя не обратимо. Другими словами, всё свои «благодѣянія» (результатъ народной революціи) большевики постепенно обратили въ преступленія, размотавъ, спустивъ по вѣтру не только капиталы стараго режима (въ чемъ ихъ обвиняетъ реакція), но и капиталъ самой революціи.

КТО ОНЪ?

Читатель, даже если онъ имѣлъ терпѣніе пробѣжать неоконченный и никогда не заканчиваемый списокъ благодѣяній и преступленій, имѣетъ право поставить вопросъ: «Да въ немъ ли дѣло? Развѣ мое отношеніе къ большевизму зависитъ отъ того, всегда приблизительного, итога объективнаго добра и зла, который онъ несетъ?»

И да, и нѣтъ. Политикъ считается съ фактами, съ реальными послѣдствіями, а не съ намѣреніями дѣятелей. Вотъ почему онъ «торгуется съ людоедами» и охотно видитъ въ большевизмѣ воплощеніе той силы,

Die immer Böse will und nur das Gute schafft.

Для политика балансъ благодѣяній и преступленій необходимъ — притомъ всегда подвижный и ревизуемый — на каждый день. Но наша борьба съ большевизмомъ не только политическая борьба. Самъ большевизмъ не хочетъ быть только политикой. Онъ ведетъ войну не за тѣло, а за душу. Не социализмъ онъ хочетъ строить, а новаго человѣка, новую жизнь, новую этику, новый бытъ, новую личность. Этого человѣка въ Россіи большевизмъ строить по своему образу и подобию. Партія Ленина, партія старыхъ подпольщиковъ стала давно живымъ образомъ святости, на которомъ воспитываются, въ формы котораго отливаются миллионы юныхъ существъ. Эти юноши опредѣляютъ собою сегодняшній и завтрашній день Россіи. Вотъ почему основной нашъ вопросъ о большевизмѣ: не что (онъ дѣлаетъ), а кто (онъ есть).

Не рѣдко приходится слышать въ наши жестокіе дни: не то ужасно, что дѣлаютъ большевики, а во имя чего они дѣлаютъ. Можно было бы простить имъ кровь, если бы она лилась за Россію, простить насиліе — во имя истины. Но большевистская идеократія есть сатанократія по самому содержанию ея идеи.

Это двусмысленное утвержденіе содержитъ большую правду и большую ложь. Все зависитъ отъ того, какъ понимать это «во-имя». Если «во-имя» означаетъ рациональ-

ное, словесное исповѣданіе догмата, то слѣдуетъ сказать: какъ ни плюсуемъ большевизмъ, можно мыслить нѣчто еще болѣе плюсное, — большевизмъ во имя Христа. Методы ГПУ на службѣ церкви были бы въ тысячу разъ отвратительнѣе тѣхъ же методовъ на службѣ у безбожія, потому что есть внутреннее сродство между цѣлью и средствомъ, между вѣрой и жизнью, между идеей и политикой. Оттого мы относимся съ такимъ ужасомъ къ увлеченію большевистскими методами въ христіанскомъ станѣ. Евразійство у власти, управляющее по большевистской системѣ, могло бы реабилитировать даже большевизмъ.

Но возможно другое пониманіе «имени»: какъ внутренней структуры души, связанной съ догматомъ, но гораздо болѣе таинственными и незримыми нитями. Такъ можно было бы сказать, что матеріалистическая вѣра XIX вѣка часто соединялась съ христіанской структурой души. Большевизмъ не создалъ новой вѣры: онъ взялъ старый догматъ матеріалистическаго атеизма, которымъ жили поколѣнія интеллигенціи, но впервые создалъ для этого догмата адекватнаго человѣка. И самое страшное не то, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ, и не то, во что онъ вѣритъ, а то, что онъ есть. Но это качество души, дѣйствительно, органически связано съ содержаніемъ его вѣры, съ его «во-имья».

Не легко опредѣлить ее, эту большевистскую душу въ ея подлинной природѣ. Прежде всего, она не дана въ чистомъ видѣ. Не будучи абстракціей, она реально и весьма насильственно дѣйствуетъ, какъ закваска, въ конкретныхъ душахъ русскихъ революціонеровъ и комсомольцевъ, глубоко преобразуя ихъ — но все же не до конца. Всегда остается природный или культурный человѣчскій остатокъ, благодаря которому всякій большевикъ лучше большевизма. Въ этомъ послѣднемъ парадоксальномъ преимуществѣ — единственности большевизма, его коренное отличие отъ всякихъ другихъ системъ и вѣръ.

Во избѣжаніе недоразумѣній: въ политической борьбѣ слишкомъ привычно концентрировать ненависть къ врагу, воплощая его въ самомъ ненавистномъ социальномъ типѣ непріятельскаго строя. Какъ для большевиковъ поляки рисуются въ образѣ пановъ, а англичане лордовъ, такъ мы представляемъ большевика («типическаго» большевика) непремѣнно чекистомъ. Русскіе революціонеры всегда воплощали самодержавіе въ жандармѣ. Даже для

французскихъ роялистовъ «Sûreté générale» символизируетъ республику. Разумѣется, это грубое искаженіе перспективы. Политическая полиція при всякомъ строѣ составляется изъ подонковъ націи. Большевиковъ надо судить по ихъ лучшимъ образцамъ. И если мы придемъ къ выводу, что большевизмъ своихъ лучшихъ героевъ видитъ въ чекистахъ, и что это вытекаетъ изъ природы его соціального идеала, то и это можетъ быть выводомъ, а не откровенной точкой.

Но было бы столь же невѣрно судить большевизмъ по тѣмъ его типамъ, во многомъ положительнымъ, которые лишь отчасти имъ покрываются, которые созданы русской революціей, и въ ея исторіи нашли себѣ болѣе полное и яркое выраженіе за предѣлами большевизма. Я остановлюсь на двухъ мнимыхъ обликахъ большевизма, по которымъ его судять чаще всего его друзья и поклонники.

Первый образъ я бы назвалъ женскимъ лицомъ большевизма. Это потому, что онъ представленъ въ жизни чаще всего женщиной. Я часто думалъ, на основаніи жизненныхъ встрѣчъ, что образцы коммунистическаго идеализма изрѣдка попадаются, — но только среди женщинъ. Этотъ типъ идеализма намъ всѣмъ хорошо знакомъ по 60-мъ годамъ. Идеализмъ педагоговъ-просвѣтителей, наивныхъ благодѣтелей человѣчества, непременно глуповатыхъ, чуждыхъ высокой культуры, но гуманных и демократически ориентированныхъ. Таковы, по прямой линіи изъ 60-хъ годовъ, представительницы старой гвардіи: Крупскія, Лилины, Бончъ-Бруевичъ и проч. Въ литературѣ Сейфулина и Шагиняна. Виринея кажется прямо слѣдшею со страницъ Шеллера-Михайлова. Шагиняна сложилъ и умиле. Но моральный воздухъ, который такъ выподно отличаетъ «Гидроцентральный» отъ множества индустриальныхъ романовъ, того же качества. Не спорю, пробужденіе русской деревни и мусульманскаго Востока можетъ создавать такіе женскіе типы, привлекательные при всей ихъ оправданности. Съ духомъ большевизма они не имѣютъ ничего общаго. Но въ Европѣ большевизмъ повертывается именно этимъ своимъ лицомъ. «Путевка въ жизнь» есть ловко сдѣланная фальшивка въ Европу такого сорта.

Ближе къ большевикамъ другой типъ, мужской, «героическій», созданный гражданской войной. По старой терминологіи, — большевикъ, но не коммунистъ. Въ ли-

тературѣ онъ называется попутчикомъ. Въ жизни онъ чаще всего быть представителемъ бунтарской силы крестьянства, поднятаго революціей. Порой онъ ужасаетъ насъ жестокостью, но и восхищаетъ удалюю, непосредственностью, даже великодушіемъ. Романтизмъ разбойничества соединяется въ немъ съ біологической почвенностью степного звѣря. Когда-то Толстой отдалъ дань восхищенія этому образу первобытнаго героизма въ Хаджи-Муратѣ. Большевики канонизировали Разина и Пугачева. До начала пятилѣтки вся совѣтская литература жила эксплоатаціей этой золотой жилы народнаго бунтарства. Съ ней связано лучшее въ старомъ Леоновѣ. Вѣроятно, красная армія вобрала въ себя самый дисциплинированный отборъ этого слоя. Теперь, вмѣстѣ со всѣмъ крестьянствомъ («кулачествомъ, какъ классъ»), ему объявлена война. Во всякомъ случаѣ этотъ народный русский типъ, со всѣмъ своимъ добромъ и зломъ, тоже не имѣетъ ничего общаго съ коммунизмомъ, какъ духовной системой. Онъ задыхается и гибнетъ въ ней.

Что же остается на долю чистаго коммунизма, какъ духовный экстрактъ его въ русской революціи? Духъ партіи Ленина, проникающій все — культуру, школу, общественную жизнь, нѣмнѣшій мозгъ Россіи, который хочетъ претворить все ея тѣло и душу, — съ какимъ успѣхомъ, другой вопросъ. Лишь въ партію, лишь продвигаясь къ верхамъ ея подпольной іерархіи, мы впитываемъ въ себя вполне ея отравленный воздухъ. Трудно ошибиться въ качествахъ и силѣ этой ядовитой эссенціи: въ ней гибнетъ все живое, все человѣческое. Духъ большевизма — не абстракція, не продуктъ искусственной философской обработки дѣйствительности. Это сама душа дѣйствительности, своеобразно неповторимая и все же такая смертнью дышащая, что можетъ жить, повидимому, лишь паразитируя въ чужеродной человѣческой средѣ. Въ абсолютно-чистомъ видѣ ленинизмъ не встрѣчается. И Ленинъ иногда ласкалъ дѣтей и слушалъ музыку. Но тѣмъ не менѣе, духъ большевизма — это въ значительной степени созданіе Ленина, тысячекратное умноженіе его собственной страшной личности.

Большевикъ это прежде всего типъ борца. Онъ закаленъ четвертью вѣка подпольной борьбы съ царизмомъ и годами гражданской войны. Не удивительно, что суровость, жестокость отличаютъ его съ перваго взгляда. Но

суровость и жестокость, въ сущности, не подходящія слова. Боевая цѣнность большевика опредѣляется силой и стойкостью его ненависти. Острота ненависти, въ соединеніи съ дисциплиной, замѣняетъ для него всё прочія добродѣтели солдата и революціонера. Самоотверженіе можетъ иногда оказаться излишнимъ: Ленинъ никогда не жертвовалъ собой. Негодованіе, непосредственное выраженіе гнѣва противъ зла, характерныя для революціоннаго благородства, большевизму совершенно чужды. Холодная усмѣшка — его единственная реакція на зло. Онъ принимаетъ зло, какъ нѣчто естественное, даже тогда, когда ведетъ съ нимъ борьбу. Можно ли возмущаться противъ того, что составляетъ самую природу социальной жизни? Большевикъ не вѣритъ въ возможность безкорыстныхъ и благородныхъ поступковъ. Вездѣ онъ чувствуетъ низкую подоплеку классоваго интереса и подлости. Справедливость, какъ онъ ее понимаетъ, хотя предпочитаетъ не говорить о ней, заключается въ такомъ перемѣщеніи силъ, при которомъ насилуемые оказались бы насильниками и наоборотъ. Зло, совершаемое въ интересахъ пролетаріата, замѣняетъ для него добро. Большевикъ презираетъ моральную оцѣнку во всемъ и никогда не употребляетъ положительныхъ моральныхъ характеристикъ: добро, справедливость и т. д. Однако онъ на каждомъ шагу пользуется самыми рѣзкими отрицательными оцѣнками: подлость, гнусность и т. д., показывая свою крайнюю восприимчивость къ стихіи зла. Онъ ненавидитъ зло потому, что является его жертвой или отождествляетъ себя съ его жертвами. Въ беллетристическомъ изображеніи классическаго большевика (Николай Курбовъ, напр.) обязательно позорное и растонитанное дѣтство, нерѣдко мать-проститутка, абсолютная безрадостность и мрачность жизни. Въ такой обстановкѣ вырабатывается безжалостный мститель, какимъ хочетъ быть большевикъ. Вотъ почему непролетарское происхожденіе (т. е. безкорыстный этический мотивъ) для члена партіи является позорнымъ и въ сущности неизгладимымъ пятномъ: либо потенциальный предатель, либо мягкотѣлый интеллигентъ.

Признавая только одну добродѣтель — силу, большевикъ считаетъ порокомъ только слабость — все, что ослабляетъ занесенный для удара кулакъ: и сюда естественно относится всякое проявленіе жалости, уваженія къ человѣку, даже справедливости, въ смыслѣ оцѣнки моти-

вовъ поведения. Нужно выработать изъ себя машину для боевыхъ функций, человѣческой танкъ, который раздавить все на пути. Укоры совѣсти, самое предположеніе о ихъ возможности оскорбительно для героя. Въ нихъ видятъ моральное разложеніе, начало болѣзни. Въ послѣднемъ романѣ Гладкова («Энергія») герой-коммунистъ встрѣчаетъ дѣвушку, — отца которой онъ по ошибкѣ когда-то убилъ въ гражданской войнѣ. Ему неловко при этомъ воспоминаваніи — онъ любитъ дѣвушку. Но именно она сразу пресѣкаетъ всякую возможность съ его стороны безполезныхъ сожалѣній. Онъ поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить (хотя и ошибся). Что убитый — ея отецъ, это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія.

Рисовка? Литературная фальшь? Весьма возможно. Но она скалькирована съ какого-то штампа новаго героическаго человѣка. Такими хотятъ быть русскіе комсомольцы. И это главное.

Еще болѣе убійственное — ибо ненарочное, непроизвольное — свидѣтельство находимъ въ фотографической хроникѣ Левина: «Жили два товарища». Студентъ въ запальчивости убиваетъ въ магазинѣ торговца. Онъ арестованъ, и другъ его (оба коммунисты) утѣшаетъ его тѣмъ, что убить буржуй, и что этотъ буржуй, вѣроятно, съ радостью самъ бы задушилъ ихъ. Замѣчательно, что герой совѣмъ не страдаетъ отъ послѣдствій убійства. Ни онъ самъ, ни авторъ больше не вспоминаютъ о немъ. Побочный эпизодъ, не существенный для развитія романа. Кровь стекаетъ съ коммуниста (изображеннаго въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ), какъ съ гуся вода.

У Шолохова въ «Поднятой цѣпигѣ», гдѣ съ такой правдивостью изображена омерзительная картина раскулачиванія, одному изъ участниковъ-палачей къ вечеру становится не по себѣ. Это не раскаяніе, но что-то въ родѣ потревоженной совѣсти. «Жалѣть, какъ ты смѣешь ихъ жалѣть!» кричить въ неистовствѣ его товарищи большевикъ-путиловецъ, и ярость сбиваетъ его съ ногъ въ эпилептическомъ припадкѣ. Настоящая, одержимость, которая поневолѣ заставляетъ вспомнить о гадаринскомъ бѣсноватомъ.

Довольно примѣровъ. Самое поразительное въ нихъ, что они взяты изъ портретовъ положительныхъ героевъ, сохраняющихъ много человѣческихъ чертъ. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ моральной тренировкой, съ своеобразной

аскезой зла, которое, въ вывороченной на изнанку системѣ цѣнностей, становится большевистскимъ добромъ.

Замѣтили ли вы, что въ совѣтскихъ романахъ слово «злой» употребляется въ положительномъ смыслѣ? Это особенно бросается въ глаза въ послѣднихъ романахъ Леонова, писателя, старающагося, и не безъ успѣха, врати въ чужую ему по природѣ большевистскую кожу. Скутаревскій на каждомъ шагу «зло усмѣхается», «зло глядитъ», «зло бросаетъ слова». Здѣсь злоба становится синонимомъ силы. Въ старой русской литературѣ сила скорѣе была представлена добрымъ великаномъ. Сила была великодушной. Мы привыкли скорѣе къ злобной слабости. Большевизмъ хочетъ быть злой силой — не потому ли, что чувствуетъ свою тайную слабость (припадочность, неврастеничность)?

Св. Георгій или Аполлонъ, поражающій дракона — попробуйте представить себѣ большевизмъ въ этомъ символѣ. Сразу чувствуется нестерпимая фальшь. Но драконъ, огнемъ и сѣрой испепеляющій человѣка, это его памятникъ. Большевизмъ — это реваншъ Пизона.

Неврастеническая и злая сила, подавившая въ себѣ окончательно жалость и любовь къ человѣку — можетъ ли сохранить въ себѣ свѣжесть жизни, способность къ природной, органической радости? На порогѣ XX вѣка духовные предтечи большевизма (Горькій, Арцыбашевъ) любили рисовать веселую и красивую жестокость ницшеанскаго звѣря. Зрѣлый большевизмъ бѣжитъ красоты. Большевикъ никогда не смѣется. Онъ скучаетъ среди природы. Зелени ея полей онъ предпочитаетъ угольную пыль рудниковъ. Лязгъ машинъ — пѣснь человѣческаго голоса. Онъ до сихъ поръ не знаетъ, что ему дѣлать съ любовью: превратить ли ее въ товарищество борьбы, въ безразличный чувственный актъ или подавить ее совершенно. Ясно одно, ея нельзя допустить, какъ любовь. Ибо всякая любовь — къ человѣку, къ женщинѣ, къ землѣ, къ искусству, къ истинѣ, — разслабляетъ, «размагничиваетъ» человѣческую машину, функционирующую для убійства.

Будемъ справедливы. Суровость борьбы ожесточаетъ человѣка. Убійство жалости — требованіе Ницше — понятно въ солдатѣ. Многие изъ слишкомъ яростныхъ враговъ большевизма завидуютъ ему въ этой «каменной» или «стальной» безчеловѣчности. Разумѣется, моральный большевизмъ можетъ развиваться на всякой почвѣ — не

на одной классовой несправедливости. Но жестокость солдата, революционера, бандита до сихъ поръ никогда не исключала профессиональной этики, которая знаетъ и правила «честной игры», и законы товарищества, можетъ иногда позволить себѣ великодушіе къ врагу. Большевиизмъ принципиально запрещаетъ себѣ не только жалость, но и всякое руководство моральнымъ критеріемъ — кромѣ интереса и дисциплины партіи. Товарищество, братство по оружію когда-то связывало коммунистовъ въ легендарные дни гражданской войны. Недаромъ съ такой тоской вспоминаютъ о нихъ строители пятилѣтки. Но давно уже партія убила всякую возможность моральнаго отношенія къ товарищу. Нужно быть всегда готовымъ раздавить слабого, предать довѣрчиваго, уничтожить самаго честнаго и стойкаго борца, когда онъ стоитъ поперекъ «генеральной линіи». Чего стоитъ одна сцена партійной чистки у того же Левина. Но литература перестаетъ быть нашимъ проводникомъ по самымъ глубокимъ кругамъ коммунистическаго ада. Освѣщеніе ихъ несовмѣстимо съ социальнымъ заказомъ. Здѣсь мы должны ориентироваться по политическимъ документамъ — мемуарамъ и показаніямъ перебѣжчиковъ. Теперь мы знаемъ, какъ управляется коммунистическая партія. Изумительный организационный аппаратъ ея сводится главнымъ образомъ къ искусству игры на человѣческой низости. Подобранное для каждаго члена партіи досѣ его грѣховъ и слабостей держать его въ рукахъ генеральнаго секретаря. Система держится не на взаимномъ уваженіи, а на взаимномъ недоувѣрїи и страхѣ. Вождю выгодно имѣть дѣло съ запутавшимся негодяемъ, чѣмъ съ безупречнымъ товарищемъ. И ужъ давно легче управлять людьми, неспособными имѣть свое мнѣніе и за него бороться. Отсюда эта постоянная гимнастика предательства своихъ убѣжденных, упражненія въ покаянныхъ письмахъ и доносахъ на единомышленниковъ. Нужно унижить, скомпрометировать возможно больше членовъ партіи, чтобы они не могли выйти изъ повиновенія. Вѣрность коммунизму, стойкость убѣжденных, — лучшія качества бойца, послѣдніе остатки военно-революціонной этики — сознательно разрушаются во имя партійной дисциплины.

Когда къ большевикамъ приходитъ работать человѣкъ со стороны, безпартійный «спець», интересуется ли ихъ его честность, его сочувствіе дѣлу социализма? Нисколько.

Они боятся убѣждений, предпочитаютъ имѣть дѣло съ подлецомъ — со Слащевымъ, а не съ Савинковымъ. Они виртуозно умѣютъ играть на человѣческихъ порокахъ: знаютъ, кого соблазнить деньгами, кого славой, кого женщиной, — но таинственный миръ оводнаго этического самоопредѣленія ихъ пугаетъ. Что сулитъ эта свобода? Сегодня съ нами, а завтра? Съ нами — до какихъ предѣловъ? до первой подлости? Нѣтъ, лучше ужъ съ самаго начала унизить и раздавить человѣка въ застѣнкахъ ГПУ — сдѣлать его предателемъ, напр., — тогда отъ него можно получить что угодно.

Эта работа соблазна и развращенія интеллигенціи проводится большевизмомъ въ грандіозномъ масштабѣ: не привлеченія, не прирученія, а именно развращенія. Мы съ ужасомъ наблюдаемъ отсюда плоды этой провокаторской работы — въ средѣ ученыхъ, артистовъ, писателей, даже въ церкви. И не сочувствія социализму добывается власть: она требуетъ безусловной покорности, простого выполнения директивъ генеральной линіи.

Ложь давно уже стала второй природой большевизма. Ленинъ первый обосновалъ ея примѣненіе въ политической игрѣ. Въ настоящее время можно сказать, что коммунизмъ уже потерялъ способность различенія истины и лжи, какъ, много раньше, — добра и зла. Истина приобрѣла чисто служебное, или тактическое значеніе — для генеральной линіи, для сегодняшняго дня. Это признается съ наивнымъ цинизмомъ издателями Советской Энциклопедіи, историками партіи. Исторія не можетъ угнаться за политическимъ заказомъ, мѣняющимся каждый день. Вчерашніе полубоги, въ которыхъ вѣрили, на которыхъ учились, сегодня ваптываются въ грязь по указкѣ свыше. Внутри-партійные разговоры подготовляются провокаціей. Кампаніи клеветы организуются планомерно. Вожди ведутъ игру, договариваются, спорятъ. Когда опредѣлились слабѣйшіе, на нихъ спускаютъ цѣпныхъ псовъ. Тысячи перьевъ, десятки тысячъ глотокъ во всѣхъ концахъ Россіи двуть, грызутъ, обливаютъ помоями товарищей, вождей, которые вчера для нихъ олицетворяли дѣло революціи. И во всемъ этомъ ни капли убѣжденія. Механизмъ клеветы организованъ, какъ механизмъ клаки или рекламы.

Но насъ интересуется не система большевистскаго властвованія, а строй души. Что остается въ ней, что ее дер-

жить при разложеніи всѣхъ моральныхъ скрѣпокъ? Связь съ коллективомъ, съ партией, съ могущественнымъ сверхличнымъ организмомъ. Превратиться въ ея кѣлочку, не чувствовать, убить свою личность — единственный способъ сохранить жизнь и способность къ дѣйствию. Возможно ли это — не для муравья, а для человѣческаго существа? Оказывается, возможно, но при одномъ условіи: въ непрерывномъ дѣйствии, въ борьбѣ, въ движеніи. Какъ только машина останавливается — время Нэпа, — такъ человѣческія кѣтки неизбежно разлагаются. Динамизмъ, энергетизмъ могутъ быть поняты, и самими большевиками нерѣдко понимаются, какъ подлинная его природа. Отрицать его энергетическій характеръ невозможно. Останавливаться на немъ излишне. Весь міръ изумляется сверхчеловѣческой энергіи, вложенной въ строительство пятилѣтки. Это та же энергія, что въ годы гражданской войны взнуздала, подняла на дыбы измученную боями, расплавленную Россію. Но чрезвычайно важно опредѣлить природу его энергіи, его духовитаго двигателя.

Русскіе писатели, поставленные передъ социальнымъ заказомъ, и Европа, зрительница небывалаго строительства, часто обманываются или обманываютъ, принимая большевистскую энергію за волю къ творчеству, къ созиданію. Слово «творчество», кстати сказать, стало въ Россіи ходячей, мѣдной монетой. Но, взглядываясь пристально въ характеръ этого полубезумнаго творчества, видишь, что въ основѣ его лежитъ всегда наѣсъ борьбы. Борьба не создаетъ цѣнностей, но разрушаетъ: убиваетъ живую силу врага и его — пусть ложныя — цѣнности. Творчество не мыслимо безъ любовнаго созерцанія идеи-цѣли, безъ момента внутренней тишины и радости, хотя бы рождающей самыя бурныя внѣшнія проявленія. Но большевизмъ уничтожилъ въ себѣ всѣ источники созерцанія, радости, любви, т. е. всѣ источники творчества. Онъ родился въ войнѣ, и до сего дня остается войной на самыхъ разнообразныхъ участкахъ фронта: хозяйства, техники, быта, искусства, науки и религіи. Всегда и вездѣ уничтоженіе врага — главная цѣль. Вся соль коллективизаціи — въ уничтоженіи кулачества, какъ класса. Вся изюминка строительства «Сотн» — въ разрушеніи сосѣдняго монастыря. Индустриализація — это таранъ для разрушенія старой, все еще живой Россіи. Марксизмъ въ наукѣ, въ литературѣ — это не столько методъ познанія, сколько методъ

уничтоженія буржуазной культуры. За всякимъ большевистскимъ дѣломъ, за самой мирной работой чувствуется прицѣлъ наведенной винтовки: въ священника, въ крестьянина, въ профессора, въ вольнаго художника, въ отца и мать старой семьи, въ кондовую Русь, въ счастливый уютъ ненавистнаго мѣщанства. Отмыслимъ этотъ военный шумъ, бряцаніе оружіемъ — что останется? Какковы положительныя цѣли большевизма и его грандіознаго военнаго строительства?

Мировая революція? Но это лишь перенесеніе русской борьбы на мировое поле. Средство, а не цѣль. Соціализмъ? Попробуемъ увидѣть, что именно въ соціализмъ можетъ прелъщать большевиковъ, гдѣ навожденіе, влекущее ихъ чрезъ кровь и грязь, чрезъ уничтоженіе въ себѣ человѣческаго образа.

Жалость, состраданіе къ угнетеннымъ? Но они убили въ себѣ жалость, организовали новое угнетеніе въ колоссальныхъ размѣрахъ.

Павось справедливости, понятой, какъ равенство? Но большевизмъ глумится надъ «уравниловкой», выдѣляетъ собственную аристократію, строить общество, явно іерархическое.

Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей пролетаріата? Но большевизмъ презираетъ комфортъ, остро ненавидитъ самыя вещи, образующія человѣческой бытъ. Для него все это мѣщанство. Онъ организовывалъ цѣлыя кампаніи для разгрома утвари въ рабочихъ квартирахъ. Только старья учительницы («шестидесятницы») могутъ усматривать въ производствѣ вещей и комфорта цѣль коммунизма. Борцовъ не соблазнишь «ширпотребомъ»: это подачка для голодной толпы.

Свободное человѣческое общеніе въ радости и трудѣ? Но большевизмъ убилъ человѣка, всякую возможность радости и любованія человѣкомъ.

Духовное творчество освобожденнаго человѣчества? Но большевизмъ опорочилъ заранѣе всякое «чистое» творчество: искусство, науку, не говоря уже о религіи. Утилитарный взглядъ на нихъ не совмѣстимъ съ постановкой ихъ на вершинѣ пирамиды цѣлей.

Такъ и остается борьба ради борьбы, пустой динамизмъ, безцѣльный бѣгъ, разрушеніе для созиданія, созиданіе для разрушенія. Самая воля къ мощи, упоеніе

силой коллектива, безцѣльной силой, является другой стороной того же павоса борьбы и разрушенія.

Такъ, въ послѣднемъ анализѣ, большевизмъ представляется небытійственнымъ, очищеннымъ отъ всего человѣческаго, мертвенной работой созданнаго для разрушенія механическаго двигателя. Духъ большевизма — духъ небытія.

*

**

Повторяю еще и еще разъ. Этотъ чистый духъ не можетъ до конца воплотиться въ человѣческомъ существѣ. Или иначе: человекъ не можетъ вырастить въ себѣ этого демона до полного убійства въ себѣ всего человѣческаго. Задолго до этого предѣла онъ сходитъ съ ума или стрѣляется. Русскіе большевики люди, и не всегда худшіе изъ людей: отношеніе къ нимъ, какъ къ бѣсамъ, отвратительно и религіозно недопустимо. Но духъ, сидящій въ нихъ, именно таковъ, и, разрушая ихъ самихъ, онъ производитъ разрушительный эффектъ на огромномъ радиусѣ вокругъ себя. Большевизмъ можно мыслить, какъ демона-мстителя, выпущеннаго изъ подпольныхъ нѣдръ старой Россіи для ея казни. Ужасъ въ томъ, что палацъ Россіи (*gastaldo di Dio* св. Франциска) превратился въ ея воспитателя. Вампирически питаясь кровью ея страстей, онъ прильнулъ къ ея тѣлу и къ ея душѣ, заражая ее своимъ гнилостнымъ, смертнымъ дыханіемъ. Распадъ живыхъ тканей, произведенный имъ, огроменъ. Повидимому, этотъ процессъ не только не остановился, но прогрессируетъ. Но живая душа сопротивляется, она не хочетъ умирать и борется съ духомъ тлѣнія. Если она исцѣлѣетъ, на что мы всѣ надѣемся, опытъ вѣдѣнія ада не можетъ пройти для нея безслѣдно. Она спасется «какъ бы изъ огня». И долго спустя послѣ политической смерти большевизма, тяжелый слѣдъ его, въ крови Россіи, въ отпечаткахъ злого слова, будетъ отравлять ее, отравлять міръ, больше всего міръ строящагося социализма, который принялъ въ свой Пантеонъ кумиръ Ленина. Вотъ почему, побѣжденные сегодня, мы не слагаемъ оружія. Большевикамъ простимъ, но большевизму никогда. Будемъ хранить и завѣщаемъ, въ вѣка святую непримиримость. «Потому что наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ мироправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ».

Г. Федотовъ.

Что есть побѣда?

Съ перваго же дня своего прихода къ власти большевики не перестаютъ трубить о своихъ побѣдахъ. Эти трубные звуки входятъ до сегодняшняго дня существеннымъ элементомъ въ политическую пропаганду и агитацію большевиковъ: они должны крѣпить волю бойцовъ — на бой кровавый, святой и правый, — къ новымъ побѣдамъ; они должны вселять панику въ ряды побѣжденныхъ на всевозможныхъ фронтахъ — трепещите и повинуйтесь!

Достиженію этой ближайшей цѣли большевики подчинили многое, въ частности, — приблизительно хотя бы соотвѣтствіе возмѣщаемого и провозглашаемаго ими подлинному и реальному. Большіе охотники до всякихъ «реальностей» и «свершившихся фактовъ», они давно уже оцѣнили и учли и роль представленія о фактѣ, какъ и представленіе о правѣ, по узленію многихъ юристовъ и социологовъ, опосредствующаго рожденію и торжеству опредѣленныхъ фактовъ. Представленіе о непобѣдимости большевиковъ должно было способствовать ихъ фактической неодолимости, внешней и внутренней, должно было содѣйствовать ихъ непрерывному шествію отъ побѣды къ побѣдѣ. И съ назойливымъ однообразіемъ и упорствомъ это не прекращаютъ вдалбливать въ сознаніе всѣхъ волеиныхъ и неволеиныхъ жертвъ большевистской «политпрамоты», — изустной и печатной, зрительной и слуховой, по радіо.

«Если мы прожили пять лѣтъ, стало быть, побѣда намъ на роду написана... Мы проживемъ еще пять лѣтъ, а за ними еще пять лѣтъ, а тамъ и конца не видать»... — Такую фаталистическую «непрерывку» рисовало большевистское воображеніе, когда исполнилась первая «пятилѣтка» ихъ господства. Ея логическій изъяснъ былъ самоочевиденъ тогда же. Но политическая ея условность вскрылась нѣсколько позднѣе: когда авторъ самоувѣреннаго прогноза — Троцкий — изъ стана побѣдителей перекочевалъ въ станъ побѣжденныхъ.

Нельзя сказать, что бы все въ большевистской пропагандѣ было смѣшной и абсолютной ложью. Но почти все — смѣсь большой лжи съ крохотными обрывками правды, нѣсколько мелкихъ зеренъ фактической правды, разбросанныхъ по безбрежной пустынѣ преднамѣренной и до-края накаленной лжи. Смѣшно — и бессмысленно — отрицать физическое торжество большевиковъ надъ ихъ врагами. Споръ — и вопросъ — вовсе не въ этомъ. И даже не въ томъ, насколько прочно это торжество и длительно. Острое вопроса не въ фактъ неоспоримаго торжества, а въ его природу или сущности. Каково оно, — внѣшнее только, физическое, «вещное», въ широкомъ смыслѣ слова — техническое, или и органическое, внутреннее? Эфемерно ли оно и призрачно, несмотря на годы и десятилѣтїя, или подлинно, обусловленное, пусть не нашей, но все же какой-то правдой?

Когда намъ пришлось подводить итоги первому «Пятилѣтїю» большевистской власти, мы именно такъ и ставили вопросъ.

Признаемъ, какъ фактъ, пятилѣтнее пребываніе центровъ, а съ нѣкоторыхъ поръ и всей Россїи, подъ властью побѣдителей, — писали мы 10 лѣтъ тому назадъ, въ № 13 «Соврем. Зап.». И спросимъ себя: есть ли то, что большевики называютъ побѣдой, дѣйствительно, п о б ѣ д а , и х ѣ побѣда? Есть ли чему радоваться и именины справлять тѣмъ, кто считаетъ себя революционеромъ, социалистомъ, интернаціоналистомъ, защитникомъ интересовъ рабочаго класса, сторонникомъ «власти трудящихся» и т. д.?

И мы отвѣчали: Если самый фактъ властвованія, голый фактъ удержанія власти въ течение пяти лѣтъ не считать достиженіемъ самодовлѣющимъ, — ни о какой побѣдѣ говорить не приходится. Приходится говорить объ обратномъ, о небываломъ въ исторїи борьбы людей за свои идеи и учрежденія п о р а ж е н і и . Какой бы низкой единицей ни мѣрить то, что дало пятилѣтнее властвованіе большевиковъ, — оно окажется безконечно ниже всѣхъ другихъ.

Въ области матеріальнаго благополучія — «гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ проба стоитъ». Столичный «шумъ» мото-

ровъ и тамъ барышниковъ всѣхъ племень и мастей заглушаетъ происходящее «тамъ, въ глубинѣ Россіи». Однако, не бѣлогвардейская выдумка, а фактъ, официально зарегистрированный совѣтской печатью, что въ маѣ 1922 г. на югѣ Россіи, въ г. Никополѣ, людей ловили арканами другіе люди, голодающіе...

Вѣдь это же останется, писали мы. На вѣка останется — въ памяти народной и въ исторической лѣтописи — связаннымъ неразрывно съ правленіемъ на Руси большевиковъ. И не только какъ воспоминаніе останется, а какъ рокъ, который еще долго будетъ ощущаться. Уже сейчасъ сказывается деградация населенія, биологическая, экономическая, общекультурная.

Въ эпоху расцвѣтавшаго НЭП-а многимъ казался такой прогнозъ слишкомъ зловѣщимъ, подоказаннымъ политической страстью, несправедливымъ къ противнику. Но вотъ минула вторая «пятилѣтка» большевистской власти. И если на исходѣ первой въ «невиданной нигдѣ въ мірѣ республикѣ» голодные жители ловили арканами своихъ сосѣдей, чтобы ихъ съѣсть, то на исходѣ второй «пятилѣтки» къ тѣмъ же арканамъ стала прибѣгать уже сама власть. Правда, не для того, чтобы утолять муки своего голода, а чтобы предотвратить отъ себя укусы — и тѣмъ самымъ зараженіе — безпризорными: дѣтей-звѣренышей специальные агенты власти ловили арканами, скручивали и волокли на веревкѣ, чтобы избѣжать физическаго прикосновенія къ нимъ...

И снова отмѣчали мы — уже въ № 33 «Совр. Зап.»: несмотря на то, что большевики находятся въ Кремлѣ, а ихъ противники въ темницѣ или въ изгнаніи, что портреты «вождей» красуются на почтовыхъ знакахъ и казенной «монополькѣ», а тѣла усопшихъ покоятся на Красной площади, все же о побѣдѣ большевизма говорить не приходится. Если судить по тому, кто какое и чье дѣло дѣлаетъ, придется говорить о небываломъ въ исторіи борьбѣ за свои идеи пораженіи и капитуляціи.

Ибо что положительнаго далъ Октябрь Россіи, міру, по сравненію съ тѣмъ, что было дано или предпрѣшено февральской революціей? Въ чемъ хотя бы апостериорное оправданіе пролитой крови, раззоренію страны, облищанію и униженію народа? Сорваны ли ветхія одежды Адама — капитализма и имперіализма? Выросла ли человѣ-

ческая личность въ образѣ и званіи совѣтскаго гражданина? Освободился ли отъ гнета нужды классъ трудящихся, — хотя бы въ предѣлахъ своего «соціалистическаго» отечества? Возвеличена ли Россія, какъ была возвеличена Франція террористами-якобинцами? Торжествуетъ ли идеаль чловѣческаго братства, международной солидарности рабочаго класса?..

Прошло еще пять лѣтъ. Къ прежнимъ совѣтскимъ бичамъ и окоріонамъ прибавились новые. Къ чекистскимъ подваламъ и Соловкамъ, къ голоду и безпризорности прибавился кошмаръ злого и методическаго обезземеливанія и физическаго истребленія крестьянъ путемъ насильственнаго вѣдренія, такъ называемой, сплошной коллективизации, разстрѣловъ за «похищеніе» хлѣба со своей, нынѣ социализированной, нивы и т. д., и т. д.

Все это такъ. Все это безспорно. Но все же... Шестнадцатый ужъ годъ оны «царствуетъ свободно», можно сказать о большевизмѣ словами Пушкина о Годуновѣ. Это ли не побѣда?

Статья Г. П. Федотова, помѣщаемая выше («Совр. Записками»), возвращается снова къ этому вопросу.

Статья исходитъ отъ факта сокрушающихъ, всестороннихъ и «величайшихъ» побѣдъ большевиковъ надъ всѣми и противъ всѣхъ. Несущественно, что побѣдоносный реестръ, составленный Г. П. Федотовымъ, на нашъ взглядъ, фактически неточенъ и преувеличенъ даже по сравненію съ тѣмъ, что сами побѣдители, рекламисты по убѣжденію и хвастуны по кровной въ томъ заинтересованности, выдаютъ за свои побѣды. Даже НЭП — безспорное «отступленіе» и «передышку», согласно большевистской «политпрамотѣ», — даже НЭП авторъ склоненъ причислить къ побѣдамъ: то побѣда Ленина «надъ собственной партией и ея глупостью»!..

Существенна, на нашъ взглядъ, не численность слагаемыхъ и не величина суммы — при безконечномъ числѣ побѣдъ, одной больше или меньше, не такъ ужъ важно. Существененъ конечный балансъ, плюсъ или минусъ, побѣда или поражение.

Неотчетливость — и, при томъ, соблазнительную двойственность — даваемого Г. П. Федотовымъ от-

вѣта, мы видимъ въ томъ, что, говоря о «Правдѣ побѣжденныхъ», онъ всячески подчеркиваетъ не однѣ только внѣшнія или физическія побѣды большевиковъ, но и внутреннія, морально-политическія. Ну, а была ли правда и у побѣдителей или ихъ побѣда безъ правды, вопреки ей, — этотъ вопросъ остается открытымъ.

Если же говорить о «духѣ» статьи, трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что не только для «лишенной совѣсти Ключа», но и для совѣстливаго ея служителя, лучше всего страшающагося, какъ бы не быть несправедливымъ къ противнику, къ большевикамъ, «число жертвъ, выражаемое шести-семи значными цифрами, уже поднимаетъ дѣятеля изъ міра преступнаго въ міръ великаго» и — «побѣднаго»... Получается впечатлѣніе, что Бергсоновское «длѣніе» (la Durée) въ теченіе 15 лѣтъ, самымъ своимъ фактомъ производитъ столь «импонирующее» впечатлѣніе, что заставляетъ говорить о побѣдѣ противника и собственномъ пораженіи тогда, когда на самомъ дѣлѣ слѣдовало бы говорить о пораженіи врага, несмотря на видимые его успѣхи, и о побѣдѣ собственныхъ идей, несмотря на признаніе ихъ вѣгъ совѣтскаго закона, контръ-революціонной ересью.

Тутъ споръ не о словахъ только, — какъ называть или не называть реальности. Мы не номиналисты и не «имяславцы», не думаемъ, какъ думаетъ соредакторъ Г. П. Федотова по «Новому Граду» Ф. А. Степунъ, будто «имя неотдѣлимо отъ нарекаемой имъ реальности и составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ частей ея». Нѣтъ, имя отдѣлимо отъ реальности, но за именемъ стоятъ опредѣленныя реальности, хотя бы лишь въ формѣ эмоцій, окрашивающихъ то или другое воспріятіе реальности, то или иное представленіе о фактахъ. Не простымъ споромъ о словахъ является незамирающая вотъ уже 15 лѣтъ, съ самаго Версальскаго мира, полемика нѣмцевъ противъ признанія ихъ отвѣтственными за войну и побѣжденными въ мировомъ столкновеніи. Не изъ каприза отрицаютъ нѣмцы категорически не только первое, но и второе. Не случайно стоятъ они на томъ, что Германію никто не въ силахъ былъ побѣдить на поляхъ сраженія. Она жертва собственнаго нестроенія и довѣрчивости, проявленной къ обѣщаніямъ и посредничеству Вильсона.

Побѣда не есть простая функція пространства или времени, зависитъ не только отъ нихъ.

О «пространствѣ» въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи. Но все-таки проучительно, что и въ военной борьбѣ объемъ захваченной территоріи или число занятыхъ крѣпостей отнюдь не опредѣляютъ судьбы кампаніи. Опытъ отечественной войны 12 года, какъ и послѣдняя, такъ называемая, великая война дала несчетное число тому примѣровъ. Сложнѣе обстоитъ дѣло со «временемъ», ибо въ зависимости отъ периодизаціи историческихъ отрѣзковъ, моменты сраженія и итога, зависятъ и содержаніе итога.

Въ одномъ отрѣзкѣ времени Наполеонъ былъ побѣдителемъ, а въ другомъ — побѣжденнымъ. Если же взглянуть на дѣло его жизни изъ столѣтняго далека, то окажется, что Кодексъ Наполеона побѣдилъ, а якобы главное дѣло Наполеона — его военныя побѣды оказались призрачными и эфемерными. Больше того — губительными для Франціи: не было бы Аустерлица — не было бы и битвы подъ «Московой» и Ватерло; не было бы Наполеона I — не было бы и Наполеона III и, вмѣстѣ съ Седаномъ, не было бы, можетъ быть, и міровой войны.

То же можно сказать о любомъ побѣдителѣ, — на моральномъ, научномъ, военномъ или политическомъ поприщѣ: о Сократѣ и Христѣ, о Коперникѣ и Галилеѣ. На протяженіи своей жизни Петръ I шель отъ пораженій къ побѣдамъ. А въ цѣломъ его жизнедѣятельность представлялась неоспоримо-побѣдоносной, пока, славянофилы первые, не обнаружили въ немъ «злого генія Россіи», а послѣдующія поколѣнія — творческаго зачинателя режима, при которомъ государство «пухло», а народъ, обращенный въ рабство, «хирѣлъ».

И если теперь, спустя два столѣтія, подойти къ дѣлу жизни Петра въ той его постановкѣ, которую ему ровно сто лѣтъ назадъ, годъ въ годъ, далъ гениальный поэтъ, отвѣтъ, можетъ быть, получили бы уже не тотъ же. Повинуясь велѣнію Пушкина, «безумецъ бѣдный», Евгенийъ, вынужденъ былъ бѣжать отъ Всадника Мѣднаго. Но уже тогда, у «подноженія кумира», «взирая дико на «державца полуміра», —

Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь. Онь мраченъ сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,

Какъ обуянный силой черной,
 «Добро, строитель чудотворной!»
 Шепнулъ онъ злобно, задрожавъ.
 «Ужо тебѣ!..»

Сейчасъ, «на сегодняшнее число», ужъ несомнѣнно, что въ «омраченномъ Петроградѣ», да и во всей Россіи, торжествуетъ не Петръ, а Евгений. Подъ сомнѣніе поставлена побѣда Петра. Но отсюда еще очень далеко до признанія побѣдителемъ «безумца бѣднаго».

*

**

Признавъ большевиковъ побѣдителями на всѣхъ фронтахъ, Г. П. Федотовъ совершенно неожиданно отвелъ мѣсто побѣдителя новому герою — русской народной революціи, «огромныя энергіи коей, освобожденные въ движеніи массы, оказываются лишь «перехваченными и обработанными» на коммунистической фабрикѣ. Не знаешь, радоваться ли тому, что бывшій побѣдитель дисквалифицированъ, или печалиться, что на мѣсто подлиннаго виновника поставленъ мнимый, — въ худшемъ случаѣ лишь пособникъ. И какъ вообще «народная революція» могла сказаться побѣдителемъ, когда въ первыхъ же строкахъ статьи категорически утверждается, среди прочихъ побѣдъ большевицкой партіи, — «полная и громкая» побѣда и надъ «русскимъ народомъ»?!

Это противорѣчіе внѣшнее, можетъ быть, случайное или терминологическое. Можно пройти мимо него. Существеннѣе другое — глубокое, не одинъ разъ повторенное и безысходное.

Слѣдую примеру героини совѣтскаго беллетриста Олещи, Г. П. Федотовъ составляетъ свой параллельный списокъ «Благодѣяній» и «Преступленій», совершенныхъ большевиками, — Бенжамэнъ Франклинъ въ 18 вѣкѣ называлъ такой балансъ плюсовъ и минусовъ «нравственной алгеброй».

Въ этомъ сопоставленіи Г. П. Федотова имѣются свои неточности. Почему, на примѣръ, диктатура рабочихъ и крестьянъ есть «Б», т. е. благодѣяніе, а не, какъ всякая диктатура, — «П», т. е. преступленіе? Или изъ чего слѣдуетъ, что большевистская диктатура революцію «спасла»,

а не погубила? И т. д. Гораздо важнѣе и поразительнѣе, однако, что авторъ не обратилъ вниманія на бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе своихъ двухъ рядовъ. Всѣ его «Б» являются бумажными провозглашеніями, тогда какъ «П» — реально осуществленными преступленіями. Я предлагаю читателю перечестъ приведенный Федотовымъ реестръ подъ указаннымъ угломъ зрѣнія, и онъ самъ, на личномъ опыту, убѣдится, что сравниваются здѣсь «пуды» съ «аршинами».

Есть тутъ и другая, не менѣе поразительная для такого изощреннаго диалектика, какъ Г. П. Федотовъ, логическая неувязка.

Сопоставленіе «Б» и «П» построено въ формѣ уступительнаго предложенія: хотя — но. Не въ томъ дѣло, что «хотя», перечень благодарній, звучитъ часто громче, чѣмъ «но», перечень преступленій, — кто не знаетъ, что въ политикѣ, не какъ въ грамматикѣ, придаточныя предложенія часто важнѣе главныхъ. Дѣло въ томъ, что даже диалектически оба предложенія несомнѣстимы, — «хотя» въ большинствѣ случаевъ безъ остатка поглощено и уничтожено «но».

Два-три примѣра пояснятъ мысль.

Въ плюсъ большевизму Г. П. Федотовъ ставитъ «идею солидарности, коопераціи и общаго дѣла», которую большевики несутъ въ собственническую деревню. И тутъ же, въ качествѣ минуса, самъ же отмѣчаетъ, что большевизмъ несетъ въ деревню классовую рѣзню, искусственно раздѣляя «крестьянство на группы, играя на чувствѣ элементарной зависти, а не классового сознанія. Развѣ второе не исключаетъ безъ остатка перваго? Развѣ можно, зная о второмъ, даже условно заикаться о вносимой большевиками въ русскую деревню солидарности, свободной коопераціи и т. п.?

Большевизмъ сдѣлалъ рабочаго хозяиномъ на фабрикѣ, — это его «Б», и большевизмъ сдѣлалъ рабочаго рабомъ государства, лишивъ его права стачекъ и свободныхъ союзовъ, окруживъ его шпионами и т. д. — Но можно ли говорить о «хозяинѣ», говоря одновременно о контролѣ и учетѣ со стороны шпионовъ? Можно ли заразы утверждать: большевизмъ строить новый бытъ и большевизмъ разрушаетъ всякій бытъ?

Г. П. Федотовъ пробуетъ выйти изъ противорѣчія, раздѣливъ во времени «благодѣянія» и «преступленія». Но и

такое раздѣленіе можетъ показаться убѣдительнымъ лишь для того, кто считаетъ, что съ временемъ большевизмъ становится хуже. Намъ оно не представляется убѣдительнымъ именно потому, что большевизмъ, на нашъ взглядъ, равенъ себѣ и въ третью «пятимѣтку», и во вторую, и въ первую.

*
**

Яркая, какъ всегда, статья Г. П. Федотова, на нашъ внутренний слухъ и вкусъ представляется необычайно терпкой.

Не то, чтобы авторъ проявилъ опредѣленное сочувствіе къ большевикамъ и, тѣмъ паче, къ большевиизму. Нѣтъ, чѣмъ дальше во времени, тѣмъ все опредѣленнѣе отходитъ Г. П. Федотовъ отъ бывшихъ настроеній эпохи своего литературнаго сотрудничества со Святопольсь-Мирскимъ, нымѣ окончательно увѣровавшимъ въ правду побѣдителей. Нѣтъ, Г. П. Федотовъ очастливо избѣжалъ судьбы библейскаго пророка, вышедшаго на проклятіе, а кончившаго благословеніемъ. Онъ обличаетъ большевизмъ, проклинаетъ его, — внутренне убѣжденъ, что предъявляетъ большевиизму «безплощадный обвинительный актъ». Въ статьѣ, на самомъ дѣлѣ, много мѣткихъ замѣчаній и блестящихъ характеристикъ, и тѣмъ не менѣе вся она точно смѣщена съ морально-политическаго стержня, дающаго устойчивость антибольшевистскому сознанію и смыслъ его борьбѣ.

Почему, вопреки самымъ благимъ намѣреніямъ автора, его обличенія, проклятія звучатъ неубѣдительною двойственностью?

Намъ думается потому, что на проклятые политическіе вопросы авторъ даетъ не прямые политическіе отвѣты, а отвѣты окольные — историческіе и метафизическіе. Профессія историка давить на взгляды политика, а «міросозерцательная» исторіософія, усугубляя это давленіе, окрадываетъ самый процессъ, дѣлая его менѣе чувствительнымъ.

Г. П. Федотовъ не довольствуется политической «нетерпимостью» къ большевикамъ, присущей большинству ихъ противниковъ. Онъ хочетъ эту нетерпимость непременно углубить и возвысить, утлубить до «первыхъ основъ», возвысить до ранга «святой». Увлеченный своимъ планомъ, авторъ недостаточно внимательно относится къ

разстановкѣ борющихся въ трехмѣрномъ планѣ силъ. Отсюда и его исходный взглядъ на большевиковъ, какъ на побѣдителей. Упуская изъ виду, что оцѣнка духа бойцовъ вкладывается нѣкоторымъ слагаемымъ въ состояніе этого духа и тѣмъ самымъ въ исходъ борьбы, онъ преждевременно очищаетъ позиціи, формально сдаетъ то, что однимъ фактическимъ обладаніемъ еще не обезпечиваетъ противнику побѣды.

Временами политическая комбативность Г. П. Федотова пробуждается, — онъ не соглашается мириться съ 15-лѣтней давностью большевистскаго владѣнія, хочетъ отъ современниковъ апеллировать къ потомкамъ. Но этотъ пылъ скоро остываетъ. Авторъ неожиданно вспоминаетъ, что «русскіе большевики не всегда худшіе изъ людей»; что «отношеніе къ нимъ, какъ къ бѣсамъ, отвратительно и религиозно недопустимо»; что судить большевиковъ по-человѣку надо непременно «по ихъ лучшимъ образцамъ», а приравнивать средняго большевика къ чекистамъ было бы «грубымъ искаженіемъ перспективы», — хотя высшія «достиженія» большевизма, Ленинъ и Сталинъ, первый въ порядкѣ нормативномъ, второй въ порядкѣ простого констатирования, проводили какъ разъ знакъ равенства между большевикомъ и чекистомъ!.

Въ конечномъ счетѣ г. Федотову нетрудно отказаться и отъ «суда исторіи», ибо въ запасѣ у него болѣе высокая апелляціонная инстанція — «есть Мститель тамъ, за звѣздами». Но не есть ли этотъ эсхатологическій оптимизмъ лишь тотъ же безнадежный и принципиальный и историческій пессимизмъ, заставившій и христіанскую исторіософію перемѣстить царство Божіе изъ «міра сего» въ міръ иной, надзвѣздный?

Г. П. Федотовъ справедливо возстаеъ противъ представленія о ходѣ исторіи, какъ однолинейномъ развитіи прогресса. Онъ справедливо отрицаетъ «неисправимый оптимизмъ» не видящихъ безспорнаго факта попятныхъ движеній въ исторіи, гибели государствъ, народовъ, культуръ. Но какъ совмѣщаетъ онъ съ этимъ благочестивую увѣренность, что «въ мірѣ не проходитъ безслѣдно даже самое слабое усиліе къ добру, ни малѣйшее движеніе зла», что «паузы и пониженія подчинены опредѣленной закономерности, и въ конечномъ счетѣ, хотя и по кривой, но исторія восходитъ»?!. Многимъ ли эта теорія прогресса отличается отъ обычной, «вульгарной», контовской?

Мы весьма далеки отъ мысли, что въ мирѣ побѣждаетъ лишь добро. Наоборотъ, зло побѣждаетъ гораздо чаще. И больше того: поскольку неотмѣнимымъ финаломъ чело-вѣческой жизни является смерть, побѣда, на нашъ взглядъ, если не въ космическихъ масштабахъ, то исторически, неукоснительно обезпечена за зломъ. Для насъ «ясно какъ простая гамма», что — «нѣтъ правды на землѣ, но правды нѣтъ и выше»... Однако, въ каждый отдѣльный моментъ исторіи борьба добра со зломъ идетъ и продолжается. И когда побѣждаетъ зло, своей побѣдой оно обяза-но ревнителямъ добра, признавшимъ вражескую побѣду.

Побѣдители и побѣжденные, особенно въ плоскости морально-политической борьбы, — сужденіе не иррелевантное. Это сужденіе «цѣлностное», признаніе чужого превосходства и собственной дефективности, въ которомъ временное и внѣшнее очень трудно отдѣлимо отъ постоянного и внутренняго. Вся проблема властвования и подчиненности, государственнаго и всякаго иного, зиждется на этомъ психическомъ состояніи связанности чужого превосходства съ собственнымъ ничтожествомъ или слабостью, — не обязательно физическими только. Когда такое со знаніе объективируется во-внѣ и переходитъ въ публичное при знаніе, физическій властитель пріобрѣтаетъ и моральныя основанія притязать на власть, ибо противника уже нѣтъ, онъ «смылся», капитулировалъ въ душѣ, даже когда онъ не капитулировалъ формально. Въ концѣ концовъ побѣдителями становятся — или не становятся — волею побѣжденныхъ.

Последнимъ остается, конечно, послѣ признанія чужой побѣды, утѣшаться тѣмъ, что у нихъ еще уцѣлѣла, не отнята побѣдителями, — «правда побѣжденныхъ». Но это, говоря совѣтскимъ языкомъ, — «разговоры для бѣдныхъ». Политическаго значенія такого рода самоутѣшеніе не имѣетъ никакого.

*
**

Намъ приходилось уже по поводу положительныхъ взглядовъ Г. П. Федотова, его сочувствія принципу диктатуры, указывать, что психологія отчаянія толкаетъ къ переоцѣнкѣ силъ противника и заимствованію у него идеологіи силы — отъ безсилія (см. № 46 «Совр. Зап.»).

И сейчас наш выводъ, къ сожалѣнію, примѣрно сводится къ тому же. Ибо въ «Правдѣ побѣжденныхъ» гимнъ торжествующимъ побѣдителямъ заглушаетъ надгробное рыданіе о погребенной подъ руинами правдѣ побѣжденныхъ, — побѣжденныхъ не только физически, что неоспоримо, но и духовно, что зависитъ отъ индивидуальнаго состоянія духа.

...Все проигравъ — побѣждаешь,
Все потерявъ — обрѣтаешь.

.....
...Первые ряды своимъ паденіемъ
Побѣду вслѣдъ грядущимъ доставляютъ.

Это сознаютъ всѣ практики: и войны, и политики, пока они не теряютъ «сердца».

М. В. Вишнякъ.

Памяти А. А. Кизеветтера

Москвичи моего поколѣнія были слышаны объ Александрѣ Александровичѣ Кизеветтерѣ еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Сверстникамъ, учившимся въ гимназическихъ классахъ Лазаревского института восточныхъ языковъ, дано было имѣть А. А. преподавателемъ русской исторіи. И малыши разнесли молву о талантливомъ педагогѣ, не въ примѣръ прочимъ сумѣвшимъ плѣнить дѣтскія сердца неподдѣльнымъ даромъ яркаго разсказа.

Увидѣть Александра Александровича мнѣ впервые довелось на университетской кафедрѣ въ Москвѣ 1901 г. Молодымъ приватъ-доцентомъ Кизеветтеръ приобрѣлъ уже широкую популярность въ кругахъ московской молодежи. Эта популярность покоилась не столько на политическомъ свободомыслии лектора, сколько на интересѣ къ темѣ читаемаго курса и художественной рельефности ея интерпретаціи. Если лекціи Ключевского собирали биткомъ набитую аудиторию, въ которой трудно было дышать, не то что стоять и слушать, студентовъ со всѣхъ факультетовъ, — лекціи Кизеветтера привлекали по преимуществу филологовъ-историковъ и юристовъ. Но и ихъ было достаточно, чтобы наполнить громадный залъ.

На кафедрѣ А. А. казался чрезвычайно представительнымъ и импозантнымъ. Прямой, въ черномъ сюртукѣ, съ бородой «Черномора», съ пенсне на черномъ шнуркѣ, требующимъ постоянно, чтобы его выравнивали или укрѣпили, А. А. казался высокимъ и стройнымъ. Борода и худоба скрадывали его на самомъ дѣлѣ небольшой ростъ, удлиняли его фигуру, — какъ, можетъ быть, въ бородѣ и худобѣ Толстого надо искать объясненія, почему многіе изъ хорошо знавшихъ Толстого и по сей день отрицаютъ малый ростъ великаго писателя.

Читалъ — вѣрнѣе говорилъ — А. А. необыкновенно просто и свободно, выразительно и ярко, однако безъ

всякихъ «красотъ». Общеизвестныя по формѣ, лекціи были насыщены далеко не всѣмъ известными фактами. Оригинальный образъ или остроумное сравненіе помогали слушателю удержать въ памяти сказанное, возстановить, если не отдѣльныя подробности и нюансы, то общее содержаніе и ходъ аргументаціи.

Не думаю, чтобы манера изложенія была придумана А. А. заранее, была опредѣленнымъ педагогическимъ приемомъ. Она была природнымъ и первичнымъ даромъ А. А. Именно ему обязанъ былъ покойный той широкой известностью, которую онъ быстро приобрѣлъ въ Москвѣ, а потомъ и по всей Россіи и которую сумѣлъ сохранить и въ русскомъ зарубежьи. Гимназическимъ учителемъ, университетскимъ профессоромъ, депутатомъ, оппонентомъ на митингѣ, ораторомъ на официальномъ банкетѣ или, въ Татьянинъ день, на столѣ у Яра, околь ни различны бывали положенія, сколь разнo ни было внутреннее отношеніе А. А. къ тому или другому роду своихъ выступленій, — онъ вездѣ выдѣлялся стройностью и ладомъ своей законченной, нерѣдко пронизанной остроуміемъ и юморомъ, рѣчи.

Сдержанный, чуть-чуть даже чопорный на кафедрѣ, — къ чтенію лекцій онъ относился какъ къ нѣкому священнодѣйствию, — А. А. неизмѣнно оказывался «душю» общества, въ которомъ бывалъ. Я встрѣчалъ А. А. нѣсколько разъ въ его семейной обстановкѣ веселымъ «пересмѣшникомъ» и острословомъ, охотникомъ и выдумщикомъ всякихъ игръ для молодежи, авторомъ незлобивыхъ эпиграммъ и стихотворныхъ пародій...

Ближе сошелся я съ А. А. за годы эмиграціи.

Еще въ Москвѣ попадались А. А. «Соврем. Записки». Очугившись, силою совѣтскаго произвола, въ изгнаніи, онъ тотчасъ же принялъ предложеніе о сотрудничествѣ. Его первая статья появилась въ 13-ой книгѣ журнала, и съ той поры, на протяженіи всѣхъ 10 лѣтъ, за единственнымъ исключеніемъ, въ каждой книгѣ журнала читатель встрѣчалъ либо политико-историческую статью, либо рядъ рецензій, написанныхъ А. А., либо и то и другое одновременно.

Но А. А. сдѣлался не только однимъ изъ наиболѣе усердныхъ сотрудниковъ журнала. Онъ сталъ и его постояннымъ, хотя и «эзотерическимъ», критикомъ.

По истеченіи 3-4 недѣль по выходѣ очередной книги, съ методической правильностью, получалось пространное, иногда на 16 страничкахъ письмо, въ которомъ А. А. своимъ характернымъ, размашистымъ почеркомъ въ «частномъ» и довѣрительномъ порядкѣ, не для оглашенія, дѣлился впечатлѣніями по поводу напечатаннаго матеріала. Неизмѣнно благожелательная по своему устремленію и могивамъ, критика эта бывала часто очень суровой по отношенію къ отдѣльнымъ авторамъ или произведеніямъ.

Всякій оцѣнить значеніе этой внутри-редакціонной «самокритики», исходившей отъ столь опытнаго и авторитетнаго лица, какимъ былъ А. А. Кизеветтеръ, долгіе годы редактировавшій въ Москвѣ не только спеціальныя изданія, но и общія. Хранящіеся до времени въ архивѣ «Соврем. Зап.», письма эти, можетъ быть, вновь обрѣтутъ свою цѣнность, когда къ нимъ, какъ къ документамъ эпохи, подойдетъ грядущій историкъ или «монахъ трудолюбивый»...

По должности редактора и секретаря «Совр. Зап.» мнѣ приходилось за 12 лѣтъ существованія журнала имѣть дѣло и вести переписку со множествомъ авторовъ, ставшихъ — и не ставшихъ — сотрудниками «С. З.». И я съ полнымъ знаніемъ предмета могу категорически свидѣтельствовать, что, несмотря на свое крупное имя и авторитетность, А. А. могъ выдержать любое сравненіе въ аккуратности, неприхотливости, въ какой-то совершенно даже неестественной скромности, не говоря уже объ отсутствіи какой-либо амбиціозности, претенціозности и проч.

Вспоминаю одну изъ послѣднихъ моихъ встрѣчъ съ А. А. въ Прагѣ. Въ свободное время попалъ я на его лекцію въ Народномъ Университетѣ, въ нижнемъ этажѣ «Земгора». А. А. читаль о смутномъ времени. Читаль, какъ въ молдые годы въ Москвѣ. Исключительно драматическій сюжетъ открываль широкія и благодарныя возможности его лекторскому таланту. Онъ не разсказываль о томъ, что было въ началѣ 17 вѣка въ далекой Москвѣ, онъ показываль, какъ это происходило. Интонація, жестъ, счастливый образъ несли одинаково послушно службу владѣвшему магической силой словеснаго воспроизведенія. А. А. не надо было характеризовать героевъ или эпоху. Они двигались и жили, самую свою жизнью себя характеризуюя.

Когда лекція кончилась, я подошелъ къ А. А., чтобы выразить ему свое искреннее восхищеніе:

— Поездъ Ключевского, вы лучший изъ лекторовъ, которыхъ мнѣ доводилось слышать. А среди нихъ были такіе, какъ Зиммель и Бергсонъ, «творившіе» въ процессѣ произнесенія лекціи, какъ Риккертъ и Новгородцевъ — отличные лектора, но читавшіе по записямъ...

— Что вы, что вы, — поспѣшилъ отвѣсти мой комплиментъ А. А., — развѣ можно сравнивать съ Ключевскимъ...

Сопоставленіе рядомъ съ учителемъ, Василиемъ Осиповичемъ, казалось покойному святотатственнымъ «оскорбленіемъ величества».

Кому выпала на долю радость личнаго общенія съ А. А., кто учился у него, слушалъ его лекціи, читалъ его писанія, бесѣдовалъ съ нимъ, не забудетъ этого плѣнительнаго москвича, яркаго представителя русской интеллигенціи на грани двухъ смѣняющихся вѣковъ и эпохъ.

Этими бѣглыми строками приходится ограничиться въ порядкѣ спѣшности, передъ заключеніемъ подписанной къ печати книги. Къ оцѣнкѣ А. А. Кизеветтера, какъ ученаго историка, «Современныя Записки» еще вернуться.

М. В.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Итоги культурной пятилѣтки

Во второй разъ уже совѣтская власть отказывается отъ проведения коммунистической школьной политики и собственными руками восстанавливаетъ обломки того, что еще такъ недавно презрительно обзывалось ею «старой школой». Но если въ 1926-27 гг. «новая культурная политика» явилась довольно запоздалымъ слѣдствіемъ НЭП-а, то въ настоящее время НЭП начинается съ «фронта учебы». Перекинется ли онъ также на экономическую область, — это покажетъ будущее. Сейчас можно сказать только одно: въ области школы крушеніе пятилѣтки есть не только фактъ, не подлежащій уже никакому сомнѣнію, но и фактъ, явно недвусмысленно признанный самой совѣтской властью. Обстоятельство это тѣмъ болѣе знаменательно, что культурная пятилѣтка еще въ большей степени, чѣмъ пятилѣтка экономическая, давно уже утратила свой первоначальный характеръ плана школьнаго строительства, превратившись въ программу и даже просто въ знамя «культурной революціи», «штурма науки пролетаріатомъ», «культпохода». Поэтому въ отношеніи къ ней еще въ большей степени, чѣмъ въ отношеніи къ пятилѣткѣ эко-

номической, безсмысленъ вопросъ о томъ, на сколько процентовъ она осуществилась. Она могла лишь осуществиться полностью или провалиться, и потому отказъ отъ программы пятилѣтки означаетъ прямое признаніе ея провала.

1.

Первоначальный «пятилѣтній планъ культурнаго строительства», опубликованный въ 1928 г., былъ именно планомъ школьнаго строительства. Составители его старались, повидимому, держаться въ предѣлахъ практически возможнаго. Правда, культурная пятилѣтка предусматривала ростъ начальной и профессиональной школы, въ полтора и два раза превосходящій «стабилизированный» ростъ эпохи НЭП-а, и предвидѣла также громадный дефицитъ въ 1800 миліоновъ, который долженъ былъ быть покрытъ путемъ «добровольнаго самообложенія населенія». Но все же въ основѣ ея лежали расчеты, опиравшіеся на опытъ, накопленный за время НЭП-а, она считалась съ хозяйственными возможностями страны, и одну изъ главныхъ цѣлей культурнаго строительства видѣла въ

подъемъ качественного уровня школы путемъ повыше́нія ея материальной основы и уровня учительства. По предположе́ніямъ первоначальной пятилѣтки, жалованіе учителямъ должно было увеличиться вдвое, точно такъ же должна была быть значительно поднята общеобразовательная основа профессионального образования (въ частности, девятилѣтняя школа должна была быть превращена въ школу десятилѣтнюю). Культурная пятилѣтка въ ея первоначальномъ видѣ отнюдь не имѣла въ виду измененія школьной системы и даже школьной политики, какъ она установилась въ эпоху НЭП-а, а что касается педагогической идеологии составителей пятилѣтки, то она, повидимому, мало чѣмъ отличалась отъ безпринципнаго оппортунизма послѣднихъ лѣтъ НЭП-а. Свою главную задачу составители культурной пятилѣтки видѣли въ томъ, чтобы подготовить кадры квалифицированной рабочей силы, нужные для индустриализаціи страны, совсѣмъ не входя въ проблему коммунистической педагогики.

Неудивительно, поэтому, что тотчасъ же послѣ своего опубликованія первоначальная культурная пятилѣтка вызвала противъ себя самую острую критику со стороны лѣваго крыла коммунистической партіи. Лѣвые выдвинули противъ составителей пятилѣтки самое страшное обвиненіе — въ меньшевизмѣ и оппортунизмѣ. Въ области педагогики была объявлена рѣшительная борьба противъ правой оппозиціи, главные представители которой, А. Пинкевичъ и М. Пистракъ, не боялись выступить на защиту составителей первоначальной пя-

тилѣтки. Другой известный теоретикъ марксистской педагогики (бывшій завѣдующій Главпрофобромъ) А. Калашниковъ въ это же время выпустилъ книги, въ которыхъ онъ пытался обосновать взглядъ, что школа каждой страны, подобно всей идеологической надстройкѣ вообще, определяется хозяйственной основой, что школьное дѣло можетъ развиваться лишь въ границахъ, опредѣляемыхъ «хозяйственнымъ базисомъ» общества. Всѣ возрѣнія этого рода были нынѣ объявлены «меньшевистской ересью». Пинкевичъ, Пистракъ, Калашниковъ, даже самъ Блонскій были обвинены въ томъ, что они подпали подъ влияніе «оппортуниста» Н. Бухарина. Защищаемый ими фатализмъ рѣшительно противорѣчитъ ленинскому пониманію марксизма. Марксовское ученіе о томъ, что идеологическая надстройка опредѣляется хозяйственнымъ базисомъ, имѣетъ значеніе только для буржуазнаго общества. Прилагая къ коммунистическому государству то, что Марксъ утверждалъ лишь относительно буржуазнаго общества, скрытые меньшевики изъ правой оппозиціи недооцѣниваютъ революціонной мощи побѣдоноснаго пролетаріата, они не вѣрятъ въ силы революціи и даже ставятъ палки въ колеса политикѣ партіи. Въ области педагогики они не вѣрятъ въ возможность коммунистическаго воспитанія и хотятъ сдѣлать совѣтское воспитаніе и совѣтскую школу зависимыми отъ мелко-буржуазной среды.

Изъ этого новаго, сталинскаго, толкованія марксизма, согласно которому въ эпоху диктатуры пролетаріата хозяйство не опре-

дѣляетъ идеологию, а, напротивъ, само опредѣляется политикой партіи, вытекало въ области педагогики рѣшительное отрицаніе внутренней самозаконности образовательнаго процесса. Въ качествѣ теоретическаго вождя этой новой, крайней базы развитія коммунистической педагогики выступилъ В. Шульгинъ, директоръ Научнаго Института Марксистско-Ленинской педагогики, ставшаго идеологическимъ центромъ и вдохновителемъ школьной политики эпохи пятилѣтки. Шульгинъ развилъ теорію о такъ назыв. «отмирانیи школы» въ коммунистическомъ обществѣ. Поскольку пятилѣтка представляеть собою прямое преддверіе коммунистическаго общества, школа должна уже сейчасъ «слиться съ производствомъ», сдѣлаться органической частью производственнаго процесса, стать «цехомъ» завода, фабрики или колхоза. Заводъ и колхозъ «все болѣе и болѣе принимаютъ на себя функціи школы». «Вмѣстѣ со школой уходятъ въ прошлое также и традиціонныя атрибуты ея: рѣзкое дѣленіе на классы, опредѣленный учебный планъ и, наконецъ, учебникъ, этотъ традиціонный сосудъ всей школьной премудрости, измѣритель успѣшности».

На «фронтѣ школы» правая оппозиція была разоблачена и разбита окончательно въ 1929 г. Съ уничтоженіемъ правой оппозиціи и культурная пятилѣтка изъ плана строительства превратилась въ программу революціоннаго преобразованія всей школьной системы. Эта послѣдняя вспышка коммунистическаго идеала образованія была особенно яркой. Всѣ отличительныя черты школьной по-

литики совѣтской власти эпохи начала НЭП-а (1922-25 гг.) выступаютъ сейчасъ, въ эпоху пятилѣтки, вновь, и притомъ въ усиленномъ, рѣзко усугубленномъ видѣ. Прежде всего, въ области школьнаго строительства совѣтская школа вступаетъ въ полосу совершенно безпримѣрнаго статистическаго роста. На этотъ разъ Наркомпросъ уже не удовлетворяется простымъ провозглашеніемъ общедоступности школы, но объявляетъ такъ назыв. «культурный походъ», которому ставится цѣль рѣшительно обогнать всѣ цифры первоначальной пятилѣтки. «Контрольныя цифры» на 1929-30 г. были пересмотрены и увеличены почти что вдвое, и такъ каждый новый годъ пятилѣтки. Изъ вѣхъ плана строительства, рассчитаннаго на пять лѣтъ, цифры пятилѣтки становятся пущенными вскачь лошадьми, которымъ поставлена цѣль обогнать другъ друга. Наркомпросъ объявляетъ «Главнымъ штабомъ культурной революціи», и всѣ мѣстныя школьныя власти были призваны участвовать въ «соціалистическомъ соревнованіи», принявшемъ характерное названіе «культурѣстафетъ», которые были организованы во всѣхъ почти областяхъ Совѣтскаго Союза.

Съ результатами этого безпримѣрнаго культурнохода мы познакомимся ниже. Сейчасъ же я только вкратцѣ напомнимъ, изъ чего слагалось содержаніе культурной революціи, какъ знамени, съ которымъ Коммунистическая Партія ринулась на штурмъ командныхъ высотъ образованія. Чтобы заставить «пролетаріатъ», который оказался явно неспособнымъ или нежелающимъ воспользоваться предоставленной ему привилегіей «грызть гранитъ

науки», учиться, «классовый отбор» усугубляется в 1929 г. до «классового набора». Отныне учащиеся вузов и техникумы «свербуются», «мобилизуются», «откомандировываются», и в этом же порядке, под ответственностью комсомола и других коммунистических организаций, «комплектуются» кадры готовящихся в профессора аспирантов. В результате, уже к 1931-32 г. «рабочее ядро» в вузах и техникумах возросло до 50%, а в отдельных учебных заведениях и до 75% — против 25% последнего года НЭП-а. Одновременно, очевидно, для того, чтобы сделать возможным всем этим мобилизованным на «фронт учебы» рабочим и коммунистам проходить курс наук, были в 1930 г. отменены все вступительные и курсовые экзамены, так же, как и дипломные проекты. Прием студентов, переходы с курса на курс и выдача им свидетельств об окончании вуза были переданы особым комиссиям, большинство членов которых составляют не профессора, а представители различных коммунистических организаций. Курс обучения в большинстве вузов был сокращен с 4-х до 3-х лет. У высших учебных заведений были отняты последние остатки былой автономии, совет профессоров и должность ректора были упразднены, и во главе высших учебных заведений были поставлены назначенные «директора», которые должны были управлять вузами на основе «единоначалия».

Рука об руку с этим усугублением классового отбора до классового набора шло также

и усугубление профессионализации всей школьной системы. Летом 1930 г. все высшие учебные заведения и техникумы были разбиты на самостоятельные «отраслевые» вузы и техникумы «узкой специальности», при чем однородные специальности различных учебных заведений данного города были объединены вместе и переданы на бюджет и в заведывание соответственных ведомств: химические институты — Всехимпрому, строительные — Союзстрою, медицинские — наркомздравам, институты советского права — наркомюстам союзных республик и т. п. В заведывании и на бюджет Наркомпроса остались одни только педагогические и художественные институты и техникумы, так же, как и «политехническая» четырех- и семилетняя школа. Девятилетняя школа, которая в 1929 г. начала уже разворачиваться в школу десятилетнюю, была, на протяжении всего Союза, сокращена до семилетней, а старшие ее классы превращены в самостоятельные техникумы или фабзавучи. Но даже и «политехническая» семилетняя школа была постольку профессионализирована, поскольку большая часть семилеток была «прикреплена» к соседним заводам или колхозам, отчасти в порядке «шефства», отчасти путем прямой передачи их на бюджет соответствующих хозяйственных организаций, которые были обязаны отчислять на содержание школы определенную долю своей «прибыли». Что касается университетов, то они были точно так же разбиты на ряд отдельных небольших институтов «отраслевого» характера. Только неко-

горые изъ нихъ, какъ напр., Московскій, Ленинградскій и Томскій, сохранили названіе университетовъ. Однако, лишившись большей части своихъ факультетовъ, они превратилсь въ учебныя заведенія, имѣющія своей задачей «подготовку научно-исследовательскихъ кадровъ по физико-механико-математическимъ и геолого-биологическимъ дисциплинамъ». Какъ далеко была проведена эта «узкая специализация», видно хотя бы изъ названія нѣкоторыхъ новыхъ вузовъ, напр., «Институтъ автостроенія» и даже «Институтъ свиноводства». Это «слиянiе школы съ производствомъ» было проведено не только въ организационномъ, но и въ чисто-педагогическомъ отношеніи. Въ высшей школѣ оно привело къ своеобразному «стусованію роли профессора»: лекціи были практически упразднены, и преподаватель превратился въ руководителя такъ назыв. «учебныхъ бригадъ», т. е. группъ учащихся, которымъ онъ въ опредѣленные сроки давалъ общія задания, такъ, что даже контроль работы учащихся происходилъ побригадно. При этомъ задания эти должны были стоять въ тѣсной связи съ «производственной практикой» учащихся (на заводахъ, въ совхозахъ, въ клиникахъ, школахъ и т. п.). Этой производственной практикѣ было придано особое значеніе, и между нею и «теоріей» было установлено даже, какъ обязательное, «временное отношеніе 1:1». Нѣкоторые руководители Наркомпроса говорили даже о возможности отмены студенческихъ стипендій. Студентъ, полагали они, долженъ содержать себя самъ на заработную плату, получаемую

имъ съ мѣста его производственной работы. Этимъ разрѣшалась бы не только трудная задача финансирования количественно чрезвычайно разросшаго высшаго образованія, но получалъ бы также свое осуществленіе принципъ сліянія физическаго и умственнаго труда. Считалось, что, проведенный во время первой пятилѣтки только частично, этотъ коммунистическій принципъ будетъ въ теченіе второй пятилѣтки осуществленъ уже полностью.

Что касается «политицистической» школы, то и здѣсь была проведена радикальная реформа всего преподаванія. Дѣйствующія до сихъ поръ программы были объявлены эклектическими, недостаточно марксистскими и даже «кулацкими». Похороненный, казалось бы, окончательно, «комплексный методъ» возродился вновь, на этотъ разъ однако въ усугубленномъ видѣ «метода проектовъ», который въ 1929-31 гг. былъ провозглашенъ «подлиннымъ совѣтскимъ методомъ преподаванія». «Учеба» окончательно превращается въ разработку учащимся проектовъ, имѣющихъ общественное значеніе, благодаря чему дѣти становятся непосредственными соучастниками великаго социалистическаго строительства. «Общеобразовательный матеріалъ» всецѣло подчиняется здѣсь «производственной и общественной работѣ», съ каковой цѣлью во главѣ отдѣльныхъ школъ и были поставлены въ 1930-31 гг. вмѣсто педагоговъ рабочіе - выдвиженцы.

«Военизация» школы, включеніе ея въ военный аппаратъ милитаризованнаго «отечества трудящихся» составляла послѣднюю черту

«культурной пятилетки», превратившейся изъ плана строительства въ знамя мировой революціи. Прежняя задача коммунистической школы — воспитаніе «активнаго борца за коммунизмъ» — усугубляется нынѣ до подготовки «одиначнаго бойца» разныхъ родовъ оружія (средняя школа) или «средняго команднаго состава запаса Красной арміи» (школа высшая). Отъ одной пятой до одной трети учебнаго времени учащихся отводятся военнымъ наукамъ, военнымъ упражненіямъ и лагернымъ сборамъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ учреждаются спеціальныя кафедры военныхъ наукъ военные кабинеты», а въ среднихъ школахъ штатныя должности преподавателей военныхъ предметовъ и «военные уголки». Больше того: какъ всѣ вузы распределены между отдѣльными отраслями производства, точно такъ же всѣ они распределены и между отдѣльными родами оружія (артиллерійскіе вузы, бронетанковые, военно-химическіе, по подготовкѣ военныхъ пропагандистовъ, военно-санитарные и т. п.), будучи даже, въ отношеніи военной подготовки и учета учащихся, «прикрѣплены» къ соответствующимъ частямъ Красной Арміи. Школа тѣмъ самымъ становится не только составной частью производственнаго процесса, но въ такой же степени и органической частью военнаго аппарата государства.

2.

Практическіе результаты культурнаго похода, на пути котораго на этотъ разъ не стояло ни наследіе царскаго режима, ни гражданская

война, ни голодъ и эпидеміи, превзошли всѣ ожиданія. Въ теченіе двухъ лѣтъ, начиная съ осени 1929 г. до осени 1931 г., совѣтская пресса полна извѣстій о новыхъ и новыхъ успѣхахъ на «фронтѣ учебы». Въ теченіе одного только перваго года культурнаго похода число дѣтей въ дѣтскихъ садахъ почти удвоилось, число учениковъ въ начальной школѣ увеличилось на 1/3, а въ семилѣтней школѣ на 2/3. Число учениковъ въ школахъ крестьянской молодежи утроилось, число студентовъ вузовъ возросло на 42%, а рабочихъ факультетовъ — даже на 135%, число учащихся въ фабзавучахъ увеличилось на 121%, а въ техникумахъ — даже на 152%. Въ теченіе слѣдующаго года число учащихся въ начальной школѣ возросло съ 12,4 до 17,4 милліоновъ, т. е. увеличилось на 5 милліоновъ человекъ, почти на милліонъ больше числа всѣхъ учениковъ начальной школы въ нынѣшней Франціи. «Постановленіе ЦК коммунистической партіи о начальной и средней школѣ» отъ 15 сентября 1931 г. приводитъ даже большія цифры. Согласно ему, число учащихся въ школѣ I и II ступени возросло въ теченіе 1930-31 г. съ 13,5 до 20 милліоновъ. Для техникумовъ и фабзавучей въ томъ же источникѣ приводится цифра въ 1.400.000 учащихся. Соответственно съ этимъ гигантскимъ ростомъ школы ЦК партіи въ сентябрѣ 1931 г. принялъ постановленіе, что «введеніе всеобщаго четырехлѣтняго обученія должно считаться завершеннымъ», и что наркомпросы республикъ Союза должны въ ударномъ порядкѣ приступить къ введенію всеобщаго семилѣтняго обученія.

Всякому, кто не хочет ни заподозривать этих цифръ, ни недооцѣнивать ихъ, невольно напрашиваются два вопроса: какимъ образомъ удалось совѣтской власти за такой короткий срокъ обезпечить свыше 7-ми миллионъ новыхъ школьниковъ помѣщеніями, а также новыми учительскими силами, не говоря уже объ учебныхъ пособіяхъ и учебникахъ? Что касается помѣщеній, то фантастическій ростъ числа школьниковъ привелъ къ положенію, которое всякому западному педагогу покажется также не менѣе фантастическимъ. Изъ повторяющихся почти въ каждомъ номерѣ официального органа московскаго Наркомпроса за 1931 г. однообразныхъ описаній фактическаго положенія дѣла въ начальной школѣ мы приведемъ здѣсь лишь одно, впрочемъ, далеко не наилучшее. Рѣчь идетъ о положеніи дѣла на всемірно извѣстной новостройкѣ «Автострой» около Нижняго Новгорода (нынѣ города Горькаго), заводъ, выпускающемъ ежедневно нѣсколько сотъ автомобилей. «Сельская школа въ деревнѣ Монастыркѣ», пишетъ корреспондентъ журнала, «осталась такой же, какой была 30 лѣтъ назадъ. Только сбоку пристроили два фанерныхъ барака и назвали ихъ мастерскими. Вотъ и все. По жуткой, непролазной грязи изъ дальнихъ концовъ поселка, изъ соцгорода идутъ въ школу дѣти. Утромъ въ девять часовъ, въ полдень, вечеромъ. Три смѣны. 19 группъ. Тула и обратно. — Мы больше ходимъ въ школу, чѣмъ учимся, — говорятъ ребята. Въ переполненномъ до отказа классѣ трудно пройти, не задвѣвъ чего-нибудь. На партѣ по

три - четыре человѣка. Но и это достиженіе, ибо не всѣ ребята могутъ сидѣть на партѣ. Часть ихъ занимается, стоя у стола... Въ разбитое окно врывается вѣтеръ. Холодно. Учитель въ пальто пишетъ отрывкомъ мѣла на желтой отъ времени доскѣ слова» («Комм. Просв.», 1931 г. № 20).

Что таково положеніе на всѣхъ совѣтскихъ новостройкахъ, объ этомъ повѣствуетъ и А. Любимовъ въ своей статьѣ въ «Извѣстіяхъ» (6 сент. 1931), согласно которой въ Магнитогорскѣ, Автостроѣ, Кузнецкостроѣ къ осени 1931 г. не было построено еще ни одной школы, а въ Сталинградостроѣ, Сормово, Хибинахъ, Ленинскѣ и Прокопьевскѣ планъ школьнаго строительства былъ выполненъ только на 25, 18, 36, 5-12 процентовъ противъ рассчитаннаго по первоначальной пятилѣткѣ. Не лучше, наконецъ, положеніе и въ деревнѣ. «Надо посмотреть, — говорить въ одной изъ своихъ рѣчей наркомпросъ А. Бубновъ, — въ какихъ помѣщеніяхъ находятся наши школы въ деревнѣ. Это или кудацкій домъ, или наемное помѣщеніе, или старая церковно-приходская школа, или бывшая земская школа. Новыхъ школъ почти нѣтъ». Въ 1931 - 32 г. положеніе это еще болѣе ухудшилось. По даннымъ официального «Бюллетеня» Московскаго Наркомпроса за 1931 г. къ началу 1931 - 32 уч. г. въ начальной школѣ на одного ученика въ средней школѣ приходилось 5,83 куб. м. въ городахъ и 4,73 куб. м. въ деревняхъ, вмѣсто 23 и 37 куб. м., считающихся нормальными. Даже на новостройкахъ, какъ Магнитострой и Уралмашинстрой, планъ школьнаго строительства и

въ 1931 г. были «сорваны». Отсутствие стекла, гвоздей и кровельного железа не дало возможности докончить начатых постройки. Такъ напр., въ Иваново-промышленной области изъ 33-хъ строящихся школъ ни одна не была къ январю 1931 г. закончена. Даже въ самой Москвѣ, гдѣ за 14 лѣтъ совѣтской власти было построено всего 23 школьных помѣщенія (что считается особенно большимъ достиженіемъ), въ 1930 - 31 году не было выстроено ни одного новаго школьнаго зданія. А между тѣмъ въ столицѣ Совѣтскаго Союза до сихъ поръ еще около 30 процентовъ школьных помѣщеній заняты разными учреждениями и даже частными лицами. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ въ СССР утраченъ всякій критерій нормальнаго и ненормальнаго. Занятія въ три смѣны въ начальной школѣ считаются нынѣ тѣмъ то совершенно естественнымъ, и неоднократные приказы Наркомпроса запрещаютъ лишь занятія дѣтей послѣ 9-ти часовъ вечера. Даже въ «образцовыхъ школахъ», выделяемыхъ въ количествѣ одной на каждый районъ и долженствующихъ служить «лабораторіями для выработки методовъ марксистско-ленинской педагогики», запрещается лишь третья смѣна, занятія же въ двѣ смѣны почитаются уже роскошью.

Не лучше обстояло дѣло и съ обеспеченіемъ непомерно разросшейся школы учительскими кадрами. Расширеніе школьной сѣти въ 1831 г. потребовало, разсказываетъ заместитель Московскаго наркомпроса В. Панфиловъ, 75 тысячъ новыхъ учителей. Педагогические техникумы могли выпустить

въ этомъ году только около 10 тысячъ. Пришлось снизить требованія и брать въ учителя кончившихъ семилѣткі. Но такъ какъ большинство кончившихъ семилѣткі идетъ въ фабзавучи, техникумы, а то и вузы, то пришлось довольствоваться кончившими 5 даже 4 класса семилѣткі, а также кончившими четырехлѣтку, «пропуская ихъ черезъ лѣтніе четырехмѣсячные курсы подготовки учителей». Такъ; «на Средней Волгѣ на 50 съ лишнимъ процентовъ на курсы по подготовкѣ педагоговъ для начальной школы привлекались люди, кончившіе четырехлѣтнюю школу, а продолжительность курса для нихъ была установлена не больше двухъ мѣсяцевъ». Весь 1931 - 32 г. прошелъ подъ знакомъ новаго значительнаго сниженія качества «педкадровъ». Въ этомъ году на двухнедѣльные и мѣсячные курсы по подготовкѣ дошкольных работниковъ массами вербовались лица, только что прошедшія курсы по ликвидациіи безграмотности. Окончаніе четырехлѣткі почитается для будущихъ дошкольницъ не всегда достижимой нормой. «Краткосрочниками» же, окончившими только начальныя четырехлѣтнія школы, наводнены эти послѣднія. На курсахъ по подготовкѣ учителей начальной школы въ 1931 - 32 г. было «по нѣкоторымъ крайямъ и областямъ до 80-ти проц., а въ среднемъ свыше 50 проц. континентовъ съ образованіемъ начальной школы». «Наборъ на курсы учителей I ступени лицъ, окончившихъ школу крестьянской молодежи и фабрично - заводскую семилѣтку, но не моложе 17-ти лѣтъ», — почитается уже идеальной нормой (Бюл-

летень, 1932 г.). При этомъ болѣе опытные и образованные учителя систематически вытѣсняются изъ начальной школы этими новыми «краткосрочниками». Такъ, въ самой Москвѣ въ 1932 г. болѣе трети учителей школы I ступени обладали только начальнымъ образованіемъ. Большую роль играла при этомъ также сознательная политика Наркомпроса. Лучшие преподаватели начальной школы массами переводятся школьными властями въ семилѣтнюю школу, гдѣ нужда въ учителяхъ не менѣе остро даетъ себя чувствовать, или сосредоточиваются въ немногихъ «образцовыхъ школахъ», которыя, согласно постановленію партіи отъ 5 сент. 1931 г., должны быть учреждены въ каждомъ районѣ. Въ итогѣ этой «передвижки», семилѣтняя школа въ свою очередь оказывается заполненной «краткосрочниками» — бывшими учителями начальной школы, «пропущенными» черезъ двухъ- или даже одномѣсячные курсы.

Однако, самая парадоксальная нужда, отъ которой страдаетъ нынѣ совѣтская школа, это недостатокъ въ учащихся, особенно обострившійся въ 1931 - 32 году. Разумѣется, не въ начальной школѣ и не въ дѣтскихъ садахъ, которые по прежнему переполнены, но въ профессиональной школѣ высшаго типа. Мы знаемъ уже, что въ 1930 - 31 г. 1.250 школъ II ступени и старшихъ классовъ девятилѣткі были превращены въ техникумы. Черезъ годъ оказалось, что для этихъ самыхъ техникумовъ недостаетъ учащихся, въ виду «возрастного разрыва», получившихся въ результатѣ блестящихъ успѣховъ по профессіо-

нализаци школы. Въ самомъ дѣлѣ, семилѣтнюю школу дѣти кончаютъ какъ правило 14 и 15-ти лѣтъ, техникумы же принимаютъ молодежь не раньше 16-ти лѣтъ. Къ тому же окончившихъ семилѣтку не хватаетъ даже для заполнения приѣма въ фабзавучи. Пришлось и здѣсь въ 1931 - 32 г. снизить требованія и «вербовать въ техникумы и фабзавучи лицъ, хотя и удовлетворяющихъ возрастному цензу, но не окончившихъ семилѣтку». Появился даже особый, новый типъ школы, такъ назыв. «дозаучъ», задача котораго официально опредѣляется такъ: въ шесть мѣсяцевъ пройти курсъ одного года пятилѣтки. Краткосрочникъ такимъ образомъ вытѣснилъ не только нормального учителя, но и нормального учащагося.

Грандіозный количественный ростъ школы имѣлъ такимъ образомъ своимъ результатомъ столь же громадное пониженіе качества школьнаго дѣла. Начальная школа, на 70 проц. «базирующаяся» на помѣщеніяхъ до-военнаго времени, которыя ухитряются служить въ теченіе трехъ - четырехъ часовъ ежедневно приютомъ для двухъ - трехъ скопищъ дѣтей, школа, въ которой учителями являются ученики этой же самой четырехлѣтней школы, прошедшіе кромѣ нея еще одно или двухмѣсячные курсы, — такова реальная изнанка того, что руководители партіи и Наркомпроса называютъ «завершеніемъ введенія всеобщаго четырехлѣтняго обученія въ первой странѣ, строящей социализмъ». Согласно свидѣтельству наркомпроса А. Бубнова, «сниженіе качества школьнаго преподаванія» достигло свое-

го максимума уже в 1930 - 31 г. По данным, приводимым Бубновым в одной из его рѣчей, «въ послѣднемъ классѣ сельской четырехлѣтки безошибочно пишутъ самую простую диктовку только 4,1% учениковъ, 41,5% пишутъ съ ошибками, но все же удовлетворительно, а 54,4% — совершенно неудовлетворительно». Не лучше обстоятъ дѣло и въ городской школѣ. По даннымъ заместителя наркомпроса М. Эпштейна, изъ 662 окончившихъ въ 1931 году школы фабзавуча Московскаго района смогли рѣшить задачу $X : 8 = 24$ только 49%. М. Эпштейнъ объясняетъ безпримѣрное снижение качества внѣшними причинами: недостаткомъ помѣщений, работой въ три - четыре сдѣла, отсутствіемъ учебныхъ пособій, учебниковъ, самой необходимой мебели и т. д. Безспорно однако, что одной изъ существенныхъ причинъ была въ данномъ случаѣ и педагогика періода пятилѣтки, въ частности теорія отмиранія школы и методъ проектовъ. Фантастическій количественный ростъ школы привелъ на дѣлѣ къ ея отмиранію, хотя и со всѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ терминъ этотъ понималъ В. Шулгинъ.

3.

Признание крушенія культурной пятилѣтки какъ программы школьной политики коммунистической власти содержалось уже въ такъ назыв. «историческомъ» постановленіи ЦК ВКП о начальной и средней школѣ отъ 5 сент. 1931 г., которымъ въ сущности и начался процессъ раздѣлыванія совѣтской властью всего сдѣланнаго за

предыдущіе три года, процессъ возвращенія къ положенію послѣднихъ лѣтъ Импѣри и реставраціи старой школы. Постановленіемъ 5 сент. 1931 г. были отменены сразу, и при томъ въ самомъ началѣ новаго учебнаго года, всѣ учебныя программы эпохи пятилѣтки. Въмѣсто нихъ всѣмъ наркомпросамъ союзныхъ республикъ было предложено немедленно выработать новыя программы, обезпечивъ въ нихъ на этотъ разъ «точно очерченный кругъ систематизированныхъ знаній (родной языкъ, математика, физика, химія, географія, исторія), съ расчетомъ, чтобы съ 1-го января 1932 г. начать преподаваніе по пересмотрѣннымъ программамъ». Одновременно постановленіе предлагало «развернуть рѣшительную борьбу противъ легкомысленнаго методическаго прожектерства, насажденія въ массовомъ масштабѣ методовъ, предварительнаго на практикѣ неопробованныхъ, что особенно ярко въ послѣднее время обнаружилось въ примѣненіи такъ назыв. метода проектовъ». По словамъ постановленія, «вытекавшая изъ антиленинской теоріи «отмиранія школы» попытки положить въ основу всей школьной работѣ такъ назыв. «методъ проектовъ» вели фактически къ разрушенію школы». При этомъ постановленіе уже опредѣленно требовало, чтобы «всѣ общественно-производительный трудъ учащихся былъ подчиненъ учебнымъ и воспитательнымъ цѣлямъ школы».

По утвержденію совѣтской прессы, это сентябрьское постановленіе партіи явилось «побѣдой генеральной линіи партіи въ педагогикѣ», имъ генеральная линія

партін была «выпрямлена»: послѣ разгрома правой оппозиціи въ 1929 году она обратилась теперь противъ «лѣвацкаго» направленія, которое было, въ сущности, ничѣмъ инымъ, какъ «скрытымъ троцкизмомъ» въ педагогикѣ. Расправа съ «лѣваками» была необычайно сурова. Институтъ марксистско-ленинской педагогики, во главѣ котораго стоялъ В. Шульгинъ, подвергся расформированію, методъ проектовъ запрещенію, программа 1929 - 30 г. отменѣнъ, учебники, напечатанные Госиздатомъ согласно этимъ программамъ въ миллионнахъ экземпляровъ, изъяты. Всей педагогической прессѣ былъ данъ приказъ подвергнуть методъ проектовъ и теорію отмиранія школы, такъ же, какъ и теорію школы какъ производственного цеха, самой рѣзкой критикѣ. Тѣ самые журналы, которые еще въ сентябрьскомъ своемъ номерѣ характеризовали методъ проектовъ, какъ высшее достиженіе марксистско - ленинской педагогики, заполнились статьями, направленными противъ него и противъ учебниковъ и книгъ, ему посвященныхъ, — къ величайшему смущенію авторовъ послѣднихъ, большинство которыхъ послѣшило публично отречься отъ своихъ вчерашнихъ заблужденій и заявить о своемъ согласіи съ генеральной линіей партін. Съ разгромомъ правыхъ и лѣвыхъ сошли со сцены всѣ выдающіеся дѣятели совѣтской педагогики: Калашниковъ, Пинкевичъ, Шульгинъ, такъ же, какъ и Блонскій, Шацкій, Пистракъ. Ряппо и Луначарскій вышли въ тиражъ еще ранѣе. М. Покровский лежалъ тяжело больнымъ. Московскій Наркомпросъ оказался въ рукахъ со-

всѣмъ новыхъ людей — А. Бубнова и обоихъ его замѣстителей — Б. Панфилова и М. Эпштейна. Изъ старыхъ дѣятелей пощаженной оказалась одна только М. Крупская: вдовѣ Ленина простили и то, что она первая выдвинула методъ проектовъ и только три мѣсяца тому назадъ напечатала въ своемъ журналѣ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ статей «лѣвака» Шульгина. Сама она быстро примирилась съ выпрямленіемъ генеральной линіи и даже разыскала въ оправданіе его соответствующую цитату изъ Ленина.

Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ судорожныхъ попытокъ, къ которымъ въ теченіе 1931 - 32 г. центральныя школьныя власти были вынуждены прибѣгнуть для того, чтобы удовлетворить требованіямъ новаго курса совѣтской педагогики. Цѣлый годъ прошелъ подъ знакомъ кампаніи «за качество учебны», при чемъ учебныя планы и расписанія были въ теченіе одного только года измѣнены дважды. Только въ концѣ минувшаго учебнаго года появились окончательныя учебныя планы и новыя программы. И въ тѣхъ и другихъ нѣтъ уже и слѣда былыхъ педагогическихъ новшествъ. Они не помышляютъ уже ни объ активныхъ методахъ преподаванія, ни о концентраціи учебнаго матеріала, ни о какихъ-либо другихъ лозунгахъ новаго воспитанія. Возстановленные отдѣльныя учебныя предметы ничѣмъ рѣшительно не соединены между собою и притомъ одинаково какъ на старшей, такъ и на младшей ступени школы. Авторы программъ не потрудились даже «ува-

затѣ программы по математикѣ съ программой по черченію (геометрическія знанія, требуемая программой по черченію 5-го года, даются лишь въ 6-мъ году), физику съ математикой (математическія знанія, предполагаемая программой по физикѣ, даются только въ слѣдующемъ году), не говоря уже о «трудѣ», который существуетъ самъ по себѣ, независимо отъ математики, физики, естествовѣдѣнія. Окончательно и безповоротно введена въ учебные планы всѣхъ школъ исторія, отрицаніе которой еще три года тому назадъ почиталось характерной чертой марксистской педагогики. Она введена какъ особый предметъ въ количествѣ трехъ или четырехъ часовъ въ декаду, за счетъ обществовѣдѣнія, которому отведено только два часа, а въ 7-мъ и 8-мъ году обученія не отведено даже ни одного часа. Наряду съ обществовѣдѣніемъ сильно сокращена также «нагрузка» учащихся всѣми видами общественной работы, нынѣ строго регламентированная. До минимума сокращены также всѣ собранія учащихся. Каждый ученикъ имѣетъ право впредь занимать только одну должность въ школьной или пионерской организаціи.

Качество «учебы» — вотъ лозунгъ послѣдней фазы коммунистической педагогики. Ученіе есть тоже трудъ, и притомъ трудъ весьма напряженный, требующій большой дисциплины ума и тѣла. Трудъ этотъ — особый трудъ, отличный отъ «производственной работы». Таковы новѣйшія открытія совѣтской педагогики. Уничтоженіе противоположности между умственнымъ и физическимъ

трудомъ признается сейчасъ «лѣвацкимъ загибомъ». Противоположность эта, оказывается, будетъ существовать и въ социалистическомъ обществѣ, даже во время второй пятилѣтки, несмотря на то, что во время второй пятилѣтки будутъ уже ликвидированы остатки дѣленія на классы и «вполнѣ устранена противоположность между городомъ и деревней». Практически это значитъ, что «учеба» должна быть оторвана отъ «производства», что студенты и ученики должны учиться, а не «работать», учиться возможно скорѣе и прилежнѣе, чтобы «собогатить свою память» (по Ленину) содержаніемъ учебниковъ.

Въ изданномъ уже въ началѣ текущаго учебнаго года (25 августа 1932 г.) новымъ постановленіемъ партіи о средней и высшей школѣ всѣ эти реставраціонныя тенденціи получаютъ свое завершеніе. Въ немъ мы не находимъ уже никакихъ попытокъ прикрыть реставрацію старой школы. Постановленіе это упраздняетъ послѣдніе остатки (и даже самое наименование) активныхъ методовъ, сохранившіеся еще въ школѣ послѣ ликвидаціи метода проектовъ въ видѣ т. наз. «бриганаго метода». Всякаго рода «звенья» и «бригады» учащихся, которымъ учитель задавалъ совмѣстную проработку какого-нибудь одного вопроса, отиѣняются. Въ высшей школѣ возстанавливаются лекціи, а въ начальной и средней — урокъ. «Основной формой организаціи учебной работы въ начальной и средней школѣ долженъ являться урокъ данной группы учащихся, со строго определеннымъ расписаніемъ занятій и

твердымъ составомъ учащихся. Преподаватель обязанъ систематически, послѣдовательно излагать преподаваемую ему дисциплину, всемерно приучая дѣтей къ работѣ надъ учебникомъ и книгой, къ различнаго рода самостоятельнымъ письменнымъ работамъ, къ работѣ въ кабинетѣ, въ лабораторіи, въ учебной мастерской, и широко примѣняя, наряду съ этими основными методами, различнаго рода демонстраціи опытовъ и приборовъ, экскурсіи (на заводы, въ музеи, въ поле, въ лѣсъ и т. п.). «Въ основу учета школьной работы долженъ быть положенъ текущій индивидуальный, систематически проводимый учетъ знаній учащихся. Считать необходимымъ установленіе въ концѣ года проверочныхъ испытаний для всѣхъ учащихся. Этому послѣднему достиженію коммунистической педагогики, заключающемуся въ восстановленіи отбитокъ и ежегодныхъ экзаменовъ, воплоти соотвѣтствуетъ также пониманіе школьной дисциплины. О самоуправленіи учащихся и школьныхъ организаціяхъ самихъ дѣтей въ послѣднемъ постановленіи нѣтъ уже рѣчи. Еще въ одномъ пунктѣ послѣднее постановленіе ЦКъ дѣлаетъ серьезный шагъ впередъ по пути восстановленія положенія, бывшаго до пятилѣтки, рѣшивъ «приступить, начиная съ 1932 - 33 уч. г., къ реконструкціи семилѣтней политехнической школы въ десятилѣтнюю». Такимъ образомъ послѣдній, завершающій годъ пятилѣтки заканчивается въ области школьной политики тѣмъ, что ЦКъ Компартіи восстанавливаетъ структуру школьной системы, какъ она намѣчалась къ концу Нэпа, сво-

дя на смарку все то, о чемъ въ теченіе двухъ лѣтъ совѣтская пресса говорила какъ о достиженияхъ эпохи пятилѣтки.

Въ области высшей школы эта реставраціонная тенденція послѣдней фазы совѣтской школьной политики получила особенно рѣзкое выраженіе. И здѣсь грандіозный количественный ростъ привелъ къ такому снижению качества, что самое существованіе высшей школы было подвергнуто угрозѣ. Въ результатѣ реформы 1930 г. число вузовъ въ Совѣтскомъ Союзѣ возросло въ теченіе одного только года съ 151 до 537. Откуда было взять преподавателей для всей этой массы учебныхъ заведеній? При самомъ скромномъ расчетѣ ежегодная потребность въ преподавателяхъ для вузовъ превышала тысячу человекъ, не считая потребностей научныхъ институтовъ, заводскихъ лабораторій и т. д. Для реформированныхъ вузовъ съ ихъ трехлѣтнимъ учебнымъ планомъ, имѣющимъ цѣлью своей «подготовку инженеровъ узкой спеціальности», къ тому же наполовину занятымъ «производительной работой», а не «теоріей», эта задача подготовки высоко квалифицированныхъ научныхъ работниковъ была явно не по силамъ. Изъ двухъ проектовъ — созданіе совершенно новыхъ «сверхвузовъ» и восстановленіе университетовъ, — остановились въ концѣ концовъ на послѣднемъ, и въ теченіе 1931 г. рядъ закрытыхъ университетовъ были восстановлены. Въ настоящее время въ РСФСР имѣются снова 12 университетовъ: Московскій, Ленинградскій, Казанскій, Томскій, Воронежскій, Саратовскій, Пермскій, Свердловскій (Екатеринбургъ), Нижнего-

родский, Восточно-сибирский (Иркутск), Дальневосточный (Владивосток) и Северокавказский (Ростов - на - Дону), къ которымъ слѣдуетъ присоединить еще въ другихъ республикахъ Минский, Ташкентский и Тифлисский. Только на Украинѣ до сихъ поръ нѣтъ еще университетовъ. Однако послѣдній декретъ союзнаго правительства отъ 20 сент. 1932 г. предписываетъ восстановление ихъ и въ этой твердынѣ «профессионализма».

Правда, все это еще не университеты въ западно - европейскомъ смыслѣ. Пока что это только естественно - научные факультеты, задача которыхъ «подготовка научно - изслѣдовательскихъ кадровъ по естественно - научнымъ и физико - математическимъ специальностямъ». Однако послѣдній, уже упомянутый выше декретъ говорить о томъ, что университеты должны заняться также образованіемъ педагоговъ, и что, слѣдовательно, они должны включить въ себя также философскія, историческія и лингвистическія дисциплины. Что касается техническихъ высшихъ учебныхъ заведеній, то декретъ этотъ рекомендуетъ соединеніе «карликовыхъ вузовъ» въ большія учебныя заведенія, а также созданіе особой Инженерной Академіи для подготовки высоко квалифицированныхъ инженеровъ. Болѣе того: совѣтскія власти приходятъ сейчасъ къ выводу о необходимости восстановления въ высшей школѣ начала единства изслѣдованія и преподаванія, еще недавно почтававшегося буржуазнымъ. Наука, говорится теперь, не можетъ быть растворена въ производствѣ. Тогда какъ въ техническихъ учеб-

ныхъ заведеніяхъ, заявляетъ нынѣ ГУС (резолюція, утвержденная Наркомпросомъ 17 іюля 1932 г.), «специализація основана на техническомъ раздѣленіи труда, въ университетѣ она основана на раздѣленіи труда по основнымъ научнымъ проблемамъ». Поэтому научно - изслѣдовательскіе институты должны быть возвращены университетамъ, а профессорамъ должна быть обеспечена возможность заниматься наукой, и они должны даже премириваться за научные труды.

Этимъ довольно таки «буржуазнымъ» истинамъ о сущности университета какъ научнаго учрежденія, осуществляющаго единство изслѣдованія и преподаванія, соответствуютъ такія же открытія и въ области методики высшаго образованія. Поступающіе въ университеты студенты, говорить въ той же резолюціи ГУС, должны имѣть достаточную подготовку. Стремленіе превратить студентовъ въ учащихся проходить вообще красной нитью черезъ всѣ постановленія Наркомпроса за послѣдній годъ. Послѣдній декретъ устанавливаетъ вступительные экзамены, и притомъ для всѣхъ рѣшительно кандидатовъ, въ томъ числѣ и для кончившихъ рабфаки и техникумы. Какъ въ средней школѣ, такъ и въ университетѣ устанавливается строгое расписаніе, регистрація посѣщенія занятій студентами, «индивидуальный учетъ занятій каждаго студента» и «повышеніе роли профессорско - преподавательскаго состава». Отмѣняется въ связи съ этимъ и «бригадный методъ», этотъ плодъ «методическаго просжектерства и лѣвацкихъ извращеній партійныхъ директивъ въ области методики высшей шко-

ды», и профессорамъ вѣняется въ обязанность «систематическое и связанное изложеніе студентамъ основъ соответствующихъ дисциплинъ». Съ возобновленіемъ лекцій вводятся вновь экзамены, представляемые на двѣ сессіи, въ началѣ и концѣ учебнаго года. Всѣ «коллективные зачеты» запрещаются, и на преподавателей возлагается «ответственность за учетъ работы студентовъ». Возстанавливаются дипломныя работы и дипломные проекты, обязательные нынѣ для всѣхъ студентовъ, наконецъ, регламентируется и сокращается также и «общественная нагрузка» учащихся. Она «не должна превышать восьми часовъ въ декаду», и на каждого студента можетъ быть возложена только одна общественная должность, въ учебные же часы всякаго рода собранія и засѣданія студентовъ запрещаются. Студенты и преподаватели освобождаются «отъ мобилизаціи на всякаго рода хозяйственно - политическія кампаніи».

Не менѣ суровыя мѣры вводятся и въ отношеніи аспирантовъ: «общественная и педагогическая нагрузка сокращается до минимума, они освобождаются отъ звѣдыванія кафедрами» (явленіе, имѣвшее мѣсто во многихъ провинціальныхъ университетахъ), «прикрѣпляются къ профессорамъ по специальности», подвергаются трехмѣсячному испытательному стажу, обязуются давать регулярный отчетъ о своихъ занятіяхъ. Послѣдній декретъ поднимаетъ даже вопросъ о возобновленіи ученыхъ степеней, отмененныхъ въ самомъ началѣ революціи, робко возобновленныхъ было въ эпоху расцвѣта Нэпа и

вновь отмененныхъ за время пятилѣтки. Профессорскія кафедры должны впредь замѣщаться на основаніи конкурса изъ лицъ, имѣющихъ профессорское званіе. Положеніе, очевидно, до того обострилось, что по отношенію къ студентамъ, какъ и по отношенію къ аспирантамъ, ослабляется даже классовый отборъ. По крайней мѣрѣ, дѣти «инженерно-техническихъ работниковъ и работниковъ просвѣщенія, научныхъ работниковъ и спеціалистовъ, литераторовъ и художниковъ», т. е. большинства интеллигенціи, приравниваются нынѣ при пріемѣ въ студенты и аспиранты къ «рабочимъ и дѣтямъ рабочихъ, военнослужащихъ и сотрудниковъ ОГПУ, дѣтямъ членовъ Общества политкаторжанъ, героевъ труда и другихъ категорій новой аристократіи».

Таковъ итогъ послѣдняго учебнаго года пятилѣтки. Высшая школа, какъ и вся школьная система въ цѣломъ, сейчасъ вновь вступила въ процессъ рѣшительной перестройки, которая нынѣ происходитъ подъ знакомъ уже ничѣмъ неприкрытой реставраціи стараго. Придется ли эта реставрація къ реальному возобновленію разрушеннаго организма русской школы? Врядъ ли, если за школьнымъ Нэпомъ не послѣдуетъ и Нэпа хозяйственнаго. Къ тому же всѣ тѣ социальныя силы — хозяйственники, крестьянство, учительство, — которыя въ 1925-28 гг. вынесли на своихъ плечахъ процессъ возобновленія русской школы, нынѣ разбиты и не только не склонны, но и не способны къ проявленію какой бы то ни было инициативы. Не будучи,

какъ таковая, еще залогомъ восстановления русской школы въ будущемъ, объявленная реставрація есть пока что лишь официальное признаніе полной неудачи, достиг-

шей пятилѣтку на одномъ изъ самыхъ важныхъ ея фронтовъ, на фронтѣ культурномъ.

С. I. Гессенъ.

Взлетъ и распадъ Совѣтскаго плановаго хозяйства.

I. Достиженія плановаго хозяйства.

Укороченный періодъ «пятилѣтки» законченъ. Вторая «пятилѣтка», директивы къ составленію коей были съ такой помпой опубликованы еще въ январѣ прошлаго года и усиленно обсуждались еще вплоть до осени, вдругъ стала не актуальной. Ея окончательная переработка передана въ Академію Наукъ, а председателемъ соотвѣтствующей комиссіи назначенъ какъ разъ самый выдающійся представитель праваго уклона, на которомъ столько собакъ вѣшаютъ, Бухаринъ; дѣло это, очевидно, во истину стало академическимъ. Надо полагать, что вторая «пятилѣтка» никогда не будетъ опубликована, а если она будетъ опубликована, то не въ серьеузъ, а только для виду.

Сейчасъ не имѣетъ смысла задаваться большими цѣлями на долгіе годы, когда тотъ инструментъ, съ помощью котораго большевики хорошо или плохо работали, — плановое хозяйство, пригнулся, онъ не дѣйствуетъ больше. Дай Богъ кое-какъ закончить хотя-бы часть тѣхъ грандіозныхъ строекъ, которыя начаты, но отъ своего завершения очень далеки. «Пятилѣтка» отходить въ исторію.

Въ настоящее время не имѣется еще достаточныхъ матеріаловъ, чтобы дать исчерпывающую количественную оцѣнку той великой экономической революціи, которую Россія продѣлала за истекшіе четыре года. У насъ имѣются совершенно недостаточныя данныя какъ разъ по самому важному вопросу — касательно результатовъ строительства. Къ моменту заключенія «пятилѣтки» совѣтской власти, очевидно, неудобно признаться въ томъ, что значительной, едва-ли не большей части строекъ закончить не удалось, и поэтому она по этому вопросу не печатаетъ сводокъ.

Другое затрудненіе для оцѣнки «пятилѣтки» создаетъ состояніе совѣтской сельско-хозяйственной статистики. Статистика посѣвовъ и урожаявъ — дѣло, вообще, трудное, а въ условіяхъ малокультурной страны, находящейся при томъ подъ рожимомъ жестокой диктатуры, сугубо трудное. Однако, совѣтская статистика посѣвовъ и урожаявъ настолько расходится съ картиной продовольственнаго положенія деревни и статистика хлѣбозаготовокъ настолько расходится съ картиной продовольственнаго положенія городовъ, что приходится признаться, что, если теперешнее ЦСУ само не фальсифи-

цирует своих цифрь, то оно, по видимому, предоставляет большія возможности это дѣлать своимъ мѣстнымъ органамъ *)

Однако, для тѣхъ, кто изо дня въ день слѣдитъ хотя-бы по прошедшей всѣ цензуры совѣтской прессѣ за развитіемъ русскаго хозяйства, качественная оцѣнка результатовъ «пятилѣтки» является вполне возможной.

Когда пятилѣтній планъ былъ опубликованъ, то не только зарубежная печать, но даже благорасположенные къ совѣтской власти иностранцы отнеслись къ нему несерьезно. Этотъ скептицизмъ эмиграціи и иностранцевъ былъ чрезмернымъ. Пусть тѣ цѣли, которыми задавался пятилѣтній планъ, были не осуществимы, но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что пятилѣтній планъ былъ просто большевистскимъ блефомъ. Бѣда въ томъ, что и эмигранты, и иностранцы мѣряютъ коммуни-

*) Впрочемъ иногда истина скандально выльзаетъ и изъ совѣтскихъ матеріаловъ. На XVI-ой партійной конференціи лѣтомъ 1930 г., когда рѣшался вопросъ о коллективизаціи крестьянства, Сталинъ и Наркомъ Земледѣлія Яковлевъ заявили, что въ связи съ коллективизаціей площадь яровыхъ полей возросла весной 1930 г. на 7%. Но изъ «Статистическ. справочника», опубликованнаго спустя 2 года, можно усмотрѣть, что означенной весной произошло не возрастаніе посѣвной площади яровыхъ на 7%, а ихъ сокращеніе на 2,2%. Въ абсолютныхъ цифрахъ это составляетъ ошибку въ 8 милл., которая представляется чрезмерной и для теперешняго ЦСУ.

стическое государство буржуазнымъ аршиномъ. И тѣ и другіе упускаютъ изъ виду, что правительственная власть въ коммунистическомъ государствѣ несравненно могущественнѣе, чѣмъ въ буржуазномъ государствѣ. Коммунистическая власть можетъ себѣ серьезно ставить такія задачи, которыя буржуазная себѣ, вообще, и ставить не можетъ. Къ какимъ результатамъ приводятъ грандіозные опыты коммунистическаго строительства, это особый вопросъ, но къ такого рода опытамъ надо во всякомъ случаѣ относиться серьезно.

Когда большевики съ присущей имъ громадной энергіей принялись за строительство индустрии и порядочно продвинулись по этому пути, скептицизмъ смѣнился удивленіемъ и даже восторгомъ. И этотъ восторгъ передъ коммунистическимъ строительствомъ, какъ извѣстно, захватилъ не только буржуазные круги за-границей, но и широкіе круги эмиграціи.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что, хотя громадныя работы еще не додѣланы и, вѣроятно, не будутъ додѣланы, все-же и исполненное является грандіознымъ, превосходящимъ все, что можно было ожидать при появленіи на свѣтъ пятилѣтняго плана. Такого размаха индустриальнаго строительства никто не могъ ожидать. Дяблпрогэзъ есть величайшая электрическая станція въ Европѣ; такой громадной фабрики сельскохозяйственныхъ машинъ, какъ Сельмашстрой въ Ростовѣ на-Дону, тоже нѣтъ въ Европѣ, и такія огромныя фабрики тракторовъ и автомобилей, какія выстроены въ Россіи, имѣются только въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кажется, сейчас уже нѣтъ такихъ сложныхъ машинъ, которыя бы не производились въ Россіи: и ткацкіе станки, и турбо-генераторы, и динамо-машины, и аэропланы, и комбайны, и блюминги. Съ другой стороны, въ то время какъ прежде промышленность сосредоточивалась почти только въ трехъ районахъ: въ Московскомъ, Петербургскомъ и Донецкомъ, теперь дѣло обстоитъ иначе. Конечно, промышленность и въ старыхъ центрахъ развивается въ стремительномъ темпѣ (и вѣроятно, въ этихъ районахъ оно хозяйственно болѣе обосновано), но, вообще, строительство индустрии идетъ по всей странѣ. Нѣтъ такого медвѣжьяго угла въ Россіи, въ которомъ не затѣвались бы тѣ или другія, подчасъ весьма крупныя, предпріятія. За полярнымъ кругомъ, на Мурманѣ, въ только что развѣданныхъ Хибинскихъ горахъ выстроена громадная фабрика обогащенія апатитовъ (для получения фосфорныхъ удобрений), въ глубинѣ Киргизскихъ степей, въ Карагандѣ, заново создана значительная угольная промышленность, на берегахъ пустынного озера Балхашъ строится (боюсь, что не достроится) громадный мѣдно-плавильный заводъ, на Сахалинѣ со-

здана изрядная нефтяная промышленность, сибирскій лѣсъ сплавляется по Енисею и съ помощью ледоколовъ и подъ наблюдениемъ аэроплановъ везется черезъ Карское море въ Англію и т. д., и т. д. Рыхлую Россію съ ея частью еще полудикими народами тормозить со всѣхъ концовъ и будить изъ вѣкового сна.

И все это дѣлается въ бѣдной Россіи, едва-едва оправившейся отъ міровой и гражданской войны и отъ голодной катастрофы 1921 - 22 г. И все это дѣлается собственными средствами, ибо, хотя иностранные кредиты имѣютъ для совѣтской власти крупное значеніе, но они не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи съ размѣрами уже сдѣланныхъ инвестиций.

Итакъ, громадное строительство совершается на пространствѣ шестой части суши. И какъ будто бы имѣются и кое-какіе результаты этого опыта созданія въ стремительномъ темпѣ новой тяжелой индустрии. Производительность тяжелой индустрии несомнѣнно быстро растетъ. Вотъ нѣкоторыя цифры въ натуральномъ выраженіи, которыя не возбуждаютъ большихъ сомнѣній и иллюстрируютъ сказанное:

ПРОИЗВЕДЕНО	МИЛЛІОНЫ ТОННЪ				Производство 1932 г. въ %		
	1913 г.	1927/8 г.	1932 г. *)	Планъ 1932	1913 г.	1927/8 г.	Плана 1932 г.
Угля	28,9	35,4	62,3	90,1	216	176	69
Нефти	9,3	11,8	22,0	27,4	237	186	80
Чугуна	4,2	3,3	6,1	9,0	145	185	68
Стали	4,2	4,2	5,9	9,5	140	140	62
Проната	3,5	3,3	4,2	6,6	120	127	64
Ж.-дор. перевозки.	132,4	150,6	290,6	320,0	219	193	91

*) Цифры предварительныя.

Если сравнить результаты 1932 года съ планомъ на тотъ-же годъ, то оказывается, что угля добыто на 30% меньше плана, нефти на 20% меньше плана, а съ чернымъ металломъ дѣло обстоитъ еще менѣе благополучно: чугуна добыто на 1/3 меньше предположенного, выплавка-же стали и проката отстаетъ еще сильнѣе отъ плана, чѣмъ выплавка чугуна. Но если сравнить продукцію тяжелой индустрии съ продукціей 1913-го года, или съ продукціей 1927 - 28 года, предшествовавшего пятилѣткѣ, ростъ оказывается весьма значительнымъ, въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства едва-ли когда-либо наблюдавшимся: за четыре года производство угля возросло на 75%, нефти на 85%, чугуна на 85%. Только ростъ производства стали и проката сильно отстаетъ отъ роста производства чугуна, являясь «узкимъ мѣстомъ» въ совѣтскомъ хозяйствѣ.

Тотъ, кто склоненъ къ отрицательной оцѣнкѣ коммунистическаго строительства, будетъ подчеркивать невыполненіе плановъ; тотъ, кто склоненъ къ его положительной оцѣнкѣ, будетъ подчеркивать ростъ производства по сравненію съ годомъ, предшествовавшимъ пятилѣткѣ. Какъ я уже писалъ въ статьѣ «Судьбы пятилѣтки», я не могу присоединиться къ тѣмъ, которые готовы усмотрѣть провалъ пятилѣтки въ томъ, что темпы не выдерживаются. Если бы «пятилѣтка» была болѣе или менѣе гармонично выполнена не въ 4 и не въ 5 лѣтъ, а въ 10 лѣтъ примѣрно на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она была запроецирована, то я бы къ зоидамъ не присоединился, а

сталъ ея пиндаромъ. Я считалъ-бы это достиженіемъ мірового значенія.

II. Языы плановаго хозяйства.

Бѣда въ томъ, что, несмотря на стремительный ростъ производства тяжелой индустрии, въ общемъ картина русско-экономической дѣйствительности совершенно не похожа на ту, которую обѣщали составители плана. При заключеніи пятилѣтки реальный доходъ на голову населенія долженъ былъ возрасти на 2/3, въ дѣйствительности-же строительство пятилѣтки сопровождалось неизмѣннымъ ухудшеніемъ экономическаго положенія населенія, и въ концѣ концовъ оно оказалось ввергнутымъ въ пучину такихъ бѣдствій, какихъ оно со времени «военнаго коммунизма» не переживало. Но вѣдь народъ существовать не для того, чтобы строить заводы и копать уголь, а, наоборотъ, заводы строить и копать уголь, чтобы народу легче жилось.

Въ связи съ этимъ въ эмиграціи довольно широко распространено и такое мнѣніе, что пятилѣтка затѣяна была исключительно для милитаристскихъ цѣлей, а непосредственнымъ интересомъ населенія она въ дѣйствительности и не должна была служить*). Въ

*) Въ рѣчи Сталина на январскомъ Пленумѣ многіе усмотрѣть подтвержденіе указанной оцѣнки пятилѣтки. Въ дѣйствительности мы въ рѣчи Сталина имѣемъ новую попытку свалить съ себя отвѣтственность за экономическую катастрофу на военныя условія. Но если катастрофу 1921 г. нель-

отличіе отъ стараго режима, коммунистическое правительство совершенно отчетливо сознаетъ, что предпосылкой его военной мощи является развитая индустрія. И конечно, однимъ изъ важныхъ мотивовъ пятилѣтки является укрѣпленіе военной мощи и совѣтской власти. Однако, задачи совѣтскаго строительства гораздо обширнѣе, чѣмъ онѣ были-бы, если-бы оно было продиктовано исключительно военными нуждами. Въ дѣйствительности пятилѣтка должна была показать всему міру, что не капитализмъ, а социализмъ ведетъ населеніе къ сытому и счастливому житію. Если-же пятилѣтка, потребовавъ отъ населенія колоссальнаго напряженія силъ, въ концѣ концовъ привела его въ бѣдственное состояніе, то это показываетъ, что во всемъ коммунистическомъ хозяйствованіи имѣются какіе-то глубокіе внутренніе дефекты, которые дѣлаютъ его какъ-то несоотнositельнымъ реальнымъ потребностямъ населенія.

Бѣда апологетовъ большевистскаго строительства заключается въ томъ, что они, подобно самимъ большевикамъ, мыслятъ хозяйство чисто внѣшне, технически, между тѣмъ какъ народное хозяйство есть организація для удовлетворенія потребностей народа, и только съ этой точки зрѣнія оно можетъ подлежать оцѣнкѣ.

Цѣнность каждой хозяйственной организаціи опредѣляется существующимъ въ ней соотноше-

нѣемъ между затратами и получаемыми результатами. Однако, у социалистовъ не всегда бываетъ ясное сознаніе того, что основной хозяйственный принципъ о правильномъ соотношеніи между затратами и результатами обязателенъ для всякаго хозяйства, которое заслуживаетъ этого названія, а слѣдовательно и для социалистическаго. Правда, рентабельность есть понятіе капиталистическое, и къ социализму какъ бы отношенія не имѣтъ. Въ дѣйствительности-же рентабельность является лишь выраженіемъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ общаго хозяйственнаго принципа. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ всѣ средства производства, и въ частности трудъ, оцѣнены въ соотвѣтствіи съ общимъ состояніемъ народнаго хозяйства, и предприниматель, который позволитъ себѣ такъ использовать средства производства, что полученнымъ продуктомъ ихъ народнохозяйственная оцѣнка не оплатится, называется раззореніемъ, т. е. потерей своей социальной позиціи.

Въ совѣтскомъ хозяйствѣ, гдѣ вся хозяйственная отвѣтственность перекладывается на широкія плечи всего общества, могутъ длительно существовать и опредѣленно убыточныя предпріятія. Но это едва-ли является его преимуществомъ. Убытки остаются убытками, и если они накапливаются во многихъ предпріятіяхъ, то это обозначаетъ собою пониженіе національнаго дохода. Поэтому хозяйственный расчетъ при социализмѣ, столь же необходимъ, какъ и при капитализмѣ. Нѣтъ, его функций въ первомъ случаѣ даже важнѣе, чѣмъ во второмъ. Въ концѣ концовъ

зая было цѣлкомъ объяснить условіями войны, то теперешнюю катастрофу уже навѣрно нельзя объяснить условіями подготовкы къ войнѣ.

капиталистъ можетъ и не нести никакого счетоводства; все равно все, что онъ получаетъ, въ народномъ хозяйствѣ оцѣнено, и «не уйдетъ отъ суда людского», — за безхозяйственность онъ заплатитъ разореніемъ. Другое дѣло въ совѣтскомъ хозяйствѣ: руководитель социалистическаго предприятия можетъ себѣ позволить роскошь вести дѣло безхозяйственно, — ему отъ этого горюшка мало. Такимъ образомъ, хозяйственный расчетъ необходимъ въ социализмъ въ сугубой мѣрѣ. А таковой возможенъ только въ деньгахъ, но невозможенъ ни въ натуральной формѣ, ни въ трудовыхъ единицахъ*).

Хотя большевики на горькомъ опытѣ имѣли возможность убѣдиться въ непреложности этихъ экономическихъ истинъ, тѣмъ не менѣе уровень хозяйственности ихъ предприятий очень низокъ.

Если уровень хозяйственности былъ не высокъ въ большевистскомъ хозяйствѣ и до пятилѣтки, то погоня за исполненіемъ перенапряженныхъ плановъ подъ «пяtilѣткой» погрузила большевистское хозяйство (если оно, вообще, еще такое имя заслуживаетъ) въ разливанное море безхозяйственности. Въ связи съ инфляціей самый хозяйственный расчетъ къ началу 1931 г. совершенно атрофировался, и несмотря на всѣ усилія совѣтской власти, до сихъ еще лишь частью возстановленъ.

Что касается новаго большевистскаго строительства, то это

апогей безхозяйственности. Рентабельность самыхъ крупныхъ предприятий не обоснована, не вычислена. Возьмемъ, напр., колосъ новой металлургии — Магнитогорскъ. Развѣ до войны о существованіи Магнитной горы съ ея цѣнными рудами не знали?! Конечно, знали. Тамъ даже уже имѣлись небольшіе заводы, работавшіе на древесномъ углѣ. Но никто не рѣшался построить большой заводъ, который долженъ былъ бы снабжаться каменнымъ углемъ за тридцать земель, за 2.400 килом. изъ Кузнецкаго бассейна. Но большевики этого не боялись, и если-бы Магнитогорскъ былъ когда-нибудь полностью готовъ, то ежедневно должны были-бы прибывать 10 поездовъ изъ Кузнецка для его снабженія углемъ. Между тѣмъ на свѣтѣ нѣтъ такого случая, чтобы домы снабжались углемъ, подвозимымъ по сухому пути за тысячи километровъ. Такъ обстоитъ съ центральнымъ металлургическимъ предприятиемъ всей пятилѣтки.

Другой особенностью этого строительства является его дороговизна. «Мы строимъ чохомъ», сказалъ Орджоникидзе въ февралѣ 1931 г., въ бытность его председателемъ РКИ, т. е. безъ плановъ и безъ смѣтъ. Можно себѣ представить, во что такое строительство «чихомъ» влетаетъ.

Что касается текушаго производства, то погоня за исполненіемъ перенапряженныхъ плановъ приводитъ здѣсь къ рѣзкому пониженію и до того не высокаго качества большевистской продукціи, къ массовому производству брака. Это безхозяйственность съ другого конца, ведущая къ пониженію результатовъ производства.

*) Подробнѣе объ этомъ въ моей книгѣ: «Социалистическое хозяйство. Теоретическія мысли по поводу русскаго опыта». Берлинъ, 1923.

Между тѣмъ безхозяйственность въ тяжелой индустриі является сугубо опасной, ибо отъ добычи сырья до получения предметовъ потребления производственный процессъ долженъ пройти черезъ рядъ стадій, и безхозяйственность въ каждой изъ этихъ стадій можетъ сдѣлать весь производственный процессъ бессмысленнымъ. Изъ дорогого и плохого угля и изъ дорогой и плохой руды производится дорогой и плохой чугунъ, изъ дорогого и плохого чугуна получается дорогая и плохая сталь, изъ дорогой и плохой стали получаютъ дорогую и плохія машины, которыя будутъ въ работѣ быстро портиться и бросаться въ ломъ. Такого рода характеристикъ совѣтскаго производства, даваемыхъ компетентными инстанціями, можно найти въ совѣтской прессѣ сколько угодно. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ такія производства существовать не могутъ, но въ монополистическомъ совѣтскомъ хозяйствѣ они могутъ существовать, имъ можно даже дѣлать рекламу, и не только обывателямъ, но и иные «экономисты» будутъ говорить о необыкновенномъ «ростѣ производительныхъ силъ страны».

На что-же надѣялись большевики, берясь за осуществленіе перенапряженныхъ плановъ? Ихъ главный расчетъ былъ на перенесеніе высокой американской техники на русскую почву. Но и эта идея принципиально ложная. Техника не подлежитъ абсолютированію. Техника, которая подходит для страны, богатой капиталами съ дорогими, но зато высоко квалифицированнымъ рабочимъ, подчасъ совсѣмъ не подходит для страны, бѣдной капи-

талами, имѣющей большіе избытки рабочихъ рукъ и располагающей въ связи съ этимъ дешевымъ трудомъ, но зато низкой квалификаціи. И на каждомъ шагу большевикамъ приходится въ этомъ убѣждаться. На заводахъ, оборудованныхъ по послѣднему слову техники, стоимость производства оказывается выше, чѣмъ на старыхъ примитивно оборудованныхъ заводахъ. Фабрики, оборудованныя прекрасными новыми машинами, даютъ сплошной бракъ, и машины ихъ такъ скоро портятся, что фабрики приходится скоро приостановить.

Но все большевистское хозяйство основывается еще на одномъ чрезвычайно вредномъ принципѣ, — большевистское хозяйство не начисляетъ процентовъ. Необходимо однако осознать значеніе начисленія процентовъ на капиталъ въ механизмѣ капиталистическаго хозяйства. Всякое народное хозяйство располагаетъ капиталомъ въ ограниченномъ количествѣ, между тѣмъ какъ спросъ на него безграниченъ. Съ помощью начисленія процента на капиталъ производится подборъ тѣхъ способовъ использованія капитала, которые въ данныхъ условіяхъ являются болѣе состоятельными, болѣе производительными. Если такъ, то можетъ-ли социалистическое хозяйство безъ ущерба отказаться отъ начисленія процентовъ? Большевики думаютъ, что можетъ, но они ошибаются.

Выстроены Днѣпрогѣзъ, и большевики ему дѣлаютъ громадную рекламу. Нельзя отрицать, что съ технической точки зрѣнія Днѣпрогѣзъ есть крупное достиженіе. Однако, если-бы акціонерное общество въ предѣлахъ капитали-

стического хозяйства создало Днѣпрогѣзъ, то оно было-бы раззорено; ухлопали громадный капиталъ, а между тѣмъ потребителей энергіи совсѣмъ нѣтъ, и должны пройти долгіе годы, пока они появятся. Акціонерное общество можетъ строить Днѣпрогѣзъ лишь при условіи одновременнаго возведенія могущихъ потреблять его энергію фабрикъ. Какой-же порядокъ болѣе соответствуетъ интересамъ народнаго хозяйства, тотъ ли, который считаетъ возведеніе Днѣпрогѣза великимъ достиженіемъ, или тотъ, который признаетъ его ошибкой и наказываетъ соответствующихъ предпринимателей раззореніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не трудно дать на опытѣ того-же большевистскаго хозяйства.

Достаточно прочитать описанія жилищныхъ условій на горныхъ промыслахъ, на лѣсныхъ разработкахъ, на новыхъ стройкахъ. Рабочіе ютятся въ норахъ, въ землянкахъ, въ лучшемъ случаѣ въ баракахъ, въ которыхъ нары построены въ пять этажей. Рабочіе не имѣютъ покоя, болѣютъ, бѣгутъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ лучшихъ жилищныхъ (а также и продовольственныхъ) условій. Пресса переполнена жалобами на паденіе производительности труда, и она объясняетъ это плохими условіями жизни рабочихъ. Въ добромъ желаніи советской власти пойти навстрѣчу нуждамъ рабочихъ нѣтъ основаній сомнѣваться. Но гдѣ ей взять капиталы для жилищнаго строительства? А капиталъ, пожалуй, бы, нашлся, если-бы его не ухлопали въ Днѣпрогѣзъ или въ строящийся Магнитогорскъ, который

навѣрно никогда нормально даже не будетъ работать.

Или вотъ другое явленіе. Отъ времени до времени въ прессѣ подымается шумъ по поводу того, что при ревизіи фабричныхъ складовъ на нихъ обнаруживаются громадныя залежи разныхъ дефицитныхъ средствъ производства, какъ то: цвѣтныхъ металловъ, разныхъ запасныхъ частей и т. д., которыхъ соответствующія фабрики въ теченіе долгихъ лѣтъ не сумѣютъ использовать. А въ то-же время другія фабрики вынуждены приостановить свою работу, именно, вслѣдствіе нехватки тѣхъ-же средствъ производства. О какихъ суммахъ тутъ идетъ рѣчь можно судить по тому, что за одно только первое полугодіе 1932 г. было «заморожено» на фабричныхъ складахъ цѣнностей на одинъ миллиардъ рублей («За индустриализацію» отъ 12 септ. 1932 г.).

Такимъ образомъ, тѣ принципы, на которыхъ построено советское монополистическое хозяйство, осуждаютъ его на несравненно низшую степень хозяйственности, чѣмъ тѣ, которые характерны для капиталистическаго хозяйства. Соотношеніе между затратами и результатами въ советскомъ хозяйствѣ должно быть менѣе благоприятно, чѣмъ въ капиталистическомъ.

Но бѣдственное положеніе населенія обуславливается не только низкимъ уровнемъ хозяйственности коммунистическаго хозяйства. Надежда составителей «пятилѣтки», что, благодаря высокой производительности коммунистическаго производства, имъ удастся сочетать напряженный планъ съ наличіемъ рынка, не оправда-

лись. Эти предположенія оказались неосуществимой мечтой. Низкая производительность планового хозяйства вызвала инфляцію и при наличіи фиксированных цѣнъ привела къ глубокому нарушенію равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Последнее оказалось слишкомъ скуднымъ, чтобы удовлетворить растущій подѣ влияніемъ эмиссій спросъ, и никакихъ резервовъ, никакихъ рычаговъ для поддержанія рыночнаго равновѣсія въ рукахъ совѣтской власти не оказалось. Прошло лишь полгода послѣ вступленія въ силу патилѣтки, и совѣтская власть перешла къ «пайковому» распредѣленію хозяйственныхъ благъ. И если въ большихъ городахъ, гдѣ застреваютъ большія товарныя массы, обыватель еще имѣетъ кое-какую свободу выбора предметовъ не первой необходимости, то въ провинціи, гдѣ товарныя потоки болѣе тощи, случайны и безпорядочны, никакой свободы выбора хозяйственныхъ благъ нѣтъ, тамъ царитъ принципъ «принудительнаго ассортимента».

Та же система объемлетъ, конечно, и распредѣленіе средствъ производства, и она должна была-бы быть увѣнчана принудительной организацией труда. Сопоставляющая попытка завершенія этого строительства каторжнаго государства была сдѣлана еще въ концѣ 1930 г. Она была безуспѣшна. За истекшіе годы не только не удалось прикрѣпить рабочихъ къ производству, но подѣ влияніемъ жилищной и продовольственной нужды ихъ «текучесть» приобрѣла угрожающій, опасный для нормальнаго функционирования производства характеръ. Сейчасъ

дѣлается вторая попытка достичь той-же цѣли путемъ строгой паспортной системы. Однако, настоящее состояніе плановаго хозяйства не сулитъ и этой попыткѣ успѣха.

Разрушеніемъ рынка разрывается связь между потребленіемъ и производствомъ. Капиталистическое хозяйство стоитъ подѣ диктатурой потребителей; производство служитъ потребителю, оно старается предугадать его желанія, пробудить его дремлюшія потребности. Оно въ извѣстной мѣрѣ демократично, «а реппу, а vote», сказалъ про капиталистическій рынокъ извѣстный англійскій экономистъ. Въ плановомъ безрыночномъ хозяйствѣ потребитель самъ по себѣ, а производство само по себѣ. Познать потребности населенія, измѣрить ихъ интенсивность внѣ рынка невозможно. Производство регулируется не спросомъ, а планомъ. Въ идеальномъ государствѣ социаль - демократовъ демократія отразитъ въ своемъ планѣ свои потребности. Въ реальномъ совѣтскомъ государствѣ планъ сочиняетъ коммунистическая диктатура, ибо она свободно распоряжается всѣмъ имуществомъ, всѣми рабочими силами народа по ея усмотрѣнію. Здѣсь развитіе хозяйства окончательно теряетъ свою самочинность, хозяйство цѣликомъ переплетается съ политикой и служитъ политикѣ.

Если мы разъ познали природу этого безхозяйственнаго, не регулируемаго спросомъ, насковозь политизированнаго хозяйства, то мы не усмотримъ противорѣчія въ томъ, что, съ одной стороны, производство угля возросло за 4 года на 75%, а производство нефти

и чугуна даже на 85%, и, съ другой стороны, население все больше погружается въ пучину бѣдствій. Уже года два тому назадъ населеніе поняло, куда ведетъ его это плановое хозяйство, и выразило свою мысль въ той единственной формѣ, въ которой свободная мысль, переходя изъ устъ въ уста, не поддается совѣтской цензурѣ, — въ анекдотѣ: на Александровскомъ вокзалѣ, въ Москвѣ, съ поѣзда слѣзаютъ голые люди, и когда ихъ спрашиваютъ, что это значитъ, они отвѣчаютъ: «У насъ въ Бѣлоруссіи пятилѣтка закончена въ два года!».

III. Распадъ плановаго хозяйства.

Если-бы такое плановое хозяйство могло длительно существовать, то народъ превратился-бы, кажется, въ стадо безсловесныхъ животныхъ, которымъ его мудрые коммунистическіе пастухи засыпаютъ кормъ въ ясли и гонять ихъ кнутомъ на работу. Но какъ нельзя длительно воевать, такъ нельзя длительно вести безрыночное плановое хозяйство. Въ моей предшествующей статьѣ въ «Соврем. Зап.» (кн. 48) «Судьбы пятилѣтки» я далъ картину внутренней дезорганизации совѣтскаго плановаго хозяйства и охарактеризовалъ сулорожную попытку совѣтской власти, сдѣланную въ 1931 году, остановить эту дезорганизацию путемъ облеčenja плановаго хозяйства въ денежныя формы, характерныя для капиталистическаго хозяйства. Однако, этой реформой его спасти не удалось, — оно находится сейчасъ въ полномъ отступленіи. Хаосъ, царящій въ хозяйствѣ, сдѣлалъ даль-

нѣйшій ростъ производства, несмотря на продолжающееся строительство, невозможнымъ. Къ концу 1931 г. размѣры производства достигли своего максимума; въ теченіе 1932 г. производство, хотя и въ медленномъ темпѣ, по при постоянно ухудшающемся качествѣ, снижается. Свое окончательное пораженіе плановое хозяйство потерпѣло въ сферѣ сельскаго хозяйства.

Тѣ громадныя средства, которыхъ требуетъ индустриализация страны, по мнѣнію составителей пятилѣтки должны были быть созданы, главнымъ образомъ, въ нѣдрахъ самой промышленности, благодаря ея высокой техникѣ и высокой организованности. Мѣру эксплуатации крестьянства не предполагалось повышать, а, наоборотъ, предполагалось ее понизить, нѣсколько сжавъ ножины цѣны. Такъ какъ урожай крестьянъ должны повыситься, то предполагалось, что они добровольно вынесутъ необходимые для социалистическаго сектора продукты на рынокъ; ихъ предполагалось только слегка подогнать контрактацией. О массовой коллективизации крестьянства въ пятилѣткѣ не было рѣчи.

Но социалистическій секторъ съ самаго начала не далъ ожидавшихся отъ него доходовъ. Оставаясь единственный источникъ для осуществления инвестиций — повышение мѣры эксплуатации крестьянства. Коллективизация крестьянства должна была создать для совѣтской власти возможность столь-же свободно распоряжаться сельскохозяйственной продукціей, какъ она уже свободно распоряжалась промышленной продукціей. При этомъ предполага-

лось, что механизация сельского хозяйства так сильно повысить его продуктивность, что хватить и для советской власти, хватить и для мужика.

Коллективизация крестьянского хозяйства действительно дала сельскохозяйственную продукцию в руки советской власти. При этом, однако, обнаружилось, что, если овладение промышленным производством и превращение всего занятого в промышленности населения в пролетариев хорошо или худо исполнимо, то та же задача по отношению к сельскому хозяйству, в виду присущих ему особенностей, неисполнима. В настоящий момент, по истечении 3-х лет после первого опыта принудительной коллективизации, можно с полной определенностью сказать, что на состоянии сельского хозяйства она отразилась разрушительно. Советская власть вынуждена была с самого начала признать губительное влияние коллективизации на крестьянское скотоводство. Она надлежало поправить дело созданием громадных скотоводческих совхозов. Миллионы голов скота были для этой цели экспропрированы у крестьян. Постановлением от 1 апреля прош. года советская власть вынуждена была признать, что ее скотовозхозы идут из рук вон плохо; она прекратила экспроприацию крестьянского скота в их пользу. Результаты переписки скота весной 1932 г. были так плачевны, что предпочли их не опубликовать, но отдельные цифры, проникшие в печать, говорят, что быстрая убыль скота продолжается. Лошадей у коллективов так мало, что постановлением

от 11 сент. прош. года индивидуальным крестьянам предложено отдавать своих лошадей в распоряжение коллективов.

Однако, с зерновым хозяйством должно было обстоять, благодаря коллективизации и механизации, как-будто лучше. На XVI-ой партийной конференции летом 1930 г. Сталин и Нарком Земледелия Яковлев заявили, что зерновая проблема решена. На этом основании с крестьян были собраны небывалые разверстки (в 1930 г. — 225 милл. дв. центн., в 1931 г. — 230 милл. дв. центн.) и было вывезено за эти два года 100 милл. дв. центн. Этот вывоз, правда, еще в два раза меньше довоенного, но со времени революции такого вывоза еще не было. Однако, скоро обнаружилось, что эти громадные разверстки совершенно не соответствуют сборам, что у крестьян отнимают последнее. С осени 1931 г. сельское население опять вступило в полосу голодовки, каких оно со времени 1922 г. не испытывало. В минувшем 1932 г., несмотря на благоприятные метеорологические условия, продовольственное положение сельского населения остается тяжелым. Советская статистика по сборам и урожаю оказывается совершенно не соответствующей действительности. Мало плодотворным оказалось и резкое расширение технических культур параллельно с принудительной коллективизацией, ибо урожай с единицы площади сильно упал.

Большая надежда, которая советская власть возлагала на механизацию сельского хозяйства, совершенно не оправдалась. Мы это особенно ярко видим на при-

мѣръ зерносовхозовъ, которымъ дѣлается такая реклама за границей, и гдѣ условия для примѣненія машинной обработки, казалось-бы, являются наиболее благоприятными. Дѣйствительно, въ зерносовхозахъ въ теченіе трехъ лѣтъ была создана полевая площадь въ 4,3 милл. гект. Но урожаи въ этихъ механизированныхъ хозяйствахъ ничтожны, ниже, чѣмъ на крестьянскихъ поляхъ. Въ засушливомъ 1931 г., когда зерносовхозы должны были продемонстрировать преимущества механизированной обработки, они дали на кругъ 3,3 дв. центн. съ гектара (22 пуд. съ дес.). Зерносовхозы никогда заготовительныхъ плановъ не выполняютъ и никакой замѣтной роли въ снабженіи страны хлѣбомъ не играютъ *).

Но бѣда заключается не только въ губительномъ вліяніи коллективизации на сельское хозяйство, но и въ неспособности распределительнаго аппарата справиться со своими немощно выросшими задачами. Тѣ 170-180 мил. дв. центн., которые за вывозомъ оставались въ 1930 и 1931 г. у совѣтской власти для распределенія, въ сущности должны были-бы быть достаточными для продовольствія промысловаго населенія. Почему же и оно мало и неаккуратно получаетъ свои пайки? Куда же

) Подробнѣе въ моей статьѣ: «Die Getreidefabriken» въ коллективномъ трудѣ: В. Brutzkus, W. Poletika und A. Ugrimoff. «Die Getreidewirtschaft in den Trockengebieten Russlands». 67 Sonderheft. «Berichte über Landwirtschaft». Paul Parey. Berlin, 1932.

громадныя количества хлѣба дѣлаются? Какъ-то въ совѣтской прессѣ промелькнуло извѣстіе, что въ 1930 г. 25% всего собраннаго хлѣба, т. е. 55 милл. дв. цент. (больше, чѣмъ было вывезено), не были доставлены на желѣзно-дорожныя станціи, что хлѣбъ этотъ былъ разворованъ, испорченъ и использованъ не по назначенію *). Такъ используется тотъ хлѣбъ, который вырывается изъ рукъ голодающаго крестьянства. Можно себѣ представить, какова судьба скоро портящихся продуктовъ въ совѣтскомъ распределительномъ аппаратѣ.

Коллективизация сельскаго хозяйства потерпѣла поражение; превращеніе крестьянина въ батрака, правда, существенно подвинулось, но только онъ пересталъ работать. Мириться съ деградацией сельскаго хозяйства нельзя. Необходимо было дать крестьянину опять стимулы для работы. Плановое хозяйство начало отступленіе.

Въ маѣ прошлаго года заготовительные планы были сокращены и крестьяне получили право продать своихъ продуктовъ и притомъ не по нормированнымъ, а по свободнымъ цѣнамъ.

Но какъ и въ 1921 г. эта мѣра вызвала сейчасъ же рядъ послѣдствій. Очевидно, что крестьянинъ не понесетъ на базаръ свои скудные запасы, чтобы обмѣнивать ихъ на обезцѣнивающія совѣтскія бумажки. Надо предложить крестьянину въ обмѣнъ индустриальные товары. Пришлось пересмотрѣть индустриальные товары, направивъ большее количество

*) «Совѣтская торговля», 1931 г., № 5.

ихъ въ деревню. Но многого такимъ путемъ достичь нельзя. Рабочее населеніе чрезвычайно выросло, и оно остро нуждается въ индустриальныхъ товарахъ, въ то время какъ продукция легкой индустрии возросла въ 1932 г. всего лишь на 5%. Пришлось нѣсколько отвлечь тяжелую индустрію отъ ея непосредственныхъ задачъ, и она должна теперь работать на широкое потребление.

Въ концѣ концовъ, пришлось пробить новую брешь въ плановомъ хозяйствѣ. Подъ пятилѣткой кустарная промышленность была уничтожена. Остатки ея были объединены въ артели и подчинены бюрократизированнымъ кооперативнымъ центрамъ. Эти артели не имѣли права ни самостоятельной закупки сырья, ни самостоятельной продажи издѣлій. Постановленіемъ отъ 23 іюля прошлаго года артели освобождаются отъ пути кооперативныхъ центровъ и получаютъ право самостоятельной покупки сырья и самостоятельной продажи издѣлій. Постановленіемъ отъ 27 окт. прош. года нѣсколько улучшено и положение индивидуального ремесла. Такимъ образомъ, монопольное положеніе госпромышленности на рынкахъ сырья и готовыхъ издѣлій чуть-чуть ослаблено.

Наконецъ, постановленіемъ отъ 3 декабря прош. года пробита брешь и въ бюрократизированной системѣ потребительной кооперации: продовольствіе рабочихъ на крупныхъ заводахъ снято съ мѣстныхъ кооперативовъ и возложено на заводоуправленія.

То, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, несомнѣнно имѣетъ нѣкоторыя черты сходства съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ 1921 г. Но не

слѣдуетъ упускать и существенныя отличія. Тогда совѣтская власть пошла въ отступленіе не только подъ давленіемъ экономическихъ, но и политическихъ факторовъ. Теперь она свое политическое положеніе считаетъ достаточно прочнымъ. Поэтому теперешнее отступленіе является менѣе рѣшительнымъ. Отъ торжественнаго прокламированія отступленія Сталинъ отказался, ибо это въ моментъ заключенія пятилѣтки могло-бы повредить международному престижу коммунизма. Всѣ новыя постановленія содержатъ въ себѣ разнаго рода ограниченія, изъ которыхъ важнѣйшимъ является воспрещеніе, подѣ страхомъ драконовскихъ наказаній, частной торговли сельскохозяйственными продуктами; производитель долженъ прійти въ непосредственное соприкосновеніе съ потребителемъ.

Однако, очень трудно услѣдить за соблюденіемъ этихъ ограничений, и линія дальнѣйшаго распада плановаго хозяйства уже отчетливо намѣтилась. Крайне неудачное развитіе заготовокъ, минувшей осенью объясняется, главнымъ образомъ, плохимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, но также и тѣмъ, что крестьяне имѣютъ возможность сплавить свои продукты на рынокъ.

Въ данный моментъ правительство чрезвычайно обезпокоено большими дерасходами по заработной платѣ. Въ связи съ этимъ быстро возрастаетъ стоимость производства въ госпромышленности, такъ стоимость производства такого важнаго продукта, какъ уголь, повысилась противъ прошлаго года на 20%. Причина повышения заработной платы состо-

ить въ томъ, что рабочіе, въ виду сокращенія пайковъ, вынуждены все чаще заглядывать на рынокъ, гдѣ имъ приходится имѣть дѣло съ цѣнами, которымъ ихъ заработная плата совершенно не соответствуетъ. Рабочіе настоятельно требуютъ повышенія заработной платы, и хозяйственники вынуждены, несмотря на всѣ запреты совѣтской власти, имъ уступать. Это подрываетъ, однако, весь финансовый планъ.

Но особенно большія опасности грядутъ въ себѣ постановленіе отъ 3 декаб. прошл. года, возложившее на заводоуправленія отвѣтственность за продовольствіе рабочихъ. Имъ придется закупать продовольствіе на рынокъ и организовать свое производство въ соответствии съ потребностями рынка. Такъ распалось социалистическое хозяйство лѣтомъ 1921 г., такъ оно можетъ распасться и теперь.

Пятилѣтка строилась на безмѣрной эксплуатаціи крестьянства. Открытіе свободнаго рынка обозначаетъ увеличеніе доли 120-ти миллионнаго русскаго крестьянства въ національномъ доходѣ. Но малѣйшее измѣненіе условій реализаціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ пользу крестьянства должно имѣть важныя послѣдствія для народнаго хозяйства. Источники инвестиций грозятъ изсякнуть, и не только не будетъ средствъ для новыхъ строекъ, но ихъ не хватитъ и для завершенія начатыхъ.

Плановое хозяйство въ отступленіи. Но хозяйственная организація, при немъ создавшаяся, грандіозна и сложна; достаточно указать на громадный ростъ городамъ, рабочаго населенія, тяже-

лой индустріи, желѣзно - дорожныхъ перевозокъ. Чтобы облегчить бѣдственное положеніе населенія и заполнить тѣ бреши, которыя образуются съ отступленіемъ плановаго хозяйства, необходимо быстрое развитіе рыночнаго хозяйства. Но оно не наступать. Для этого не хватаетъ его главнаго рычага — частной торговли. Да и нѣтъ психологическихъ предпосылокъ для дѣйствительнаго развитія рыночнаго хозяйства ни у населенія, ни у мѣстныхъ властей. Населеніе, только что разгромленное при вторичной ликвидаціи Нэпа, осторожно. По официальнымъ даннымъ къ декабрю были вовлечены въ торговлю лишь 20% всѣхъ колхозовъ («Экон. Ж.» отъ 27 дек. 1932 г.). Исподтишка они, вѣроятно, теперь всѣ немощно торгуютъ, но указанная официальная цифра подчеркиваетъ запуганность населенія. Если-бы Сталинъ повторилъ слова Ленина: «въ серьезъ и надолго», ему все-же не повѣрили-бы.

Но и мѣстная власть не подготовлена къ этой перемѣнѣ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ ея назначеніе состояло въ уничтоженіи всякой свободной хозяйственной дѣятельности населенія; со времени «раскулачиванія» самое представленіе о гражданскомъ правѣ, о частной собственности исчезло изъ ея сознанія. И теперь ей трудно примириться съ тѣмъ, что рынокъ для нея табу, что здѣсь граждане имѣютъ какія-то гражданскія права. Несмотря на всѣ запреты центральныхъ властей, мѣстная власть все-таки не можетъ удержаться отъ вмѣшательства, отъ «регулированія» рынка.

Безъ какихъ-то серьезныхъ пра-

новыхъ гарантій рыночное хозяйство не въ состояніи будетъ походить въ развитіе, которое необходимо, чтобы хоть частично спасти отъ развала то огромное хозяйство, которое создано въ порядкѣ социалистическаго плана. Но какимъ образомъ коммунистическая диктатура могла-бы дать правыя гарантіи?! Вотъ то проти-

ворѣчіе, въ которое уперлась русская жизнь, и которое можетъ быть разрѣшено только въ сферѣ политики. И пока эта проблема не разрѣшится, все также и душно, и мрачно, и безрадостно будетъ въ Россіи, и зоря лучшей жизни надъ ней не займется.

Б. Брудкусъ.

Къ юбилею „Современныхъ Записокъ“

Не безъ колебаній и сомнѣній согласился мы на то, чтобы выходъ въ свѣтъ 50-ой книжки нашего журнала былъ какъ либо ознаменованъ общественно. Юбилей — праздникъ, а общая обстановка нашей жизни тамъ, въ Россіи, и здѣсь, на чужбинѣ, мало располагаетъ сейчасъ къ празднествамъ. Не потому ли и раньше, два года тому назадъ, мы такъ охотно пропустили болѣе естественную юбилейную дату, ничѣмъ не отмѣтивъ десятилѣтіе «Современныхъ Записокъ»?

Но юбилей — не только торжество: это — и какая въ внутренне необходимая грань, задерживаясь на которой, оглядываются на прошлое, отдають себя и другимъ отчетъ въ пройденномъ пути, берутъ на себя новыя обязательства. И въ томъ совершенно особомъ, исключительно отвѣтственномъ положеніи, въ которое судьба поставила нашъ журналъ, мы, его ближайшіе участники, давно уже прониклись сознаніемъ, что «Совр. Зап.» — не наше групповое только дѣло, онъ въ какой то мѣрѣ — достояніе общеэмигрантское. Это достояніе лишь довѣрено намъ и мы обя-

заны отчетомъ, въ будущемъ — передъ Россіей, въ настоящемъ — передъ русскимъ зарубежьемъ за сдѣланное нами изъ него употребленіе. Случаенъ поводъ для такого общественнаго отчета — выходъ пятидесятой книжки. Но далеко не случайно потребность именно сейчасъ, когда такъ предѣльно сгущена и напряжена атмосфера въ Россіи и такъ великъ идейный разбродъ въ рядахъ эмиграціи, провѣрить правильность взятаго въ 1921 г. и съ тѣхъ поръ сохраняемаго «Совр. Записками» направленія.

Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, скрывать которое по меньшей мѣрѣ бесполезно. Изданіе журнала, въ силу ряда обстоятельствъ, съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалось въ матеріальномъ отношеніи чрезвычайно труднымъ. Такой журналъ, какъ «Совр. Записки», въ условіяхъ эмиграціи трудно сдѣлать вполне самокупающимъ, — даже въ Россіи, при несравненно большихъ тиражахъ, наши «толстые» журналы только самые послѣдніе годы передъ революціей перестали быть дефицитными. «Совр. Записки» могли возникнуть и существовать въ

эти годы только потому, что у дѣла, которому онѣ служатъ — дѣла русской культуры и русской свободы — нашлись вѣрные, безкорыстные и великодушные друзья, поддерживавшіе журналъ материально. Но такое положеніе не можетъ длиться безъ конца. Отдавая теперь на судъ общественный итоги двѣнадцатилѣтней работы, мы считали своимъ долгомъ предупредить друзей и читателей журнала объ опасности, угрожающей дальнѣйшему существованію «Совр. Записокъ». Руководители журнала сдѣлаютъ, разумѣется, все отъ нихъ зависящее, чтобы онѣ благополучно пережили трудное время. Но, если «Совр. Записки» не въ нашемъ только представленіи, а и въ общемъ признаніи являются одной изъ значительныхъ цѣнностей зарубежья, — то не вытекаетъ ли отсюда для болѣе широкихъ русскихъ круговъ и нѣкоторая обязанность подумать вмѣстѣ съ нами о мѣрахъ къ обезпеченію будущаго «Совр. Записокъ»?

Таковы были мотивы, которые побудили редакцію преодолѣть колебанія и дать согласіе возникшему около этого времени Обществу Друзей «Современныхъ Записокъ» на устройство юбилейнаго банкета. Каяться въ принятомъ рѣшеніи намъ не пришлось. Откликъ, который юбилей «Совр. Записокъ» получилъ во всемъ русскомъ зарубежьи, обнаружилъ съ очевидностью, сколь неожиданно широка та общественная база, которая исподволь, съ теченіемъ лѣтъ создавалась у журнала. На фонѣ эмигрантской жизни юбилей «Совр. Зап.» явился крупнымъ общественнымъ событіемъ, своеобразнымъ общеземлемымъ культурнымъ праздникомъ.

Мы чувствуемъ себя обязанными со своей стороны подвести нѣкоторые итоги юбилейнымъ днямъ, вывести изъ нихъ необходимое поученіе на будущее.

Нашъ первый долгъ — принести здѣсь, на страницахъ журнала, нашу искреннюю, глубокую, душевную благодарность всѣмъ, кто въ эти дни въ той или иной формѣ оказалъ вниманіе и честь «Современнымъ Запискамъ».

И прежде всего — Обществу Друзей «Совр. Записокъ» и его Комитету, организовавшему банкетъ 30 ноября, выступившему въ печати съ извѣстнымъ воззваніемъ и продолжающему вести весьма существенную для упроченія журнала работу. Уже въ составѣ инициативнаго ядра Общества Друзей проявилась знаменательная и очень дорогая для насъ черта, подъ знакомъ которой прошелъ въ дальнѣйшемъ весь юбилей «Совр. Записокъ»: **широта общественного фронта**, объединившаго въ дружескомъ чувствѣ къ журналу дѣятелей литературы, науки и даже политики, несмотря на раздѣляющія ихъ, подчасъ весьма рѣзкія, разногласія. Не имѣя возможности перечислить здѣсь всѣхъ членовъ Общества (ок. 60 чел.), тѣмъ болѣе, что оно продолжаетъ пополняться, назовемъ лишь, чтобы показать разносторонность его состава, такія имена какъ Д. С. Мережковского, Е. Л. Кусковой, В. Е. Жаботинскаго, П. Н. Милукова, А. Ф. Керенскаго, В. А. Маклакова, И. А. Бунина, Е. Е. Лазарева, А. И. Куприна, В. Ф. Ходасевича, М. А.

Осоргина, А. М. Ремизова, Б. К. Зайцева, Б. Э. Нольде, В. М. Зензинова, Г. Б. Слюзберга, И. С. Шмелева, М. А. Алданова... Для всякаго, знакомаго со сложностью внутри - эмигрантскихъ взаимоотношений, уже самая возможность сочетанія въ составъ Общества Друзей нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ выше именъ скажетъ многое. Отмѣтимъ съ особой благодарностью нелегкую работу, выпавшую на долю бюро, въ составъ М. С. Цетлинь, В. Б. Ельшевича, Н. К. Кульмана, А. М. Михельсона, А. Ф. Ступницкаго и др.

Мы не можемъ, конечно, перечислить многочисленныхъ участниковъ банкета. Всѣмъ имъ также свидѣтельствуемъ здѣсь нашу признательность *).

Но въ чемъ широкой общественной характеръ чествованія «Совр. Записокъ» выразился съ наибольшей яркостью, такъ это въ массѣ

сочувственныхъ откликовъ и привѣтствій, полученныхъ редакціей по случаю юбилея изъ главнѣйшихъ странъ русскаго разсѣянія, отъ самыхъ разнообразныхъ русскіхъ организацій и учреждений — литературныхъ, научныхъ, религиозныхъ, просвѣтительныхъ, профессиональныхъ, бытовыхъ и др., отъ русскіхъ органовъ печати, и пр. Особенно цѣнной дѣлалъ эту общественную демонстрацію ея самопроизвольный характеръ, — толчкомъ для сочувственнаго движенія послужили, повидимому, лишь появившіяся въ газетахъ сообщенія о предстоящемъ юбилеѣ.

О размѣрахъ общественнаго резонанса, вызваннаго юбилеемъ «Совр. Записокъ», можетъ дать представленіе нижеслѣдующій перечень откликнувшихся на него органовъ печати, организацій и учреждений.

1. Органы печати, приславшіе привѣтствія, или посвятившіе юби-

*) Ограничимся только перечнемъ лицъ, преимущественно иногороднихъ, письменныя привѣтствія которыхъ, за недостаткомъ времени, не могли быть оглашены на банкетѣ: П. Ф. Андерсонъ, А. А. Аргуновъ, А. В. Байкаловъ, А. А. Бемъ, Н. А. Бердяевъ, П. М. Бицилли, М. М. Блюменфельдъ, Е. К. Брешковская, Б. Д. Бруцкусъ, И. М. Брушвицъ, В. Н. Бунина, И. А. Бунинъ, О. А. Волжанинъ, Н. Волковскій, Н. Вороновичъ, В. В. Вырубовъ, М. И. Гауфманъ, С. I Гессенъ, О. О. Грузенбергъ, Г. Д. и Д. И. Гурвичъ, А. Ф. Даманская, Л. Ф. Зуровъ, Ст. Ивановичъ, А. Изюмовъ, А. А. Кизеватеръ, Д. Кнутъ, М. Г. Коганъ (Гриневичъ), Г. Н. Кузнецова, Е. Д. Кускова, Е. Е. Лазаревъ, I. Лозовой, Н. О.

Лосскій, В. А. Маклаковъ, С. П. Мельгуновъ, А. В. Милашевскій, М. С. Мильрудъ, Н. М. Могилянскій, Е. И. Муравьева, П. П. Муратовъ, В. А. Мякотинъ, В. В. Набоковъ (Сиринъ), В. Н. Немировичъ-Данченко, И. П. Нестеровъ, С. Н. Николаевъ, Н. Ф. Новожиловъ, В. А. Оболенскій, Н. А. Одуль, Г. Песковъ, П. М. Пильскій, Т. Н. Полнеръ, С. Н. Прокоповичъ, Ф. О. Пташкина, Г. А. Равевскій, Е. И. Репьева, А. Савельевъ, Д. Е. Скобцовъ (Кондратьевъ) Г. Б. Слюзбергъ, В. Н. Сперанскій, Ф. А. Степунъ, А. А. Титовъ, В. Унковскій, А. А. Харашъ, Б. Е. Шацкій, П. С. Ширскій, И. В. Шкловскій (Дионео), И. С. Шмелевъ, П. П. Юреневъ, С. В. Яблоновскій, Н. А. Якушевъ.

лею «Совр. Записокъ» специальныя статьи.

Выходящіе въ Парижъ: «Последнія Новости», «Возрожденіе», «Дни», «Россія и Славянство», «Записки Соціалдемократа», «Иллюстрированная Россія», «Числа», «Новый Градъ», «Голосъ Минувшаго на Чужой Сторонѣ», «Временникъ русской книги».

Выходящіе вѣ Франціи: «Нашъ Вѣкъ» (Берлинъ), «Сегодня» (Рига), «Русскій Голосъ» (Ревель), «Наше Время» (Варшава), «Карпатороссій Голосъ» (Ужгородъ), «Народни Листи» (Прага), «Вольная Сибирь и Сибирскій Архивъ» (Прага), «Голосъ» (Софія), «Заря» (Харбинь-Шанхай).

2. Организации и учрежденія.

Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ во Франціи (Парижъ), Объединеніе русскихъ писателей и поэтовъ (Парижъ), ...рмянскій литературный Союзъ (Парижъ), Союзъ русскихъ журналистовъ и литераторовъ въ Германіи (Берлинъ), Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ въ Югославіи (Бѣлградъ), Союзъ ревнителей чистоты русскаго языка (Бѣлградъ), Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ въ Чехословакии (Прага), Скутъ поэтовъ (Прага), Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ въ Болгаріи (Софія), Сюзъ на българскитъ писатели (Софія), Русское Общество любителей изящныхъ искусствъ въ Литвѣ (Ковно).

Русскій Академическій Союзъ во Франціи (Парижъ), Русская Академическая Группа во Франціи (Парижъ), Русскій Академическій Союзъ въ Германіи (Берлинъ), Франко - Русскій Институтъ социальныхъ, политическихъ и юридическихъ наукъ (Парижъ),

Русскій историко - филологическій факультетъ при Сорбоннѣ (Парижъ), Институтъ Славянскихъ Наукъ (Женева), Свободенъ Университетъ за политически и стопански Науки (Софія), Русскій Заграничный Историческій Архивъ (Прага), Русское Историческое Общество (Прага), Русское Археологическое Общество (Бѣлградъ).

Митрополитъ православи. русскихъ Церквей въ Зап. Европѣ (Парижъ), Религіозно - педагогическій кабинетъ при Богословскомъ Институтѣ (Парижъ), Русское Студенческое Христіанское Движеніе (Парижъ).

Русскій Народный Университетъ (Парижъ), Русскій Народный Университетъ (Прага), Русская Консерваторія (Парижъ), Россійское Музыкальное Общество за рубежомъ (Парижъ).

Русская народная Библиотека-Читальня им. Масарика (Прага), Библиотека «Русскій Очагъ» (Прага), Тургеневская Общественная Библиотека (Парижъ).

Союзъ русскихъ просвѣтительныхъ Обществъ въ Латвіи (Рига), Союзъ русскихъ просвѣтительныхъ Обществъ въ Эстоніи (Ревель), Общество преподавателей русской школы въ Литвѣ (Ковно), Русское Просвѣтительное Общество «Ученіе Свѣтъ» (Ковно), Русское Культурно-Просвѣтительное Общество имени А. Духновича (Ужгородъ), Славянско Дружество въ Бѣлгаріи (Софія), Комитетъ Дня Русской Культуры (Прага).

Центральный Комитетъ по обезпеченію высшаго образованія русской молодежи за рубежомъ (Парижъ), Педагогическое Бюро по дѣламъ русской зарубежной шко-

лы (Прага), Россійскій Земско-Городской Комитетъ (Парижъ), Объединеніе Земскихъ и городскихъ дѣятелей въ Чехословакии (Прага).

Казачій Союзъ (Парижъ), Союзъ Адвокатовъ (Парижъ), Союзъ дѣятелей русскаго искусства во Франціи (Парижъ), Общество Сибиряковъ (Прага), Одесское Землячество (Парижъ), Харьковское Землячество (Парижъ), Клубъ русскихъ евреевъ (Брюссель).

Книгоиздательство «Родникъ» (Парижъ), Книгоизд. «Домъ Книги» (Парижъ), Товарищество Объединенныхъ Издателей (Парижъ), Книгоиздат. «Павлинъ» (Медонъ), Книгоиздат. «УМСА-Прессъ» (Парижъ).

Комитетъ Трудовой Народно-Соціалистической Партіи (Парижъ), Партія Народной Свободы (Парижъ), Республиканско-Демократическое Объединеніе (Парижъ), Отдѣленіе Респ.-Дем. Объединенія (Бельфоръ), Демократія. группа русскихъ эмигрантовъ въ Польшѣ (Варшава).

Приведенный выше списокъ, по своеобразному сочетанію въ немъ различныхъ группировокъ, можно по справедливости признать примѣчательнымъ. Мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ другого случая, гдѣ въ такой степени была бы преодолена эмигрантская разрозненность, какъ это случилось въ связи съ чествованіемъ «Совр. Записокъ».

Мы не можемъ не отмѣтить, на примѣръ, участіе въ немъ такъ рѣзко расходящейся во многомъ политической эмигрантской печати, начиная отъ «Возрожденія» и

«Россія и Славянства» черезъ «Послѣд. Нов.» и «Дни» даже до «Записокъ Соціалдемократа», — что не помѣшаетъ, разумѣется, этимъ органамъ завтра же, каждому со своей особой точки зрѣнія, сурово критиковать направленіе нашего журнала. Мы высоко цѣнимъ откликъ на юбилей «Соврем. Записокъ» научныхъ учреждений и ученыхъ обществъ, несмотря на слишкомъ малое, что журналъ могъ сдѣлать въ области чисто научной. Но вѣдь привѣствуютъ «Совр. Записки» и музыкальныя общества, хотя о русской музыкѣ въ журналѣ писалось еще меньше? Очевидно, общекультурная роль «Совр. Записокъ» — вотъ то, что главнымъ образомъ объединило въ признаніи журнала различные круги эмигрантской интеллигенціи. Съ особымъ удовлетвореніемъ мы отмѣчаемъ дальѣе участіе въ юбилей «Совр. Зап.» просвѣтительныхъ обществъ и учреждений, — народныхъ университетовъ, библиотекъ, книгоиздательствъ, союзовъ дѣятелей русской школы и пр., — съ зарубежной просвѣтительной работой «Соврем. Записки» связываетъ служеніе на разныхъ путяхъ, но общей цѣли — поддержанію русскаго культурнаго творчества на чужбинѣ. Продолжать ли однако перечень? Указывать ли на участіе въ юбилей Союзовъ писателей, — многіе изъ послѣднихъ, будучи сотрудниками журнала, сами по праву могутъ быть на праздникъ «Совр. Записокъ» скопѣ въ положеніи чествуемыхъ. Намъ дороги всѣ дружескіе голоса, всѣ сочувственныя обращенія къ «Совр. Запискамъ», намъ цѣнно то, что юбилей «Совр. Записокъ» былъ одинаково своимъ

праздникомъ для Казачьяго Союза или христіанскаго студенческаго Движенія въ Парижѣ, для Клуба русскихъ евреевъ въ Бельгіи или Союза русскихъ учителей гдѣ нибудь въ далекой Литвѣ.

Есть одна категорія привѣтствій, которую мы хотѣли бы все же выдѣлнить особо, ибо она показываетъ, что признание «Совр. Записокъ» выходить, повидимому, за предѣлы собственно эмиграціи, что въ какой-то мѣрѣ журналъ становится уже органомъ всего русскаго зарубежья. Объ этомъ какъ будто свидѣлствуютъ полученныя журналомъ привѣтствія отъ ряда меньшинственныхъ организацій изъ лимитрофныхъ государствъ, — мы имѣемъ въ виду вліятельные союзы русскихъ просвѣдительныхъ обществъ въ Латвіи и въ Эстоніи, отдѣльныя просвѣдительныя общества въ Литвѣ, наконецъ, такіе меньшинственные органы печати, какъ «Сегодня» въ Ригѣ, «Русскій Голосъ» въ Ревелѣ, «Наше Время» въ Варшавѣ. Мы издавна являемся горячими сторонниками тѣснѣйшаго культурнаго сближенія между эмиграціей, исключительно богатой культурными силами, но лишенной собственной органической базы, и многомилліоннымъ кореннымъ русскимъ населеніемъ въ лимитрофныхъ государствахъ. Общность языка и единство культуры — достаточное основаніе для взаимно - плодотворнаго сотрудничества интеллигенціи, принадлежащей ко всѣмъ частямъ разсѣяннаго по свѣту русскаго племени.

Не о возможности ли такого культурнаго общерусскаго общенія свидѣлствуютъ привѣтствія «Карпаторосскаго Голоса» (Чехо-

словакія), подчеркивающее значеніе «Совр. Записокъ» — «Вашего и нашего журнала» — для русскаго культурнаго творчества, и Русскаго Просвѣдительнаго Общества имени Духновича изъ Подкарпатской Руси — «единственной части земли, которая въ настоящее время носить гордое имя Руси».

Но не могли бы «Совр. Записки» послужить для болѣе тѣснаго культурнаго сближенія русской эмиграціи и съ тѣми славянскими народами, которые въ годы изгнанія дали братскій пріютъ русскимъ людямъ? Мы не смѣемъ, по слабости нашихъ силъ, о многомъ мечтать въ этомъ направленіи. Не обобщая единичныхъ голосовъ, мы рады однако всякому знаку дружественнаго вниманія «Совр. Зап.» со стороны культурныхъ слоевъ славянства. Такъ, съ большимъ удовлетвореніемъ мы прочли въ чешской газетѣ «Народни Листи» (Прага), что юбилей «Совр. Записокъ» «надо расцѣлывать, какъ юбилей всего литературно - художественнаго эмигрантскаго міра, въ извѣстной мѣрѣ — какъ юбилей міра славянскаго». Значеніе культурной работы «Современныхъ Записокъ» «не только для русскихъ, но и для другихъ славянскихъ народовъ, любящихъ и цѣнящихъ русскую литературу», подчеркиваетъ въ своемъ привѣтствіи и болгарскій Свободный Университетъ политическихъ и социальныхъ наукъ (Софія).

Наша персональная близость къ дорогому намъ «юбиляру» даетъ основаніе заподозрить насъ въ излишней чувствительности къ комплиентамъ, столь обычнымъ въ такихъ случаяхъ. Смѣемъ однако завѣрить читателей, что

сами редакторы меньше всего чувствуют себя персонально юбилеями. Дѣло идетъ только о «Современныхъ Запискахъ» и о томъ, какую роль въ дальнѣйшемъ культурно-общественный журналъ такого типа можетъ и долженъ играть въ духовной жизни русскаго зарубежья. Мы отлично знаемъ, что въ дружественной и приподнятой юбилейной атмосферѣ не обошлось, конечно, безъ серьезныхъ преувеличеній заслугъ «Совр. Записокъ» и чрезмѣрной снисходительности къ несомнѣннымъ ихъ недостаткамъ. Но для насъ не столь важна высокая оцѣнка достижений журнала, сколько признаніе правильности его путей. Съ этой точки зрѣнія мы не хотимъ и не имѣемъ права уменьшать моральную цѣнность идущихъ къ «Совр. Запискамъ» токовъ симпатій, иногда изъ круговъ, на признаніе которыхъ мы, казалось, не могли рассчитывать.

Ибо, даже если оставить въ сторону общественный удѣльный вѣсъ откликнувшихся на юбилей «Совр. Записокъ» организаций, — въ одномъ отношеніи ихъ значеніе для насъ бесспорно: онѣ передаютъ мнѣнія стоящихъ за ними многихъ тысячъ читателей «Совр. Записокъ». Это — еще не масса читательскаго «народа», а только его организованная верхушка. Однако и въ такомъ видѣ мы получили рѣдкую, въ сущности, единственную за время существованія журнала возможность войти въ непосредственное общеніе съ коллективнымъ читателемъ. Со всѣми оговорками относительно условности юбилейныхъ оцѣнокъ, въ нихъ мы все же находимъ весьма важныя для насъ

указанія на то, чѣмъ именно въ «Совр. Зап.» дорожитъ этотъ коллективный читатель, чего онъ отъ журнала опредѣленно ожидаетъ и настойчиво требуетъ, какимъ представляется ему желательный обликъ единственнаго въ эмиграціи толстаго общественно-политическаго и литературнаго журнала.

Юбилейныя привѣтствія — это читательскій наказъ редакціи. Наша обязанность — раскрыть по возможности содержаніе этого наказа, установить степень его совпаденія — или расхожденія — съ цѣлями, поставленными себѣ руководителями журнала.

Что касается устремленій самой редакціи, о нихъ намъ распространяться не приходится: задачи журнала были нами изложены въ предисловіи къ первой книжкѣ «Совр. Зап.», вышедшей осенью 1920 г. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ мы не ощущали потребности въ чемъ-либо измѣнять формулированныя тамъ цѣли и принятыя на себя обязательства. Въ немногихъ словахъ, программа «Совр. Записокъ» была и остается слѣдующей.

«Совр. Записки» посвящены прежде всего интересамъ русской культуры, сохраненію ея преемственности, насильственно прерываемой въ Россіи большевиками. Къ этому заданію приводитъ насъ не эмигрантское самоніеніе — слишкомъ ограничены объективныя возможности культурнаго творчества въ условіяхъ эмиграціи, — а сознаніе первѣйшаго національнаго долга, лежащаго на оказавшейся въ изгнаніи русской

интеллигенціи. Ибо, при всей матеріальной скудости эмиграціи, въ распоряженіи большого количества находящихся въ ея рядахъ выдающихся культурныхъ силъ все же остаются великія блага — свобода слова и независимость творчества, которымъ больше нѣтъ мѣста у насъ на родинѣ. Въ такой исторической обстановкѣ долгъ эмигрантскаго толстаго журнала — быть особенно широкимъ въ отношеніи темъ и терпимымъ въ отношеніи свободы сужденій отдѣльныхъ сотрудниковъ. Эта широта и терпимость тѣмъ болѣе необходимы теперь, когда нѣтъ ни одной идеологии, которая не нуждалась бы въ критической провѣркѣ въ свѣтѣ совершающихся мировыхъ событий. «Совр. Записки» поэтому съ самаго начала широко открыли свои страницы, устраняя вопросъ о принадлежности авторовъ къ той или иной политической группировкѣ, для всего, что въ области ли художественнаго творчества, научнаго изслѣдованія или исканія общественнаго идеала представляеть объективную цѣнность съ точки зрѣнія русской культуры.

Но помимо интересовъ русской культуры, «Совр. Записки» посвящены и дѣлу русской свободы, какъ органъ общественно-политической. Возглавляемая группой политическихъ единомышленниковъ, «Совр. Записки» тѣмъ не менѣе — журналъ виѣпартійный, общедемократическій. «Совр. Записки» не стремятся стать боевымъ политическимъ органомъ, неизбежно заостряющимъ свои лозунги и способнымъ потому сплотить вокругъ себя лишь тѣсный кругъ одинаково мыслящихъ. «Современ. Записки», наоборотъ,

выдвигаютъ на первый планъ задачу широкаго общественного объединенія. Въ немъ мѣсто всѣмъ, кто признаеть, что возсозданіе Россіи несомнѣннѣе съ существованіемъ большевнцкой власти, что оно возможно лишь въ мѣру самостоятельности внутреннихъ силъ самаго русскаго народа, что разрѣшеніе этой задачи, непосильной ни для одной партіи или класса въ отдѣльности, требуетъ объединенныхъ усилий всѣхъ оставшихся вѣрными освободительнымъ идеямъ февральскихъ дней 1917 г.

Таковы были съ самаго начала двѣ основныя черты культурно-общественнаго облика журнала. Строгое раздѣленіе ихъ въ жизни не всегда, конечно, возможно. Въ эпоху столь острыхъ общественныхъ противорѣчій, какъ теперешняя, трактовка важнѣйшихъ культурныхъ проблемъ — правовыхъ, социальныхъ, историческихъ и пр. — неизбежно пріобрѣтаетъ, особенно для насъ, русскихъ, сугубо-политическій характеръ. Въ этомъ и былъ главный источникъ если не дѣйствительныхъ внутреннихъ противорѣчій, то во всякомъ случаѣ большихъ психологическихъ трудностей, какія пришлось преодолевать журналу и его редакціи. Съ разныхъ сторонъ намъ приходилось выслушивать упреки то въ излишней «широтѣ» журнальнаго фронта, то въ чрезмѣрной его «узости». Правда, недовольные въ такихъ случаяхъ нерѣдко хотѣли большого простора лишь для близкихъ имъ взглядовъ и, наоборотъ, добивались ограниченій для свободы взглядовъ имъ чуждыхъ. Редакція оставалось, вооружившись большой выдержкой, слѣдовать свое-

му, ранѣе намѣченному пути, въ убѣжденіи, что общій духовный обликъ «Совр. Записокъ» можетъ только выиграть отъ предоставленія отдѣльнымъ теченіямъ и взглядамъ — въ предѣлахъ широкой принятой журналомъ программы — наибольшей свободы выраженія. Дорогія ей идеи народничества, демократическаго социализма она проводитъ въ журналѣ въ рамкахъ той же свободы, обезпеченной и всѣмъ другимъ демократическимъ теченіямъ.

Мы, конечно, не сомнѣваемся, что на этомъ пути нами было допущено немало ошибокъ, отчасти неизбѣжныхъ во всякомъ живомъ дѣлѣ, но самый намѣченный нами путь мы и теперь, въ результатъ 12-лѣтняго опыта, продолжаемъ считать единственно вѣрнымъ.

Признаютъ ли его правильнымъ и читатели «Совр. Записокъ»?

Передъ нами — кипа юбилейныхъ привѣтствій журналу. Опубликовывать ихъ цѣликомъ мы не можемъ, стѣсненные мѣстомъ. Намъ остается выбрать только нѣкоторыя, болѣе характерныя отклики. Но и изъ нихъ мы можемъ привести лишь краткія выдержки, не пытаясь притомъ ихъ особенно систематизировать. Оставляя въ центрѣ нашего вниманія журналъ и его судьбу, мы устранили всюду, гдѣ это оказалось возможнымъ по ходу изложенія, лестныя оцѣнки самой редакціи и комплименты по адресу ея.

Итакъ, слово предоставляется литературной критикѣ, сотрудникамъ и читателямъ «Совр. Зап.».

Мы дадимъ всю гамму отзывовъ русскихъ печатныхъ орга-

новъ разныхъ оттѣнковъ, передъ нами пройдутъ привѣтствія общественныхъ организацій, мы услышимъ голоса отдѣльныхъ лицъ, сотрудниковъ и просто друзей журнала.

Неизбѣжнымъ при этомъ будетъ различное отношеніе къ общественному облику «Совр. Зап.», въ зависимости отъ мѣста въ политическомъ спектрѣ, съ котораго производится оцѣнка. Но единодушнымъ будетъ общее сочувствіе всякому, даже скромному успѣху «Современ. Записокъ» въ области творчества культурнаго. Всѣ отклики будутъ говорить о «Совр. Запискахъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ — о неизмѣримо болѣе важномъ: о Россіи, о нашемъ, русской интеллигенціи въ изгнаніи, долгъ передъ ней.

Начнемъ нашъ по необходимости весьма неполный обзоръ съ органовъ политической печати, идя при этомъ, говоря условнымъ языкомъ, справа налѣво.

Газетѣ «Возрожденіе», естественно, близка только культурная роль «Совр. Зап.». Мы, кажется, не ошибемся, если комментаріемъ краткой привѣтственной телеграммы редакціи и сотрудниковъ «Возрожденія» сочтемъ слѣдующія строки изъ письма въ редакцію «Совр. Записокъ» одного изъ видныхъ сотрудниковъ газеты, П. П. Муратова: «прошу редакцію не отказать въ передачѣ моихъ сердечныхъ поздравленій коллегамъ, участвовавшимъ въ художественномъ отдѣлѣ журнала. А Васъ, милостивые государи, прошу принять мои искреннія по-

желанія успѣха въ дѣлѣ, которое дѣлаете Вы столько лѣтъ съ любовью, настойчивостью и исключительнымъ тактомъ среди всякихъ трудностей внѣшняго и внутренняго порядка». Зато уже безоговорочно въ «Возрожденіи» сочувствіе журналу въ области литературы и культуры. Въ статьѣ А. И. Куприна мы читаемъ: «Совр. Записки» можно и теперь уже считать серьезнымъ историческимъ явленіемъ, всѣмъ вкладомъ въ исторію эмиграціи и ея литературы. Постоянными и случайными сотрудниками «Совр. Зап.» являются какъ старыя русскія писатели..., такъ и болѣе молодыя служители изящнаго слова. Многие изъ юныхъ, безусловно талантливыхъ беллетристовъ и поэтовъ начали свой литературный стажъ въ колыбели «Совр. Записокъ». И, надо сказать, что сами «Совр. Записки» выкристаллизовались нынѣ въ періодическій журналъ чистый, четкій, любимый публикой, завоевавшій доброе довѣріе, ставшій не только уважаемымъ, но и привычно-необходимымъ—В. Ф. Ходасевичъ, справедливо указывая, что созданіе «Соврем. Записокъ» есть плодъ общихъ усилій не только редакціи, но и сотрудниковъ и читателей, пишетъ: «слѣдуетъ радоваться, что, раздѣляемые внутренними разногласіями, даже раздорами, идейными, политическими, а нерѣдко и личными, все же можемъ порою сойтись за однимъ столомъ и признать со спокойной гордостью, что поверхъ всѣхъ разногласій мы прочно связаны однимъ культурнымъ дѣланіемъ. Праздникъ «Соврем. Записокъ» есть истинный праздникъ всей культурной эмиграціи». Отмѣчая, что за двѣнадцать

лѣтъ въ «Совр. Зап.» собрано и проредактировано чуть ли не 25.000 страницъ литературнаго матеріала, Ходасевичъ видитъ заслугу редакторовъ въ томъ, что они, «не будучи ни художниками, ни специалистами - литературовѣдами, въ беллетристическомъ и поэтическомъ отдѣлахъ журнала собрали все или почти все наиболѣе выдающееся, что было написано въ эти годы за рубежомъ», и считаетъ нужнымъ подчеркнуть «ту выдержку, ту терпимость, съ какою, дирижируя огромнымъ оркестромъ болѣе нежели ста сотрудниковъ, редакторы достигли того, что ничей голосъ не оказался заглушенъ и что, при всемъ разнообразіи высказанныхъ мнѣній, «Совр. Записки» являютъ нѣкое внутреннее единство.

Редакція «Россіи и Славянства» въ своемъ привѣтствіи также предпочитаетъ остановиться исключительно на культурномъ значеніи журнала, на той «упорной и плодотворной работѣ, которую ведутъ «Совр. З.» на нивѣ родной культуры, объединяя на своихъ страницахъ значительную часть русскихъ художниковъ слова и дѣятелей русской культуры». — Въ той же газетѣ П. Б. Струве посвятилъ юбилею «Совр. Записокъ» очень интересную и затрагивающую весьма серьезныя проблемы статью. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь остановиться на ней такъ, какъ она того заслуживаетъ. Но въ нѣсколькихъ словахъ о ходѣ размышленій бывшаго редактора «Русской Мысли» сказать слѣдуетъ. Основнымъ недостаткомъ русскихъ толстыхъ журналовъ прежняго времени Струве считаетъ ихъ «направленство». Значеніе «Совр. Записокъ» въ ис-

тории русской журналистики Струве видеть больше всего в томъ, что «въ лицѣ «Совр. Записокъ» русскій толстый журналъ впервые съ успѣхомъ по существу пересталъ быть партійнымъ и выражать направленіе, а сталъ просто органомъ русской культуры». Объективно «Совр. Записки» вѣбрали въ себя не только «Вѣстникъ Европы» и «Русскую Мысль», но присоединили къ нимъ и «Отечественныя Записки», т. е. значить и «Русское Богатство», и даже «Русскій Вѣстникъ» Каткова. И Струве горячо рекомендуетъ редакціи сдѣлать дальнѣйшіе выводы изъ положенія, созданнаго «силою вещей въ Зарубежьи» и выполнить историческое призваніе «Совр. Записокъ», какъ особаго этапа въ развитіи русскаго толстаго журнала: совершенно исключить политическія матеріи изъ программы «Совр. Записокъ», предоставивъ ихъ другимъ изданіямъ, отказаться отъ подзаголовка «общественно - политическій», стать только «журналомъ русской культуры и литературы». «Ненормально то положеніе, — говоритъ Струве, — при которомъ фактическая безпартійность «Совр. Записокъ» обеспечивается либо просто личными добродѣтелями ихъ редакторовъ, либо наличіемъ въ ихъ собственной средѣ крупныхъ разногласій».

Намъ не хотѣлось бы отдѣлываться отъ серьезныхъ и добросовѣстныхъ соображеній П. Б. Струве нѣсколькими случайными замѣчаніями. Но за невозможностью входить здѣсь въ обсужденіе затронутой П. Б. Струве проблемы, скажемъ лишь откровенно, что путь, подсказываемый намъ Струве, — не нашъ путь.

Отъ приданія «Совр. Запискамъ» характера партійнаго или узконаправленнаго мы сами сознательно отказались еще при основаніи журнала и лояльное выполнение этого обязательства, право, не требуетъ отъ насъ никакихъ «добродѣтелей» ни даже особыхъ усилий. Но мы не можемъ согласиться со Струве и признать «направленствомъ» тотъ широкій и терпимый демократизмъ, который составляетъ общественную характеристику «Совр. Записокъ». Ибо внѣпартійность вовсе не означаетъ общественнаго безразличія. И мы не представляемъ себѣ даже возможности существованія въ эмиграціи, по самой природѣ своей, поскольку она духовно не порвала съ Россіей, опредѣленно политической, — какого то общественно - безразличнаго аполитическаго журнала. Наоборотъ, было бы, съ нашей точки зрѣнія, прямымъ ущербомъ для зарубежья, особенно сейчасъ, въ перспективѣ все болѣе сгушающейся грозовой атмосферы въ Россіи, превращеніе живого, разносторонняго, литературно - культурнаго, но непременно и общественнаго журнала въ академическій, лишенный гражданской напряженности, аполитическій «альманахъ», хотя-бы и весьма культурный. Отказъ въ общественно-политическомъ отдѣлѣ журнала отъ рѣзкаго вызывающаго тона, устраненіе «Совр. Записокъ» по возможности отъ внутриэмигрантской полемики, допустимость появленія въ журналѣ даже «еретическихъ» статей въ порядкѣ дискуссионномъ, — таковы взаимныя обязательства редакціи и сотрудниковъ, которыя должны создать въ «Совр. Запискахъ» для всѣхъ участниковъ атмосфе-

ру духовной свободы, терпимости и уваженія ко всякому искреннему убѣжденію. Намъ кажется, что такая здоровая атмосфера въ «Совр. Зап.» общими усиліями въ значительной мѣрѣ создана.

Переходя къ «Послѣднимъ Новостямъ», отмѣтимъ съ благодарнымъ чувствомъ то исключительное вниманіе, которое редакция и сотрудники газеты проявили къ «Совр. Запискамъ» въ дни юбилея. Достаточно сказать, что въ «П. Н.» въ разное время были помѣщены, помимо обширныхъ отчетовъ о банкетѣ, посвященный «Совр. Запискамъ» статьи П. Н. Милюкова, И. П. Демидова, Е. Д. Кусковой, Г. В. Адамовича, М. А. Осоргина и даже остроумный фельетонъ Донъ Аминадо. — Чествованіе «перваго и единственнаго въ эмиграціи толстаго журнала» П. Н. Милюкова относить къ числу рѣдкихъ и знаменательныхъ праздниковъ эмиграціи. Но «Современ. Записки» нельзя считать только эмигрантскимъ или даже преимущественно эмигрантскимъ журналомъ. Въ немъ сосредоточилось все то лучшее и цѣнное, что не умѣстилось въ рамкахъ софійской диктатуры. Все содержаніе «Совр. Записокъ» свидѣтельствовало о непосредственномъ продолженіи за рубежомъ умственной, нравственной и эстетической дѣятельности, которая такъ насильственно и круто была пресѣчена «пролетарской диктатурой». Всѣмъ своимъ обликомъ журналъ какъ бы говорилъ: мы — часть Россіи, — ея неотъемлемая часть, и пока мы существуемъ, нельзя считать русскій національный организмъ безповоротно и до конца искалѣченнымъ. У насъ тамъ, на родинѣ, есть свое

законное мѣсто, и отнять его у насъ нельзя никакими мѣропріятіями власти. Юбилей «Совр. Записокъ» — это праздникъ нашей русской свободы.

Въ тѣсной связи съ происходящимъ въ Россіи разгромомъ культуры оцѣниваетъ роль «Совр. Записокъ» и Е. Д. Кускова. Вспоминая формулу публициста 40-хъ годовъ князя Вяземскаго — «въ Россіи нѣтъ общества, есть лишь народонаселеніе», — Кускова указываетъ, что «при самыхъ неблагоприятныхъ матеріальныхъ и иныхъ условіяхъ всѣ духовныя силы эмиграціи направлены на то, чтобы создать общество въ эмиграціи. 50 книгъ «Совр. Записокъ» — это ступонокъ работы въ этомъ направленіи, показатель силы духа въ отколовшемся кускѣ Россіи. Загуднеть эта работа, и тогда не будетъ никакого «русскаго общества», а будутъ лишь русскіе поселенцы среди обществъ чужихъ народовъ. Будетъ кладбище духа».

Г. Адамовичъ считаетъ юбилей «Совр. Записокъ» «большимъ событіемъ въ нашей здѣшной жизни, общимъ нашимъ и рѣдкимъ культурнымъ праздникомъ». «Въ томъ, что «Совр. Записки» во всякомъ случаѣ одинъ изъ двухъ-трехъ лучшихъ журналовъ, какіе были въ Россіи, — сомнѣваться невозможно. Для эмиграціи же эти пятьдесятъ книгъ, при всей спорности многихъ отдѣльныхъ вещей, въ нихъ помѣщенныхъ, — подлинный «патентъ на благородство»... Надо радоваться, что хватило на такое дѣло у эмиграціи духовной энергіи и жизненной силы». Адамовичъ считаетъ, что вначалѣ «Совр. Записки» грѣшили излишнимъ «академизмомъ», сосре-

доточившись исключительно (? В. Р.), на «храненіи завѣтовъ», но во время почувствовали опасность «отрыва отъ жизни ради холодноватаго музейнаго благолѣпія». Сейчас «Совр. Зап.» проявляютъ необходимую заботу о литературной смѣнѣ, давая мѣсто наряду съ общепризнанными талантами также и начинающимъ молодымъ писателямъ. — «Совр. Записки» «не только поддерживаютъ прошлое и настоящее, но и думаютъ о будущемъ».

Въ особомъ коллективномъ привѣтствіи редакция, сотрудники, правленіе и администрація «Посл. Новостей» указываютъ на роль «Совр. Записокъ» въ «поддержаніи въ рядахъ эмиграціи тѣхъ политическихъ идей и гражданскихъ чувствъ, которыя всегда являлись достояніемъ русской интеллигенціи». Въ тяжелый періодъ русской исторіи, когда эта интеллигенція подвергается жестокому гоненіямъ и почти полностью уничтоженію на родинѣ, «Совр. Записки» смѣло подняли ея знамя на чужбинѣ. Давая въ рядѣ серьезныхъ статей — иногда цѣлыхъ научныхъ работъ — здоровую пищу русскому читателю за границей, журналъ не искалъ дешевой популярности или сенсационнаго успѣха. При этихъ условіяхъ мы цѣнили его успѣхъ, какъ нашу общую побѣду, какъ торжество проверенныхъ жизнью политическихъ и общественныхъ идей надъ временнымъ настроеніемъ растерянности.

Газета «Дни», въ статьѣ ихъ редактора А. Ф. Керенскаго, останавливается по преимуществу на общественно-политическомъ значеніи «Совр. Записокъ», «единственнаго сейчасъ во всемъ мірѣ

свободнаго толстаго русскаго литературно-общественнаго журнала». Керенскій подчеркиваетъ виѣпартійный демократическій характеръ журнала и отмѣчаетъ, что теперь юбилей «Совр. Записокъ» привѣтствуютъ и тѣ общественные круги, которые двѣнадцать лѣтъ тому назадъ рѣзко-отрицательно относились къ демократической программѣ журнала. Въ этомъ Керенскій видитъ доказательство происшедшаго за двѣнадцать лѣтъ въ эмиграціи серьезнаго общественнаго сдвига, ибо сами «Совр. Записки» «никогда отъ народовластія не отступали ни вълѣво, ни въправо».

Наиболѣе лѣвымъ изъ политическихъ органовъ печати, откликнувшихся на юбилей «Совр. Записокъ», являются «Записки Соціалдемократа», журнала, выражающаго взгляды диссидентской группы с. - д. меньшевиковъ. Редакторы его (А. Потресовъ, Ст. Ивановичъ) оговариваются, что они «не раздѣляютъ многихъ положеній, нашедшихъ себѣ выраженіе и защиту на страницахъ «Совр. Записокъ». «Но это не препятствуетъ намъ воздать должное той громадной энергіи, преданности и любви къ гонимому русскому слову и порабощенной русской мысли, которыя проявили руководители «Совр. Записокъ» за долгие и тяжкіе годы русскаго культурнаго изгнанія и разсѣянія» *).

А вотъ нѣсколько откликовъ

*) У лѣвыхъ, партійныхъ соцдем. (какъ, надо полагать, и у лѣвыхъ партійныхъ с.-р.) «Совр. Записки» съ ихъ виѣпартійной демократической и широкой культурной программой, естественно, не вызываютъ особыхъ симпатій.

русскихъ газетъ, выходящихъ внѣ Франціи.

«Нашъ Вѣкъ» (Берлинъ. — «По пятидесяти объемистымъ томамъ «Совр. Записокъ» будутъ когда-нибудь судить о духовной жизни русской интеллигенціи, покинувшей родину... Журналъ явился собирателемъ русскаго творчества на чужбинѣ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ... Неисчислимы заслуги журнала въ переоцѣнкѣ прошлаго, въ его интересныхъ и необходимыхъ намъ попыткахъ осмотрѣться на пожарнщѣ, испытать годный для будущаго строительсва матеріалъ... Въ области литературы трудно воспользоваться словомъ «заслуга»: внѣшнее выявленіе русскаго художественнаго творчества за рубежомъ обусловлено существованіемъ «Совр. Записокъ».

«Голось» (Софія). — «Совр. Записки», не порывая съ традиціей, въ то же время были во истину

Характерна въ этомъ отношеніи статья, посвященная юбилею «Соврем. Записокъ» въ официальномъ органѣ «РСДРП», берлинскомъ «Соц. Вѣстникѣ». Авторъ ея, Л. Далинъ, готовъ признать, что «Совр. Записки» — самый большой и серьезный изъ эмигрантскихъ журналовъ: его богатый художественный отдѣлъ даетъ порой лучше изъ того, что выйдти за границей на русскомъ языкѣ, научныя статьи представляютъ нерѣдко большой интересъ, историческіе обзоры и матеріалы дѣлють немало богатаго матеріала. И все-таки, Далинъ вынужденъ «внести диссонансъ въ рѣдкій праздникъ лѣвой эмиграціи». Весьма показателенъ — для политическаго кругозора и культур-

современными, онѣ давали на своихъ страницахъ мѣсто молодымъ писателямъ, обогащавшимъ своими произведеніями нашу литературу. Этимъ, въ планѣ литературномъ, было осуществлено то, что до сихъ поръ не удавалось въ планѣ общественномъ — духовное единеніе русской эмиграціи».

«Русскій Голось» (Ревель) — «привѣтствуетъ «Совр. Записки», двѣнадцать лѣтъ служащая на чужбинѣ великому дѣлу преемства русской общественной мысли».

«Наше Время» (Варшава). — «Среди журналовъ русской эмиграціи «Совр. Записки», по своему огромному культурному значенію, справедливо могутъ быть поставлены на первое мѣсто. Цѣнность этого журнала не только въ высокой художественности, но и въ глубокой культурности, которой проникнуть этотъ органъ... 50-ый выпускъ «Совр. Записокъ» — событіе значительное, огромное

наго уровня нашихъ лѣвыхъ меньшевиковъ — тотъ списокъ преступленій, который предъявляетъ «Совр. Запискамъ» нашъ обвинитель: слишкомъ большая терпимость къ «правымъ» теченіямъ — печатаніе мемуаровъ Маклакова; къ «новоградцамъ» — помѣщеніе статей Бердяева, Федотова, Степуна; незаконный интересъ къ вопросамъ религіи (и при томъ — «ни одной антирелигіозной статьи!»), наконецъ, предосудительное вниманіе къ... Достоевскому... «Тревожный юбилей. Печальный юбилей», заключаетъ Далинъ. — Съ людьми подобнаго душевнаго склада договориться по какому-нибудь взаимнаго пониманія трудно: мы просто говоримъ съ ними на разныхъ языкахъ.

для всѣхъ, кому близка и дорога русская культура*)).

«Сегодня» (Рига) подчеркиваетъ объединяющую роль журнала, «сумѣвшего сохранить большую терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, не пожелавшаго заострять споры, устранявшаго столкновения партійныхъ воззрѣній и программъ». «Жизнь опрокинула и укорь, что журналъ не выдвигаетъ, не ищетъ, не зоветъ къ себѣ молодыхъ начинающихъ авторовъ. Наибольше даровитые беллетристы и поэты — совсѣмъ или почти неизвѣстные — нашли себѣ пріютъ и въ «Совр. Запискахъ». Журналъ никогда не переставалъ играть роль необходимѣйшаго, законнаго и прочнаго звена въ длинной цѣпи русскаго культурнаго и литературнаго развитія. Этимъ «Совр. Записки» выполняютъ — безъ всякаго преувеличенія — историческую миссію... За рубежомъ «Совр. Записки» стали необходимымъ, важнымъ, нужнѣйшимъ органомъ печати. Это — нашъ общій другъ, нашъ собесѣдникъ, дорогая для всѣхъ нашъ книга,

*) «Наше Время» — меньшинственная русская газета; въ той же Варшавѣ издается на русскомъ языкѣ и другая газета, «Молва». Но редактору ея, Д. Философову, ужасно не по душѣ поднятый эмиграціей въ связи съ «Совр. Записками» «шумъ и трескъ»; Философовъ, разумеется, даже «не помнить уже, по какому поводу» этотъ шумъ: «не то журналъ существуетъ пятьдесятъ лѣтъ, не то вышла пятидесятая книга»... — Съ какой однако недостигаемой высоты взираетъ г. Философовъ на скромныя наши русскія эмигрантскія дѣла!

непремѣнный гость и членъ нашихъ библиотекъ... Стоитъ только представить себѣ на минуту, что «Совр. Записокъ» не стало, — и тогда пришла бы еще большая тоска, смолкъ бы еще одинъ голосъ, благодатный и умный... Въ существованіи и цвѣтеніи «Совр. Записокъ» мы заинтересованы какъ въ самомъ драгоценномъ нашемъ духовномъ достояніи.

Въ заключеніе — привѣтствіе «Совр. Записокъ» отъ сборниковъ «Числа» (Парижъ). Редакція «Чиселъ» считаетъ «своимъ приятнымъ долгомъ» присоединиться «къ хору привѣтственныхъ голосовъ». Она готова признать, что «значеніе «Совр. Записокъ» въ духовной жизни эмиграціи безспорно, заслуги журнала огромны». Но къ этимъ признаніямъ редакція «Чиселъ» имѣетъ и свои оговорки. Такъ, по мнѣнію «Чиселъ», надо пожелать «Совр. Зап.» «больше отчетливости въ выборѣ между творчествомъ культуры и ея охраненіемъ», ибо «совѣстительство въ этой области не удастся никогда». И потому «новѣйшая» русская литература создается большей частью «внѣ «Совр. Зап.» и независимо отъ нихъ».

Мы весьма благодарны за любезное указаніе на недочеты журнала и готовы со всѣмъ вниманіемъ отнестись ко всякому дружескому совѣту, — но для этого нужно, чтобы мы его понимали. А мы не можемъ понять, почему «творчество» культуры и ея «охраненіе» оказываются, по мнѣнію «Чиселъ», настолько несомѣстимыми, что между ними непремѣнно надо какъ то дѣлать «выборъ». Не является ли, наоборотъ, такое «совѣстительство», т. е. подлинная преемственность, совершенно не-

обходимымъ условіемъ всякаго культурнаго творческаго процесса? И затѣмъ, къ чему это нарочитое противопоставленіе молодыхъ писателей — «старикамъ»: известно, что страницы «Совр. Записокъ» радушно открыты для литературной молодежи и только внѣшнія условія, недостатокъ мѣста, не позволяютъ дѣлать это въ болѣе полной мѣрѣ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что лишь та молодежь, которая получила возможность печататься въ «Числахъ» — чему мы только рады за нее — представляетъ собою какую то качественно отличную «новѣйшую» русскую литературу?

Есть и еще одна претензія «Чисель» къ «Совр. Запискамъ», но она имѣетъ такой не принципиальный — не хотимъ сказать обывательскій — характеръ, что о ней говорить, по совѣсти, неловко. «Числа» жалуются: «не безъ удивленія слышали мы (? В. Р.) въ послѣднее время о томъ, что «Соврем. Записки» претендуютъ на роль единственнаго журнала эмиграціи...», и потому обращаются къ редакціи «Совр. Записокъ» съ трогательной просьбой: «ве считать себя вправѣ быть единственными». — Успокоитъ ли редакцію «Чисель» наше публичное замеченіе, что, если мы дѣйствительно считаемъ «Современныя Зап.» «единственными», то только какъ изданіе даннаго типа: какъ общественно - политическій и литературно - культурный періодическій журналъ, весьма широкій и терпимый; что такую фактическую «единственность» «Соврем. Записокъ» мы отнюдь не считаемъ своимъ монопольнымъ «правомъ», и, наоборотъ, радовались бы за русское дѣло, если бы у

эмиграціи оказалось достаточно матеріальныхъ возможностей для изданія не одного, а множества, и притомъ самыхъ разнообразныхъ и журналовъ, и сборниковъ.

Переходимъ теперь къ привѣтствіямъ различныхъ организованныхъ группъ эмиграціи. Послѣ многого сказаннаго выше мы повидимому можемъ воздержаться отъ комментаріевъ къ нимъ. Беремъ опять только часть полученныхъ редакціей откликовъ и печатаемъ лишь краткія выдержки изъ нихъ, дающія оцѣнку самого журнала.

Русскій Академическій союзъ во Франціи. — «Связанныя тѣсно съ лучшими традиціями до-совѣтской Россіи «Совр. Записки» въ теченіе 12 лѣтъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и живой лѣтописью культурной жизни эмиграціи. «Совр. Зап.» лучше всего доказываютъ, что эмиграція — неотъемлемая часть Россіи и что дѣлаемая здѣсь, за границей большая культурная работа служитъ дѣлу воссозданія освобожденной Россіи».

Русскій Академическій Союзъ въ Болгаріи. — «Совр. Записки» продолжаютъ традицію русскаго толстаго журнала, объединяють разсѣянныхъ на чужбинѣ русскихъ писателей, на страницахъ «Совр. Записокъ» находятъ себѣ мѣсто представители различныхъ теченій художественной литературы, публицистики и отвлеченной мысли».

Русское Археологическое Общество (Бѣлградъ). — «Совр. Записки» остаются органомъ широкой общественной мысли, не становясь выраженіемъ мнѣній и интересовъ отдѣльной партіи или группы... журналъ и теперь такъ же интересенъ и значителенъ, ка-

кимъ былъ въ своемъ началѣ».

Свободный Университетъ (София). — «Сохраняя лучшія традиции русскихъ большихъ журналовъ», «Совр. Записки» выполняютъ большую культурную работу, служа свѣточемъ мысли не только для русскихъ, но и для другихъ славянскихъ народовъ, любящихъ и цѣнящихъ русскую литературу».

Франко - Русский Институтъ (Парижъ). — «Совр. Записки» — единственный журналъ, сохранившій лучшія традиции прежней русской культурной и общественной мысли... «Совр. Записки» не только послужатъ великому дѣлу свободной русской культуры, но и явятся однимъ изъ самыхъ яркихъ и убедительныхъ доказательствъ внутренней, духовной правды русской эмиграціи».

Педагогическое Бюро по дѣламъ зарубежной школы (Прага). — То, что «Совр. Записки» внесли въ русскую жизнь, останется неоцѣнимымъ вкладомъ въ сокровищницу русской культуры. «Въ русской эмиграціи никогда не угасала творческая энергія и «Совр. Записки» явились однимъ изъ самыхъ яркихъ и могучихъ фокусовъ, въ которомъ собирались со всѣхъ сторонъ отдѣльные лучи этой творческой энергіи».

Религиозно - педагогическій Кабинетъ при Богословскомъ Институтѣ (Парижъ) — отмѣчаетъ то, что «Совр. Записки» всегда живо отзывались на запросы духовной жизни, давали на своихъ страницахъ мѣсто статьямъ, освѣщающимъ религиозныя исканія нашего времени».

Русскій Народный Университетъ (Парижъ). — «Наличіе толстаго журнала въ эмиграціи — живая

связь между нашей современной эмигрантской жизнью и лучшими традиціями прежней Россіи. «Совр. Записки» способствуютъ тому, что объ русской эмиграціи, ея творческихъ силахъ и негаснущей энергіи всегда будетъ вспоминать съ уваженіемъ. «Совр. Записки» сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова спутникомъ духовной жизни русскаго эмигранта».

Союзъ русскихъ просвѣтительныхъ Обществъ въ Эстоніи «желаетъ дальнѣйшаго процвѣтанія, самому яркому изъ русскихъ культурныхъ начинаній за рубежомъ».

Общество «Ученіе Свѣтъ» (Ковно). — Привѣтствуя «Совр. Записки» отъ имени русскихъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ и дѣтелей русской школы въ Литвѣ, предсѣдатель О-ва «Ученіе — Свѣтъ» пишетъ: «Выходъ въ свѣтъ 50-го номера — это юбилей на славномъ посту, чѣмъ надо гордиться всѣмъ намъ, русскимъ, въ нашемъ разсѣяніи по всему свѣту... Родныя «Совр. Записки» для насъ — лучъ свѣта среди тьмы, утѣшеніе въ печали скитація на чужбинѣ... Радуемся, что Вы живете и ярко свѣтите: существуете Вы, значить живы и мы...»

Центр. Комитетъ по обезпеченію высшаго образованія русской молодежи (Парижъ). — «Совр. Записки» ...продолжали здѣсь дѣло свободной русской печати, служа русской культурѣ и не разрывая духовно связи ни съ прошлымъ, ни съ будущимъ Россіи. Это — большая заслуга русскихъ людей за рубежомъ, яркое свидѣтельство жизнеспособности русскаго народа и его творчества».

Тургеневская Общественная Библиотека (Парижъ). — «Старѣющему и лучшему русскому зарубеж-

ному журналу приносить поздравленіе старѣйшая русская зарубежная общественная Библиотека. Лучше, чѣмъ кому нибудь, ей извѣстно, какой популярностью и любовью пользуются «Совр. Записки» у читателя, — это удостоверяетъ и статистика Библиотеки...

Библиотека «Русскій Очагъ» (Прага). — «Отъ имени коллективнаго читателя съ радостью присоединяетъ свои привѣтствія самой значительной культурной цѣнности, созданной русской эмиграціей — единственному русскому крупному журналу, вѣрному традиціямъ прошлаго и охотно дающему мѣсто новой, свѣжей поросли молодыхъ силъ».

Русская Библиотека - читальня им. Масарика (Прага). — «Мы, работники русской библиотеки на чужбинѣ, знаемъ, какой праздникъ составляетъ для читателей появленіе каждаго очереднаго номера «Совр. Записокъ»... Отъ себя и отъ лица всѣхъ читателей журнала приносимъ пожеланіе «Совр. Запискамъ» долгаго процвѣтанія на пользу лишеннаго родины русскаго эмигранта».

Союзы русскихъ писателей и журналистовъ. — 1. Во Франціи: «Совр. Записки» — журналъ, объединившій первоклассныя литературныя, научныя, философскія и публицистическія силы эмиграціи. Высокое качество матеріала, спокойный, возвышенный, глубоко культурный тонъ, въ которомъ ведется «Совр. Записки» — общезвѣстны. Это — лучшее изъ всѣхъ литературныхъ начинаній эмиграціи, и слава его заслужена». — 2. Въ Германіи: «Подлиннымъ подвигомъ является созданіе прочнаго и яркаго очага рус-

ской культуры., сосредоточившаго и увѣковѣчившаго всѣ достиженія духовнаго творчества эмиграціи. Прекрасный журналъ навсегда останется благороднымъ памятникомъ трогательной любви, безавѣтной преданности и непоколебимой вѣры эмиграціи въ ея великую родину». — 3. Въ Чехословакии: «50 книгъ большого журнала. Драгоценный вкладъ въ сокровищницу русской культуры. Документальное свидѣтельство о работѣ русской мысли въ годы эмиграціи... И въ грядущей освобожденной Россіи журналъ займетъ почетное мѣсто, какъ носитель и свѣточъ русской культуры». — 4. Въ Болгаріи: «Совр. Записки» являются подлиннымъ духовнымъ центромъ эмиграціи, объединяющимъ не только различныя общественныя теченія, но и различныя литературныя поколѣнія». — 5. Въ Югославіи: «Соврем. Записки» въ долгіе годы нашей эмиграціи хранили завѣты нашихъ лучшихъ русскихъ толстыхъ журналовъ».

Казачій Союзъ (Парижъ). — «Праздникъ «Совр. Записокъ» — нашъ общій праздникъ, день торжества русской культуры, родной и для насъ, казаковъ, дѣтей Великой Россіи, для интеллигентной казачьей... Какъ бывший редакторъ скромнаго младшаго брата-журнала «Родимый Край», недавно скончавшагося — на радость врагамъ и при попустительствѣ благожелательнаго читателя — отъ души и горячо желаю, чтобы «Соврем. Записки» были счастливы и въ трудную минуту нашли бы не только пассивныхъ читателей, но и вѣрныхъ друзей, способныхъ по время и въ пужной мѣрѣ поддерживать большое славное куль-

турное дѣло. Дай Богъ!» (Н. Мельниковъ).

Республиканско - Демократическое Объединение (Парижъ) «привѣтствуетъ» респ.-дем. журналъ «Совр. Записки»... Члены редакціи «Совр. Записокъ» и нѣкоторые сотрудники принимали участіе въ политической работѣ РДО; они помогли ему найти себя въ ряду демократическихъ теченій и оформить собственную политическую мысль. На страницахъ журнала РДО всегда находило цѣнныя указанія на правильное рѣшеніе очередныхъ политическихъ вопросовъ; даже и въ случаѣ разногласій, журналъ будилъ мысль и вызывалъ ея самостоятельную работу».

Намъ осталось только привести здѣсь нѣкоторые изъ привѣтовъ, присланныхъ «Совр. Запискамъ» отдѣльными лицами. Отметимъ, что большинство изъ нихъ — въ то же время и сотрудники журнала, т. е. непосредственные участники той общей работы, а результатъ которой только и могли создаться «Совр. Записки».

Начнемъ съ голоса, недавно умолявшаго на вѣки, вѣрнаго друга и востояннаго сотрудника журнала, А. А. Кизеветтера: «Много нужно было проявить неподдѣльной искренности въ исканіяхъ пути къ истинѣ и добру и той подлинной преданности великому принципу свободы мысли и слова, которой порождается способность съ уваженіемъ относиться къ добросовѣтнымъ идейнымъ противникамъ, — чтобы, ни мало не затушевывая собственной идеологической позиціи, поставить журналъ такъ, чтобы почти вся

русская эмиграція — независимо отъ различія взглядовъ и направленій — привыкла цѣнить «Соврем. Записки» какъ нужный и дорогой ей органъ, высоко держащій знамя русской умственной культуры».

Б. Д. Бруцкусъ. — «Совр. Записки» являются хранителемъ традиціи русскаго толстаго журнала, отражавшаго психологію русской интеллигенціи... Съ тоской думаю, что эта психологія какъ-будто навсегда исчезла.

И все же хочется вѣрить, что въ какомъ-то новомъ аспектѣ, — можетъ быть, многое изъ этой психологіи удастся спасти, вернуть въ отстоящую отъ крайностей большевизма Россію, что культурная нить высокой цѣнности не будетъ окончательно оборвана. Существованіе Вашего журнала подастъ все-таки надежду, что... въ преображенномъ видѣ духовный обликъ русской интеллигенціи не сгинетъ въ Россіи. И въ этомъ проявляется историческое значеніе «Совр. Записокъ».

Н. М. Могиланскій. — «Меня больше всего поражаетъ, что случайно вырванный клочекъ тѣла Россіи могъ дать журналъ, свидѣтельствующій о равноцѣнности этого клочка цѣлому. Можно ли въ этихъ условіяхъ сомнѣваться въ славномъ будущемъ Великой Россіи?»

С. В. Яблоновскій. — «Совр. Записки» — неоспоримое свидѣтельство о русскомъ гениі, горѣннн духа и энергіи. Низкій поклонъ всѣмъ руководителямъ и сотрудникамъ прекраснаго журнала, оправдавшаго русскую эмиграцію и выявившаго ея лицо».

В. А. Макашовъ. — «Опредѣленность политическаго направленія

не превратилась у «Совр. Записокъ» въ партійность, а отсутствие партійности не было политическимъ безразличіемъ. Одной изъ дѣтскихъ болѣзней нашей молодой политической общественности была подмѣна политическихъ направлений нетерпимой партійностью. Несмотря на вѣрность старымъ традиціямъ, «Совр. Записки» въ этомъ отношеніи сдѣлали большой шагъ впередъ къ политической зрѣлости. И ихъ успѣхъ есть показатель нашего роста.

С. Н. Прокоповичъ, Е. Д. Кускова, Е. И. Репьева. — «50 книжекъ большого журнала въ изгнаніи — это символъ напряженной работы въ труднѣйшихъ условіяхъ, это — свидѣтельство непрерывности русской культуры, столь гонимой на нашей родинѣ. Юбилей «Соврем. Записокъ» говоритъ о томъ, что работа въ области духа не прекратилась, что работа эта ведется съ большимъ энтузіазмомъ и съ полнымъ сознаніемъ ея цѣнности не только для миллионнаго населенія эмиграціи, но и для Россіи».

О. О. Грузенбергъ. — «Какая большая работа, какое горѣніе, неослабляющее отъ невзгодъ и непогоды... Остается большой, яркій слѣдъ въ исторіи русской культуры: ни одна эмиграція не создала такого памятника тоскующей любви къ родинѣ».

И. С. Шмелевъ. — «Во истину, это подвигъ во имя родной культуры, — побѣдный подвигъ руководителей, писателей, издателей... Подъ этой простой обложкой объединено разнообразіе взглядовъ и навыковъ въ области русской мысли и родного художественнаго слова. Журналъ не посягалъ на

творческую свободу: онъ старался объединять. И вотъ, это оправдано: пятьдесятъ книгъ почетно входятъ въ исторію родной литературы».

Митрополитъ Евлогіи. — «Вмѣстѣ съ другими читателями и почитателями почтеннаго журнала шлю его редакторамъ и сотрудникамъ благодарный привѣтъ и молитвенныя пожеланія бодрости и крѣпости душевныхъ силъ для дальнѣйшаго служенія родной русской литературѣ».

В. И. Немировичъ - Данченко. — «Во мракъ нашего бѣженства, которому и конца не вижу, «Совр. Записки» ярко горятъ немеркнущимъ свѣтомъ, свидѣтельствуя всему культурному міру, что живъ еще русской геній, безсилны были задуть его всевозможные вихри адовы... Въ «Совр. Запискахъ» наше оправданіе передъ исторіей прошлаго и памятникъ безустанной работы русскаго ума для далекаго будущаго».

Ф. А. Степунъ. — «Принося дорогимъ «Совр. Запискамъ» сердечную благодарность за все, что онѣ дали мнѣ какъ читателю и сдѣлали для меня, какъ для писателя, позволяю себѣ высказать горячее пожеланіе, чтобы маститый журналъ изъ неизбѣжно пристрастнаго борца за будущее русской жизни не превратился бы въ безстрастнаго собирателя и музейнаго стража русской культуры».

Н. А. Бердяевъ. — «Совр. Записки» являются единственнымъ толстымъ журналомъ общаго характера въ русскомъ зарубежьи и онъ даетъ возможность не окончательно замолкнуть русскому слову на свободѣ. Особенной заслугой журнала я считаю то, что, защищая традицію свободы, онъ

проявляет большую терпимость, не является органом партійнымъ и даетъ мѣсто для теченій мысли, не воплѣтъ согласныхъ съ преобладающей его линіей. «Совр. Записки» съ достоинствомъ поддерживаютъ традицію русской культуры въ тяжелыхъ условіяхъ разсѣянія и въ то же время обращены не только къ прошлому, но и къ будущему».

И. В. Шкловскій (Діонео). — «Совр. Записки» не только объединили вокругъ себя «центр» и «лѣвый центр» эмиграціи, но безконечно много сдѣлали для выработки новаго міровоззрѣнія, съ которымъ журналъ перейдетъ въ освобожденную Россію».

Е. Е. Лазаревъ, И. М. Брушвицъ, С. Н. Николаевъ, И. А. Якушевъ, И. П. Нестеровъ, Н. Ф. Новожиловъ, Н. Вороновичъ, I. Лозовой, А. В. Милашевскій. — «Гордимся журналомъ не по тщеславному сознанию того, что дѣло это творится нашими политическими друзьями и единомышленниками. Журналъ является выразителемъ не одного какого либо русскаго общественно - политическаго направленія или русской мысли за границей. «Совр. Записки» — общее достояніе всей русской эмиграціи, онѣ служатъ выразителемъ лучшихъ ея устремленій, продолжаютъ на чужбинѣ славную традицію русской журналистики, оберегаютъ русскія культурно - національныя цѣнности... «Совр. Записки» — гордость русской эмиграціи и имѣютъ достаточное право быть подлиннымъ ея передъ внѣшнимъ міромъ представителемъ».

А. А. Аргуновъ. — «Для нынѣшней эмиграціи «Совр. Записки» — огонекъ культуры російской въ безотрадной жизни. Онѣ и поли-

тический руководитель, въ особенности продѣланнымъ опытомъ литературно - общественной коалиціи».

Ст. Ивановичъ. — «Отъ строптиваго, временами бастующаго, «письма въ редакцію» писать собирающагося, иногда даже публично ругающагося сотрудника Вашего — сердечный привѣтъ и горячія пожеланія по случаю выхода пятидесятой томины «Совр. Записокъ».

Г. Д. Гурвичъ. — «Мои горячія поздравленія единственному русскому органу демократическаго, эволюціоннаго социализма и желаю ему отъ всего сердца, не уклоняясь ни вправо ни влѣво, продолжать свою героическую борьбу за правовой социализмъ».

А. В. Байкаловъ. — «Мои пожеланія — чтобы то исповѣданіе свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ, которое журналъ столь ярко и талантливо утверждалъ въ своихъ пятидесяти книжкахъ... возможно скорѣе было перенесено на родную почву Россійской Демократической Республики».

Т. И. Полнеръ. — «Подвигъ — удивительный! Работа въ эмигрантскихъ условіяхъ огромная, потребовавшая совершенно исключительныхъ такта, настойчивости, предпринимчивости и широты взглядовъ. Журналъ не только далъ пріютъ многимъ старымъ журналистамъ, но нашелъ, поддержалъ, обласкалъ и создалъ рядъ новыхъ талантливыхъ русскихъ писателей».

А. Ф. Даманская. — «Совр. Записки» были и есть для меня, какъ для тысячъ читателей, едва ли не самой большой радостью въ эмиграціи, самой цѣнной услугой. Я читаю, пожалуй, все самое значи-

тельное, что выходитъ на четырёхъ языкахъ въ Европѣ, поэтому, дерзость имѣю полагать себя болѣе или менѣе квалифицированнымъ читателемъ, — съ волненіемъ и нетерпѣніемъ всегда раскрываю книгу «Совр. Записокъ» и жалѣю лишь о томъ, что такъ рѣдко приходится ими наслаждаться».

С. Г. Гессенъ. — «Высокое духовное наслажденіе доставляла мнѣ, какъ читателю, каждая новая книжка «Совр. Записокъ». Думаю, что этотъ духовный подъемъ простекалъ отъ того, что я, какъ и всѣ другіе читатели, чувствовалъ себя приобщеннымъ къ потоку русской духовной жизни, который «Совр. Запискамъ» удалось уловить на своихъ страницахъ и дать ему многостороннее выраженіе. Каждая новая книжка «Совр. Записокъ» свидѣтельствовала о томъ, что русская культурная традиція продолжаетъ жить хотя бы за рубежомъ Россіи, именно жить, а не просто храниться законсервированной».

Тѣмъ болѣе чувствовала я эту свою приобщенность къ потоку живой русской традиціи какъ сотрудникъ «Совр. Записокъ». Я горжусь тѣмъ, что мои работы, въ которыхъ я пытался выразить наиболѣе дорогія мнѣ мысли, были опубликованы на страницахъ «Современныхъ Записокъ».

П. М. Бицилли. — «Для меня «Совр. Записки» были единственнымъ убѣжищемъ отъ того культурнаго одиночества, которое составляетъ главное проклятіе эмигрантскаго существованія».

А. А. Бемъ. — «Достаточно только себѣ на время представить, что «Совр. Записки» не справят-

ся съ трудностями, на ихъ пути стоящими, чтобы сразу почувствовать, какое мѣсто онѣ заняли въ нашей духовной жизни. Здѣсь усѣ различія въ пониманіи задачъ журнала, всѣ литературныя расхожденія становятся незначущими и несущественными. Среди многихъ лишений и тяжелыхъ ударовъ, которые наносятъ за послѣднее время судьба, это — одно только допущеніе возможности прекращенія «Совр. Записокъ» — воспринимается какъ гнетущее ощущеніе возможной личной потери... Думаю, что мнѣ нечего говорить о заслугахъ журнала. Какъ современникъ, я неизбежно хочу большаго; какъ историкъ литературы, оглядываясь назадъ, я не могу не признать того большаго культурнаго дѣла, которое сдѣлано за эти годы журналомъ. И въ этой оцѣнкѣ, я думаю, не будетъ разногласій».

Къ высказанному съ такой выразительностью читателями и друзьями «Совр. Записокъ» нужно ли какое либо наше послѣсловіе?

Отношеніе широкаго круга эмиграціи къ журналу — источникъ большаго для насъ душевнаго удовлетворенія, побуждающаго и дающаго силы на дальнѣйшій трудъ. То, что многія тысячи русскихъ людей въ изгнаніи ощущаютъ «Совр. Записки» своимъ, близкимъ, нужнымъ имъ органомъ, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ и нашему внутреннему чувству: въ нашемъ сознаніи «Совр. Записки» — достояніе всего зарубежья, плодъ коллективныхъ усилій, часть болѣе общаго творческаго процесса въ эмиграціи.

Не будем говорить ни о какой «миссии», — это слово стало синонимом эмигрантского самоубийства. Но теперь, когда в России сознательно истребляются остатки интеллигенции и целыя поколения воспитываются в отрицании понятий свободы и права, в культъ грубой силы и въ презрѣнн къ человеческой личности, — на случайно уцѣлѣвшую отъ гибели и спасающуюся въ изгнанн интеллигенцію возложенъ судьбой повелительный долгъ поддерживать въ доступной ей мѣрѣ преемственность русскаго культурнаго и общественнаго развитія въ духѣ свободы. И тѣмъ меньше мѣста для эмигрантскаго чванства въ этой новой «миссии», что слишкомъ очевидно трагическое несоотвѣтствіе между поставленнымъ исторіей заданіемъ и безмѣрно слабыми силами эмиграции. Слабѣющими къ тому же: насъ гнететъ матеріальная скудость, а

смерть производить въ нашихъ рядахъ страшныя опустошенія.

Но самый путь этотъ — долгъ нашей совѣсти и чести. Наше оружіе — свободное слово. «Общую, физическую плоть — землю — мы потеряли; но сохранили общую почву духовную — слово», говорилъ въ своей образной рѣчи на банкетѣ 30 ноября Д. С. Мережковский: «и наше свободное русское слово родитъ свободную русскую землю...» «Чѣмъ нравственно-чище, умтве... - глубже, художественно - прекраснѣе, религиозно - огненнѣе будетъ наше слово здѣсь, тѣмъ будетъ меньше насилія, крови тамъ, въ освобождаемой Россіи»...

Поднятое въ изгнанн старое знамя русской интеллигенции — духовная свобода, право личности, правда общественная — не можетъ быть спущено. И оно спущено не будетъ.

В. Рудневъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Борисъ Пастернакъ. Второе рожденіе. М., изд. «Федерация». 1932.

У Бориса Пастернака имѣется двустишіе:

И чѣмъ случайнѣй, тѣмъ вѣрнѣе
Слагаются стихи навзрыдъ...

Оно очень характерно для его прежняго творчества. Начало поэтической стихии, почти хаоса поэзии преобладаетъ здѣсь. Необычайная восприимчивость ко «всѣмъ впечатлѣніямъ бытія», способность превратить въ себѣ и поэтически оформить задѣвшее поэтическое воображеніе чувство, — все это дѣлало стихи Бор. Пастернака — при всей ихъ напряженности — мало связанными съ самой личностью автора. Я не хочу этимъ сказать, чтобы любое стихотвореніе его нельзя было не узнать съ первыхъ же строкъ по совершенно исключительному единству его поэтической манеры, но это было единство въ характерѣ воспріятія міра, а не въ реакціи поэтического я художника. Въ этомъ отношеніи стихи Бор. Пастернака послѣднихъ лѣтъ рѣзко отличны отъ предшествующихъ. Разбросанные по журналамъ, они уже обратили на себя вниманіе, отличаясь — независимо отъ отдѣльныхъ удачъ и срывовъ — той особенною лиричностью, которая за стихомъ неволью вызываетъ образъ поэта. Теперь, когда ихъ перечитываешь подрядъ, вполне оправдываешь общее заглавіе новаго сборника «Второе рожденіе». Передъ нами не только крупный поэтъ, безспорно, самый значительный поэтъ среди насъ живущій, но и единая «поэтическая личность». Новые стихи объ этомъ говорятъ съ большою опредѣленностью.

Сборникъ открывается цикломъ, который, если память мнѣ не измѣняетъ, въ первоначальномъ видѣ въ одномъ изъ журналовъ носилъ общее заглавіе «Волны». Не въ порядкѣ разсудочномъ, а съ исключительною убѣдительною поэтическою образами, въ немъ сплелась тема личная съ темою природы. Тема эта — «пережитое» и «волны». За всѣмъ цикломъ скрыта простая метафора — волны памяти. Но какъ она разработана, какъ совершенно по-новому пережито здѣсь ощущение накатывающей волны! Читателю, привыкшему къ извѣстнымъ поэтическимъ образамъ, могутъ показаться на первыхъ порахъ грубоватыми и неоправданными всплывающія въ сознаніи поэта сравненія. Такъ, я почти убѣжденъ въ этомъ, будетъ воспринято четверо-

стишие изъ открывающаго сборникъ стихотворенія «Здѣсь будетъ все...»:

«Передо мною волны моря.
Ихъ много. Имъ немислимъ счетъ.
Ихъ тьма. Онѣ шумятъ въ минорѣ.
Прибой какъ вафли ихъ печетъ».

Но отдайтесь музыкѣ стиха, согласитесь, что поэтический словарь долженъ обновляться, проверьте въ себѣ мѣткость самого образа — и вы согласитесь, что здѣсь достигнуто — при большой скупости языковыхъ средствъ — истинно поэтическое напряженіе.

Эта, конечно относительная, простота тоже показательна для новаго Пастернака. Она вошла въ его творчество вмѣстѣ съ сознаниемъ личной отвѣтственности за званіе «поэта». Соединеніе простоты съ глубиною особенно выукло сказалось въ слѣдующихъ строкахъ одного стихотворенія изъ того-же цикла:

«Есть въ опытѣ большихъ поэтовъ
Черты естественности той,
Что невозможно, ихъ извѣдавъ,
Не кончить полной нѣмотой.

Въ родствѣ со всѣмъ, что есть, увѣрся,
И зная съ будущимъ въ быту,
Нельзя не впасть къ концу, какъ въ ересь,
Въ неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будемъ,
Когда ея не утаимъ.
Она всего нужнѣе людямъ,
Но сложное понятнѣй имъ».

Очень хороша второй, условно его можно назвать «лѣтній, кievскій», циклъ стиховъ Пастернака. Изъ этого цикла особенно запоминается стихотвореніе «Лѣто», съ начальной строкой «Ирпень — это память о людяхъ и — лѣтъ...» Сюда-же вошло, врядъ-ли основательно, стихотвореніе «Смерть поэта», вызванное трагическою кончиною В. Маяковского.

Въ связи съ возрожденіемъ русскаго романтизма, съ трудомъ пробивающагося сквозь рогатки официальнаго литературнаго направленія, интересно отмѣтить, что въ современной поэзіи и прозѣ снова становится актуальною тема Кавказа. Большую дань отдаетъ этой темѣ и Бор. Пастернакъ въ своемъ новомъ сборникѣ. Возвращеніе этой темы въ поэзіи даетъ поэту возможность обновить словесный матеріалъ, канонизованный прежнимъ романтизмомъ. Это обновленіе у Пастернака идетъ въ сторону упрощенія и синтаксиса и словеснаго матеріала. Вотъ характерный примѣръ:

«Свѣтало. За Владикавказомъ
Чернѣло что-то. Тяжело
Шли тучи. Разсвѣло не разомъ.
Свѣтало, но не разсвѣло».

Вообще, сложный синтаксисъ, столь характерный для прежняго Пастернака, съ его причудливыми сдвигами, часто полнымъ разрывомъ привычныхъ членений, теперь упрощается, стремится къ отчетливой краткой строчкѣ. Меньше дѣлается упоръ и на звуковые повторы. Узнается Пастернакъ сейчасъ скорѣе по общему ритмическому рисунку, по своеобразной, ему одному свойственной музыкальной волнѣ, чѣмъ по внѣшнимъ формальнымъ особенностямъ стиха.

По-прежнему Пастернакъ неповторимъ въ поэтической передачѣ музыкальной стихии. Такъ, прочно запоминаются стихи «Годами когда-нибудь въ залѣ концертной мнѣ Брамса сыграютъ...», «Опять Шопенъ не ищетъ выгоды...»

Когда пытаешься дать себѣ отчетъ, въ чемъ же сила поэтической дара Пастернака, то невольно вспоминаешь «Вступленіе» Рильке къ его «Das Buch der Bilder». Она въ его исключительной способности обновленія вещи. Поэтъ своими усталыми глазами, оторвавшись отъ привычныхъ предметовъ домашняго міра, «поднимаетъ темное дерево и ставитъ его передъ небомъ — стройное, одинокое. И создаетъ міръ». Эта способность выхватить вещное или духовное переживание, поставить его передъ собою и читателемъ, какъ дерево на край неба и создать изъ него цѣлый міръ — въ этомъ исключительный даръ Пастернака. И здѣсь онъ соприкасается съ поэзіей Р. М. Рильке, данъ признанія которому онъ отдалъ въ своей «Охранной грамотѣ».

А. Бемъ.

Д. Кнута. «Парижскія Ночи». Изд-во «Родникъ», 1932.

Новая книга Д. Кнута «Парижскія Ночи» — «одна изъ самыхъ чистыхъ, честныхъ и глубокихъ сборниковъ, появившихся за время эмиграціи» — слова не мои, а Г. В. Адамовича, но именно съ такихъ словъ хочу и я начать замѣтку о стихахъ Д. Кнута.

Честные и глубокие — эти стихи потому, что для Д. Кнута поэзія — «не лучшія слова въ лучшемъ порядкѣ, не то, что «хорошо сдѣлано». Поэзія для Кнута — преодоленіе разъединенности душъ, попытка, — почти безнадежная для каждого человѣка, — какъ, порой, представляется поэту, найти отзвукъ себѣ — въ другомъ.

Я эти торопливыя слова
Бросаю въ міръ — бутылкою — въ стихіи
Бездоннаго людского равнодушья,
Бросаю, какъ бутылку въ океанъ,
Безмолвный крикъ, закупоренный крѣпко,
О гибели моей, моей и вашей.

Отбрасывая, одно за другим, все то, что открывается ему пустым и лживым, Д. Кнутъ не вѣритъ, не довѣряетъ «плѣнительнымъ словамъ»; въ плоскости стихотворства ему нечѣмъ дышать, онъ хочетъ настоящихъ словъ, и знаетъ, какъ мучительно-трудно, какъ несказуемо настоящее слово, какъ мало силъ у человѣка для такихъ словъ. Поэтому высказыванье въ ощущеніи Кнута не «радостный даръ», но мучительная необходимость, необходимость спастись отъ разъединенія людей, отъ проклятія одиночества. Однако, Д. Кнутъ не позволяетъ себѣ никакой рисовки собой, никакой театральности, никакого самолюбования. Здоровая духовная организація Кнута не вынесла бы позы; онъ своеобразенъ и значителенъ именно потому, что въ немъ нѣтъ ничего, заимствованнаго извнѣ. Безсмысленность существованья, ужасъ смерти, потерянности человѣка въ міръ, «пустоту и темноту» Кнутъ преодолеваетъ какъ можетъ, не хватаясь за вспомогательныя средства, не претендуя ни на какія концепціи.

Прекрасное стихотвореніе «Я помню тусклый Кишневскій вечеръ»*), о которомъ много писалось и говорилось, рѣзко выдѣляется среди многихъ произведеній, затрагивающихъ ту же тему, тѣмъ, что смерть, человѣческое горе и возмущенье суровымъ закономъ Бога почувствованы Кнутомъ не въ плоскости самосозерцанья, но, наоборотъ, въ какомъ то подлинномъ моментѣ забвенья, уменьшенія себя.

.....За печальнымъ чернымъ грузомъ
 Шла жейщина, и въ пыльномъ полумракѣ
 Не видно было намъ ея лица.
 Но какъ прекрасенъ былъ высокій голось!
 Подъ стукъ шаговъ, подъ слабое шуршанье
 Опавшихъ листьевъ, мусора, подъ кашель
 Лилась еще неслыханная пѣсня.
 Въ ней были слезы сладкаго смиренья
 И преданность предвѣчной волѣ Божьей,
 Въ ней былъ восторгъ покорности и страха...
 О, какъ прекрасенъ былъ высокій голось!
 Не о худомъ еврей, на носилкахъ
 Подпрыгивавшемъ, пѣлъ онъ — обо мнѣ,
 О насъ, о всѣхъ, о суетѣ, о прахѣ,
 О старости, о горечи, о страхѣ,
 О жалости, тщетѣ, недоумѣнья,
 О глазкахъ умирающихъ дѣтей...

Отвѣтственность и серьезность, мужественная сила и особая, при-
 сущая Кнуту, сердечная теплота, соединенные съ большимъ поэтиче-
 скимъ дарованьемъ — таково впечатлѣніе отъ книги «Парижскія Но-
 чи». Хотѣлось бы отмѣтить среди другихъ стихотвореній сборника,
 кромѣ цитированнаго, стихотворенія: «Ты вновь со мной», «О чемъ

*) «Совр. Зап.» № 41.

сказать, «Снѣгъ радости и снѣгъ печали» и удивительное въ своей внутренней напряженности, стихотвореніе «Отойди отъ меня, чело-вѣкъ».

Своей книгой «Парижскія Ночи» Д. Кнугъ занялъ опредѣленное мѣсто въ нашей новой поэзіи.

Ю. Терапіано.

В. Сиринъ. Подвигъ. Романъ. Изд. «Совр. Записки». Парижъ, 1932.

Сиринъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности былъ встрѣченъ съ интересомъ читателями, сразу обратилъ на себя вниманіе въ писательскихъ кругахъ, но не нашелъ большого отклика въ критикѣ. Книги его были, на фонѣ русской литературы, такъ своеобразны, что казалось бы естественнымъ обратное. Между тѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ полемическихъ выпадовъ, да многочисленныхъ рецензій, мы не помнимъ ничего, что появилось бы о немъ. Вѣроятно, это явленіе не случайно и не можетъ быть объяснено только малочисленностью органовъ печати и слабымъ резонансомъ, который находятъ въ нихъ литература. Едва ли когда-либо Сиринъ станетъ любимцемъ критики. Авторъ для критика только трамплинъ, предлогъ для собственного творчества, а книги Сирина не удобная канва для вышиванія критическихъ узоровъ. Его какъ то сравнивали съ Леопольдомъ Андреевымъ. Но Андреевъ былъ сущимъ кладомъ для критики. Онъ черезъ край бурлилъ «идеями», замыслами, духовными искапьями, проблемами. Въ Сиринѣ же, пожалуй, «идеологін» слишкомъ мало. «Подвигъ» одна изъ лучшихъ вещей Сирина. Первая его книга «Машенька» была только пробой пера, хотя оригинальный сюжетный при-смъ говорилъ о незаурядной талантливости ея автора: вся «Машенька» была рассказомъ объ ожиданіи, о любви неосуществившейся. Вторая книга Сирина «Король, Дама, Валетъ» поразила читателей, это былъ странный кошмаръ, въ духѣ нѣмецкаго «экспрессионизма». За тѣмъ молодой авторъ опубликовалъ интересную книгу рассказовъ «Возвращеніе Гюдро», но настоящей «Сиринъ» начался съ «Защиты Лужина». Это его лучшая вещь, написанная съ тѣмъ особеннымъ одушевленіемъ, съ которымъ пишутся произведенія, въ которыхъ авторъ «находитъ себя» и котораго не бываетъ порой и въ болѣе зрѣлыхъ и мастерскихъ книгахъ. Въ «Подвигѣ» нѣтъ той цѣльности, глубины и патетичности замысла, которыя были въ «Защитѣ Лужина». Можетъ быть, даже авторъ напрасно назвалъ свою книгу романомъ. Напряженный, ускоренный темпъ Сиринской прозы находится въ несоот-вѣтствіи со слишкомъ большими размѣрами книги, слишкомъ большими для ея нѣсколько расплывчатого и бѣднаго сюжета. Въ романѣ мы ищемъ «полифоніи», разнообразія выведенныхъ лицъ, изображенія цѣлой группы людей, социальной «среды», ищемъ многообразія, сведеннаго къ единству. Для этого единства и нуженъ ясный, интересный сюжетъ или «идея», словомъ то, что можетъ служить центромъ произведенія. Поэтому сюжетъ и идея для романа не вышнее

украшеніе, не излишній балластъ, но важный формообразующій элементъ.

Хотя изобразительная сила Сирина велика, но онъ въ гораздо меньшей степени надѣленъ тѣмъ, что можно назвать *potentia individuationis*. Въ «Подвигѣ» описано много людей, но ни съ однимъ изъ нихъ читатель не знакомится близко. Хороши только эпизодическія, бѣгло зарисованныя фигуры: дѣдъ и отецъ «героя», его дядя. Они изображены съ нѣсколько вышней нелюбовной и безпощадною мѣткостью. Но когда авторъ хочетъ углубить и осложнить зарисовку, это ему не всегда удается. Слабѣ другихъ самъ «герой» — Мартынь и Соня, которую онъ любитъ, отъ безнадежной любви къ которой рѣшается на свой непонятный подвигъ: поѣздку въ Совѣтскую Россію.

Жизнь этого «героя» описана съ самаго дѣтства. Прекрасны описанія Біарица, поѣздки въ Россію, жизни въ Кембриджѣ. Но это не рассказъ о становленіи человѣка, о душевномъ ростѣ, не то, что нѣмцы называютъ *Bildungsroman*. Нѣтъ ощущенія неизбежной, неповторимой и законотѣрной (несмотря на всѣ случайности) человѣческой судьбы.

Но «Подвигъ» и не рядъ эпизодовъ, а очень цѣльная вещь. Не надо подходить къ Сирину съ готовыми мѣрками и искать того, чего въ немъ нѣтъ, лучше радоваться тому, что въ немъ есть. Читатель не можетъ не оцѣнить мѣткость взгляда автора, цѣпкость его памяти, умѣнье видѣть все своеобразно и въ неожиданномъ разрѣзѣ. «Подвигъ» весь «написанъ» и часто превосходно. Проза для Сирина никогда не является просто средствомъ, она всегда самоцѣль, всегда искусство. Это очень своеобразная проза и каждая строка словно подписана авторомъ. Не все въ ней безупречно. Иногда читатель не можетъ не изумиться точности, изобразительной силѣ и прелести какой либо фразы. Иногда, хотя и рѣдко, наталкиваешься на нарочитый и потому раздражающій эффектъ. Когда онъ пишетъ, что «въ комнатѣ Сони стояло облако пудры какъ послѣ выстрѣла», это хорошо и побѣждаетъ читателя. Но когда онъ хочетъ использовать побѣду и прибавляетъ, что «лежалъ наповалъ убитый чулокъ», это хотя и образно, но ненужно, а «выпавшія на коверъ разноцвѣтныя внутренности шкафа» уже граничатъ съ безвкусіемъ.

Лучшее мѣсто въ книгѣ, самое поэтическое, это эпизодъ путешествія по Франціи и жизни въ маленькомъ городкѣ, Молинакѣ. Это одинъ изъ лучшихъ страницъ современной русской прозы.

М. Цетлинъ.

Юр.А Фельзенъ. Счастье. Романъ. Изд. «Парабола». Берлинъ.

Книга Ю. Фельзена не должна пройти не отмѣченной: этотъ романъ — характерное явленіе молодой эмигрантской литературы, вѣрнѣе, того теченія ея, которое отошло отъ русской традиціи. Въ то время какъ въ рѣдкой изъ совѣтскихъ книгъ не найдешь отголоска Бунина или Ремизова, въ книгѣ молодого эмигрантскаго автора ищешь влия-

ние Пруста или Джойса. Иностранная влиянія объединяютъ между собою столь несхожихъ авторовъ, какъ Сиринъ и Гадановъ, Поплавскій и Шаршунъ.

Фельзенъ — одинъ изъ первыхъ русскихъ «прустлянцевъ», въ немъ явственны слѣды внимательнаго и любовнаго чтенія произведеній великаго француза. «Счастье» хочетъ порвать съ традиціонной формой повѣствованія, Фельзенъ приближается къ тому, что французскіе критики называютъ «topologie intérieure». Есть много разновидностей въ исканіяхъ новой, болѣе свободной формы. вмѣсто прежнихъ условностей: разсказа въ хронологическомъ порядкѣ, начинающагося съ описанія героевъ и продолжающагося передачей ихъ разговоровъ или ихъ почему то извѣстныхъ автору мыслей и т. п., вмѣсто стройнаго и искусственнаго дѣленія на главы, гдѣ сначала даны воспоминанія героя, потомъ его переживанія, или дѣйствія, у новыхъ писателей есть стремленіе приблизиться къ реальной правдѣ душевной жизни человѣка, гдѣ все перемѣшано, гдѣ воспоминанія, отрывки разговоровъ, переживанія, размышленія слиты и перемѣшаны въ одно неразрывное цѣлое. Рядъ авторовъ по разному ищетъ этого приближенія, отъ грандіознаго хаоса Джойса до изящнаго импрессионизма Вирджиніи Вульфъ. Эти поиски приводятъ къ новымъ условностямъ, только менѣе привычнымъ и болѣе запутаннымъ. Такъ, Фельзенъ въ своемъ романѣ прибѣгаетъ къ формѣ полу-письма, полу-дневника, обращеннаго отъ имени нѣкогого «я» къ любимой имъ женщинѣ. Разумѣется, это только условная фикція. Такихъ писемъ-дневниковъ никто въ дѣйствительности не пишетъ, это только форма «внутренняго монолога».

Ю. Фельзенъ талантливъ, вдумчивъ и наблюдателенъ. Въ своей новой книгѣ онъ постарался отдѣлаться отъ неправильностей въ языкѣ, которыя портили его первую книгу. Изрѣдка только рѣжутъ слухъ такія выраженія, какъ «овалины ея ногтей», «будто-бы мыслительскій лобъ», или «безвыразительные глаза», хотя, разумѣется, это ошибки со- знательныя. «Я знаю, до чего бѣденъ и однообразенъ человѣчeskій языкъ», пишетъ Фельзенъ и хочетъ найти новыя слова для выраженія всѣхъ оттѣнковъ своихъ переживаній. Многое въ его книгѣ тонко подмѣчено и хорошо выражено. Она не всегда даетъ впечатлѣніе «жизненности», но это и не выходитъ ни въ намѣренія автора, ни въ задачи новой художественной прозы. Но, если не внѣшняя «жизненность», то какая-то внутренняя соразмѣрность и убѣдительность должна сохраняться и въ книгѣ, порвавшей съ прежнимъ реализмомъ. Есть въ «Счастьи» какая-то пріятная матовость, она написана вполголоса. Но есть порою и чрезмѣрная спутанность, мутность деталей.

Вотъ какъ Фельзенъ заключаетъ свою книгу, кажется, желая охарактеризовать самого себя, какъ писателя: «Я постепенно убѣждаюсь, что мое призваніе... воссоздавать эти, будто-бы ненужныя любовныя мелочи и не торопиво изъ нихъ выводить предположительныя, но не выдуманныя обобщенія: у меня... благопріятное, рѣдкое сочетаніе женскаго чутья на все неуловимое и ускользающее, и хладнокровно острожной, отчетливо ясной мужской головы». Въ этихъ словахъ много

вѣрнаго! «Счастье» — повѣствованіе о трагической и горькой любви, въ которой дѣйствительно много внимательнаго воссозданія ускользающаго и неуловимаго, но въ которомъ есть и такое, что кажется не наблюдённымъ, не пережитымъ, а только, по слову самого Фельзена, «предположительнымъ»: тонкая паутина «любовныхъ мелочей», съ большимъ умѣніемъ развитая изъ не всегда обоснованныхъ гипотезъ.

М. Петлинь.

Н. Берберова. Повелительница. Изд. «Парабола». Берлинъ, 1932.

Вторая книга Нины Берберовой рѣзко отличается отъ первой, и не просто въ порядкѣ восхожденія по прямому, съ первыхъ же шаговъ намѣченному пути, а въ смыслѣ неизбѣжнаго, нужно думать, и потому плодотворнаго отклоненія въ сторону. Замыселъ «Послѣднихъ и первыхъ» былъ сложенъ и глубокъ, но авторъ еще не умѣлъ ему найти исчерпывающаго воплощенія. «Повелительница», напротивъ, исполняетъ все, что въ ней обѣщано, но зато и общается не такъ ужъ много. Первый романъ то и дѣло автора приводилъ въ опасную близость къ міру Достоевскаго; второй уже безъ всякой опасности приближаетъ насъ къ хорошо расчищеннымъ классическимъ садамъ французскаго романа. Герои Нины Берберовой прежде не достигали до высотъ, хотя и смутныхъ идей, которымъ были обязаны существованіемъ; теперь они какъ разъ вровень своимъ упорядоченнымъ мыслямъ и ясно очерченнымъ страстямъ. Все заставляетъ думать, что это какъ бы тезисъ и антитезисъ, за которымъ послѣдуетъ — долженъ послѣдовать — сливающій ихъ въ одно и до конца оправдывающій синтезъ.

Будущій романъ Нины Берберовой, нужно надѣяться, совмѣститъ многопланность и душевную глубину «Послѣднихъ и первыхъ» съ повѣствовательнымъ мастерствомъ и стилистическимъ единствомъ, составляющими превосходство «Повелительницы». Исторія Сашинной любви къ Ленѣ и того искуса, который ему приходится пройти, рассказана съ большой стройностью, и всѣ остальные дѣйствующія лица умно расположены вокругъ этого стержня, ради котораго и существуетъ книга. Самое трудное въ композиціи романа — сочетать архитектуру съ жизненной непринужденностью, и эту трудность авторъ преодолѣлъ вполне. Симметрия построенія (два письма матери, напримеръ, въ началѣ и въ концѣ) не мѣшаетъ плавности рассказа, а ускореніе темпа въ послѣдней главѣ отвѣчаетъ растущему внутреннему напряженію. Самое же лучшее, и самое личное въ книгѣ, это ея языкъ. Въ «Послѣднихъ и первыхъ» его портили кое-гдѣ чужіе ритмы, не совѣмъ естественные повороты фразъ, внешние чаще всего захлебывающейся рѣчью Достоевскаго. Здѣсь ничего этого нѣтъ; интенсивности, насыщенности языка противостоитъ полная его умѣренность и свобода. Этотъ языкъ, безспорнѣе еще, чѣмъ что либо другое въ «Повелительницѣ», заставляетъ вѣрить въ будущее ея автора.

В. Вейдле.

Викторъ Шкловскій. Поиски оптимизма. М. изд. «Федерация». 1931.

Рѣдко какая книга оставляетъ послѣ себя такое чувство грусти; грусти, соединенной съ чувствомъ тревоги за будущее русской литературы. Не знаю, можетъ быть, имя Шкловскаго, слишкомъ яркое и боевое, вызвало то, что въ эмигрантской критикѣ его послѣдняя книга была встрѣчена очень сурово. Доигрался, молъ, такъ тебѣ и надо! Но, по совѣсти, такого приѣма книга не заслуживаетъ, если взять ее, какъ литературное произведеніе и человѣческой документъ.

Какъ литературное произведеніе, я согласенъ, она стоитъ не на очень большой высотѣ. Но гдѣ надо помнить, что избранный родъ повѣствованія — безсюжетные рассказы-очерки, пронизанные личными раздумьями, одинъ изъ самыхъ трудныхъ родовъ литературы. И уже одно то, что эти очерки читаются съ интересомъ и раздумья автора не проходятъ мимо сознанія читателя — уже это одно говорить о литературномъ искусствѣ. Никто не можетъ отнять у Шкловскаго и его большой наблюдательности и остроты въ передачѣ своихъ наблюдений. Автора упрекали въ искусственности книги, въ вычурности ея обработки, но критическому взгляду не трудно установить, что именно литературной подачей матеріала, внѣшне иѣсколько претенціозной, ему удалось придать всему произведенію внутреннюю цельность и связанность, создать то единство, которое въ самомъ матеріалѣ, собственно, отсутствуетъ. Нужна была автору эта внѣшняя усложненность и для передачи того общаго тона произведенія, который дѣлаетъ его не только литературно интереснымъ, но и внутренне-содержательнымъ.

Этотъ общій тонъ, создающій внутреннее единство книги — тонъ грусти и разочарованія. Недавно Максимъ Горькій въ письмѣ къ Роману Роллану вынужденъ былъ признать, что «болѣе опытные совѣтскіе писатели обнаруживаютъ въ своихъ писаніяхъ пессимизмъ», и книга Викт. Шкловскаго подтверждаетъ правильность этого наблюденія. Макс. Горькому это не нравится, не нравится это, вѣроятно, и самимъ писателямъ, которые все время находятся въ «поискахъ оптимизма», но обрѣсти его никакъ не могутъ. Намъ не интересуетъ здѣсь вопросъ о причинахъ этого настроенія; онъ во всякомъ случаѣ сложный, чѣмъ ихъ себѣ представляетъ М. Горькій. Но литературное преломленіе этого настроенія создаетъ совершенно особую окраску творчества «болѣе опытныхъ совѣтскихъ писателей», къ числу которыхъ по праву относится и Викт. Шкловскій. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить новую тягу къ романтизму, такъ разительно противорѣчащую официальному курсу совѣтской литературы. Романтизмъ подъ запретомъ — явленіе небывалое, насколько знаю, въ литературѣ, поэтому и формы такого романтизма неожиданны и своеобразны. Слѣды этого романтизма легко обнаружить и въ сюжетахъ (напр., очеркъ «Нико Пирсмановшвили») и въ ихъ трактовкѣ, а главное въ общей интонаціонной установкѣ книги Викт. Шкловскаго. Въ духѣ романтики и общія размышленія о литературѣ и ея безсиліи. «Какая утомительная вещь литература» — это только новая формула невоз-

возможности въ словѣ воплотить жизнь. Романтична и замкнутость личности въ себѣ, невозможность выйти за предѣлы своей «квартирной жизни». Любопытно, какъ устойчивы сейчасъ нѣкоторые образы въ совѣтской литературѣ. Одинъ изъ такихъ образовъ: домъ-корабль. И у Викт. Шкловскаго онъ играетъ въ общей системѣ образности большую роль. «Въ нашемъ маленькомъ деревянномъ домѣ люди, какъ на пароходѣ. Спятъ на кроватяхъ, диванахъ. Спятъ на полу. Какъ маленькій, дышащій жаромъ черезъ рты раструбовъ пароходъ, плыветъ нашъ домъ. Плыветъ подь небомъ». Конечно, этотъ образъ не случаенъ, конечно, отражаетъ общую взвихренность онъ русской жизни. Но, независимо отъ его жизненности, онъ подь угломъ зрѣнія литературной—романтиченъ, какъ романтичны и «тучки небесныя, вѣчные странники». А эта романтичность образности создаетъ и ту романтическую интонацію, о которой я говорилъ выше. Вотъ примѣръ: «Тишина. Плыветъ на землѣ, перемѣщаясь, относительно звѣздъ, маленький мой, негодный къ плаванью, корабль. Квартирная жизнь. Какъ трудно, читатель, уплыть отъ своего неподвижнаго дома. Какъ трудно забыть горечь, путаницу. Перейти отъ плана квартиры къ картѣ міра». Характерно это обращеніе къ читателю, пріобщеніе его къ своимъ переживаніямъ не путемъ убѣжденія, а путемъ зараженія эмоціей. Правда, обращеніе это иногда окрашено въ иронию, но вѣдь и иронія тѣсно связана съ романтизмомъ. Такое соединеніе горечи съ ироніей слышится, напр., въ зовѣ отчаянія: «О, другъ! Другъ дорогой, если ты живъ! Кашляни!» Того же порядка чисто восклицательныя сентенціи: «Она такая тяжелая, жизнь!» или «Это вызывающе печально!» Временами, какъ контрастъ къ официальному реализму, почти сентиментально звучатъ воскресшія формулы любви и дружбы. «Поговоримъ о сердцѣ, которое скучаетъ. О дружбѣ. О любви». И вовсе не въ духѣ запретной контрабанды, а въ общемъ стилѣ «романтики сердца» звучатъ слова, вложенныя авторомъ въ уста женщины-делегатки, на какомъ-то женскомъ собраніи: «Не говорятъ сейчасъ о священномъ писаніи, а все-же люди-братья. Не хорошо ссорить бѣдняка съ середнякомъ, такъ мы коллективизма не построимъ». Это зародышъ возможнаго сюжета, гдѣ героемъ выступаетъ столь характерная фигура части совѣтской литературы — идеалистъ-романтикъ. Герой здѣсь только намѣченъ, но намѣченъ достаточно ярко: «Выходитъ женщина въ черномъ платкѣ. Снимаетъ. Подь чернымъ платкомъ бѣлый. Женщина говоритъ». И то, что не дается въ развернутомъ сюжетѣ, дано въ его свернутомъ видѣ — побѣда героя: «Взволнованный встаетъ предсѣдатель. Говоритъ: «развѣ я говорилъ, что середнякъ плохой человекъ». Женщина надѣваетъ платокъ».

Литература въ Россіи переживаетъ исключительно трудное время. Бороться приходится уже не только за содержаніе произведенія, но и за его форму. Мы всѣ знаемъ, какъ въ борьбѣ за содержаніе писатель находитъ все же выходъ, какъ создается между писателемъ и читателемъ взаимное пониманіе съ намека, съ полуслова. Насиліе надъ содержаніемъ литературы ужасно, но не смертельно. Но насиліе

надъ формой, какъ это ни странно, для литературы еще страшнѣе. Ибо расторгается самая ткань литературы. И слѣдить, какъ запретная литературная форма пробивается сквозь насильственно ей навязанные тиски, необычайно мучительно. Съ этимъ невольнымъ чувствомъ закрываешь книгу «Поиски оптимизма».

А. Бемъ.

Fedor Stepan. Theater und Kino. Bühnen-Volksbund-Verlag. Berlin.

Федоръ Степунъ въ своей книгѣ «Театръ и кино», выпущенной на нѣмецкомъ языкѣ берлинскимъ издательствомъ, возвращается къ затихшимъ было въ послѣдніе годы спорамъ о судьбѣ театра. Фактъ побѣды кинематографа, котораго раньше только боялись, теперь онъ считаетъ совершившимся и рассматриваетъ лишь его причины. Бытовые удобства — дешевизна, демократическое оборудованіе, расположеніе кинематографическихъ залъ въ каждомъ кварталѣ — не играли, по мнѣнію Степуна, рѣшающей роли въ побѣдѣ кино надъ театромъ. Единственная признаваемая имъ причина кроется въ неумѣннѣ театра удержаться на высотѣ своей «религіозно-метафизической» сущности: соскользнувъ на пре-кинематографическую тропу погони за натурализмомъ, театръ самъ лишилъ себя главнаго орудія борьбы съ явившимся противникомъ.

Для Степуна сущность театра есть единеніе актера и зрителя. «Соборное дѣйство», о которомъ мечталъ когда-то Вячеславъ Ивановъ, остается для Степуна высшей формой театральнаго выраженія. На глазахъ у зрителя актеръ — потомокъ мага и жреца — совершаетъ чудо своего преображенія. Зритель видитъ, какъ искра вдохновенія, вспыхнувшая въ душѣ актера, попадаетъ въ душу его партнера, вызывая отвѣтное пламя — и въ свѣтѣ этихъ скрещивающихся молній зритель по-новому видитъ и сознаетъ свою собственную душу. Освобождая отъ власти мгновений, соединяя воедино разрозненные «отрывки» ежесекунды, театръ раскрываетъ намъ значеніе нашей собственной жизни. Сущность театра заключена въ этомъ подъемѣ отъ случайнаго и мгновеннаго къ «абсолютно необходимому и существенному», въ движеніе «изъ небытія повседневности къ высшему бытію героико-трагической жизни».

Въ кинематографѣ такого единенія быть не можетъ — между актеромъ и зрителемъ стоитъ вещь: аппаратъ. Чуда творенія, — ежедневнаго воскресенія актера въ создаваемъ имъ образѣ — въ кинематографѣ нѣтъ: зритель получаетъ разъ навсегда установленную, выбранную изъ тысячи пережитыхъ актеромъ мгновений, тщательно вывѣренную механическую тѣнь. Степунъ считаетъ, что это можетъ дать кинематографу возможность «отстояться» въ искусство. Живя въ стѣхннхъ противоположной театру, не будучи съ нимъ сходенъ въ цѣляхъ и средствахъ, становясь даже «антитеатромъ» въ своей сущности, кинематографъ имѣетъ возможность стать новымъ искусствомъ.

Этой возможности мѣшаетъ, по мнѣнію автора, появленіе звукового фильма, соединяющаго элементы двухъ категорій — «подлинный» голосъ и отраженное зрительное впечатлѣніе. Изъ «мертвыхъ» губъ выходитъ «живой» голосъ, разрушая самостоятельность художественнаго бытія и низводя кинематографъ до степени простой фотографии. Съ этой мотивировкой можно спорить: звуковые элементы фильма относятся къ той же категоріи, что и зрительные, ибо тѣ и другіе проходятъ черезъ отражающую и фиксирующую ихъ машину. Не живой голосъ выходитъ изъ мертвыхъ губъ, но тѣнь звука изъ тѣни губъ. Звуковое сопровожденіе не только освобождаетъ отъ разрѣзавшихъ текучесть воспріятія надписей, но устанавливаетъ правильный ритмъ картины, то есть вводятъ подлинную основу всякаго искусства. Споръ между «нѣмымъ» и говорящимъ еще не конченъ — и Степунъ становится на сторону умирающаго «нѣмого», проводя очень остроумную теорію особенностей кинематографическаго воспроизведенія движеній, которое кажется ему вполне достигнутымъ лишь стилизованной походкой Чарли Чаплина.

Степунъ оставляетъ въ сторонѣ историческую и научную роль кинематографа, какъ идеальнаго свидѣтеля, онъ лишь вскользь упоминаетъ о «подглядываніи» тайнъ природы, составляющемъ тему лучшихъ современныхъ фильмовъ, о «путешествіи вокругъ свѣта» въ кинематографическомъ залѣ. Онъ ограничиваетъ свой разборъ той областью, въ которой кинематографъ является соперникомъ театра: областью драматическаго представленія. Къ сожалѣнію, это намѣренное самоограниченіе автора лишаетъ его стройныя логическія построенія окончательной убѣдительности. Область драматическая такъ еще мало художественна въ кинематографѣ, такъ связана худшей театральной рутиной и такъ въ большинствѣ случаевъ остаются въ ней неиспользованнымъ средства и возможности кинематографа, что судить по ней о будущемъ кино почти невозможно.

Можно было бы возразить и противъ основнаго постулата книги — о побѣдѣ кино надъ театромъ. Театральный зритель не отказался отъ театра — кинематографическіе залы переполнены новыми зрителями, въ большинствѣ случаевъ въ театрѣ и ранѣе не ходившими. Лучшимъ тому доказательствомъ является возможность возобновленія въ кинематографѣ въ качествѣ «новинокъ» заигранныхъ и снятыхъ съ репертуара старыхъ театральныхъ пьесъ. Театръ, по крайней мѣрѣ въ Россіи и во Франціи, не утратилъ своей власти надъ публикою.

Можно было бы возразить и противъ возможности выбора театрального направленія, ибо все подлинное поваялось неожиданно, безъ «заказа». Попытки возродить трагедію въ началѣ нашего вѣка не удалось, несмотря на постановку «Эдипа» у Рейнгардта и «Ипполита» въ Александринскомъ театрѣ. Трудно въ театрѣ заранѣе сказать: — «отсель грозить мы будемъ шведу», ибо пути театра самодовлѣющи. Въ сужденіяхъ о русскомъ театрѣ, авторъ исходитъ изъ линіи театра Станиславскаго, упоминаетъ вышедшихъ изъ него Мейерхольда и Таирова, — но обходитъ молчаніемъ подлинный русскій театръ

— Императорский, не вспоминая Ермолову, Стрепетову, Варламова, хотя они ближе всего къ его теоріи актерскаго вдохновенія.

Книга, могущая во многомъ вызвать споры, очень интересна и волнуетъ одушевляющимъ ее искреннимъ стремленіемъ къ дѣйствительному театру.

Ю. Сазонова.

Ф. И. Шляпинъ. Маска и Душа. Изд. «Совр. Записки». Парижъ, 1932.

Эта книга Шляпина, служащая какъ бы продолженіемъ его недоконченной автобіографіи («Страницы изъ моей жизни»), посвященная двумъ темамъ, которымъ соответствуютъ двѣ ея части: искусство опернаго пѣвца и русская революція. Казалось бы — совершенно различныя вещи, но у автора онѣ приведены къ единству своимъ отношеніемъ къ нимъ: революція для него — раскрытіе тѣхъ трагическихъ противорѣчій русской «души», русской «стихіи», которыя уяснились ему уже раньше, въ свѣтъ его опыта художника, даващаго единственное, неповторимое воплощеніе замыслу, быть можетъ, величайшаго выразителя этой «стихіи», Мусоргскаго, который, въ свою очередь, былъ имъ понятъ въ свѣтъ его житейскаго опыта раннихъ лѣтъ. Въ этой книгѣ, — такомъ же художественномъ произведеніи, какъ всѣ сценическія созданія Шляпина, — все символично, все приведено къ единству — и эта конкретность ея дѣлаетъ то, что, читая ее, мы все время находимся въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи съ авторомъ. Дѣло вовсе не въ автобіографичной формѣ ея и даже не въ очаровательной прямотѣ, приводящей на память другого художника-автобіографа, Бенвенуто Челлини, съ какою авторъ говоритъ о себѣ: и тогда, когда онъ пишетъ объ «отвлеченныхъ вещахъ», мы слышимъ его голосъ, ощущаемъ его присутствіе, и его идеи воспринимаемъ какъ неотъемлемую часть его личности; обогащаясь результатами его художническаго опыта, получаемъ въ нихъ и вмѣстѣ съ ними нѣчто, еще болѣе цѣнное: Шляпинъ заражаетъ насъ своей жизненностью, своей потребностью сочувствовать, сопереживать, сострадать и сорадоваться, благоговѣть передъ жизнью, видѣть ея единство и ея религиозный смыслъ (см., напр., потрясающее своею мощью экспрессіи и глубиною, какое-то бетховенское мѣсто о «Градѣ-Китежѣ»). Тѣмъ самымъ книга Шляпина даетъ то, чего не даютъ никакіе самыя глубокомысленныя «философіи искусства» и «психологіи творчества» — представленіе о томъ, что такое геній, въ чемъ тайна творчества. Геній — это человѣкъ въ полномъ значеніи слова; геніальность — чистая человѣчность, моральное свойство, способность любить, отверзающая очи и пруждающая къ дѣланію. Геніальность это — благородство, внушившее Шляпину слѣдующія удивительныя слова: «Когда мнѣ приходится говорить о людяхъ, которые мнѣ не нравятся, мнѣ дѣлается какъ-то неловко и совѣстно. Это потому, что въ глубинѣ моей души я имѣю убѣжденіе, что на свѣтѣ не должно быть (разрядка моя П. Б.) людей, не вызывающихъ къ себѣ симпатіи». Геній можетъ обладать всеми

человѣческими недостатками, кромѣ одного: равнодушія, отъединяющаго человѣка отъ другихъ людей, отъ жизни, обезпложивающаго, сводящаго на нѣтъ всѣ его способности. Мало книгъ, которыя бы, подобно этой, открывали съ такою наглядностью высокой нравственный смыслъ суровой и радостной художественской аскезы. Хотѣлось-бы, чтобы эта чудесная книга стала немедленно, теперь-же «классической», была бы прочитана, прочувствована и продумана не только взрослыми людьми, но и нашей молодежью, Ничто такъ не воспитываетъ, не облагораживаетъ, не оздоравливаетъ, какъ общеніе съ великимъ человѣкомъ; и книга Шалапина, повторяю, написана такъ, что создаетъ для каждаго возможность такого общенія съ нимъ. Кромѣ того — художественная одаренность Шалапина, въ силу которой все, о чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ видитъ и насъ заставляетъ видѣть (изумительна конкретность его рѣчи, изобилующей сравненіями, по простотѣ, меткости, яркости напоминающими толстовскія), дѣлаетъ совершенно незамѣнимымъ все, что онъ говоритъ о Россіи. Его видѣніе Россіи, его чувство Россіи сообщается намъ, посредствомъ его книги, въ такой же мѣрѣ, какъ посредствомъ его исполненія роли Варлаама. А безъ этого видѣнія, безъ этого непосредственнаго воспріятія глумокаго и своеобразнаго, страшнаго, безобразнаго и вмѣстѣ возвышеннаго трагизма русской дѣйствительности, русской исторіи мыслимо-ли сейчасъ національное сознаніе?

П. Бицилли.

Boris de Schlaezer. Gogol. Collection «Le roman des grandes existences». Plon. Paris.

Б. Ф. Шлецеръ превосходно справился съ необычайно трудной и отвѣтственной задачей — рассказать иностранцамъ жизнь Гоголя. Безъ преувеличенія можно сказать, что и въ русской литературѣ объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ» не существуетъ такой законченной и цѣльной біографіи. Опасенія, которыя можетъ вызвать названіе коллекціи, разсѣиваются первой же строкой предисловія. «Эта жизнь Гоголя не «*biographie romanesque*». Авторъ придерживается строго-историческаго метода, излагаетъ конкретный біографическій матеріалъ (очень широко и искусно использована переписка Гоголя и свидѣтельства современниковъ), подвергаетъ его тонкому и проницательному анализу; его цѣль — возсоздать личность Гоголя, прослѣдить исторію его души. Намѣтнувъ рѣзко границы своей работы, Б. Шлецеръ сознательно отказывается отъ полноты и разносторонности изображенія: его занимаетъ прежде всего — и почти исключительно — человекъ; искусство Гоголя, его художественный гений остаются въ сторонѣ; біографъ обращается къ произведеніямъ лишь поскольку они отражаютъ личность автора. Для иностраннаго читателя, знакомаго съ Гоголемъ по наслышкѣ, психологическое построеніе Б. Шлецера можетъ показаться абстрактнымъ. Для русскаго читателя этой опасности не существуетъ и чисто-психологическій подходъ къ Гоголю представляется вполне оправданнымъ.

Б. Шлецеръ полагаетъ, что личность Гоголя представляетъ «предѣльный случай, одновременно и единственный въ своемъ родѣ и типическій». Авторъ «Мертвыхъ Душъ» борется со своимъ гениемъ, открывающимъ ему «смертельную истину»; вся его жизнь — долгая агонія, трагическая расплата за эту истину.

Биографъ съ большой убѣдительностью показываетъ намъ развитіе души писателя; его анализъ часто суровъ и всегда холодно-безпристрастенъ. Отмѣчая факты лживости и неискренности Гоголя, Б. Шлецеръ говоритъ о сложной противорѣчивости и эмоциональности его натуры и вскрываетъ таинственную внутреннюю логику: Гоголь приходитъ въ міръ разъ навсегда сложившимся, готовымъ, душевно неподвижнымъ. Авторъ «Переписки съ друзьями» качественно ничѣмъ не отличается отъ веселаго рассказчика Рудого Панька. Эта статическая душа не обладаетъ чувствомъ реальности; она живетъ въ своемъ призрачномъ мірѣ и лишена интуитивнаго ощущенія жизни. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что міръ Гоголя есть міръ «Мертвыхъ душъ», что послѣ юношескихъ «Вечеровъ на хуторѣ» онъ создавалъ только «мертвыя души», — и самъ онъ былъ такой трагически обреченной «мертвой душой». Сопоставляя письма писателя съ его персонажами, Б. Шлецеръ блестяще доказываетъ свое утвержденіе: развѣ герои Гоголя не плоть отъ его плоти? Вѣдь признавался же онъ, что его творчество есть «исторія его собственной души». Никакой «дѣйствительности» Гоголь не видѣлъ: онъ творилъ людей путемъ интроспекціи, изъ себя самого. Чичиковъ, Маниловъ, Плюшкинъ, Хлестаковъ — личности самого автора, вариации одной «мертвой души». Смѣхъ Гоголя совѣтъ не умиленный «смѣхъ сквозь слезы» (это выдумали чувствительные критики), смѣхъ его — жестокой, безощадный, разрушительный; писатель лишенъ простой человѣческой доброты, онъ только увѣряетъ себя, что любитъ людей — на самомъ дѣлѣ онъ ихъ презираетъ (ср. его письма къ Погодину и Аксаковымъ).

При такой концепціи личности Гоголя, биографъ не могъ оцѣнить громадную трагическую значительность религіознаго опыта Гоголя. Онъ склоненъ считать вѣру автора «Переписки съ друзьями» формальной и внѣшней. Живой вѣры у Гоголя не было; его христіанство — чисто утилитарно, — своего рода житейскій укладъ и душевная гигиена. «Его религія, говоритъ Шлецеръ, была разсудочной и резонерской». И авторъ доходитъ до жуткаго и жестокаго вывода: Гоголь до вѣрля Богъ, пока вѣрля въ себя; когда же онъ потерялъ гордую вѣру въ себя — онъ отвернулся и отъ Бога.

Всѣ эти выводы сдѣланы логическимъ путемъ изъ положенія: «Гоголь — мертвая душа», и тѣмъ не менѣе они несправедливы. Автору не слѣдовало такъ полагаться на логику при попыткѣ объяснить Гоголя; загадка автора «Шинели» не сводится къ конфликту между художникомъ и моралистомъ. Религіозная жизнь Гоголя, какъ бы мучительное, противорѣчива она ни была, конечно, не одно «резонерство»; она глубока и подлинна. Особенно удивляетъ оцѣнка «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», въ которыхъ Б. Шлецеръ видитъ

лишь «примѣръ сотрудничества автора съ его персонажами». Нѣтъ, эта книга — первая общественная, первая религіозно-нравственная книга въ русской литературѣ.

К. Мочульскій.

А. В. Нехлюдовъ. Старые Портреты. Семейная лѣтопись. Книжное дѣло «Родникъ». Парижъ, 1933 г.

Въ предисловіи къ этой интереснѣйшей книгѣ И. А. Бунинъ справедливо говоритъ: «Повѣствованіе А. В. Нехлюдова обладаетъ качествами, присущими характеру самого автора: живостью, непосредственностью, изящной простотой, подчасъ — тонкимъ остроуміемъ, одушевлено сердечной, хотя и не слѣпой любовью къ русскому прошлому, изложено отличнѣмъ и нѣсколько своеобразнымъ языкомъ, который какъ бы невольно принаравливается къ описываемой эпохѣ и къ тѣмъ лицамъ, которыхъ выводитъ авторъ».

«Старые Портреты» именно семейная лѣтопись, прекрасный образецъ такъ называемой *petite histoire*. Книга эта понадобится и историку, и историку литературы, и ужъ конечно историческому романисту. А. В. Нехлюдовъ почти не касается политической дѣятельности людей, появляющихся на страницахъ его хроники. Однако его разсказъ, — повидимому, вполнѣ достовѣрный, — объ отставкѣ кавалергардскаго офицера В. П. Кузузова открываетъ кое-что новое въ характерѣ Николая Павловича. Съ интересомъ узнаемъ мы, напримѣръ, и о томъ, что для придворной петербургской знати Карамзинъ «все-таки оставался, въ сущности, не то профессоромъ, не то учителемъ исторіи»: И. П. Мятлевъ по ошибкѣ называлъ его Кайдановымъ. Не пройдетъ и биографъ Лермонтова мимо слѣдующей страницы «Старыхъ Портретовъ»: «Изъ завсегдаевоу Карамзинскаго салона отецъ мой наименѣе любилъ, или вѣрнѣе, вовсе не любилъ Лермонтова; онъ восхищался его стихами, но самая личность поэта была ему совсѣмъ не по душѣ. «Il était laid comme un roux», — говаривалъ намъ про него отецъ. Но вѣдь и Пушкинъ былъ некрасивъ? замѣчали мы ему. «Какая разница! отвѣчалъ онъ; у Пушкина каждая черта лица дышала умомъ, изяществомъ, благородствомъ, а когда онъ оживлялся и начиналъ говорить, то забылось бы даже уродство, если бы таковое дѣйствительно было его удѣломъ. А Лермонтовъ щеголялъ какимъ-то измѣненнымъ юнкерскимъ цинизмомъ, и весь умъ его въ обществѣ изощрялся лишь на то, чтобы кого-нибудь побольнѣ затронуть, оскорбить, нарядить в шуты, — и большей частью какого-нибудь простака или робкаго челоуѣка; рѣдко такого, кто бы далъ сдачи. Да, у него были чудесные глаза и, вѣроятно, внутри души — высокія чувства; но онъ эти чувства тщательно пряталъ отъ другихъ; а то, что онъ выставлялъ на показъ, было еще некрасивѣе, чѣмъ его лицо». Во всякомъ случаѣ это очень характерно для отношенія многихъ свѣтскихъ людей къ Лермонтову. Мартыновъ могъ бы кое-что сказать въ свое оправданіе, — какъ ни ужасенъ ударъ, нанесенный имъ русской литературѣ

(вѣдь и представить себѣ трудно, на какія высоты поднялся бы, особенно въ прозѣ, Лермонтовъ, если-бъ ему была послана долгая жизнь).

Большая часть книги удѣлена семейнымъ портретамъ. Особенно удалась автору (и въ чисто художественномъ отношеніи) фигура его дѣда Сергѣя Петровича Нехлюдова, въ молодости храбраго гвардейскаго офицера, впоследствии нѣсколько раздраженнаго петербургскаго барина. С. П. Нехлюдовъ скончался въ 1874 году, авторъ книги хорошо его зналъ. Вѣроятно, нынѣшнему русскому эмигранту, свидѣтелю большевистской революціи, странно вспоминать о томъ, что онъ близко зналъ человѣка, участвовавшего въ Бородинскомъ сраженіи и бывшаго живой лѣтописью военныхъ, политическихъ и свѣтскихъ событій Наполеоновскаго времени!

Есть въ книгѣ нѣсколько небольшихъ неточностей. Такъ, на стр. 102 извѣстный Жильберъ Ромъ ошибочно названъ аббатомъ; на стр. 187 невѣрно процитированы и отнесены къ царствованію Николая I стихи изъ Пушкинской «Деревни»; на стр. 218 Михайловъ-Шеллеръ названъ Михайловскимъ и т. п. Все это не имѣетъ значенія: прекрасно написанныя воспоминанія А. В. Нехлюдова въ общемъ очень точны, а въ бытовомъ отношеніи представляютъ собой кладъ (кто, напримеръ, теперь знаетъ, что фамилія «Вьельгорскій» произошла изъ «Велеурскій»). Въ небольшой замѣткѣ, предпосланной книгѣ издателемъ, сообщается, что А. В. Нехлюдовъ закончилъ въ рукописи еще два тома воспоминаній. Мы надѣемся, что они появятся очень скоро.

Издана книга отлично. Въ ней воспроизводится и нѣсколько семейныхъ портретовъ (работы Изабы, Боровиковскаго).

М. Алдановъ.

Histoire de Russie. Par Paul Miljoukov. Ch. Seignobos et L. Eisenmann. Tome I. Des origines à la mort de Pierre le Grand. Librairie Ernest Leroux. Paris, 1932. P. XIX+435.

Выходящая въ настоящее время въ свѣтъ «Исторія Россіи» несомнѣнно займетъ видное мѣсто среди общихъ обзорныхъ русской исторіи. Предназначенная въ первую очередь для иностранцевъ французовъ, она будетъ, однако, и больше оценена и, что еще важнѣе, лучше понята русскимъ читателемъ.

Тѣ похвалы, которыя въ своемъ предисловіи къ изданію расточаетъ по адресу русскихъ историковъ Шарль Сеньобосъ, не въ состояніи затушить его скрыто-полемическаго отношенія къ руководящей точкѣ зрѣнія главныхъ сотрудниковъ «Исторіи Россіи». Начиная съ XVII в., пишетъ Ш. Сеньобосъ, «вся внутренняя жизнь Россіи представляется намъ, людямъ Запада, какъ постоянное копированіе государственнаго строя, практики и идей Запада». Врядъ ли такой взглядъ на русскую исторію, высказанный выдающимся представителемъ французской исторической науки, въ состояніи доставить удовлетвореніе виднѣйшему русскому сотруднику и вмѣстѣ съ тѣмъ редактору «Исторіи Россіи», П. Н. Милюкову, сумѣвшему вложить въ коллективный трудъ цѣлостную историко-философскую, точнѣе, социологическую

душу, мало похожую на то, о чем говорит Ш. Сеньобосъ. Для русскаго историко-соціологическаго направленія важенъ и значителенъ не столько самый фактъ «подражанія», даже въ томъ случаѣ, когда онъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, сколько тѣ условія и причины, которыя дѣлали его не только возможнымъ, но и исторически плодотворнымъ.

Если Ш. Сеньобосъ послѣ ознакомленія въ рукописи съ содержаніемъ всего коллективнаго труда все же находитъ возможнымъ утверждать, что «русскій умъ... постоянно озабоченъ понять какъ русское нововведеніе то, что по существу было подражаніемъ Западу», то въ данномъ случаѣ къ такому заключенію его, быть можетъ, привела не только привычка мысли, традиціонный во французской литературѣ взглядъ на русскій историческій процессъ, но и нѣкоторыя особенности, присущія разбираемому труду.

Исторія Кіевской Руси и даже Московской вплоть до XVII в. освѣщена въ настоящемъ изданіи слишкомъ кратко и не всегда полно. Въ результатѣ, корни нѣкоторыхъ историческихъ процессовъ для читателя, въ особенности иностраннаго, остаются не вполне ясными; едва ли онъ также сможетъ себя уяснить, въ какой мѣрѣ древняя Русь съ самаго момента своего выхода на историческую сцену, независимо отъ какаго бы то ни было непосредственнаго «подражанія» Западу, принадлежала къ семьѣ европейскихъ народовъ. Въ этихъ условіяхъ послѣдующая русская «отсталость», опять-таки при наличіи извѣстной привычки мысли, легко сможетъ найти себѣ объясненіе или въ особенныхъ свойствахъ «славянскій души», или, какъ это и дѣлаетъ Ш. Сеньобосъ, въ фактѣ принятія восточными славянами христіанства изъ Византіи и въ непосредственномъ влияніи, оказанномъ на нихъ татарами.

Экономія мѣста не помѣшала все же предпослать начальнымъ главамъ изданія два весьма интересныхъ очерка: «Географическое описаніе Россіи» К. Альмейда и «Доисторическую археологію» Л. Нидерля. Наличіе статей на подобныя темы придаетъ изданію характеръ большой научной свѣжести и при настоящемъ состояніи русской исторіографіи является прямо необходимымъ. Однако въ дальнѣйшемъ эти очерки мало использованы, и потому, представляя интересъ для исторіи страны, которой они касаются, они не затрагиваютъ исторіи восточныхъ славянъ, въ опредѣленный историческій моментъ заселившихъ данную страну. Между тѣмъ многое въ исторіи Кіевской Руси остается почти загадочнымъ, если держаться стараго взгляда, высказаннаго еще С. М. Соловьевымъ, что исторія Россіи начала строиться на «дѣвственной почвѣ» и если не оцѣнить въ полной мѣрѣ многовѣковыхъ культурныхъ напластованій, окружившихъ все сѣверное побережье Чернаго моря широкой и мощной культурной каймой, неизмѣнно вовлекавшей въ орбиту своего влиянія всѣ народы, входившія въ той или иной мѣрѣ съ ней въ соприкосновеніе.

Самыя статьи, относящіяся къ древней Руси и къ Руси московской (до XVII в.), написаны подъ сильнымъ воздѣйствіемъ научныхъ трудовъ В. О. Ключевскаго. Вліяніе этого историка видно не только

въ томъ, какъ оба автора — В. А. Мякотинъ и А. А. Кизеветтеръ — разрѣшаютъ поставленные ими историческіе вопросы, но, пожалуй, еще въ большей степени въ томъ, что они, какъ общее правило, совершенно не касаются тѣхъ вопросовъ, которые, хотя и были поставлены въ русской исторіографіи, но В. О. Ключевскимъ почему либо не затрагивались. Конечно, В. О. Ключевскій слишкомъ большой историкъ, чтобы близость къ нему хоть въ какой-нибудь степени могла бы быть поставлена кому бы то ни было въ минусъ. Гораздо существеннѣе то обстоятельство, что въ обѣихъ статьяхъ отводится весьма незначительное мѣсто духовной культурѣ, а въ статьѣ А. А. Кизеветтера, кромѣ того, — и такому основному факту социальной исторіи Московской Руси, какъ зарожденіе въ ней крѣпостного права.

Начиная съ первыхъ Романовыхъ «Исторія Россіи» дѣлается уже дѣйствительно полной и начинаетъ охватывать всѣ стороны жизни русскаго народа: политическую, социальную, экономическую и культурную.

Статьи, посвященныя первымъ Романовымъ и Петру В., принадлежать перу П. Н. Милюкова. Труды этого историка о XVII в. и первой четверти XVIII вѣка слишкомъ извѣстны, чтобы они нуждались въ особомъ отзывѣ. Необходимо тѣмъ не менѣе отмѣтить, что въ свои статьи П. Н. Милюковъ внесъ много новаго и свѣжаго научнаго матеріала, что дѣлаетъ ихъ въ высокой степени интересными и для тѣхъ, кто знакомъ съ его прежними научными работами.

Переводъ съ рукописи на французскій языкъ сдѣланъ почти идеально. Встрѣчаются только отдѣльныя ошибки въ передачѣ специфическихъ русскихъ выраженій. Нельзя, конечно, переводить слова «Русская Правда» — «la Verité Russe». Къ такимъ же, скорѣй внѣшнимъ, недочетамъ изданія относятся и отдѣльныя, не имѣющія, правда, существеннаго значенія, фактическія неточности, мѣстами встрѣчающіяся въ книгѣ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о цѣнномъ очеркѣ русской исторіографіи, авторомъ котораго въ данной книгѣ является П. Н. Милюковъ. При всей своей вынужденной краткости этотъ очеркъ вышелъ не только интереснымъ, но и весьма содержательнымъ. Думается только, что П. Н. Милюковъ недостаточно оцѣнилъ характерныя черты петербургской исторической школы, свѣдя ихъ чуть ли не къ простому комментированію историческихъ источниковъ. Возможно, что такая характеристика явилась результатомъ того, что П. Н. Милюковъ школу петербургскихъ историковъ ведетъ отъ одного К. Н. Бестужева-Рюмина. Между тѣмъ на формированіе этой школы во всякомъ случаѣ не меньшее, если даже не большее, вліяніе оказывали одновременно съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и В. И. Сергѣевичъ и В. Г. Васильевскій. Послѣдній, занимая въ Петербургскомъ университетѣ кафедру средневѣковой исторіи, сыгралъ въ дѣлѣ созданія Петербургской школы историковъ роль, равнозначную той, которую для Московской школы, рядомъ съ В. О. Ключевскимъ, сыгралъ П. Г. Виноградовъ.

Д. М. Одинецъ.

Сборникъ Русскаго Института въ Прагѣ. Т. II. Прага, 1932.

Русскій Институтъ въ Прагѣ выпустилъ второй сборникъ работъ своихъ членовъ. Содержание сборника весьма разнообразно. Три статьи посвящены русской исторіи, три статьи — исторіи русской литературы, одна — философіи и одна — вопросамъ криминалистики.

Проф. Шмурло готовитъ книгу: «Петръ Великій отъ колыбели до Великой Сѣверной войны». Двѣ главы изъ этой будущей книги помѣщены въ Сборникѣ. Здѣсь, во-первыхъ, дается подробное описание всевозможныхъ придворныхъ церемоній и торжествъ, въ которыхъ приходилось принимать участіе малолѣтнему Петру по смерти царя Федора Алексѣевича, сначала одному, потомъ, съ установленіемъ двоецарствія, — совместно съ братомъ Иваномъ. Далѣе проф. Шмурло тщательно прослѣживаетъ послѣдовательное нарастаніе и обостреніе конфликта между Петромъ и Софьей, приведшаго къ паденію Софьи и къ едино-властію Петра. Здѣсь широко использованы дипломатическія донесенія датскаго посланника Горна.

Пишущій эти строки далъ статью съ обзоромъ исторіографіи опричнины Ивана Грознаго и съ изясненіемъ историческаго значенія недавно опубликованныхъ записокъ вѣнца-опричника Шгадена. Историкъ нижегородской ярмарки П. А. Остроуховъ на основанія архивныхъ данныхъ очертилъ дѣятельность конторы государственнаго коммерческаго банка на Нижегородской ярмаркѣ съ 1820 по 1860 г. Проф. Спекторскій ярко вскрываетъ философскія основы міросозерцанія Достоевскаго сравнительно съ міросозерцаніемъ Тургенева и Толстого. Проф. Ляцкій подвергаетъ строгому разбору французскую книгу проф. Легра о русской литературѣ. Съ обширнымъ этюдомъ объ эстетикѣ Пушкина выступаетъ проф. Лапшинъ. Въ этой цѣнной работѣ проанализированы всѣ многочисленныя высказыванія Пушкина въ его стихахъ, письмахъ и теоретическихъ статьяхъ о процессѣ художественнаго творчества, и о задачахъ искусства. Совмѣщеніе философской эрудиціи съ обширными познаніями въ области исторіи литературы дало автору возможность выдвинуть глубоко интересное истолкованіе того, какъ подходилъ Пушкинъ къ пониманію цѣлаго ряда важнѣйшихъ проблемъ эстетики. Обзоръ, представленный И. И. Лапшинымъ, особенно важенъ тѣмъ, что имъ вскрывается въ одно время и глубина и вся широта теоретическихъ интересовъ Пушкина въ области эстетики. Читатель не можетъ не согласиться съ проф. Лапшинымъ, называющимъ Пушкина «наиболѣе философски настроеннымъ изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ».

Проф. Лосскій реконструируетъ ученіе Лейбница о перевоплощеніи и показываетъ, что это ученіе было органически связано со всѣмъ построеніемъ Лейбницевою монадологіи. Проф. Лосскій, самъ примыкающій къ взглядамъ Лейбница на перевоплощеніе, обстоятельно объясняетъ существенное отличіе теоріи перевоплощенія отъ ученія о переселеніи душъ (метампсихозы).

Наконецъ, проф. Маклецовъ разсматриваетъ актуальный въ наше время вопросъ о воздѣйствіи психоаналитики Фрейда на криминалистику. Авторъ тонко отличаетъ здоровое зерно фрейдизма отъ оку-

тывающихъ его увлеченій, иллюзій и произвольныхъ предположеній. Переоцѣнка такъ назыв. «Эдипова комплекса», пансексуализмъ, т. е. сведеніе почти всѣхъ преступныхъ влеченій къ половымъ аффектамъ, — таковы наиболѣе рѣзкія проявленія крайностей фрейдизма. Но благотворное воздѣйствіе на криминалистику Фрейдовой теоріи Маклецовъ усматриваетъ въ томъ, что это направленіе притягиваетъ вниманіе криминалистовъ къ учитыванію всего значенія подсознательныхъ процессовъ въ душѣ преступника, а также выдвигаетъ на первый планъ необходимость тщательной индивидуализаціи при изслѣдованіи преступленій отдѣльныхъ лицъ.

А. Кизеветтеръ.

Die rote Wirtschaft. Probleme und Tatsachen. Ein Sammelwerk herausgegeben von Dr. Gerhard Dobbert. 1932. Im Ost-Europa-Verlag. Königsberg-Berlin. X+283.

Редакторъ настоящаго сборника, молодой нѣмецкій ученый, написавшій нѣсколько работъ о совѣтскихъ финансахъ, Гергардъ Доббертъ попытался этимъ трудомъ помочь нѣмецкому читателю разобраться въ столь для него загадочной русской дѣйствительности. Для обезпеченія болѣе объективности редакторъ счелъ правильнымъ отказаться и отъ сотрудничества совѣтскихъ людей, и отъ сотрудничества эмигрантовъ.

Задача редактора дать претендующую на объективность характеристику русской дѣйствительности оказалась, однако, и для иностранцевъ трудно разрѣшимой. Корни этихъ трудностей хорошо выяснены въ напечатанной въ сборникѣ статьѣ Артура Юста: «Экономическая информация и экономическая пресса». Самостоятельное собраніе въ Россіи матеріаловъ — дѣло не безопасное, — могутъ обвинить въ экономическомъ шпіонажѣ. Большевицскимъ-же матеріаламъ Юстъ даетъ такую характеристику: ни одна большевицская информация, какого-бы рода она ни была, не имѣетъ объективнаго значенія, она носитъ всегда агитаціонный пропагандистскій характеръ или она задается цѣлью организовать массы... Въ виду обилія и разносторонности совѣтскаго матеріала Юстъ все-таки полагаетъ, что на основаніи этого матеріала можно добраться до истины, но при условіи, какъ выражается авторъ, «его діалектической обработки». «Проще и надежнѣе», говоритъ Юстъ, «методъ личной ориентировки при условіи, если квалифікаціи наблюдателя достаточны для критической оцѣнки зрительныхъ впечатлѣній».

Изъ словъ Юста, которыя нельзя не признать справедливыми, трудно видѣть, что только люди, долгіе годы прожившіе въ Россіи, могутъ найти правильные методы той «діалектической обработки» матеріала, которую Юстъ считаетъ необходимой. Этимъ объясняется фактъ, что даже въ Германіи, гдѣ, кажется, имѣются въ изобиліи ученые всевозможныхъ спеціальностей, и гдѣ интересъ къ Россіи исключительно обостренъ, редактору сборника не удалось найти достаточ-

но сотрудниковъ въ средѣ ученыхъ. Большая часть статей принадлежит перу московскихъ корреспондентовъ большихъ иностранныхъ газетъ, нѣкоторыя статьи написаны практиками, преимущественно инженерами, долго жившими въ Россіи.

Книга, въ общемъ, отвѣчаетъ своему назначенію: она знакомитъ иностраннаго читателя съ основными проблемами и фактами хозяйственной жизни современной Россіи. Постольку этотъ сборникъ является нѣкоторымъ противовѣдомъ противъ той грандіозно аранжированной пробольшевистской агитаціи, которой въ большей или меньшей мѣрѣ отравлено все общественное мнѣніе культурнаго міра. Однако, общаго представленія о внутренней природѣ совѣтскаго хозяйства и о тенденціяхъ его развитія читатель на основаніи данного сборника себѣ не составитъ; для этого статьи даже весьма талантливыхъ и добросовѣстныхъ корреспондентовъ еще не достаточны.

Съ точки зрѣнія русскаго читателя этотъ сборникъ интересенъ для характеристики отношенія иностранной интеллигенціи къ русскимъ событіямъ. Редакторъ полагаетъ, что его сборникъ выражаетъ мнѣніе «капиталистически» мыслящей Европы и Америки. И вотъ оказывается, что, по мнѣнію составителей сборника, въ Россіи строится социализмъ по схемѣ Маркса. Авторы сборника не скрываютъ (и въ этомъ достоинство ихъ работы), что русскимъ народнымъ массамъ живется тяжело, что другой народъ, пожалуй, этого-бы не стерпѣлъ. Прежде, чѣмъ перейти къ социализму, народу приходится пройти черезъ періодъ «государственнаго капитализма», при которомъ капиталистическія, въ частности денежныя формы хозяйства сохраняются. Но почти всѣ авторы убѣждены въ томъ, что страданія русскаго народа преходящи, что, если онъ потерпитъ, и если совѣтская власть удержится, то она приведетъ его въ самдѣлшное царство социализма.

Вотъ эта концепція обуславливаетъ рядъ оцѣнокъ русскихъ событий, отъ которыхъ русскаго читателя частенько коробитъ. Когда авторы оцѣниваютъ то или другое явленіе, то они это дѣлаютъ съ точки зрѣнія интересовъ строящагося социализма, какъ какой-то самоцѣли, но не съ точки зрѣнія реальныхъ интересовъ тяжело страдающихъ русскихъ гражданъ; послѣдніе въ счетъ не идутъ тѣмъ болѣе, что они вѣдь молчатъ.

Среди отдѣльныхъ статей заслуживаетъ особаго вниманія статья проф. Ауагена о сельскомъ хозяйствѣ, ибо написалъ ее глубокой знатокъ вопроса, каждое слово котораго имѣетъ исключительный вѣсъ. Для проф. Ауагена характерно также, что онъ рассматриваетъ мѣропріятія совѣтской власти какъ разъ съ точки зрѣнія реальныхъ интересовъ русскаго крестьянства. Именно потому, что Ауагенъ въ своихъ обзорахъ, печатавшихся въ журналѣ «Ost-Europa», съ такой точки зрѣнія рассматривалъ принудительную коллективизацію, онъ въ 1930 г. вдругъ... покинулъ свой постъ въ Москвѣ. Очень интересна для русскихъ читателей также статья Георга Клейнова о политикѣ совѣтской власти по отношенію къ иностраннымъ инженерамъ и рабочимъ.

Сборникъ Добберта появится и на другихъ языкахъ. За нимъ должны появиться сборники по вопросамъ культуры и политики. Надо имъ пожелать широкаго распространенія, ибо они все-таки разрываютъ передъ иностранцами тотъ розовый флеръ, которымъ большевики столь ловко прикрываютъ мрачную русскую дѣйствительность. Что касается нашей критики, то она вѣдь русская, какъ нѣмцы выражаются, слишкомъ русская.

Б. Бруцкусъ.

Birmingham Bureau of Research of Russian Economic Conditions.
Russian Department, University of Birmingham. Memorandum N° 1-8.

Издація бюро экономическихъ изслѣдованій хозяйственной жизни СССР при Бирмингемскомъ университетѣ, издаваемая нашимъ соотечественникомъ проф. С. А. Коноваловымъ (при участіи проф. С. Н. Прокоповича, А. М. Байкова, С. Н. Тюрина и др.), заслуживаютъ со стороны русскихъ прежде всего самой глубокой благодарности. Правильное, объективное и документированное изложеніе хозяйственной жизни СССР является однимъ изъ главнѣйшихъ орудій борьбы съ тѣми иллюзіями, которыя создаются за границей о нынѣшней «соціалистической» Россіи. Эти иллюзіи создаются отнюдь не только благодаря предвзятымъ настроеніямъ, но и по причинѣ простой невозможности для иностранца, даже добросовѣстно изучающаго народное хозяйство въ СССР, разобратся въ совѣтскомъ официальном матеріалѣ, который дается не столько для того, чтобы отразить дѣйствительность, а больше для того, чтобы эту дѣйствительность скрыть. Ибо вѣдь статистика въ СССР — это боевой органъ классовой политики.

Мы должны признать, что въ выпущенныхъ меморандумахъ прежде всего очень удачно подобраны самыя темы. Пятилѣтній планъ, принудительный трудъ, внѣшняя торговля, платежеспособность — эти вопросы представляютъ для иностранныхъ государствъ не только теоретическій интересъ, но имѣютъ и серьезное практическое значеніе. Добавимъ, что разработка отдѣльныхъ вопросовъ совѣтской экономики, данная въ меморандумахъ, представляетъ большой интересъ не только для иностранца, но и для русскихъ экономистовъ.

Въ заслугу бирмингемскимъ изданіямъ надо поставить и то, что, помимо удачнаго подбора темъ и обстоятельной ихъ трактовки, меморандумы избѣжали весьма распространеннаго въ русскихъ изданіяхъ на иностранныхъ языкахъ явленія, заключающагося въ попыткѣ учить иностранцевъ, превращать свои изданія въ проповѣдь о правилахъ поведенія Европы въ отношеніи къ совѣтской власти. Такого рода попытки всегда ослабляли цѣнность изданій, а не повышали ихъ качество и значеніе. Наша задача дать въ руки иностранца документъ, документъ объективный, неопровержимый. Бирмингемскія изданія, намъ кажется, пошли именно по этому правильному пути и тѣмъ при-

влекли къ себѣ вниманіе, въ особенности въ Англии, гдѣ получили особенное распространеніе и приобрѣли характеръ дѣлового справочника для всѣхъ тѣхъ, кто серьезно желаетъ узнать о состояніи народнаго хозяйства въ Россіи. А. М.

А. П. Марковъ. — Кризисъ сельскаго хозяйства въ СССР. Съ предисловіемъ П. Н. Милюкова. Изд. Респ.-Дем. Объед. Парижъ, 1933.

Довѣріе, съ которымъ въ извѣстной части эмиграціи встрѣчаются всевозможныя совѣтскія легенды о коллективизаціи, по истинѣ поразительно. Еще недавно то была легенда о добровольности массового вхожденія крестьянства въ колхозы. И мы слышали глубокомысленныя разсужденія о томъ, что небывалый «успѣхъ» коллективизаціи былъ бы невозможенъ безъ сочувственнаго отношенія къ ней крестьянства. Въ настоящее время уже никто, повидимому, не оспариваетъ, насильственнаго характера коллективизаціи, — большевническіе методы созданія колхознаго «энгузіазма» у крестьянъ больше ни для кого не секретъ. Колхозная легенда, однако, не исчезаетъ, она лишь мѣняетъ аргументацію: пусть, говорятъ, коллективизація проводится принудительно, но, утверждаютъ, во имя объективности мы должны признать, что она явилась причиной необычайнаго подъема русскаго сельскаго хозяйства. Доказательства тому — краснорѣчивыя цифры совѣтской статистики.

Разоблачать апологію новаго крѣпостничества — задача не легкая при томъ, что единственнымъ источникомъ свѣдѣній остается монополярная казенная печать. Къ тому же и эмигрантская экономическая литература не посвящаетъ коллективизаціи всего заслуженнаго ей вниманія. Если не говорить о статьяхъ въ общей прессѣ да о нѣсколькихъ эпизодическихъ обзорахъ въ экономическихъ бюллетеняхъ, можно назвать лишь единственную работу на эту тему — вышедшую въ прошломъ году на нѣмецкомъ языкѣ книгу О. Доманевской «Agrarsozialismus in Sowjetrussland», книгу, дающую интересный фактическій матеріалъ, но въ концѣ испорченную нестерпимой марксистской тенденціозностью автора *).

Тѣмъ болѣе основаній привѣтствовать выходъ въ свѣтъ небольшой, но очень содержательной книжки проф. Маркова, посвященной современному кризису сельскаго хозяйства въ Россіи. Общедоступная по изложенію, написанная въ спокойномъ, объективномъ тонѣ, брошюра Маркова даетъ трезвый и реалистическій анализъ совѣтскихъ данныхъ двухъ послѣдовательныхъ періодовъ, — эпохи Нэпа и современной массовой коллективизаціи. Авторъ скупъ на теоретическія разсужденія и широкія обобщенія, онъ заставляетъ говорить только

*) Только что вышла на нѣмецкомъ же языкѣ коллективная работа Б. Бруцкуса, В. Полетики и А. Угрюмова «Die Getreidewirtschaft in den Trockenen Gebieten Russlands». О ней мы надѣемся дать отзывъ въ одной изъ слѣдующихъ книгъ «Совр. Записокъ».

цифры. Но изъ простаго сопоставленія двухъ рядовъ цифръ съ необходимостью вытекають дѣлаемые имъ выводы: принудительная коллективизація приводитъ крестьянское хозяйство къ глубокому развалу, единственный выходъ изъ котораго — въ раскрѣпощеніи крестьянства, въ возвращеніи ему свободы хозяйствованія.

До сихъ мы совершенно согласны съ авторомъ. Болѣе спорнымъ представляется намъ защищаемый Марковымъ взглядъ, что необходимымъ для возрожденія крестьянскаго хозяйства условіемъ является восстановленіе въ Россіи частной земельной собственности. Намъ понятны мотивы, руководящіе авторомъ при этомъ и мы раздѣляемъ ихъ: въ самомъ дѣлѣ, необходимо возможно болѣе полно обезпечить крестьянству независимость хозяйствованія, чтобы вернуть ему стимулъ личной заинтересованности въ успѣхѣ производства. Но является ли институтъ частной земельной собственности для этого средствомъ единственнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ? А связанное съ этимъ вовлеченіе крестьянскихъ земель въ свободный торговый оборотъ не угрожаетъ ли новымъ закабаленіемъ или обезземеленіемъ массъ крестьянъ, и безъ того въ совѣтскихъ условіяхъ утратившихъ хозяйственную устойчивость?

Мы полагаемъ поэтому, что въ общихъ интересахъ русскаго народнаго хозяйства, въ частности въ цѣляхъ охраны независимаго трудового хозяйства, за государствомъ непремѣнно должно быть оставлено верховное распоряженіе всѣмъ земельнымъ фондомъ, не только лѣсами и нѣдрами, но и землями с.-х. назначенія. И не на переходный только періодъ, какъ того требуетъ аграрная программа РДО, къ которой отсылаетъ во введеніи къ брошюрѣ П. Н. Милкоковъ, а принципиально, навсегда. Национализація земли въ такихъ умѣренныхъ и гибкихъ формахъ, какъ, напр., она была провозглашена въ совѣтскомъ Земельномъ Кодексѣ 1922 г., не менѣе, чѣмъ институтъ земельной собственности, способна обезпечить крестьянству устойчивость землепользованія и право распоряженія продуктами собственнаго труда, не подвергая его въ то же время опасности искусственнаго обезземеленія.

Правда, первѣйшей предпосылкой для этого является то, чего сейчасъ нѣтъ въ Россіи: наличность прочнаго правового строя и честной народной власти. Но это уже то основное и необходимое условіе, безъ котораго никакой вообще земельный порядокъ не способенъ вывести русское крестьянство изъ страшнаго тупика, куда его завели большевики.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМ. ЗАПИСОКЪ».

- М. Алдановъ. Земли, люди. Берлинъ. Изд. «Петрополисъ».
- Альбертъ Стеффенъ. Паденіе Антихриста. «Водолей». Парижъ.
- Записки Соціалдемократа. № 16. Парижъ.
- А. Остромировъ. Н. Ф. Федоровъ. 1828-1903-1928.
- А. Остромировъ. Н. Ф. Федоровъ и Современность. В. 2 и 3. Харбинъ.
- И. Эренбургъ. Москва слезамъ не вѣритъ. «Геликонъ», 1933.
- И. Эренбургъ. Испанія. «Геликонъ». 1933.
- Бюллетень Экон. Кабинета С. Н. Прокоповича № 98, 99, 100.
- Ю. Фельзенъ. Счастье. Романъ. Изд. «Парабола». Берлинъ, 1932.
- Джемсъ Парксъ. Евреи среди народовъ. УМСА-Прессъ. Парижъ, 1932.
- Новый Градь № 5.
- Ф. И. Шалигинъ. Маска и Душа. Изд. «Совр. Зап.». Парижъ, 1932.
- В. В. Сиринъ. Подъигъ. Изд. «Совр. Зап.». Парижъ, 1932.
- Третья Россія. № 2. Парижъ, 1932.
- Романъ Гуль. Тухачевскій. Изд. «Парабола».
- Л. Троцкий. Исторія русск. револ. т. II, ч. 1 и 2. Изд. «Гранитъ». Берлинъ.
- Научные Труды Русск. Народ. Университета въ Прагѣ. т. IV. 1931.
- Л. Гросманъ. Достоевскій за рулеткой. Изд. Культура и Жизнь. 1932.
- Философски Прегледъ кн. 5. 1932.
- Православный Календарь. Изд. «Добро». Варшава, 1932.
- А. Гассельблатъ. Зѣфирный ликъ. Изд. «Добро». 1932.
- В. Мяхотинъ. Прикрѣп. крест. лѣвобер. Украины Софія, 1932.
- Д. Мережковскій. Исусъ Неизвѣстный. Т. 1. Бѣлградъ.
- Соціалистическій Вѣстникъ № 19, 20, 21, 22, 23.
- Л. Д. Теплицкій. Юдея. Парижъ, 1932.
- Несторъ Феодосьевъ. Илья Бѣженецъ. Поэма эмигрант. Новый Садъ.
- Русскій Сокольскій Вѣстникъ. № 4-5 (34-35). Прага, 1932.
- Путь № 36. Парижъ, 1932.
- Н. А. Парманинъ. Учебно-исслѣд. методъ въ школьн. естествознаніи.
- Г. Г. Гежелинскій. Объ искусствѣ. Парижъ, 1933.
- И. И. Серебренниковъ. Текущій китайск. фольклоръ. Тяньдзинъ, 1932.
- Die rote Wirtschaft*. Ost-Europa-Verlag. Berlin, 1932.
- Hrvatska Revija* N° N° 10, 11, 12 — 1932' N° 1 -- 1933.
- A. Puzsין. Jezdziec Miedziany. Studium Lednickiego. Warszawa.
- M. Kurtzschinsky. Zur Frage des Kapitalprofits. Tartu, 1932.
- B. Brutzkus, W. Poletika und A. Ugrinoff. Die Getreidewirtschaft in den Trockengebieten Russlands. Berlin, 1932.
- Le Monde Slave*. N° N° 7, 8, 9, 10 с 1932.
- La Cultura*. Fasc. III, IV. Roma, 1932.
- Fondone. Martin Heidegger. Sur la route de Dostoyewski. Marseille.
- Orient und Occident*. N° N° 11 et 12.
- CJLACC*, doc. anticomm. N° N° 9, 10, 11, 12, 13, 14. Bruxelles.
- Slovansky Prehled*. N° 7. Praha, 1932.
- D. Kotsovsky. Le problème de la vieillesse en Sociologie. N°-V-VI.
- P. Milloukoff, Ch. Seignobôs et L. Eisenmann. Histoire de Russie.
T. I et II. Ed. E. Leroux, Paris, 1932.
- E. Volkman. La révolution allemande. Ed. Plon. Parsi, 1932.

основанный Н. Д. Авксентьевымъ, И. И. Бунаковымъ, М. В. Вишнякомъ,
А. И. Гуковскимъ (†), В. В. Рудневымъ.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леоняда Андреева, М. Алданова, К. Бальмонта, И. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Гозданова, Г. Гребенщикова, Д. Мережковского, Б. Зайцева, Е. Замятина, П. Иванова, І. Матусевича, С. Минцлова, Мих. Осоргина, Георгия Пескова, А. Ремизова, Н. Рощина, В. Сириня, Д. Скобцова, Ив. Соколова-Микитова, С. Соколь-Слободского, Ф. Степуна, Ильи Сургучева, Ю. Терапиано, гр. А. Толстого, Софїи Федорченко, Е. Чиркова, Ив. Шмелева, С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Бальмонта, Н. Берберовой, И. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, И. Голенищева-Кутузова, А. Головиной, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандievской, Д. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Н. Ландау, Сергѣя Маковского, Ю. Мандельштама, А. Несмѣлова, Н. Оцупа, В. Познера, Б. Поплавскаго, В. Сириня, В. Смоленскаго, П. Соловьевой (Allegro), Ф. Сологуба, Ю. Софїева, Е. Тауберъ, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой, А. Эйснера. — Дневники и воспоминанія: Е. Брешковской, О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. Зелзинова, А. Керенскаго, В. Короленко, В. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. Полнера, И. Рѣпина, Ал. Толстой, Льва Толстого, В. Ходасевича, М. Цвѣтаевой, Н. Шкляевой, М. Щербакова. — Статьи по вопросамъ литерат., искусства, философ., полит., эконом. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Авксентьева, М. Алданова, П. Апостола, А. Аргунова, А. Байкалова, К. Бальмонта, А. Бема, Н. Бердяева, П. Бицилли, Е. Богданова, М. Брайкевича, В. Брейтвейта, Б. Бруцкуса, В. Булгакова, И. Бунакова, В. Вейдле, П. Виноградова, М. Вишняка, В. Водовозова, кн. С. Волконскаго, Н. Ганца, М. Гершензона, С. Гессена, Б. Гефдингга, М. Гофмана, М. Гошиллера, К. Грюнвальда, А. Гуковскаго (А. Сѣверова), К. Гулькевича, Г. Гурвича, Ю. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Діонео, Н. Долинскаго, С. Жаба, С. Загорскаго, С. Завадскаго, П. Зернова, В. Зѣньковскаго, Ст. Ивановича (В. Талина), С. Иванова, Л. Карсакина, С. Карцевскаго, К. Качоронскаго, А. Керенскаго, А. Кизеветтера, С. Кобякова, А. Койранскаго, В. Короленко, С. Корфа, Ант. Крайняго, М. Кроля, А. Кулишера, Е. Кусковой, В. Ладыженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. Леонтьева, Г. Ловцкаго, Н. Лосскаго, С. Лурье, Г. Лунна, В. Маклакова, А. Мандельштама, С. Мельгунова, С. Метельникова, П. Милокова, Н. Минскаго, Б. Миркина-Гецевича, А. Михельсона, П. Муратова, В. Мякотина, Л. Неманова, С. Николаева, бар. Б. Нольде, А. Орлова, М. Осоргина, Н. Мельниковой-Папоушекъ, А. Петришова, П. Пильскаго, С. Полякова-Литовцева, П. Прокофьева, Л. Пумпянскаго, А. Пѣшехонова, Ф. Родичева, М. Ростовцева, В. Руднева, С. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святополкъ-Мирскаго, М. Слонима, Б. Соколова, Д. Соколычева, С. Соловейчика, П. Сорокина, Ф. Степуна, Н. Тимашева, С. Тюрина, А. Ульяновъ, Г. Федотова, Г. Флоровскаго, Д. Чижевскаго, А. Чупрова, И. Хераскова, М. Цетлина, Б. Шацкаго, Л. Шестова, Б. Шлецера, Е. Юрьевскаго, Ив. Якушева и др.

Revue paraissant tous les 3 mois.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

6, Rue Daviel, PARIS (XIIIe)

Téléphone : GOBELINS 48-87

Из-во „Современныя Записки“

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

- И. А. Бунинъ: Жизнь Арсеньева (Романъ).
И. А. Бунинъ: Избранныя стихотворенія.
И. А. Бунинъ: Божье древо.
И. А. Бунинъ: Тѣнь птицы.
Б. К. Зайцевъ: Анна (Романъ).
М. А. Алдановъ: Ключъ (Романъ).
М. А. Алдановъ: Десятая симфонія (Романъ).
М. А. Осоргинъ: Повѣсть о сестрѣ.
М. А. Осоргинъ: Чудо на озерѣ.
Ф. А. Степунъ: Николай Переслѣгинъ.
Георгій Песковъ: Памяти твоей (Разказы).
Гал. Кузнецова: Утро (Разказы).
А. Ладнинскій: Черное и голубое (Стихи).
Т. И. Полнеръ: Толстой и его жена.
В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ (Худож. біографія).
В. А. Маклаковъ: Левъ Толстой.
Левъ Шестовъ: На вѣсахъ Іова.
В. М. Зензиновъ: Безпризорныя дѣти.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. II ч. 1.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. II ч. 2.
П. Н. Милюковъ: Очерки по ист. русск. культуры т. III.
М. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востокѣ.
Б. Э. Нольде: Далекое и близкое.
М. В. Вишнякъ: Два пути (Февраль и Октябрь).
Ст. Ивановичъ: Красная армія.
Сборникъ, посвящ. 175-лѣтію Московск. Университета.
Н. Лосскій: Тилы міровоззрѣній.
Н. А. Бердяевъ: О назначеніи человѣка.
Ф. И. Шаляпинъ: Воспоминанія.
М. В. Вишнякъ: Всероссійское Учредительное Собраніе.
М. О. Цетлинъ: Декабристы.
В. В. Сиринъ: Подвигъ (Романъ).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- В. В. Сиринъ: Соглядатай (Романъ).
В. А. Маклаковъ: Изъ прошлаго.
П. Н. Милюковъ: Очерки по исторіи русск. культуры т. I.

Заказы принимаются въ конторѣ издательства
и въ книжномъ дѣлѣ «Родникъ»: Éditions
«La Source», 34, г. de Godot-de-Maugro, PARIS (IXe)